БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

VI.

Digitized by the Internet Archive
in 2013 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://archive.org/details/bibliotekadliach06senk

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕНОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Баратынскаго. Барона Брамбеуса. Ѳ. В. Булгарина. А. Ѳ. Воейкова. Ѳ. Н. Глинки. Н. И. Греча. В. И. Григоровича. Д. В. Давыдова. И. И. Давыдова. В. А. Жуковскаго. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Каченовскаго. И. В. Кирѣевскаго. Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кукольника. М. Е. Лобанова. М. А. Максимовича. А. И. Максимовича. Марлинскаго. К. И. Масальскаго. А. Н. Михайловскаго-Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ѳ. Одоевскаго. А. Н. Очкина. В. И. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погорѣльскаго. Н. А. Полеваго. А. С. Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго-Панько. П. П. Свиньина. О. И. Сенковскаго. П. П. Скобелева. П. М. Снегирева. П. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Ѳедорова. Гр. Д. И. Хвостова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова. В. Н. Щастнаго. Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева. И. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 1834 года Сентября 27 дня.

Ценсоръ *В. Семеновъ.*

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭЗІЯ.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА
ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ I.

Къ чему всеобщее волненье
Во градѣ, созданномъ Петромъ,
Передъ дворцемъ Еговѣ пѣнье
И на Невѣ орудій громъ?
Къ чему полночные герои
Стоятъ сомкнувшись тѣсно въ строи?
Къ чему стекается народъ,
Изъ странъ далекихъ привлеченный? —
Великому, въ сей день священный,
Великій память воздаетъ.

Предметъ всеобщаго восторга,
Предметъ безчисленныхъ похвалъ,
Давно ль Тебя какъ полубога
Міръ цѣлый радостно встрѣчалъ!
Давно ль изъ края въ край вселенной
Лишь Ты гремѣлъ, Благословенный!
Когда Твой славный минулъ вѣкъ,
Другъ другу мы не довѣряли
И, мнится, смертью лишь познали,
Что Ты былъ также человѣкъ.

Приносятъ дань страны чужія
Великой памяти Твоей.
Европа знаетъ дни былые,
Союзомъ связанныхъ Царей,
Когда, рука съ рукой державной,
Ты съ ними текъ стезею славной,
Стезей неслыханныхъ побѣдъ:
Твой каждый шагъ купила битва!
И раздавалася молитва
Спасенныхъ царствъ Тебѣ во слѣдъ.

Подъ звукъ Твоей гремящей славы,
При блескѣ вѣковѣчныхъ дѣлъ,
Въ преемникѣ Твоей державы
Гигантскій замыселъ созрѣлъ —
И величавый, и прекрасный!
Кумиромъ ставъ земли подвластной,
Ея сыновъ постигнулъ Онъ;
Извѣдалъ духъ Его великій,
Что мысль любимаго Владыки
Они исполнятъ безъ препонъ.

По-Русски брата Царь прославилъ.
Изъ нѣдръ земли Онъ взялъ скалу
И предъ дворцемъ своимъ поставилъ.

Вѣковъ губительную мглу
Минетъ планеты сей обломокъ!
Я зрю, какъ поздній мой потомокъ
Стоитъ, невольно пораженъ,
Гиганта взоромъ измѣряя, —
И тихо имя Николая
Съ благоговѣньемъ шепчетъ онъ.

Но вотъ — народъ склонилъ колѣни,
Святою вѣрою горя!...
И вдругъ, какъ-бы при видѣ тѣни
Благословеннаго Царя,
Ура! — промчалось вдоль эѳира.
Какой пѣвецъ, какая лира
Воспѣть достойна торжество,
Гдѣ Русь, сквозь слезы умиленья,
Свершаетъ теплыя моленья
И Царь предъ ней какъ божество!

М. МАРКОВЪ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ.

Въ день Его тезоименитства.

=

Надежда Русскаго народа!
Звѣзда полночныя страны!
Потомокъ доблестнаго рода,
Подъ чьей державой свершены
Дѣянья славы. Въ день блаженный,
Въ сей день ихъ памяти святой
Нашъ Невскій, нашъ Благословенный,
Блестятъ, Наслѣдникъ, предъ тобой.

И съ торжествомъ возникло пѣнье;
Стремится Вѣра въ свѣтлый храмъ;
Царя и Русскихъ умиленье
Возноситъ ангелъ къ небесамъ.
Предсталъ владѣтель полуміра,
Кипитъ блистающая рать,
Гранитъ готовъ, въ сѣни эѳира,
Вѣка, народы удивлять.

И громъ на сушѣ раздается,
И громъ бросаютъ корабли,
Пылаетъ кровь и сердце бьется
На славу, въ честь родной земли.
И въ ихъ надзвѣздной, горней сѣни,
Земную родину любя, —
Взгляни! — двухъ Александровъ тѣни
Съ небесъ взираютъ на тебя.

Владѣя подданныхъ сердцами,
Какъ благодать, Ихъ жизнь цвѣла.
Да будутъ вѣчно образцами
Двухъ предковъ славныя дѣла.
Тебѣ Имъ вслѣдъ стремиться должно,
И вслѣдъ державнаго Отца:
Умножь еще, когда возможно,
Сіянье Русскаго вѣнца.

Одинъ — вождемъ на бранномъ полѣ,
Въ Ордѣ народныхъ правъ щитомъ,
Великъ въ бояхъ и въ мирной долѣ,
Смирялся духомъ предъ крестомъ, —
И онъ противниковъ грозою,
На свѣтлыхъ Невскихъ берегахъ
Вѣнчался славою земною,
Нетлѣнной славой въ небесахъ.

Другой, какъ ангелъ утѣшенья,
На радость взору и сердцамъ,
Былъ посланъ небомъ на спасенье
Землѣ родной, чужимъ странамъ;
Не устрашенъ пришельцевъ тмою,
Спасая край родимой свой,
Онъ спасъ высокою душою
Законы Истины святой.

Предъ Нимъ палъ вождь непобѣдимый,
Парижъ надменный сверженъ въ прахъ,
И нашъ орелъ неотразимый
Ужъ вѣетъ на его стѣнахъ;
Вступилъ, — враждебному народу
Блаженство съ миромъ возвратилъ,
И угнетенныхъ царствъ свободу
Пожаръ Московскій озарилъ.

И преселясь, по царствѣ славномъ,
Отъ насъ въ удѣлъ безсмертный свой,
Онъ ожилъ въ Братѣ намъ державномъ
И въ той красѣ, и съ той душой:
И духъ вождя, и гражданина,
Сіяетъ намъ въ Царѣ младомъ,
И жаръ священный семьянина,
Подъ свѣтлымъ благостью вѣнцомъ.

Война вдругъ праведно пылаетъ,
И новый край Россіи данъ;
И дерзкій блескъ луна теряетъ
И перейденъ уже Балканъ;
И предъ Стамбуломъ онъ явился
Какъ Божій гнѣвъ съ огнемъ, мечемъ,
Но милосердъ, — остановился,
И удержалъ въ десницѣ громъ.

О, славенъ тотъ, кто въ ратномъ полѣ
Мечемъ побѣдъ войну пресѣкъ;
Но тотъ славнѣй, кто, на престолѣ,
И мудрый Царь, и человѣкъ;
Кто льетъ щедротой дни златые,
И въ сердцѣ кто хранить возмогъ
Тѣ добродѣтели святыя,
Которыхъ образомъ, Самъ Богъ.

И я, колѣни преклоняя,
Я чувство родины дѣлю,
За вѣнценосца Николая
Всѣхъ благъ Подателя молю,
И за Царицу, нашу радость,
Любовь Его безцѣнныхъ дней,
И за Твою святую младость,
Весны и радуги яснѣй.

И сердце Русское трепещетъ,
Народной славою кипитъ,
Она какъ солнце всюду блещетъ,
Вездѣ и всѣмъ благотворитъ.
Творецъ всего! услышь моленье:
Храни и царство, и Царя;
Надеждамъ дай благословенье.
О, съ нами Богъ! Ура! ура!

30-е Августа. **ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.**

БОЖІЙ СУДЪ.

Былъ непороченъ душей Фридолинъ; онъ въ страхѣ Господнемъ
Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ Саверской.
Правда, весело было служить ей: столь доброправна,
Столь благосклонна графиня была; но и тяжкую должность
Съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ бы, покорствуя Богу.
Съ самаго ранняго утра, до самыя позднія ночи,
Былъ онъ всечасно на службѣ ея, покоя не зная,
Если жъ случалось сказать ей ему: Фридолинъ, успокойся!
Слезы въ его появлялись глазахъ: за нее и мученье
Было бы сладостно сердцу его, и не службой считалъ онъ
Легкую службу. За то и его отличала графиня:
Вѣчно хвалила, и прочимъ слугамъ въ примѣръ подражанья
Ставила; съ нимъ же самимъ она обходилась, какъ съ сыномъ
Мать, а не такъ какъ съ слугой госпожа. И было пріятно
Ей любоваться прекраснымъ, невиннымъ лицемъ Фридолина.
То примѣчая, сокольничій Робертъ досадовалъ; зависть
Грызла его свирѣпую душу. Однажды, съ охоты
Съ графомъ вдвоемъ возвращаяся въ замокъ, Робертъ, лукавымъ
Бѣсомъ прельщенный, вотъ что сказалъ господину, стараясь
Въ сердце его заронить подозрѣнье: «Счастьемъ завиднымъ
«Богъ наградилъ васъ, графъ государь; онъ далъ вамъ въ супругѣ
«Вашей сокровище; нѣтъ ей подобной на свѣтѣ; какъ ангелъ
«Божій прекрасна, добра, цѣломудренна; спитъ спокойно:
«Мыслью никто не посмѣетъ приблизиться къ ней.» Заблистали
Грозно у графа глаза. Что смѣешь ты бредить? сказалъ онъ,
Женская вѣрность слово пустое. На ней опираться
То же, что строить на зыбкой водѣ. Берегися, какъ хочешь,

Все обольститель отыщетъ дорогу къ женскому сердцу.
Вѣра моя на другомъ твердѣйшемъ стоитъ основаньѣ:
Кто помыслить дерзнетъ о женѣ Саверискаго графа?
«Правда, коварно отвѣтствовалъ Робертъ; подобная дерзость
«Только безумному въ голову можетъ зайти. Лишь презрѣнья
«Стоитъ жалкій глупецъ, который, воспитанный въ рабствѣ,
«Смѣетъ глаза подымать на свою госпожу, и, служа ей,
«Въ сердцѣ развратномъ желанья таитъ.» Что слышу! воскликнулъ
Графъ, поблѣднѣвши отъ гнѣва. О комъ говоришь ты? И живъ онъ? —
«Всѣ объ немъ говорятъ, государь! а я, изъ почтенья
«Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно, молчалъ. Что самимъ вамъ
«Въ тайнѣ угодно держать, то должно и для насъ быть священной
«Тайной.» Злодѣй! говори! въ изступленьѣ ужасномъ воскликнулъ
Графъ. Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ правды! Кто этотъ
Дерзкій? «Пажъ Фридолинъ! Онъ молодъ, лицемъ миловиденъ
(Такъ шипѣлъ предательски Робертъ, а графа бросало
Въ холодъ и въ жаръ отъ рѣчей ядовитыхъ.) Возможно ль, чтобъ сами
«Вы не видали того, что каждому видно! За нею
«Всюду глазами онъ слѣдуетъ; ей одной, забывая
«Васъ, за столомъ онъ служитъ; за стуломъ ея, какъ волшебной
«Силой какою окованъ, стоитъ онъ и рдѣетъ.
«Онъ и стихи написалъ, и въ нихъ передъ ней признается
«Въ нѣжной любви.» Признается! «И дажс молить о взаимномъ
«Чувствѣ дерзаетъ. Конечно графиня, по кротости сердца,
«Скрыла отъ васъ, государь, безумство такое; и самъ я
«Лучше бы сдѣлалъ, когда бы смолчалъ: чего вамъ страшиться?»
Графъ не отвѣтствовалъ: ярость душила его. Приближались
Въ это время они къ огромной литейной палатѣ:

Тамъ постоянно огонь, какъ будто въ адской пучинѣ,
Въ горнахъ пылалъ, и желѣзо, какъ лава кипя, клокотало.
День и ночь работники тамъ суетились вкругъ горновъ,
Пламя питая; какъ вихорь взвивалися искры, свистали
Страшно мѣхи; колесо подъ водою, средь брызжущей пѣны,
Тяжко вертѣлось; и молотъ огромный, гремя безпрестанно,
Самъ, какъ живой, подымался и падалъ. Графъ, подозвавши
Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ сказалъ: исполните въ точности
Волю мою: того, кто первый прійдетъ къ вамъ и спроситъ:
«Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ?» безъ всякой пощады
Бросьте въ огонь, чтобъ его и слѣдовъ не осталось. Съ довольнымъ
Смѣхомъ рабы обѣщались покорствовать графскому слову.
Души ихъ были суровѣй желѣза. Съ удвоеннымъ рвеніемъ снова
Стали работать мѣхами они, и убійствомъ заранѣ
Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной жертвы.
Съ злобною радостью къ графу наушникъ позвалъ Фридолина.
Графъ, увидя его, говоритъ: ты долженъ, не медля ни мало,
Въ лѣсъ пойти и спросить отъ меня у работниковъ горна,
Сдѣлали ль то, что я приказалъ. — Исполнено будетъ,
Скромно отвѣтствуетъ пажъ и готовъ ужъ итти, но подумалъ
Вдругъ: не дастъ ли сму и она приказанья какого?
Вотъ онъ къ графинѣ идетъ и ей говоритъ: господиномъ
Посланъ я въ лѣсъ; но вы моя госпожа; не угодно ль
Будетъ и вамъ чего повелѣть? Ему съ благосклоннымъ
Взоромъ графиня отвѣтствуетъ: другъ мой, къ обѣднѣ хотѣлось
Нынѣ сходить мнѣ, но боленъ мой сынъ; сходи, помолися
Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ, то покайся.
Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ; и еще изъ деревни
Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благовѣстъ: колоколъ звонкимъ
Голосомъ звалъ Христіанъ на молитву. *Отъ встрѣчи Господней*

Ты уклоняться не долженъ, сказалъ онъ, и въ церковь съ смиреннымъ,
Набожнымъ сердцемъ вступилъ; но въ церкви пусто и тихо:
Жатва была, и всѣ поселяне работали въ полѣ.
Тамъ стоялъ священникъ одинъ: никто не явился
Быть на время обѣдни прислужникомъ въ храмѣ. *Господу Богу*
Прежде свой долгъ отдадимъ, потомъ господину. Съ такою
Мыслью усердно онъ началъ служить: священнику ризы,
Столу и сингулумъ подалъ; потомъ приготовилъ святыя
Чаши; потомъ, молитвенникъ взявши, сталъ умиленно
Долгъ исправлять министранта: и тамъ и тутъ на колѣни,
Руки сжавъ, становился, звонилъ въ колокольчикъ, какъ скоро
Провозглашаемо было священное Sanctus; когда же
Тайну священникъ свершилъ, предстоя алтарю, и возвысилъ
Руку, чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя Бога въ безкровной
Жертвѣ, онъ звономъ торжественнымъ то возвѣстилъ, и упали
Всѣ на колѣни предъ Господомъ, въ груди себя поражая,
Тихо молитву творя и крестомъ себя знаменуя.
Такъ до конца литургіи онъ все, что уставлено чиномъ,
Въ храмѣ свершалъ. Наконецъ, окончивши службу святую,
Громко священникъ воскликнулъ: vobiscum dominus, вѣрныхъ
Благословилъ; и вышелъ изъ церкви народъ. Тогда онъ, приведши
Все въ порядокъ, и чаши, и ризы, и книги, и утварь,
Церковь оставилъ, и къ лѣсу пошелъ, и въ добавокъ дорогой
Pater noster двѣнадцать разъ прочиталъ. Подошедши
Къ лѣсу, онъ видитъ огромный, дымящійся горнъ; передъ горномъ,
Черны отъ дыма, стоятъ два работника. Къ нимъ обратяся,
Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ, онъ спросилъ. И оскаливъ
Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали на пламень
Горна. Онъ тамъ! (проревѣлъ синоватый ихъ голосъ) какъ должно,

Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ. Съ такимъ ихъ отвѣтомъ, обратно
Въ замокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя его издалека,
Графъ не повѣрилъ глазамъ. Несчастный! Откуда идешь ты?
«Изъ лѣсу прямо!» — Возможно ль? ты вѣрно промѣшкалъ въ дорогѣ? —
«Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ, графъ государь; повелѣнье
«Ваше принявъ, у моей госпожи, по обычному долгу,
«Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ и ея приказанья?
«Выслушать въ церкви обѣдню она приказала. Исполнивъ
«Волю ея, помолился я тамъ и за здравіе ваше.»
Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ. Но скажи мнѣ, спросилъ онъ,
Что отвѣчали тебѣ? — «Не понятенъ отвѣтъ былъ. Со смѣхомъ
«Было на горнъ мнѣ указано. Тамъ онъ! (сказали) какъ должно,
«Прибранъ, и графъ насъ похвалитъ!« — А Робертъ? спросилъ, леденѣя
Въ ужасѣ графъ. Ты съ нимъ не встрѣчался? Онъ посланъ былъ мною
Въ лѣсъ?—«Государь, ни въ лѣсу ни въ полѣ, нигдѣ я не встрѣтилъ
«Роберта.» — Ну! вскричалъ уничтоженный графъ, опустивши
Въ землю глаза. Самъ Богъ рѣшилъ правосудный! — И съ кроткой
Лаской за руку взявъ Фридолина, съ нимъ вмѣстѣ пошелъ онъ
Прямо къ супругѣ, и ей (хотя сокровеннаго смысла
Рѣчи его она не постигла) сказалъ, представляя
Милаго юношу, робко предъ ними склонившаго очи:
Онъ, какъ дитя, непороченъ! Нѣтъ ангела на небѣ чище.
Врагъ коваренъ, но съ нимъ Господь и Всевышнія силы.

В. ЖУКОВСКІЙ.

ЭЛЕГІЯ.

=

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть — на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

А. ПУШКИНЪ.

НА ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА
АЛЕКСАНДРУ I.

=

«Воздвигну!» Рекъ: — и мощною рукой
Отторгнулъ отъ скалы гигантскую громаду,
И водрузилъ глаголъ о славѣ вѣковой
И завѣщалъ его Петрову граду. —
Вѣка пройдутъ надъ нимъ дивясь и вторя клики:
Благословенному Великій!

30-е Августа. **А. БИСТРОМЪ.**

ПРОЗА.

КАВКАЗСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

ПРОЩАНІЕ СЪ КАСПІЕМЪ.

2 Апрѣля, 1834. Дербендъ.

Я быстро скакалъ по берегу; я предался волѣ бѣшенаго моего скакуна. Прочь съ дороги, прочь!... Брызжутъ искры, пыль кипитъ по слѣду; вѣтеръ уноситъ окрестность! Сладко, легко сердцу летѣть съ быстротою мысли; отрадно убѣгать отъ пространства и времени. О, есть, есть упоеніе въ быстротѣ; есть Поэзія въ скачкѣ, когда свѣтъ бѣжитъ мимо очей, и духъ занимается будто въ восторгѣ любви! Скорость – есть сила, механическая сила всѣхъ вѣковъ и особенно нравственная сила нашего. Скорость есть уже сила, говорю я, а быть сильнымъ обворожительно! Впередъ же, впередъ, конь мой!..... А, ты закусилъ брошенныя удила, ты несешь, ты пытаешь сбить меня! Бей, неси! Я найду звѣря лютѣе тебя для твоего укрощенія....

И я направилъ разъяреннаго карабахца прямо въ прибой Каспійскаго Моря.

Видали ль вы, когда молнія падаетъ въ волны? Одинъ мигъ, – и она погасла. Одинъ мигъ, – и конь мой сталъ середи валовъ, изумленный ихъ ревомъ и плескомъ. Какъ дикіе степные кони, разметавъ гриву на вѣтеръ, стадами рыскали, прядали они кругомъ,

набѣгали, отбѣгали вдаль; и онъ строптиво, недовѣрчиво поводилъ своими раскаленными и черными какъ уголь глазами, вздувалъ дымныя ноздри, обнюхивалъ незнакомыхъ ему товарищей, и, каждый разъ когда всплески расшибались въ пѣну о грудь его, онъ злобно отряхалъ брызги съ ушей, билъ копытомъ песокъ и, оскаливъ зубы, готовился грызнуть неуловимыхъ зачинщиковъ. Я трепалъ его по крутой шеѣ, и наконецъ онъ смирно сталъ, лишь повременно вздрагивая отъ набѣга всплесковъ.

Буйный, сѣверный вѣтеръ гналъ волны свистящими крилами своими на берегъ, какъ гонитъ орелъ лебединое стадо. Сѣро было небо; лучи солнца разсыпались вѣеромъ сквозь летучія струи облаковъ, и порой зажигали бисерною радугою брызги надъ валами. Я склонилъ навстрѣчу этому привѣтному дождю лице свое, я полной грудью вдыхалъ вѣтеръ родины, — и мнѣ чудились, въ гармоническихъ переливахъ его, говоръ родныхъ, давно разлученныхъ со мною, голоса друзей давно погибшихъ для сердца, пѣніе соловьевъ надъ Волховымъ, звонъ столичнаго колокола! Мнѣ казалось, онъ напоенъ дыханіемъ милой, свѣжестью снѣговъ, ароматомъ цвѣтовъ туманной отчизны моей; онъ вѣялъ, пахалъ на меня поминками юности, и на кличъ сердца отозвались всѣ любимыя мечты былаго: онѣ слетѣлись какъ ласточки, засверкали какъ звѣзды, брызнули изъ земли какъ цвѣты. Вы ли это яркія чувства, блестящія грѣзы наяву, огнистыя частицы моего бытія, божественные отрывки времени, которые обнялъ я на мигъ и потерялъ на вѣчно? Вы ли?.... Я жадно желалъ васъ, я долго ждалъ васъ.....

Все исчезло! Только вѣтеръ шумитъ, только бушуетъ море.

Что жъ воспоминаніе какъ не вѣтеръ, вѣющій изъ

минувшаго, играющій волнами воображенья? Счастливъ, кто поймалъ на лету хоть одинъ мигъ этого живаго воспоминанія, будто воскресшую ласточку послѣ оцѣпенѣнія зимы.

Праздникомъ моему сердцу было такое самозабвеніе: то было отрадное чувство, перевитое съ горестною мыслію. Послѣдній разъ передъ разлукой любовался я Каспіемъ: завтра я долженъ сказать ему послѣднее – прости!

Негостепріимное, пустынное, печальное море! я однако жъ съ грустью покидаю тебя. Ты было вѣрнымъ товарищемъ моихъ думъ, неизмѣннымъ наперсникомъ чувствъ моихъ. Въ твои горькія воды лились горькія слезы мои; въ твоихъ кипучихъ волнахъ охлаждалъ я пылкое сердце; къ тебѣ уходилъ отъ людей, бѣжалъ отъ самого себя. Шумъ твоихъ непогодъ заглушалъ, безмолвилъ мои душевныя бури; голосъ человѣка спикалъ передъ величественнымъ глаголомъ Природы, вѣчно однозвучнымъ и всегда разнообразнымъ, нарѣчіемъ знакомымъ и непонятнымъ вмѣстѣ.

Нѣтъ, порой я понималъ тебя, море! Душа разговаривала съ тобой, погруженная въ какую-то магнетическую дрему. Не только отголосокъ, но и отвѣтъ пробуждался въ ней на зовъ твой. Ты шептало мнѣ про свои завѣтныя преданія; я проницалъ въ твои заповѣдные тайники; я разгадывалъ чудеса твоихъ безднъ, бѣгло читалъ твои дивныя руны, которыя пишешь ты зыбью на пескѣ взморья, прибоемъ на груди скалъ. Лестная, напрасная мечта! Съ прежней загадкою уходилъ я съ береговъ твоихъ. Многимъ и часто раскрываешь ты лоно свое, но какъ могилу, не какъ книгу. Подобно небу ты замкнуто для опыта; подобно ему ты доступно лишь мысли, безпрестанно измѣнчивой и такъ нерѣдко обманчивой. Еще таки

человѣкъ вооруженнымъ взоромъ проникъ до млечнаго пути и буравомъ пронзилъ глубоко оболочку земную; но чей глазъ, чей лотъ досягнулъ до дна твоихъ хлябей? Кто, до сихъ поръ, срывалъ твое влажное покрывало? Бѣдный человѣкъ! ты осужденъ собирать раковинки на берегахъ океана, и напрасно расточать свою премудрость, разгадывая кусочки морской смолы [1] или зерна жемчуга [2]. Неизмѣримый вѣчный сфинксъ пожираетъ тебя, какъ скоро ты дерзнешь покататься на его хребтѣ и не сумѣешь понять его языка, разгадать его загадокъ. Вездѣ, всегда любилъ я море. Я любилъ и люблю его тиши, когда бездна, сомкнувшись зеркаломъ, молчитъ словно полная, какою-то божественною думою; и дномъ ея — лежатъ небеса, и звѣзды плаваютъ въ ея влагѣ. Люблю я зыбь его дыханія и бой жизни въ вѣчнооюномъ, лазуревомъ его лонѣ, всеобновляющемъ, всеочищающемъ. Люблю его туманы, которые посылаетъ оно жаждущей землѣ, черезъ небо, гдѣ морскія воды теряютъ горечь свою. Но больше всего, страстнѣе всего, люблю я бури и грозы на морѣ. Люблю ихъ въ часъ дня, когда солнце пробиваетъ лучемъ черныя тучи и огненнымъ каскадомъ обливаетъ купы валовъ, рыщущихъ по влажной стенѣ; другія съ боя тѣснятся въ свѣтлозарный кругъ, загораются, воютъ отъ ужаса, и стремглавъ окунаются въ глубь, чтобъ затушить

[1] Въ самомъ дѣлѣ, что такое янтарь? Древесная смола, говорятъ минералоги: но почему жъ она теперь не плавится? почему до сихъ поръ не нашли въ нѣдрахъ горъ этого *междупотопнаго* ископаемаго?...

[2] Страхъ люблю Ученыхъ! кому-то изъ нихъ вздумалось сказать, что жемчугъ есть болѣзнь перламутра, и всѣ набожно повторяютъ это сказаніе, не разсуждая ни мало, что болѣзни свойственны только органической природѣ, а черепъ жемчужной устрицы не что иное какъ известнякъ. Если называть болѣзнію образованіе, почти всеобщее въ ихъ родѣ, жемчужныхъ зеренъ, то прійдется причислить къ бородавкамъ всѣ капельники, натеки и сталактиты.

пламенѣющія кудри; другія перегоняются съ косатками, чудовищами, которыя съ безобразіемъ моржа соединяютъ быстроту ласточки *. Иные бросаютъ снопы радугъ въ грудь смѣлаго корабля, презирающаго всѣ стихіи, и землю, отъ которой отторгся, и воздухъ, который разсѣкаетъ, и воду, которую топчетъ онъ. Гордо бросается онъ въ битву съ валами, рѣжетъ, разшибаетъ, мнетъ ихъ, такъ, что кажется, будто великаны зыбей, набѣгая на него съ угрозою, ниспадаютъ съ блестящею улыбкой, разсыпаются врозь какъ прахъ, летящій съ колеса!

Люблю ихъ и въ часъ ночи, когда блѣдный мѣсяцъ подымаетъ изъ-за тучъ свой черепъ какъ мертвецъ изъ могилы, и неслышно идетъ по небу, влача за собой черезъ море бѣлый саванъ. Тогда валы возникаютъ какъ тѣни Оссіановскихъ героевъ, въ вороненой бронѣ съ бѣлыми кудрями по плечамъ, со звѣздами брызговъ надъ шлемомъ. Яростно бѣгутъ они въ бой, гонятъ, достигаютъ другъ друга; сшибаются, сверкаютъ сталью и падаютъ въ ночь, раздавленные другими ратниками, ихъ настигшими! А тамъ, вдали, грозно гуляютъ исполины смерти, надѣвъ тучу вмѣсто шлема, и пѣня въ молоко бездну моря стопами: еще шагъ, и онъ задавитъ корабль!... но перунъ грянулъ, адъ и небо дрогнули отголосками; смотрите! — исполинъ палъ, застрѣленный молніею.

Люблю видѣть безсильный гнѣвъ твой, море, на каменные берега, непускающіе тебя залить землю. Ты крутишься и шипишь тогда, какъ змѣй, уязвляя пяту скалъ. Ты прядаешь на нихъ и грызешь ихъ,

* Косатки, или дельфины, плаваютъ съ невѣроятною быстротою, то прямо, то чрезъ голову колесомъ, и въ пять минутъ нерѣдко скрываются изъ виду. Замѣчательно, что дельфинъ и ласточка, быстрѣйшіе до сихъ поръ извѣстные плаватели, имѣютъ одинаковое устроеніе тѣла: полукругъ, для разрѣза влаги, и клинъ, чтобъ она скользила назадъ. Лучшіе корабли ходоки строятся наподобіе дельфина.

какъ тигръ, съ ревомъ и воемъ. Какъ хитрый человѣкъ; подрываешься ты подъ ихъ основы, точишь, пилишь, разстравляешь раны, нанесенныя временемъ; неутомимо разишь своими влажными перунами. Ты хочешь поглотить, затопить по-прежнему землю, когда-то въ тебѣ зачатую, и потомъ неразъ тобой покрытую. Прочь, второй Сатурнъ! тебѣ не пожрать своего дитяти; ты далъ ему лишь тѣло, но Богъ вдохнулъ въ него душу, – человѣка. Ей ли, ему ли быть жертвою стихій?...

Да! я видѣлъ не одно море, и полюбилъ всѣ, которыя видѣлъ; но тебя, Каспій, но тебя – болѣе другихъ: ты былъ моимъ единственнымъ другомъ въ несчастіи; ты хранилъ и тѣло, и духъ мой, отъ истлѣнія. Какъ обломокъ кораблекрушенія выброшенъ былъ я бурею на пустынный берегъ Природы, и, одинокъ, я нелестно узналъ ее, и научился безкорыстно наслаждаться ею. Я не ждалъ жатвы полей или добычи лѣса; я не вымучивалъ у моря ни рыбъ, ни драгоцѣнностей; я не искалъ въ немъ средствъ жизни или свѣтскихъ прихотей; я просилъ у него совѣтовъ для разумѣнія жизни, для обузданія прихотей. Не овладѣть стихіями, а сродниться съ ними жаждалъ я; и сладостенъ былъ бракъ сердца, – сына земли, съ мыслію, – дочерью неба.... Здѣсь человѣкъ не заслонялъ отъ меня Природы; толпа не мѣшала мнѣ сливаться со вселенною. Она ясно отражалась на душѣ моей, я сладостно терялся въ ея неизмѣримомъ кругу; границы между *я* и *она* исчезали. Самозабвеніе сплавляло въ одно безмятежное, тихое, святое наслажденіе, – частную и общую жизнь; распускало каплю времени въ океанѣ вѣчности.

Но кромѣ того меня влекло къ тебѣ сходство твоей судьбы съ моею судьбою. Ниже другихъ и горче

другихъ твои воды [1]. Заключено въ песчаную тюрьму дикихъ береговъ, ты одинокое стонешь, не сливая волнъ твоихъ ни съ кѣмъ. Ты не вѣдаешь ни прилива, ни отлива, и даже въ порывѣ гнѣва не можешь перебросить буруна своего за черту, указанную тебѣ перстомъ довѣчнымъ. И кто знаетъ, какъ поглощаешь ты столько огромныхъ рѣкъ, падающихъ въ жерло твое, столь мало отдавая дани воздуху? И кто разгадалъ твои огнедышащіе подводные волканы, рядомъ съ волканами, извергающими грязь [2]? Кто скажетъ намъ, сколько народовъ, потерявшихъ имя, протекло по забережьямъ и по волнамъ твоимъ? сколько безъименныхъ жертвъ пожрано твоей пучиной? На тебѣ нѣтъ слѣду первыхъ, нѣтъ крови вторыхъ: только гдѣ-гдѣ обломки, изверженные на берегъ, знаменуютъ, сколько драгоцѣннаго похоронено въ твоей глубинѣ.

Не лѣта, а бури бросаютъ морщины на чело твое, бури — страсти небесъ. Страшенъ, мутенъ, шуменъ бываешь ты тогда: за то, порой, прозрачный и тихій, ты даешь лучамъ солнечнымъ и взорамъ человѣка купаться въ своемъ лонѣ, и засыпаешь, играя раковинками приморья какъ младенецъ, напѣвая лепетомъ самъ себѣ колыбельную пѣсню!

Да, Каспій! во мнѣ есть много стихій твоихъ, въ те-

[1] Гумбольдтъ доказалъ, что поверхность Каспійскаго моря, ниже горизонта другихъ морей, кажется, 300 футовъ: слѣдовательно, мнѣніе, будто оно имѣетъ подземную связь съ Индійскимъ Океаномъ, падаетъ само собою; если бъ это существовало, оно необходимо пришло бы въ уровень съ другими. Воды океана содержатъ отъ 30 до 45 частей соли на 1000; Каспій до 60 на 1000. Мертвое Море до 440 на 1000. Жаръ не имѣетъ вліянія на соленость океана, но всегдашній холодъ полюсовъ осаждаетъ изъ воды соль прежде ея замерзанія.

[2] Сопки, извергающія грязь, находятся почти на всѣхъ островахъ сосѣднихъ Бакѣ, а огненные фонтаны, бьющіе изъ моря, на Каспіи не въ рѣдкость.

бѣ много моего, много кромѣ воли и познанія вещей. Ты не можешь быть иначе какъ есть, — а я могъ!.... Скажу вмѣстѣ съ Байрономъ: «Терны, мною пожатые, взлелѣяны собственною рукою: они грызутъ меня, кровь брызжетъ. Пускай! Развѣ не зналъ я, каковы плоды должны созрѣть отъ подобнаго сѣмени!» [1]

Величественъ вѣнецъ изъ лучей, плѣнителенъ изъ вѣтвей лавра или дуба, милъ изъ благовонныхъ цвѣтовъ: но чѣмъ же не вѣнокъ изъ терновъ?...

Прощай, Касній, — еще разъ, прощай! Я желалъ видѣть тебя, а увидалъ нехотя. Не охотно разстаюсь я съ тобой, но свидѣться опять не хочу.... Развѣ ты постелешь волны свои широкимъ путемъ на родину!

Я послѣдній разъ взглянулъ на грозную, прекрасную картину бурнаго моря. Валы широкими грядами катились къ берегу, вздымали головы, загибали всплески, и, кипя, распрыскивались въ пѣну о плиты и башни сбитой ими стѣны [2], взбѣгали на песокъ, и потомъ далеко обнажали его. Какой-то туманный дождь сорванныхъ вихремъ верхушекъ клубился надъ поверхностію моря, — а оно, яркій хамелеонъ, зеленѣло, синѣло, бѣлѣлось, сверкало и меркло мгновенно....

Когда я, скрѣпивъ сердце, поворотилъ коня, мнѣ показалось, будто море и вѣтеръ слили свою гармонію въ жалобу, будто волны какъ маленькіе братья прядали, просились ко мнѣ на сѣдло. Я далъ повода, и обрадованный конь однимъ прыжкомъ вынесъ меня на сушу.....

Когда я въѣхалъ въ городъ, щеки мои были влажны, — но не отъ брызговъ моря.

[1] Child Harold's pilgrimage.

[2] Несомнѣнно, что древнія Дербентскія стѣны далеко входили въ море, и сомкнуты были плотиной съ воротами, которая образовала за собой безопасную пристань. Часто плавая и ныряя тамъ, я, можно сказать, осязалъ ихъ основанія.

II.

ГОРНАЯ ДОРОГА ИЗЪ ДАГЕСТАНА ВЪ ШИРВАНЪ ЧРЕЗЪ КУНАКЕНТЫ.

=

11 Апрѣля, 1834. Шамаха.

Долой съ коня! — нѣтъ возможности держаться въ сѣдлѣ по такой крути. Иду, и кованные каблуки мои скользятъ по камнямъ, грудь хочетъ разорваться отъ напряженія, — да мнѣ это не первинка! Завиваю хвостъ коня около руки, и конь почти волокомъ взноситъ меня въ гору; нечего сказать: премилое средство совершать живописныя путешествія! Пригласилъ бы я съ собой какого-нибудь Петербургскаго щеголя, протанцовать галопадъ по этимъ острымъ кремнямъ: передъ лицемъ — подковы лошади; справа утесъ, котораго такъ и подмываетъ рухнуть вамъ на голову; слѣва обрывъ до дна ада; назади крутая, витая, скользкая лѣстница, построенная водопадами подъ руководствомъ Кавказскихъ чертей, — и, если онъ не разлетится въ курительный порошекъ отъ здѣшнихъ вихрей, или не изорвется въ папильотки на шипахъ скалъ и терновниковъ, до полу-дороги, то навѣрно ему на полжизни станетъ разсказовъ и на всю жизнь раскаянія. За то, что за дивные виды на каждомъ шагу, при каждомъ поворотѣ ущелія! Проложите сюда чугунную дорогу, освѣтите газомъ пещеры — логовища барсовъ, нажарьте изъ нихъ котлетовъ на парахъ, и постройте гостинницы тамъ, гдѣ блеститъ теперь винтовка горскаго разбойника, — такъ будьте увѣрены что Англинскіе милорды и набобы не пожалѣютъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, за виды, которыми пользуюсь я теперь за восемь копѣекъ на версту *.

* За Кавказомъ поверстная плата на лошадь и версту 2 коп. серебромъ, равно по большимъ и проселочнымъ дорогамъ.

Рѣдѣетъ лѣсъ, и я безъ сожалѣнія раскланиваюсь съ нимъ; онъ нагъ, онъ не одѣлся еще въ общій мундиръ весны, — въ зелень. Онъ не даетъ ни пріюту отъ дождя, ни тѣни отъ солнца. Немногіе, заржавленные непогодою пни провожаютъ меня до границы лѣсорастенія, и машутъ какъ вѣдьмы длинными сухими космами плюща. Теперь ужъ около меня однѣ купы кустарниковъ вылѣзли изъ разсѣлинъ, будто кочующія семьи цыганъ, и грѣются на солнышкѣ; а вотъ эти два терна вцѣпились другъ другу въ волосы, — ни дать ни взять наши Русскіе мужички на ярмаркѣ; а вотъ ужъ только чахлый вересъ качаетъ головою, словно не вѣритъ, дожить ли ему до завтра, и потихоньку кашляетъ отъ вѣтра. Вотъ одинъ мохъ краснѣетъ по скаламъ, точно румяна по щекамъ старушки. Это уже послѣдняя борьба органической жизни съ неорганическою Природою: далѣе Природа спитъ безпробуднымъ, каменнымъ сномъ, завернувшись въ саванъ вѣчнаго снѣга; далѣе уже ростутъ одни знаки восклицанія, и водятся только вѣтры вьюги и восторги чувствительныхъ путешественниковъ.

Какъ ни расположенъ я былъ шутить всѣмъ и надо всѣми, но когда достигъ до вершины хребта, отдѣляющаго Кубинскую область отъ Шамахинской, когда оглянулся кругомъ, я обомлѣлъ отъ наслажденія, какъ-будто неожиданно встрѣтивъ глазъ наглазъ ее, — душу моей души; какъ-будто ангелъ принесъ мнѣ вѣсть прощенія. Здѣсь, да! здѣсь, гдѣ больше неба, чѣмъ земли, человѣкъ долженъ съ досадою бросить кисть и рѣзецъ; забыть свой блѣдный, бѣдный, нищенскій языкъ. Нѣтъ силы выразить, нѣтъ средства удержать въ себѣ чувства удивленія, которое заставляетъ нерекипать сердце черезъ край; которое зажигаетъ душу и разсыпаетъ ее врозь лучами.....

Взгляните на востокъ: тамъ, вдали, въ глубинѣ, между синью неба и дали, видите ли вы, какъ яснѣетъ полоса оживленнаго серебра? Это Каспійское Море. Но кто скажетъ, гдѣ границы горъ съ моремъ; гдѣ кончится море, и начинается небо? Вотъ она, – эта гармонія, слышимая одной душѣ, сливающая въ одинъ ладъ, въ одинъ блескъ и земное и небесное. Вотъ радуга прекраснаго, возникающая какъ мостъ между міромъ и Богомъ.

Любуюсь вновь и вновь.... Прекрасно! До того прекрасно, что невольныя слезы навертываются на глазахъ. Солнце вровень со мною, словно горящій корабль, плыветъ въ яхонтовомъ океанѣ воздуха, прыщетъ, пышитъ лучами, льетъ позолоту свѣта, наводитъ чернеть тѣней на далекіе волнистые хребты. Изъ-за нихъ, кой-гдѣ пробивается молодая зелень полей, а по ней узорно вьются ручьи и рѣчки, и вся эта картина улыбается вамъ изъ мрачныхъ рамъ ущелія, живая, яркая, блестящая, какъ вешній сонъ юноши; недоступная и далекая какъ потерянный край Эдема. Лучами и кругами расходятся отъ меня горы, выникаютъ, выглядываютъ другъ изъ-за друга; то иззубренныя дождями, то пробитыя навылетъ трещинами, видѣ чернѣя дремучимъ лѣсомъ, тамъ красуясь полосами снѣговъ или разсыпаясь въ холмы, которые, какъ эмиры въ зеленыхъ чалмахъ, сидятъ подъ тѣнію палатъ Падишаха міра.

А между-тѣмъ облака тянутся надъ хребтами, какъ вереницы перелетныхъ гусей; или взбираются по ребрамъ утесовъ подобныя стадамъ горскихъ овновъ, оставляя пряди волны своей на острыхъ, какъ терпія, гребняхъ; или отдыхаютъ какъ верблюжій караванъ, богатый грузомъ дождей, у башни Керванъ-Сарая. Вотъ одна туча, расширивъ крылья словно бѣлый орелъ, зыблется надъ пропастью, хочетъ пасть и за-

сыпать ее..... Другая ужъ пала, и замерзла на темѣ Шахъ-Дага, но не теперь, — нѣтъ, въ день творенія! Такая жъ туча и подъ ногами моими: снѣгъ ея такъ чистъ, что грѣхъ пятнать его слѣдомъ своимъ. Боишься дохнуть, чтобъ не затмитъ паромъ этого свѣтлаго неба, чтобъ не заразить тлетворнымъ дыханіемъ человѣка тонкій нагорный воздухъ. И кажется, право, здѣсь никогда еще не былъ человѣкъ: такъ все дико, пустынно и дѣвственно кругомъ! Нигдѣ не видать ни замка, ни города, ни селенья; нигдѣ ни борозды, ни дороги. По крутизнамъ чуть замѣтны кой-гдѣ черные слѣды молній, да стежки, проторенныя вешними потоками; и одни лишь потоки говорятъ съ окрестностью, свергаясь по камнямъ или низвергая ихъ долу; да ропщетъ лѣсъ, да вѣтеръ свищетъ порою. Не слышно подковы путника или топора селянина: здѣсь царствуетъ Природа, а не люди.

Но прійдетъ время, люди найдутъ на тебя, и ты упьешься ихъ потомъ, какъ теперь росою небесъ, и они заселятъ твои завѣтныя ущелія и тѣснины, запылятъ тебя высѣвками общественной жизни, загрязнятъ, притопчутъ до самой маковки; источатъ твое сердце рудниками и каменоломнями, извлекутъ наружу твои внутренности; выворотятъ, исказятъ, обстригутъ тебя; увѣшаютъ побрякушками своего ничтожества, заставятъ работать на свою жадность, сдѣлаютъ тебя наемникомъ своихъ прихотей; научатъ вѣтры горъ свистать свои жалкія пѣсни, принудятъ водопады твои молоть кофе, и въ дѣвственныхъ снѣгахъ твоихъ станутъ холодить мороженое. Конечно, человѣкъ выиграетъ, но поэтъ проиграетъ въ эту перемѣну. Онъ не найдетъ тогда ни одного пустыннаго уголка, гдѣ бы спрятать отъ свѣта сердце свое, гдѣ бы могъ онъ наединѣ вдохнуть въ себя Природу, и на свободѣ выплакать душу звуками. Мелочные люди выживутъ даже

шакаловъ изъ пещеръ, отнимутъ гнѣзда у орловъ, и подложатъ въ нихъ кукушкины пестрыя яица: однимъ словомъ и наконецъ, удобство убьетъ величіе равно въ области мысли, какъ въ области общежитія. Ты будешь краснѣе, Кавказъ, но будешь ли ты прекраснѣе? Ты можешь стать лучше, – но лучше такъ какъ есть!

Мнѣ такъ отрадно и легко, – такъ легко, что кажется, будто изъ плечъ моихъ развиваются, разцвѣтаютъ крылья; кажется, стоитъ ударить пятой въ этотъ порогъ небожителей, и улетѣть за взорами въ небо, умчаться домой, къ звѣздамъ-сестрамъ! О, великую, божественную мысль зарыла Природа въ сердцѣ горъ, этихъ каменныхъ исполиновъ земли; чистою радостью увѣнчала ихъ темя! Здѣсь понимаешь передъ ними съ благоговѣніемъ, потому что достигаешь сюда съ опасностію, потому что отсюда легче разгадываешь ея промыслъ. Снизу, глядя на эту громаду горъ, изумленіе поражаетъ человѣка; но сверху уже удивленіе, то есть, сознаніе прекраснаго овладѣваетъ вами,–сознаніе гордое и независимое, потому что оно склоняется предъ тѣмъ, что лучше насъ. Прекрасное есть заря истиннаго, а истинное лучъ божества, преломленный о вѣчность. Вотъ почему это чувство возникаетъ въ душѣ, какъ воспоминаніе былаго! Оно знакомо, оно родственно ей. Гляжу на Кавказъ - и, кажется, я не впервые здѣсь; кажется, колыбель моя качалась волнами вонъ того водопада, и вѣтры горъ убаюкивали меня въ сонъ; кажется, я бродилъ по этимъ хребтамъ во дни моего ребячества, когда Божій міръ былъ моимъ ровесникомъ!!

И кто жъ сказалъ, что я не былъ ровесникомъ міру? Развѣ пылинки, составляющіе мое тѣло не современны ему? Развѣ душа моя не жила довѣчно въ лонѣ Провидѣнія?.....

Спускаюсь къ Ширвани, странѣ солнца, самой богатой хлѣбомъ въ Кавказской Области. Передо мной развивается изумрудное море холмовъ, пересѣченное черными хребтами, и задвинутое отъ сѣвера заснѣженными горами Лезгистана, Казикумукомъ и Ели-су; отъ запада стѣною Карабахскихъ горъ. Конь мой скользитъ на хвостѣ, или мѣтко перепрядываетъ съ обломка скалы на другой обломокъ, заваливающій узенькую тропинку, по которой и черезъ которую съ шумомъ несутся ручьи тающихъ снѣговъ. Иногда, огибая уголъ утеса, онъ храпитъ и пятится назадъ отъ испуга, не находя опоры для копытъ, — а пропасть ущелія зіяетъ и рычитъ внизу, какъ пасть чудовища, какъ гортань неизмѣримаго удава, котораго обаятельное дыханіе непреодолимо влечетъ къ себѣ жертву изъ глуби лѣса, и можетъ высосать жаворонка даже изъ выси небесъ. Брось повода, отдай свою душу Богу, а тѣло коню; не пускай своего взора слетѣть съ края пропасти, въ которую боится заглянуть самое солнце, не пускай, или онъ увлечетъ за собою и сердце твое .....
.....,...

— Чапаръ-Ханъ! * гдѣ же Шайтанъ-кюприсси, чортовъ мостъ, которымъ меня столько пугали? Гдѣ онъ? Или сбѣжалъ какъ самъ его строитель, въ отчаяніи отъ хитрости и смѣлости человѣка?

— Мы ужъ давно его переѣхали, отвѣчаетъ погонщикъ.

Такъ бываетъ со всѣми нашими страхами: ждешь ихъ лицемъ къ лицу, — глядь, ужъ они за нами!

— Однако жъ, говоритъ словоохотный чапаръ очень довольный, что я завелъ съ нимъ рѣчь: однако жъ,

* *Чапаръ*, гонецъ, извощикъ, погонщикъ. *Чапаръ-хане* — почтовой дворъ.

ага, чорту въ самомъ дѣлѣ не стало житья отъ нашего брата, человѣка. Съ вашего приказа сказать, жилъ онъ сперва при дворѣ Персидскаго Падишаха, но такъ какъ онъ не сумѣлъ хвостомъ своимъ выводить такіе же выкрутасы, какъ выводятъ мирзы на ферманахъ, и спина его не смогла сгибаться въ 25 перевертовъ, какъ у всякаго придворнаго, такъ его бѣднягу отдубасили однажды по пятамъ и вытолкнули за высокій порогъ Шегиншаха [1]. Съ разбитымъ носомъ и поджавши хвостикъ удралъ, убѣжалъ онъ въ городъ [2]. «Дай-ка, подумалъ онъ, пущусь я въ торговлю. Горожане народъ глупый: я видалъ, какъ придворная сволочь надуваетъ ихъ, и на сладкія слова удитъ червончики изъ ихъ кармановъ.» Вотъ и продалъ онъ ножевщику рога свои на черенки, вмѣсто оленьихъ. Радъ чортъ абасамъ, — а не знаетъ того, что они оловянные. Поймали, схватили его чауши съ поддѣльными деньгами, — никто не беретъ чорта на поруки, — давай фелакку [3], валяй его по пятамъ. Насилу вырвался; бѣжитъ, миляга, безъ оглядки въ поле. Гадаетъ, думаетъ, умомъ разумомъ раскидываетъ. Заживу, говоритъ, съ поселянами. Поселяне люди простые, черные, темные: обмануть ихъ — бездѣлка; ихъ развѣ лѣнивый не обманываетъ!» Вотъ и попадается ему навстрѣчу мужичокъ. — *Селямъ алейкюмъ — Алейкюмъ селямъ!* — Куда идешь, добрый человѣкъ? — Вдоль по дорогѣ. — Славная погода! — Да, лучше нельзя выдумать для того, кто хочетъ утопиться! — Аа, подумалъ чортъ: фазанъ самъ летитъ на ястреба; не уйдетъ моихъ когтей его душенька. Надо

[1] Государя-Государей.

[2] Восточные народы безпрестанно употребляютъ плеоназмы: *Гюръ, бахъ*, гляди, смотри, *Ишляды, куртарды*, сдѣлалъ, кончилъ, и т. п., вы услышите десять разъ на минуту.

[3] Фелакка, доска съ двумя скважинами, въ которыя продѣваютъ ноги виновнаго: вздергиваютъ пяты вверхъ и бьютъ палками.

поживиться хоть чугой его *, покуда онъ вживѣ. – А съ чего тебѣ припала охота топиться? спрашиваетъ чортъ ослянина. – Да ѣсть нечего!... такъ хоть напиться вдоволь. – Хорошо, братъ, и это: а если я помогу тебѣ?–О, такъ навѣчно я рабъ твой! Ты мой будешь ханъ, господинъ, отецъ родной, *валлахъ*, *биллахъ*, *таллахъ!*–Послушай, мужичокъ! вотъ что мы сдѣлаемъ: купимъ сѣмянъ, да засѣемъ полс; это твое дѣло; только три четверти урожаю мнѣ, а четверть тебѣ. Согласенъ ли ты? – У мужичка сыплются искры изъ глазъ отъ радости, а сердце словно медомъ обливается. – Не только три четверти, я все что взойдетъ сверхъ земли, тебѣ отдаю: съ меня довольно и корней. – По сказанному, какъ по писанному, ударили по рукамъ. Чортъ заложилъ одному факиру шубу свою за два томана. Накупилъ мужичокъ сѣмянъ петрушки и рѣдьки, моркови и рѣпки, засѣялъ огородъ въ три переклика; а чортъ мой ночей не спитъ, днемъ не присядетъ, таскаетъ воду, отпугиваетъ воробьевъ и безъ кожи дрожитъ; все барышей дожидается. Поспѣло все, сняли все на огородѣ. Мужикъ, человѣкъ совѣстный, отдалъ всю траву чорту сполна, себѣ взялъ одни коренья. Диво да и только чорту – мужикъ разъѣлся и разжился, а его травы и на базаръ не пускаютъ. «Постой, разсуждаетъ онъ: теперь меня не проведешь. Я въ одинъ разъ на два раза умнѣе сталъ.» Опять идетъ къ мужичку, опять даетъ ему сѣмянъ. – Только, пріятель: говоритъ, не осуди; въ это лѣто бери себѣ стебель, а корень-то изволь отдать мнѣ. Мужикъ ударилъ рукой въ руку.–И то дѣло! говоритъ онъ: надо квитъ на квитъ навести. – Сѣетъ онъ; только сѣетъ не овощи, а жита. Взошло все какъ изумрудъ, налилось какъ золото: жнетъ мужичокъ въ полный серпъ, да посмѣивается, а чортъ дивится пуще прежняго: его кореньковъ даже ослы не ѣдятъ! До-

* *Чуга* — кафтанъ.

гадался однако онъ, и хоть поздо, а вложилъ палецъ въ ротъ. – Ахъ, вы проклятые людишки! вскричалъ бѣсъ, хвостомъ вытирая слезы: меня перехитрили во всемъ, а я же у васъ за все про все виноватъ; на меня вы все-таки вьючите небылицы да напраслины. Живите себѣ одни: я между вами лишній! – Ударился въ землю, и съ тѣхъ поръ у насъ про него ни слуху ни духу. Изъ чортовой кожи, что осталось въ закладѣ у факира, тотъ сшилъ себѣ шубу, и, говорятъ, болтаютъ сосѣди, будто перепродалъ ее нашему кадію.

=

III.

ПОСЛѢДНЯЯ СТАНЦІЯ КЪ СТАРОЙ ШАМАХѢ.

=

Чертовская дорога – божественные виды! Я уплаченъ съ лихвой за всѣ труды и опасности.

Передъ закатомъ солнца примчался я въ небольшую деревушку, – имя ея стерлось, – послѣдній мензиль * къ Шамахѣ. Нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчалъ я такихъ бѣдныхъ мазанокъ и землянокъ: ни деревца подлѣ дома, ни садика кругомъ деревни; должно быть, жители въ лѣтніе жары откочевываютъ въ горы. Впрочемъ, въ Азіи, не то что въ Россіи: близость большихъ городовъ не обогащаетъ, а нищитъ селенія. Надо гонцу коня? – взять изъ подгородной. Надо беку или назиру курочку или барашка? – послать въ подгородную. Задумали вмѣстѣ погулять на свѣжемъ воздухѣ? – ѣдемъ въ подгородную. Окружныя селенья платили дань и гнѣву и радости правителя области. Никто не смѣлъ сказать: – я завтра на своей арбѣ ѣду въ

* *Мензиль* собственно значитъ ямъ, гостинница, станція, но Татары употребляютъ это слово за переѣздъ и за самое разстояніе. Они говорятъ *туфенкъ-мензиль*е, перестрѣль, и *хошъ-мензиль*, выгодный ямъ.

лѣсъ за дровами, – или – дочь моя сего-дня будетъ твоей женою. У селянина не было ничего вѣрнаго кромѣ палокъ и податей; но за то уже палки и подати падали на него безъ счета и безъ завѣта. И между тѣмъ Кавказцы вздыхаютъ по старинѣ! «То-то было золотое времечко!» говорятъ они. О люди, люди! когда и гдѣ уживетесь, помиритесь вы съ настоящимъ?.....

Ущеліе расходится здѣсь долиною. По ней увертывается отъ взоровъ рѣчонка. Окружныя горы уже не обрывисты, какъ слогъ Державина, а закруглены какъ стихи Языкова. Много яркой зелени, – и нигдѣ ни дуба, ни скалы. Лишь кое-гдѣ пролетныя облака случайно бросаютъ поэзію на какую-нибудь вершину. О, я теперь избалованъ Природою какъ счастливый любовникъ, причудливъ какъ знатный баринъ: я и глядѣть не хочу на обыкновенное.

Стада, съ блѣяніемъ и ржаніемъ, возвращались съ паствы. Народъ въ кружку спорилъ и шумѣлъ за очередь; я, раскинувшись на буркѣ, спокойно курилъ трубку, и попеременно затягивался то сладкимъ дымомъ Америки, то чистымъ вечернимъ воздухомъ Азіи. Почти нагіе ребятишки прыгали около меня; подалѣе, ворча съ недовѣрчивостью, огромныя собаки обнюхивали пришельца; еще далѣе женщины черпали большими кувшинами воду, и возвращались, поставя ихъ на голову. Всѣ звенья Природы, начиная отъ мыслящаго существа до безчувственнаго камня, звучали какою-то младенческою, библейскою простотою. Только здѣсь, только на Востокѣ, поймете вы картины и обычаи книгъ Ветхаго Завѣта. Гіероглифъ станетъ для васъ буквою, загадка – живымъ словомъ.

Въ четверть часа все было готово: кони осѣдланы и обовьючены. – Далеко ли въ городъ? – Два агача, бигюмъ – Полно! не слишкомъ ли? – А можетъ

и слишкомъ: кто мѣрялъ! — Глядь на часы, — почти семь. Дай-то Богъ къ ночи поспѣть въ шелковое царство, въ городъ столь знаменитый въ нашихъ пѣсняхъ и сказкахъ, что ни царь-царевичъ, ни король-королевичъ, ни Иванъ купецкой сынъ не смѣли сѣсть на коня безъ «сѣделечка Черкасскаго и уздечки шелку Шемаханскаго».

Подводятъ добрыхъ коней, — добрыхъ потому только, что не кусаются. Ногу въ стремя, нагайку въ руку, — и былъ таковъ! Поднимаюсь на крутой, прекрутой подъемъ высокой превысокой горы. Достигъ вершины, топчу тающій снѣгъ, спѣшу поклониться западающему солнцу за черныя горы Карабаха. Оно уходило какъ паша въ неприступныя ворота своей крѣпости, въ толпѣ янычаръ — облаковъ, блестящихъ золотомъ и багрецомъ. О, нельзя вообразить не видя, нельзя описать увидѣвши, всю прелесть здѣшнихъ сумерекъ! Какой-то нѣжный, прозрачный, фіолетовый туманъ задергиваетъ своею дымкою горы. Какъ сизый голубь слетаетъ съ вышины на родную кровлю, такъ слетаетъ на землю духъ сумерекъ, и вы, кажется, слышите вѣяніе крилъ его, чувствуете на лицѣ росу, имъ отрясенную съ благоуханныхъ перьевъ. И все молчитъ, все, отъ говора Природы до страстей человѣка, будто склоненныхъ въ благоговѣйное безмолвіе молитвы, которую небо встрѣчаетъ благословеніемъ. Да! горы не даромъ были древле первыми храмами, благодареніе единственною молитвою. Мою душу, покрайней-мѣрѣ, какъ цвѣтъ не-тронь-меня, всегда сжимала рука несчастія, и только въ тишинѣ покоя развертывалась она съ ѳиміамомъ мольбы. Когда левъ смерти рыкалъ вблизи, когда молніи за молніями разбивали мое сердце, я, признаюсь, считалъ робостью вымаливать у Всевышняго пощады, я думалъ оскорбить Вѣчную справедливость мыслію, чтобы позднее

раскаяніе или безвременная молитва могли измѣнить судьбы промысла. Я преклонялъ тогда голову, и говорилъ–Да будетъ Твоя воля! Но когда Богъ отгонялъ своимъ дыханіемъ волны моря, и они, расхлынувъ, стѣной стояли вдали, алчныя, но безсильныя пожрать меня; когда мнѣ дарилъ Онъ рѣдкія,–о, какъ рѣдкія минуты!–за то некупленныя, чистыя, святыя минуты радости! – тогда я молился безкорыстною молитвою; и благодарность, эхо благотворительности, извлекала изъ очей сладкія слезы умиленія,–слезы, которыхъ не могло бѣдствіе изъ нихъ высѣчь. Путь жизни моей провела Судьба по тернамъ и камнямъ, сквозь ночь и облака; но и мнѣ порой свѣтили звѣзды, и я умѣлъ благословлять каждый лучъ, до меня достигшій. И чаще всего, и чаще слетали на меня искры благодати, когда я скитался по вершинамъ горъ: я душой постигъ тогда хвалебный гимнъ – «Слава Богу въ вышнихъ и на земли миръ!...»

Съѣзжаю, и опять вздымаюсь на хребты. Земля дремлетъ въ объятіяхъ неба. Какъ прекрасно небо! Гляжу, и не могу наглядѣться,–да и можно ли взоромъ выпить безконечность! можно ли пресытить сердце красотою вѣчной и неподражаемой! Вечеръ неслышнымъ криломъ своимъ стираетъ румянецъ съ лица запада. Облака играютъ по небосклону, и, что мигъ, мѣняютъ свои дивные образы, утопая въ юномъ мракѣ. Ну, право, небо мечтаетъ теперь! облака его походятъ теперь на видѣнія засыпающаго праведника! они принадлежатъ равно землѣ и небу, той и другой жизни! Вотъ и ночь: она щедро осыпала звѣздами сводъ неба, и ярко, но таинственно, сверкаютъ онѣ подъ голубымъ черепомъ: это вѣдь мысли вселенной, вѣчно свѣтлыя, вѣчно неизмѣнныя; это буквы, изъ коихъ мы едва угадываемъ одно цѣлое слово,–и это слово –

Б О Г Ъ!

Ѣдемъ, ѣдемъ: нѣтъ конца дороги. Шамаха раза два выглянула было изъ волнъ тумана, да и захлебнулась имъ. Утонула, бѣдненькая! Я впрочемъ и не одинъ разъ утонулъ было въ болотахъ, въ каждой ложбинкѣ, образованныхъ тающими снѣгами: лошадь вдругъ увязала по грудь, и вытащить ее стоило всякой разъ по крайней мѣрѣ десяти ударовъ плетью и двадцати проклятій Татарскихъ и Русскихъ въ переплетъ. Хоть бы мѣсяцъ взошелъ! Легокъ напоминѣ, онъ какъ-разъ прыгнулъ на небо. Идетъ нейдетъ, свѣтитъ не свѣтитъ; то съ облаками въ гулючки играетъ, то за звѣздочками гоняется,- а вѣдь нѣтъ, чтобы путемъ посвѣтить доброму человѣку! Эй, мѣсяцъ, не забывай своей службы, не ссорься со мною: не то я выведу тебя на чистую прозу!

Начинается разборъ ясному мѣсяцу!

Во первыхъ возрастъ этого стараго франтика очень двусмысленный. Одни говорятъ: онъ можетъ годиться въ дѣдушки землѣ. Служилъ будто въ старинныя времена кометою; шатался какъ вѣчный жидъ по цѣлой вселенной, и мѣнялъ мимоходомъ системы міровъ, какъ мы системы философіи; потомъ будто затянула его центровлекущая страсть земли, и съ тѣхъ поръ онъ остепенился, произведенъ не въ примѣръ прочимъ въ планеты-спутники, и доселѣ волочится за землею; вмѣшивается въ ея приливы и сумасшедшіе домы, пышитъ на нее своими платоническими волканами, да изрѣдка задобриваетъ посылками аэролитовъ и боллитовъ *. Увѣряютъ, что пятна, которыя поэтамъ кажутся глазами и носомъ и ртомъ мѣсяца, а простолю-

* Всегдашняя безоблачность мѣсяца доказываетъ, что тамъ нѣтъ воды, и даже атмосферы подобной нашей. Вотъ почему вѣроятно что лунные волканы могутъ взбросить сквозь рѣдкую среду камни до невѣроятной высоты, такъ, что иные изъ нихъ попадутъ на лучъ земной центровлекущей силы.

днпамъ нашимъ изображеніемъ Каина, осужденнаго, будто-бы, носить вѣкъ трупъ убитаго имъ брата, есть тѣнь огромныхъ лунныхъ горъ и дно рытвинъ, неозаренныхъ солнцемъ. Но всего вѣрнѣе, что эти пятна — морщины старика мѣсяца. Извѣстно, что мягкость и жидкость несомнѣнные признаки или, лучше сказать, неотъемлемыя качества молодости; а онъ изсохъ, какъ остовъ, зачерствѣлъ какъ артельный хлѣбъ, и вѣрно растрескался и сморщился какъ сморчокъ.

Другіе, и между прочими докторъ Велланскій, утверждаютъ, что мѣсяцъ между планетами не старѣе любаго пажа; что у него не прорѣзалась еще на бородѣ растительная жизнь; но что всѣ періоды органической Природы прійдутъ къ нему жидкимъ путемъ, своей чередою; что онъ превратится въ комету, сорвется съ своего 28-дневнаго пути, и въ какой нибудь прекрасный вечеръ мы узнаемъ, что онъ улетѣлъ за тридевять небесъ, путешествовать для образованія ума и сердца. Вотъ тебѣ и поминай какъ звали! Разоренье тогда поэтамъ и будочникамъ: на чемъ тогда будутъ первые печь свои посланія, чѣмъ посыпать свои поэмы? на что надѣясь, воровать будетъ послѣднимъ постное масло изъ фонарей? Многимъ жаль будетъ мѣсяца, а мнѣ право не жаль. Давно бы пора согнать этого лысача съ неба! Таскается себѣ съ фонаремъ, словно частный приставъ, и во всѣ закоулки заглядываетъ. Благодаря его милости, я раза два чуть чуть не попался ревнивцу: ну, да это дѣло прошлое, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Правду сказать, за мѣсяцомъ водятся и добрыя качества: напримѣръ учтивъ, злодѣй, какъ нельзя болѣе; придворный земли, онъ съ роду не оборачивался къ ней задомъ; ухаживаетъ за ней, вертится около, а все глазъ съ нее не сводитъ, вѣчно ей улыбается. Я однако жъ думаю, что онъ, какъ Испанскій гидальго

Рапудо де Колибрадосъ, потому только не показываетъ спины, что она у него еще хуже лица. Впрочемъ это одна догадка, основанная на томъ, что мѣсяцъ любитъ искони блистать на чужой счетъ, и въ долгъ безъ отдачи пользуется лучами солнца, какъ-будто-бы онъ былъ членъ « вѣчнаго цеха » Русскихъ сочинителей, которые тебя обкрадываютъ, да тебя же бранятъ, а когда не стало чужбинки, такъ вырѣзываютъ изъ своей спины лоскуты и подновляютъ ими брюхо.

Какой-то Нѣмецъ, – Нѣмцы хитрый народъ! – наглядѣлъ въ телескопъ, будто въ лунѣ есть крѣпости, построенныя въ видѣ звѣзды; есть дороги и огромная стѣна поперегъ всего ихъ свѣта: «вѣроятно отъ насаднаго вѣтра, который тамъ свирѣпствуетъ вѣчно въ одну сторону», замѣчаетъ преважно Иванъ Иванычъ. Чудная вещь, непонятная вещь! Ну, пускай ужъ на мѣсяцѣ люди, какъ саламандры, могутъ пить пламень вмѣсто воды: да отъ чего жъ, прости Господи, могутъ быть тамъ вѣчные вѣтры, когда нѣтъ воздуха?

Однако жъ, какъ ни безплоденъ, какъ ни безлюдненъ мѣсяцъ, а Александръ Македонскій, которому мало стало одного отца и одного свѣта, страхъ жалѣлъ, что нѣтъ дороги въ эту прекрасную землицу. Онъ хотѣлъ завоевать его, и построить тамъ бивакъ для своей фаланги. Я хоть и не Македонскій, но тѣмъ не менѣе Александръ, и, грѣшный человѣкъ, имѣю самъ страстишку къ завоеваніямъ. Вотъ почему объявляю я въ Ллойдовомъ кофейномъ домѣ, что беру луну за себя, а въ ожиданіи случая на паролетѣ съѣздить туда лично для вступленія во владѣнье по законамъ, дѣлаю *оную* колоніею моихъ мечтаній, загороднымъ домомъ наслажденій моихъ. Да признаться, сказать, и прежде этого объявленія, лучшіе романы моего воображенія совершались на плоскости мѣсяца, какъ лучшія повѣсти моей дѣйствительности на его свѣтѣ.

Я помню ночь, свѣжую благоуханную ночь Сѣвера — свѣтлую ночь Петербурга весною. Это было еще въ ту пору жизни, когда юность растетъ и живетъ не на счетъ земли, а на счетъ воздуха, подобно цвѣтку въ первую пору его взбѣга. Нева колыхалась вдали, облечена въ сотканье сумрака и свѣта; надъ головой лепетали кленовые листья; *она*, первеница моей любви, сконялась головою на грудь мою. Мои объятія обвивали ея станъ какъ поясъ; ея кудри окружали перстнями руки мои; она переливала вздохи мои въ мои уста; мое сердце билось отголоскомъ ея сердца, какъ-будто оно слилось воедино.... То была не минута страсти, но минута упоенія, — долгая, безмятежная, сладостная, минута, въ которую два существа и весь окружный міръ исчезаютъ, сливаясь въ гармоніи и радости. Она подняла томныя очи, и съ нѣгой глядѣла въ меня, и съ обольстительнымъ укоромъ роптала. — «Зачѣмъ ты полюбилъ меня?» — Спроси у мѣсяца, зачѣмъ онъ свѣтитъ, милая! было моимъ отвѣтомъ.... Слова, которыя теперь возбуждаютъ во мнѣ насмѣшливую улыбку, — эти простыя слова были выраженіемъ чистаго, юнаго чувства; вырвались безъ думы изъ души, и проникли въ душу.... новый жаркій поцѣлуй запечатлѣлъ.

О юность, юность! самые пороки твои нерѣдко бываютъ внушеньемъ Природы, а не пряной привычки, не разврата, умышленно подогрѣтаго кислотами. А между прочимъ, что ни говори, будто теплоты въ мѣсячномъ свѣтѣ незамѣтно по самому чувствительному термометру, — я этому не вѣрю. Лучъ мѣсяца можетъ расплавить женское сердце или, по-крайней-мѣрѣ, разогрѣть его до взаимности и до невѣрности, разумѣется, если самое близкое къ ней сердце имѣетъ съ ея сердцемъ химическое сродство. Надо только подбавить къ нимъ нѣсколько сладкихъ словъ, рукопожа-

тій и объятій, да раздуть хорошенько вздохами. Все таки главное разлагающее начало тутъ мѣсяцъ: за что жъ, ради самого Меркурія, за что жъ называютъ луну дѣвственною и цѣломудренною? за что ее отдали въ вѣчное и потомственное владѣніе звѣроловицѣ Діанѣ? Мнѣ до сихъ поръ не удавалось видѣть ночной охоты, по-крайней-мѣрѣ, за звѣрьми. Ну, да пусть такъ: Діана была охотница не до однихъ оленей, и только днемъ травила собаками дерзкихъ Актеоновъ за то, что они заставали ее безъ корсета; а тихомолкомъ ночной порой каталась съ неба цѣловать красавчика Эндиміона. Пускай ужъ не было правды въ языческомъ небѣ: да за что жъ на крещеной землѣ ея не будетъ? Я формально протестую противъ платоническихъ титуловъ мѣсяца, и докажу, что онъ былъ виновникомъ или участникомъ тысячи тысячъ паденій. Замѣтьте, милостивые государи и милостивѣйшія государыни, — это до васъ касается, — замѣтьте par un beau clair de lune, какъ хитро стелетъ онъ дорожки свѣта, заманиваетъ въ непроницаемыя тѣни свои любящихся; какъ замысловато пугаетъ, превращая далекіе предметы въ страшилищъ, для того, чтобъ сблизить любовниковъ; и потомъ какъ льстиво украшаетъ лица ихъ, какъ искусно скрадываетъ недостатки: подъ его лучемъ все прелестно, все очаровательно! А между-тѣмъ онъ льетъ въ васъ свѣжее пламя, какъ мороженый пуншъ; брызжетъ на васъ росинками, будто кузнецъ на уголья, чтобъ сильнѣе разгорѣлись. Будь у меня красавица жена или дочь, ни за что не пущу гулять ихъ по мѣсяцу, ни за что не пущу мѣсяца въ ихъ комнаты.

Да и однимъ ли любовникамъ помогаетъ рогатый и рогоносный мѣсяцъ? Прочтите Базиля Галля, этого Делиля, просоленаго въ морской водѣ, Капитана Базиля Галля, которымъ спятъ и бредятъ Англійскіе и

Французскіе журналы, и вы увидите, что мѣсяцъ плутуетъ нерѣдко за одно съ контрабандистами, и покровительствуетъ морскимъ разбойникамъ, а про земныхъ разбойниковъ, про Горцевъ спросите у меня: я разскажу вамъ много любопытнаго про этихъ рыцарей мѣсяца, хотя они никогда не были кавалерами ордена мѣсяца.

– Кстати, чапаръ! не водятся ли здѣсь разбойники?

– Разбойники? теперь? отвѣчаетъ онъ теперь не слышно! Вотъ ужъ больше мѣсяца не убили ни одного человѣка. Грабить-то грабятъ порой..... Все молодежь тѣшится: ну да это бездѣлицы! *пучъ затъ!* А вотъ встарину.....

– Arrière, гарунъ! назадъ! тубо! Не слушаетъ, бестія! Прочь, говорю я. Ну что жъ встарину, чапаръ?..... Лаетъ себѣ, да и только! Вѣрно на звѣря напалъ.

Лягавая собака моя такъ и заливалась, и, роя землю лапами, махая ушами, то наскакивала, то отпрядывала опять. Уже не разбойникъ ли, чего добраго?..... Я взвелъ курокъ пистолета, ударилъ усталаго коня, и вскакалъ на курганъ, надъ бурьяномъ котораго лаялъ гарунъ приступомъ. Мѣсяцъ билъ прямо на его вершину, и на ней.....

Во всѣхъ горахъ Кавказа есть обычай воздвигать родъ бесѣдокъ надъ могилами *шейховъ*, или *тировъ*, т. е. людей, угодившихъ Аллаху мусульманскимъ благочестіемъ. Нерѣдко ихъ ставятъ въ память умершихъ въ Меккѣ или убитыхъ на войнѣ въ чужбинѣ. Каждый проѣзжій отрываетъ кусочикъ отъ одежды, вяжетъ его на вѣтки, нарочно тамъ воткнутыя, молится за душу покойника, и проситъ у неба счастливаго пути. На курганѣ, на который вскакалъ я, не было часовни, но лежала необтесанная плита, и на ней

человѣческій черепъ, и въ зубахъ этого черепа сверкала какая-то серебрянная монета. Я содрогнулся, глядя на этотъ бездушный остатокъ человѣка. Онъ былъ необыкновенно страшенъ; глаза его будто чернѣлись, зубы скалились; онъ, казалось, поворачивался и отгрызался отъ собаки.....

На зовъ мой чапаръ пріѣхалъ туда же, взглянулъ, и поблѣднѣлъ какъ саванъ. «Аллахъ, Аллахъ! на какое проклятое мѣсто мы заѣхали!... Я держался нарочно вдаль отъ этого кургана, и, смотрите, заѣхалъ къ нему. Ага, это не даромъ! Ага, оторвемъ въ жертву по лоскутку, — и прочь! Аллахъ да сохранитъ насъ!»

И чапаръ, бросивъ жертву, былъ ужъ далеко. Ужасъ написанъ былъ на его лицѣ, когда я догналъ его. Онъ оглядывался, погоняя коня.

— Кто схороненъ въ этой могилѣ, чапаръ? Зачѣмъ противъ правовѣрнаго обычая валяется черепъ на гробовой доскѣ?

— Великій грѣшникъ зарытъ тамъ; великое проклятіе тяготѣетъ надъ этимъ мѣстомъ.....

Мы ѣхали тихо, и чапаръ долго разсказывалъ мнѣ тайную повѣсть о злодѣѣ, котораго души не принялъ самъ адъ, котораго голову извергла земля. Я передамъ вамъ ее:

Черепъ-часовой.

.....

— Кто идетъ? закричалъ часовой у въѣзда въ Шамаху.

Я протиралъ съ изумленіемъ глаза: какъ быстро упалъ я изъ минувшаго къ воротамъ Шамахи, и какъ не кстати! Однако дѣлать нечего *. Я отвѣчалъ:

* Мы очень сожалѣемъ, что неожиданный пріѣздъ въ Шамаху лишилъ насъ повѣсти о «Черепѣ часовомъ», которая уже начиналась и,

– Солдатъ.

– Да кто-именно-съ? прибавилъ часовой, увидя, что я проѣзжій.

– Александръ Марлинскій.

– Пожалуйте открытый листъ!

=

IV
ПЕРЕѢЗДЪ ОТЪ С. ТОПЧИ ВЪ КУТКАШИ.

=

14 Апрѣля, 1834.

.....

Колыбельною иноходью шла моя лошадь, и сердце вздремало, зыблясь на вешнихъ звукахъ и ароматахъ. Глазами я бродилъ кругомъ, но память летала надъ минувшимъ; память занесла меня въ дебри Сибири, на дикій берегъ Лены.

Я поднялъ голову: надо мной склонялось шатромъ унылое, полярное небо; передо мной тянулась цѣпь Кангаласскаго Камня, возникали его хребты, щетинясь кедрами и сосной, какъ стада огромныхъ дикобразовъ. Съ ружьемъ за плечами, задумавшись, стоялъ я верхомъ на берегу одного изъ пустынныхъ озеръ, дремлющихъ вѣчно у подножія Якутскихъ предгорій, стоялъ очарованный дикою поэзіею сѣверной Природы.

безъ-сомнѣнія, была бы столь же прелестна, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера знаменитаго повѣствователя. Но мы можемъ предвѣщать нашимъ читателямъ удовольствіе, тѣмъ большее, что оно не заставитъ долго ждать себя; авторъ, безъ шутокъ, обѣщалъ намъ разсказать дѣла объ этомъ черенѣ, въ непродолжительномъ времени. Мы должны еще порадовать любителей прекраснаго таланта Г. Марлинскаго извѣстіемъ, что онъ имѣетъ намѣреніе, издать вполнѣ дневникъ свой по Кавказъ, который искрестилъ онъ въ разныхъ направленіяхъ, и живописуетъ съ такимъ эффектомъ. *Библ. для Чт.*

То было въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, но уже при начаткахъ зимы. Листъ палъ, или падалъ, съ жалобнымъ шорохомъ отрываемый вѣтромъ отъ родныхъ вѣтокъ. Нагія березы и тальники дрожали, казалось отъ холода, и тѣснились въ частыя купы. Въ облакахъ, чуть видимы, неслись клиновидныя вереницы запоздалыхъ, усталыхъ гусей, летящихъ къ новому лѣта Юга, — неслись, роняя на вѣтеръ печальные крики. Далекій городъ за густой занавѣсой тумана то возникалъ со своими башнями и колокольнями, то испарялся будто мечтаніе сна. Слѣва, изъ одной пади вился дымокъ бѣлою струйкою, — вѣрно съ юрты бѣднаго Якута, — и онъ былъ единственнымъ признакомъ человѣка въ пустырѣ, гдѣ дорогу никогда не рѣзало колесо, а землю рало; все, кромѣ этого дыма, было мертво и пусто кругомъ; вопросъ остался бы тамъ безъ отвѣта, кликъ безъ отголоска.

И вотъ облака стали падать клубами ниже и ниже, будто сѣрые волки, отряхая дождь съ мохнатой шубы. Онъ сѣялся мелкими зернами, и тихо, тихохонько, падалъ туманомъ, не возмущая поверхности озера, не колебля сухаго листа, который обвизывалъ онъ изморозью. Вдругъ пахнулъ вѣтерокъ изъ ущелія, и тамъ, гдѣ за мигъ волновались полупрозрачные пары, леталъ и плавалъ уже бѣлый снѣжокъ, легкій, чистый, блестящій, будто пухъ прямо съ крыльевъ ангела, не померклый еще отъ прикосновенія къ землѣ. Онъ порхалъ, онъ кружилъ, онъ вился и вздымался опять, будто не рѣшаясь разстаться съ воздухомъ, будто не хотя упасть на болото. Еще повѣвъ вѣтерка, еще взоръ; и все измѣнило видъ, все засіяло: косвенные лучи солнца пронзили облако и зажгли снѣжный туманъ яркими полосами. Казалось, млечный путь, со своими міріадами звѣздъ просыпался съ неба или солнце вылилось изъ него цвѣтами сѣвернаго сіянія!

Кристаллы нія, перемѣшанные съ каплями дождя, то сверкали золотомъ и пурпуромъ въ оранжевой струѣ свѣта, то померкали яхонтами въ фіолетовой полосѣ; и вновь загорались, и опять гасли. Каждое дыханіе холода изъ пасти ущелія заставляло блѣднѣть этотъ потокъ замерзающаго воздуха и оживляющаго свѣта; каждый приливъ лучей растоплялъ снѣгъ въ алмазныя искры, между тѣмъ какъ золотыя нити отъ облаковъ до земли сновались и перевивались. Наконецъ начало оцѣпенѣнія перемогло: мгла задушила небосклонъ, все померкло. Снѣгъ уже падалъ хлопьями, опушая вмѣсто листьевъ деревья и прибрежный тростникъ озера, тусклаго какъ свинецъ. Вотъ двѣ дикія утки свистя крыльями, пали на него. Я осторожно снялъ съ плеча ружье, нацѣлилъ, и, бацъ, съ сѣдла..... Выстрѣлъ сверкнулъ и грянулъ глухо: на срединѣ озерка, взрытаго дробью, трепетались несчастныя пташки..... – «Пиль, нептунъ!»

Я очнулся.

И не леденѣющая, не безжизненная Природа Полюса, но оживающая, но живая, воскресшая Природа Востока красовалась передо мною; свѣжая прелестію весны, полна желаній и обѣтовъ, какъ невѣста. Она блещетъ, цвѣтетъ, поетъ жаворонкомъ, воркуетъ горлицею, вздыхаетъ нѣгою наслажденія въ вѣтеркѣ, кипитъ ключемъ. Влюбленное солнце пьетъ ея ароматическое дыханіе, нѣжитъ ее теплотою, цѣлуетъ лучами, и съ каждымъ поцѣлуемъ печатлѣетъ новыя красоты на ея смѣющемся личикѣ. О, моя душечка, ты обворожительна теперь! Со всѣмъ уваженіемъ къ чужой собственности, я готовъ кинуться на грудь твою съ сѣдла, и обнять тебя, расцѣловать тебя. Да! электрическій огонь восточной весны льетъ кипятокъ юности въ грудь, бросаетъ измѣнническія искры причудъ въ зарядный ящикъ воображенія. Въ воздухѣ

слышится чей-то милый голосъ, атласный шелестъ какого-то платья, благоуханный повѣвъ прерывнаго дыханія. Сердце замираетъ, духъ занимается: оглянулся, — ѣдешь въ скучномъ сотовариществѣ собственной тѣни!..... Мое почтеніе!

Я очнулся отъ того, что прямо въ лицо мнѣ рубилъ крупный дождикъ, хоть солнце пекло и сіяло: вы бы сказали, воздухъ таетъ каплями нѣги, и эти капли, едва касались деревьямъ и лугу; на лету превращались въ зеленые листики, въ бѣлые, въ розовые, въ лиловые цвѣты; раскидывались вѣеромъ, вспыхивали букетами, обвивались гроздами; трепетали крыльшиками какъ бабочки; распушались перьями колибри. Казалось, летучая радуга разбилась въ дребезги, и, принявъ цвѣточное тѣло, улеглась, раскинулась на землѣ. Въ одинъ мигъ, точь въ точь театральная декорація: чуть зеленѣющій лѣсъ плодовыхъ деревьевъ, вспрыснутый дождемъ, развернулъ свою яркую зелень, убрался въ вѣнокъ цвѣтенья, радостно замахалъ въ воздухѣ своими кудрями и руками. Безъ всякой метафоры, цвѣты распускались подъ стопами и привѣтно помавали головками навстрѣчу. Жаворонки, — небесные колокольчики, звонили въ вышинѣ; по холмамъ весело блѣяли стада барановъ; пахарь далъ вздохнуть быкамъ своимъ, и снявъ шапку, съ благодарнымъ умиленіемъ глядѣлъ на небо, и благодатная влага смывала съ лица его капли ѣдкаго пота. То былъ праздникъ Природы. То была радость человѣку. Земля сверкала и благоухала какъ жертвенникъ!...

— Въ горахъ Лезгистана промчался громъ.

Я оглянулся окрестъ: вся Шекинская долина, цвѣтущая будто украина рая, потоплена была въ волнахъ свѣта. Я взглянулъ направо, на стѣну горъ, дѣля-

щую Шеку отъ Аваріи: тамъ хмурилась черная ночь. Грозовыя тучи съ рокотомъ катились по зубчатому гребню хребта, и стремглавъ свергались въ Кутка-шинское ущеліе, заливая его мутнымъ водопадомъ ливня. Изъ средины ихъ, видѣлось, будто чья-то огромная рука бросается молніями, а сквозь разорванныя тучи мелькаетъ кровавый горизонтъ другаго міра. Вотъ, со скалъ на скалу, черезъ зѣвъ тѣснины перекинулась воздушнымъ мостомъ радуга. Смѣло стояла она въ вышинѣ, ярко играла своими отливами на сизомъ полѣ тучъ. Картина была восхитительна; никогда отъ рожденія не видалъ я и можетъ-быть никогда впередъ не увижу, въ такомъ близкомъ горизонтѣ, дождя при ясномъ солнцѣ, радуги надъ молніею, грозы рядомъ съ вёдромъ!

И я долго любовался этимъ дивнымъ сочетаніемъ,— любовался тѣмъ болѣе, что въ немъ отражалась какъ въ зеркалѣ душа моя!. Надъ бурей судьбы, надъ мракомъ отчаянія возникала радуга надежды, озаряя минувшее утѣшеніемъ, а будущее опытомъ. А тамъ, въ недоступной вышинѣ, всходили къ небу ничѣмъ не омрачаемые, ничѣмъ не возмущаемые ледники, — послѣдняя ступень земли къ небу, символъ чистоты и мира души, цѣль и награда мудраго.

Баловни счастія, поклонники суеты свѣтской, есть ли въ вашихъ галереяхъ такія картины, въ вашихъ дворцахъ такія сокровища, въ вашемъ быту такія наслажденія? Жалкіе самохвалы, вы убили наслажденія, желая собрать или усилить ихъ; вы задушили Природу, стараясь подражать ей; исказили ее, украшая! Могутъ ли краски, вымученныя изъ земли, передать холстинѣ красоты земныя? Могутъ ли благовонія, вываренныя изъ мертвыхъ цвѣтовъ, быть сладостнѣе аромата живыхъ? Для притупленныхъ чувствъ вашихъ нужны бульоны, эссенціи, потрясаю-

щіе звуки, пестрые букеты. Но какой букетъ, скажите мнѣ, выразитъ всю прелесть луга, гдѣ каждая семья цвѣтовъ живетъ въ своемъ кругу растеній; каждая травка есть необходимое звено для стройности цѣлаго, необходимый оттѣнокъ вѣчной мысли Провидѣнія, связывающей полезное съ прекраснымъ!

О, прійдите, пріѣзжайте сюда, полюбуйтесь на эти горы, упейтесь воздухомъ этихъ долинъ, отвѣдайте хоть разъ Природы, и вы признаетесь тогда, какъ смѣшны и ничтожны погремушки, за которыя вы ссорились хуже ребятъ. Ужели ваша мишура лучше радуги; ужели вашъ хрусталь милѣе звѣзды, или вѣнки ваши свѣтлѣе вѣнца Божія? Прійдите! этотъ прекрасный, новый для васъ міръ отданъ вамъ; эти сокровища разсыпаны передъ вами: они чисты и дѣвственны, какъ въ первый часъ изъ купѣли потопа. Наслажденія эти не куплены раскаяніемъ; они не унижаютъ, а высятъ душу; не гнетутъ лице человѣка поклономъ къ землѣ, а умиленіемъ вздымаютъ его къ небесамъ. Вотъ вамъ серебро водопадовъ: на немъ нѣтъ зеленой ржавчины предательства Іуды; вотъ вамъ золото въ перьяхъ фазана: оно не звучитъ укоромъ; вотъ вамъ багрянецъ зари: это не кровь; вотъ алмазы дождя, — они вѣдь не охрусталѣвшія слезы!

Нѣтъ! напрасенъ призывъ: люди любятъ свои оковы и неохотно покидаютъ уютные, раззолоченые гробы, выстроенные ими душѣ своей. Да и зачѣмъ бы они пришли сюда сквозь тысячу опасностей, трудовъ и неудобствъ, зачѣмъ? Могли ли бы ихъ пресыщенныя чувственностію, или окостенѣвшія въ безчувствіи сердца перелетѣть за очарованный кругъ наслажденія Природою?..... Они принесли бы сюда, вмѣсто искренняго, истиннаго удивленія, поддѣльныя похвалы, лицемѣрную скуку; надутые вос-

торги, которые начинаются восклицаніями, а кончатся зѣвками. Или, что хуже того, неспособные ощущать величіе, они бы стали унижать его карикатурами, кощунствовать надъ нимъ съ презрѣніемъ невѣжества; наводить смѣхъ толпы на людей, которые предаются созерцанію, и остро подтрунивать надъ тѣмъ, чего они не въ состояніи постичь, или чему подражать нѣтъ у нихъ душеньки, либо воли. И толпа будетъ рукоплескать имъ: ей странное нравится больше нежели прекрасное, новое больше нежели вѣчное: притомъ же ей страхъ весело, когда ихъ обрызгиваютъ грязью, изъ которой она создана; когда валятъ все высокое въ болото, въ которомъ она квакаетъ.

Песчаныя души! можетъ ли что изящное отразиться или произрасти на нихъ?

Усталая буря ушла въ пещеры Лезгистана; чуть слышно было, какъ она ворчитъ за горами. Облегченныя отъ груза облака улеглись по вершинамъ, а вершины гасли безъ зари, потому что солнце исчезло въ туманномъ западѣ безъ прощанья. И вотъ, изгороды стали чаще, сады гуще, кой-гдѣ проглядывали высокія, соломой крытыя, кровли домовъ изъ зеленаго потопа плодовыхъ и шелковичныхъ деревъ. Вся дорога перерыта была деревянными водопроводными жолобами. Вода сочилась, струилась, журчала вездѣ. Наконецъ, у стопы огромной, зеленью подернутой горы, на поворотѣ въ тѣснину, по обѣимъ сторонамъ небольшой рѣчки, открылось мнѣ мѣстечко Куткаши. Такъ какъ всякой домъ окруженъ особымъ садомъ для шелководства, то селеніе растянуто и разбросано на нѣсколько верстъ, безъ всякаго порядка, безъ улицъ, кромѣ проѣзжей дороги. Переѣхавъ по мостику рѣчку, я долженъ былъ, несмотря на усталость, добраться до самаго конца мѣстеч-

ка, чтобы, по заведенному здѣсь обычаю, предстать передъ свѣтлыя очи бека, одного изъ наличныхъ владѣтельныхъ князей Куткашинскаго магалла. Домъ его, кромѣ величины, ничѣмъ не отличался отъ обывательскихъ; за то обнесенъ былъ каменною стѣною, и у воротъ возвышалась небольшая изъ плитъ съ перилами площадка. Фонтанъ кипѣлъ съ нею рядомъ. Спрыгнувъ съ коня, и отдавъ подержать ружье, потому что представляться съ ружьемъ за плечами считается въ Азіи неучтивостью, я взошелъ на ступеньки эстрады, на которой сидѣлъ со своими приближенными бекъ, наслаждаясь прохладою вечера и вѣчнымъ наслѣдіемъ восточныхъ владѣтелей, — бездѣльемъ. По мѣсту, въ срединѣ полумѣсяца, мнѣ нельзя было ошибиться, къ кому обратить обычное привѣтствіе. Всѣ встали, и молодой, едва ли двадцатилѣтній бекъ, очень красивой наружности, очень учтиво, но довольно холодно отвѣчалъ на мой селямъ. Замѣтно было, что онъ не усталъ еще разыгрывать важность горскаго князька, хоть это худо мирилось съ нагольною овчинною шубою, накинутою на плеча. Впрочемъ не думайте, что нагольная шуба, окрашенная сверху копотью ольхи, можетъ служить предосужденіемъ богатству или знатности. Ни мало. Горскія власти не прихотливы, и грозный ханъ охотно завертывается въ тулупъ изъ косматыхъ овчинъ наровнѣ со своимъ нукеромъ. Амирамъ-бекъ кажется такъ его назвали, — пригласилъ меня садиться, и мигнулъ, чтобы подали трубку, но я отказался отъ того и другаго: мнѣ крѣпко хотѣлось на боковую. «Прошу одной кровли на ночь и трехъ лошадей на зарѣ», сказалъ я беку: «кромѣ этого душа моя не имѣетъ нужды ни въ чемъ, — только въ вашей благосклонности.»

Бекъ, перебирая янтарныя четки, отвѣчалъ, что

все, что я изволю приказать, будетъ исполнено какъ ферманъ. Спросилъ въ заключеніе, нѣтъ ли еще какой ему «службы» на мою пользу, — и, на отрицательный отвѣтъ мой, мы раскланялись, размѣнявшись привѣтами, изъ которыхъ, само собой разумѣется, не повѣрили другъ другу ни въ одномъ словѣ.

И не даромъ. Юзъ-баши, которому приказано было отвести мнѣ квартиру, задумалъ сбыть меня съ рукъ на половину, принадлежащую другому беку, находящемуся на службѣ въ Россіи, двоюродному брату Амирама. Повели меня по мытарствамъ. Насилу нашли старосту другой половины Куткашей, но убѣдить принять меня не могли. «Не наша очередь,» говорилъ тотъ. «Да вѣдь бекъ, кромѣ того, принялъ этого господина: онъ вашъ гость, а не нашъ.» Юзъ-баши спорилъ; и другой кричалъ; я наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и такъ грозно зашевелилъ своей нагайкою, какъ левъ, готовый броситься на добычу шевелитъ хвостомъ своимъ. Это нѣмое краснорѣчіе подѣйствовало лучше всѣхъ доводовъ. Проводникъ мой пошелъ далѣе, заклинаясь, что юзъ-баши другой половины великой плутъ, между-тѣмъ какъ я увѣренъ былъ что онъ — того втрое плутоватѣе. За пустымъ деревяннымъ базаромъ на площади, указалъ онъ мнѣ домъ. «Извольте снимать вьюки, сказалъ мнѣ юзъ-баши: знатная квартира, ага; *валлахъ*, *биллахъ*, лучше этой нѣтъ въ цѣломъ городѣ! Всѣ проѣзжіе генералы въ ней останавливаются. Вамъ будетъ здѣсь привольно, какъ рыбѣ въ водѣ. Хозяинъ богатъ и старъ какъ чортъ, а между-тѣмъ у него двѣ молодыя женки.» Вѣдь набѣду жъ моей головѣ замѣшались тутъ молодыя женки! Сердце у меня ёкнуло, когда юзъ-баши сказалъ мнѣ про нихъ. Думаю, не быть добру: — такъ и есть. Запыхавшись прибѣжалъ бѣлобородый,

беззубый старичишка, загналъ всѣхъ своихъ женщинъ въ анбаръ, бранясь – зачѣмъ онѣ берутся не за свое дѣло, выносить изъ одной комнаты перины да сундуки, да глазѣть на проѣзжихъ, не закрывъ даже лица чадрою. Хитрянки не охотно повиновались, лукаво улыбались черезъ плечо, и, я думаю, не хуже Европейскихъ женщинъ восклицали внутренно противъ укора стараго мужа, будто не ихъ дѣло *глазѣть* на прохожихъ, и варварскаго зарока закрывать *даже* лице. Господи, Боже мой! да чтожъ послѣ этого останется показывать?

Заперши на замокъ вѣрность своихъ сожительницъ, ревнивецъ подошелъ къ намъ, измѣрилъ меня глазами, привелъ два аршина съ половиною моего роста въ Татарскую мѣру на локти; вглядѣлся, не подкрашены ли у меня усы; закинулъ даже числительный, испытующій взглядъ въ самый ротъ, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли у меня зубы; потомъ сдѣлалъ вѣрную посылку тройнаго обратнаго правила – «чѣмъ старѣе, тѣмъ несноснѣе», и со страху, чтобъ это не обратилось въ правило товарищества, столь гибельнаго для лбовъ мужей, давай браниться съ юзъ-башею, зачѣмъ онъ безъ кругу, безъ очереди ставитъ къ нему на постой! Вотъ, всего не болѣе полугода назадъ, стоялъ у него полковникъ, да и тотъ, слава аллаху, былъ старикъ старикомъ, и едва передвигалъ ноги отъ лихорадки. «Когда я заговорилъ съ нимъ по-Татарски, и безъ того сѣрое лице ревнивца стало сѣрымъ въ яблокахъ: у него упали руки при мысли, что я могу безъ толмача насказать его женамъ вздоровъ съ три короба. «*Агамъ, гёзюмъ, джаныимъ!*» мычалъ онъ, увиваясь около меня: господинъ мой, глазъ мой, душа моя: возми другую квартиру!.... Я пришлю всего, чего захочешь; приму, пожалуй, твоихъ спутниковъ; буду холить твою собачку: только, для

общаго Бога! не оставайся у меня самъ!» Я расхохотался искренности и привѣтливости мусульманскаго супруга; но, цѣня свой сонъ, не хотѣлъ нарушить чужаго. Я пожелалъ домашняго мира старику, и велѣлъ указать себѣ иной ночлегъ. Тамъ, съ просьбою взять въ свое владѣніе домъ и въ свое покровительство всю семью, меня было упрятали въ чуланъ, и если бъ я собственною особою не сдѣлалъ новаго дѣлежа владѣній, то мнѣ пришлось бы ночевать въ огромномъ кувшинѣ съ пшеномъ, подъ страхомъ видѣть свой носъ отъѣденнымъ крысами.

Я скоро заснулъ у камелька подъ шумомъ чайника, подъ ропотъ моего человѣка на то, что хозяинъ не давалъ дровъ. А хозяинъ говорилъ, что дровъ велѣно принести другому; а воды нѣтъ потому, что еще не нарядили очереднаго кувшина. «Сказано, что Азія: такъ Азія и есть!» ворчалъ мой Щербаковъ.

Я спалъ какъ убитый.

АЛЕКСАНДРЪ МАРЛИНСКІЙ.

О
СОГЛАСОВАНІИ ВОСПИТАНІЯ
СЪ РАЗВИТІЕМЪ
ДУШЕВНЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

=

Жизнь человѣческая проявляется въ переходахъ одного возраста въ другой. Душевныя способности, равно какъ и силы тѣлесныя, развиваются послѣдовательно, въ извѣстномъ и опредѣленномъ порядкѣ возникаютъ, цвѣтутъ, зрѣютъ. Въ дитяти, какъ въ сѣмени, хранятся начала всѣхъ способностей; юноша представляетъ собою время цвѣтенія; мужество соотвѣтствуетъ зрѣлости.

Всѣ сіи различныя состоянія духа нашего обнаруживаются въ трехъ главныхъ его стихіяхъ: чувствѣ, умѣ и волѣ; они-то проходятъ всѣ степени развитія по предначертанному Создателемъ закону. Умственное пріобрѣтеніе знаній, нравственное облагородствованіе воли и образованіе вкуса совершаются въ различныхъ возрастахъ жизни. На первой степени развитія, на лонѣ матери, пробуждаются способности; здѣсь въ особенности образуется чувство. Второй возрастъ – юность, посвящается раскрытію и обогащенію ума, подъ руководствомъ отца или наставника. Переходъ въ возрастъ мужества предназначенъ образованію воли – ея самобытности. Въ это время, при благословеніи Провидѣнія, законъ внѣшній, или общественный, и внутренній, или нравственный, бываютъ ангеломъ-хранителемъ человѣка.

Большею частію рѣдкіе успѣхи въ воспитаніи происходятъ отъ трехъ главныхъ погрѣшностей: или начинаютъ ученіе преждевременно и продолжаютъ не послѣдовательно; или стараются о сообщеніи знаній, не заботясь о дѣятельности мыслящей способности; или не всѣ стихіи души нашей развиваются въ воспитаніи. Обыкновенно спрашиваютъ: чему учить надобно сына или дочь? а лучше бы спрашивать о томъ, какъ должно развивать душевныя способности. Дайте имъ правильное развитіе: онѣ будутъ въ состояніи пріобрѣсти всѣ нужныя свѣдѣнія. Воспитывайте чувство, умъ и волю согласно съ ихъ развитіемъ: вотъ простой законъ, въ которомъ заключаются всѣ правила воспитанія. Дитя, еще несвязывающее своихъ представленій въ одно цѣлое понятіе, въ состояніи ли воспринимать многія постороннія понятія? Возможно ли дитяти, не постигающему предметовъ, его окружающихъ, объяснять предметы ученые? Воспитатель тогда только можетъ питать ученіемъ дѣтское вниманіе, когда душевныя силы начнутъ развиваться собственною дѣятельностью.

Желаніе многихъ родителей, слишкомъ рано учить дѣтей, губитъ юныя способности, преждевременно ослабляетъ ихъ и препятствуетъ полному ихъ развитію. Въ дитяти преимуществуетъ жизнь растительная; въ немъ духовныя силы едва лишь раскрываются. Въ семъ возрастѣ мать, первая наставница, обязана давать надлежащее направленіе возникающимъ способностямъ. Въ очахъ матери, какъ въ зеркалѣ, дитя учится само себя понимать: видитъ оно въ семъ зеркалѣ нѣжность и любовь, и въ немъ отразятся тѣ же чувствованія.

Первоначальное проявленіе сихъ чувствованій должно состоять въ повиновеніи и благодарности. Пока

дитя еще походитъ на простое чувственное существо, мать должна показывать примѣры благотворительности. Дитя, руководимое разборчивою строгостью, будетъ послушно; любуясь исполненіемъ желаній своихъ, познаетъ оно всю важность благодарности. Напрасно матери при каждомъ требованіи дѣтей торопятся удовлетворять ихъ желанія: ощущаемый недостатокъ возвышаетъ цѣну благодѣянія, скорѣе рождаетъ въ юной душѣ признательность. Напротивъ изнѣженныя дѣти ни благодарны, ни послушны; они-то оказываются совершенно безнравственными.

Благоразуміе велитъ также обуздывать тѣлесныя побужденія къ лакомству и другимъ прихотямъ; надобно болѣе занимать благороднѣйшія чувства – зрѣніе и слухъ. Чувственность, сколь возможно ранѣе, да уступитъ мѣсто нравственности; съ раннихъ лѣтъ да пріучатся дѣти къ умѣренности и воздержанію. Сіи добродѣтели дѣйствуютъ на здоровье, научаютъ насъ отказывать себѣ въ любимыхъ потребностяхъ, льстящихъ чувствамъ, и обращать вниманіе на сторону духовную. Дѣтскій возрастъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ возраждаются различныя склонности. Дитя, какъ нравственное лице, лишь только начинаетъ чувствовать свою дѣятельность, обращается къ познанію себя самого; тогда изъ растительной жизни образуется жизнь разумная. Не откладывайте до другаго дня заботъ о дѣтяхъ: преслѣдованіе направленія пробудившейся дѣятельности душевной столь важно, что одинъ день иногда можетъ быть или зарею ихъ счастія, или началомъ бѣдствій.

Съ раскрытіемъ дѣятельности силъ разгарается и воображеніе: дѣти начинаютъ заводить разныя игры. Давайте имъ волю выбирать забавы: они вѣрно выберутъ ихъ по своимъ склонностямъ; не допускайте

только въ игрушкахъ излишества и роскоши. Старайтесь заранѣе пріучать зрѣніе къ изящнымъ видамъ, а слухъ къ изящнымъ звукамъ.

Всего опаснѣе въ этомъ возрастѣ зависть: она своевольно переступаетъ границы между *моимъ* и *твоимъ*, и превращается въ корыстолюбіе. Это самый вредный плевелъ, похищающій у благотворныхъ растеній жизненные соки; его немедленно должно искоренять. Зависть обнаруживается и въ забавахъ: завистливыя дѣти не терпятъ ровесниковъ, отличающихся въ играхъ. За это или должно слѣдовать наказаніе, или надобно возбудить въ дитяти доброе чувство – довести его до того, чтобъ ему было пріятно раздѣлять удовольствіе съ товарищами.

Такъ возбуждаются въ чувственной жизни начала разумныя и нравственныя. За симъ наступаетъ время развитія чувства религіознаго. Въ благоговѣніи родителей является дѣтямъ нѣчто возвышенное. При утренней и вечерней молитвѣ, равно въ церкви, съ умиленіемъ да обращаетъ юная душа мысленные взоры свои къ небесному Отцу, надѣляющему всѣхъ своими дарами и благами. Пусть зрѣніе дитяти мало-по-малу отвлекается отъ видимыхъ предметовъ, и душа его устремляется къ невидимому виновнику всѣхъ явленій и его собственныхъ дѣйствій. Нѣжный цвѣтокъ, какъ сравнительно можно назвать дитя, заранѣе да согрѣвается лучами этого солнца, и получаетъ силу цвѣсти и созрѣвать при всѣхъ превратностяхъ жизни. Такое приготовленіе къ воспріятію религіознаго чувства располагаетъ душу къ Христіанскимъ наставленіямъ.

Переходъ дѣтства въ отрочество ознаменовывается тѣмъ, что сила представительная возрастаетъ, разумъ-

ніе получаетъ способность къ ученію. Въ этомъ возрастѣ представленія возвышаются до понятій, воображеніе становится дѣятельнымъ, а склонности обращаются въ характеръ; умственная сфера беретъ первенство надъ чувственностью: при всемъ томъ дѣйствія воли, какъ нравственное, такъ и религіозное, еще покоятся неразвитыя, хотя онѣ явственнѣе, нежели въ возрастѣ дѣтскомъ. Тутъ воспитаніе переходитъ изъ рукъ матери въ руки отца или наставника. Мать, имѣвшая подъ своимъ надзоромъ чувственный возрастъ дитяти, передаетъ отрока отцу или тѣмъ, которые должны пещись о развитіи умственномъ. Домашнее воспитаніе должно согласоваться съ общественнымъ для того, чтобы разныя стороны, изъ коихъ однѣ совершенствуются въ семейственной жизни, а другія въ училищѣ, всегда согласовались одна съ другою. Разумѣніе въ отрокѣ составляетъ главный предметъ воспитанія: посему родители должны стараться всячески питать любовь къ ученію. Въ усиленіи ея собственно состоитъ преимущество общественнаго воспитанія предъ домашнимъ. Важность ученія въ этомъ возрастѣ не въ количествѣ сообщаемыхъ знаній, а въ возбужденіи сильнѣйшей дѣятельности къ ихъ пріобрѣтенію и къ размышленію о томъ, что пріобрѣтено.

Что жъ принять за руководство въ отроческомъ возрастѣ? Здѣсь главное правило заключается въ томъ, чтобы познать отличительную способность души и ее возбуждать. Отроческій умъ любитъ упражняться въ образованіи изящнаго чувства слуха и зрѣнія: для сего необходимо занятіе живописью и музыкою. Тутъ можно испытывать вниманіе отрока соображеніями чиселъ и протяженій, какъ чувственныхъ воззрѣній мѣста и времени. Въ магнитѣ отъ постепеннаго прибавленія тяжести увеличивается сила: такъ усили-

вается и юное соображеніе исчисленіями. Къ сему же времени относится изученіе языковъ. Непостижимое устроеніе человѣческаго слова, которое въ дѣтствѣ пріобрѣтается навыкомъ, безъ всякой отчетности, преобразуется помощію наукъ въ органическое цѣлое. Странно только, что иные начинаютъ упражнять дѣтей сперва въ мертвыхъ языкахъ, для которыхъ потребно двойное соображеніе, вмѣсто первоначальнаго и простѣйшаго упражненія въ живыхъ языкахъ, особливо въ отечественномъ. Читая образцовыхъ писателей, мы непримѣтно измѣняемъ разговорный языкъ нашъ на изящный языкъ Краснорѣчія.

Одно изъ основныхъ правилъ воспитанія состоитъ въ современномъ упражненіи памяти и разсудка. Безполезно учить наизусть безъ соображенія: это съ одной стороны уничтожаетъ занимательность предмета, съ другой затрудняетъ понятія; не обременяйте памяти, особенно изученіемъ чего-либо непонятнаго. Въ томъ, что понятно, упражняется она вмѣстѣ съ разсудкомъ; съ укрѣпленіемъ сужденія, самая память становится твердою. Иные стараются выучивать много; но чрезъ это ослабляется сужденіе, потому что умъ не имѣетъ достаточной силы обсуживать выученное.

Отроческому возрасту приличны гимнастическія упражненія. Когда жизнь переходитъ въ разумную, тогда и тѣло становится способнымъ къ упражненію въ Искусствѣ, требующемъ развитія чувства къ изящному. Лучше остановить слишкомъ быстрое раскрытіе душевныхъ способностей, нежели ослабить тѣло: для развитія отроческой души еще остается впереди много времени, а потерянное время отрочества для тѣла невозвратимо. Движеніе въ физической природѣ то же, что мысль въ духовной; для самаго здоровья

необходимо умѣренное согласованіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Наблюдайте таковое уравниваніе духа и тѣла до тѣхъ поръ, пока продолжается развитіе организма.

Умѣренность и воздержаніе, пробужденныя въ дѣтскомъ возрастѣ, должны въ отрочествѣ получить высшее значеніе. Къ симъ свойствамъ, сопровождающимъ умственное развитіе отрока, принадлежитъ развитіе нравственнаго и религіознаго чувства: разумная сфера соотвѣтствуетъ нравственной; дѣтская благодарность и покорность родителямъ – принадлежности перваго періода, – здѣсь переходятъ въ признательность и уваженіе. Если желаете, чтобъ юный нравъ благородствовался: то поддерживайте въ немъ сіи чувства. Не довольно одной привязанности къ домашнимъ; кто готовится для жизни общественной, тотъ долженъ научиться уваженію старшихъ. Дурныя привычки дитяти получаютъ въ отрокѣ значительную силу и не рѣдко переходятъ въ своевольство, упрямство, дерзость. Отъ того, чья воля не свободна еще отъ чувственности, нельзя требовать возвышенныхъ добродѣтелей, каковы: великодушіе, щедрость и подобныхъ; по крайней мѣрѣ должно возбуждать въ отроческомъ возрастѣ чувство обязанностей общественныхъ. Не надобно питать душу одними только пріятными впечатлѣніями, но и склонять ее къ пожертвованіямъ. То, что сначала бываетъ внѣшнею обязанностію, раскрываетъ мало-помалу нравственное чувство и обращается во внутреннюю потребность. Чувство дѣтское зависти въ отрочествѣ можетъ возрасти до корыстолюбія, а потому здѣсь надобно развивать чувство справедливости. Рано, слишкомъ рано можно пробудить готовность къ услугамъ, прямодушіе, честность; въ семъ возрастѣ дѣтская благотворительность переходитъ въ попече-

ніе о благополучіи ближняго. Возбудить сіи чувствованія – долгъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Религіозное чувство отрока столь нѣжно, что трудно бываетъ сберечь его отъ холодности умственнаго образованія. Если въ дитяти уже составилось понятіе о Всевышнемъ; то въ отроческомъ возрастѣ необходимо раскрыть страхъ Божій – начало премудрости. Но не упражняйте ума въ религіозныхъ предметахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы опростить оные для разума: что легко обнимаетъ разумъ, то перестаетъ быть предметомъ безусловнаго почитанія. Здѣсь надлежитъ представить тотъ образецъ, коего видимая жизнь заключается въ существѣ невидимомъ: сей образецъ нашъ Спаситель. Нравственно-чистая и святая жизнь Его, поученія, страданія, смерть и воскресеніе должны напечатлѣться въ сердцѣ отрока. Сей образъ, однажды въ немъ напечатлѣнный, не изгладится во всю жизнь. Вмѣстѣ съ симъ излагается Православное ученіе Вѣры, вѣнецъ умственнаго воспитанія. Въ нѣжномъ возрастѣ ученіе Религіи не можетъ быть предметомъ ученія на память. Благочестивое чувство дѣтей подавляется, какъ скоро Божественное ученіе становится изнурительнымъ трудомъ для нихъ, и то внушается угрозами, что должно быть для человѣка священнымъ.

Наступаетъ важнѣйшій періодъ воспитанія – юность, время совершеннаго развитія разсудка, вкуса и характера, переходъ духовной жизни въ высшую сферу способностей: умъ, фантазію и волю. Въ семъ періодѣ изъ знаній образуются Науки о Богѣ, человѣкѣ и Природѣ, чувствованія творятъ идеалы, а склонности обращаются въ нравственныя направленія. Сердечныя чувствованія, прекраснѣйшіе спутники

жизни нашей, принимаемыя въ первородной чистотѣ своей, возникаютъ въ юности; въ нихъ обнаруживается воля человѣка, главнѣйшій предметъ воспитанія. Она получаетъ тогда только высокое достоинство, когда не подчиняется холодному и безжизненному знанію, а напротивъ воспринимаетъ въ себя тѣ лучи свѣта наукъ, кои истекаютъ изъ сердца. Очищайте склонности и чувства, одушевляйте ихъ любовію къ наукамъ и искусствамъ: вы непримѣтно усовершенствуете нравственность. Юноша начинаетъ борьбу со страстями; и хотя воспитаніе не можетъ совершенно отвратить этой борьбы, по крайней мѣрѣ оно даетъ силы къ ихъ преодолѣнію. Науки и Искусства такіе два генія, которые укрощаютъ и умѣряютъ страсти. Здѣсь одинъ умъ не удовлетворяетъ юноши; сердце требуетъ своихъ предметовъ, и всѣми силами старается ихъ обрѣсти. Возвышенныя чувства волнуютъ грудь юноши; онъ мечтаетъ о чести и славѣ; фантазія его паритъ за предѣлы здѣшняго міра; вездѣ представляется ему идеалъ счастія. Въ райской жизни идеаловъ согрѣвается и оживляется искусство. Мыслящая способность, вполнѣ раскрытая, уже въ состояніи обнимать весь кругъ человѣческихъ знаній.

Кто жъ руководствуетъ насъ въ этомъ возрастѣ? Юноша выходитъ изъ-подъ надзора материнскаго; зависимость отъ наставника уже для него тягостна; въ это время отецъ довершаетъ воспитаніе сына. Если дѣтство хранитъ попечительная мать; отрочество проходитъ большею частію подъ руководствомъ наставниковъ: то отцу остается согласовать домашнее воспитаніе съ общественнымъ; онъ беретъ сына отъ учителя и вводитъ съ осторожностью въ свѣтъ, старается направлять свободно начинающую дѣйствовать волю къ отличенію добра и зла. Такимъ образомъ юноша созрѣваетъ и становится самобытнымъ;

такъ образуется его воля. На поприщѣ жизни наставникъ нашъ – внутренній голосъ совѣсти, а Провидѣніе – звѣзда путеводная; отъ сего зависитъ исполненіе всѣхъ обязанностей нашихъ общественныхъ, въ чемъ даемъ мы клятву предъ престоломъ Отца Отечества.

Не рѣдко поверхностное многознаніе предпочитается глубокомыслію; не рѣдко человѣкъ знаетъ все, кромѣ самого себя. Но должно заранѣе внушать юношамъ, что всѣ науки суть только отрасли самопознанія; мы только изъ самихъ себя можемъ заимствовать порядокъ, начала, послѣдовательность; каждая наука есть собственно отраженіе нашей духовной жизни, состоящей въ гармоническомъ согласіи трехъ ея стихій: чувства, ума и воли.

Смотрите, какъ юноша, находясь между чувственностью и нравственностью, колеблется въ выборѣ прямаго пути къ своему счастію. Съ одной стороны онъ уже избѣгаетъ принужденія; съ другой еще не владѣетъ нравственнымъ чувствомъ – разумнымъ познаніемъ добра. Различныя склонности имѣютъ еще перевѣсъ надъ закономъ долга, и не позволяютъ дѣйствовать по разумнымъ началамъ воли. Если юное сердце не образовано въ первомъ возрастѣ: то отъ него нельзя ожидать ни доброжелательства, ни великодушія, ни справедливости. Если въ отрочествѣ разумъ и сердце дѣйствуютъ отдѣльно, то и въ юности цѣль нравственности не достигается. Отъ того столь рѣдки успѣхи воспитанія: многіе, выходя на свою волю, предаются мечтательности. Непроникнутый чувствомъ религіознымъ юноша жалокъ: онъ лишенъ главной опоры – бродитъ между безднами пороковъ.

Кромѣ общихъ психологическихъ законовъ воспитанія, каждому человѣку свойственъ особенный способъ образованія; каждый, по своимъ душевнымъ силамъ, самою Природою отличается отъ другаго. Отсюда слѣдуетъ, что сангвиника и холерика надлежитъ иначе воспитывать, нежели меланхолика или флегматика — постояннаго отлично отъ вѣтренаго — чувствительнаго не такъ, какъ суроваго — кроткаго и послушнаго не одинаково съ дерзкимъ и упрямымъ — одареннаго талантами еще иначе, нежели того, кто успѣваетъ однимъ неутомимымъ стараніемъ. Одного надлежитъ поощрять, другаго воздерживать; одного надобно увѣщевать и беречь, другаго подстрекать и даже наказывать. Какимъ же образомъ вывести изъ сего частныя правила для воспитанія? Не должно подавлять въ дитяти того, къ чему Природа его назначила; не потушать въ юной душѣ искры господствующей способности, не выставлять себя образцомъ при его воспитаніи, не направлять его согласно съ своимъ направленіемъ. Можетъ-быть, оно опредѣлено къ лучшему назначенію, нежели каково наше собственное; а потому, сколько возможно, необходимо избѣгать односторонности. Гдѣ какое-либо направленіе становится господствующимъ, гдѣ одна какая-либо способность развертывается въ высшей степени, тамъ легко можетъ нарушиться гармонія прочихъ силъ, нужныхъ къ составленію цѣлаго. Нельзя ожидать успѣховъ въ воспитаніи, когда одна изъ низшихъ силъ присвояетъ себѣ господство. Такъ иногда воображеніе превращаетъ желанія въ страсти, чувство въ изнѣженность, разумъ устремляется къ затруднительнымъ и утонченнымъ изслѣдованіямъ. Одна изъ способностей, преимущественно возвышенная, подчиняетъ себѣ прочія, производитъ односторонность, и не допускаетъ возрасти ничему великому. Здѣсь въ особенности должно обращать вни-

маніе на законъ развитія, обнаруживающійся постояннымъ стремленіемъ отъ низшаго къ высшему, отъ чувственнаго къ духовному.

И такъ два, повидимому противоположныя, правила представляются воспитателю: первое требуетъ, чтобы не останавливать въ юношѣ ни одного врожденнаго влеченія, не ослаблять ни одной силы, ни одной способности; потому что всѣ онѣ необходимы въ цѣломъ организмѣ; Природѣ нужна свободная игра ея силъ; другое правило заставляетъ уничтожать одностороннее направленіе для того, чтобы согласіе цѣлаго непрестанно болѣе и болѣе развивалось. То, что называемъ мы геніемъ, не есть какая-либо особенная способность, но отраженіе цѣлаго въ какой-либо особенной силѣ душевной. Посему не искореняйте въ человѣкѣ того, къ чему Природа его назначила; но старайтесь господствующее направленіе вести такъ, чтобы оно служило основаніемъ цѣлаго, и гармонически сливалось съ прочими душевными силами. Такимъ образомъ вы избѣгнете односторонности, а врожденное доброе сѣмя сбережете и возрастите. Воспитателю не нужно преслѣдовать каждый шагъ дитяти, безпрестанно хвалить его или порицать; пусть дѣйствуютъ природныя его склонности: нужно только наблюдать за ихъ развитіемъ, отдѣлять излишнее и вредное, благородныя чувства обращать въ склонности, понятіямъ сообщать теплоту. Тогда воля будетъ охранена двумя могучими дѣятелями, — умомъ и чувствомъ. Долгъ истинно полезнаго воспитанія состоитъ не въ одномъ сообщеніи разнообразныхъ свѣдѣній, но въ совокупности и образованія вкуса, и просвѣщенія ума, и благородствованія сердца.

Вотъ нѣсколько совѣтовъ Психологіи касательно согласованія воспитанія съ развитіемъ душевныхъ

способностей. Наука самопознанія должна служить основаніемъ и воспитанію, или развитію самопознанія. Родители, воспитатели и наставники! напитайте юныя сердца Христіанскими добродѣтелями: Надеждою, Любовію и Вѣрою. Въ Надеждѣ сосредоточиваются всѣ чувствованія терпѣнія и великодушія; въ Любви стремленіе къ самопожертвованію для блага ближняго; въ Вѣрѣ – всѣ нравственныя и общественныя обязанности. Всѣ сіи качества непримѣтно сообщаются воспитанникамъ. Онѣ не пріобрѣтаются изученіемъ; но человѣкъ самъ воспитываетъ ихъ въ себѣ по примѣру другихъ. Ученіе даруетъ намъ только то, что составляетъ предметъ размышленія; но все, что образуетъ сердце, воспитанникъ перенимаетъ отъ тѣхъ, которые его окружаютъ, и усвояетъ себѣ въ теченіе жизни. Дѣянія и поступки наши: вотъ его наставники. Неоспорима истина, что все, исходящее отъ сердца, возвращается къ сердцу. Если воспитатель самъ не имѣетъ добрыхъ качествъ, то никогда не раскроетъ ихъ въ своемъ воспитанникѣ, и всѣ нравственныя наставленія его будутъ только предметомъ памяти и разума. Одни только поступки наши возбуждаютъ другихъ къ подражанію; лишь чувствами согрѣваются чувства. Желаніе настроить волю питомца ни малой не приноситъ пользы, если не подтверждается въ глазахъ его примѣромъ. Юность требуетъ живаго образца, которому подражаетъ во всякое время, и старается образовать полученныя отъ Природы способности. Въ этомъ состоитъ вся тайна воспитанія.

ПРОФЕССОРЪ ДАВЫДОВЪ.

ВИСЯЩІЙ ГОСТЬ.

=

ПРОИСШЕСТВІЕ НЕПРАВДОПОДОБНОЕ, ПОТОМУ ЧТО ИСТИННОЕ.

=

Какъ это случилось, что, въ теченіе пятидесяти столѣтій до Рождества Христова, и восемнадцати столѣтій послѣ Рождества Христова, люди не знали ни достоинства разбойниковъ, ни прелести разбойничьей жизни? что они только теперь спохватились, что въ свѣтѣ нѣтъ ничего занимательнѣе, прекраснѣе, возвышеннѣе, изящнѣе порядочнаго разбойника?.... Это вѣрно отъ того, что человѣчество, ведомое историческою судьбою народовъ, неуклонно стремится болѣе и болѣе къ совершенству, и теперь уже подвинулось къ нему довольно близко. Я думаю, это отъ того!

Какъ бы то ни было, но, подвинувшись къ совершенству, теперь и самъ я вижу, что предметъ самый богатый, самый достойный пера поэта, прозаика и философа, есть разбойникъ. Посмотрите, сколько людей прославилось въ наше время великими писателями и мудрецами, описывая только добродѣтели разбойниковъ и разбои добродѣтельныхъ! Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть честнѣе и кротче изверга, душегубца? что для общества вреднѣе честнаго человѣка, который никому не свернулъ головы?.... Это, кажется, не требуетъ ни какихъ доказательствъ, тѣмъ болѣе, что это уже неоспоримо доказано во всѣхъ новѣйшихъ Французскихъ Романахъ, не считая самой новѣйшей диспутаціи великаго

защитника воровъ, Г. Виктора Гюго: зри Claude Gueux. Ежели такъ, давайте же мнѣ изверговъ, головорѣзовъ, мучителей, каторжниковъ, великихъ плутовъ, великихъ воровъ, великихъ романтическихъ героевъ, – я буду великимъ писателемъ! Давайте ножи, топоры, плахи, палицы; давайте ужасъ и смерть, – сто, двѣсти, тысячу смертей, – какъ можно болѣе смерти и крови! Кровь есть лимонадъ модной Словесности. Этотъ слогъ есть слогъ Жанена. Позвольте мнѣ сдѣлаться великимъ писателемъ черезъ разбойниковъ! У васъ тоже будетъ Юная Словесность.

Вы не хотите дать мнѣ этой бездѣлицы?... А, вы не хотите, чтобъ я достигъ литературной знаменитости черезъ разбойниковъ! Такъ скажу вамъ правду, что я и самъ не хочу этого. Однако жъ, надо шествовать съ вѣкомъ; надо же и у насъ говорить что-нибудь о разбойникахъ, когда вся просвѣщенная Европа бредитъ ими и поэзіею живописнаго ихъ ремесла, – а то назовутъ насъ невѣждами, людьми лишенными образованности и тонкаго вкуса. Поистинѣ, случай весьма затруднительный! Какъ быть?..... Для спасенія чести нашей изящной прозы, я готовъ пожертвовать собою и воспѣть какой-нибудь разбойничій подвигъ, – но съ условіемъ, что это будетъ въ первый и послѣдній разъ моей жизни, что потомъ никогда уже не станете требовать отъ меня подобнаго самоотверженія. На этомъ условіи, – дѣлать нечего, – перекрестясь, разскажу вамъ нѣчто по *сей* части: разскажу простой анекдотъ, который разсказывали мнѣ вѣрные люди, прекрасно разсказывающіе всякіе анекдоты. Онъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе, какъ доказательство дивныхъ путей Небеснаго правосудія.

Въ двухъ верстахъ отъ.....

Еще одно условіе: позвольте, чтобъ мой разбойникъ былъ безъ добродѣтелей. Я разсказываю простой анекдотъ, только для вашей потѣхи, быть-можетъ и для вашего наставленія, а не для того, чтобъ прослыть философомъ юной литературной школы: притомъ же я ставлю себѣ въ честь не понимать ея философіи.

Въ двухъ верстахъ отъ В – а, стоитъ загородный домъ, – деревянный, съ зеленою крышею, уже не новый, – подъ лѣсомъ, при болотѣ, за рѣкою, на возвышеніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ большой дороги. Въ этомъ домѣ живетъ обыкновенно все лѣто и часть осени Гаврило Михайловичъ П***, отставной капитанъ, уѣздный судья и очень добрый человѣкъ, какъ всѣ уѣздные судьи В-ой губерніи.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1830 года, поутру, въ воскресенье, почтеннѣйшій Гаврило Михайловичъ съ почтеннѣйшею Прасковьею Егоровною, своею супругою, отправились, въ бричкѣ, въ городъ, за разными дѣлами, нетерпящими отлагательства, – въ церковь помолиться Богу, къ протопопу напиться настойки, къ прокурору откушать ботвиньи, къ предводительницѣ узнать о сплетняхъ, къ откупщику прочитать С.-Петербургскія Вѣдомости, къ губернатору поиграть въ бостонъ. Чуть господа за ворота, люди тоже со двора: дворецкой къ свату въ деревню, лакей въ гости къ пріятелямъ, поваръ въ кабакъ за водкою, поваренки на рѣку за раками, Прохоръ съ Дарьею въ лѣсъ за орѣхами, Васька съ Наташей въ болото за черникою и тому подобнымъ. Въ домѣ осталась одна Дуня, – Дуня, единственная въ цѣлой В-ой губерніи, бѣлая, розовая, стройная, веселая, добродѣтельная, царапливая, – горничная по своему званію, – по качествамъ души, любимица Прасковьи Егоровны, – предметъ частыхъ прогулокъ Гаврилы

Михайловича въ дѣвичью, – жертва противозаконной страсти канцеляристовъ Уѣзднаго Суда къ поцѣлуямъ, – идолъ, для котораго губернаторскій лакей, воспитанный такъ же, какъ и она, въ столицѣ, въ большомъ свѣтѣ, на Невскомъ Проспектѣ, никогда не успѣвалъ дочистить сапоговъ своему господину, къ немалому соблазну всей губерніи. Одинъ онъ въ тѣхъ странахъ былъ въ состояніи понимать ея чувства; одна она въ томъ городѣ умѣла оцѣнить его образованность. Они обожали другъ друга, какъ только пламенныя души обожаются въ Петербургѣ, у Казанскаго Моста, и были счастливы, какъ только можно быть счастливымъ въ провинціи.

Дѣвушки, оставшись однѣ въ домѣ, всегда боятся воровъ. На этомъ основаніи Дуня заперла наружную дверь ключемъ; и, чтобъ не думать о ворахъ, пошла поглядѣться въ зеркало, въ ожиданіи несравненнаго лакея, котораго предварила она наканунѣ, что господа на весь день уѣдутъ въ городъ. Дуня весело поправляла свои локоны, потягивала платочекъ на груди, и пожимала кушакъ, напѣвая сквозь зубы, –

Мужчины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнутъ. –

какъ вдругъ послышалось легкое стучаніе въ двери.–Это онъ!..... – И она стрѣлою полетѣла отворить ему.–Ахъ!!.... это не онъ!

– Это я! отвѣчалъ ей грубымъ, сиплымъ голосомъ, тихонько вмыкаясь въ двери, огромный мужчина въ изорванной байковой шинели и грязной безцвѣтной фуражкѣ; черный, давно небритый, съ страшными рыжими усами и краснымъ носомъ, съ разбитымъ лбомъ, синими губами и убійственнымъ взглядомъ, – прямой типъ предсѣдателя записныхъ посѣтителей городскихъ кабаковъ, или одна изъ тѣхъ адскихъ фигуръ, какія можно видѣть только на картинахъ

Сальватора Розы, совершенно почернѣвшихъ отъ времени въ тѣняхъ, и сохранившихъ яркія краски на освѣщенныхъ выпуклостяхъ, какъ-будто нарочно для того, чтобъ придать болѣе ужаса дикому ихъ выраженію.

Дуня въ испугѣ отскочила на нѣсколько шаговъ, и, вздохнувъ изъ глубины сердца, еще разъ произнесла въ душѣ: Это не онъ!!..... Между-тѣмъ незнакомецъ съ краснымъ носомъ вошелъ въ сѣни, преспокойно замкнулъ двери, и ключъ положилъ въ карманъ.

– Чего вы хотите? Кто вы таковы? вскричала Дуня. Начто берете ключъ?.....

– Не бойся, душенька! отвѣчалъ онъ, смѣясь. Я пришелъ къ тебѣ въ гости. Вѣрно тебѣ скучно одной въ домѣ?

– Извините!..... Зачѣмъ вы берете ключъ?

Онъ, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ ней и потрепалъ ее по лицу. Она отскочила еще далѣе.

– Зачѣмъ замкнули вы дверь?..... Отдайте ключъ! Я стану кричать.

– Понапрасну! Вѣдь я знаю, что никого нѣтъ на мызѣ.

– Вотъ новость! Пришелъ, и заперъ дверь замкомъ, какъ въ своемъ домѣ!

– Я всегда замыкаю дверь, коли мнѣ случится быть наединѣ съ такою красавицею, какъ ты, голубушка!

И опять потрепалъ онъ ее по лицу своею жесткою и неопрятною рукою. Она отскочила въ уголъ съ негодованіемъ.

– Но кто вы таковы?..... Это очень нехорошо, такъ, безъ всякаго знакомства, шалить и безпокоить дѣвушекъ.....

— Къ знакомцамъ я не хожу въ гости, отвѣчалъ онъ холодно, перемѣняя выраженіе лица. И эти слова произнесъ онъ такимъ грубымъ, такимъ хриплымъ, нещернымъ голосомъ, что насквозь пронзилъ имъ бѣдную дѣвушку.

Дуня во всѣхъ переднихъ и въ уѣздныхъ канцеляріяхъ слыла очень храброю: не такъ то легко можно было уходить ее! Не одному дерзкому канцеляристу такъ оцарапала она лице ногтями, что онъ будетъ помнить ее, и дослужившись до столоначальническаго сана. Дуня по-истинѣ дѣлала честь Петербургской добродѣтели. Но робкій провинціяльный канцеляристъ съ пальцами, упитанными чернильною влагою, бездѣлица для дѣвушки, получившей воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ модныхъ магазиновъ Невскаго Проспекта: совсѣмъ иное дѣло небритый бродяга, плечистый и гадкій, въ байковой шинели, съ рыжими усами и фіолетовымъ носомъ. Его бы всякая испугалась. Дуня начала плакать.

— Не плачь, родная! Я не сдѣлаю тебѣ ни какого вреда, сказалъ онъ, смягчая голосъ и примкнувъ къ ней поближе.

Она испугалась смягченнаго голоса еще болѣе, и выпрямила руки впередъ, чтобъ не допустить его къ себѣ.

— Спрашиваю, кто вы таковы? вскричала она наконецъ въ отчаяніи, но съ притворною въ лицѣ смѣлостью, огонь которой постепенно погасалъ подъ катящимися слезами. Прошу тотчасъ сказать, кто вы?

— Кто я?

— Да, кто вы?... Вашъ чинъ, имя, фамилія?

— Я воръ.

— Воръ!! повторила она со страхомъ, и поблѣднѣла какъ снѣгъ.

– Моя фамилія воръ, а мой чинъ разбойникъ, примолвилъ онъ, и улыбнулся, нѣжно глядя ей въ глаза; но улыбка среди его лица походила на отблескъ плесени, плавающей по лужѣ грязи, освѣщаемой луною. Это слогъ хорошихъ Повѣстей о разбойникахъ, и вы видите что дѣло идетъ не на шутку: послѣ этой фразы должно ожидать всѣхъ ужасовъ. Дуня ощутила отъ нея (отъ улыбки, а не отъ фразы, а можетъ и отъ фразы)..... холодную дрожь во всѣхъ членахъ. Видя однако жъ, что онъ только издѣвается надъ ея страхомъ, она немножко ободрилась, и быстро возразила дрожащимъ еще голосомъ:

– Разбойникъ?... Фуй, какой гадкой чинъ!

– У всякаго свое званіе!... Прежде у меня было другое, но теперь нахожу..... Дай мнѣ, красавица, чего нибудь поѣсть. Я уже третій день ничего ртомъ не отвѣдалъ. Позавтракаемъ вмѣстѣ, а потомъ.....

Онъ внезапно закинулъ свою руку за ея шею, и хотѣлъ поцѣловать въ самый ротикъ. При видѣ щетинистой бороды и страшныхъ усовъ, такъ дерзко лѣзущихъ на приступъ, при видѣ этого краснаго, отвратительнаго носа, уже почти касавшагося ея щеки, она одушевилась гнѣвомъ, злостью, силою, какую сообщаетъ только опасность въ минуту погибели, и оттолкнула его отъ себя.

–Извините, господинъ разбойникъ!.... Это нейдетъ! Прошу напрасно не пугать меня: я знаю, зачѣмъ вы сюда пришли!

– Знаешь?.... А зачѣмъ?

– Ужъ мнѣ одной вѣдать объ этомъ! Только позвольте себѣ доложить, что это очень невѣжливо..... я буду жаловаться. Сейчасъ отдайте мнѣ ключъ, и убирайтесь отсюда!

– Завтракъ! грозно вскричалъ незнакомецъ.

– Нѣтъ завтрака! вскричала Дуня. Кушанья ни какого нѣтъ въ цѣломъ домѣ. Ступайте завтракать въ кабакъ. Отъ васъ уже и такъ несетъ спивухою: вы уже, видно, хорошенько позавтракали.

– Какъ, нѣтъ кушанья? возопилъ онъ адскимъ ревомъ, сморщилъ усы, и устремилъ на нее сверкающій взоръ, хватаясь правою рукою за сапогъ. – Видишь ли!..... И показалъ ей широкой ножъ, на которомъ пестрѣли мелкія полосы черной грязи, слѣды недавно добытой крови и гдѣ-то наскоро обтертой о траву. Видишь ли, что я шутить съ тобою не намѣренъ?

Дѣвушка оцѣпенѣла. Онъ остолбенилъ ее своимъ ехидниным взоромъ, который съ умысломъ напрягалъ изо всей силы и вонзалъ въ неподвижныя ея зѣницы.

– Завтракъ!

– Сейчасъ.

– Мигомъ! Мнѣ не досугъ.

– Берите, сударь, что вамъ угодно: въ шкафу есть вчерашнее жаркое и наливки.

– Проводи меня въ комнаты. Поставь все, что есть, на столъ. Шевелись!

Дуня, у которой колѣни тряслись отъ страха, блѣдная, разстроенная, тихо пошла къ шкафу, стоявшему въ передней. Онъ спряталъ ножъ въ сапогъ, и не отставалъ отъ нея ни на шагъ. Хлѣбъ, водка, соль, масло, сыръ и жареная телятина мгновенно были перенесены на столъ, на которомъ недавно завтракали сами хозяева, передъ выѣздомъ въ городъ. Онъ усѣлся, и, взявъ Дуню за руку, посадилъ ее подлѣ себя.

– Ну, что? сказалъ онъ, съ волчьею жадностью пожирая телятину, и поглядывая изъ подлобья на свою сосѣдку. Я напугалъ васъ порядкомъ?

– Конечно!... Всякая можетъ перепугаться!

– Напрасно вы прекословили! Если бъ вы тотчасъ меня послушались.... За ваше здоровьѐ!... Выпейте со мною рюмочку, для компаніи.

– Я водки съ роду не пью.

– Жалко! А водка славная!..... Какъ васъ зовутъ?

– Катериной Николаев.....

– Врешь!... Неправда! вскричалъ онъ ртомъ, набитымъ яствою, и посмотрѣлъ на нее сурово. Я знаю, что тебя зовутъ Авдотьею Еремѣевною.

– Зачѣмъ вы спрашиваете, коли знаете?

– Спрашиваю, чтобъ испытать твою откровенность. Славная водка!... Нѣтъ ли еще такой?

– Есть еще одна бутылка въ шкафу.

– Пожалуйста, принеси ее сюда.

– Вотъ она!

– Спасибо! Позвольте же теперь поцѣловать васъ за то.

Дуня уже не смѣла сопротивляться, и смиренно подверглась жѐстокому поцѣлую. Онъ чуть не расцарапалъ ей щеки своей терпистою бородою. Она только потерла это мѣсто.

– Мало ли что я знаю? присовокупилъ онъ, проглотивъ третью рюмку водки. Вотъ, напримѣръ сказать, я знаю, что повытчикъ принесъ вчера Гаврилѣ Михайловичу полторы тысячи рублей отъ Ивана Ивановича Ф***, котораго дѣло поступило въ Уѣздный Судъ на прошедшей недѣлѣ. Такъ ли?

– Быть можетъ!

– Ну, а гдѣ Гаврило Михайловичъ держитъ свои деньги?

– Право, не знаю!

– А я знаю! Мы найдемъ ихъ..... Авдотья Еремѣевна! душенька! голубушка!.....

– Что вамъ угодно?

– Мнѣ желательно, чтобъ вы улыбались.

Бѣдная Дуня принуждена была улыбаться. Гость былъ въ отмѣнномъ расположеніи духа: онъ смѣялся, шутилъ, съ нею. Дуня тоже мало по-малу забыла о страхѣ: она поднялась на бойкость, защищалась, гдѣ слѣдуетъ, даже хохотала, стараясь поддѣльною веселостью прикрыть свое омерзѣніе, и пламенно молясь Богу, чтобы гадкій гость съ краснымъ носомъ скорѣе наѣлся, напился и ушелъ, и чтобъ несравненный Иванъ скорѣе пришелъ вознаградить ее своею чувствительностью за это ужасное мученіе.

Увы! Иванъ, отпросившись у губернатора, шелъ къ ней изъ города, дорогою, скорымъ шагомъ, съ сердцемъ исполненнымъ нѣги и надежды. Онъ не шелъ, а летѣлъ; любовь придѣлала къ его сапогамъ собственныя свои крылья. Онъ летѣлъ стрѣлою. Но на пути была штофная лавка: штофныя лавки есть на всѣхъ путяхъ. Онъ хотѣлъ пролетѣть мимо. Но въ штофной лавкѣ были его пріятели, его друзья. Онъ завернулъ къ нимъ на минутку, только на минутку – и напился вмѣстѣ съ ними. Это случилось противъ его воли: самъ онъ былъ отъ этого въ отчаяніи.....

Но это была одна изъ достопамятнѣйшихъ побѣдъ дружбы надъ любовью.

Между-тѣмъ гадкій бродяга допивалъ шестую рюмку водки. При седьмой онъ призадумался, нахмурилъ брови и скривилъ губы, какъ бы отъ припадка внутренней боли; черная тѣнь прошла летучимъ облакомъ по его глазамъ и лицу, и онъ невзначай вскочилъ со стула, толкнувъ неумышленно Дуню, которая чуть не упала ему подъ ноги. Онъ съ безпокойствомъ огля-

нулся во всѣ стороны, потомъ взялъ со стола бутылку съ водкою, хлѣбъ и кусокъ мяса, положилъ все это въ бездонный карманъ подъ шинелью, и сказалъ:

– Благодарствую за хлѣбъ за соль..... за угощеніе-съ. Гаврило Михайловичъ прячетъ свои деньги въ этой конторкѣ, не правда ли?..... Ну, что жъ, говори! Видишь, что я не такой злой, какъ тебѣ, душенька, сначала показалось. Я добрый человѣкъ! Я тебя люблю..... очень люблю!..... Скажи только, какъ бы лучше хотѣла ты умереть?..... Чтобъ я тебя зарѣзалъ, э?.... или чтобъ я тебя повѣсилъ, вотъ напримѣръ, на этой балкѣ? Говори смѣло, моя любезная Дуня.....

– Что вамъ за охота стращать меня такъ неблагопристойно? возразила дѣвушка съ улыбкою на устахъ и со слезами на глазахъ, не вѣря, чтобъ гадкій шалунъ съ краснымъ носомъ говорилъ это серіозно.

– Что жъ не отвѣчаешь? сказалъ онъ, пристально осматривая конторку и находящійся въ ней замокъ. Желаю знать..... хочешь ли скорѣе..... быть... повѣшенною, али..... О!.... Гаврило Михайловичъ запираетъ свои деньги двумя замками?..... Постой!.... Не такіе мы отпирали.

И, говоря это, онъ вынулъ изъ кармана желѣзный инструментъ, которымъ тотчасъ принялся отпирать замокъ конторки. Дуня, остолбенѣвшая и дрожащая всѣмъ тѣломъ, стояла посреди комнаты.

– Ну, что?.... Говори смѣло, Авдотья Еремѣевна! Не можешь рѣшиться?.... Экой чертовской замокъ!.... Авдотья Еремѣевна!.... Я, сударыня, ожидаю отъ васъ отвѣта.... Давно ужъ не попадалъ мнѣ такой крѣпкій ящикъ!... Скажешь ли, или нѣтъ?

Крыша конторки отскочила вверхъ съ трескомъ.

– Охъ, сколько тутъ добра Божьяго! Ассигнаціи!.... и червонцы!.... и часы!.... Не ходятъ: видно непорчены.... Перстень!..... Онъ мнѣ не нуженъ. Вотъ этотъ алмазъ я возму: это все взятки?....

Такъ разсуждая съ самимъ собою и Дунею, онъ поспѣшно пряталъ въ карманъ и за пазуху найденныя въ ящикѣ деньги, часы и драгоцѣнности; потомъ быстро оборотился къ омертвѣлой дѣвушкѣ.

– Теперь слушаю ваше рѣшеніе, сударыня! Не теряйте времени, и говорите: какою смертію желаете вы умереть?

– Да что вы, сударь! Какъ вамъ не стыдно?... Эти шутки уже, право, некстати!

– Я не шучу, любезнѣйшая.

– Что жъ я вамъ сдѣлала? Вы взяли, что вамъ было угодно: я не препятствовала.....

– Оно такъ; но, изволишь видѣть, я не люблю оставлять послѣ себя свидѣтелей: я истребляю ихъ всѣми средствами. У другихъ никогда не спрашиваю согласія; но какъ вы, сударыня, такая милая, такая хорошенькая, вѣжливая, то предоставляю вамъ самимъ избрать себѣ родъ смерти. Я люблю вѣжливость; я тоже воспитанъ въ Петербургѣ.....

Ей все еще не вѣрилось, чтобъ онъ говорилъ правду.

– Ну, говори скорѣе; мнѣ недосугъ. Оставимъ церемоніи. Мнѣ очень жалко, но ты должна погибнуть отъ моей руки. Я не дуракъ, оставлять тебя въ живыхъ, чтобъ ты послѣ разсказывала, какіе у меня усы, носъ, глаза, платье, что я здѣсь дѣлалъ, и куда ушелъ. Ну, Авдотья Еремѣевна! отвѣчай проворнѣе.

Каждое слово хладнокровнаго мучителя поражало ее новою смертію; вся ея кровь, вся жизнь сбѣжалась и заключилась въ сердцѣ; члены ея оледенѣ-

ли, и обильныя слезы струились уже по безжизненному лицу. Она зашаталась и упала на землю. Падая, она ухватилась за его ногу, начала цѣловать ее.

– Прости меня! кричала она, рыдая. Прости мнѣ жизнь, отецъ, судья, благодѣтель!..... Клянусь Богомъ, клянусь Пречистою, не скажу никому ни словечка!..... Пусть лишусь Царствія Небеснаго, если произнесу хоть полслова!..... Ради Христа, ради Святаго Чудотворца Николы, сжалься надо мной!.... Буду за тебя вѣкъ молиться, какъ за отца роднаго, спасителя, брата.....

Непоколебимый извергъ стряхнулъ ее съ своей ноги, и толкнулъ въ грудь. Тщетно протягивала она къ нему умоляющія руки и взоры; тщетно старалась смягчить каменное сердце всѣмъ, чѣмъ только послѣднее отчаяніе и любовь къ молодой и розовой жизни могутъ одушевить слова, голосъ и слезы слабаго, нѣжнаго созданія. Гранитъ растаялъ бы отъ теплотворной ихъ силы: злой человѣкъ сдѣлался еще жестче и свирѣпѣе. Выходя изъ терпѣнія, онъ поймалъ ее за волосы, отвалилъ голову ея навзничь, выхватилъ ножъ изъ сапога, и замахнулся, чтобъ вонзить его въ горло.

– Ай!... Христа ради! завизжала несчастная дѣвушка, пораженная видомъ ужаснаго орудія. Лучше повѣсить!.... лучше повѣсить!.... Отецъ родной, не закалывай!.... пощади меня!.... Ужъ лучше повѣсь!

– Ну, видишь! сказалъ онъ съ кровавою усмѣшкою: теперь-то умѣешь говорить! Зачѣмъ же вдругъ этого не сказала? Хоть я много потерялъ времени, но нельзя не оказать милости. Ты такая любезная!... Не бось, Дуня! Умрешь пріятнымъ образомъ. Отъ ножа умирать скверно. Я самъ желалъ бы,

чтобъ меня повѣсили, вмѣсто того, чтобъ сѣчь кнутомъ, ежели когда нибудь поймаютъ. Пойдемъ искать веревки!

Бѣдная дѣвушка, лишенная силъ и памяти отъ страха, холодная какъ ледъ, трепещущая, безъ мысли, безъ чувствованій, повиновалась во всемъ жестокимъ его повелѣніямъ. Веревка скоро была пріискана, и мучитель возвратился съ своею жертвою въ ту же комнату, гдѣ еще стояли остатки ужаснаго завтрака. Онъ погрозилъ что зарѣжетъ ее тотчасъ, если она осмѣлится хоть шагомъ тронуться съ мѣста; поставилъ стулъ на столикъ, и вскочилъ на него съ необыкновенною ловкостью. Просунувъ веревку между поперечною балкою и потолкомъ, онъ вынулъ ножъ изъ-за сапога, отрѣзалъ лишнюю ея длину, ножъ на-время заткнулъ за балку, и сталъ завязывать веревку двойнымъ узломъ. Дуня стояла неподвижно посреди комнаты; жаръ и холодъ быстро пролетали по ея тѣлу; передъ ея глазами мелькали яркіе огненные цвѣта; она ничего не видѣла, только молилась Богу, приносила покаяніе за грѣхи, поручала себя всѣмъ Святымъ, и мысленно прощалась съ возлюбленнымъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, безцѣнная! приговаривалъ душегубецъ, продолжая работу. Увидишь, какъ ловко я тебя повѣшу!..... Для меня это дѣло не новое..... Вотъ уже все готово, только надо попробовать, крѣпка ли веревка. Мнѣ очень было бы досадно, если бъ ты сорвалась и поломала себѣ ребра. Моя и твоя польза требуетъ..... Вынь стулъ изъ-подъ меня!

Дуня безчувственно подошла къ столику, и взяла стулъ изъ подъ его ногъ, тогда какъ онъ, держась обѣими руками за веревку, обвивавшую правую

его руку почти по локоть, чтобъ удостовѣриться въ ея крѣпости, повисъ на ней всею тяжестью своего тѣла.

– Оттащи столикъ въ сторону!

Дуня оттащила столикъ.

– Хорошо!... веревка славная! Сдержала бы не одну тебя, – тебя и меня вмѣстѣ.

Тутъ онъ пустилъ веревку, и хотѣлъ скочить на полъ; хотѣлъ, вѣроятно, удивить злополучную дерзкимъ и опаснымъ прыжкомъ; но приготовленная для нея петля, скользя по рукѣ, вдругъ сомкнулась у самой кисти. Палачъ Дуни дѣйствительно самъ повисъ – *за руку*.

Онъ уже висѣлъ, негодяй! Онъ ощущалъ пронзительную боль подъ кистію, и еще не хотѣлъ дать уразумѣть дѣвушкѣ о своемъ приключеніи, чтобъ она имъ не воспользовалась и не убѣжала. Онъ старался достать лѣвою рукою до кисти, но тяжесть косвенно висящаго туловища препятствовала ему привести плеча въ уровень. Онъ вдругъ сталъ неистово метаться и вертѣться въ воздухѣ, надѣясь разорвать веревку: и это оказалось безполезнымъ! Если бъ, по крайней мѣрѣ, ножъ былъ у него въ сапогѣ! Онъ могъ бы отрѣзать имъ веревку; не то, отрѣзать свою кисть, и спастись бѣгствомъ. По-несчастію, ножъ остался на балкѣ! Какъ тутъ быть?...

Онъ придумалъ еще одно средство, – отчаянное, послѣднее: совокупилъ весь свой духъ и свои силы; раскачался на веревкѣ и прыгнулъ всѣмъ тѣломъ вверхъ, какъ удавъ, издали бросающійся на быка, чтобъ обвить и смять его въ своихъ кольцахъ. Онъ хотѣлъ ухватиться ногами за балку и добраться до ножа..... И это не удалось!

Тяжесть дюжаго туловища, поднятаго въ воздухѣ на упругости членовъ одной руки, насильственность движеній, давленіе накрѣпко сжатаго узла, причиняли извергу мученія настоящей пытки: кости у него вывертывались и рвались; внѣ кровь лилась въ рукавъ изъ подъ веревки, прорѣзавшей кожу; внутри кровь изъ руки и груди съ жаромъ неслась въ голову. Поминутно казалось, будто рука, разорвется. Онъ ужъ желалъ бы, чтобы она лучше разорвалась! Опасеніе скораго возвращенія людей, страхъ быть пойманнымъ въ этомъ положеніи, нетерпѣніе, досада, злодѣянія, разбои, казнь, — вся его преступная жизнь, — всѣ странныя ожиданія его жизни сперлись въ мутномъ его воображеніи, запрудили его, взволновали и заставили разлиться волнами горькаго отчаянія по мрачнымъ пропастямъ души его. Холодный потъ выступилъ на его челѣ. Несмотря на тигровую его терпѣливость, страданія наконецъ исторгли изъ желѣзной груди стонъ жалкій, болѣзненный.

Дуня, въ своемъ остолбенѣніи, поглощенная бездонною мыслію о предстоящей смерти, все это время смотрѣла на его движенія безъ любопытства и безъ удивленія. Она долго не понимала, что такое онъ дѣлаетъ, и даже не пыталась понять его дѣйствій. Неизбѣжная погибель обняла уже всѣ ея понятія и чувства гробовымъ усыпленіемъ. Она еще стояла, но уже не жила. Но внезапный стонъ злодѣя разбудилъ ее. Она увидѣла, какъ-бы изъ просонья, кровь на немъ, кровь на полу, ужасно разинутый ротъ, обнаженные кривляніемъ зубы, красные, выкатившіеся глаза; она прочитала его страданія на взрытомъ, измученномъ лицѣ, и отгадала все дѣло. Умъ ея озарился надеждою; она уже начинала думать о своемъ спасеніи.

— Авдотья!!!... подвинь столикъ! закричалъ онъ измѣненнымъ, но еще грознымъ и повелительнымъ тономъ, который опять пронзилъ ее испугомъ и принудилъ къ слѣпому повиновенію волѣ убійцы. Она снова потеряла присутствіе духа. Несчастная Дуня подвинула къ нему уголъ столика. Извергъ успѣлъ достать его пальцами одной ноги: онъ оперся, поднялъ вверхъ на нѣсколько линій собственную свою тяжесть и тяжесть своей совѣсти..... То была для него минута небесной сладости! Никогда еще не ощущалъ онъ другой подобной въ жизни, даже послѣ удачнаго убійства. Боль облегчилась; онъ отдохнулъ. Но лѣвая рука, которую хотѣлъ онъ употребить къ освобожденію кисти изъ роковой петли, уже омертвѣла, лишилась силы и жизни. Петля затиснута была слишкомъ туго. Негодяй почувствовалъ, что самъ собою ничего онъ не сдѣлаетъ.

— Авдотья Еремѣевна!.... другъ мой!.... мое сокровище!.... кормилица!.... спасительница!.... сдѣлай милость!.... взлѣзь на столикъ сама!..... отвяжи мою руку!..... Я прощу тебя!.... Оставлю тебя живою..... Я хотѣлъ только пошутить.... Ахъ, голова кружится!

Страданія изверга растрогали сердце доброй дѣвушки. Чувство состраданія въ женщинѣ нерѣдко подавляетъ мысль о личной опасности: женщина мыслитъ сердцемъ, сказалъ кто-то недавно въ тысячу триста двадцать второй разъ отъ вымышленія типографіи. Состраданіе заняло въ Дунѣ мѣсто страха, потушило голосъ любви къ жизни. Она взлѣзла на столикъ, и долго, долго мучилась съ узломъ, — и не могла распустить его.

— Сдѣлай милость!.... благодѣтельница!.... понщи ножа!.... Разрѣжь эту проклятую веревку! Я умираю отъ боли.....

Дѣвушка соскочила со столика и побѣжала въ буфетъ. Бѣдная дѣвушка! она не знаетъ, какую награду готовитъ ей гость съ краснымъ носомъ за ея доброе сердце. Она отыскала ножъ; уже бѣжитъ къ нему; уже вбѣжала въ двери той комнаты, гдѣ находился страдалецъ, какъ вдругъ столикъ, на который опиралась его нога, опрокинулся съ ужаснымъ стукомъ. Онъ только хотѣлъ перемѣнить ногу, зашевелился, подавилъ уголъ столика другою ногою, и лишился своей опоры. Онъ опять повисъ въ воздухѣ всѣмъ тѣломъ! Пронзительный ревъ былъ знакомъ нечаяннаго возобновленія прежнихъ страданій. Дуня остановилась въ дверяхъ. Искривленное дикимъ образомъ лице его проникло ее невольнымъ ужасомъ: ей казалось, что она видитъ лице сатаны. Это лице приковало ее къ мѣсту: она дрожала и не смѣла сдѣлать ни шагу впередъ.

Какъ быть? Она оглянулась и увидѣла подлѣ себя открытое окно: ей даже не пришло на мысль, что можно имъ воспользоваться. Но онъ такъ страждетъ! Ахъ, какъ онъ ужасно кричитъ!... Ужъ надо ему отрѣзать веревку!.... Дуня подвинулась шага на три впередъ. Ахъ, какая страшная рожа!.... Дуня отскочила назадъ, и, машинально, сама о томъ не думая, — прыгъ! — и выскочила въ окно на дворъ.

Очутясь на дворѣ, она сама еще не знала, что сдѣлала, и что ей остается дѣлать. Она только ушла отъ страшной, сатанинской его рожи, а не отъ него. Этотъ человѣкъ заколдовалъ ее своимъ взглядомъ! Онъ еще былъ хозяинъ ея жизни! Колѣни шатались подъ нею: она не смѣла удалиться отъ окошка.

— А!!..... чертовка!.... возопилъ свирѣпымъ голосомъ извергъ, борющійся съ пыточными терзаніями

своей выдумки. Умно же ты сдѣлала, а то я бы зарѣзалъ тебя, какъ курицу!

Эти слова, произнесенныя съ болью, съ отчаянiемъ, со злостью, мигомъ возвратили дѣвушкѣ умъ и память. Она помчалась за ворота. Въ ужасной шуткѣ злодѣя заключалась его же ужасная погибель. Думалъ ли онъ, что завязываетъ эту петлю для самого себя? Думала ли она, что это страшное мгновенiе, когда одна ея нога уже стояла въ гробу, было минутой спасенiя невинности и примѣрной казни злодѣянiя? Здѣсь было Провидѣнiе! Оно есть всюду. Тѣ лгутъ безчестно, которые утверждаютъ, будто порокъ и преступленiе одни счастливы въ семъ мiрѣ.

Она бѣжитъ, бѣжитъ изо всей мочи: никого не видно! Она бѣжитъ далѣе; уже у нея заняло духъ; уже она выбивается изъ силъ, все еще не смѣя оглянуться, чтобъ не увидѣть позади себя этой страшной рожи, чтобъ опять не попасться въ его руки.... Нигдѣ ни живой души!

Она взбѣжала на возвышенiе.

— Ахъ! это нашъ управитель!... Вотъ и нашъ Васька! И Прохоръ!.... Ахъ, и онъ съ ними!

Онъ, то есть, несравненный Иванъ, лакей губернаторскiй. Всѣ они возвращались изъ кабака, счастливые, какъ души въ раю, беззаботные, веселые, распѣвая любовныя пѣсенки, покидывая шапки вверхъ, злословя своихъ господъ и исчерчивая дорогу безконечнымъ зигзагомъ. Дуня полетѣла къ нимъ. Она была блѣдна, съ растрепанною косою, съ выпяленными глазами, безъ платка на груди, въ совершен-

номъ разстройствѣ. Они встрѣтили ее плоскими шутками.

– Ступайте скорѣе! кричала она. Онъ повисъ!.... виситъ!.... виситъ, злодѣй!.... Скорѣе, братцы!

– Ахъ, любушка, голубушка! кричали они, смѣясь. Кто виситъ?... гдѣ?... Поцѣлуй насъ, Душонка!.... Любо жить на этомъ свѣтѣ!

– Виситъ, говорятъ вамъ!.... Не смѣйтесь!... Бѣгите на мызу!.... Берите колья, топоры, ружья!.... Воръ. разбойникъ! грубіянъ! съ усами и съ краснымъ носомъ!... Хотѣлъ меня зарѣзать какъ курицу, повѣсить!...

Они ускорили шаги, вооружились чѣмъ кто могъ, и, выломавъ дверь въ сѣни, вошли въ покои. Онъ уже былъ безъ чувствъ: кровь лилась изъ него ртомъ и носомъ; рука, на которой онъ висѣлъ, вытянулась на поларшина болѣе противъ прежней мѣры. Они сняли его съ веревки, и связали.

По возвращеніи почтеннѣйшаго Гаврилы Михайловича и почтеннѣйшей Прасковьи Егоровны изъ города, въ тотъ же вечеръ былъ онъ отправленъ въ тюрьму и преданъ въ руки правосудія; и правосудіе признало съ удивленіемъ, что оно никогда еще не видывало – такой длинной руки!

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ЧУХОНСКАЯ КУХАРКА,

или

ЖЕНЩИНА НА ВСѢХЪ ПРАВАХЪ МУЖЧИНЫ,

или

LA FEMME ÉMANCIPÉE DES SAINT-SIMONIENS.

=

ЭПИЛОГЪ КЪ ФИЛОСОФИЧЕСКИМЪ ГЛУПОСТЯМЪ XIX ВѢКА.

=

Нашелъ! нашелъ!

АРХИМЕДЪ.

Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ философы прогнали бѣдное человѣчество сквозь строй всѣхъ возможныхъ глупостей. Чѣмъ насъ не хлестали они за грѣхи наши! И республиками, и естественною, т. е. бараньей вѣрою, и всемірною представительною монархіей, и гильотиннымъ равенствомъ, и всякой всячиной, чего нельзя ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ описать. А изъ чего была вся эта напасть? Изъ одного человѣколюбиваго правила — «что твое, то мое, а что мое, до того тебѣ дѣла нѣтъ.»

Казалось бы, что пора людямъ перебѣситься: но нѣтъ! — чѣмъ далѣе въ воду, тѣмъ глубже. Вотъ, въ наше время, возстала секта Сенсимонистовъ, которая пресерьозно предлагаетъ роду человѣческому отречься отъ собственности, раздѣлить имущество по-братски, соразмѣрно съ умомъ и способностями каждаго, и жить

общинами, припѣваючи псалмы, сочиненія основателей секты. Любопытно знать, что выигралъ бы Ротшильдъ въ этомъ дѣлежѣ, и что потеряли бы лѣнивцы и пьяницы съ братьей? Но объ этомъ господа Сенсимонисты не безпокоятся. Они обѣщаютъ великія блага своимъ послѣдователямъ, именно, право запустить бороду, право ходить въ шутовскомъ камзолѣ по улицамъ, право не заботиться о воспитаніи дѣтей своихъ и о поведеніи и прокормленіи жены, и право чистить собственные и чужіе сапоги, и рыть гряды въ общественномъ саду. Все это прекрасно; но новые апостолы позабыли, что всѣми этими благами люди могутъ наслаждаться даромъ, не дѣлясь имѣніемъ; что наши Русскіе кучера, не будучи Сенсимонистами, носятъ преокладистыя бороды; что наши модные фраки почти такъ же смѣшны, какъ Сенсимонистскіе камзолы; что у насъ и безъ Сенсимонистовъ давно ведется обычай не заботиться ни о женѣ, ни объ дѣтяхъ, и что чистка сапоговъ и копанье грядъ любителямъ этихъ занятій не запрещены ни какимъ закономъ. Родъ человѣческій, на возваніе Сенсимонистовъ отвѣчалъ: Соловья баснями не кормятъ! — а Парижская полиція, догадываясь, что нравственность Сенсимонистовъ ничѣмъ не отличается отъ высокой нравственности уличныхъ воровъ, которые также дѣлятся чужою собственностью для уравненія имуществъ, только тихомолкомъ, не напѣвая псалмовъ, — Парижская полиція выпроводила господъ философовъ за шлагбаумъ, продержавъ сперва старшинъ секты въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ ворами, для уравненія послѣдствій, проистекшихъ отъ однихъ началъ. Тогда старшина секты, называющій себя «верховнымъ отцемъ,» Père suprême, мусье Анфантенъ, бывшій нѣкогда гувернеромъ въ Петербургѣ, ударилъ себя по лбу и сказалъ своимъ товарищамъ: Братья! родъ человѣческій еще не созрѣлъ, глупъ и не хочетъ раздѣлить между нами

плодовъ своего труда и бережливости, отговариваясь тѣмъ, будто отъ насъ такая же прибыль, какъ отъ козла, – ни шерсти ни молока; надобно перевоспитать родъ человѣческій, и это великое дѣло должно начать съ женщинъ, потому что ихъ попеченію ввѣрено наше дѣтство, и отъ нихъ получаются первыя впечатлѣнія. Но чтобъ привлечь женщинъ на нашу сторону, надобно имъ дать что-нибудь, а какъ у насъ ничего нѣтъ, и родъ человѣческій еще не подѣлился съ нами своимъ имуществомъ, то мы должны обѣщать что-нибудь. По силѣ данной мнѣ вами власти, я обѣщаю женскому полу освобожденіе отъ зависимости мужчинъ, и право занимать всѣ мѣста и должности, которыя занимали до сихъ поръ одни мужчины. Разсудите, на что не рѣшится женщина, чтобъ имѣть право отдать подъ судъ невѣрнаго любовника или посадить подъ арестъ докучливаго мужа! Подумайте, на что не посягнетъ женщина, чтобъ лично командовать полкомъ удальцовъ! Такъ я вамъ объявляю освобожденіе женскаго пола, l'émancipation de la femme. Но, чтобъ повести дѣло съ успѣхомъ, намъ нуженъ образецъ, а потому мы должны отыскать, гдѣ бы то ни было, освобожденную уже женщину, la femme émancipeé, которую назовемъ «верховною матерью» femme mère. Подъ этимъ предлогомъ отправимся, друзья мои, странствовать по бѣлу свѣту, и начнемъ съ странъ Востока, съ магометанскаго исповѣданія. Тамъ родъ человѣческій не такъ глупъ, какъ въ нашей состарѣвшейся Европѣ, и позволяетъ пашамъ дѣлить чужую собственность. Тамъ, на Востокѣ, какъ видите, уже посѣяны сѣмена Сенсимонизма; притомъ же тамъ странниковъ кормятъ даромъ, ежели у нихъ нѣтъ денегъ, потому что Магометъ повелѣлъ и собаку кормить даромъ, когда собака отстала отъ своего хозяина. Такъ, господа, бороду въ зубы, котомку на плечи, – и маршъ!»

Сказано и сдѣлано. Сенсимонисты отправились въ путь. Сперва они завернули въ Константинополь, но оттуда ихъ выпроводили по добру, по здорову. Тогда направили они стопы въ Египетъ, къ старику Алипашѣ, который изъ всего извлекаетъ выгоды и радъ бы вить веревки изъ песка. Посмѣявшись, подъ рукою, надъ глупостью жителей Франкистана, Алипаша не выгналъ однако жъ Сенсимонистовъ изъ Египта: онъ смѣкнулъ, что между ними, какъ во всякой сектѣ, есть дураки и плуты, — употребилъ всѣхъ въ дѣло, чтобы не кормить даромъ, и велѣлъ имъ быть школьными учителями, а за то позволилъ старшинѣ отыскивать на всѣхъ базарахъ ту рѣдкость, за которою онъ отправился въ путь, потому что на базарахъ Египта сбираются всѣ сварливыя старухи и всѣ безобразныя невольницы. И вотъ наши Сенсимонисты теперь въ Египтѣ, отыскивая чудо чудное, диво дивное, — женщину освобожденную отъ власти мужчины. Знали же Сенсимонисты, гдѣ искать такого кладу!

Видно, что отецъ Анфантенъ помѣшался въ умѣ съ горя, или съ радости. Вѣдь онъ былъ въ Петербургѣ: какъ же ему не знать, что у насъ изстари ведется цѣлое племя женщинъ, освобожденныхъ отъ всякой власти мужчинъ, племя составляющее особый Амазонскій народъ, племя, подъ властью котораго состоятъ почти три четверти Петербурга, племя господствующее въ кухняхъ, на Конной, на Сѣнной, въ мясныхъ и овощныхъ рядахъ, на Никольскомъ, на Кругломъ и на Андреевскомъ рынкахъ? Это племя — чухонскія кухарки.

Есть между ними и молоденькія, и хорошенькія, но онѣ нейдутъ въ счетъ. Это только ученицы, рекруты, и пока не выдержатъ времени искуса, не причисляются къ племени. Еще можетъ случиться, что

прелестная кастрюльная героиня попадетъ въ горничныя, а по мѣрѣ выгодныхъ условій вознесется выше и выше, или спадетъ ниже и ниже. Судьба ихъ еще не рѣшена. Очагъ для начинающей съ молодыхъ лѣтъ кухарки есть то же, что вѣщій жертвенникъ Египетскихъ жрецовъ. Въ этомъ пламени сокрыта будущая участь ея. Не будучи даже ни красивою, ни слишкомъ молодою, можно отъ очага попасть прямо въ храмъ фортуны. Начинающая кухарка знаетъ это, и часто предается мечтамъ, пока доваривается супъ или дожаривается жаркое. Мечты и надежды, промерзнувъ въ головѣ поэта и исчахнувъ въ сердцѣ несчастнаго искателя, иногда залетаютъ погрѣться въ кухню.

Въ Петербургъ, какъ въ большой улій, слетаются съ цѣлаго свѣта пчелы и трутни. Трудолюбивый ремесленникъ, коммиссіонеръ купеческой конторы или художникъ идутъ къ намъ за хлѣбомъ съ живописныхъ береговъ Рейна, съ горъ Апенинскихъ, изъ виноградниковъ Франціи или изъ тумановъ Англіи. Первая тысяча рублей, добытая честнымъ трудомъ, — первая тысяча почти всегда пріобрѣтается честно, — употребляется на наемъ квартиры и заведеніе небольшаго хозяйства, въ которомъ первая принадлежность есть кухарка. По естественному ходу вещей, она дѣлается первымъ и главнымъ лицемъ въ домѣ нововодворившагося иностранца, по своимъ познаніямъ въ Статистикѣ, въ Филологіи и въ Политической Экономіи, источникѣ домашняго благоденствія. Мастерскія наши наполнены работниками Финскаго племени и Русскими: Нѣмецъ или Французъ только блеститъ на вывѣскѣ. Безъ помощи своей кухарки мастеръ-хозяинъ былъ бы глухъ и нѣмъ, а что еще хуже, былъ бы трижды въ день надутъ нашими смышлеными лавочниками, мясниками, зеленщиками и лабазниками, которые, еще во время посѣщенія Мо-

сквы Гербсрштейномъ, умѣли продавать товаръ лицемъ, и смѣялись надъ мудростью Нѣмцевъ. Такъ хозяинъ, по неволѣ, долженъ быть зависимымъ отъ своей кухарки, которая, пользуясь своимъ положеніемъ, прибираетъ хозяина въ когти, и гладитъ то по шерсти, то противъ шерсти. Наконецъ зависимость превращается въ привычку, а привычка въ другую натуру, и если мастеръ-хозяинъ, или полукупецъ, не найдетъ случая выбиться изъ зависимости своей кухарки при помощи брачнаго союза съ цеховою вдовою или гильдейскою дочкою, то дѣло кончается тѣмъ, что кухарка становится мадамою слесаршею или кузнечихою, даже купчихою, одѣвается въ шелкъ и батистъ, и ѣздитъ на балы въ биргеръ-клубъ, гдѣ весьма основательно критикуетъ паштеты съ пригорѣлымъ масломъ, и рябчики, которые пахнутъ кладбищемъ.

Иногда и дворянская мантія ниспадаетъ на плеча, согрѣтыя очажнымъ пламенемъ. Бѣдный, трудолюбивый чиновникъ безъ роду и племени, безъ связей и знакомствъ, заводится домкомъ, на холостую ногу. У него много работы, и онъ любитъ посидѣть дома въ халатѣ, покушать любимаго блюда. Трактирная жизнь дорога, прачка еще дороже; онъ принимаетъ чухонскую кухарку, которая кормитъ его, обмываетъ, обшиваетъ, ухаживаетъ и прискребываетъ, приголубливаетъ и пришпориваетъ, и наконецъ..... Конецъ тотъ же, что и съ мастеровымъ. Кухарка дѣлается ея благородіемъ, ея высокоблагородіемъ, и такъ далѣе.

Но все это исключенія изъ правила. Почтенному отцу Анфантену, верховному отцу Сенсимонистовъ, не въ этомъ разрядѣ должно искать верховной матери, женщины на правахъ мужчины, une vraie femme émancipée. Онъ найдетъ ее въ числѣ тѣхъ кухарокъ, которыя уже прошли сквозь огнь и воду, служили и у

мастеровъ, и у купцовъ и у чиновниковъ, и у холостыхъ, и у вдовцевъ, и у женатыхъ, и остались въ своемъ почтенномъ званіи до просѣди въ волосахъ и до румянца на оконечности вздернутаго носа. Описывать поодиначкѣ всѣхъ этихъ кандидатокъ въ верховныя матери мнѣ такъ же невозможно, какъ невозможно въ Этнографіи и Статистикѣ описывать особо каждаго жителя страны. Отецъ Анфантенъ есть ядро всеобщей представительной системы: поэтому мы имѣемъ честь представить ему представительницу всѣхъ кандидатокъ въ верховныя матери, одну изъ тысячъ, взятую на выдержку.

Верховному отцу только трудно будетъ объясниться съ будущею подругою и сподвижницей въ гигантскомъ трудѣ преобразованія рода человѣческаго на философическую стать. Почтенныя кухарки говорятъ языкомъ, для понятія котораго надобно имѣть безпрестанно подъ рукою лексиконы Финскаго, Эстонскаго, Нѣмецкаго и Русскаго языковъ; рѣчи ихъ нашпигованы словами четырехъ языковъ, и представляются слуху въ видѣ окрошки или фрикасé изъ остатковъ вчерашняго разнороднаго жаркаго. Кромѣ того, надобенъ особенный навыкъ, чтобъ понимать ихъ произношеніе: онѣ обрубаютъ языкомъ согласныя буквы при взаимномъ ихъ сочетаніи, какъ обрубаются когти у жареныхъ цыплятъ и рябчиковъ. Чтобъ понимать этотъ языкъ, не нужно однако жъ ни какой грамматики, потому что Петербургскія кухарки не употребляютъ этой тяжелой пищи, подобно всѣмъ самороднымъ геніямъ. А что наши Петербургскія кухарки геніи, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Петербургская кухарка не учится вовсе своему ремеслу, пріѣзжаетъ въ Петербургъ изъ Ревеля или изъ Выборга, гдѣ только весьма богатые люди держатъ поваровъ, а семейства, довольствующіяся кухаркою,

не употребляютъ болѣе трехъ блюдъ, даже въ праздники. Основаніе этихъ блюдъ—невинный картофель, смиренная капуста и скромные горохъ и бобы, съ весьма малымъ количествомъ мяса и цѣлою бездною молока. Спрашивается: какимъ же средствомъ, если не вдохновеніемъ генія, эти кухарки изготовляютъ отлично пудингъ и ростбифъ у Англичанина, макароны и стуфату у Италіянца, сладкіе соусы у Германца, славныя щи и кулебяки у Русскаго, рагу съ трюфелями и паштеты у Француза, когда онѣ отъ роду не видывали этихъ чудесъ? Кухарка, подобно великимъ поэтамъ и всѣмъ великимъ геніямъ, пользуется не внушеніями, а преданіями. Въ душѣ ея, въ этомъ безсмертномъ очагѣ, горитъ любовь къ искусству, — и только одна любовь къ своему ремеслу производитъ чудеса; голова ея, какъ кастрюля, переваривается всѣ идеи о поваренномъ искусствѣ. Оттого кухарка пользуется въ домѣ и внѣ дома полнымъ уваженіемъ. Дворникъ, носящій дрова и воду; кучеръ, приходящій погрѣться въ кухню; служанки, нагрѣвающія свои кофейники у господскаго очага; лакей, съѣдающій остатки господскаго обѣда, и даже барышни, для которыхъ нагрѣваются въ кухнѣ утюги и щипцы для папильотовъ, — всѣ льстятъ владычицѣ кухни, всѣ признаютъ ея господство въ важнѣйшемъ отдѣленіи дома. Признакъ ея могущества, замѣняющій диктаторскій жезлъ, есть огромный мѣдный кофейникъ, кипятящій съ утра до ночи лакомое пойло изъ цикорія съ примѣсью кофе. Этотъ кофейникъ есть необходимая принадлежность кухарки, точно такъ же какъ огромный перкалевый чепецъ, вздернутый носъ, рыжіе или сѣро-пепельные волосы и кошачьи глаза. Голосъ ея, какъ горное эхо, раздается въ кухнѣ и страшитъ даже прохожихъ по черной лѣстницѣ. Горе служителю дома, попавшему въ немилость кухарки, которою довольны господа! Ему не удастся даже лизнуть господ-

скаго блюда, и онъ не приблизится никогда къ благословенному очагу, не понюхаетъ пара кастрюль! Но кто осмѣлится противорѣчить той, которой платятъ дань и зеленщикъ и мясникъ и лабазникъ, и даже смышленая охтинская молочница, подчующая, съ ея позволенія, господъ, вмѣсто густыхъ сливокъ, молочной кашицей изъ пшеничной муки, съ мелкомъ или известью! Всѣ поставщики съѣстныхъ припасовъ должны дѣлиться съ ней барышами, какъ нѣкогда дѣлились смиренные жители городовъ съ феодальными баронами, и какъ нынѣ подрядчики и поставщики дѣлятся съ.... съ кѣмъ бишь? – досказывать не мое дѣло: а разумѣется съ тѣми, кто можетъ и хочетъ подѣлиться.

Если мужчины покланяются и несутъ дары женщинѣ не за красоту ея, то вѣрно по важности ея отца, мужа, брата или зятя. Одна только кухарка беретъ дань по занимаемому ею мѣсту, слѣдовательно она одна на правахъ мужчины.

Надобно видѣть ее подъ качелями или въ Екатерингофѣ, когда она, накормивъ господъ, наслаждается прогулкою, наряженная въ новый кисейный чепецъ, въ ситцевое или даже въ шелковое платье безъ корсета, въ купавинскій платокъ, и когда землякъ ея, слесарь или сапожникъ, ведетъ ее торжественно подъ руку, вооруженный въ другой рукѣ пряникомъ и орѣхами. Гордо смотритъ она на весь женскій полъ, смѣло расталкиваетъ толпу миловидныхъ и робкихъ горничныхъ и магазейныхъ швей, и не уступаетъ дороги даже женамъ кузнеца и мѣдника, прежнимъ ея подругамъ. Въ теченіе двадцати-лѣтняго своего пребыванія въ Петербургѣ, она служила, по крайней мѣрѣ, въ пятнадцати домахъ, и знаетъ множество народу. Множество лакеевъ, дворниковъ, лавочниковъ

знаютъ ее и кланяются ей, не довѣряя судьбѣ, могущей свести ихъ снова въ одну кухню. Она чувствуетъ важность свою, и принимаетъ поклоны небрежно. Зачѣмъ ей унижаться! Зрѣлая дѣва или давнишняя вдова, разведенная съ мужемъ жена или жена отказавшаяся отъ мужа, пьющаго запоемъ въ Ревелѣ или въ Выборгѣ, кухарка уже не ищетъ жениховъ въ толпѣ народа, слѣдовательно не имѣетъ нужды притворяться смиренницей, какъ то дѣлаютъ дѣвицы въ публикѣ, чтобъ развернуться послѣ того дома. Кухарка всегда въ своемъ характерѣ, какъ слѣдуетъ быть самостоятельному мужчинѣ: она не надѣваетъ маски при чужихъ людяхъ, какъ всѣ искательницы женихов, и всегда одинаково сварлива, упряма и голосиста подъ качелями, какъ въ кухнѣ, на рынкѣ, какъ въ лавкѣ. А развѣ это не права мужчины?

Хотя кухарка пріѣзжаетъ въ Петербургъ обыкновенно изъ Эстляндіи или изъ Финляндіи, но отечество ея — terra incognita, «страна неизвѣстная». Она говоритъ всегда, что она родомъ *Ведка*. Въ географіи нѣтъ ни народа Ведовъ, ни страны Веціи. Слѣдуя системѣ всѣхъ изыскателей происхожденія языковъ, всѣхъ этимологовъ, я пытался прибавлять различныя буквы къ этому названію, и нашелъ, что къ названію «Ведка» лучше всѣхъ пристаетъ буква Ш. Ужели моя кандидатка въ верховныя матери соотечественница Густава Вазы и королевы Христины? Шведскія слова есть въ языкѣ кухарки, но тутъ же есть и Нѣмецкія и Русскія. Справляюсь съ паспортомъ, съ слухами, которыми земля полнится, сличаю все это съ ея собственными показаніями, но не нахожу въ цѣлой родословной ея ни одного Шведа, ни одной Шведки, а напротивъ того вижу цѣлый рядъ Эстовъ и Финновъ, которыхъ древность происхожденія теряется въ исторіи салакушки. Такъ нѣкоторыя племена Аф-

рики и Америки ведутъ родъ свой отъ льва и тигра; но они вовсе не почтеннѣе моей кухарки, потому что левъ и тигръ пожираетъ человѣка, а человѣкъ ѣстъ салакушку.

О верховный отче, мусье Анфантенъ! явись къ намъ изъ Египта, брось Египетскую грамоту, и пади къ ногамъ Петербургской чухонской кухарки, дозрѣвшей, но еще не пережарившейся въ жаркой нашей кухнѣ. Воскликни, подобно Архимеду, разрѣшившему случайно важную математическую задачу: «Нашелъ! нашелъ!» Вотъ верховная мать, подъ пару тебѣ, верховному отцу! Эта Mutterchen обмоетъ тебя, расчешетъ твою сенсимонистскую бороду, напоитъ тебя цикоріемъ съ кофе, и накормитъ хорошимъ супомъ, отъ котораго, можетъ-быть, желудокъ твой поправится, а въ слѣдствіе этого поправится и голова, въ чемъ ты имѣешь великую надобность. Я тебѣ исчислилъ всѣ высокія качества, всѣ преимущества моей кандидатки, и послѣ этого ты не можешь сомнѣваться, что она не есть la femme émancipée, «женщина на всѣхъ правахъ мужчины.» Не только что она не зависитъ отъ мужчины и владычествуетъ имъ, живя и управляясь самостоятельно, но она даже беретъ взятки, которыя у всѣхъ народовъ составляютъ неоспоримую привилегію мужчинъ, по силѣ законовъ, дозволяющихъ однимъ мужчинамъ занимать должности, подверженныя взяткамъ. Возрадуемся и возвеселимся всѣ мы, называющіеся человѣками, съ позволенія философовъ и политиковъ, владѣющихъ непослушною имъ вселенною. Наступила для насъ эпоха преобразованія. Верховный отецъ, мусье Анфантенъ, нашелъ себѣ верховную мать, и съ этой минуты начинается *эмансипація*, или освобожденіе женскаго пола изъ-подъ власти мужчинъ, и допущеніе ихъ пользоваться одними правами съ мужчинами. Превос-

ходная затѣя! Только, пожалуйста, выберемъ въ судьи и въ секретари миловидныхъ, пріятныхъ и ласковыхъ дамъ. У меня есть прескучный, предлинный процессъ, и есть также четыре красивые и удалые двоюродные брата въ гусарахъ. Я поручу имъ ходатайство по моему дѣлу. А вы, почтенные содержатели и ловкія содержательницы модныхъ магазиновъ, не правда ли, что вы также желаете, чтобъ дамы были казначеями, чтобъ онѣ составляли тарифы и управляли таможнями? Тогда бъ вѣрно не было ни контрабанды, ни длинныхъ счетовъ въ долговыхъ книгахъ. Я боюсь одного только: именно боюсь повѣрить дамамъ почту. Неужели ревность не разломала бы печати на письмѣ любовника? Трудно будетъ воздержаться отъ искушенія. Но за то, какіе прелестные были бы у насъ балы, какіе превосходные пѣвцы въ оперѣ, какъ было бы намъ весело! Благодарю тебя покорно, мусье Анфантенъ, за это изобрѣтеніе, хотя не намѣренъ подѣлиться съ тобой малымъ моимъ имуществомъ, а ты долженъ вдвое благодарить меня, потому что я далъ тебѣ «верховную мать» и не хочу ничего отъ тебя за это, ни бороды твоей, ни головы твоей, ни осла твоего, ниже самого тебя!

ѲАДДЕЙ БУЛГАРИНЪ.

*

МѢСТНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ

РУССКАГО МІРА.

=

Въ пословицахъ и поговоркахъ всякаго народа видимъ мы или философію простолюдиновъ или исторію ихъ отечества: однѣ — общія всѣмъ племенамъ, какъ здравый смыслъ; другія объясняются только жизнію политическою, изъ которой онѣ проистекли, и принадлежатъ извѣстному мѣсту (мѣстныя, топографическія), времени (хронологическія), или къ извѣстнымъ лицамъ.

Взглянемъ здѣсь на первыя, которыя часто въ рѣзкихъ чертахъ изображаютъ положеніе и отличительныя свойства мѣста и жителей, достопамятности и т. п. Рѣдкій городъ, рѣдкое селеніе, гора, лѣсъ и рѣка, не оглашены такими пословицами: онѣ, вмѣстѣ съ преданіями, дополняютъ Исторію, и при недостаткѣ положительной истины, утѣшаютъ насъ намеками; въ нихъ нерѣдко вѣроятіе есть приближеніе къ достовѣрности. Съ измѣненіемъ самыхъ предметовъ, и пословицы эти измѣняются: оттого онѣ бываютъ или *обветшалыя*, сохранившіяся только въ грамматахъ, лѣтописяхъ, пѣсняхъ и преданіяхъ, или донынѣ *употребительныя*, которыя переходятъ изъ устъ въ уста, примѣняясь часто и къ новымъ предметамъ.

Объяснимся примѣрами подобныхъ пословицъ нашего Русскаго міра.

Колыбель Русской Церкви, Кіевъ, у Нестора называется не отцемъ, но, по свойству Греческаго языка, *матерью градовъ Русскихъ*, какимъ онъ слыветъ и въ

простомъ народѣ. Какъ изо всей Россіи стекаются жители для богомолья въ «богоспасаемый градъ»; то о дорогѣ къ нему есть пословица — *языкъ до Кіева доведетъ*, а Малороссіяне прибавляютъ — *и до кія*, то есть, до палки, потому что подъ Кіевомъ былъ дремучій боръ, гдѣ важивались разбойники. Съ прекращеніемъ разбоевъ пословица получила переносное значеніе, что — *языкъ голову кормитъ и до смерти доводитъ*; равнымъ образомъ и слѣдующая въ собственномъ смыслѣ относится къ мельницамъ у Кіева, а въ переносномъ значитъ, что тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ — *Жернова говорятъ: въ Кіевѣ лучше; а ступа говоритъ: что тутъ, то тамъ.*

Татищевъ свидѣтельствуетъ, будто гордый Игорь въ XII вѣкѣ велѣлъ сказать Изяславу Мстиславичу: «Не шуми за нечью, сверчокъ!» Но когда Изяславъ разбилъ его, тогда вошло на Руси въ поговорку—*Сверчокъ Тмутаракань побѣдилъ.*

О величіи и могуществѣ Новгорода кому не извѣстна пословица, повторенная иностранными писателями — *Кто противъ Бога и великаго Новагорода?* Она была символомъ союзниковъ Ганзы, и осталась въ воспоминаніи, такъ какъ титло «Великаго» въ молитвахъ церковныхъ.

О братскомъ союзѣ Новгородскаго княжества съ Псковскимъ свидѣтельствуетъ старинная пословица — *Душа на Великой, а сердце на Волховѣ:* на Великой рѣкѣ Псковъ, а на Волховѣ Новгородъ. Въ Новгородской области пронырливаго человѣка называютъ *лисою Патрикеевною*, именемъ Литовскаго Князя Патрикея Наримонтовича, который въ XIV вѣкѣ посѣялъ вражду между согражданами, и столько сдѣлался извѣстенъ своими хитростями и кознями, что имя его вошло въ притчу. Вѣроятно, къ нему же относится другая поговорка — *Патрикей самъ третей.*

Владимірцы слыли у давнихъ и старшихъ Ростовцевъ и Суздальцевъ *новыми* и *мизенитми*. «Не разумѣ«ша, говоритъ Лѣтописецъ, правды Божья исправити «Ростовцы и Суздальцы давніи и старшіи творяшесь; «новіи жъ людіе и мизеннiи Володимирстіи уразумѣв«ше, яшась по правду крѣпко.» О самомъ Владимірѣ на Клязмѣ, во время открытія намѣстничества, была еще поговорка, что тамъ три чуда — *деревянныя печи, золотыя ворота и желѣзныя церкви*. Первыя находились въ старинномъ домѣ архіерейскомъ, бывшемъ близь Успенскаго Собора. Золотыя Ворота и донынѣ тамъ существуютъ по имени, отъ позлащенной на нихъ главы; но Серебряныхъ Воротъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, и слѣда нѣтъ. Золотыми, по свидѣтельству Дюканжа*, назывались тѣ ворота въ большихъ городахъ, чрезъ кои совершались крестные ходы и торжественныя шествія, какъ въ Константинополѣ *πύλαι χρυσαί*, porta aurea, по образцу которыхъ сооружены были ворота того имени и въ Кіевѣ. Въ Римѣ у базилики Св. Петра находились Серебряныя Ворота, porta argentea. «Желѣзная церковь» стояла во Владимірѣ близъ Рожественскаго монастыря, и уничтожена въ концѣ XVIII вѣка.

Послѣ Кіева, Новагорода и Владиміра, славилась Москва, которой имя служило ясакомъ въ битвахъ, какъ видно въ лѣтописяхъ изъ событій XV вѣка; по ней и вся Россія называема была у иностранцевъ «Московіею». Она, по вызолоченнымъ главамъ церквей и колоколень слыветъ — *золотыя маковки*; по зданіямъ изъ бѣлаго камня въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ-городѣ, *бѣлокаменною*. Московскія чудеса вошли въ поговорку — *Иванъ великій, царь колоколъ, да царь пушка*. Къ этимъ чудесамъ прибавлялись въ послѣдствіи и дру-

* Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis.

гія. Въ Украйнѣ говорятъ, что *въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей.* Каменный Мостъ на Москвѣ рѣкѣ также вошелъ въ поговорки и присловья для сравненія, напримѣръ — *дороже Каменнаго Моста; — честный человѣкъ лучше Каменнаго Моста.*

Кто не знаетъ ходячей поговорки, напоминающей, что отъ малыхъ причинъ часто происходятъ великія дѣла, или какъ говорятъ Краинцы, что — Iz male iskre postane weliki ogen: *Москва сгорѣла отъ копѣечной свѣчки.* Это объясняется словами лѣтописи подъ 1493 годомъ: «Іюля 28, загорѣсь отъ свѣчи церковь «Св.-Николы-на-Песку, и вста буря велія, и кинуло «огнь на другую сторону Москвы рѣки ко Всѣмъ-Свя«тымъ-на-Кулишкахъ». Отъ подобнаго же случая былъ Троицкій пожаръ въ 1737 году, когда царь-колоколъ, единственный въ свѣтѣ, упалъ въ ту самую яму, въ коей былъ вылитъ и гдѣ донынѣ лежитъ въ Кремлѣ*. Старинная поговорка примѣнилась къ новому случаю. О древней столицѣ по другимъ городамъ ведутся слѣдующія пословицы: — *Въ Москвѣ толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ. — Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ.*

Поговорка о непостоянствѣ — *на недѣлѣ семь пятницъ*, объясняется мѣстностію, потому что на Красной Площади въ Москвѣ было «семь обѣтныхъ пятницъ», — церквей во имя Св. Параскевіи (Пятницы), столь чтимой народомъ, который, по обѣту, въ пятки не работаетъ. Объ этихъ церквахъ упоминаетъ Желябужскій: «И стрѣльцы всѣхъ приказовъ сдѣлали на Мо«сквѣ на площади столбъ каменный у Старыхъ Пят«ницъ**.

* См. Собраніе разныхъ записокъ о Петрѣ I Ѳ. Туманскаго, ч. VII и Древнюю Росс. Вивліоѳ. III.

** Записки Графа Миниха, стр. 54, 55.

Въ Москвѣ также есть поговорка о Симоновѣ монастырѣ – *Есть черицы и на Симоновѣ, да не хвалятся,* то есть, добрые, благочестивые старцы. Царь Іоаннъ Васильевичъ, въ посланіи своемъ въ Кириловъ монастырь, пишетъ слѣдующее, служащее къ объясненію приведенной поговорки: «Сами видите на Симоновѣ, «кромѣ сокровенныхъ рабъ Божіихъ, точію одѣяніемъ «иноци, а мірская вся совершаются*. Въ Шенкурскѣ и Вельскѣ говорится о человѣкѣ, живущемъ выше своего состоянія, или не по одежкѣ протягивающемъ ножки – *У него расходъ какъ Кириллова монастыря, а приходъ Рѣпной Пустыни.*

По новости С. Петербурга, объ немъ мало пословицъ извѣстныхъ въ народѣ.

Ярославль городокъ, по пословицѣ, *Москвѣ уголокъ*; что говорится и о другихъ городахъ въ сравненіи съ древнею столицею. Въ Костромѣ пословица – *За голоднаго Богъ заплатитъ,* служитъ доказательствомъ хлѣбосольства зажиточной стороны, и равнодушія къ неблагодарности питаемыхъ ея хлѣбомъ**. Такъ какъ у Галичанъ есть особенное нарѣчіе – *Галичанскіе Алеманы,* то у нихъ изстарь существуетъ поговорка о городѣ и свойствѣ жителей: *Городъ Галичанъ, озеро Миронъ, а люди кривизна,* то есть, оборотливые, хитрые***. Поговорка – *Галичь Кострому обманулъ на острову,* по мнѣнію О. М. Діева, относится къ войнѣ Галицкаго Князя Димитрія Шемяки съ В. К. Василіемъ Темнымъ. Это происшествіе поясняется другою поговоркою – *Костромичи въ кучу, а Галичи прочь.* – *Перехтскій бѣгунъ* говорится о Перехтскихъ мѣщанахъ, которые переходятъ изъ одного села въ другое съ безменомъ для покупки пряжи.

* Ореады, изд. В. Дмитріева.

** Исторія Росс. Іерархіи, ч. I – VII.

*** Ѳ. Глинки, Письма къ другу.

Въ Костромской губерніи, между городами Юрьевцемъ и Кинешмою, есть большое и богатое село, о которомъ говорятъ тамъ — *Кинешма да Рѣшма купитъ да мутитъ, а Солдогда убытки платитъ*, или — *Отъ Рѣшмы до Кинешмы глазами докинешь ли?*

О Солдогдѣ, прежде столь знаменитомъ мѣстѣ на Волгѣ, разоренномъ Татарами въ 1429 году, между народомъ доселѣ идетъ поговорка, что *Солдогда горюха.* Въ это бѣдственное время Татары, подъ предводительствомъ Царевича Махмутъ-Хози, опустошивъ Галичь и Кострому, разграбили Кинешму и вѣроятно Солдогду. На Москвѣ говорятъ пословицей — *Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ*, въ томъ смыслѣ, что сходство склонностей и нравовъ сближаетъ людей между собою. Слово *плесо* въ Академическомъ Россійскомъ Словарѣ толкуется «извѣстнымъ пространствомъ поля или водъ»; но въ Костромской губерніи поговорка объясняется самымъ мѣстомъ: Плесо есть городъ*, стоящій на излучистомъ берегу Волги, гдѣ она «прошла плесомъ», то есть, излучиною: отъ чего вѣроятно и Плесо получило свое названіе; пустое и ненаселенное мѣсто тамъ называется «пустоплесьемъ.»

По несостоятельности нѣкоторыхъ домовъ купеческихъ въ Перехтѣ составилась пословица — *Не бойся по Армянской дорогѣ воровъ, а бойся въ Перехтѣ каменныхъ домовъ.* На большой дорогѣ изъ Костромы въ Галичъ есть богатое и многолюдное село Воронье, о которомъ говорятъ — *Село Воронье днемъ семидесяти господъ, а ночью одного.* Въ Костромской губерніи село Большая-Соль и посадъ Малая-Соль, по изобилію овощей, безмездно снабжаютъ ими сосѣдей своихъ: это обстоятельство произвело тамъ въ простомъ наро-

* Въ лѣтописи подъ 1410 годомъ сказано: «Великій Князь Василій повелѣ рубити градъ Плесо.»

дѣ пословицу – *Къ Соли иду, ничего не несу; отъ Соли иду, полну пазуху несу.* Тамъ же говорятъ о спокойной и счастливой жизни – *Будемъ жить ровно за Буемъ*: вѣроятно, эта поговорка одолжена своимъ началомъ основанію города Буя, построеннаго въ малолѣтство Царя Іоанна Васильевича, для прекращенія буйныхъ набѣговъ Татаръ Казанскихъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Векса, выходящая изъ Галицкаго Озера, сливается съ рѣкою Костромою. Кромѣ мѣста и времени, можно искать происхожденія этого города и въ самомъ словѣ «буй», плавень bouée, потому что этотъ якорный поплавокъ значится въ гербѣ города Буя, хотя у приволжскихъ жителей знакъ, гдѣ брошенъ якорь, называется «сука». Когда дѣти въ деревняхъ, играя, сваливаются въ одну кучу, то верхній кричитъ – *Ребята, городъ Буй!**. Извѣстно, что Буй находится не въ одной Костромской губерніи, но и въ другихъ.

Населеніе Кореги – стороны около Буя, большею частію бѣдными дворянами, дало поводъ къ слѣдующей поговоркѣ: *Корегскій баринъ самъ оретъ и пашетъ.* Въ Нерехтѣ еще ведется поговорка о богачѣ, заимствованная отъ Егорьевской горы, или горожаницы близь города, – *Сытъ, какъ Егорьевская гора.*

Въ Вологодской губерніи на Вагѣ, въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ, при выборахъ въ должности, избранный противъ воли, по скромности или по сознанію своей неопытности, обыкновенно говоритъ – *Судить, рядить не умѣю, а на воеводство садятъ.* Если кто, при общественныхъ совѣщаніяхъ, станетъ говорить повелительно, всѣмъ противорѣчитъ и прекословитъ, его обыкновенно останавливаютъ поговоркою – *Тебя не слушаемъ, ты вѣдь не воевода Важскій,*

* Буйгородъ сел., см. Софійск. Лѣтоп. ч. II.

или — *а ты что за Воевода?* Также, если кто сидитъ безъ дѣла въ то время, какъ другіе работаютъ, ему говорятъ — *Что ты сидишь, какъ Важскій Воевода?* «Важскій медвѣдь» обратился въ поговорку народную. Тамъ же у крестьянъ, хозяйка, поставивъ гостямъ на столъ овсяные блины, подастъ уху изъ трески, и приговариваетъ — *У насъ на Вагѣ и уха съ блинами!*

Обиліе въ скотоводствѣ, плодоносіе почвы и другіе богатые источники народной промышлености были поводомъ къ пословицѣ — *Вятка всему багатству матка.* Говорятъ — *живетъ на Вяткѣ, да ходитъ въ однорядкѣ,* потому что, сверхъ охабня, надѣвалась у достаточныхъ людей суконная или камлотовая длинная одежда, подобная охабню, но безъ воротника*. Такъ и богатства Сибирскія произвели пословицу: *Сибирь золотое дно.* Казаки называли свой Донъ — по происхожденію его изъ Иванъ-Озера — *Ивановичъ,* а по изобилію рыбы, *золотымъ дномъ.* Черноморцы, утверждая издавна, что *близь границы не должно строить свѣтлицы***, не пекутся объ устроеніи себѣ пріятныхъ и выгодныхъ жилищъ.

Въ Московской и смежныхъ съ нею губерніяхъ, о Римско-Католическомъ постѣ, не столь строгомъ какъ въ Греко-Россійской Церкви, ведется донынѣ старая пословица — *Нѣмецкій постъ, что Литовскій мостъ;* во всѣхъ областяхъ прежней Польши говорятъ — *Польскій мостъ Лютерскій постъ, Турецкое набожество, все это блазенство.* Примѣчательно, что слава Польскихъ мостовъ проникла даже въ Турецкій языкъ, на которомъ *Лехъ-кіопрюсю* означаетъ также — вещь негодную къ употребленію, дрянь, и чтобъ убѣдиться

* Карамз. И. Г. Р. VII. пр. 899.

** Украинскій Журналъ, Харьковъ, 1825, № 11.

въ основательности пословицы, довольно проѣхать въ Литвѣ по первой проселочной дорогѣ: при бывшемъ Польскомъ правительствѣ, тамъ вовсе не обращали вниманія на устройство дорогъ и мостовъ. Въ этой пословицѣ заключается полная картина государственнаго управленія такъ' называемой Польской Республики и недостатка вѣротерпимости ея жителей, навлекшаго на нихъ бѣдствія распрей съ диссидентами, и кровопролитныя войны по поводу Уніи.

Въ Подольской губерніи существуетъ между простолюдинами о мѣстоположеніи Каменца-Подольскаго слѣдующая поговорка – *Каменецъ вѣнецъ, кругомъ вода, а въ срединѣ бѣда:* въ самомъ дѣлѣ рѣчка Смотричь опоясываетъ городъ, лежащій на скалѣ въ видѣ вѣнца, и жители города, по большой части, ремесленники, живутъ стѣсненно, въ бѣдности. Похожая поговорка идетъ въ народѣ о Луцкѣ, на рѣкѣ Стырѣ, втекающей въ Припеть: *Въ Луцкѣ все не по-людски, навколо вода, а всередині бѣда.*

На Москвѣ была пословица – *Кто въ Вильнѣ не бывалъ, тотъ чудесъ не видалъ.* Какъ всѣ подобныя изрѣченія проистекаютъ изъ событій, то и эта пословица вѣроятно относится или къ бракосочетанію дочери В. К. Іоанна III Елены съ Литовскимъ Княземъ Александромъ, или къ другимъ посольствамъ Русскихъ въ столицу Литвы, или къ походу на Литву при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Тогда Вильна, богатая, вмѣщавшая въ себѣ великолѣпные костелы, дворцы и другія огромныя зданія, могла возбудить удивленіе въ Русскихъ.

Въ этомъ городѣ, между рѣками Вилліею и Вилейкою, замѣчаетъ профессоръ Лобойко, подлѣ арсенала съ одной стороны и ботаническаго сада съ другой, устро-

енъ прекрасный бульваръ, которому высокія горы съ разрушенными башнями придаютъ особенную прелесть. Исторія Вильны, основанной Гедеминомъ въ 1321 году, молчитъ о раскопаніи этихъ горъ для удобнѣйшаго расположенія города, но брань или поговорка, донынѣ употребительная у простаго народа въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи, подтверждаетъ это обстоятельство: *Дай-Богъ тебѣ въ Вильну ходить горы копать!* Нашедши этотъ первый слѣдъ, легко увидимъ, что каналъ былъ проведенъ въ томъ мѣстѣ, которое кажется тамъ прорытымъ, какъ и въ Перекопи, и темное преданіе, будто эти горы раскопаны были при Гедеминѣ, который, покоривъ часть Россіи и вознамѣрившись построить городъ во исполненіе чудеснаго сновидѣнія, употребилъ на то покоренный народъ, получаетъ отъ пословицы совершенную достовѣрность.

При дальнѣйшемъ изысканіи, я увѣренъ, найдутся въ Россіи пословицы и присловья, мѣстныя или областныя, которыя могутъ оказать значительную услугу историческимъ изслѣдованіямъ.

И. СНЕГИРЕВЪ.

ОТСТАЛОЕ.

=

БУДУЩАЯ ПОВѢСТЬ.

=

12 Іюля 1874 года, въ прекрасномъ городѣ Пятигорскѣ, инспекторъ врачебной управы, Петръ Елисеевичь Свѣтиловъ, почтенный старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, бодрый, свѣжій и живой, сидѣлъ вечеромъ на широкомъ балконѣ своего дома, посреди своихъ домочадцевъ, курилъ трубку, посматривая на величественныя вершины горъ, теряющихся въ отдаленіи, и запивалъ табачный дымъ глотками ароматнаго чаю. За чайнымъ столикомъ предсѣдательствовала дочь его, миловидная женщина лѣтъ тридцати, окруженная тремя рѣзвыми мальчиками, въ Черкесскомъ костюмѣ. Подлѣ нея сидѣлъ мужъ ея, въ такой же одеждѣ, съ военными на груди крестами. Съ другой стороны старика расположились два сына его: одинъ юноша военный, другой гражданскій; первый съ выраженіемъ ума, огня, смѣлости, послѣдній съ томною на устахъ улыбкою.

«Не долго намъ бесѣдовать съ тобою, другъ мой Вася!» сказалъ старикъ, обратясь къ старшему сыну: «чрезъ недѣлю ты будешь летѣть на почтовыхъ, въ Петербургъ; чрезъ мѣсяцъ надѣнешь гвардейскій мундиръ, а тамъ» — «Что жъ тамъ?» спросилъ Василій съ нетерпѣніемъ, смягчаемымъ сыновнею нѣжностью. — «Не такъ часто будешь объ насъ думать!» прибавилъ отецъ, понизивъ тонъ, и какъ бы страшась сказать: ты насъ забудешь. — «За то, что будетъ», отвѣчалъ Василій: «трудно ручаться; но если бъ — до-

пустимъ невозможное — я и хотѣлъ рѣже объ васъ думать, сердце меня не послушается. Я здѣсь родился, здѣсь выросъ; здѣсь могила маменьки — и я забуду этотъ край? — Здѣсь вступилъ я въ царскую службу, здѣсь участвовалъ въ усмиреніи послѣднихъ покушеній нарушить спокойствіе Кавказа, здѣсь заслужилъ честь быть призваннымъ въ гвардію — и я забуду это? Забуду васъ? Возможно-ли?» — «Правда твоя, Василій Петровичь,» сказалъ зять его: «мѣсто рожденія привязываетъ человѣка неразрывными къ себѣ узами. Семи лѣтъ отъ роду былъ я отправленъ въ Петербургъ, учился въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ гвардіи, былъ счастливъ и доволенъ. Меня отправили сюда. Я едва помнилъ, какъ давнишній сонъ, случаи моего дѣтства; почти вовсе забылъ свой языкъ, словомъ обрусѣлъ совершенно; но не могу выразить того чувства, которое объяло меня трепетомъ сильнымъ и несказанно усладительнымъ, когда показались мнѣ издали вершины нашихъ горъ, когда повѣяло на меня знакомымъ дыханіемъ Кавказа, когда увидѣлъ я первую Черкешенку.» — «Тише! тише!» примолвила, улыбаясь, жена его. — «Воля твоя, Дуняша!» продолжалъ онъ: «сердись или не сердись, но грязная дикарка въ то время была для меня во сто кратъ привлекательнѣе разряженныхъ, раздушенныхъ сильфидъ, съ которыми я кружился въ Нѣмецкомъ вальсѣ по Петербургскимъ паркетамъ. Разумѣется, что это очарованіе не было продолжительно. Я вскорѣ убѣдился во всѣхъ невыгодахъ и даже въ пагубности тогдашняго порядка дѣлъ на Кавказѣ, постигъ всю благость намѣреній правительства, рѣшившагося сдѣлать насъ людьми изъ разбойниковъ, и всѣми силами, всѣми возможными пожертвованіями содѣйствовалъ успѣху благотворныхъ и великодушныхъ предначертаній. Бывъ давно Христіаниномъ въ душѣ, нѣсколько лѣтъ не крестился,

чтобъ имѣть возможность дѣйствовать на моихъ соотечественниковъ. Любо теперь посмотрѣть на нашъ Кавказъ! Я ѣздилъ по многимъ странамъ просвѣщенной Европы, и ничего подобнаго не видалъ.» – «А мнѣ такъ жаль смотрѣть на нынѣшній Кавказъ,» сказалъ младшій: «все такъ чинно, тихо, порядочно! Нѣтъ мѣста воображенію, поэзіи. То ли дѣло бывало встарину! Прочтите Кавказскаго Плѣнника, Пушкина. Конечно, старинный слогъ его теперь страненъ, но вникните въ содержаніе, въ мысли, въ картины. Тогда было иное время! А теперь, гдѣ разгуляться воображенію?» – «Теперь-то ему и разгуливаться любезный другъ Андрюша!» сказалъ Черкесъ: «теперь оно одно дѣйствуетъ на Кавказѣ; ему привольно и просторно, а какъ бывало, въ старые годы, существенность накинетъ арканъ на воображеніе и потащитъ его въ горы – такъ прощай и стихи и проза. Ой, ужъ вы, стихотворцы! Да стоятъ ли ваши воображаемыя картины той дѣйствительности, которую мы теперь видимъ въ нашей сторонѣ? Кавказъ тихъ и спокоенъ. Безопасность, довольство, богатство царствуютъ во всѣхъ его странахъ. Винодѣліе, земледѣлие, скотоводство достигли высочайшей степени. Кавказская шерсть вытѣснила Испанскую; шелкъ нашъ употребляется преимущественно на всѣхъ фабрикахъ Европы; не шампанское, не бургонское, не портвейнъ пьютъ во всемъ Русскомъ Царствѣ, а наши доморощенныя вина, вкусныя, прочныя, здоровыя! Наши лихіе конники не только не враги Россіи, они составляютъ храбрый, быстрый, неусыпный авангардъ Русской арміи. – Впрочемъ, неужели поэзія исчезла съ разбоями? – Здѣсь, по-прежнему, свѣтитъ южное солнце; по-прежнему, высятся снѣговерхія горы; по-прежнему, зіяютъ бездонныя пропасти: только отъ зноя солнечнаго найдешь вездѣ пріютъ и тѣнь; на гору можешь взобраться не опасаясь сломить шею; въ про-

пасть не дадутъ тебѣ упасть прочныя перила. Неужели поэзія только и находитъ пищи, что въ разбояхъ, кровопролитіяхъ, буряхъ физическихъ и нравственныхъ? – Боюсь я, чтобъ не возобновилась у насъ школа, угрожавшая въ юности моей Литературѣ всѣхъ народовъ. Эта школа находила удовольствіе въ томъ, что возбуждаетъ ужасъ и омерзѣніе. Она миновала какъ всѣ глупости, но родъ человѣческій идетъ впередъ не прямо, а лавируетъ, кружится на одномъ мѣстѣ, пишетъ мыслѣте, и не удивительно будетъ, если старинныя нелѣпости возникнутъ вмѣстѣ съ длинными таліями.» – «Прекрасно!» сказала съ хохотомъ Авдотья Петровна: «Длинныя таліи, какъ на портретѣ покойницы маменьки! Нѣтъ, другъ мой! Иное можетъ воротиться, а ужъ таліи вѣрно не опустятся. Длинныя таліи! Какъ это забавно!» – «Ошибаешься, Дуня!» возразилъ Петръ Елисеевичъ: «длинная талія гораздо красивѣе, величественнѣе, нынѣшнихъ вашихъ короткихъ талій, которыя вѣроятно въ скоромъ времени поднимутся еще выше пояса Торжковскихъ мѣщанокъ. Въ мое время дамы и дѣвицы хвалились нѣжностью и стройностью своего стана, которыя при нынѣшней модѣ совершенно пропадаютъ. Какъ прекрасна была моя Вѣрочка въ длинной таліи, въ платьѣ полномъ, просторномъ, съ широкими рукавами, въ серьгахъ съ длинными подвѣсками; на лбу бриллiантовая фероньерка; волосы закрученные косою на маковкѣ и на затылкѣ, и ниспадавшіе спереди по вискамъ; въ нынѣшнемъ же нарядѣ я бы на нее и не посмотрѣлъ. То-то время было!» – Необыкновенно густое облако дыму, вырвавшееся изъ устъ его, измѣнило глубокому вздоху. – Авдотья Петровна, изъ уваженія къ отцу, удерживала смѣхъ, воображая карикатурные наряды тридцатыхъ годовъ. – «Мнѣ кажется, сестрица права,» сказалъ Андрей Петровичъ: «Перечитывая стихотворенія тѣхъ временъ,

я вовсе не вижу, чтобъ красота женская возбуждала восторгъ, питала воображеніе поэтовъ. Въ нихъ видна какая-то странная смѣсь унылости и въ то же время молодечества; что-то дикое, необработанное; какое-то неуваженіе къ читателямъ. И хорошо было только то, гдѣ говорилъ умъ, а не чувство; напримѣръ басни Крылова. Во всемъ же прочемъ, кромѣ немногихъ исключеній, натяжка и неестественность, безжизненность и презрѣніе къ роду человѣческому. Изъ этого я заключаю, что тогдашнія женщины не могли плѣнять воображенія, занимать сердца поэтовъ. Въ противномъ случаѣ» — «Нѣтъ, другъ мой!» сказалъ отецъ: «не женщины были въ томъ виновны. Я скажу тебѣ на ушко: женщины всегда были и будутъ лучше насъ, и если бъ мы постарались сравниться съ ними въ чувствѣ прекраснаго, благороднаго, великаго, онѣ поднялись бы еще выше. Дѣло въ томъ, что въ тѣ годы наступило какое-то время недоумѣнія, остановки, перехода въ поэзіи. Словесность прочитала первый томъ, а за второй только что принималась. Все были попытки, начала, неудачные приступы. Отступали, чтобъ разбѣжаться. А предметовъ было довольно!» — «Предметовъ! предметовъ!» сказалъ Черкесъ: «предметы всегда есть и будутъ, только бъ были люди, которые въ состояніи ихъ разглядѣть со стороны поэтической. Великіе поэты, живописцы, скульпторы творили все изъ ничего: самозванцы художники не умѣли извлечь ничего изъ предметовъ самыхъ высокихъ и величественныхъ. Я не поэтъ, а берусь найти поэтическую сторону въ чемъ тебѣ угодно. Исполненіе — дѣло другое.» — «Не бейтесь объ закладъ,» сказалъ Андрей Петровичъ, улыбаясь: «я знаю предметъ, изъ котораго вы именно не извлечете ничего поэтическаго.» — «А что бы это было такое?» спросилъ Черкесъ. — «Предметъ вашей ненависти и преслѣдованія: спиртъ, водка, пѣвникъ,

сивуха.» – «Ты правъ, Андрей Петровичъ,» отвѣчалъ Черкесъ: «въ этомъ я еще сущій Магометанинъ, и гнушаюсь всѣмъ, что только хотя слегка напоминаетъ этотъ медленный ядъ. Ты правъ – изъ этого предмета я не въ состояніи извлечь ничего поэтическаго. Меня по кожѣ подираетъ, когда подумаю, что въ мірѣ существуетъ это питье, что есть люди, которые имъ не гнушаются.» Черкесъ поморщился, какъ будто проглотилъ самое отвратительное лекарство.

«А я вамъ скажу,» возразилъ старикъ: «что это ненавистное питье могло бы служить заглавіемъ роману, въ которомъ оно составляетъ завязку.» – «Помилуйте, батюшка!» вскричалъ Черкесъ: «романъ, основанный на водкѣ!» – «Точно,» продолжалъ Петръ Елисеевичъ: «скажу болѣе: я знаю романъ, который развязкою своею обязанъ сивухѣ; еще болѣе: этотъ романъ есть мой собственный, исторія моей любви и женитьбы на вашей покойной тещѣ, моей незабвенной, милой Вѣрѣ Дмитріевнѣ.» – «Что вы, папенька?» сказала съ недоумѣніемъ Авдотья Петровна: «какъ это возможно? Это невѣроятно.» – «Мало-ли что невѣроятно!» возразилъ старикъ: «а между-тѣмъ сбылось дѣйствительно. Если хотите, если не боитесь соскучиться при разсказахъ шестидесяти шестилѣтняго старика о любви былыхъ годовъ – я вамъ сообщу исторію моей юности.» – «Съ удовольствіемъ! охотно! сдѣлайте милость!» раздалось со всѣхъ сторонъ. – Старикъ выколотилъ докуренную трубку, набилъ ее снова, закурилъ, и началъ разсказъ:

«Вы знаете, что я учился въ Московскомъ Университетѣ. Это было около тридцатыхъ годовъ. Я занимался науками усердно и неутомимо, видя въ нихъ единственное средство честно прожить на свѣтѣ. На-

чальные годы моей жизни, моихъ учебныхъ занятій прошли тихо, незамѣтно. Помню только еще, какъ, при появленіи въ Москвѣ холеры, которая была тогда болѣзнь неизвѣстная, страшная, опасная, я дежурилъ въ госпиталяхъ съ безпечными моими товарищами; какъ мы преспокойно спали на постеляхъ, лишь только оставленныхъ больными, дѣлились съ ними порціею, даже купались въ ихъ ваннахъ — и первые, сами того не зная, доказали Европѣ незаразительность этой болѣзни. И это время прошло. Я кончилъ науки, выдержалъ экзаменъ на доктора Медицины и Хирургіи, получилъ золотую медаль, воображалъ себя лейбмедикомъ, президентомъ Медицинской Академіи, и Богъ знаетъ чѣмъ. Одинъ мой товарищъ, выпущенный года за два до меня, и получившій выгодное мѣсто въ Петербургѣ, звалъ меня туда. Разумѣется, что я не колебался. Собралъ кое-какъ шестьдесятъ рублей, взялъ мѣсто въ кабріолетѣ Петербургскаго дилижанса, и наканунѣ отъѣзда пошелъ къ одному изъ нашихъ профессоровъ, который, за недосугами, не подписалъ еще моего диплома. Я не нашелъ его: въ званіи визитатора частныхъ училищъ былъ онъ на экзаменѣ въ одномъ женскомъ пансіонѣ, и такъ какъ испытанія въ наукахъ обыкновенно оканчиваются танцами и вистомъ, то я и долженъ былъ дожидаться его до глубокой ночи. Прочитавъ въ двухсотый разъ великолѣпно напечатанный дипломъ свой, я было задремалъ, и вдругъ разбуженъ былъ чьимъ-то громкимъ голосомъ. Я раскрылъ глаза: передо мною стоялъ старичекъ въ простой одеждѣ, разстроенный, трепещущій, съ выкатившимися глазами, и дергалъ меня за сюртукъ. — «Не докторъ ли вы?» спросилъ онъ меня страшнымъ голосомъ. — «Докторъ Медицины и Хирургіи,» отвѣчалъ я, протирая глаза. — «Такъ пожалуйте поскорѣе!» закричалъ онъ съ радостью, самъ надѣлъ мнѣ на голову мою шляпу, и потащилъ

за собою. Я не успѣлъ опомниться, какъ онъ усадилъ меня въ сани, самъ сталъ на запятки, и закричалъ кучеру: пошелъ! Сани полетѣли – я не видѣлъ куда, и чрезъ полчаса остановились въ отдаленной части города, передъ деревяннымъ домомъ. Провожатый мой вытащилъ меня изъ саней, и опрометью повлекъ за собою на крыльцо. «Вотъ онъ! вотъ докторъ!» кричалъ онъ безъ памяти: «Что Вѣра Дмитріевна? жива еще, что ли?» – «Тише, Михенчъ,» сказала ему старушка: «другой докторъ пріѣхалъ безъ тебя. Этого не надо!» – «Какъ не надо!» закричалъ Михенчъ жалобно: «не одного, не двухъ, двадцати мало! Матушка ты моя родная, праведная моя, Вѣра Дмитріевна! Не умирай, сударыня!» Слезы въ три ручья полились по лицу старика. – Старушка повела меня въ комнату, тускло освѣщенную одною свѣчею. Больная лежала въ постелѣ, за занавѣсками. У изголовья ея сидѣли почтеннаго виду мужчина и женщина, видно родители ея, въ безмолвной тоскѣ, и смотрѣли на моего профессора, который, въ парадномъ мундирѣ, при шпагѣ, стоялъ передъ больною, и глядѣлъ на нее пристально. При входѣ моемъ въ комнату онъ обратился ко мнѣ: «Это вы, Свѣтиловъ? Какъ вы сюда попали? – «Я разсказалъ ему, что сидѣлъ въ его залѣ, и что меня, за его отсутствіемъ, привезли сюда. – «Bene!» сказалъ онъ: «я усталъ до смерти, carissime! Останьтесь здѣсь на ночь! Бѣдная страдалица имѣетъ надобность въ скорой помощи и въ неусыпномъ попеченіи. Пустите ей четыре чашки крови изъ лѣвой руки, и потомъ давайте прописанное мною, коль скоро принесутъ изъ аптеки. Замѣчайте каждыя четверть часа, что происходитъ, и въ случаяхъ важныхъ записывайте. – Вамъ, молодой человѣкъ, прибавилъ онъ прессеріозно по-Латыни: предстоитъ большое поученіе и наслажденіе. Кадаверъ удивительный. Болѣзнь ея необыкновенная, при-

ключилась скоропостижно, и трупоразъятію никто противиться не смѣетъ. — Завтра,» сказалъ онъ по-Русски, обратясь къ родителямъ: «въ восемь часовъ утра я пріѣду, а до того времени останется здѣсь господинъ докторъ Свѣтиловъ. Будьте благонадежны, почтеннѣйшіе! Spes in nobis, in Deo exitus.» Онъ поклонился имъ и съ важностью вышелъ. Мать взяла меня за руку, и подвела къ больной. Я остолбенѣлъ. При слабомъ мерцаніи свѣчи представилось мнѣ существо неземное, невиданное, невообразимое! Дѣвица лѣтъ девятнадцати, въ бѣломъ платьѣ, въ бѣломъ на головѣ чепчикѣ, подвязанномъ розовою лентою, лежала на постелѣ безъ движенія. Глаза ея были закрыты. Черные локоны вырывались изъ подъ кружевной обшивки чепчика. Я вперилъ въ нее глаза, и не зналъ, что со мною дѣлается, гдѣ я, что вижу. Мать замѣтила мое вниманіе. «Не правда ли, она очень худа?» сказала она съ выраженіемъ боязни. «Она?» спросилъ я въ свою очередь: «она? нѣтъ! быть не можетъ!»—«Въ самомъ дѣлѣ?» спросила оживленная надеждою. — «Богъ милостивъ!» сказалъ я, опомнившись. «Ей должно пустить кровь, по приказанію профессора.» — Какъ изволите! отвѣчала мать. Отецъ подошелъ, чтобъ помочь мнѣ. Я взялъ больную за руку, засучилъ рукавъ ея до плеча — сердце мое сильно забилось. Я мысленно молилъ Бога о твердости. Руки мои дрожали. Я вынулъ изъ кармана готовальню, перевязалъ руку, коснулся ланцетомъ нѣжной жилки, и кровь брызнула. Я чуть было не закричалъ. Операція кончилась благополучно. Я унялъ кровь платкомъ своимъ, перевязалъ руку, спустилъ рукавъ: наружъ осталась ручка прелестнѣйшее созданіе Природы. Я сѣлъ подлѣ постели, и смотрѣлъ въ прекрасное лице страдалицы. Волненіе ея начало утихать. Казалось, что она заснула. «Слава Богу!» сказалъ я: «кажется что ей легче.» Лучъ блаженнѣйшаго чувства бле-

снулъ въ глазахъ родителей. Видно было, что отцу трудно было не ложиться. «Поди, поди» сказала ему жена: «поди, другъ мой, Дмитрій Степановичъ! успокойся. Мы съ господиномъ докторомъ останемся у Вѣрочки. Занеможешь ты, такъ я совершенно пропала.» Старикъ всталъ, перекрестилъ больную, взглянулъ на жену съ выраженіемъ любви и довѣренности, молча пожалъ мнѣ руку, и вышелъ. Я остался при больной одинъ съ ея матерью. Мало-по-малу оглядѣлся я въ комнатѣ. Въ переднемъ углу вспыхивалъ огонь въ лампадѣ подъ божницею. Все въ комнатѣ было чисто, порядочно, уютно, но не богато, не великолѣпно. По всему замѣчалъ я, что нахожусь въ домѣ купеческомъ. Но болѣе всего обращала на себя вниманіе мое больная. Она лежала неподвижно, блѣдная какъ мраморъ; длинныя черныя рѣсницы измѣняли прекраснымъ глазамъ; посинѣлыя уста были еще прелестны. Грудь ея иногда поднималась, но чаще всего лежала она безъ движенія, и нерѣдко устрашенной матери казалось, что любимица ея испустила послѣднее дыханіе. Пощупайте у ней пульсъ, говорила она мнѣ съ умоляющимъ взглядомъ. Я брался за руку, и успокоивалъ ее. Однажды я какъ то взялъ ее выше кисти, и не дощупался пульса. Видно, испугъ изобразился на моемъ лицѣ. «Такъ нѣтъ пульсу!» закричала мать, забывая, что должно хранить молчаніе. «Ради Бога, пощупайте сердце – если и оно остановилось.....» – Не зная, что дѣлаю, я приложилъ руку къ сердцу больной; оно билось, но я не могъ отнять руки. Каждое біеніе этого сердца раздавалось въ моемъ громовыми ударами. Что-жъ? спрашивала мать – «Бьется,» сказалъ я, медленно отнимая руку. – Долго не могъ я прійти въ себя, сидѣлъ въ безмолвіи и забыти, устремивъ глаза на прекрасную страдалицу. Добрая мать, видно, приписывала это вниманіе моему усердію въ исполненіи должности, благодарила

меня взглядами, и не замѣчала, что мнѣ двадцать четвертый годъ отъ роду. Въ комнатѣ господствовала глубочайшая тишина. Только маятникъ столовыхъ часовъ указывалъ теченіе времени. Каждыя четверть часа давали мы больной лекарство, каждыя четверть часа приближалась минута разлуки. Стало свѣтать. Лучъ солнечный проникъ сквозь бѣлую миткалевую занавѣску. Улица проснулась. Зашумѣло на дворѣ. Съ послѣднимъ ударомъ осьми часовъ, вошелъ мой профессоръ. – «Что больная?» спросилъ онъ. – Я описалъ проведенную ею ночь. Онъ взялъ ее за пульсъ, и покачавъ головой, сказалъ мнѣ по-Латыни: «Чудеса совершаются, но не всегда.» Этотъ приговоръ жестоко поразилъ меня. Не знавъ предшествовавшаго хода болѣзни, не имѣвъ возможности узнать ее теперь, я еще менѣе матери могъ судить о состояніи больной. – «Благодарю васъ, любезный Свѣтиловъ!» сказалъ профессоръ: «за исполненіе моей просьбы. Я знаю, вамъ должно сегодня ѣхать. Ступайте съ Богомъ. Я нашелъ у себя дома вашъ дипломъ, подписалъ его и отправилъ къ вамъ. Простите! Желаю вамъ счастливаго пути!» Онъ обнялъ и поцѣловалъ меня. Я не зналъ, что со мною дѣлается; посмотрѣлъ еще разъ на больную съ горестнымъ чувствомъ, котораго ни описать, ни вообразить не умѣю, поклонился матери, вышелъ изъ спальни. Въ другой комнатѣ встрѣтилъ меня отецъ, и съ страхомъ освѣдомлялся о состояніи дочери. Я отвѣчалъ, что она провела ночь спокойно. Онъ пожалъ мнѣ руку, и вошелъ въ спальню. Въ рукѣ у меня осталась какая-то бумажка. Я развернулъ ее – пять рублей! Огорченный платою, я хотѣлъ было пойти къ нему и возвратить деньги, но опомнился, взглянулъ на окровавленный платокъ, прижалъ его къ губамъ, и бросился изъ дому не помню какъ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ, преслѣдуемый зрѣлищемъ умирающей Вѣры. Въ волненіи своемъ, въ тос-

кѣ и недоумѣніи, я не догадался спросить при выходѣ изъ дому, у кого былъ, кто больная; не помнилъ даже переулка, въ которомъ стоялъ домъ этотъ. У меня осталось одно воспоминаніе о ней и — окровавленный платокъ. Я былъ увѣренъ, что она умерла. — Встрѣчаясь съ прекрасною, цвѣтущею дѣвицею, я говорилъ про себя: «Такова была Вѣра. И ты, юная дѣва, будешь то, что Вѣра теперь.» — Я вступилъ въ службу въ одинъ гвардейскій полкъ, и жилъ довольно пріятно и весело. Начальникъ у меня былъ человѣкъ умный и добрый. Офицеры полюбили меня и приняли въ свое общество; только, замѣтивъ мою задумчивость и особенное выраженіе унынія, когда я смотрѣлъ на молодыхъ, прекрасныхъ дѣвицъ, мучили меня вопросами, забрасывали шутками. Я отшучивался, сколько могъ, и наконецъ, видя, что странная моя мизантропія можетъ дѣйствительно повредить мнѣ въ мнѣніи людей, которые скорѣе повѣрятъ всему, нежели искреннему, безкорыстному чувству, рѣшился преодолѣть себя, не отказываться отъ общественныхъ удовольствій, разсѣять свою безполезную тоску въ бесѣдахъ любезной молодежи.

Однажды сговорилось нѣсколько молодыхъ людей (это было въ Августѣ мѣсяцѣ) поѣхать въ садъ Нѣмецкаго танцклуба, поволочиться за хорошенькими Нѣмочками, побѣсить ревнивыхъ Нѣмцевъ. Я поѣхалъ съ ними. Мнѣ очень нравились эти полусельскіе балы. Въ просторномъ, иллюминованномъ саду гремитъ музыка. Пестрыя толпы расхаживаютъ по аллеямъ. Вокругъ столиковъ, подъ навѣсомъ деревъ, курятъ табакъ, пьютъ чай, ужинаютъ. Въ залѣ танцуютъ. Всѣ веселы, довольны. Наши шалуны, вступивъ въ садъ, забыли о своемъ намѣреніи, и приняли участіе въ общемъ веселіи; нашли тамъ нѣсколько пріятелей во фракахъ, и гуляли съ ними по аллеямъ, любуясь

цвѣточками изъ Нѣмецкихъ оранжерей, въ Русскомъ климатѣ. Я пріѣхалъ также съ намѣреніемъ повеселиться, и впалъ въ неизъяснимую тоску: чѣмъ болѣе наполнялся садъ, чѣмъ гуще и пестрѣе становились группы миловидныхъ дѣвицъ, тѣмъ мнѣ дѣлалось грустнѣе. Вѣра! Вѣра! шепталъ мнѣ на ухо какой-то таинственный голосъ. Я сидѣлъ на скамьѣ въ самой большой аллеѣ. Вдругъ замѣчаю, что одна почтенная дама, проходя мимо, посматриваетъ на меня пристально, какъ-будто припоминая стараго знакомца. Прошла она разъ, прошла два раза; все смотритъ и разглядываетъ. Что бы это значило? Наконецъ, проходя въ третій разъ, она остановилась, сказала спутницамъ своимъ, чтобъ онѣ шли далѣе, и подошла ко мнѣ. — «Если я не ошибаюсь,» сказала она боязливо: «вы господинъ докторъ Свѣтиловъ?» — «Такъ точно, сударыня!» сказалъ я, вставъ съ скамейки. — «Не безпокойтесь,» возразила она: «я къ вамъ присяду!» и съ этимъ словомъ сѣла она подлѣ меня. — «Вашъ военный мундиръ,» сказала она учтиво: «немного сбилъ меня съ толку; но я слишкомъ хорошо васъ помню.» — Мнѣ она была совершенно незнакома. Я старался припомнить черты лица ея. — «Извините, сударыня,» сказалъ я наконецъ: «я не имѣю чести...» — «Это приноситъ честь вашему усердію къ своему дѣлу» сказала она съ пріятною улыбкою: «вы такъ занимались больною, что и не взглянули на здоровую. Помните ли вы, въ Москвѣ, прошлаго года, зимою вы пользовали дочь мою...» — «Вѣру.... Вѣру...» пробормоталъ я въ оцѣпенѣніи. — «Точно, Вѣру Дмитріевну.» — «И она....» сказалъ я, смущенный веселымъ тономъ матери. — «Слава Богу, выздоровѣла!» — Камень свалился съ моего сердца. Я не могъ удержать слезъ своихъ, взялъ руку доброй матери, и покрылъ ее поцѣлуями. — «Милый, любезный докторъ!» говорила она, утирая слезы: «какъ мнѣ пріятно видѣть въ васъ такое со-

страданіе. Счастливы тѣ, которыхъ вы пользуете! Не повѣрите, какъ я рада, что нашла васъ. Мой добрый Дмитрій Степановичъ, по манеру, къ которому онъ привыкъ въ Германіи, заплатилъ вамъ за визитъ, какъ платятъ какому нибудь ремесленнику. Мнѣ было крайне совѣстно. Я натвердила Вѣрнькѣ, что она именно вашему попеченію объ ней обязана своею жизнію. Лишь только вы ушли, съ нею сдѣлался кризисъ, и она была спасена.» – «Нѣтъ, сударыня!» сказалъ я ей: «не моимъ стараніямъ обязана она сохраненіемъ дней своихъ. Нѣтъ врача въ мірѣ, который могъ бы замѣнить хоть въ сотую долю попеченія матери. Я только скорбѣлъ о ней, а помочь ей не могъ.» – Я не зналъ, какъ спросить ее, гдѣ теперь Вѣра, что она дѣлаетъ, какъ онѣ очутились въ Петербургѣ. Словоохотная дама предупредила меня. Съ длиннымъ предисловіемъ и безконечными вставками и эпизодами, она разсказала мнѣ, что мужъ ея, Дмитрій Степановичъ Коробовъ, купецъ, бывшій коммисіонеръ нѣкоторыхъ Петербургскихъ негоціантовъ по внутренней торговлѣ, теперь пріѣхалъ въ Петербургъ; что у него много дѣлъ и непріятностей, и такъ далѣе, и такъ далѣе, но о главномъ предметѣ, объ одномъ, что меня интересовало и мучило – ни слова. Я воспользовался минутою, когда она понюхала табаку, чтобъ прервать нить ея повѣсти – «Такъ Вѣра Дмитріевна совершенно выздоровѣла!» – Слава Богу! слава Богу! вы сами въ томъ удостовѣритесь! Да вотъ и она. Вѣрнька, душа моя! поди сюда на минуточку.» Отъ шеренги проходившихъ мимо насъ, разряженныхъ дѣвицъ отдѣлилась одна, и подошла къ намъ. Я взглянулъ на нее. Предо мною стояла, во всей полнотѣ жизни, юности и красоты, та самая, которую я воображалъ тлѣющею подъ гробовымъ камнемъ. «Вотъ, другъ мой!» сказала мать: «Богъ услышалъ мои молитвы. Вотъ тотъ молодой докторъ, которому ты обязана жизнію.»

— «Помилуйте,» сказалъ я въ смущеніи. Вѣра обратила на меня глаза съ такимъ выраженіемъ, какого я не могъ вообразить. — «А онъ, подумай Вѣрочка, онъ ничего не помнитъ; онъ было совершенно запамятовалъ.» — «Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, извините!» сказалъ я поспѣшно, и вынулъ изъ-за пазухи платокъ, который съ тѣхъ поръ, какъ талисманъ, сопровождалъ меня повсюду. Не помню въ точности, что за тѣмъ послѣдовало; только я познакомился съ Вѣрою; онѣ пригласили меня къ себѣ; отца не было на балѣ, но онѣ увѣряли, что мое посѣщеніе будетъ ему пріятно. Между-тѣмъ въ саду становилось сыро и холодно — онѣ раскланялись со мною; я проводилъ ихъ до кареты. Послѣднимъ словомъ Вѣры было: «Не забывайте насъ! сдержите слово!» — Я воротился къ товарищамъ, сидѣвшимъ за ужиномъ. Они видѣли меня въ бесѣдѣ съ дамами, и стали шутить надо мною. Но какъ они удивились, замѣтивъ совершенное во мнѣ перерожденіе. Скромный, тихій, молчаливый Свѣтиловъ сдѣлался веселымъ, развязнымъ, шумнымъ, чуть не буяномъ. Шампанскаго! закричалъ я такимъ громкимъ голосомъ, что изъ двадцати угловъ послышались восклицанія испуганныхъ Нѣмокъ: Ach, Herr Jesus! Ужинъ проведенъ былъ съ шумными изліяніями и возліяніями. Что сдѣлалось съ нашимъ Эскулапомъ! спрашивали офицеры. Эскулапъ былъ въ третьемъ небѣ: Вѣра, прекрасная Вѣра жива; Вѣра здѣсь; я увижу Вѣру!

На другой день я отыскалъ семейство Коробова, и былъ принятъ, какъ давно знакомый, какъ родной. Дмитрій Степановичъ былъ человѣкъ добрый, умный, степенный, образованный. Онъ служилъ долгое время въ Петербургской конторѣ одного богатаго Англійскаго купца, ѣздилъ за коммерческими дѣлами по разнымъ странамъ Европы, пріобрѣлъ много познаній,

опытности, умѣнья жить въ свѣтѣ, но не пріобрѣлъ главнаго – денегъ; поступалъ по правиламъ строжайшей честности, каждую хозяйскую копѣйку считалъ священною, а тѣмъ, что пріобрѣталъ самъ по расположенію и дружбѣ своего хозяина, дѣлился съ бѣдными земляками. Жена его, Авдотья Яковлевна, была предобрая женщина, привѣтливая, веселая, словоохотная – величайшимъ свидѣтельствомъ любви ея къ дочери было то, что она промолчала цѣлую ночь у постели больной. А дочь – это была ваша добрая мать, моя незабвенная жена, съ которою я прожилъ счастливо, какъ въ раю, тридцать четыре года, которой не перестану оплакивать до новаго свиданія съ нею.»

Петръ Елисеевичъ умолкъ, и утеръ слезу. Дѣти молчали также, объятые чувствомъ горестнаго воспоминанія. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ собрался съ духомъ и продолжалъ:

«Не много нужно было времени, чтобъ познакомиться въ этомъ почтенномъ семействѣ. Мнѣ казалось, что я, дотолѣ сирота безродный и безпріютный, нашелъ своихъ, родныхъ. Тоскливые, бурные порывы во мнѣ утихли. Вѣра, убѣжденная въ томъ, что мнѣ обязана спасеніемъ жизни, обходилась со мною, какъ съ братомъ. По ея примѣру, я началъ называть ея родителей батюшкою и матушкою. И эта связь была такъ чиста, благородна, безкорыстна, что я и не воображалъ влюбляться въ Вѣру, не думалъ, что могу, что долженъ на ней жениться. Такъ быть должно! думалъ я, благодаря Провидѣніе, которое привело меня къ моимъ роднымъ.

Такъ быть должно! думаетъ человѣкъ. Не такъ! возражаетъ строгая судьба. Дмитрій Степановичъ занимался въ то время дѣлами одного богатаго откуп-

щика, Рысина, человѣка жаднаго, недовѣрчиваго, жестокаго, который обижалъ и оскорблялъ всѣхъ своихъ товарищей, помощниковъ и коммисіонеровъ, и немного еще щадилъ Коробова, имѣя въ немъ необходимую нужду. Почтенный Дмитрій Степановичъ нерѣдко приходилъ домой къ обѣду, разстроенный, печальный, убитый. Видно было, какъ трудно ему служить орудіемъ жестокосердію и жадности. Привѣтливость жены, ласки дочери, участіе немногихъ друзей, посѣщавшихъ его, едва могли разсѣять облака уныніе на челѣ его. Самого Рысина я не зналъ и никогда не видалъ; вмѣсто его, являлся иногда сынъ его, Иванъ, Русскій Ванька-Каинъ, воспитанный въ Англіи. Онъ былъ одаренъ отъ Природы умомъ и наружнымъ благообразіемъ; но честь, совѣсть, сердце замѣнялись въ немъ спѣсью, корыстолюбіемъ и гнуснѣйшимъ развратомъ. Въ Англіи усовершенствовалъ онъ свои природныя способности и дарованія, и, главное, научился скрывать ихъ, казаться благороднымъ, великодушнымъ, сострадательнымъ. Являясь къ Коробову по порученіямъ отца своего, сначала онъ обращался съ нимъ грубо и дерзко, какъ съ наемникомъ, но увидѣвъ нечаянно Вѣру, вдругъ перемѣнилъ свой тонъ и обращеніе, и старался втереться въ домъ того человѣка, котораго презиралъ въ душѣ своей, какъ бѣднаго плота, сотвореннаго для исполненія приказаній и прихотей богача. Онъ сталъ часто ѣздить къ Коробову. Всѣхъ болѣе была ему рада Авдотья Яковлевна: она воображала въ немъ жениха своей Вѣрочкѣ. Вѣра принимала его ласково и привѣтливо: предъ ними онъ носилъ маску человѣка благороднаго, честнаго, учтиваго. Старикъ только терпѣлъ его, не имѣя возможности выпроводить этого незваного гостя. Страдалъ одинъ я. При первомъ появленіи Ивана Кузьмича Рысина въ домѣ Коробовыхъ, я почувствовалъ, какъ

будто ударъ въ сердце, котораго не могъ себѣ истолковать, сколько ни рылся въ Физіологіи. Я замѣчалъ его ухаживанье за Вѣрою Дмитрієвною, его угодливость Авдотьѣ Яковлевнѣ; замѣчалъ и ихъ неравнодушіе къ нему. Передо мною, бѣднымъ полковымъ лекаремъ, онъ не считалъ нужнымъ скрываться, да если бъ и хотѣлъ, то конечно бы не успѣлъ въ томъ. Любовь зорка. Да, любовь! При первомъ прикосновеніи, при первомъ движеніи ревности я узналъ, какъ называется чувство, которое привязываетъ меня къ Вѣрѣ. Жестокое состояніе! Я видѣлъ Ивана Кузьмича насквозь. Природа создала его красавцемъ, но впалыя щеки, синета подъ глазами, сиплый голосъ измѣняли слѣдамъ дурнаго поведенія. На кончикѣ его носа зардѣлось уже красненькое пятнышко, обѣщавшее вскорѣ покрыть все лице малиновою мантіею — мундиромъ записныхъ пьяницъ. Но онъ былъ очень остороженъ, и никогда не являлся къ дамамъ тотчасъ послѣ обѣда. — Мои мечты начали разсѣваться. Вѣра Дмитріевна была со мною ласкова, дружелюбна, привѣтлива по-прежнему, но иногда замѣчалъ я, что въ бесѣдѣ со мною, она вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ или въ передней, какъ будто ожидая чьего-то пріѣзда, и обманувшись въ этомъ ожиданіи, долго не могла оправиться. Авдотья Яковлевна подняла тонъ цѣлою октавою выше. Одинъ Дмитрій Степановичъ не измѣнялся: онъ зналъ, какъ опытный торговый человѣкъ, цѣну этому негодяю. Я рѣшился мало-по-малу оставить ихъ домъ. Больно было моему сердцу покинуть Вѣру; но меня поддерживало оскорбленное самолюбіе. Я сынъ честныхъ родителей, самъ полезный членъ общества; знаю наизусть Цицерона и Виргилія, читалъ въ подлинникѣ Гомера и Демосѳена, понимаю Канта, Фихте, Шеллинга и Окена; докторъ Медицины и Хирургіи; спасъ жизнь и возвратилъ здоровье десяткамъ, сотнямъ

полезныхъ людей; еще недавно сдѣлалъ такую операцію, что самъ нашъ лихой Илья Васильевичъ Буяльскій ахнулъ отъ удивленія, (а его бывало удивить трудно!), представленъ къ слѣдующему чину и къ кресту — и долженъ уступать мѣсто негодяю, пьяницѣ, развратнику, который чванится тѣмъ, что отецъ его награбилъ милліоны при подрядахъ, а самъ онъ выучился въ Лондонѣ лаять по-Англійски! — Я сталъ ходить къ нимъ рѣже и рѣже — а онѣ этого и не замѣчали! — Однажды явился я къ нимъ послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, и нашелъ весь домъ въ какомъ-то смущеніи и разстройствѣ. Авдотья Яковлевна молчала. Вѣра Дмитріевна, сидя за пяльцами, едва поднимала глаза, покраснѣвшіе отъ слезъ. Дмитрій Степановичъ былъ спокойнѣе прочихъ. Онъ взялъ меня за руку, повелъ въ свой кабинетъ, и разсказалъ причину этого общаго огорченія. За недѣлю до того сидѣлъ онъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ за работою. Въ третьей комнатѣ, гдѣ были жена и дочь его, послышалось ему, раздался какой-то необыкновенный шумъ. Онъ всталъ и пошелъ туда. У нихъ былъ Иванъ Рысинъ въ положеніи человѣка, лишь только вышедшаго изъ-за Англо-Россійскаго обѣда. Вѣра, трепеща, прижалась въ уголъ комнаты. Авдотья Яковлевна умоляла его отправиться домой. Рысинъ замахнулся на нее въ то самое мгновеніе, когда мужъ ея входилъ въ комнату. Дмитрій Степановичъ схватилъ его за руку выше локтя, и не говоря ни слова, вывелъ въ переднюю, въ сѣни, и столкнулъ съ крыльца. «Я отплачу тебѣ, мерзавецъ!» кричалъ Рысинъ, вскарабкиваясь на ноги.

Негодяй былъ узнанъ и изгнанъ изъ дому, но не трудно было предвидѣть, что это происшествіе повлечетъ за собою самыя непріятныя послѣдствія.

Дмитрій Степановичъ на другой же день написалъ старику Рысину, что по обстоятельствамъ долженъ оставить службу въ его домѣ, и просилъ принять бывшія у него на рукахъ письменныя дѣла и деньги. — Рысинъ разсердился, не хотѣлъ было отпускать хорошаго помощника, но видя его непреклонность, согласился, рѣшась въ то же время жестоко отомстить ему. Дмитрій Степановичъ, извѣстный во всемъ Петербургскомъ коммерческомъ мірѣ своею честностью, исправностью и познаніями, не затруднялся пріисканіемъ хорошаго мѣста: и самъ Баронъ Штиглицъ охотно взялъ бы его въ свою контору.

Мало-по-малу утихла тревога, причиненная въ домѣ Коробова дерзкимъ поступкомъ Ивана Рысина; все пришло въ прежній порядокъ. И Вѣра Дмитріевна, и Авдотья Яковлевна стыдились въ душѣ предпочтенія, которое оказывали недостойному человѣку. Я представился, что ничего не замѣчаю, и въ короткое время это непріятное происшествіе было совершенно забыто. Онѣ были, по старому, ласковы и дружелюбны со мною. Любовь къ Вѣрѣ возникла въ моемъ сердцѣ съ прежнею силою: я чувствовалъ, что съ нею одною могу быть счастливъ, и рѣшился непремѣнно на ней посвататься, увѣренный, что и она ко мнѣ не равнодушна.

Между-тѣмъ злоба и месть не дремали. Иванъ Рысинъ сплелъ отцу своему сказку о дерзкомъ поступкѣ съ нимъ Коробова, и они вмѣстѣ составили заговоръ, погубить его. Старикъ Рысинъ, знавшій, что Дмитрій Степановичъ принужденъ былъ войти въ долги отъ слѣдствій какого-то заморскаго банкрутства, купилъ одинъ его вексель, и подарилъ его сыну, а тотъ подалъ его ко взысканію. Я былъ у Коробова, когда явился квартальный надзиратель съ предписа-

ніемъ взыскать съ него двадцать тысячъ рублей, и въ случаѣ неплатежа, описать его движимое имѣніе, а самого отправить въ тюрьму. Все семейство было въ ужасѣ, въ отчаяніи. Сроку дано было двадцать четыре часа. Въ первый разъ отъ роду возропталъ-было я на судьбу, не надѣлившую меня богатствомъ. Весь день прошелъ въ составленіи разныхъ плановъ, но ни одинъ не былъ удобенъ въ исполненіи, ни одинъ не велъ къ цѣли. Вечеромъ получено было по городской почтѣ письмо руки Ивана Рысина, безъ подписи: оно еще увеличило общее отчаяніе и огорченіе, но во мнѣ родило искру надежды. Гнусный этотъ человѣкъ писалъ Дмитрію Степановичу, что мститъ за горькую обиду, нанесенную ему въ домѣ, куда онъ былъ заманенъ разными хитростями; что соглашается на отсрочку уплаты, если и отецъ, и мать, и дочь признаютъ себя виновными въ дурномъ съ нимъ обращеніи, и станутъ просить у него прощенія; что онъ рѣшится даже вовсе уничтожить долгъ, если они, послѣ этого примиренія, примутъ его опять, по прежнему, въ своемъ домѣ. Эта дерзость вывела меня изъ терпѣнія, но въ то же время я увидѣлъ средство изобличить Рысина въ личной его злобѣ на бѣднаго должника, и ослабить дѣйствіе взысканія. Простодушный жрецъ чистой матери Природы – я прошелъ Философію и Медицину, а не заглядывалъ въ лабиринтъ Юриспруденціи: я не зналъ правила, что гдѣ рука, тутъ и голова! – Я сообщилъ мое замѣчаніе Дмитрію Степановичу и его семейству. Они также, особенно женщины, оживились надеждою. Я взялся быть ихъ авдокатомъ; объявилъ, что имѣю друзей, товарищей университетскихъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, даже въ Сенатѣ, и что завтрашняго же числа утромъ приведу въ движеніе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ законниковъ. Я говорилъ съ такимъ жаромъ, что до слезъ тронулъ добраго Дмит-

рія Степановича. «Благородный человѣкъ! сказалъ онъ: «возможно ли такое состраданіе къ бѣдѣ семейства, вамъ почти совершенно чуждаго!» — «Да я еще ничего не сдѣлалъ!» отвѣчалъ я печально. — «Все равно!» возразилъ онъ: «все же вы мнѣ истинный другъ и благодѣтель! Удастся или не удастся — это въ волѣ Божіей, но въ вашемъ сердцѣ судьба моя уже рѣшена. Чѣмъ могу возблагодарить васъ?» — Я взглянулъ на Вѣру. Она потупила наполненные слезъ глаза, и покраснѣла. — «Понимаю!» сказалъ Дмитрій Степановичъ: «понимаешь ли и ты, другъ мой, Авдотья Яковлевна? — «Давно поняла!» отвѣчала она, утирая глаза. — Сѣющіе слезами радостію пожнутъ!» возгласилъ онъ, соединяя наши руки.

Я оставилъ ихъ поздно, а въ какомъ состояніи, описать не умѣю. Это было смѣшеніе всѣхъ горестныхъ, всѣхъ радостныхъ чувствъ, растворившихся наконецъ въ одной общей, неизглаголанной молитвѣ предъ Богомъ-сердцевѣдцемъ. Я не ложился спать. На другой день отправился къ должности, въ госпиталь, отрапортовалъ полковому командиру; потомъ надѣлъ фракъ, и полетѣлъ въ Сенатъ отыскивать товарищей-правовѣдцевъ. Въ то время Сенатъ только что былъ переведенъ въ новое зданіе. Я вошелъ въ нижнія сѣни; народу множество. Взошелъ на крыльце, потомъ отправился въ комнату направо, тамъ налѣво, и наконецъ въ большую залу. Вездѣ толпится народъ всякаго разбора, племени и чина. И отставные военные и купцы, и помѣщики и жиды, все это движется, шевчетъ, толкуетъ, охаетъ, присвистываетъ. Чиновниковъ сенатскихъ не видать нигдѣ. Что это за суматоха? спросилъ я у одного незнакомаго мнѣ человѣка. «Какъ, сударь? вы не знаете, что теперь идутъ торги о винномъ откупѣ! Это все кандидаты въ банкиры или въ банкруты.» — «Покорнѣйше благодарю за наставле-

ніе, » сказалъ я, пробираясь сквозь густую толпу, и самъ не зная куда. Если бъ я не былъ въ тревогѣ, въ отчаяніи, какую занимательную картину могъ бы составить изъ того, что въ этотъ день привелось мнѣ видѣть и слышать! Всѣ дѣйствующія лица этой трагикомедіи играли роль свою превосходно, натурально, отчетисто, усердно. Я пробрался до мѣста присутствія. Секретарь возглашалъ наименованія городовъ, и сколько кто за нихъ даетъ. Слыша объявленіе: за городъ Череповецъ четыреста тысячъ дастъ такой-то! я говорилъ въ умѣ: только бы двадцатую долю — и бѣдный Коробовъ спасенъ отъ стыда и разоренія. Я стоялъ, выпаливъ глаза, разинувъ ротъ, и жадно слѣдилъ за объявленіями. Одинъ изъ торгующихся, дѣтина толстый и высокій, въ венгеркѣ со шнурками, сталъ въ меня вглядываться, и наконецъ спросилъ довольно грубо: «А вы, сударь, зачѣмъ сюда пожаловали?» — Этотъ дерзкій вопросъ разсердилъ меня. «Какая вамъ нужда!» сказалъ я смѣло: «за тѣмъ вѣроятно, за чѣмъ и вы.» — Онъ пріутихъ, подошелъ ко мнѣ ближе, взялъ учтиво за руку, и отвелъ къ окну. «Извините мой нескромный вопросъ!» сказалъ онъ, понизивъ голосъ: «Мы всѣ теперь, какъ на горячихъ угольяхъ. Сдѣлайте милость, не мѣшайте намъ.» — «Странно!» возразилъ я: «почему жъ именно я вамъ мѣшаю!» — «Полно-те, полно-те!» продолжалъ онъ съ принужденною улыбкою: «Къ чему тутъ околичности? Компанія наша покорнѣйше проситъ васъ не торговаться сегодня. Завтра, сколько вамъ угодно. Возьмите, вотъ двадцать пять тысячъ рублей, и ступайте съ Богомъ.» Съ симъ словомъ онъ сунулъ мнѣ въ руку толстый пакетъ. — «Помилуйте?» пробормоталъ я въ оцѣпенѣніи. — «Неужели этого мало?» спросилъ онъ со страхомъ. «Вѣрьте Богу, мы въ убыткѣ будемъ! Теперь пожалуйте!» Онъ взялъ меня подъ руку, вывелъ изъ залы, свелъ съ крыльца, и сказалъ: «Честное сло-

во, что вы сегодня не будете торговаться?» — «Честное слово, но позвольте....» — «Кончено, сударь! я имѣю ваше честное слово. Прощайте!» — Въ сѣняхъ сторожъ подалъ мнѣ шинель, и я съ трудомъ отыскалъ въ карманѣ гривенникъ, ему на водку. На улицѣ развернулъ я пакетъ: въ немъ было сто билетовъ Казначейства, новенькихъ, свѣженькихъ, свѣтленькихъ! — Въ изступленіи радостнаго восторга сѣлъ я на извощика, и велѣлъ гнать въ Гороховую улицу, гдѣ жилъ Коробовъ. Не помню, какъ я туда пріѣхалъ, какъ взошелъ на крыльцо. Въ передней ноги у меня подкосились: я упалъ на стулъ. Вдругъ слышу несущійся изъ комнаты голосъ оцѣнщика: «Комодъ краснаго дерева, съ бронзою, съ тремя выдвижными ящиками, весьма подержанный, оцѣнка двадцать рублей!» Я вскакиваю съ изступленіемъ, отворяю дверь и кричу: «Стой! все кончено, вотъ деньги!» Съ симъ словомъ подаю я мой пакетъ Дмитрію Степановичу. «Что это!» спросилъ онъ. — «Это деньги, въ уплату по векселю; я досталъ, я занялъ; только удовлетворите этихъ господъ.» Надзиратель подошелъ учтиво, принялъ деньги, отдалъ вексель съ распискою, и хотѣлъ уйти. «Куда, сударь!» спросила Авдотья Яковлевна, по уплатѣ долга почувствовавшая все свое достоинство: «Умѣли вы разстроить все въ домѣ, свалили въ кучу и мебель, и посуду, и платье. Теперь извольте поставить все на прежнее мѣсто.» — «Справедливо, сударыня!» отвѣчалъ квартальный, и приказалъ своей командѣ все уставить и прибрать какъ было. — «Теперь извольте итти, куда угодно,» сказала она: «и кланяйтесь Кузьмѣ Ерофеичу.» — «Не премину!» отвѣчалъ надзиратель съ низкимъ поклономъ, и отправился по принадлежности.

Когда мы остались одни, старикъ приступилъ ко мнѣ съ распросами, откуда я досталъ деньги. Не знаю,

почему, мнѣ совѣстно было сказать правду. Я отвѣчалъ, что мнѣ далъ ихъ взаймы одинъ старый пріятель, университетскій товарищъ. Благодареніямъ не было конца. Остальныя пять тысячъ опредѣлилъ я на обзаведеніе своего дома и на свадьбу.

Между-тѣмъ мнѣ все казалось, что я пріобрѣлъ эти деньги не честнымъ образомъ. Мнѣ слѣдовало бы объявить незнакомцу, кто я, зачѣмъ пришелъ въ Сенатъ, и тѣмъ отклонить его предложеніе. Но тогда погибло бы семейство друзей моихъ!—Случалось ли вамъ замѣчать, друзья мои, что такія мысли о дѣйствительномъ достоинствѣ нашихъ поступковъ, о настоящей цѣнѣ вещей въ мірѣ, возникаютъ въ душѣ нашей чаще всего въ часы тишины и уединенія? Такъ бываетъ со мною. По утрамъ, въ тѣ минуты, когда душа, отдохнувъ отъ вчерашнихъ заботъ, еще не отуманилась своекорыстными мыслями о житейскихъ попеченіяхъ, не уступила еще власти надъ собою велѣніямъ нужды и необходимости, я здраво, чисто и совѣстно помышляю о своихъ дѣлахъ, предпріятіяхъ, надеждахъ и опасеніяхъ. Такимъ образомъ въ одно утро, сидя за чаемъ, думалъ я о происшествіи въ Сенатѣ, и упрекалъ себя въ присвоеніи себѣ чужой собственности. Вдругъ входитъ денщикъ и докладываетъ мнѣ, что меня просятъ пожаловать поскорѣе къ одному больному. Я одѣлся наскоро, сѣлъ въ присланную за мною прекрасную карету, и пріѣхалъ въ великолѣпный домъ какого-то отставнаго полковника Трепетова. Самъ хозяинъ, объявили мнѣ, вдругъ занемогъ опасно. Меня ввели въ темную спальню. Кто-то лежалъ въ постелѣ, и охалъ. — «Что съ вами сдѣлалось, сударь?» спросилъ я, подошедши къ нему, и взявъ его за руку. Жаръ въ немъ былъ необыкновенный. — «Отъ сущихъ пустяковъ, сударь!» отвѣчалъ онъ. «Вообразите! вчера мы, на радостяхъ, съ добрыми пріятеля-

ми, роспили ящикъ шампанскаго. Кажись не впервые, а теперь такъ схватило, что я думалъ Богу душу отдать. Проклятый Рысинъ!» — Голосъ больнаго казался мнѣ знакомымъ. Имя Рысина еще болѣе возбудило мое любопытство. Я прописалъ ему что нужно было, и далъ нѣсколько совѣтовъ, увѣряя, что это пустое и скоро пройдетъ. — «Пройдетъ, пройдетъ» отвѣчалъ онъ: «а теперь смертельно голова болитъ.» — «Видно, радость была большая?» спросилъ я. — «Да, не часто удается такъ повеселиться. Мы съ пріятелями, во-первыхъ, успѣли взять превыгодно нѣсколько городовъ на откупъ; во-вторыхъ, посадили одного разбойника въ петлю. Не слыхали ль вы объ Рысинѣ?» — «Какъ не слыхать!» — «Этотъ злодѣй хотѣлъ надуть насъ на триста тысячъ, да мы Кузьму подкузьмили. Онъ самъ заплатилъ двѣсти, чтобъ только отвязаться. Впрочемъ и намъ стало это не дешево. Двоимъ дали по двадцати пяти тысячъ, чтобъ отстали. Ой, батюшки! рѣжетъ! ой, проклятый Рысинъ! — Такъ мы, сударь, вчера по этому случаю старинку вспомнили.» — Тутъ узналъ я голосъ моего сенатскаго благодѣтеля. Онъ, въ темной комнатѣ, не могъ различить меня, да и возможно ли было бы подумать, что дерзкій торгашъ на откупа, и смиренный полковой лекарь одна и та же персона? — Увѣривъ моего паціента, что его болѣзнь не опасна и скоро кончится благополучно, я поспѣшилъ убраться. — На совѣсти у меня отлегло: деньги, которыми я помогъ моему будущему тестю, вышли изъ сундука его злодѣя и губителя!

«Вотъ мой романъ, любезныя дѣти! Вы конечно прежде этого знали нѣкоторыя его подробности; но вполнѣ, кажется, я разсказалъ его вамъ теперь въ первый разъ.»

«Покорнѣйше благодаримъ васъ, батюшка!» сказалъ Андрей: «но я все ждалъ, что дѣло дойдетъ до водки, до сивухи, какъ вы обѣщали.»

«А развѣ ея не было!» спросилъ Петръ Елисеевичъ: «на что же торговались въ Сенатѣ? за что же дали мнѣ двадцать пять тысячъ? Не будь сивухи, не было бы и развязки моего романа.»

«Оно такъ,» возразилъ Андрей: «однако я не желалъ бы называть романа этого гнусными именами водки или сивухи.»

«Придумай ему другое названіе, а дѣло останется то же.»

«Какъ назывались деньги, которыя получали торгующіеся за уступку своего права?»

«Это называлось *отсталое*,» отвѣчалъ отецъ.

НИКОЛАЙ ГРЕЧЪ.

II.
ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВА МУЖА.

— Не льзя ли попросить у васъ позволенія, милостивыя государыни, взглянуть на этотъ листъ? сказалъ графъ Рошбель женѣ своей и ея пріятельницамъ, помогавшимъ ей составлять списокъ приглашеній для наступающаго бала.

— Мы только-что хотѣли представить его на ваше разсмотрѣніе, отвѣчала графиня Рошбель, голосомъ, котораго боязливость, казалось, не соотвѣтствовала ласковому вопросу ея мужа.

— А зачѣмъ ему показывать? вскричала г-жа Деверрьеръ, молодая вѣтреница, которая всегда проповѣдовала бунтъ и возмущеніе противъ власти мужей: зачѣмъ показывать ему списокъ? Какъ-будто онъ не можетъ положиться на насъ въ выборѣ гостей, которые пожалуютъ къ нему въ домъ? Главное, чтобъ имѣть какъ можно больше хорошенькихъ и со вкусомъ одѣтыхъ женщинъ, прекрасныхъ и ловкихъ танцоровъ; да побольше старыхъ князей, молодыхъ писателей, двухъ или трехъ поэтовъ, и Тольбека прежде всѣхъ.

— Да въ этомъ числѣ, душа моя, возразила старая маркиза Дорбессонъ: могутъ случиться люди весьма дурнаго тона и дурно образованные. Куда тебѣ, въ твои лѣта, умѣть составить бальное общество! Ужь оставь этотъ трудъ намъ, старухамъ. Не потому, что я его воспитала, но надо сказать правду, — мой племянникъ извѣстенъ въ Парижѣ за человѣка, знающаго приличія и людей, какъ не льзя лучше.

— Много чести, тетушка! подхватилъ г. Рошбель: я не довольно хорошо воспользовался вашими наставленіями, чтобы постичь во всей тонкости искусство составить общество только изъ такихъ людей, которые бы другъ другу нравились, и о которыхъ бы не льзя было сказать ничего худаго.

— Надо бы вамъ быть колдуномъ, чтобъ до этого достигнуть! вскричала г-жа Деверрьеръ: да еще Богъ знаетъ, какъ такое общество было бы скучно и несносно!

— Мы только прибавили нѣсколько человѣкъ къ числу добрыхъ пріятелей, посѣщающихъ насъ обыкновенно; и вы очень насъ обяжете, если объявите намъ откровенно, хорошъ ли нашъ выборъ, или нѣтъ, сказала графиня Рошбель, передавая списокъ своему мужу.

— Не терплю такихъ снисхожденій! вскричала г-жа Деверрьеръ, съ досадой. Въ самомъ дѣлѣ, милая Албертина, если твой мужъ самъ за себя не вступится, ты кончишь тѣмъ, что сдѣлаешь его смѣшнымъ въ глазахъ общества твоею неумѣстною покорностію, и этимъ печальнымъ видомъ, этимъ почти дрожащимъ голосомъ, когда ты съ нимъ говоришь. Если бъ мы его не такъ хорошо знали, мы бы имѣли все право почитать его вторымъ Отелло.

— Ха, ха, ха! прекрасная шутка! вскричалъ графъ Рошбель, захохотавъ такимъ хохотомъ, который не сообщился никому. Изъ всѣхъ вымысловъ, клевещущихъ на честнаго человѣка, согласитесь, эта клевета была бы для меня самая неопасная: не правда ли, сударыня? Я ревнивъ! я? Да гдѣ вы нынче найдете ревниваго мужа? Скажите. Я думаю, никто въ свѣтѣ не имѣетъ столько духу, чтобъ быть смѣшнымъ до такой степени.....

– Вы правы, тысячу разъ правы! прервала г-жа Деверрьеръ: и притомъ, ревность мужа ни къ чему не служитъ. Онъ мучитъ жену, а его мучитъ весь міръ; всѣ, наперерывъ, ищутъ бѣсить его. Замѣтили ль вы, какъ на балѣ у маркизы Ж*** всѣ старались водить и удерживать г-на П*** въ той залѣ, гдѣ не было жены его? И это дѣлалось изъ человѣколюбія, – чтобъ дать ей время наговориться съ молодымъ Камилломъ Нелисенъ. Какъ смѣялись надъ его безпокойствомъ и усиліями вытащить жену съ бала! Лишь только, преодолѣвъ всѣ препятствія, онъ могъ добраться до своей дражайшей половины, вотъ сталъ повторять ей разъ десять на всѣхъ языкахъ, что наканунѣ она была нездорова, что ей вредно быть долго на балѣ, что ей пора ѣхать, что онъ увѣренъ въ ея согласіи ѣхать, что если она не поѣдетъ, онъ не ручается за ея здоровье. Думая, что убѣдилъ ее своими разсужденіями, онъ вышелъ въ переднюю, велѣть подавать карету, а она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы снова танцовать съ Камилломъ: какъ всѣ наслаждались его изумленіемъ, когда, по возвращеніи своемъ въ залу, онъ нашелъ жену во власти несноснаго соперника, галопирующую до упаду съ глазами блестящими отъ удовольствія, и отвѣчающую самыми лестными улыбками на сладкія рѣчи, которыя шумъ оркестра допускалъ только до ея ушей! Увѣряю васъ, что это была самая забавная комедія.

– Крайне сожалѣю, что мнѣ не удалось быть на этомъ представленіи, возразилъ графъ Рошбель съ язвительною улыбкою: нынче такія зрѣлища становятся очень рѣдки. Не понимаю, какъ г-нъ П*** могъ предаться такой непростительной слабости!... Тѣмъ болѣе, что жена его употребила, по моему мнѣнію, всѣ средства, чтобъ умѣрить ревнивую его нѣжность.... Извините меня, сударыни, но, по истинѣ, надо быть страст-

нымъ обожателемъ дамъ, чтобъ находить васъ еще прелестными послѣ галопа. Видѣть, какъ безбожно, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, трясутъ васъ самымъ невыгоднымъ образомъ для красоты вашей и вашего наряда; видѣть, какъ васъ грубо перебрасываютъ изъ рукъ въ руки, безъ всякой пощады; видѣть ваши пылающія лица, ваши волосы въ безпорядкѣ, виски облитые потомъ, всю одежду вашу измятую, васъ самихъ почти безъ дыханія и безъ силъ; видѣть это все, и..... Право, надо имѣть очень дурной вкусъ, или быть влюблену до безумія, чтобъ дорожить еще женщиною, которую чужой мужчина приведетъ ко мнѣ въ такомъ видѣ!

— Въ этой сатирѣ, я ничего не принимаю на свой счетъ, возразила г-жа Деверрьеръ: потому что я никогда не танцую галопа.

— О женщины! вскричалъ графъ Рошбель: вы всегда умѣете быть правы.

Всѣ засмѣялись, кромѣ графини Рошбель, которая слишкомъ хорошо понимала, что наставленіе ея мужа относилось къ ней одной.

— Да, кстати! продолжалъ графъ: мы заговорили объ этомъ танцѣ, который обратилъ наши бальныя залы въ манежи: я долженъ спросить, почему не вижу въ вашемъ спискѣ героя всѣхъ галоповъ, блистательнаго Г. Дартенѐ?

— Албертина помѣшала мнѣ его вписать, отвѣчала г-жа Деверрьеръ.

— А зачѣмъ это? спросилъ онъ, бросивъ недовольный взглядъ на жену.

— Право, не знаю, отвѣчала г-жа Деверрьеръ: Албертина наговорила намъ тму причинъ, — и все пустыхъ. Говоритъ, что не довольно его знаетъ. Какъ

будто непремѣнно надо коротко знать танцоровъ, которыхъ приглашаютъ на балъ! Увѣряетъ, что онъ слишкомъ живъ, слишкомъ вѣтренъ, слишкомъ преданъ модѣ, слишкомъ самъ въ модѣ.....

— И можетъ-быть слишкомъ милъ, слишкомъ опасенъ для женщинъ? прервалъ г-нъ Рошбель. О, ужь это было бы много ему чести! Это было бы такъ для него лестно, что онъ готовъ бы думать, что его боятся, и я прошу васъ, сударыни, не исключать изъ числа моихъ гостей такого незначащаго человѣка.

На миловидно грустномъ лицѣ графини Рошбель разлилось невыразимое чувство, но внимательный наблюдатель могъ бы разгадать его: онъ бы понялъ, что наканунѣ того самаго дня, графъ Рошбель разбранилъ жену до слезъ за молодаго Дартенѐ.

Онъ приглашаетъ его къ себѣ, подумала Албертина, послѣ тѣхъ упрековъ, которые мнѣ надѣлалъ! И моя ли вина, что въ Италіянской оперѣ, этотъ вѣтреникъ сѣлъ возлѣ моей ложи, и что вчера въ Булонскомъ лѣсу онъ ѣхалъ верхомъ за моею коляскою? Боже мой, какъ мой мужъ самъ себѣ противорѣчитъ!

И въ самомъ дѣлѣ, бѣдная Албертина никакъ не понимала, чтобы можно было, изъ самолюбія, жертвовать своимъ спокойствіемъ, осторожностію, даже своею ревностію для того, чтобъ не сознаться въ этой страсти.

— А деревенскихъ сосѣдей вашихъ? спросила г-жа Деверрьеръ. Надѣюсь, вы не забудете позвать эту хорошенькую г-жу Менивиль, отъ которой и полковникъ Долеривъ не отходитъ ни на шагъ, какъ тѣнь. Они оба прекрасно танцуютъ, и притомъ мужъ ея такъ забавенъ своею слѣпою довѣренностію и плоскими шутками на счетъ обманутыхъ мужей. Умора! Ужь этотъ-то мужъ не ревнивъ, согласитесь.

— Не менѣе того, онъ все-таки очень смѣшонъ, возразила маркиза Дорбессонъ. Ослѣпленіе его такъ непонятно, что можно бы счесть добровольнымъ, если бъ связь съ Долеривомъ доставляла ему какія-нибудь выгоды; но у полковника одно только имя, хотя звучное, однако безъ всякой подпоры, безъ состоянія, безъ родства при Дворѣ, и притомъ Мениваль дорожитъ только своими милліонами..... Не думаю, чтобъ ему когда-нибудь удалось прочесть хотя четыре страницы изъ Французской Исторіи. Происходи себѣ, пожалуй, въ прямой линіи, хоть отъ Фарамона, — ему все равно: онъ за это не уважитъ тебя ни крошечки болѣе. Ну ужь за то и самъ смѣшонъ! Такъ смѣшонъ, что мнѣ даже часто жаль его.

— Жаль этого добраго, толстаго Мениваля! вскричала г-жа Деверрьеръ: помилуйте, маркиза, да нѣтъ человѣка блаженнѣе его на свѣтѣ! Всегда доволенъ собою, всегда въ духѣ; влюбленъ самъ въ себя; увѣренъ, что его всѣ обожаютъ, убѣжденъ, что деньги даютъ все, — умъ, любезность, образованность; что милліонщикъ-идолъ, которому все покланяется, котораго не смѣетъ обманывать жена, и надъ которымъ никто не смѣетъ насмѣхаться.

— Ну, ужъ не увѣрите меня, чтобъ онъ обманывалъ самъ себя до такой крайности! возразила маркиза: нельзя ему не замѣтить, что всѣ хохочутъ, лишь только онъ разинетъ ротъ.

— И вы воображаете, что онъ объ этомъ очень безпокоится? прервала г-жа Деверрьеръ: напрасно вы такъ думаете. Онъ увѣренъ, что всѣхъ веселитъ умомъ своимъ и любезностію; а если и случится ему примѣтить, что надъ нимъ въ самомъ дѣлѣ насмѣхаются, тогда, о, тогда онъ убѣжденъ, что это отъ зависти! Я не видывала такого страннаго чудака во всей моей жизни.

—Если все правда, что говорятъ на счетъ его жены, подхватилъ графъ Рошбель: то вы найдете тму такихъ чудаковъ, какъ онъ. Но вы любите этотъ родъ людей, и я непремѣнно позову Мениваля: онъ замѣнитъ однимъ собою Вернета, Одри и всю труппу комическихъ артистовъ.

Когда списокъ приглашеній былъ оконченъ, и всѣ разъѣхались, Албертина, оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ, просила его объяснить ей непонятное свое поведеніе, и почему онъ такъ настаивалъ, чтобы г-нъ Дартенѐ былъ приглашенъ на балъ, когда наканунѣ сдѣлалъ ей столько выговоровъ и упрековъ за него.

— Тебя это удивляетъ, Албертина? возразилъ графъ. И ты, съ твоимъ знаніемъ свѣта, меня не понимаешь? Хочешь ли, чтобъ я показывалъ, что боюсь этого вертопраха, который за тобою волочится? Его приторная услужливость можетъ повредить тебѣ, — я тебя предупреждаю. Мой долгъ тебя предостеречь; остальное зависитъ отъ тебя.

Въ наше время, молодой человѣкъ влюбляется только въ такую женщину, которая сама этого желаетъ. Дай ему почувствовать, что ласкательства его тебѣ непріятны, и я ручаюсь, что онъ вскорѣ перестанетъ тебя преслѣдовать. Но требовать, чтобъ я избавилъ тебя отъ этого труда, устранивъ Дартенѐ съ грубой невѣжливостью или посредствомъ слишкомъ для него лестнаго исключенія, — этого ты отъ меня никогда не дождешься! Я не намѣренъ прослыть ревнивымъ и быть смѣшнымъ въ глазахъ всего общества.

Такимъ образомъ, Рошбель, терзаемый ревностью, хотѣлъ лучше испытать мученіе видѣть въ своемъ домѣ человѣка, котораго опасался наиболѣе въ мірѣ, нежели прослыть мужемъ, который боится за жену свою.

Свободный отъ всѣхъ мукъ ревности, г-нъ Мениваль, получивъ записку, приглашающую его на балъ къ графинѣ Рошбель, ни о чемъ столько не заботится, какъ чтобъ достать подобное же приглашеніе другу своему, полковнику Долериву. Онъ кидается ко всѣмъ знакомымъ графини; говоритъ и толкуетъ всѣмъ и каждому, что ему не возможно будетъ ѣхать безъ Долерива, котораго любитъ какъ роднаго сына. Онъ у всѣхъ справляется, какъ-бы заставить пригласить полковника. Ему отвѣчаютъ, что вѣроятно г. Долеривъ также будетъ на балѣ и получитъ приглашеніе въ свое время, что можетъ быть ужь онъ и получилъ записку; но Мениваль ничего не слушаетъ, никому не вѣритъ, и пишетъ къ графу Рошбель, чтобы удостовѣриться, будетъ ли Долеривъ приглашенъ на балъ. Можно себѣ представить, какимъ насмѣшкамъ подвергается это несчастное письмо, по содержанію своему и слогу! Но добрый Мениваль ничего не подозрѣваетъ: онъ досталъ приглашеніе на балъ своему другу, и доволенъ.

Наступилъ ожидаемый вечеръ. Графиня Рошбель одѣта еще съ бо́льшимъ вкусомъ, нежели обыкновенно. Всѣ знаютъ, что богатый нарядъ запрещенъ хозяйкѣ дома; и этотъ законъ почти всегда служитъ къ бо́льшему ихъ украшенію, если онѣ умѣютъ соединить вкусъ съ предписанною простотою. Но въ этотъ вечеръ, несмотря на всю ея красоту, несмотря на всю прелесть ея улыбокъ, грусть, глубоко начертанная на гладкомъ челѣ ея, примѣтная осторожность малѣйшихъ поступковъ, разсѣянность взоровъ, старавшихся убѣгать какого-то предмета, – все доказывало, что сердце нѣкогда рѣзвой, веселой Албертины, страдало подъ бременемъ тяжкой печали.

Это принужденіе, эта недовѣрчивость къ себѣ самой, это волненіе, которое тяготило ее, и которому са-

ма она не могла найти причины, – все это произвели въ ней упреки мужа. Прежде нежели онъ сталъ такъ горько насмѣхаться надъ страстью къ ней Дартенѐ, она не имѣла никакого подозрѣнія о существованіи этой страсти; ея обращеніе съ нимъ было просто, откровенно, невинно, какъ она сама. Но съ тѣхъ поръ какъ она знала, что за нею присматриваютъ, съ тѣхъ поръ какъ самому пустому слову, самому чистому взгляду, каждому бездѣльному поступку, приписывалось преступное, или по-крайней-мѣрѣ предосудительное намѣреніе, она чувствовала смущеніе, страхъ, казалась встревоженною, и упрекала себя въ слабости, именно за то, что предавалась терзавшимъ ее опасеніямъ.

Если бъ г. Рошбель, откровенно уступивъ своей ревности, удалилъ Дартенѐ изъ своего дома; если бъ онъ ободрилъ и поддержалъ жену въ намѣреніи убѣгать этого молодаго повѣсы, она бы скоро его забыла, – тѣмъ скорѣе, что сама чрезвычайно того желала. Но графъ требовалъ, чтобъ она безпрестанно встрѣчалась съ влюбленнымъ Дартенѐ, въ обществѣ, у себя, всюду; чтобъ она слушала его вкрадчивыя изъясненія, переносила пламя страстныхъ взоровъ его, подвергалась всѣмъ его нападеніямъ, – и чтобъ осталась невредимою, не подала бы ему ни малѣйшей надежды! Всѣ мужья, даже всѣ жены сознаются, что это безразсудно.

Дартенѐ, несмотря на свою молодость, былъ слишкомъ опытенъ, и не могъ не примѣтить, какое смущеніе производило его присутствіе въ мысляхъ графини Рошбель. Глупецъ счелъ бы себя обожаемымъ; но Дартенѐ ясно видѣлъ причину этого состоянія души, и безошибочно приписывалъ его ревности мужа. Этою-то ревностью онъ и рѣшился воспользоваться. «Она теперь только боится меня,» разсуждалъ онъ самъ съ

собою: «но я доведу ее до того, что страхъ обратится въ любовь. Потомъ, когда мы поладимъ, я приму такой жалкій видъ несчастнаго любовника, что бѣдный мужъ, чтобъ не прослыть ревнивымъ, никогда не осмѣлится выгнать меня изъ дому, какъ опаснаго соперника.»

Придумавъ адскій планъ, Дартенѐ въ тотъ же вечеръ началъ приводить его въ исполненіе. Учтивость требовала, чтобъ онъ протанцовалъ съ хозяйкою дома. Она отказываетъ ему разъ, отказываетъ два; наконецъ, въ котильонѣ, онъ подходитъ къ ней со всею свойственною ему смѣлостію, беретъ ее за руку безъ всякихъ предисловій, и увлекаетъ за собою, нашептывая ей въ полголоса: «Зачѣмъ такая жестокость? Вы хотите отбить меня отъ себя вашею холодностію? Напрасный трудъ, графиня. Никто не можетъ болѣе меня самого стараться объ истребленіи этой страсти, которой я вижу всю нелѣпость; но она сильнѣе всѣхъ препятствій: ничто не можетъ истребить ее; ни моя воля, — ни даже ваша!»

Албертина, пораженная этими словами, остается нѣсколько минутъ какъ окаменѣлая. Ея очередь начинать фигуру; но она того не примѣчаетъ. Опомнившись немного, она переходитъ въ противную сторону: по счастію, фигура того требовала, — и это избавляетъ ее отъ необходимости отвѣчать Дартенѐ. Однако ей хотѣлось бы воспользоваться случаемъ, и объявить ему, что его преслѣдованія обижаютъ ее; что они ей непріятны. Но какъ солгать! Ложь, для души, несносна и невозможна. Слова бѣгутъ прочь. И что сказать въ такомъ случаѣ?... Между-тѣмъ, удобная минута ускользнула; праздные гости уже обступили хозяйку, и каждый лепечетъ ей привѣтствія по-своему. Мысль, занимающая Албертину, испытала уже

три, или четыре перемѣны. Какъ возобновить объясненіе, и сказать, что имъ обижены? Это было бы обращать слишкомъ много вниманія на дерзость молодаго человѣка. Лучше сдѣлать видъ, что ее забыли, или даже и не поняли. Да! это будетъ гораздо лучше. Графиня Рошбель рѣшилась не говорить ни слова.

Не менѣе того, ударъ нанесенъ: краска, вспыхнувшая на прелестномъ лицѣ ея, невольный блескъ ея взоровъ въ ту минуту, когда она узнала, что страстно любима, стараніе не обращать вниманія на столь явное признаніе, — ничто, ничто не укрылось отъ наблюдательнаго Дартенѐ, и онъ началъ уже поздравлять себя съ побѣдою.

Красавицы, особенно замужнія, не слушайте, если можете, льстивыхъ словъ мужчины, который говоритъ, что онъ влюбленъ въ васъ! Слова его ядъ, который отравляетъ чистоту души вашей, истребляетъ ваше спокойствіе, спокойствіе всего вашего семейства. Тѣмъ менѣе достойны они вашего слуха, что почти всегда проистекаютъ не отъ чистой любви къ вамъ, но, увы, отъ измѣннническаго желанія погубить васъ! Не слушайте, если можете.

Но что это за шумъ на балѣ? Всѣ бѣгутъ къ окнамъ, обращеннымъ во дворъ; всѣ шепчутся, всѣ помираютъ со смѣха. Что бы это значило?....

На дворъ взъѣхала плетеная бричка, которую швейцаръ не хочетъ допустить къ крыльцу: ни кучеръ, ни лошади не слущаютъ швейцара. Бричка у крыльца. Весь дворъ ярко освѣщенъ плошками: изъ оконъ видна вся эта потѣха. Притомъ, молодой Нелисенъ, обогнавшій плетеную бричку и выскочившій изъ своего тильбюри, въ минуту тріумфальнаго въѣзда ея во дворъ, вошелъ въ это время въ залъ. Всѣ его окружили, и слушаютъ разсказъ со смѣхомъ:

— Вообразите себѣ, говоритъ онъ, тройку тощихъ лошадей, въ изорванныхъ, повозочныхъ хомутахъ, впряженныхъ веревками въ плетеную корзинку на колесахъ, изъ которой выглядываютъ три большія бѣлыя пера, съ дюжину золотыхъ колосьевъ и нѣсколько бриллiантовыхъ украшенiй, — словомъ, всѣ признаки бальной прически. Толстый мужчина, сидящiй вмѣсто кучера на козлахъ этой великолѣпной колесницы, кричитъ «поди!» изо всей силы; подлѣ него, вѣроятно ему въ помощь, сидитъ что-то похожее на человѣческую фигуру, въ охотничьемъ платьѣ, безъ шляпы, которая, безъ сомнѣнiя, не могла помѣститься на головѣ по тѣснотѣ мѣста въ экипажѣ. Когда пришлось вылѣзать изъ чудной повозки, бѣдная дама жалобно закричала, что она переломитъ себѣ ногу, если ей прiйдется выскочить безъ помощи изъ этой корзины; человѣкъ въ охотничьемъ платьѣ, между-тѣмъ, умолялъ толстаго господина на козлахъ крѣпче держать лошадей, которыя, пугаясь плошекъ, дымящихся подъ ихъ ноздрями, фыркали и становились на дыбы. Мнѣ очень хотѣлось предложить руку бѣдной опеременной дамѣ, потому что, несмотря на странность ея положенiя, она показалась мнѣ очень пригожею; но какъ услышалъ толстяка, — «Моя Минеточка, берегись, пожалуйста, когда будешь выходить!» — я такъ расхохотался, что долженъ былъ бѣжать сюда, предоставивъ участь этихъ чудаковъ на произволъ судьбы.

Едва успѣлъ онъ кончить, какъ офицiантъ, вошедшiй въ залу, доложилъ о прiѣздѣ г-на и г-жи Менивиль. Нелисенъ вскричалъ: — «Это они!» — и хохотъ возобновился.

— Какъ я радъ, что здѣсь всѣ такъ веселы! сказалъ Менивиль, входя въ комнату. Въ самомъ дѣлѣ, я хо-

рошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ сюда, несмотря ни на какія препятствія. Другой, на моемъ мѣстѣ, ни за что бы не поѣхалъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ надо было принудить жену ѣхать со мною, хотя она любитъ балы до безумія. Вообразите, съ нами встрѣтилось столько препятствій, что вся ея твердость исчезла! Она ужь хотѣла раздѣться, снять прическу, и лечь въ постель. Подумайте, что случилось: кучеръ нашъ напился пьянъ; только съѣздилъ со мною въ театръ, отпрягъ карету мою коричневаго цвѣта, – глядь, ось переломлена! Видя, что нельзя ѣхать въ каретѣ, я послалъ своего егеря нанять какой-нибудь экипажъ, но въ десять часовъ вечера, въ Воскресенье, да еще и въ мясоѣдъ, не найдешь ни людей, ни скотовъ на биржѣ. Въ такой крайности, я вдругъ вспомнилъ о бричкѣ, которую купилъ моимъ людямъ ѣздить въ деревню. Она крытая: мы будемъ подъ защитой. Вздумано, сдѣлано. Чрезъ пять минутъ лошади впряжены въ бричку; но тутъ-то предстояла трудность, какъ усадить въ нее мою Минету, съ ея брилліантами, съ перьями и съ креповымъ платьемъ. Ну она спорить со мною: «И смѣшны-то мы будемъ! и всѣ-то станутъ надъ нами смѣяться! И всѣ-то будутъ указывать на насъ пальцами! И ноги-то она переломаетъ! И платье-то изомнетъ! И брилліанты-то свои растеряетъ! И перья-то ея распадутся!» Наконецъ объявила, что она никогда не сядетъ въ такую дрянную повозку. «Вотъ тебѣ на!» сказалъ я: «если не сядешь, такъ тебя посадятъ. Велика ли бѣда, что мы пріѣдемъ не въ каретѣ, а въ бричкѣ? Всякой только скажетъ, что мы пріѣхали въ бричкѣ, а не въ каретѣ: вотъ и все тутъ. Поговорятъ, а потомъ и перестанутъ; а ты все-таки будешь г-жа Менивиль; твое платье и твои брилліанты не подурнѣютъ отъ того, что прокатаются въ бричкѣ; а междутѣмъ ты будешь на балѣ, и будешь веселиться, вмѣсто, чтобъ сидѣть дома и плакать съ досады, – да еще

бѣдный Долеривъ, который теперь дожидается насъ на балѣ, ужасть какъ перетревожится, не видя насъ!» Наконецъ, насилу, насилу, я уговорилъ ее, и мы поѣхали.

— Счастіе для насъ и для нашего бала, что вы въ томъ успѣли! возразилъ графъ Рошбель, съ свойственною ему учтивостію: вы угадали, что присутствіе ваше необходимо, для полнаго нашего удовольствія, и мнѣ остается только благодарить васъ за оказанное къ намъ снисхожденіе.

Потомъ, обращаясь къ женѣ, — графиня, прибавилъ онъ: поручаю вамъ г. Мениваля; потрудитесь устроить для него партію въ вистъ.

Всѣ окружили Мениваля, всѣ его привѣтствуютъ, ласкаютъ; распрашиваютъ, какъ напился пьянъ его кучеръ, какъ переломилась ось кареты коричневаго цвѣта, какъ жена спорила съ нимъ до ссоры, и прочая. И Мениваль въ восхищеніи, что всѣ имъ такъ занимаются! Онъ внутренно не можетъ нарадоваться, что превозмогъ всѣ препятствія, и пріѣхалъ насладиться этимъ великолѣпнымъ праздникомъ.

— Вотъ, безспорно величайшій мудрецъ изъ всего общества, сказалъ г. Мюренъ, подошедши къ г-жѣ Деверрьеръ: онъ насмѣхается надъ насмѣшками!

— Какъ! вы называете его мудрецомъ? возразила она, расхохотавшись. Да посмотрите только, съ кѣмъ жена его танцуетъ уже въ третій разъ?

— Вижу. Съ полковникомъ Долеривомъ.

— Ну, признайтесь, что если бъ вашъ мудрецъ лишилъ себя удовольствія привезти сюда свою дражайшую половину въ телѣжкѣ, за тѣмъ, чтобъ дать ей средство срамить себя и его во все продолженіе бала, онъ былъ бы тогда, по-крайней-мѣрѣ, умнѣе.

— Ахъ, Боже мой, какъ вы ошибаетесь! Тогда бѣдный мужъ не зналъ бы, куда дѣваться цѣлую недѣлю. Жена бы его дулась; она бы замучила Долерива своею ревностію за то, что онъ смѣлъ повеселиться на балѣ, гдѣ ея не было; и Богъ знаетъ еще, что̀ бы изъ этого вышло. Повѣрьте, никто не умѣетъ жить на свѣтѣ лучше этого толстаго Мениваля: взгляните только на его всегда довольный видъ, на его безсмѣнную улыбку!

Разговоръ былъ прерванъ приближеніемъ хозяина дома, который подошелъ къ г-жѣ Деверрьеръ съ намѣреніемъ наговорить ей тму привѣтствій на счетъ ея красоты и наряда. Но слова его замирали; онъ былъ блѣденъ какъ смерть, дыханіе спиралось, голосъ дрожалъ; вмѣсто улыбки, какое-то судорожное движеніе выражалось на всѣхъ чертахъ лица его. Онъ заговорилъ-было объ удовольствіи, съ какимъ видѣлъ такое блистательное общество въ своемъ домѣ, но вся наружность противорѣчила его увѣреніямъ.

Онъ потерялъ нѣсколько значительныхъ пари въ экартѐ, и проигралъ множество робберовъ Менивалю, который, будучи увѣренъ въ своемъ счастіи, игралъ въ вистъ по самой большой, — что часто доставляло ему честь участвовать въ партіи знатныхъ особъ. Хотя не равной съ ними силы, онъ почти всегда ихъ обыгривалъ: столько-то полное вниманіе ограниченнаго ума имѣетъ преимущества передъ соображеніями самыхъ тонкихъ, но разсѣянныхъ умовъ.

Усиливаясь продолжать разговоръ съ г-жею Деверрьеръ, графъ Рошбель глазами искалъ жены, которая, чувствовала, понимала этотъ взглядъ, и поспѣшно удалилась отъ Дартенѐ. Она подошла къ тому мѣсту, гдѣ мужъ ея разговаривалъ съ ея пріятельницею. Дартенѐ послѣдовалъ за нею, и пришелъ жало-

ваться графу, что жена его отказывается танцовать съ нимъ галопъ.

– По-истинѣ, говорилъ онъ: графиня обременяетъ меня самымъ обиднымъ презрѣніемъ, и я прибѣгаю къ супружеской власти, чтобъ умѣрить ея жестокость. Мнѣ предпочитаютъ крошечнаго Левиса, конечно потому что онъ ужасно безобразенъ. Хотя это достоинство не изъ послѣднихъ, но я не хочу, чтобъ меня приносили въ жертву такому идолу. Ссылаюсь на г-жу Деверрьеръ: пусть она разсудитъ!

– И точно, отвѣчала она: да вы тысячу разъ правы! Только вы напрасно такъ сильно жалуетесь на вашу участь: знаете ли, что на мѣстѣ графа, я бы лопнула отъ ревности; именно отъ того, что вамъ предпочитаютъ безобразнаго Левиса?

– Въ самомъ дѣлѣ, возразилъ графъ, улыбаясь съ большою пріятностію: я думаю, что мнѣ надо бы послѣдовать вашему совѣту. Такая жестокость выказываетъ обыкновенно противоположныя чувства, весьма опасныя для мужей. Но что жъ дѣлать! Я не могу противиться моей участи.

– Это-то всего и хуже! подхватилъ Дартенѐ. Когда ревность мужа не помогаетъ намъ, бѣднымъ волокитамъ, тогда прощай вся надежда на успѣхъ.

– Я отъ этого въ отчаяніи! повторилъ графъ, не оставляя ироническаго тона: но несмотря на все мое желаніе угодить вамъ, не могу сдѣлаться посмѣшищемъ и быть ревнивымъ мужемъ.

– Однако, ваше спокойствіе обнаруживаетъ такую непростительную самонадѣянность, что становится даже обиднымъ для бѣднаго Дартенѐ, прервала г-жа Деверрьеръ: это выводитъ меня изъ терпѣнія, и я пе-

рехожу къ непріятелю, — предупреждаю васъ. Если намъ удастся промучить васъ весь балъ, я буду въ восхищеніи! Прошу тебя, милая Албертина, помоги нашему заговору, и доставь намъ удовольствіе потѣшиться ревностію твоего мужа: онъ заслуживаетъ это маленькое наказаніе за свою дерзкую безпечность.

Албертина знала, какъ понимать мнимую безпечность своего мужа. Она улыбнулась вмѣсто отвѣта; потомъ, немного покашляла, — что всегда случается съ молодою женщиною, когда она не знаетъ, что отвѣчать.

Отчего въ этомъ вѣкѣ просвѣщенія и утонченности бальныя празднества такъ невеселы? Оттого, что нѣтъ ни искренности, ни радушія между веселящимися. Никто не старается даже скрывать своего недоброжелательства къ другимъ: его можно читать во всѣхъ взорахъ. Каждая женщина, хорошая и дурная, непремѣнно подвергается игу враждебнаго наблюденія, столь же неумолимаго для прелестей, какъ и недостатковъ. Это убѣжденіе даетъ принужденный видъ всѣмъ красавицамъ; а которыя изъ нихъ посмѣлѣе, тѣ сами заняты мыслію острить стрѣлы мщенія, злословія и досады, въ уплату врагамъ своимъ. На балѣ нынѣ всѣ осторожны, всѣ боятся другъ друга: гдѣ жъ тутъ веселье, которое основывается только на общей довѣренности, на общей благосклонности присутствующихъ? Чтобъ увѣрить другихъ въ своей веселости, всѣ шумятъ, хлопочутъ; чтобъ скрыть непріятность или оскорбленіе, всѣ показываютъ видъ торжествующій; наконецъ, каждый болѣе или менѣе измученъ тысячью ничтожныхъ терзаній самолюбія, — и отъ того-то всѣ эти пышные праздники суть собранія самыя скучныя, самыя печальныя.

Особенно, когда первые дневные лучи уже скользятъ сквозь затворенныя ставни, и блескомъ своимъ затмѣваютъ тусклый свѣтъ лампъ и свѣчей; когда усталость примѣшивается къ грусти, неразлучной спутницѣ угасающаго удовольствія, – тогда-то въ полной мѣрѣ обнаруживаются пустота и смущеніе, которыя то же самое удовольствіе заронило въ душу, созданную для радостей чистыхъ и безмятежныхъ!

Графиня Рошбель томно принимала послѣднія привѣтствія разъѣжающихся гостей; она оставалась одна въ обширныхъ, великолѣпно убранныхъ комнатахъ, гдѣ разсѣянныя мебели, деревья, кустарники и цвѣты, напудренные пылью, доказывали и многочисленность разсѣявшейся толпы, и неутомимость движеній, продолжившихъ праздникъ до самаго утра.

Эта минута спокойствія, наступающая послѣ шума, обыкновенно бываетъ посвящена исчисленію всѣхъ чувствованій, испытанныхъ въ теченіе вечера. Нѣжная красавица спрашиваетъ себя, не слишкомъ ли она слушала, не сказала ли чего *лишняго*. Чистосердечіе борется съ хитростію разсудка, и долго, долго побѣда остается нерѣшенною. Воспоминанія сердца смущаютъ его, безпокоятъ, но лукавые софизмы какъ тутъ, чтобъ назвать ребячествомъ опасенія, чтобы внушить, что добродѣтель не боится ни какихъ искушеній. Этого рода софизмы удивительно нравятся женщинамъ, и Албертина предавалась имъ, какъ и многія другія. Она не могла, однако же, не признаться себѣ самой, что романъ, затѣваемый Дартенеемъ, уже сильно занималъ ея воображеніе; но, твердо убѣжденная въ силѣ своего разсудка, она ни мало не сомнѣвалась, что всегда останется выше всѣхъ затѣй обольщенія. Увѣренная въ своей добродѣтели, она надѣялась избѣгнуть незаслуженнаго несчастія.

Если бъ Графъ не приглашалъ къ себѣ Дартенé такъ настойчиво при каждомъ случаѣ, начатый молодымъ вѣтренникомъ романъ остановился бы на первой страницѣ. Но каждый день видѣть, слушать человѣка, который нравится, привыкать къ его услугамъ, къ его попеченіямъ,—не значитъ ли уступать помаленьку свое сердце? И Албертина сама скоро примѣтила, что дала слишкомъ много надъ собою власти тому, кого мужъ ея называлъ, съ колкою улыбкою, достойнѣйшимъ изъ ея обожателей!

Но Албертина не напрасно была такъ убѣждена въ своей добродѣтели. Какъ скоро увидѣла и постигла всю опасность своего положенія, она приняла твердое намѣреніе убѣгать Дартенѐ, сколько позволитъ упрямое самолюбіе мужа. Она сдѣлала болѣе: рѣшилась просить самого Дартенѐ посѣщать ее гораздо рѣже, заниматься ею менѣе. Она говорила ему, что боялась подвергнуться злословію; но его трудно было обмануть. «Долгъ всего сильнѣе въ ея душѣ!» подумалъ онъ: «она жертвуетъ мною, мною, котораго обратила къ истинной любви! Она не боится довести меня до отчаянія. О, если бъ я могъ причинить ей столько же мученій, сколько я самъ ихъ терплю!»

Огорченный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и восхищенный такою добродѣтелью въ обожаемой имъ женщинѣ, Дартенѐ вздумалъ возбудить ея ревность.

Г-жа Менивалъ была хороша собою, и притомъ ее можно было встрѣчать вездѣ, — на гуляньяхъ, на балахъ, въ театрѣ, и между-тѣмъ она отлично принимала у себя всѣхъ, кто только желалъ быть знакомъ въ ея домѣ. Дартенѐ избралъ ее для исполненія своихъ намѣреній, и менѣе чѣмъ чрезъ недѣлю, столько успѣлъ въ своемъ предпріятіи, что всѣ пріятели по-

здравляли его съ благосклонностію г-жи Мениваль. Сама Графиня Рошбель не могла не пошутить надъ его новою страстью, съ улыбкою на лицѣ, съ крупными слезами на глазахъ.

Одинъ только человѣкъ взбунтовался противъ удачи Дартенѐ. Каждый пойметъ, конечно, что этотъ мятежникъ былъ не г. Мениваль. Нѣтъ! другъ его, Долеривъ, не могъ видѣть безъ досады, что столь опасный соперникъ былъ такъ отлично принятъ хорошенькою г-жею Мениваль. Онъ сталъ дѣлать упреки; надъ нимъ смѣялись, и Долеривъ, видя, что никакъ не можетъ преодолѣть прихоти избалованной кокетки, взялся просто за самого Дартенѐ.

Это было въ театрѣ: причины къ спору нашлись очень скоро между людьми, которые хотѣли ссориться. Какое-то политическое разсужденіе послужило предлогомъ: Долеривъ, осмѣявъ и разбранивъ своего соперника, вынудилъ его требовать удовлетворенія.

При этой ссорѣ были свидѣтели; одинъ изъ нихъ, конечно изъ участія, поспѣшилъ въ ложу г-жи Мениваль, чтобъ пересказать ей, что случилось между Долеривомъ и Дартенѐ.

— Вотъ глупость! вскричалъ г-нъ Мениваль: видано ли ссориться до драки за какой нибудь проектъ закона! Ай-да молодцы! Есть за что побраниться! Но ужь этого-то я не допущу! я заставлю ихъ быть умными вопреки имъ самимъ.

Выговоривъ это, онъ вышелъ изъ ложи съ намѣреніемъ отыскать своего пріятеля, Долерива; но его ужь не было въ театрѣ. Когда Мениваль возвратился къ женѣ, она была такъ блѣдна, и такъ встревожена, что самъ мужъ совѣтовалъ ей ѣхать домой.

Неизвѣстно навѣрное, за котораго изъ двухъ противниковъ г-жа Мениваль наиболѣе безпокоилась; но надо полагать, что старая привязанность была въ этомъ случаѣ сильнѣе минутной прихоти. Притомъ, какая женщина, почитающая себя причиною дуэля, не будетъ въ отчаяніи? Однако все, что сожалѣніе, страхъ, угрызеніе совѣсти и даже сама любовь ни внушали въ ту минуту г-жѣ Мениваль, не могло еще сравниться съ изступленіемъ бѣднаго Мениваля. Онъ выходилъ изъ себя при одной мысли, что другъ его Долеривъ можетъ-быть убитъ или пострадать отъ дуэля, затѣяннаго такъ глупо, по поводу какой-то политической безсмыслицы.

На слѣдующее утро, съ шести часовъ, Мениваль уже у Дартенé, уже ублажаетъ его и упрашиваетъ, чтобъ онъ не находилъ ни какой обиды въ маленькой вспыльчивости его друга. Никогда отецъ, ни братъ, оспориваюшій у самаго грубаго предразсудка жизнь любимѣйшаго предмета въ мірѣ, не выражался съ такимъ жаромъ и усердіемъ. Но Дартенѐ остался неколебимъ.

— Право, сказалъ онъ своимъ секундантамъ, когда Мениваль уѣхалъ: право можешь на себя надѣяться, когда имѣлъ довольно духу слушать цѣлый часъ этого толстяка, безъ смѣха! Онъ такъ боится, чтобъ я не убилъ любовника его жены, что мнѣ даже жаль его.

Надѣясь болѣе подѣйствовать на Долерива, Мениваль летитъ къ нему; но тотъ уже уѣхалъ въ Сенъ-Манде. Тогда Мениваль рѣшается на все, лишь бы предупредить несчастіе: онъ велитъ кучеру гнать лошадей во весь духъ, чтобы настичь коляску Дартенé; наконецъ, достигаетъ мѣста сраженія, но уже въ ту минуту, когда секунданты обѣихъ сторонъ помогали

переносить, – увы! – тяжело раненаго Долерива, который утопалъ въ крови, и отъ сильной слабости лишенъ былъ чувствъ. Дартенé, блѣдный, встревоженный, обремененный раскаяніемъ, оказываетъ ему живѣйшее участіе и самыя нѣжныя попеченія; но Мениваль, въ неистовствѣ, отталкиваетъ палача отъ жертвы и, надъ безчувственнымъ другомъ, изливаетъ всю свою горесть и весь свой гнѣвъ.

– Поберегите больнаго, сударь! говорятъ ему: вы слишкомъ придавили его рану.

Мениваль ничего не слышитъ; онъ кричитъ, мечется, терзается, такъ, что легко бы могъ уморить Долерива, если бъ тотъ пришелъ въ чувство.

– Не мѣшайте намъ помочь ему, сказалъ наконецъ Дартенé, повернувъ прочь толстаго Мениваля такъ шибко, что онъ насилу опомнился. Между тѣмъ, къ раненому подошелъ лекарь съ инструментами, катаплазмами и лекарствами.

Перевязавъ рану, хотѣли перенести больнаго къ нему въ домъ.

– Нѣтъ, нѣтъ, господа! вскричалъ опять Мениваль. Я не потерплю, что бы моего лучшаго друга отнесли въ его пустую, холостую комнату, гдѣ не кому будетъ за нимъ и присмотрѣть. Ко мнѣ, ко мнѣ его! У меня всегда сыщется для него мѣсто. Онъ найдетъ у меня все, чего требуетъ его положеніе, и мы сами будемъ беречь его. Жена моя такъ добра, такъ сострадательна къ больнымъ! Ахъ, Боже мой, лишь бы попеченія наши послужили ему въ пользу!

Дартенè и всѣ, тутъ бывшіе, слишкомъ хорошо знали, какъ сильно подобное приглашеніе могло подѣйствовать на выздоровленіе Долерива, и немедленно согласились.

– Погодите минуту, господа, сказалъ Менивaль, немного не доходя до своего дома. Надо предупредить жену, а то можно уморить ее со страха. Дайте мнѣ показаться ей напередъ, чтобъ она не думала, что это меня несутъ къ ней въ такомъ положеніи: бѣдняжка перепугалась бы до смерти!... Постойте тутъ! Я вернусь къ вамъ, лишь только ее приготовлю. Ахъ, Боже мой, какое происшествіе!

Менивaль бѣжитъ приготовлять жену, а пріятели его, оставшіеся на улицѣ, смѣются надъ его ослѣпленіемъ. Что жъ дѣлать! всѣ люди такъ созданы. Когда что-нибудь насъ разсмѣшитъ, мы готовы смѣяться и надъ тѣломъ умирающаго. А что могло быть смѣшнѣе Менивaля въ этомъ случаѣ!

– Не пугайся, моя Минеточка! вскричалъ Менивaль, отворивъ настежь дверь въ комнату жены. Во-первыхъ, ты видишь, что я живъ и цѣлъ.

– Ахъ, Боже мой! вы меня пугаете, вскрикнула г-жа Менивaль, встревоженнымъ голосомъ. Что такое случилось! Эдгаръ....

Она не могла продолжать, и упала въ кресла, почти безъ дыханія.

– Полно, полно, будь умнѣе! возразилъ мужъ: вѣдь ты видишь, что со мною ничего не случилось, хоть я чуть не переломилъ себѣ шеи, гнавшись за ними безъ памяти, и перескакивая чрезъ эти проклятые рвы, чтобъ ихъ догнать. Но все это, слава Богу, кончилось только однимъ испугомъ и горестію видѣть паденіе бѣднаго Долерива.

Пронзительный крикъ вырвался изъ груди г-жи Менивaль.

– Но лекаря не отнимаютъ еще у насъ надежды, продолжалъ онъ: и конечно, наши попеченія....

– Такъ онъ не умеръ? вскричала она.

– Нѣтъ, слава Богу, – не умеръ! Кто жъ тебѣ сказалъ, что онъ умеръ? Я принесъ его на носилкахъ, за собою: онъ тамъ, внизу; но я не хотѣлъ, чтобъ ты видѣла это жалкое шествіе, не бывъ предупреждена мною.

Пока онъ кончалъ свой разсказъ, г-жа Мениваль уже летѣла навстрѣчу раненому. Онъ ожилъ при звукѣ ея голоса. Восхищеніе видѣть ее, читать безпокойство на ея лицѣ, мстить ей опасностію своего положенія, – столько сладкихъ ощущеній вдругъ произвели благотворное обращеніе крови въ жилахъ больнаго, и онъ возвратился къ жизни. Рана его была глубока; но искусный врачъ умѣлъ залечить ее. Менѣе нежели черезъ восемь дней, Долеривъ былъ уже внѣ опасности. Не льзя пріискать словъ, чтобъ описать, какъ онъ былъ счастливъ во время своего выздоровленія. Возвращеніе къ удовольствіямъ жизни, радость г-жи Мениваль и эта шумная веселость добраго Мениваля, который не переставалъ разсказывать, какъ онъ спасъ и вылечилъ своего друга, составляли картину несравненную.

Между-тѣмъ, какъ любовь, миръ, довѣренность и спокойствіе царствовали у Мениваля, домъ г-на Рошбеля былъ безпрерывнымъ позорищемъ самыхъ горькихъ бѣдъ. Ревность графа могла бы немного утихнуть послѣ дуэля между Долеривомъ и Дартенѐ, происшедшаго, какъ всѣ знали, изъ соперничества ихъ въ любви къ г-жѣ Мениваль, но графъ примѣтилъ блѣдность на лицѣ жены своей, когда ей объ этомъ

разсказывали, и этого было довольно, чтобъ удостовѣрить его въ мнимомъ его несчастіи. Онъ почиталъ себя обманутымъ. Хотя Албертина, чтобъ его успокоить, прервала всѣ сношенія съ Дартенѐ, перестала принимать его у себя, даже говорить съ нимъ въ чужихъ домахъ; хотя непорочность ея могла быть ему извѣстна, какъ была всему обществу, однако мысль, будто онъ играетъ въ свѣтѣ роль обманутаго мужа, завладѣла умомъ его до такой степени, что потрясенный мозгъ его не перенесъ сего испытанія, и счастливый супругъ лишился разсудка.

Несмотря на всѣ жестокія его несправедливости, жена его не покинула; и нѣжная, нѣкогда блестящая графиня Рошбель, теперь добровольно заключила себя дома, въ сообществѣ сумасброда, который безпрерывно обижаетъ ее и злословитъ, который, можетъ статься, уже нанесъ бы ей смертельный ударъ въ своемъ неистовствѣ, если бъ приставленные къ нему смотрители не воспрепятствовали.

— Это бѣдный Рошбель! говоритъ Менивиль. Ну, не глупо ли, съ его стороны, сойти съ ума, потому что Дартенѐ вздумалъ поволочиться за его женою? Не онъ развѣ, хозяинъ въ домѣ, и не могъ ли онъ сказать на-отрѣзъ женѣ, какъ я бы сказалъ своей, если бъ такая мысль могла помѣститься въ моей головѣ: «Минеточка моя! этотъ господинъ очень милъ, я въ томъ согласенъ.» Говоря это, Менивиль взялъ Долерива за руку. «Но какъ онъ слыветъ въ свѣтѣ твоимъ любовникомъ, то позволь мнѣ, со всею возможною учтивостію, выпроводить его за дверь.» Онъ довелъ пріятеля своего, Долерива, до двери, между тѣмъ-какъ смятеніе послѣдняго равнялось только удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, которые не знали, чѣмъ все это кончится. Менивиль, слѣдуя своей мысли, и

не заботясь, какой видъ дѣлаютъ зрители, продолжалъ: «Мнѣ очень жаль, милостивый государь,» сказалъ бы я ему: «но какъ я взялъ жену собственно для себя, то вы меня извините, что я не намѣренъ дѣлиться ею съ вами. Въ слѣдствіе сего, извольте, сударь, вонъ изъ моего дома. И сказавъ это,» – тутъ Мениваль выпустилъ руку Долерива и сталъ у камина, – «я бы возвратился къ своимъ привычкамъ. Жена моя, не имѣя красавца передъ своими глазами, скоро бы его забыла, а я бы сберегъ и жену и разсудокъ.»

– Вотъ истинный философъ! вскричалъ какой-то шалунъ изъ бывшихъ въ залѣ.

– Ахъ, Боже мой, какъ я испугалась! сказала тихонько г-жа Мениваль Долериву.

– Философъ, иль нѣтъ, я этого не знаю, возразилъ Мениваль! Но я доволенъ участью, которую послало мнѣ небо: вѣрная жена, неизмѣнный другъ, прекрасныя дѣти, веселые товарищи, которые всегда со мною смѣются, здоровье, довольство, достатокъ, – съ такими выгодами, можно назвать себя счастливымъ! Не правда ли?»

И всѣ съ нимъ согласились.

АННА СИТНИКОВА.

ДОМОРОЩЕННЫЕ ГЕНІИ.

=

Кто изъ васъ видалъ эти странные характеры, которые нерѣдко возникаютъ въ шумную эпоху раскаленной и молотами обдѣлываемой образованности, въ странахъ наскоро просвѣщающихся въ искусственномъ жару парниковъ? Всѣ вы ихъ видали! Характеры, имѣющіе всю тонкую чувствительность поэтическаго генія, и лишенные его могущества, — его раздражительное сложеніе, — его сердитую надменность, — его раннее влеченіе къ побѣгу отъ житейскихъ удовольствій, чтобъ поселиться въ одной мечтѣ, лихорадочной и завистливой, чтобъ окопаться въ одной системѣ, обыкновенно чужой, и оттуда стрѣлять по всѣмъ картечью наглыхъ сужденій и желчію? Это доморощенные геніи. Это люди, которымъ Природа даровала способности, часто даже геніяльныя; которымъ отказала она въ умѣ чистомъ и ясномъ; которымъ отрывочное воспитаніе не дало опредѣленной цѣли; которыхъ понятія не упрочились на основательномъ ученіи; которые алчутъ славы, пишутъ, тщатся, хвалятъ, бранятъ, презираютъ — и все невпопадъ; которые мучатъ общество своими неполными, полусовершенными дарованіями, своимъ домогательствомъ умственнаго величія, и которыхъ общество мучитъ взаимно своимъ равнодушіемъ. Смѣшные для многихъ, для насъ они представляютъ печальное зрѣлище. Оно печально даже и въ такомъ случаѣ, когда, какъ, въ примѣрѣ Байрона и Руссо, украшено всѣмъ блескомъ успѣха, поставлено въ длинной галереѣ славы, и предназначено быть безсмертнымъ. Съ какимъ же прискорбіемъ не должно смотрѣть на эти грустныя картины, когда еще цвѣта ихъ видимо бле-

кнутъ при глазахъ зрителя; когда знаешь, что скоро будутъ онѣ брошены въ уголъ, межь лохмотье вѣка, презрѣны, забыты! Это добровольное озлобленіе на людей, на таланты, на чужія извѣстности, въ которомъ счастіе пропадаетъ даромъ, — эта болѣзненная щекотливость въ отношеніи къ общему и частному мнѣнію, громко презираемому съ столь же болѣзненною спѣсью, — это пожертвованіе здоровьемъ и тѣла и сердца, — эта мечтательная юность, — этотъ нелюдимый зрѣлый возрастъ, — эта недовольная, но все еще предпріимчивая старость, — мрачная бровь безъ лавроваго вѣнка, — терзанія Руссо безъ его торжествъ. Мы не преувеличиваемъ несчастнаго положенія въ мірѣ подобныхъ людей, — людей, которые увѣрены въ томъ, что они необыкновенные умы, чувствуютъ даже огонь генія въ груди, и между-тѣмъ, помилости кореннаго порока въ головѣ или воспитаніи, лишены возможности убѣдить въ этомъ публику, и междутѣмъ переходятъ изъ неудачи въ неудачу, изъ полууспѣховъ въ конечное забвеніе. Сильное понятіе о внутреннемъ своемъ достоинствѣ, о правахъ своихъ на знаменитость, окружаетъ ихъ густымъ облакомъ самолюбія, ласкаетъ, прельщаетъ, обманываетъ до самаго края пропасти. Устарѣвъ въ склонностяхъ и привычкахъ генія, они принимаютъ склонности за рѣшительныя дарованія, и въ привычкахъ видятъ его доказательства. Въ литературныхъ и художественныхъ занятіяхъ есть счастіе, — счастіе выспреннее, отвлеченное, неприступное для людей обыкновенныхъ: но ощущаютъ ли его эти неудавшіеся Тассы, Гиббоны, Шеллинги? Нѣтъ, они его не знаютъ. Изъ всѣхъ пріятностей званія имъ извѣстно только уединеніе.

Неоспоримо, что во всѣхъ вѣкахъ большая часть великихъ умовъ обнаруживала явное влеченіе къ нелюдимости. Это слѣдствіе любви къ одиночеству, —

любви, столь свойственной созерцательнымъ душамъ, – склонности, въ существѣ своемъ себялюбивой. Это купальня, въ которой умъ освѣжается, вырвавшись изъ лихорадочной атмосферы толпы; въ которой укрѣпляются нервы понятія, очищается сужденіе. Временное удаленіе отъ свѣта безъ-сомнѣнія, полезно: литературные характеры естественнымъ образомъ очень чувствительны; ихъ дѣйствія такъ тѣсно связаны съ исканіемъ общественнаго уваженія, что они легко подвергаются огорченіямъ, преувеличиваютъ испытанныя непріятности, даже ихъ себѣ выдумываютъ. Тогда имъ необходимо спокойствіе: оно возобновляетъ силы тѣлесныя и душевныя; разсматривая издали обстоятельство, наполнявшее насъ печалью, мы часто даже удивляемся, что привидѣніе исчезаетъ въ лучѣ чистѣйшаго свѣта: и какъ нельзя разстаться съ желаніемъ славы, то, съ его возвращеніемъ, возвращается въ насъ и благоволеніе къ тѣмъ, которые славою платятъ намъ за приносимую имъ пользу. Изъ пещеры, которую показывали еще во времена Плутарха, именно изъ пещеры, выходилъ Демосѳенъ съ новымъ сердцемъ и новымъ могуществомъ, чтобъ оглашать Грецію громомъ своего божественнаго краснорѣчія. Но отлучки отъ общества должны быть кратковременны: употребленіе ихъ благородно, злоупотребленіе – гибельно. Есть одиночество божества и одиночество дикаго звѣря. Человѣкъ рожденъ для того, чтобы жить съ себѣ подобными, – да и самая Поэзія обитаетъ въ людяхъ, а не въ пустынѣ. Благорасположеніе къ ближнему–первая его общественная добродѣтель. Пиѳагоръ говорилъ, что «человѣкъ долженъ быть зрителемъ жизни;» Баконъ, – что «въ театрѣ человѣческой жизни одинъ Богъ и его ангелы имѣютъ право быть зрителями». Пиѳагоръ и Баконъ оба равномѣрно правы: умы, призванные прививать къ обществу, къ

вѣткѣ своей мысли, должны по-перемѣнно жить съ людьми для нихъ и своей пользы, и по временамъ уединяться для наблюденія. Но уединеніе гордое, упрямое, питающее нелюдимость, раздувающее въ сердцѣ ненависть,–смрадная и звонкая пещера, изъ которой исходятъ зловѣщія прорицанія, – это не пріютъ генія, а пріютъ зависти, которая въ вѣчной войнѣ съ геніемъ, съ талантомъ, со всѣмъ, что только выше посредственности, и имѣетъ право на отличіе. Тамъ обыкновенно затворяются съ досады тѣ, которые, промотавъ по пустякамъ свои самородныя дарованія, ничего не сдѣлали ни для себя, ни для людей.

Слѣдствія этого гнѣвнаго отложенія отъ человѣчества, этого скопленія всѣхъ лучей раздраженной мысли въ единомъ фокусѣ своего лица, для нихъ же самихъ ужасны : Молодые люди! если вы получили отъ Природы зародышь силы, невольно увлекающей человѣка къ авторской славѣ, вникните въ нихъ порядкомъ, чтобъ умѣли вы избѣгнуть ихъ приличнымъ развитіемъ и употребленіемъ своихъ способностей. Первое изъ этихъ слѣдствій – искривленіе всего характера. Скоро привыкаете вы не признавать въ мірѣ никого кромѣ себя самихъ, дѣлаетесь для себя богами, и тѣхъ, которые смѣютъ оспаривать ваши притязанія, считаете почти извергами, поносителями святыни. Вы тогда похожи на тѣхъ древнихъ географовъ, такъ забавно осмѣиваемыхъ Плутархомъ, которые, начертавъ дурную карту маленькаго участка земли, извѣстнаго ихъ невѣжеству, все, что лежало внѣ его, означали словами – Непроходимые пески и Страшныя пустыни. Вы, ваши занятія и мнѣнія, вашъ кругъ, ваши обожатели или льстецы, – вотъ ваша географическая карта: а тамъ далѣе живутъ антртопофаги, люди, питающіеся человѣческимъ мясомъ, и уроды «съ головою, растущею пониже плеча». И это разобщеніе мысли и сердца со

свѣтомъ постепенно разрушитъ красоту генiя и самовитость характера: вы сдѣлаетесь смѣшными и жалкими!.....

О, если тогда избѣгнете вы примѣра ужасной моды, свирѣпствующей теперь въ литературномъ мiрѣ, моды писать свои записки, картины своего вѣка, очерки своихъ современниковъ, анекдоты о вашихъ недоброжелателяхъ, жалобы на несправедливость, зависть, злобу, — если вы ея избѣгнете, я назову еще васъ счастливыми! Но врядъ ли оборонитесь вы отъ настойчивости больнаго, покрытаго ранами самолюбiя. Оно принудитъ васъ торжественно отдать самимъ себѣ справедливость. И что жъ вы скажете вашимъ читателямъ? О врагахъ — все дурное; о себѣ — все *я* — *я* — и *я!* Больше вы о себѣ сказать не можете. Благодаря несообразному издержанiю вашихъ способностей, вы никогда не возвысились ни до той восхитительной нѣжности чувствованiя, которою дышатъ генiяльныя страницы автобiографiи Руссо, хотя и набитыя съ верху до низу собственною его особою, ни до тѣхъ неземныхъ стоновъ о Тирзѣ, которыми Байронъ заставляетъ простить себѣ его презрѣнiе къ нашему роду. Для вашихъ «Ночныхъ Мечтанiй» нѣтъ Нарциссы, для вашего «Пильгримствованiя» нѣтъ Ады. Вы остаетесь, передъ лицемъ строгаго судьи, одни съ вашимъ сухимъ самолюбiемъ да съ вашимъ отвратительнымъ — *я*!

Мы отнюдь не охуждаемъ безусловно всякихъ признанiй публикѣ, бiографiй мнѣнiя и мысли: они составляютъ важную и прелестную часть Словесности. Но, для благороднаго признанiя, надо по-крайней-мѣрѣ запастись въ жизни прекрасными чертами, многимъ достойнымъ вниманiя. Мы не произносимъ тоже анаѳемы всему самолюбiю: только злоупотребленiе его опасно и недостойно. Извѣстная степень самоуваженiя не только весьма естественна высшимъ умамъ,

но даже необходима для полнаго ихъ дѣйствія. Безъ этого, мы только эхо пошлыхъ криковъ толпы, ея рабы и жертвы. Кто отказалъ въ почтеніи и соучастіи Мильтону, за его частыя обращенія къ своей особѣ? Быть можетъ, во всемъ архивѣ Литературы нѣтъ другихъ строкъ, столь самолюбивыхъ, какъ слѣдующія: «Что касается до свѣта, то я считаю «его не гостинницей, но госпиталью; мѣстомъ, ку«да пришелъ я не жить, а умереть. Свѣтъ, кото«рый созерцаю, это – я! Въ мой собственный міръ, «въ маленькій міръ моей твари углубляю я свое «вниманіе, а тотъ міръ – я только его потребляю, «какъ мой шаръ, – и верчу имъ иногда, для своей «забавы. Люди, которые смотрятъ на меня извнѣ «да мѣряютъ меня по моему званію и богатству, «ошибаются на счетъ моей высоты: я выше Атласа, «взятаго вмѣстѣ съ вселенною, что у него на пле«чахъ!..... Земля – точка непримѣтная, не «только въ отношеніи къ небу, которое надъ нами, «но и въ сравненіи съ священною, небесною части«цею, которая въ насъ. Эта масса плоти, которою «я окруженъ, не очерчиваетъ моего ума. Эта гео«метрическая площадь говоритъ мнѣ, что и небеса «имѣютъ свой предѣлъ; но она не въ силахъ до«казать мнѣ, чтобъ я имѣлъ какой-либо. Въ моемъ «кругу болѣе трехъсотъ шестидесяти градусовъ. Хо«тя мое тѣло и можетъ быть измѣрено числомъ от«дѣленій дуги, но для угла моего ума нѣтъ чиселъ «въ мірѣ. Когда силюсь постигнуть, какъ образую «я микрокосмъ, маленькій міръ, право, я нахожу, «что я больше великаго! Часть божества несомнѣн«но принадлежитъ намъ, – нѣчто такое, что было «еще до стихій, и что не обязано поклономъ ничему «подъ солнцемъ. Кто меня не понялъ, тотъ не «знаетъ перваго своего урока, не смыслитъ и аза «въ грамотѣ человѣческой.»

Въ этомъ пышномъ отрывкѣ, торжественномъ шествіи порфироносной мысли, чувство собственнаго достоинства, самолюбіе, составляетъ еще красоту. Гордость великаго поэта дѣлаетъ гордымъ даже его читателя. Его признаніе облагороживаетъ цѣлый родъ человѣческій. Но Мильтона Богъ одарилъ, кромѣ генія, еще отличнымъ умомъ и здравымъ разсудкомъ, безъ которыхъ геній есть парадоксъ, ежели не донъ-кихотство. Да и посчастію для него, онъ жилъ тому два столѣтія. Въ тѣ времена люди рѣже попадали въ доморощенные геніи.

Есть пороки, собственно принадлежащіе извѣстнымъ вѣкамъ. Болѣзнь нашего – честолюбіе; не то сильное и похвальное честолюбіе, которое предполагаетъ себѣ цѣль, и стремится къ этой цѣли, но честолюбіе неопредѣленное, безпокойное, завистливое, которое ко всему стремится, всего хочетъ достигнуть, все обнять, захватить, поглотить; которое даже не знаетъ, удовлетворитъ ли его желанія это гигантское завоеваніе, которое пожираетъ свои собственныя внутренности, которое смѣшивается съ завистью, съ прихотями, со всѣми ненавистными и низкими чувствованіями; которое заражаетъ даже умы здравые, души сильныя, дарованія возвышенныя. Почти нельзя вооружаться гнѣвомъ и сатирою противъ этого общаго порока, разлитаго почти во всемъ нашемъ поколѣніи. Увы! это скорѣе болѣзнь, – болѣзнь тяжкая, убійственная: не знаю, есть ли въ свѣтѣ казнь ужаснѣе, нравственная пытка мучительнѣе честолюбія безъ цѣли. Такъ осужденный на каторгу въ Тридъ-Миллькихъ мельницахъ идетъ безпрерывно по колесу, покрытый потомъ, блѣдный, измученный, съ натянутыми мышцами, съ потухшими глазами, не зная куда идетъ онъ, не чувствуя ничего, кромѣ безпрерывнаго и непреодолимаго волненія. Желаніе пылко, воля немощна. Необузданная жажда успѣха пожираетъ душу, а силы, необхо-

димой для его пріобрѣтенія, не достаетъ этимъ несчастнымъ. Они лѣнивы, любятъ роскошь, ненавидятъ работу, предаются своимъ прихотямъ; и они же хотятъ богатства, славы, почестей, всего, что фортуна продаетъ, а не даетъ даромъ. Чѣмъ болѣе увѣрены они въ своемъ геніи, тѣмъ болѣе упорствуютъ въ недѣятельности, тѣмъ болѣе жалуются и клянутъ несправедливость судьбы. Отъ другихъ требуютъ всего, сами для другихъ ничего не дѣлаютъ; хотятъ, чтобы фортуна сама отыскала ихъ и посадила на торжественную колесницу; не хотятъ даже принять на себя труда взлѣзть на нее. Между-тѣмъ ихъ со всѣхъ сторонъ опережаютъ. Другіе, болѣе искусные, болѣе дѣятельные, болѣе счастливые получаютъ желанную награду; остается одно только горькое сожалѣніе о томъ, что награда, съ такимъ нетерпѣніемъ ожиданная, досталась соперникамъ. Чѣмъ болѣе виновны они противъ общества, тѣмъ болѣе на него сердятся и упрекаютъ его въ томъ, въ чемъ бы должны были упрекать самихъ себя. Тутъ начинаются жалобы, горесть, ярость; это не ненависть къ людямъ, но досада на нихъ; человѣкъ недоволенъ собою, и сердится за это на другихъ.

Если бы эти неудовольствія, это негодованіе являлись подъ старость, въ возрастѣ остывшихъ жилъ, печальной и мертвой улыбки, въ возрастѣ, для котораго надежда уже не существуетъ, для котораго даже и прошедшее ежедневно изглаживается; это было бы понятно: немощность желаній извинительна въ такомъ возрастѣ, когда все немощно, и тайная зависть простительна въ такія лѣта, когда человѣкъ уже лишился всѣхъ благъ, которыя вкушалъ прежде. Но это неопредѣленное честолюбіе, смѣшанное съ неспособностію и недѣятельностію, болѣзнь столь общая въ нашемъ вѣкѣ, что даже и юность заражена ею. Ей всего хочется: богатства, почестей, власти и все это

безъ труда, безъ вознагражденія, какъ будто и небо и люди ея данники. Большая часть этихъ честолюбцевъ вѣритъ только въ свое собственное достоинство; они не знаютъ или не хотятъ знать, что достоинство безъ терпѣнія, безъ постоянства, безъ силы души, ничего не значитъ. Когда характеръ человѣка не соотвѣтствуетъ его темпераменту и желаніямъ, онъ несчастнѣйшій изъ людей. Честолюбіе требуетъ, чтобы онъ шелъ впередъ; недѣятельность, чтобы онъ оставался на мѣстѣ и жилъ въ нѣгѣ; какъ же управлять ему колесницею своей жизни, когда силы, движущія эту колесницу, дѣйствуютъ не дружно, не по одному направленію? Отъ этого несогласія въ способностяхъ раждается несчастная несообразность, дѣйствующая на всю жизнь человѣка.

Величайшій полководецъ нашего времени, Наполеонъ, очень хорошо распознавалъ эту неполноту характеровъ. Онъ говорилъ объ одномъ изъ своихъ маршаловъ: «Этотъ человѣкъ превосходный генералъ въ комнатѣ; но у него недостаетъ храбрости для исполненія своихъ плановъ на полѣ сраженія.» О другомъ: «Это храбрѣйшій изъ моихъ солдатъ: какой бы генералъ вышелъ изъ него, если бы я могъ придать ему немножко разсудка и способностей!» Такъ и въ литературной жизни видимъ множество людей съ геніемъ безъ разсудка, съ разсудкомъ безъ генія.

Если бъ отъ насъ потребовали привести полный и разительный примѣръ несчастія, происходящаго отъ этой несообразности, живой образецъ, къ которому бы плотно примѣнялись всѣ предъидущія замѣчанія, мы избрали бъ для этого Сиръ Иджертонъ-Бриджза*.

* Мы уже говорили объ этомъ дивномъ человѣкѣ въ предыдущей книжкѣ Б. для Ч., по поводу изданныхъ имъ Записокъ о своей жизни и своихъ современникахъ, подъ заглавіемъ — The Autobiography, times, opinions and contemporaries of *Sir Egerton Brydges*, per legem terrae *Baron Chandos, of Sudeley*. Мы не ручаемся за степень спра-

Это въ полномъ смыслѣ слова — доморощенный геній. Мы его и избираемъ. Вы имѣете передъ собой человѣка, наиболѣе облагодѣтельствованнаго Природою и наименѣе исполнившаго свое предназначеніе. Геніяльный духъ, живая чувствительность, способность сообразовать и сравнивать, даръ наблюденія, даръ слога, даже извѣстная ученость, все это у него было: но къ чему служатъ необыкновенныя способности и дарованія, когда они уничтожаются ненасытностію желаній, болѣзненною ихъ насильственностію, химерами обманутаго воображенія и совершеннымъ отсутствіемъ какой-либо цѣли! Сиръ Иджертонъ-Бриджъ происходитъ отъ одной изъ знатнѣйшихъ въ государствѣ фамилій, получилъ отъ отца большое имѣніе, а отъ Бога блестящіе таланты. Какой же результатъ произвело существованіе, столь хорошо приготовленное? Какое твореніе оставилъ онъ по себѣ? какіе памятники возвѣщаютъ объ усиліяхъ его юности? Достигнувъ глубокой старости, сдѣлавшись горькимъ мизантропомъ, онъ долго странствовалъ по Европѣ, жилъ въ Женевѣ, Римѣ, Флоренціи, Венеціи, Парижѣ, Неаполѣ; теперь ему семьдесятъ три года; состояніе его разстроено, репутація гораздо ниже дарованій; восно-

ведливости всего, что объ немъ здѣсь сказано: конечно, много личности скрывается въ этой картинѣ; но мы предлагаемъ ее какъ превосходную, тонко и чисто нарисованную характеристику того рода людей, на которыхъ достаточно указываетъ самое заглавіе статьи. Быть-можетъ, никогда большее число знаменитыхъ талантовъ не участвовало въ составленіи одной журнальной статьи, какъ въ настоящемъ случаѣ. Она обдѣлана для Revue Britannique извѣстнымъ Французскимъ писателемъ, Г. Шалемъ, изъ двухъ отличныхъ статей Quarterly Review, о сочиненіи Г. Шарпа и объ автобіографіи Сиръ Иджертонъ-Бриджза, и принадлежащихъ лучшимъ перьямъ этого Журнала, а начало ея взято изъ статьи о Сиръ Иджертонѣ, помѣщенной въ Edinburg Review, и приписываемой Англійскими журналами Лорду Бруму. Изъ этого соединенія четырехъ мыслей вышла весьма примѣчательная картина, но болѣе общая и отвлеченная, чѣмъ положительная и частная.

минаніе обманутыхъ надеждъ его преслѣдуетъ и томитъ въ горькомъ уединеніи. Напрасно старается онъ заглушить досаду на самого себя, составляя біографическія записки, сочиняя сатиры и пасквили, которые онъ раздаетъ даромъ за тѣмъ, что никто ихъ не покупаетъ: всѣ эти выходки оскорбленнаго честолюбія не залечиваютъ раны, а только растравляютъ ее. Порицать другихъ не значитъ доказывать свое собственное достоинство. Видѣть въ другихъ одни недостатки, значитъ исполнять обязанность земледѣльческаго орудія, которымъ *вѣютъ* хлѣбъ, отдѣляя шелуху отъ зерна. Злой критикъ оставляетъ доброе зерно другимъ, а самъ питается тѣмъ, что̀ въ человѣчествѣ безполезнаго, сухаго и негоднаго. Что надобно, чтобы умѣть открывать въ другихъ погрѣшности и недостатки? Немножко злости и самолюбія. Напротивъ, чтобы симпатизировать съ добродѣтелью и талантомъ, чтобы понимать, чувствовать ихъ, надобны талантъ, великодушіе и доброта. Ничего нѣтъ легче, какъ выказывать умъ и проницательность на счетъ доброты, справедливости и разсудка. Одинъ старинный Французскій писатель весьма остроумно сказалъ о своемъ пріятелѣ, который надѣялся возвыситься, унижая другихъ:

S'il n'avait pas mal parlé des autres,
On n'eût jamais parlé de lui.

Человѣкъ съ умомъ и душею всегда расположенъ къ снисходительности. «Я коротко зналъ, говоритъ одинъ очень умный человѣкъ, именно Г. Шаринъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи: я коротко зналъ величайшихъ геніевъ нашего времени: всѣ они были слишкомъ снисходительны. Они всегда находили превосходныя причины, которыми прикрывали чужіе пороки и недостатки, не только не унижали достоинства другаго, но еще преувеличивали ихъ. Боркъ, Джонсонъ, Фоксъ, Питтъ, Кеннингъ, Вальтеръ-Скоттъ,

приписывали талантъ даже самой рѣшительной посредственности. Вашъ недоброжелательный сатирикъ, человѣкъ, который раскрываетъ ротъ только для того, чтобы порицать ближняго, вашъ тонкій аналистъ недостатковъ своихъ сосѣдей, обыкновенно бываетъ жалкое твореніе, столь же ядовитое и ложное въ лести, какъ и въ порицаніи. Милый мой сынъ! продолжаетъ тотъ же удивительный, но мало извѣстный на твердой землѣ писатель, изъ котораго заимствуемъ мы это мѣсто: не предавайся никогда страсти порицать и отыскивать въ другихъ дурное. Не мѣшайся съ тѣми, которые презираютъ все, кромѣ безстыднаго порока и успѣха, хорошими или дурными средствами добытаго. Они жалки. Повѣрь мнѣ, Фенелонъ, который всегда прощаетъ, счастливѣе сатирика Гакона. Добрый епископъ Берлели не промѣнялъ бы своей жизни на блестящую, низкую, желчную, честолюбивую жизнь доктора Свифта, который умеръ безъ головы, потому что жилъ безъ сердца!»

Этотъ недостатокъ, котораго причиною обыкновенно бываетъ ограниченность души и бѣдность мысли, не былъ врожденнымъ въ Сиръ Иджертонѣ. Застуженная лихорадка тщеславія, ѣдкое неудовольствіе на все на свѣтѣ, горькое воспоминаніе о неисполнившихся надеждахъ, ввергли его въ пессимизмъ, заставили его видѣть въ свѣтѣ только скопище страданій и огорченій, чернить всѣ свои картины, темнить всѣ портреты, ничему не удивляться, ничего не уважать. Правда, что въ теченіе его жизни многія непріятныя обстоятельства должны были испортить его характеръ; но эти непріятности ничего не значатъ въ сравненіи съ несчастіями Тасса, Данта, Макіавеля и многихъ другихъ людей съ геніемъ, которые превозмогли злосчастіе, боролись съ нимъ, и въ этой продолжительной, постоянной борьбѣ почерпали новыя силы.

Сиръ Иджертонъ былъ одаренъ отъ природы геніемъ; но въ характерѣ его не доставало силы, и его чрезвычайная раздражительность только увеличивала слабость его. Одна изъ болѣзней, порожденныхъ нашею образованностію, есть характеръ безпокойный, который бѣжитъ на встрѣчу несчастію, вмѣсто того, чтобы съ твердостію ожидать его, который питается сожалѣніями, мучится, изыскивая новыя средства достигнуть славы и счастія, и забываетъ урокъ, заключающійся въ прекрасномъ стихѣ Вольтера —

On doit être heureux sans trop penser à l'être.

Мы примѣнили къ Г. Бриджзу еще одно мѣсто изъ писателя, котораго приводили мы выше, и котораго всѣ страницы проникнуты самою глубокою и истинно практическою философіею. «Если вы не можете быть счастливы однимъ образомъ, говоритъ Г. Шарпъ, то старайтесь сдѣлаться счастливыми какъ-нибудь иначе; для этого большею частію нужны только доброе расположеніе, доброе здоровье и добрый характеръ. Я знавалъ много людей, бѣгавшихъ за счастіемъ, какъ провинціялъ бѣгалъ за шляпой, которая была у него на головѣ. Мелкія злополучія жизни несносны, какъ невидимыя насѣкомыя, проникающія въ поры кожи; но тайна быть счастливымъ состоитъ именно вътомъ, чтобы не мучиться бездѣлками, и радоваться малымъ наслажденіямъ, частицамъ счастія, которыя Богъ разсѣялъ въ нашей жизни. Увы! большія радости, счастье въ гигантскомъ значеніи этого слова не дано въ удѣлъ человѣку. Многіе впадаютъ въ уныніе и отчаяніе именно потому, что всегда стремятся къ неизмѣримому идеалу, и пренебрегаютъ суммою удовольствій, достающеюся на ихъ долю.»

Сиръ Иджертонъ-Бриджзъ былъ однимъ изъ несчастнѣйшихъ людей нашего времени, именно потому, что не слѣдовалъ этой простой философіи. У него бы-

ло два рода честолюбія: онъ жаждалъ почестей и литературной славы. Одно удовлетворено было только вполовину и онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы упрочить себѣ другую. Онъ родился въ 1762 году, въ древнемъ замкѣ Вутонъ, близъ Канторбери; отецъ оставилъ ему значительное состояніе; мать была изъ древней и знаменитой фамиліи Иджертоновъ. Смерть нѣсколькихъ родственниковъ упрочила ему помѣстья Бриджзевъ. Онъ былъ воспитанъ въ Кембриджѣ, гдѣ не хотѣлъ ничему учиться основательно. Все обѣщало ему жизнь блестящую. Онъ объяснилъ въ твореніи, исполненномъ ума и эгоизма, первыя свои ощущенія, свою ссору съ университетскимъ воспитаніемъ и то, какимъ образомъ развились въ немъ сѣмена безпокойства, расположенія къ несчастію, которыя мучили и тиранили его во всю жизнь.

«Первый припадокъ мизантропіи, говоритъ онъ, почувствовалъ я тогда, когда вступилъ въ школу. Какъ горько, какъ прискорбно выйти изъ объятій матери, чтобы попасть подъ ферулу стараго учителя и подъ удары грубыхъ товарищей! До пятнадцати лѣтъ я тщательно скрывалъ эти идеи и чувствованія, которыя, какъ я думалъ, должны сдѣлать меня смѣшнымъ; но въ глубинѣ души моей крылось пламенное желаніе славы и отличій. Я былъ самымъ несчастнымъ ребенкомъ; воспоминаніе о томъ, что покидалъ я, набрасывало тѣнь на мой новый горизонтъ. Я жилъ подъ открытымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, на поляхъ, усѣянныхъ цвѣтами, безъ соперниковъ, безъ тирана и безъ рабовъ. Теперь потолокъ залы давилъ меня; я съ отвращеніемъ думалъ о прошедшемъ днѣ, настоящій день былъ мнѣ въ тягость, завтрашняго ожидалъ я съ трепетомъ. Все, касающееся до моего семейства, до стараго жилища отцевъ моихъ, до моего парка, украшалось въ моемъ воображеніи цвѣтами райскими. Когда съ днемъ Рождества Христова наступали вакаціи, радость моя была столь судорожна, хохотъ столь насильственъ, что родители мои пугались; и какъ страдалъ я, когда надобно было возвратиться въ

Майдстонъ и опять сидѣть на лавкѣ, посреди дѣтей-деспотовъ, покоряющихся деспоту, могущественнѣе ихъ!

«Отецъ мой часто говаривалъ о своемъ предкѣ, Лордѣ-Канцлерѣ Иджертонѣ. и о знаменитыхъ Бриджеватерахъ-Иджертонахъ, въ жилахъ которыхъ нѣсколько вѣковъ текла кровь почти всѣхъ царскихъ домовъ. Онъ разсказывалъ мнѣ также дѣянія Канцлера Гердвика, родственника его по женѣ; портреты ихъ висѣли въ нашей гостиной. Съ какимъ вниманіемъ смотрѣлъ я на этихъ людей, въ ихъ длинныхъ парламентскихъ робахъ; мнѣ казалось, что ихъ важный взглядъ, ихъ торжественныя физіономіи берегутъ мою юность. Я старался разбирать геральдическіе символы, вырѣзанные на рамахъ, гербъ Гиббоновъ съ крестомъ Св. Андрея Іорковъ. Эти подробности производили на меня живѣйшее впечатлѣніе. Въ зрѣломъ возрастѣ я продолжалъ заниматься изученіемъ Геральдики, которое гораздо важнѣе для Исторіи, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ, и которое помогло мнѣ при изданіи Коллинсовой Peerage, — родословной Англійскихъ перовъ.»

Къ этому уваженію къ званію, въ душѣ Иджертона примѣшивалось высокое и живое честолюбіе литературное. Первое твореніе, которое возбудило въ немъ это честолюбіе, была книга безъ генія и вкуса: «Британская Біографія», сухая и безплодная компиляція, составленная по образцу Белева Словаря.

«Мнѣ было девять лѣтъ, когда я въ первый разъ сталъ читать ее. Всѣ эти истинные романы, всѣ эти подробности частной жизни, столь занимательныя и такъ дурно разсказанныя, овладѣвали умомъ моимъ. Возвращаясь домой, я тотчасъ хватался за одну изъ старыхъ книгъ, лежавшихъ по окнамъ; и когда шелъ снѣгъ, когда ревѣла буря, какое благополучіе было для меня оставаться въ комнатѣ отца моего, придвинуть къ камину дѣдовскія кресла и разложить на колѣняхъ огромное in-folio! Я ужасно сердился на всякаго, кто прерывалъ мое чтеніе. Вмѣстѣ съ «Британскою Біографіею» читалъ я Латинскія поэмы Бечанана и Мильтона; я читалъ ихъ на перилахъ дорогъ, на обрубѣ колодца, подъ тѣнію дубовъ, на поляхъ, на деревьяхъ, въ постелѣ.

Съ четырнадцати до пятнадцати лѣтъ мечты литературнаго честолюбія лелѣяли, восхищали, питали, поглощали меня.»

Само собою разумѣется, что идеи наслѣдственнаго величія и личнаго значенія не покидали его и въ Кембриджѣ. Вмѣсто того, чтобъ прилежно слушать положенный курсъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ, знаменитомъ по образовавшимся въ немъ математикамъ, Сиръ Иджертонъ предался занятіямъ совершенно другаго рода, почитая себѣ несравненно выше всѣхъ положенныхъ курсовъ. Устройство Кембриджскаго университета таково, что тамъ нельзя ожидать ни какихъ отличій, если не занимаешься точными науками. Сиръ-Иджертонъ не хотѣлъ объ нихъ и слышать. Alma mater заплатила невниманіемъ за невниманіе, оказываемое ей ея воспитанникомъ. Этотъ первый ложный шагъ на поприщѣ повлекъ за собою и многія другія. За то, въ своихъ Запискахъ, Сиръ Иджертонъ не упускаетъ ни одного случая порицать Кембриджское воспитаніе, тамошнихъ профессоровъ, тамошніе лавры и отличія. Въ слѣдующихъ словахъ видна смѣсь истины съ заблужденіемъ, которую читатель легко различитъ и разберетъ:

«Какое заблужденіе думать, будто-бы университетскія отличія служатъ ручательствомъ за будущій талантъ! Изъ двухъ тысячъ девяти сотъ человѣкъ, которыхъ имена съ 1680 по 1830 годъ блистали въ спискахъ Кембриджскихъ конкурсовъ, развѣ только двое или трое сдѣлались извѣстными въ зрѣломъ возрастѣ или подъ старость. Грей и Вордсвортъ были самыми плохими учениками; надъ Греемъ даже всегда смѣялись. Правда, что онъ былъ человѣчекъ довольно странный, старый холостякъ, изнѣженный, прихотливый и часто смѣшной. Привычка и недостаточное состояніе удерживали его въ Кембриджѣ. Я знавалъ тамъ другихъ странныхъ людей, которые никакъ не могли отказаться отъ этой монастырской и уединенной жизни: напримѣръ доктора Плошлура, который проводилъ всю жизнь въ томъ, что писалъ на карточкахъ каламбуры; Фермера, Шекспирова комен-

татора, который вѣчно лежалъ на коврѣ, посреди книгъ своихъ и былъ счастливъ своею ученою пѣгою; знаменитаго Порсона, котораго весь даръ состоялъ въ хорошей памяти; онъ былъ человѣкъ небольшаго роста, тщеславный, безпокойный, наглый, властолюбивый и пошлый. Что значитъ эта нетрудная слава, которую пріобрѣлъ онъ своими примѣчаніями, комментаріями, диссертаціями и исправленіями Греческихъ текстовъ? За что поставили ему пьедесталъ, который онъ возвысилъ странностію своей жизни?»

Вотъ что скажемъ мы въ отвѣтъ на это Сиръ Иджертону. Твореніе, которое кажется только ученымъ, иногда болѣе чѣмъ самое блестящее твореніе, доказываетъ умственное могущество. Порсонъ былъ человѣкъ съ головою сильною, который обратилъ всю энергію своего характера на ученость. По нашему мнѣнію, лучшимъ свидѣтельствомъ обширности ума и душевныхъ способностей, служитъ большая или меньшая сфера, нами избранная. Человѣкъ, который бы понималъ превосходство только на одномъ поприщѣ, хотя бы онъ былъ и чрезвычайно искусенъ въ своемъ дѣлѣ, всегда казался бы намъ умомъ ограниченнымъ. У него не доставало бы двухъ способностей: изобрѣтенія и соображенія. Несправедливый къ Порсону, Сиръ Иджертонъ возноситъ до небесъ несчастнаго Четтертона, который, конечно, былъ человѣкъ съ геніемъ, но котораго душа была заражена болѣзнію, о которой мы говорили выше, честолюбіемъ самымъ пылкимъ, самымъ неопредѣленнымъ, самымъ нетерпѣливымъ. Впрочемъ, разсужденія Сира Иджертона объ этомъ предметѣ столь же глубоки, какъ и краснорѣчивы.

«Вальполь, который своимъ высокомѣріемъ и небрежностію довелъ до самоубійства бѣднаго молодаго провинціяла, сказавшаго ему — *Я геній*; Вальполь смѣшалъ его съ толпою безталанныхъ и безстыдныхъ прошлецовъ, которые всякой день пріѣзжаютъ въ Лондонъ, въ надеждѣ получить первый выигрышъ въ лоттереѣ фортуны; Вальполь похо-

дилъ въ этомъ случаѣ на большинство людей, на публику безпечную и высокомѣрную, неспособную къ истинной и внимательной наблюдательности. Вообще мы принимаемъ мнѣнія свои безъ разбора; впечатлѣнія и особенно впечатлѣнія неблагопріятныя, достаются намъ отъ перваго попавшагося. Занимаютъ насъ только мелкія наши выгоды, мелкія наши страсти; до остальнаго намъ и дѣла нѣтъ. Четтертонъ былъ бѣденъ, гордъ; его называли кичливымъ и безразсуднымъ. Вальполь допустилъ его умереть съ голода.»

Соскучивъ неудачами своими въ Кембриджѣ, Иджертонъ началъ готовиться въ адвокаты; ремесло трудное, утомительное, шаткое, въ которомъ можно добиться денегъ и славы только цѣною тягостныхъ бдѣній и долговременнаго постоянства. Это ему надоѣло; онъ удалился въ свой Гемпширскій замокъ, написалъ на бѣгу пера нѣсколько стихотвореній, довольно хорошо принятыхъ, и Романъ «Марія Клиффордъ», который имѣлъ успѣхъ и заслуживалъ успѣхъ разительностію нѣкоторыхъ сценъ и силою характеровъ. «Марія Клиффордъ» безспорно лучшее произведеніе Сиръ Иджертона. Онъ написалъ его въ два мѣсяца, и почитаетъ этотъ подвигъ необычайнымъ. Онъ забылъ, что «Танкредъ» Вольтера оконченъ въ недѣлю, «Гю и Мениерингъ» Вальтеръ-Скотта въ мѣсяцъ; «Расселасъ» Джонсона въ шесть вечеровъ, «Пиршество Александра» Драйдена въ одинъ день, а «Виндзорскія кумушки» въ двѣ недѣли!

«Едва только Марія Клиффордъ собрала похвалы журналистовъ и публики, которые приняли ее весьма хорошо, какъ я снова сдѣлался топографомъ, геральдистомъ, генеалогомъ, библіографомъ, всѣмъ, чѣмъ бы я не долженъ быть. Эти безполезныя занятія изсушили мои мысли, и погубили драгоцѣнное время. Зачѣмъ не шелъ я твердымъ, ровнымъ, постояннымъ шагомъ по одной дорогѣ! Зачѣмъ погребалъ я пылкое воображеніе подъ развалинами геральдической науки, подъ пепломъ учености? Я далъ внутреннему пламени моей мысли исчахнуть и угаснуть; самонадѣянность,

безъ которой ничто не возможно, мало-по-малу потухла, энергія пропала, тяжелыя цѣпи обременили независимый умъ мой. Чѣмъ болѣе чувствовалъ я свою силу, тѣмъ болѣе бѣсился, что никто ея не знаетъ; глупцы, которые парили надъ моею головою, взлѣзали мнѣ на плеча, огорчали и сердили меня. Я чувствовалъ нужду въ поощреніи, и никто не поощрялъ меня; можетъ-быть, впрочемъ, что я предполагалъ въ публикѣ болѣе равнодушія ко мнѣ, нежели сколько она въ самомъ дѣлѣ показывала. Я мучился этою мыслію и былъ истинно несчастливъ.

«Сколько человѣкъ, одаренныхъ отличными дарованіями, угасли и уничтожились, по недостатку поощренія! Коллинсъ, который написалъ въ жизнь свою одну только оду, но который былъ однимъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ, произвелъ бы, вѣроятно, превосходныя творенія, если бы робость его нашла опору. У человѣка рѣдко достаетъ мужества итти прямо къ своей цѣли, если никто не подаетъ ему руки, не помогаетъ ему, не пособляетъ въ нуждѣ, не утѣшаетъ при неудачахъ и не указываетъ вдали на рядъ успѣховъ. Кто не ожидаетъ награды, тотъ работаетъ слабо и неусердно; онъ не покидаетъ своего труда, но продолжаетъ его съ отвращеніемъ и тайнымъ отчаяніемъ. Человѣкъ съ дарованіемъ, котораго поощряютъ, выказываетъ иногда качества неожиданныя; человѣкъ съ геніемъ, но пренебреженный, впадаетъ въ отчаяніе и тупость. Въ теченіе моей жизни, которую облака такъ часто затмѣвали, я часто завидовалъ судьбѣ вертопраха или глупца, котораго извѣстность уносила на своихъ крыльяхъ и ставила на вершинѣ славы! Какъ этому человѣку не считать себя царемъ земли, когда онъ сталъ предметомъ всеобщаго восхищенія и лести, когда ему такъ удивляются, когда его такъ ласкаютъ, когда онъ носится, порхаетъ, паритъ въ воздухѣ! Толпа подымаетъ глаза и любуется; покуда вѣтеръ дуетъ, полетъ этого счастливца продолжается; но вдругъ вѣтеръ перемѣняется, герой падаетъ, великій человѣкъ исчезаетъ, и публика дивится безобразнымъ развалинамъ, обломкамъ, покрывающимъ землю. Стоило-ли подыматься такъ высоко, чтобы упасть такъ низко? Даже люди съ геніемъ, которые попадаютъ въ моду, дѣлаются ея жертвою; нынче Байрона читаютъ менѣе чѣмъ Вальтеръ-Скот-

та. Слава Байрона возникла вдругъ, слава Вальтера-Скотта образовалась медленно. Мысль его, какъ у Борка, какъ у Мильтона, какъ у Драйдена, постепенно улучшалась. Это нѣкотораго рода воспитаніе умственныхъ способностей, у людей могущественныхъ, останавливается на границахъ самой глубокой старости. — Они растутъ по мѣрѣ того, какъ идутъ впередъ: превосходнѣйшія творенія нашихъ великихъ авторовъ написаны ими въ престарѣлыхъ лѣтахъ; напротивъ того, люди, у которыхъ только какой-то временной пылъ, и у которыхъ вдохновеніе происходитъ болѣе отъ чувствъ и силы юности, нежели отъ зрѣлости размышленія, блестятъ нѣсколько времени, и потомъ исчезаютъ; будущность не имъ принадлежитъ.»

Старшій братъ Сира Иджертона умеръ, и онъ получилъ по немъ богатыя помѣстья въ графствѣ Кентскомъ. Собиратель древностей, любитель старыхъ книгъ, авторъ, полиграфъ, антикварій, поэтъ, даже типографщикъ, онъ завелъ въ древнемъ Лійскомъ пріорствѣ типографскіе станки для своего собственнаго употребленія. Онъ печаталъ ими только свои творенія; къ несчастію посреди этого умственнаго гарема, который онъ себѣ создалъ, Сиръ Иджертонъ не пекся ни о славѣ, ни о дѣлахъ своихъ. Погруженный въ нѣкотораго рода сибаритизмъ мысли, онъ не хотѣлъ видѣть своего затруднительнаго положенія. Обстоятельства его разстроились; за богатствомъ послѣдовало весьма затруднительное состояніе; управители его грабили; старинныя денежныя претензіи, увеличенныя законо-искусниками, сдѣлались весьма важными. Вотъ какимъ образомъ самъ Сиръ Иджертонъ разсказываетъ, какъ его имѣніе растаяло и уничтожилось въ рукахъ его.

«Измученный безпрерывною бдительностію, которой требуютъ денежныя дѣла, я ввѣрилъ ихъ нѣсколькимъ управителямъ. Эти люди охотно получаютъ, а платить не охотники. Всякой управитель, по своему положенію, подвергается искушенію извлечь пользу изъ капиталовъ, которые

находятся у него въ рукахъ, и человѣкъ искусный, который умѣетъ вести счеты, располагаетъ ихъ какъ ему угодно. Нѣтъ на свѣтѣ вещи болѣе гибкой и терпѣливой, какъ цифры; онѣ удивительно хорошо располагаются въ сговорчивые столбцы, которые доказываютъ все, что вамъ угодно. Развѣ самая только крайняя нужда можетъ заставить меня провѣрить счетъ; подчиненные весьма скоро угадываютъ это отвращеніе; мало-по-малу, шагъ за шагомъ, переходя отъ плутовства къ плутовству, они спутываютъ всѣ расчеты, съ намѣреніемъ и на досугѣ дѣлаютъ ихъ чрезвычайно сложными и ведутъ довѣрителя своего къ разоренію. Вывести результатъ изъ этихъ счетовъ всякой день становится труднѣе и труднѣе. А человѣкъ, который не рѣшается просмотрѣть счетовъ своихъ за мѣсяцъ, врядъ-ли станетъ разсматривать отчеты за годъ!

«Какъ счастливъ и несчастливъ былъ я въ моемъ Кентскомъ помѣстьѣ! Какъ нравились моей душѣ, моей мысли эти зеленѣющіяся поляны, эти прелестные виды, это уединеніе, это спокойствіе, эти книги, эти ученыя разысканія! Мои земледѣльческія занятія дополняли это блаженство сельское, ученое и поэтическое. Къ несчастію опыты мои стоили мнѣ дорого; управители мои меня обкрадывали; деньги уходили отъ меня, и никогда уже не возвращались. Несмотря на все мое богатство, я скоро былъ опутанъ тенетами экзекутора и кредитора, адвоката и приказнаго. Минутная небрежность, временная недѣятельность, одномѣсячное бездѣйствіе повлекли за собою слѣдствія неисчислимыя. Суммы самыя маловажныя, увеличиваясь, умножаясь, разростаясь усилили капиталъ моего долга. Изъ всѣхъ человѣческихъ злополучій, денежныя затрудненія суть самыя важныя. Я имѣлъ досугъ написать какое-нибудь большое твореніе; но умственныя силы мои были потрясены мелочными огорченіями, неважными затрудненіями, которыя ежеминутно меня мучили и не давали мнѣ покоя. Къ денежнымъ затрудненіямъ присоединились всѣ оскорбленія, всѣ горести, всѣ крики, всѣ гоненія, которыя принужденъ терпѣть должникъ, и которыя, какъ фуріи, преслѣдуютъ его по пятамъ. Лучше убить отца, чѣмъ задолжать двѣ гинеи. Будьте отцеубійцею, вы еще можете какъ ни-

будь избавиться отъ мести законовъ; но будьте несостоятельнымъ плательщикомъ, и вы сдѣлаетесь гнуснѣе самаго ужаснаго разбойника.

«А тутъ являются забвеніе отъ родственниковъ, холодность друзей, ихъ лживые панегирики и соболѣзнованія, въ которыхъ замѣтна ваша виновность и ихъ великодушіе; а тамъ презрѣніе отъ толпы, людей безъ чувства, безъ мысли, безъ сердца, для которыхъ порицаніе есть отрада, единственная остающаяся имъ отрада, и которые, глядя только на дурную сторону дѣлъ человѣческихъ, охотно смѣшиваютъ проступки, происходящіе отъ безпечности, съ проступками порочными, питаются огорченіемъ, какъ нѣкотораго рода пчелы ядомъ, и обогатившагося вора называютъ почтеннымъ господиномъ, а поэта или художника, который мало заботится о своихъ приходахъ и расходахъ, негодяемъ и мошенникомъ. Наконецъ въ спискѣ золъ происходящихъ отъ положенія, которое я старался изобразить, надобно помѣстить легіонъ человѣческихъ гарній, которыя участвуютъ въ движеніи общества только тѣмъ, что обогащаются его жалкими обломками, для которыхъ разореніе неосторожныхъ и безразсудныхъ составляетъ вѣрный доходъ: экзекуторовъ, адвокатовъ, людей дѣловыхъ, людей денежныхъ, племя нечистое и неумолимое, которому мы обязаны большею частію общественнаго развращенія. Между-тѣмъ, страдая этою безпрерывною лихорадкою, я предпринималъ и оканчивалъ литературныя произведенія; но оригинальность, сила мысли во мнѣ потухли. Чтобы заглушить чувствованіе моего положенія, чтобы забыть хотя на время мои мученія, я разбиралъ старинныя рукописи, переписывалъ лѣтописи. Эти тягостныя работы занимали мою душу, но не удовлетворяли меня. Смиренная тропа, по которой я шелъ, оскорбляла мою гордость, унижала меня въ собственныхъ глазахъ моихъ; и между тѣмъ я былъ совершенно не въ силахъ вступить на путь болѣе трудный и широкій, который бы потребовалъ сосредоточенія моихъ мыслей. Правда, что въ этихъ компиляціяхъ, переводахъ, опытахъ, не мудрено было распознать руку человѣка, который можетъ, долженъ дѣлать что нибудь получше этого. Поручите самую скромную работу человѣку съ умомъ могущественнымъ; вы

тотчасъ узнаете львиныя когти. Трудолюбивая терпѣливость ученаго безъ мыслей, никогда до этого не достигнетъ.

Къ числу несчастій моихъ принадлежитъ и то, что я жилъ посреди людей полудеревенскихъ, полуобразованныхъ, которые меня не понимали, и которыхъ я ненавидѣлъ. Я былъ въ постоянной враждѣ со всѣми сосѣдними squires, или мелкими помѣщиками. Я имѣлъ на Чандосское баронство права, которыя старался доказать и отъ которыхъ и теперь не отказываюсь; я былъ писателемъ, а они не навидятъ книги. Въ Романѣ моемъ—«Артуръ Физъ-Альбини» я не пощадилъ деревенскихъ дворянъ. Глупцы сами примѣнили къ себѣ самые забавные мои очерки. Я былъ чувствителенъ, раздражителенъ, съ недовѣрчивостію толковалъ каждое слово, каждое движеніе, каждый взглядъ, и потому они скоро не взлюбили меня; притомъ между нами не было ничего общаго. Я ни сколько не зналъ ни терминовъ, ни обычаевъ охоты; гоньба за оленями или за лисицами, скачка къ колокольнямъ ни сколько не занимали меня. Я не умѣлъ разбирать достоинствъ ни скаковой, ни рабочей лошади; пить былъ я такой же не мастеръ, какъ и охотиться; если бы мнѣ случилось сказать что нибудь замѣчательное, остроумное, никто бы меня не понялъ; идея политическая, нравственное замѣчаніе, скользнули бы по этимъ умамъ, какъ вода по мрамору; судить о вещахъ и людяхъ мнѣ было не возможно, если я не хотѣлъ вытерпѣть какую нибудь насмѣшку грубую, тяжелую, лѣнивую, но неумолимую. Въ этихъ толстыхъ богатыхъ джентльменахъ, которые управляютъ судьбою конституціонныхъ государствъ, мало умственнаго; за то они всегда избираютъ изъ своей среды кого нибудь, нѣсколько повыше другихъ и за нимъ слѣдуютъ. Въ графствѣ Кентскомъ всѣ эти посредственности шли рядомъ, и притомъ съ ужасно-досаднымъ согласіемъ.

«Наконецъ намъ удалось взаимно другъ друга возненавидѣть, отъ всей души и откровенно. Если который нибудь изъ моихъ сосѣдей пріѣзжалъ въ мой замокъ, онъ не могъ безъ тошноты смотрѣть на пирамиды запылешныхъ книгъ, лежащихъ въ моемъ кабинетѣ. Этотъ хаосъ готическихъ

томовъ возбуждалъ въ немъ совершенное отвращеніе. Онъ, казалось, хотѣлъ бы сказать мнѣ: «Что вы это дѣлаете? Что за жалкая жизнь! О, возвратите мнѣ мою лошадь! дайте мнѣ чистаго воздуха, дайте перескочить черезъ двадцать рвовъ, двадцать плетней, дайте погоняться за лисицею, а потомъ приготовьте мнѣ хорошій обѣдъ, побольше вина и созовите веселыхъ товарищей.» Для нихъ, этотъ человѣкъ блѣдный, со впалыми глазами, истощенный бдѣніями, былъ просто бѣднякъ, лишившійся здраваго смысла. Я видѣлъ, что они меня не уважаютъ, и это унижало меня въ собственныхъ глазахъ моихъ, и въ присутствіи моихъ сосѣдей я дѣлался болѣе чѣмъ когда нибудь, смиреннымъ, робкимъ, несчастнымъ. Образованіе лагеря, по близости моего замка, избраніе меня въ члены Парламента, прервали теченіе этой однообразной и между тѣмъ безпокойной жизни. Признаюсь, что я вовсе не имѣлъ ораторскихъ успѣховъ; по моей нервической раздражительности, я не могъ производить никакого впечатлѣнія на совѣщательныя собранія.

«Великіе ораторы рѣдки: въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, смѣлость есть одинъ изъ главнѣйшихъ стихій успѣха. Кеннингъ заикался при началѣ рѣчей своихъ; казался робкимъ, нерѣшительнымъ со вступленія до заключенія; Ванситтартъ бормоталъ свои фразы такъ, что въ двухъ шагахъ отъ него ничего нельзя было разслушать; Граттанъ съ силою и важностію произносилъ пышные пустяки; Уайтбредъ принималъ надутость словъ за силу идей, пѣну краснорѣчія за самое краснорѣчіе; Понсонби говорилъ эпиграммами, и крошилъ рѣчи свои на сентенціи краткія, часто лаконическія, но не новыя и не разительныя; Грентъ подражалъ Кеннингу и осыпалъ насъ цвѣтами академической декламаціи; Робинсонъ забавлялъ насмѣшками свѣтскаго человѣка, такъ же какъ и Тіерни, который всегда будто смѣялся надъ Парламентомъ и надъ самимъ собою; наконецъ Госкиссонъ, жалкій ораторъ, съ простонароднымъ произношеніемъ, неловкими жестами и пошлою осанкою. Трудно опредѣлить слогъ и ораторскія привычки Сиръ Френсиса Бордетта. Посреди торжественности важной, однообразной, иногда скучной, онъ вдругъ возвышал-

ся, оживлялся, и даже приближался къ истинному краснорѣчію. Стефенъ, человѣкъ не безъ таланта, портилъ его произношеніемъ столь простонароднымъ, что не возможно было слушать его безъ отвращенія; Вильберфорсъ со своимъ крикливымъ звонкимъ голосомъ, медленнымъ произношеніемъ и проповѣдническимъ гнусивымъ выговоромъ, выражалъ всегда идеи возвышенныя, и никогда не вдавался въ общія мѣста; но его элегическія и мизантропическія сѣтованія скоро наскучали. Мекинтошъ, человѣкъ рѣчистый, но слишкомъ принужденный, слишкомъ ученый, изысканный, имѣлъ мало успѣха, какъ ораторъ. Для человѣка, который хочетъ дѣйствовать на людей дѣловыхъ и государственныхъ, ничего не можетъ быть пагубнѣе принужденности и педантизма. Философія и патріотизмъ Ромилли возносились слишкомъ высоко для собранія столь разнохарактернаго. Плонкетъ, адвокатъ превосходный, котораго всѣ мысли были сильны и разительны, не умѣлъ произносить рѣчей своихъ. Ораторъ прежде всего долженъ пріобрѣсти искусство владѣть собою. Онъ не долженъ ничего бояться, и прямо итти къ своей цѣли, не обращая вниманія на вопросы, восклицанія и угрозы. Человѣкъ, слишкомъ чувствительный или робкій, испугается собственнаго своего голоса: если бъ онъ даже говорилъ превосходнѣйшія въ свѣтѣ вещи, то и тогда ни чьего ума не поразитъ. Половина могущества Мирабо состояла въ его громовомъ голосѣ, хладнокровіи и безстыдствѣ.

»Францискъ Бэконъ говоритъ: «Есть родъ лѣса, изъ ко«тораго строятъ корабли, сопротивляющіеся бурямъ; есть «и другой родъ лѣса, изъ котораго дѣлаютъ домашнюю «утварь и балки для домовъ. Такъ и въ человѣческихъ ха«рактерахъ, одни назначены для бурь жизни публичной, «другіе для спокойствія домашней жизни.» Не пускайтесь на неровный и опасный путь политики, если не чувствуете въ себѣ нѣкоторой суровости души, глубокаго равнодушія къ выгодамъ другихъ, и особенно мужества переносить, не блѣднѣя, всѣ обиды и оскорбленія. Между Кеннингомъ и Кастльри былъ человѣкъ столь же искусный, столь же замѣчательный какъ и они, но котораго жизнь была совсѣмъ не такъ блистательна; то былъ Лордъ Ливерпуль. Кротость

и терпѣливость его, уступили повелительной живости Кеннинга и оглушительной реторикѣ этого человѣка, который по уму былъ ниже его. Онъ не умѣлъ сопротивляться и выдерживать нападенія; умъ его былъ слишкомъ гибокъ, слишкомъ податливъ, слишкомъ сговорчивъ. Что касается до Лорда Кастльри, который былъ не столь знающъ, не такъ хорошо понималъ людей и вещи, глядѣлъ не съ такою ясностію; но онъ имѣлъ передъ нимъ преимущество весьма важное—рѣшительность, онъ превосходно умѣлъ *хотѣть*. Правъ ли онъ былъ или неправъ, но онъ всегда одерживалъ побѣду своею отважностію; онъ овладѣвалъ пунктами, на которые Лордъ Ливерпуль не осмѣлился бы и напасть. Робость Лорда Ливерпуля придавала ему холодный, нерѣшительный видъ, весьма непріятный; междутѣмъ какъ Кастльри наружною своею искренностію, своимъ смѣлымъ и самоувѣреннымъ видомъ, и Кеннингъ своею остроумною говорливостію производили невольное очарованіе. Питтъ, котораго я такъ часто видывалъ на охотѣ, съ поднятымъ къ верху лицемъ и скачущимъ по полямъ и лѣсамъ, ни сколько не имѣлъ воображенія. Вокругъ его толпилось нѣсколько человѣкъ съ умомъ хитрымъ, политиковъ тонкихъ, старыхъ дипломатовъ, которые были слѣпыми орудіями его ловкости и, такъ же какъ и всѣ его современники, покорялись могуществу его генія.»

Всякъ видитъ, какъ много выразительности, наблюденія и живости въ этихъ очеркахъ, и какъ сильно неудачи Сиръ Иджертона дѣйствовали на его мнѣніе. Какъ могъ онъ надѣяться достигнуть славы Байрона и Вальтеръ-Скотта, печатая на свой счетъ какія-то лѣтописи! Несчастливый тѣмъ, что слава, которой онъ такъ желалъ, на него низходила, онъ былъ пораженъ второю раною, не менѣе чувствительною. Старинное баронство Чендосское принадлежало ему: такъ, по крайней-мѣрѣ, онъ думалъ; быть можетъ, что право его основательно, но у него не было законныхъ доказательствъ. Палата перовъ не признала требованій Сиръ Иджертона; и судьи и адвокаты объявили, что законныя формы пера не выполнены.

Этотъ процессъ, тянувшійся весьма долго, чрезвычайно огорчилъ его. Онъ проклялъ свою родину, и, отряхнувъ, какъ пророкъ, пыль своихъ сандалій, онъ простился съ Англіею, съ графствомъ Кентскимъ, съ бѣшеными охотниками, которыхъ сосѣдство такъ надоѣло ему, съ лордами, которые не хотѣли принять его въ свою Палату, съ членами Нижней Палаты, которые затмѣвали его своими дарованіями, и литераторами, которые болѣе его славились. Въ Запискахъ его, изданныхъ въ разное время частями, отрывками, и съ безпорядочностію, которая весьма хорошо показываетъ безпокойство и судорожное состояніе этого несчастнаго умнаго человѣка, – заключается множество литературныхъ и другихъ портретовъ. Лордамъ въ особенности въ нихъ достается: тѣ, которые подали голосъ противъ допущенія его въ Палату перовъ, – одни неблагодарны, – другіе завистливы, – а всѣ набитые дураки или не столбовые дворяне. Разумѣется и вразсужденіи литераторовъ не снисходительность была музою Сиръ Иджертона. Знаменитая миссъ Сивардъ, одна изъ тѣхъ мимолетныхъ звѣздъ, которыя исчезаютъ какъ палящіе лѣтніе пары, не оставляя послѣ себя на небѣ ни малѣйшаго слѣда; Комберлендъ, который разнообразіемъ своихъ усилій пользовался нѣсколько лѣтъ славою, заслуженною имъ только за нѣсколько хорошихъ комедій; геній втораго разряда, но умѣвшій поддерживать свою посредственность лестью другимъ, окружавшимъ его посредственностямъ; сапожникъ Робертъ Блумфильдъ, погубленный униженіемъ, заставившимъ его покинуть свою лавку, и заняться ремесломъ, я чуть было не сказалъ, торгомъ политическимъ, разобраны Сиръ Иджертономъ чрезвычайно вѣрно, строго и остроумно.

«Нѣкоторыя воспоминанія, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, дѣлаютъ честь Англійской публикѣ, доказывая, что рѣшенія ея навсегда основываются на предразсудкахъ, мо-

дѣ и прихоти. Въ 1820 году я былъ въ Лондонѣ, куда привлекли меня мои новыя парламентскія обязанности. Въ то время вышли двѣ книги; одна, подъ заглавіемъ «Португалія» сочиненіе Лорда Ногента, другая – «Чайльдъ-Гарольдъ.» Байрона презирали, ненавидѣли; утверждали, что у него нѣтъ ни сколько поэтическаго таланта. «Часы досуга,» Hours of idleness, въ которыхъ я замѣтилъ столько признаковъ превосходнаго таланта, не имѣли ни какого успѣха; Лордъ Ногентъ блисталъ въ сферѣ возвышенной; его генію вѣрили.

«Между-тѣмъ какъ скоро Бондъ-стритскіе книгопродавцы выставили свои афишки, какъ скоро нѣсколько человѣкъ пробѣжали стансы Чайльдъ-Гарольда, все перемѣнилось. Колоссальная слава Байрона была дѣломъ одного дня, одного часа, одной минуты. Горючія вещества были готовы; искра упала и взрывъ послѣдовалъ. Въ полдень, никто еще не понималъ Байрона; къ вечеру вокругъ его имени горѣло пламя, которое никогда не погаснетъ. Очищенный, восторженный, улучшенный своимъ торжествомъ, онъ собралъ плоды его, онъ удвоилъ свои усилія. Онъ продолжалъ твореніе свое въ Греціи, въ Италіи, въ Швейцаріи, и если въ славѣ его были періоды успокоенія и мрака, за то какимъ блескомъ сіяла она въ другое время! Иные говорятъ, что «чувствованія, выражаемыя Лордомъ Байрономъ слишкомъ сильны, и потому уже ложны; талантъ его отзывается мелодрамой». Нѣтъ, эти чувствованія пылкія, пламенныя, необычайныя, въ отношеніи къ нему истинны. Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ я имъ съ презрѣніемъ, притворно выказывать подобныя страданія невозможно, придумывать подобныхъ мыслей нельзя. Прихотливый, но искренній, онъ часто сегодня отвергалъ свои вчерашнія идеи; но кто осмѣлится утверждать, чтобы безпорядочность, излишняя пылкость и непостоянство уничтожали все достоинство въ нашей бѣдной человѣческой породѣ?»

«Быть-можетъ, я при рожденіи моемъ получилъ способности, которыя должны были бы возбудить вниманіе публики, и расположить ко мнѣ чувствованія моихъ современниковъ. Но природа не дала мнѣ стойкости, силы характера, безъ которой большихъ твореній совершить нельзя.

Чтобы достичь какой нибудь цѣли, надобно работать постоянно, а не по временамъ, по прихоти. Человѣкъ слишкомъ робкій или слишкомъ прихотливый чувствуетъ въ себѣ силу только тогда, когда постороннее вліяніе отторгаетъ его отъ лѣности, которую мы всѣ такъ любимъ. Такъ прошли по-крайней мѣрѣ сорокъ лѣтъ моей жизни; ничего я не создалъ, ни какого важнаго творенія не произвелъ. Правда, что вознамѣрившись совершить подобное предпріятіе, надобно отказаться отъ надеждъ на будущность и богатство; книгопродавецъ-издатель, купецъ, продающій напечатанную имъ мысль, не станетъ рисковать капиталомъ въ спекуляціи, которая можетъ только просвѣтить человѣчество. Я очень жалѣю, что не употребилъ на что нибудь полезнѣйшее типографіи, которую завелъ я въ пріорствѣ Лійскомъ.»

Этотъ странный мизантропъ, столь безвредный для другихъ и столь несчастливый, переносилъ блуждающихъ своихъ пенатовъ во Флоренцію, Римъ, Неаполь, Парижъ и Женеву. Вездѣ онъ собиралъ старыя книги, разбиралъ рукописи, писалъ пасквили, которыхъ уже никто не помнитъ. По своей щекотливости, самолюбію и непостоянству, онъ расточилъ талантъ свой. Теперь ему семьдесятъ три года; извѣстность его не велика, благодаря странному раздробленію его способностей. Не много есть писателей ученѣе его. Онъ написалъ нѣсколько изъ прекраснѣйшихъ страницъ, принадлежащихъ нашему времени; нѣсколько страницъ, которыя живостію производимаго ими впечатлѣнія и чистотою колорита напоминаютъ Жанъ-Жака Руссо. Сиръ Иджертонъ живетъ нынче въ Женевѣ. Онъ описываетъ свое положеніе слѣдующимъ образомъ:

«Я сижу у окна маленькаго моего Женевскаго домика; и тутъ, устремивъ взоры на величественную пелену озера, забываю свѣтъ, который своею завистью, клеветою и ненавистью тревожилъ меня иногда, и надъ которымъ у меня недостало силы восторжествовать. Что мнѣ теперь до этихъ порочныхъ стра-

тей! Я старъ; колесницы ихъ, проводятъ колеи по дорогѣ, но меня незадѣваютъ. Я вижу ихъ пыль, слышу ихъ шумъ; но спокойствіе мое этимъ не нарушается. Общество мое, пріятельскій кругъ мой составляютъ великіе поэты прежнихъ временъ, самые нѣжные, самые утѣшительные моралисты; всѣ тѣ, которые, подобно мнѣ, убѣгаютъ свѣта, которые, подобно мнѣ, страдали отъ его несправедливостей, оказываютъ благорасположеніе свое ко мнѣ; чего же мнѣ не достаетъ? Развѣ не все зависитъ отъ нашего воображенія, развѣ не мысль наша устроиваетъ наше счастіе? Между-тѣмъ, несмотря на всѣ мои неудачи, на все, чего я желалъ и не получилъ, на всѣ мои страданія, ни въ комъ не возбудившія соболѣзнованія; несмотря на столько сожалѣній и заботъ, я чувствую, что есть наслажденія и для старости, и для уединенія и для одиночества. Пусть клевета шумитъ внѣ моего круга; я ея не услышу.»

Сиръ Иджертонъ, расточившій огромное имѣніе своими безразсудными поступками, напоминаетъ Тимона Аѳинскаго, котораго Шекспиръ изобразилъ такъ хорошо. Взглянемъ съ соболѣзнованіемъ на человѣка съ рѣдкими достоинствами, которыя онъ такъ дурно употреблялъ. Сиръ Иджертонъ человѣкъ образованный, хорошій грамматикъ, писатель со слогомъ не только свободнымъ, но пріятнымъ и острымъ, и потому онъ могъ бы занять на старости роль, которую Бель присвоилъ себѣ съ такимъ мужествомъ и успѣхомъ. Это было бы на послѣдніе годы жизни этого человѣка замѣчательнаго, который былъ долгое время палачемъ своего собственнаго дарованія, — занятіе выгодное для его славы, и полезное для потомства.

Edinburgh Review. — Quarterly Review. — Revue Britannique.

КИТАЙСКІЯ

ЖЕНЩИНЫ-ПОЭТЫ.

=

Къ списку, уже довольно длинному, женщинъ, которыя получили отъ неба дары вдохновенія и піитическаго таланта надобно прибавить цѣлую сотню Восточныхъ поэтовъ того же пола, о которыхъ одинъ Англійскій синологъ возвѣстилъ Европѣ, приславъ въ Лондонъ весьма любопытное собраніе мелкихъ стихотвореній, написанныхъ дамами Поднебесной Имперіи. Не нужно сказывать, что эти стихотворенія не отличаются ни смѣлостью мысли, ни рѣзкостью выраженія: въ Китаѣ, женщина не смѣетъ сообщать всего что̀ чувствуетъ, или по-крайней мѣрѣ имѣетъ еще столько стыдливости, что не въ состояніи написать ни «Валентины», ни «Леліи.» Ея поэзія является тамъ подъ покровомъ притчи, подъ формами скромными и пріятными.

Изо ста Китайскихъ женщинъ, которыхъ труды составляютъ присланное собраніе, нѣтъ ни одной, которая бы уклонилась отъ этого правила. Никогда уста ихъ не изъявляли негодованія на супружество, никогда перо ихъ не писало ничего ѣдкаго, никогда пѣсни ихъ не были внушены мщеніемъ. Нѣжныя и простодушныя, онѣ чистосердечно говорятъ о любви своей; любя и будучи любимыми, онѣ дышатъ однимъ сладострастіемъ; покинутыя, онѣ плачутъ; обманутыя, презрѣнныя, тоже плачутъ. Надобно знать, что и мандарины тоже обманываютъ женщинъ.

Всѣ стихотворенія этого собранія написаны въ анакреонтическомъ родѣ: вотъ гимнъ любви; вотъ эротическое посланіе; переверните страницу, - тамъ четы-

рестишіе или эпиграмма, которыхъ предметомъ та же любовь; вотъ еще элегія и тоже разсказъ о любовныхъ несчастіяхъ. Вообще, стихотворенія эти написаны со вкусомъ и пріятностію; образы въ нихъ живы, фигуры блестящи, выраженія живописны; но несмотря на свѣжесть колорита, въ нихъ царствуетъ какой-то слезливый оттѣнокъ, котораго не можемъ объяснить себѣ. Даже пѣсни радости запечатлѣны выраженіемъ горести и задумчивости, совершенно противоположнымъ предмету поэмы: точно какъ будто предчувствіе несчастія мучитъ этихъ женщинъ, и онѣ не смѣютъ вполнѣ предаваться радости. Отъ чего это происходитъ? отъ общественнаго состоянія женщинъ? отъ вліянія-ли климата, нравовъ народа или воспитанія? Не здѣсь мѣсто разсматривать этотъ вопросъ, который завелъ бы насъ слишкомъ далеко: отрывки, которые мы приведемъ, лучше всѣхъ коментарій покажутъ умъ и характеръ ихъ сочинительницъ.

Первая – является *Чу-шеу-чинъ*. Ей приписываютъ множество замѣчательныхъ стихотвореній и, между прочимъ, собраніе небольшихъ поэмъ, которымъ она придала заглавіе – «*Сердечныя* печали.» Чу-шеу-чинъ была молода, чувствительна и страстна: она испытала всѣ несчастія, которымъ можетъ быть подвержена женщина. Сначала, предметъ ея страсти не отвѣчалъ ей взаимною любовью; потомъ она, какъ Сафо, была обманута; наконецъ, покинута. Съ растерзаннымъ сердцемъ, съ глазами, наполненными слезъ, она пѣла свои несчастія. Одна изъ знаменитѣйшихъ ея элегій есть та, которую сочинила она на «праздникъ фонарей.» Мы переведемъ изъ нея двѣ строфы.

«Я помню, годъ назадъ, въ этотъ же самый день, луна освѣщала небо, фонари блестѣли на землѣ, и невинное мое сердце любви еще не знало.

«Нынче, какъ и тогда, фонари на землѣ блестятъ, луна освѣщаетъ небосклонъ, а изъ глазъ моихъ текутъ слезы; увы! я нынче люблю и никто не отвѣчаетъ моей страсти!»

Кай-Янь была въ числѣ женщинъ гарема Императора Янь-Цунъ. Часто, по примѣру подругъ своихъ, писала она стихи на корѣ деревъ, и повѣряла вѣтрамъ тайны своего сердца; однажды, въ великолѣпныхъ покояхъ своей темницы, она шила платья для солдатъ, охранявшихъ границу, и вложила въ карманъ одного изъ этихъ платьевъ записочку со слѣдующими стансами:

«О ты, котораго люблю, но не знаю! когда посреди студеной ночи, ты будешь стоять на стражѣ, опираясь побѣдоносными руками на оружіе, вспомни, что это платье шила тебѣ женщина!

«Какъ пріятна, какъ легка эта работа! какъ хотѣлось бы мнѣ посвящать ей и другія минуты! Посмотри на эту ткань, взгляни на эти вышивки и узоры; это работа любви!

«Но кто знаетъ, станешь-ли ты, неизвѣстный, отвѣчать на нѣжную любовь мою? Кто знаетъ, быть можетъ, ты уже выбралъ себѣ подругу? О, я умру тогда: мнѣ нужно вѣрить, что я любима!»

Солдатъ, которому досталось платье, сшитое юною Кай-Янь, показалъ эти стихи своему офицеру; это приключеніе переходило изъ устъ въ уста, и пройдя всѣ степени воинской іерархіи, дошло до Императора. Тотчасъ отданы были самыя строгія приказанія; въ теремѣ произведены точнѣйшія разысканія, и сочинительница стиховъ найдена; несчастная Кай-янь приговорена къ смерти. Между-тѣмъ, въ минуту исполненія казни, жалость родилась въ сердцѣ Янь-Цуна: онъ простилъ неблагодарную и невѣрную супругу, и отдалъ ее за счастливаго солдата которому случай оказалъ такую услугу. Вотъ онъ! сказалъ повелитель

улыбаясь: вотъ тотъ, котораго ты такъ желала! По-крайней мѣрѣ о тебѣ не скажутъ, что надежда тебя обманула.»

Жинь-ши не была еще за-мужемъ, и уже ввѣряла прелестному вѣтерку поэтическія свои вдохновенія; ученый мандаринъ Ху-дзи-ду увидѣлъ подъ ногами своими бамбуковый листокъ, на которомъ что-то было весьма красиво написано. То были стансы:

«Приди, о мой любезный, приди осушить слезы, текущія изъ глазъ моихъ; приди меня утѣшить; оставь позлащенныя свои палаты, и приди ко мнѣ увѣриться, можетъ-ли любовь овладѣть твоимъ сердцемъ.

«Нѣтъ, я не ввѣрю скорби моей бумагѣ, не вырѣжу ея на камнѣ, но займу у осени одинъ изъ листковъ, которые отдѣляетъ она отъ вѣтвистыхъ деревъ, и ввѣрю его дуновенію зефировъ.

«Летите, зефиры, несите тихимъ своимъ дыханіемъ легкій листокъ мой къ тому, о комъ я вздыхаю; пусть прочтетъ онъ его, пусть полюбитъ онъ меня, и любовь его исторгнетъ меня изъ объятій смерти.

«Но ахъ, что говорю я! Быть-можетъ, онъ не захочетъ внимать моему голосу! Быть-можетъ, онъ не покорится владычеству любви! О, я безумная, быть-можетъ, тотъ, кто найдетъ драгоцѣнный листокъ мой, никогда меня не узнаетъ!»

Счастливый Ху-дзи-ду нашелъ это сокровище, и тщательно хранилъ его: онъ часто читалъ и часто произносилъ вслухъ стансы, на немъ написанные. Между-тѣмъ наступило для него время женитьбы, и, конечно игрою случая, онъ выбралъ въ супруги Жинь-ши. До тѣхъ поръ ничто не показывало ему, что она была сочинительницею этого стихотворенія. Однажды Ху-дзи-ду, по обыкновенію своему повторялъ эти стансы. Услышавъ первые стихи, она бро-

сплась въ его объятія и вскричала: «Постой, постой! эти стихи мои;» и она прочла ему всю эту оду. Стихотворенія Жинь-ши прелестны, стихи ея плавны и гладки. У нея не замѣтно, какъ у ея соперницъ, роскоши метафоръ, преувеличенныхъ выраженій, которыя такъ часто встрѣчаются въ Восточной поэзіи. Творенія этой женщины пользуются въ Китаѣ большимъ уваженіемъ: они находятся всѣ въ *Чи-мей-ши-юнъ*, или «Книгѣ ста женщинъ,» изъ которой взяты эти отрывки.

Си-хуэй была жена офицера, по имени Ту-дао, изгнаннаго изъ государства за политическіе проступки. Ту-дао удалился въ пустыни Шамскія, и провелъ тамъ три года. Си-хуэй, женщина дѣятельная и предпріимчивая, не разъ просила Императора возвратить ея мужа; но все было тщетно. Ей оставалось одно средство. Зная, что Императоръ любитъ шелковыя ткани, она своими руками сработала прелестную ткань, и вышила на ней разными цвѣтами болѣе двухъ сотъ литеръ. Императоръ былъ этимъ тронутъ, принялъ подарокъ, и возвратилъ ея мужа.

Си-хуэй не писала другихъ стиховъ, кромѣ тѣхъ, которые посылала къ мужу во время его изгнанія. Эти посланія могутъ служить образцемъ прелести трогательнаго простодушія; это безпечное наслажденіе жены въ объятіяхъ мужа; вздохи любовницы, разлученной со своимъ любезнымъ, сладостныя утѣшенія нѣжнаго друга.

«О! сколько слезъ пролила я, когда ты отправился въ изгнаніе! Отсюда слѣдовала я за твоими стопами, отсюда переходила съ тобою синія горы, отсюда переплывала рѣки, и попирала ногами пески пустыни.

«Безмолвная, умирающая, я хотѣла кричать, но голосъ замиралъ на устахъ моихъ; ты не могъ слышать меня, когда

я говорила тебѣ: «Не забывай меня, мой милый, не забывай меня!»

«Время неизмѣримое протекло съ твоего отъѣзда, и я не знаю, живъ ли ты еще! Ложе, свидѣтель любви нашей, простыло. Кіоски, тобой воздвигнутые, террасы, тобой устроенныя, остаются пустыми; великолѣпные покои, въ которыхъ отдыхалъ ты, покрыты пылью.

«Съ послѣдняго нашего прощанія, надежда для меня уже не существуетъ; безъ тебя все кажется мнѣ печальнымъ. О, милый! когда позволено мнѣ будетъ снова тебя увидѣть! Какъ бы хотѣла я быть облакомъ, покрывающимъ гору, или блѣднымъ лучемъ луны, отражающимся въ морѣ!

«Это облако покоитъ тебя своею тѣнью, и луна, съ лазореваго своего трона, освѣщаетъ шаги твои. О! для чего, существа, къ тебѣ равнодушныя, наслаждаются твоимъ присутствіемъ? и для чего же мнѣ суждено имъ завидовать, когда я такъ люблю тебя?

«Ахъ, если бы за этими печальными скалами было хоть одно нѣжное сердце, которое бы сжалилось надъ твоимъ злополучіемъ; если бъ хоть одна благотворительная рука разсыпала на пути твоей жизни цвѣты удовольствія. Но ахъ! желанія мои не исполняются; они исчезаютъ какъ легкое сновидѣніе!

«Сады твои поросли травою, и я горюю въ одиночествѣ. Дворецъ твой пустъ, лютня виситъ на стѣнѣ; въ долинѣ не слышно звуковъ твоего сладостнаго голоса; повсюду царствуетъ молчаніе. Ахъ! когда же возвратишься ты, чтобы снова оживить насъ жизнію!

«Горы, возвышающіяся въ воздухѣ, рѣки, катящія спокойныя свои воды, раздѣляютъ вѣрныя наши души; а я, днемъ, опершись на вѣтви ивы, думаю о тебѣ, и плачу; ночью, простертая на охладѣломъ моемъ ложѣ, думаю о тебѣ, и снова плачу.

«Вотъ уже третью весну птицы возвращаются изъ своего изгнанія, а ты, ты не являешься! Сердце мое разрывается съ горести. Довольно; слезы кропятъ бумагу, которой повѣряю я печаль мою.

«О! не забудь о любви моей; та, которая тебя любила, любитъ тебя и понынѣ; для тебя только живетъ она. Быть-можетъ, небо, утомленное нашими несчастіями, смягчитъ сердце государя, и можетъ-быть, оно скоро возвратитъ тебя въ мои объятія!

Мей-фо была наложницею Императора Минъ-тана. Въ ея сочиненіяхъ замѣтна нѣжность и тонкость ума. Мей-фо не всегда имѣла счастіе нравиться своему властителю: онъ оставилъ ее, но при удаленіи хотѣлъ оказать ей знаки своего благоволенія, и подарилъ ей жемчужное ожерелье. Мей-фо отказалась, и отвѣчала Императору слѣдующимъ четырестишіемъ:

«Ужели ты не видишь, какъ я горюю и печалюсь? Ты знаешь, что я хочу только любви твоей; зачѣмъ же предлагаешь ты мнѣ перлы?»

Если это эпиграмма, какъ увѣряютъ Китайцы, то надобно признаться, что Муза ихъ очень кротка! Ихъ стоило бъ отдать въ ученіе къ нѣкоторымъ изъ нашихъ поэтовъ: тогда бы они узнали, что такое эпиграмма!

Имя *Фынъ-сянь-линь* напоминаетъ величайшія злополучія. Она была царицею, и пользовалась всею любовію Императора; во время завоеванія Китая Манджурами, она перешла съ трона въ тюрьму. Фунъ, одинъ изъ завоевателей, взялъ ее въ плѣнъ; и она старалась усладить горесть рабства музыкою и поэзіею. Однажды, когда она играла на *пепѣ* (родъ лиры) въ присутствіи своего господина, одна струна порвалась и поль-

зуясь этимъ обстоятельствомъ, она прочла безъ приготовленія слѣдующее четырестишіе:

«Я пѣла, о великій царь, и между-тѣмъ я была печальна: я думала о моемъ возлюбленномъ супругѣ. Ты хочешь знать состояніе моего сердца: взгляни на эту струну!»

По мнѣнію Китайскихъ литераторовъ, это тоже эпиграмма. Какъ-бы то ни было, но Фунъ, тронутый этою эпиграммою, возвратилъ сочинительницу ея супругу.

Довольно! Слишкомъ долго было бы исчислять всѣ имена, составляющія это поэтическое созвѣздіе.

О.

Revue Britannique.

ГЁТЕ

ВЪ ПОСМЕРТНЫХЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Вотъ уже вышли въ свѣтъ послѣдніе десять томовъ сочиненій и переводовъ, оставшихся по смерти Гёте, — послѣдніе обломки нѣкогда колоссальной мысли, — послѣднее подаяніе человѣчеству отъ имени великаго ума, улетѣвшаго съ земли въ свѣтлое отечество духа*. Не спрашивайте, что заключается въ этихъ томахъ, — спросите лучше, чего въ нихъ нѣтъ! Содержаніе ихъ разнообразно какъ грезы генія, и какъ грезы же безсвязно, неровно, переходчиво. Это отдѣльныя статьи въ стихахъ и въ прозѣ: стихи — по большей части лирическіе; проза особенно богата критическими замѣчаніями на книги и произведенія Искусства. Можно себѣ представить, что знаменитый писатель не ограничился ни однимъ народомъ, ни одною или немногими Литературами: Греція, Франція, Англія, Италія, Востокъ попеременно обращаютъ на себя его вниманіе

* Хотя подъ этою статьею читатели найдутъ фирму одного Англійскаго журнала, но мы предупреждаемъ однажды навсегда, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, что статей, заимствованныхъ изъ иностранныхъ журналовъ, не должно почитать за простые переводы. Б. для Ч. беретъ изъ нихъ только главный предметъ, иногда лишь *нѣкоторыя* части. Форма этихъ статей всегда почти принадлежитъ исключительно Б. для Ч., которая многое прибавляетъ, убавляетъ, передѣлываетъ совершенно, какъ скоро въ заглавіи не выставлено имени какого знаменитаго автора; часто двѣ, три, четыре статьи изъ разныхъ повременныхъ изданій сливаетъ она въ одну статью, соединяя разнородныя ея части своими разсужденіями, и сообщая ей совсѣмъ другой видъ. Б. для Ч. не переводитъ, а говоритъ вмѣстѣ съ издателями иностранныхъ журналовъ *о томъ же предметѣ*, безъ спросу отвергаетъ ихъ сужденія, несогласныя съ своими понятіями, и безъ хвастовства замѣняетъ ихъ собственными своими мыслями. Дѣло идетъ о пользѣ и удоволь

и подаютъ поводъ къ глубокимъ или по-крайней-мѣрѣ остроумнымъ замѣчаніямъ. Эти бѣглыя, смѣлыя, тонкія, часто неокончанныя, иногда загадочныя, суждения вкуса или взрывы вдохновенія ускользаютъ отъ всякаго разбора, но они достойны изученія со стороны литераторовъ. Большая ихъ часть была напечатана съ подписью имени или безименно въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ девятомъ томѣ есть цѣлое собраніе житейскихъ правилъ, максимъ и размышленій; въ десятомъ нравственные и метафизическіе опыты; одиннадцатый посвященъ Минералогіи, Геологіи, Метеорологіи; остальные четыре занимаетъ его Farbenlehre, теорія цвѣтовъ солнечнаго луча, гдѣ онъ старается опровергнуть ученія Ньютона. Это полная Исторія мыслей, сердца, желаній и предубѣжденій автора, съ подлинными ея документами.

Осьмой томъ кажется намъ всѣхъ занимательнѣе и важнѣе, потому что это послѣдняя часть его Dichtung und Wahrheit, то есть, жизни автора, описанной имъ самимъ, — исповѣдь, высказанная съ такимъ же чистосердечіемъ и полнотою чувства, какъ Жанъ-Жака Руссо, но отнюдь на нее не похожая. Въ этой авто-

ствіи благомыслящихъ читателей, а не о томъ, какъ про себя думаетъ такой-то заграничный журналистъ. Б. для Ч. не отмѣчаетъ своихъ передѣлокъ посредствомъ выносокъ, потому что онѣ слишкомъ многочисленны, и что это было бы скучно, безвкусно и безполезно, — и если она расходуетъ мысли и познанія своихъ сотрудниковъ для статей, подписанныхъ именами иностранныхъ журналовъ, такъ это ужъ ея убытокъ. Обожатели всего чужаго, сколько довелось слышать, иногда находили, что такъ называемая ими переводная часть Б. для Ч. лучше оригинальной: въ этомъ еще не было бы ничего обиднаго для нашего Русскаго ума, потому что эта переводная часть есть извлеченіе всего отличнѣйшаго почти изъ сорока иностранныхъ журналовъ; но Б. для Ч. покорнѣйше просила бы почтенныхъ обожателей всего не-Русскаго сличить многія изъ мнимо переводныхъ статей съ ихъ подлинниками, и сказать, кому принадлежитъ ихъ форма и занимательность. *Б. для Ч.*

біографіи множество любопытныхъ анекдотовъ, странныхъ приключеній, картинъ дышащихъ жизнію, острыхъ критикъ и бойкихъ разсказовъ, которые часто проливаютъ новый, особенный, яркій свѣтъ не только на самого автора, но и на большую часть современныхъ ему литературныхъ знаменитостей. Сказываютъ, что Лордъ Байронъ предлагалъ сто фунтовъ стерлинговъ, чтобъ кто-нибудь перевелъ для него эту книгу. Въ первой части, исторія автора была доведена до 1775 или даже 76 года; вторая часть, которой вышелъ только одинъ томъ, содержала поѣздку его въ Италію въ 1786 году, а послѣдняя, изданная нынѣ, не столько продолженіе сколько дополненіе къ первымъ.

Она начинается размышленіями о Спинозѣ, доказывающими, что Гёте питалъ къ нему глубокое уваженіе. Такъ прилежно изучалъ онъ въ молодости этого философа, что, говорятъ, Гердеръ однажды сказалъ ему: «Кромѣ Спинозы, вы буквально не читали ни одной Латинской книги.» Эти размышленія служатъ введеніемъ въ любопытныя подробности умственнаго его развитія.

«На внутренній поэтическій талантъ мой, говоритъ здѣсь Гёте, сталъ я смотрѣть какъ на Природу тѣмъ болѣе, что во внѣшней Природѣ мнѣ видѣлась его прямая противоположность. Проявленіе этого поэтическаго дара конечно могло быть возбуждено и направлено случаемъ, но отраднѣе и роскошнѣе изливался онъ безъ всякаго произволенія и даже противъ моей воли.

«Я такъ привыкъ сочинять про себя пѣсни и потомъ сейчасъ забывать ихъ, что однажды бросился къ письменному столику, и даже не давъ себѣ передвинуть листа бумаги, который лежалъ наискось, не трогаясь съ мѣста, написалъ все стихотвореніе съ начала до конца діагонально. Тогда мнѣ лучше казалось писать карандашемъ, потому что онъ какъ-то послушнѣе, а перо, несноснымъ скрипомъ своимъ, иногда будило меня отъ полуночныхъ грезъ поэзіи,

развлекало мое вниманіе, и губило дитя мое при самомъ его рожденіи. Я особенно уважалъ такія стихотворенія, чувствуя къ нимъ почти то же самое, что насѣдка къ цыплятамъ, которыя только вылупились и чилпкаютъ вокругъ матери. Во мнѣ возобновилось прежнее желаніе сообщать ихъ другимъ посредствомъ чтенія, но мѣнять ихъ на золото казалось мнѣ прискорбно. Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ случаѣ, хотя онъ былъ со мной немного позже. Когда начали день ото дня болѣе требовать моихъ сочиненій, и даже вызывали меня издать ихъ въ полномъ собраніи, а чувства, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, мѣшали мнѣ приступить къ дѣлу, Гимбергъ воспользовался этою перѣшимостью, и вдругъ я получилъ нѣсколько экземпляровъ собранія моихъ сочиненій. Этотъ неприглашенный издатель нагло хвалился передъ публикой оказаніемъ ей такой услуги на мой счетъ, и предлагалъ, если я хочу, прислать мнѣ Берлинскаго фарфору въ вознагражденіе. Я вспомнилъ при этомъ случаѣ, что когда жиды въ Берлинѣ женятся, ихъ принуждаютъ покупать извѣстное количество фарфору для поддержанія Королевской мануфактуры. Презрѣніе, какое чувствовалъ я къ этому безстыдному разбойнику, побѣдило во мнѣ самое неудовольствіе, котораго не могла не причинить мнѣ потеря. Я не отвѣчалъ ему ни слова, и за поживу моею собственностью преспокойно отомстилъ ѣдкими стихами.

«Но какъ Природа, самовольно проявлявшаяся въ такихъ созданіяхъ, часто требовала продолжительнаго отдыха, а иногда въ длинные промежутки времени я ничего не могъ написать, при всемъ моемъ желаніи, и слѣдственно страдалъ отъ скуки, то, съ сознаніемъ этой противоположности, родилась во мнѣ мысль, не долженъ ли я употребить то, что есть во мнѣ человѣческаго, разумнаго и особеннаго, къ моей собственной пользѣ и ко благу другихъ, и посвятить промежуточное время свѣтской дѣятельности, не оставляя такимъ образомъ ни одной способности праздною. Я нашелъ, что эта мысль, проистекавшая казалось изъ однихъ общихъ соображеній, до того соотвѣтствовала моему характеру и положенію, что рѣшился дѣйствовать именно такимъ образомъ, и черезъ-то дать твердое основаніе моимъ

дотолѣ зыбкимъ и колебавшимся наклонностямъ. Для меня пріятно было думать, что я буду въ правѣ требовать дѣйствительнаго вознагражденія за дѣйствительныя услуги человѣчеству, продолжая дѣлить съ другими отрадный даръ Природы безкорыстно, какъ нѣчто священное.»

Для возникающаго у насъ поколѣнія писателей и художниковъ, мы должны выписать сужденіе Гёте объ развлекательномъ вліяніи общества:

«Одинъ умный Французъ говоритъ, что едва только человѣкъ съ талантомъ обратитъ на себя вниманіе публики хорошимъ произведеніемъ, люди всѣми силами стараются помѣшать ему создать другое, подобное. Это сущая правда: сдѣлайте въ спокойномъ уединеніи юности что-нибудь хорошее, обличающее въ васъ истинный даръ, — вы заслужите ободреніе, но и утратите независимость; сосредоточенную силу нарочно вовлекаютъ въ разсѣяніе, потому что думаютъ поживиться отъ ея личности и присвоить кое-что себѣ. Съ этой цѣлью дѣлали мнѣ бездну приглашеній, или не то, что приглашеній, а пріятель, знакомый навяжется бывало, не смотря ни на какія отговорки, ввести меня въ тотъ или въ другой домъ.»

Мало вопросовъ, о которыхъ столько было бы спору, какъ о томъ, должно ли художнику часто бывать въ обществѣ, или не должно. Г-жа Джемисонъ отвѣчаетъ на это отрицательно. Мы говорили уже въ послѣдней книжкѣ Б. для Ч. о сочиненіи этой преумной и ученой Англичанки, и сообщили изъ него, въ «Смѣси», нѣсколько прекрасныхъ строкъ о знаменитыхъ живописцахъ. Опредѣливъ себѣ цѣлію неуклонно слѣдовать за ходомъ Словесности и Наукъ въ цѣломъ образованномъ мірѣ и содержать публику въ извѣстности о всѣхъ новыхъ усиліяхъ и подвигахъ ума, мы рѣшились знакомить нашихъ читателей, при всякомъ удобномъ случаѣ, по-крайней-мѣрѣ съ примѣчательнѣйшими мѣстами лучшихъ твореній, вновь появляющихся въ разныхъ краяхъ, если предѣлы изданія и краткость времени не дозволяютъ намъ предста-

влять обширныхъ извлеченій. Вопросъ, котораго Гёте коснулся въ приведенныхъ здѣсь строкахъ, кажется намъ законнымъ предлогомъ къ тому, чтобъ еще разъ сблизить читателя съ мыслію и талантомъ Г-жи Джемисонъ. Вотъ краснорѣчивыя слова ея о томъ же предметѣ.

Альда.

«Не угодно ли послать молодаго художника, особен-«но ваятеля, изучать человѣческую природу въ Лон-«донѣ или въ Парижѣ? искать идеаловъ между мага-«зинщицами и танцовщицами? Высокаго и Изящнаго «между ничтожными вертушками, деньголюбцами, «полуживотными? Отъ того ли, кто сгубилъ моло-«дость въ пошломъ разсѣяньѣ, чтобъ другихъ посмо-«трѣть и себя показать, отъ того ли, кто искалъ по-«кровительства за обѣдами, будете вы требовать выс-«преннаго вдохновенія и вмѣстѣ терпѣливой руко-«дѣльности, безъ которыхъ нельзя ни постигнуть ве-«ликаго и поэтическаго, ни провесть многихъ лѣтъ «надъ изображеніемъ мысли своей въ вѣчномъ мра-«морѣ?

Медонъ.

«А въ теченіе этихъ лѣтъ чѣмъ жить самому вая-«телю? Борьба должна быть самая тяжкая. Я слыхалъ «отъ молодыхъ художниковъ, что они вынуждены «были прибѣгнуть къ разсѣянной жизни, какъ къ «средству чего-нибудь добиться въ свѣтѣ.

Альда.

«Я то же слышалъ. Это такой низкій предлогъ, что «я вообще считаю его оправданіемъ не разсѣянности, «а ужъ безпутства. Тѣ, которые говорятъ это, — люди «потерянные; они или будутъ ползти всю жизнь въ «посредственности и зависимости до самаго гроба, «или, когда при хитромъ умѣ и бойкости, послужитъ «имъ счастіе, — войдутъ въ моду и поднимутся: они «могутъ быть портретными живописцами или ваяте-

«лями бюстовъ; но если дерзнутъ воспарить въ исто-
«рическую или идеальную область Искусства, то па-
«смѣшатъ боговъ и людей своимъ безсиліемъ: высшіе,
«священные источники вдохновенія для нихъ затво-
«рены.

Медонъ.

«Но подумайте объ искушеніяхъ общества.

Альда.

«Я думаю объ тѣхъ, которые превозмогли ихъ. Ху-
«дожникъ долженъ избрать себѣ предметъ обожанія.
«Онъ не можетъ работать и Богу и мамону. Тотъ ге-
«ніальный человѣкъ, который думаетъ войти въ сдѣл-
«ку съ своими высокими дарами, чтобъ порой наслаж-
«даться излишествами свѣта, нисходить отъ своего
«призванія къ нечистотамъ земли, и предаваться те-
«ченію обыкновенной жизни въ надеждѣ, что вро-
«жденныя силы опять вознесутъ его, — о! вѣрьте мнѣ,
«тотъ человѣкъ пускается въ отчаянную игру, губи-
«тельную для девяноста девяти изо ста.»

Это и краснорѣчиво и истинно, только немного одностороннo: неужели всѣ общественныя удовольствія ведутъ въ разврату и сопровождаются излишествомъ? Да и исторія Искусства едва ли подойдетъ подъ эту теорію. Остроумная писательница сама разсказываетъ намъ, что Гвидо былъ игрокъ, а Тиціанъ веселый сибаритъ; кромѣ того, намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, что фанъ-Дайкъ былъ отъявленный франтъ, царь щеголей своего времени, и не сводилъ глазъ съ самого себя.

Но возвратимся къ Гёте. Начало и большая часть слѣдующей главы заняты воспоминаніями о Лилли, — Лилли, одной изъ знаменитѣйшихъ его любовницъ: здѣсь есть между-прочимъ такія черты чувства, на которыя отзовется сердце каждаго, кто былъ въ подобномъ состояніи. Послушайте старика, воспоминающаго о своей молодости.

«Тогда возникла взаимная потребность, привычка видѣть другъ друга; но сколько дней, сколько вечеровъ мнѣ пришлось бы отказывать себѣ въ этомъ удовольствіи, если бъ я не въ силахъ былъ рѣшиться видѣть милую въ собственномъ кругу ея! Но и тутъ какія непріятности! Я не могъ жить безъ нея, она безъ меня, а въ сообществѣ и подъ вліяніемъ извѣстныхъ членовъ ея круга, сколько улетало часовъ и дней безоградныхъ!»

У Лилли была странная фантазія, которая, кажется, имѣла для него особенную прелесть:

«Поводомъ къ этой фантазіи была черезвычайно милая невѣжливость, которую она разъ сдѣлала за столомъ, когда сидѣвшій подлѣ нея незнакомецъ завелъ какой-то неприличный разговоръ. Ни сколько не измѣнясь въ очаровательномъ лицѣ своемъ, она съ неизъяснимою пріятностью повела правою ручкой по скатерти и преспокойно столкнула на полъ все, что могла — ножи, вилки, хлѣбъ, солонку, даже нѣкоторыя вещи, приготовленныя для ея сосѣда. Всѣ изумились, слуги подняли бѣготню, никто не зналъ, что̀ это такое, кромѣ немногихъ догадливыхъ наблюдателей, которые радовались, что неблагопристойный разговоръ былъ такъ искусно перерванъ. Съ тѣхъ поръ движеніе правою рукою всегда было у насъ знакомъ отвращенія; но столкнуть что-нибудь позволяла себѣ только она одна, и то изрѣдка и всегда у мѣста.»

Онъ съ явною неохотою оставляетъ отношенія свои къ Лилли, чтобъ сообщить нѣсколько подробностей касательно его собственнаго положенія при тогдашнемъ ходѣ общественныхъ дѣлъ. Фридрихъ II, говоритъ онъ, опираясь на свою силу, казалось, все еще правилъ судьбою Европы и человѣчества, а великая Екатерина, войнами съ Турціей, пролагала новые пути для предпріимчивости. Корсика и Паоли, Америка и Вашингтонъ, попеременно обращали на себя всеобщее вниманіе; дѣла во Франціи созрѣвали для перелома, хотя въ патріотическихъ видахъ молодаго Короля все еще представлялись утѣшительныя на-

дежды къ отвращенію грозившей бури. «Однако жъ, во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ принималъ я участіе только по мѣрѣ отношенія ихъ къ обществу, въ обширномъ смыслѣ: ни я, ни тѣсный кружекъ мой, не пускались въ чтеніе газетъ и въ новости; намъ хотѣлось ознакомиться съ отвлеченнымъ человѣкомъ, а конкретные люди, люди взятые въ сложности, могли дѣлать, что имъ угодно.» Замѣчательно, что точно такое равнодушіе обнаруживалъ онъ всю жизнь свою. Такъ какъ многіе его за это порицали, то мы выпишемъ объясненіе, данное на этотъ счетъ однимъ изъ лучшихъ его защитниковъ и преданнѣйшихъ друзей:

«Гёте, говоритъ фонъ Мюллеръ, часто упрекали въ томъ, что онъ мало бралъ участія въ политическихъ формахъ своего отечества; что онъ не подалъ своего голоса въ минуты величайшаго политическаго возбужденія, и во многихъ случаяхъ показывалъ даже отвращеніе отъ либеральныхъ мнѣній. Конечно, характеръ его былъ не таковъ, чтобъ ему стремиться къ политической дѣятельности, которой первѣйшія условія были несовмѣстны съ избранною имъ сферой существованія, и которой слѣдствія выходили изъ круга его зрѣнія. Смотря на Исторію съ точки возвышенной, онъ видѣлъ въ ней памятную записку вѣчно повторяющейся и необходимой борьбы безразсудства и страстей человѣческихъ съ благороднѣйшими выгодами образованности; онъ слишкомъ хорошо зналъ опасности или по-крайней-мѣрѣ весьма загадочные результаты незванаго вмѣшательства; чистоту своихъ мыслей и созданій не хотѣлъ онъ возмущать шумными событіями того времени, а еще менѣе сдѣлаться послушной трубою какой-нибудь партіи, хотя, по увѣренію Галля, органъ публичнаго краснорѣчія былъ чрезвычайно развитъ въ головѣ его.

«Онъ былъ убѣжденъ, что для человѣка гораздо менѣе можно сдѣлать извнѣ, чѣмъ изнутри, и что бла-

гая и сильная воля сумѣетъ проложить себѣ путь и употребить въ пользу свою дѣятельность подъ какою бы то ни было формою гражданскаго общества.

»Въ этомъ убѣжденіи, онъ крѣпко держался порядка и повиновенія законамъ какъ главныхъ опоръ общественнаго блага. Все, что угрожало замедленіемъ ходу нравственнаго и умственнаго совершенствованія и методическому приложенію и употребленію природныхъ способностей; все, что вело къ предоставленію лучшаго и возвышеннѣйшаго въ жизни на произволъ дикой и необузданной страсти, во власть людей грубыхъ, буйныхъ и жестокихъ, — все это почиталъ онъ настоящимъ тиранствомъ, смертельнымъ врагомъ истинной свободы, зломъ совершенно нестерпимымъ.

«Вотъ убѣжденіе, оживлявшее всѣ его старанія дѣйствовать на умы другихъ изустно и письменно — внушать, поучать, ободрять, удерживать; выставлять ложное, уродливое, пошлое, во всемъ ихъ ничтожествѣ, соединяться вполнѣ съ душами благородными и неколебимо поддерживать ту высшую свободу мысли и воли, управляемой разумомъ, которая возноситъ людей къ истинному достоинству человѣческой природы.»

Несмотря на эту умную защиту, Гёте намъ не кажется совершенно чуждымъ упрека въ содѣйствіи къ несчастному раздраженію умовъ въ Германскомъ юношествѣ. Онъ увлекся господствовавшею въ прошломъ столѣтіи модою низвергать все такъ называемое феодальное, ни примѣтивъ того, что въ этомъ низверженіи несогласныхъ съ новыми понятіями готическихъ прикрасъ общественнаго зданія могли быть повреждены истинныя пользы общества. Онъ не расчелъ, что возстаніе такого ума, каковъ былъ его, противъ нѣкоторыхъ обветшалыхъ правъ баронства, уменьшало въ то же время уваженіе къ аристократіи, которой начало долженъ онъ былъ отдѣлить отъ старинныхъ

злоупотребленій, и поддерживать всею силою своего генія, какъ основную опору прочности и величія обществъ, даже какъ природное учрежденіе человѣчества и инстинктъ нашего рода, въ отвлеченномъ и философическомъ отношеніи. «Аристократія, говоритъ Гёте, и именно Германская аристократія, управляла мнѣніемъ и безпрекословно пользовалась всѣми общественными и политическими преимуществами, доставшимися ей отъ предковъ, когда въ «Вертерѣ» и потомъ въ «Гёцѣ фонъ-Берлихингенѣ» явились сильныя выходки, хотя и косвенныя выходки, на ея притязанія.» Намеки въ Вертерѣ прошли благополучно, потому что не имѣли ни какой непосредственной или опредѣленной цѣли; но въ Гёцѣ, картина страданій, которыя терпѣло общество отъ феодальныхъ владѣтелей, обратила на себѣ больше вниманія, и ввела автора въ подозрѣніе, и весьма справедливое, у высшихъ классовъ и людей здраво понимающихъ начала благоденствія народовъ.

Но довольно о политикѣ, которой мы терпѣть не можемъ. Сказавъ, что по совѣсти слѣдовало сказать о политическихъ понятіяхъ Гёте, поспѣшимъ къ пріятнѣйшему для всѣхъ, и для насъ въ особенности, предмету, — къ Словесности, къ изящному, къ замѣчаніямъ автора о томъ, какъ поэзія начала при немъ отбрасывать риѳму и даже предпочитать прозаическую форму стихотворной: именно, Клопштокъ написалъ тогда Мессіяду въ гекзаметрахъ, а повѣсть о Германновомъ боѣ и Смерть Адама въ прозѣ. По словамъ Гёте, это произвело въ литературѣ довольно замѣшательства и недоумѣнія, потому что толпа писателей не имѣла ни какого понятія объ истинныхъ началахъ метра. Ту же самую наклонность видимъ мы теперь въ Англіи, и даже во Франціи, гдѣ лучшіе поэты сдѣлались прозаиками. Такъ какъ мы постоянно стараемся совокуплять въ нашемъ изданіи всѣ

примѣчательнѣйшіе современные помыслы, то отъ Гёте сдѣлаемъ *сальто-мортале* на Г. Больвера и на его «Рейнскихъ Пильгримовъ,» о которыхъ уже однажды говорили довольно подробно. Вотъ, что говоритъ Г. Бульверъ въ своихъ Рейнскихъ Пильгримахъ: «Мнѣ, право, кажется, что, въ настоящемъ «возрастѣ нашего просвѣщенія, мы, не замѣчая это-«го, ошибаемся всѣ вообще на счетъ достоинства сти-«хотворства, которое, по старой привычкѣ, называютъ «исключительно поэзіею. Оно по-прежнему услади-«тельно, но перестало поучать. Проза сердца про-«свѣщаетъ, трогаетъ, возвышаетъ гораздо болѣе поэ-«зіи. Самый философическій поэтъ вашъ, переложен-«ный въ прозу, сдѣлается пошлымъ. Чайльдъ Га-«рольдъ, кажущійся такимъ глубокомысленнымъ тво-«реніемъ, обязанъ этимъ глубокомысліемъ своему ме-«трическому слогу: въ самомъ дѣлѣ, въ немъ нѣтъ ни-«чего новаго, кромѣ механизма слова. Стихъ не мо-«жетъ вмѣстить въ себѣ той нѣжно-утонченной мы-«сли, которую выражаетъ великій писатель въ прозѣ; «рифма всегда ее увѣчитъ: она можетъ имѣть дѣло «только съ простѣйшими задачами человѣческой при-«роды, теперь уже пошлыми, а не съ тонкими фило-«софическими заключеніями, которыя можно изъ нихъ «вывести. Стало-быть, хоть это и покажется сначала «парадоксомъ, пошлость болѣе стихія поэзіи, нежели «прозы. Чувствуя это, Шиллеръ написалъ въ прозѣ «своего Фіеско, самую глубокую изъ новѣйшихъ тра-«гедій.»

Станемъ продолжать прежнія выписки. Гёте знакомитъ насъ съ графами Штольбергъ, съ которыми сблизило его участвованіе въ Геттингенскомъ «Альманахѣ Музъ.»

«Въ то время, говоритъ онъ, люди имѣли странныя понятія о любви и дружбѣ. Влеченіе другъ къ другу, похожее

на взаимную довѣренность, считалось за любовь, за непреодолимую склонность: я самъ обманывался на счетъ этого вмѣстѣ съ другими, и терпѣлъ за то много лѣтъ и во многихъ отношеніяхъ.»

По совѣту своихъ родителей, которымъ хотѣлось разлучить его съ Лилли и еще съ нѣкоторыми знакомствами во Франкфуртѣ, онъ поѣхалъ со Штольбергами въ Швейцарію. «Ты съ ними не долго пребудешь, «сказалъ ему пріятель его, Меркъ, прозванный Мефистофелемъ, за колкость, смѣшанную съ природнымъ добродушіемъ, и подкрѣпилъ пророчество свое замѣчаніемъ, которое Гёте повторилъ за нихъ и потомъ часто находилъ очень вѣрнымъ: «Твое стремленіе, твое неизмѣнное стремленіе то, чтобъ давать поэтическую форму дѣйствительному; другіе хотятъ осуществить такъ называемое поэтическое, мечтательное, и изъ этого выходятъ однѣ нелѣпости.»

«Когда постигнешь, говоритъ Гёте, неизмѣримое разстояніе, существующее между этими двумя родами дѣятельности, когда вникнешь въ оба, и испытаешь ихъ въ приложеніи, какой это значительный шагъ къ разрѣшенію тысячи другихъ вещей.» По несчастію, еще не успѣли они выѣхать изъ Дармштата, то есть, первой ихъ станціи отъ Франкфурта, какъ ужъ представился случай, который разительно подтвердилъ Мерково замѣчаніе.

«Къ числу сумасбродствъ того времени, основанныхъ на мысли, что человѣкъ долженъ стараться перенестись въ естественное состояніе, принадлежало купаньє въ чистой водѣ, на открытомъ воздухѣ, и друзья наши не могли пропустить ни одного удобнаго къ тому случая. Дармштадтъ лежитъ на песчаной равнинѣ и не имѣетъ текучей воды; но въ окрестности былъ небольшой прудъ, о которомъ я тутъ только и услышалъ. Ревностные послѣдователи Природы вздумали освѣжиться въ этомъ прудѣ: видъ нагихъ молодыхъ людей середи дня могъ показаться страненъ сосѣдямъ, и во всякомъ случаѣ, былъ неблагопристоенъ. Острота Мерко-

выхъ заключеній меня поразила, и, признаюсь, я ускорилъ нашъ отъѣздъ.»

Въ Карльсруэ встрѣтился онъ съ Герцогомъ и Герцогинею Саксенъ-Веймарскими, которые изъявили ему искреннее желаніе видѣть его въ Веймарѣ. Тамъ же, нѣсколько разъ видѣлся онъ съ Клопштокомъ, и сообщилъ ему новѣйшія сцены Фауста. Клопштокъ, который, сказываютъ, отнюдь не любилъ хвалить, отзывался объ нихъ самымъ лестнымъ образомъ, не только самому автору, но и многимъ другимъ особамъ, прибавляя, что очень желалъ бы видѣть окончаніе піесы.

Въ Карльсруэ, Гёте разстался съ Штольбергами, чтобъ посѣтить шурина своего, Шлоссера, въ Эммендингенѣ, а оттуда поѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ Лафатеръ занимался своими физіономическими изслѣдованіями. Онъ принялъ его дружелюбно, почти съ восхищеніемъ, да и не даромъ: онъ не только насладился удовольствіемъ говорить и разсуждать о своихъ теоріяхъ съ первымъ геніемъ того времени, но даже взвалилъ на него тяжкій трудъ пересмотрѣть его сочиненіе:

«Это былъ одинъ изъ обременительнѣйшихъ налоговъ, какимъ только подвергалась моя дѣятельность. Пусть читатель разсудитъ самъ. Рукопись съ принадлежащими къ ней рисунками послѣдовала за мной во Франкфуртъ. Я получилъ право вычеркивать все, что мнѣ не понравится, перемѣнять, вставлять, что захочу, но, признаться, я пользовался этимъ правомъ весьма умѣренно.»

Единство и связность, которыя находимъ теперь въ Лафатеровомъ сочиненіи, не смотря на разнообразіе матеріяловъ, Гёте приписываетъ въ особенности необычайнымъ дарованіямъ рисовальщика и гравера, Лиса.

Всѣ удивлялись истинѣ и живости, съ какими Гёте описывалъ мѣстоположенія. Слѣдующія строки от-

части объяснять намъ, какъ усовершенствовалось въ немъ это особенное искусство:

«Прежде, чѣмъ спустимся съ этихъ величественныхъ высотъ къ озеру и къ городу, который улыбается тамъ внизу, я замѣчу кое-что о своихъ попыткахъ уносить съ собой въ рисункахъ и очеркахъ тѣ виды, которые мнѣ особенно понравятся. Привычка моя, съ дѣтства, смотрѣть на мѣстоположеніе какъ на картину, вела меня къ тому, чтобъ вглядываться пристально, когда увижу картинный видъ въ дѣйствительной Природѣ, и укоренять въ памяти неизгладимыя впечатлѣнія. Желаніе снять такой видъ, соединенное съ торопливостью, заставило меня прибѣгнуть къ странному способу: окинувъ взоромъ какой-нибудь занимательный предметъ, я тотчасъ означалъ его въ немногихъ и самыхъ общихъ чертахъ на бумагѣ, а подробности, которыхъ не могъ выразить карандашемъ, дополнялъ словами, и черезъ-то пріобрѣталъ такое внутреннее созерцаніе этихъ видовъ, что, въ случаѣ нужды въ нихъ для какого-нибудь сочиненія, я могъ вызвать любой, и онъ всегда былъ готовъ явиться передо мною.»

Воротившись въ Цюрихъ, онъ уже не засталъ тамъ Штольберговъ, потому что пребываніе ихъ въ этомъ городѣ сократилось отъ возобновленія попытки осуществить прекрасный идеалъ пастушеской простоты. Добродушные Швейцарцы, кажется, еще болѣе Дармштадтцевъ, оскорбились ихъ нескромнымъ купаньемъ, и однажды, когда они плескались въ горномъ потокѣ, градъ камней, низринутый съ высотъ, принудилъ ихъ къ поспѣшной ретирадѣ, и они благодарили судьбу, что могли убраться съ пожитками, то есть, съ платьемъ. Въ негодованіи они поспѣшили отъѣздомъ изъ Цюриха, предоставляя Лафатеру оправдываться какъ угодно за такихъ бѣшеныхъ и буйныхъ гостей, не Христіанъ, а сущихъ язычниковъ, — такъ честили ихъ въ цѣломъ околодкѣ. Гёте опять сошелся здѣсь съ Лафатеромъ, и каковы бы ни были достоинства системы знаменитаго физіогномиста, но личною

проницательностію и остротою умѣлъ онъ произвести въ своемъ посѣтителѣ самое живое впечатлѣніе:

«Всякой талантъ, основанный на рѣшительномъ природномъ дарованіи, кажется намъ въ какой-то магической оболочкѣ, потому что мы не можемъ составить себѣ опредѣленнаго понятія ни объ немъ самомъ, ни объ его произведеніяхъ. Вѣрность Лафатерова взгляда на отдѣльныя лица была точно непостижима: нельзя было не изумляться, когда онъ откровенно говорилъ объ томъ или объ другомъ человѣкѣ; ужасъ бралъ жить подлѣ существа, которое, казалось, ясно видитъ за предѣлы, ограничивающіе, по закону Природы, всѣхъ, ему подобныхъ.»

Вотъ чудный примѣръ Лафатерова навыка къ мелочному наблюденію:

«По Воскресеньямъ, послѣ проповѣди, онъ какъ пасторъ, обязанъ былъ стоять съ кошелькомъ при выходѣ, и принимать подаянія прихожанъ съ благословеніями. Разъ, онъ нарочно рѣшился не смотрѣть ни на кого, а только обращать вниманіе на руки, и по нимъ представлять себѣ лица. Не только форма пальцевъ, но самое положеніе ихъ при подачѣ денегъ не ускользнуло отъ его проницательности, и онъ наговорилъ мнѣ объ этомъ очень много.»

Рядомъ съ сужденіями о Лафатерѣ находимъ любопытныя размышленія о геніи:

«Никто добровольно не признаетъ въ другомъ преимущества, до тѣхъ поръ, пока есть возможность отрицать его. Всего менѣе можно отрицать естественныя преимущества, между-тѣмъ общій говоръ того времени допускалъ геній въ однихъ поэтахъ. Теперь же, казалось, вдругъ возникъ новый міръ: генія стали требовать отъ врача, отъ генерала, отъ государственнаго человѣка и наконецъ отъ всякаго, кто вздумаетъ отличиться въ теоретическомъ или практическомъ отношеніи. Особенно Циммерманъ пустилъ въ ходъ эти требованія. Лафатеръ, въ своей Физіономикѣ, по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ раздѣленію умственныхъ способностей, болѣе общему: словомъ — геній — все разрѣшалось, и слыша его такъ часто, люди дѣйствительно стали думать, что означаемое имъ свойство у всякаго

подъ рукою. Оттого что каждый считалъ себя въ правѣ требовать генія отъ другихъ, всѣ увидѣли его въ самихъ себѣ. Еще далеко было до того времени, когда можно было вымолвить, что геній есть та способность человѣка, которая, дѣйствуя и творя, даетъ законы и правила. Въ ту пору онъ проявлялся только нарушеніемъ существующихъ законовъ, испроверженіемъ установленныхъ правилъ, и возгласами о своей неограниченности. По-этому, легко было прослыть геніемъ, и нѣтъ ничего естественнѣе, что такое злоупотребленіе слова и дѣла побудило всѣхъ людей съ правилами противустать этой безурядицѣ.

«Если кто-нибудь бѣжалъ пѣшкомъ по свѣту, не зная куда и зачѣмъ, это называлось геніальнымъ путешествіемъ; если кто предпринималъ что-нибудь превратное безъ всякой полезной цѣли, говорили, что это внушено геніемъ. Молодые, кипящіе жизнію и нерѣдко дѣйствительно даровитые люди, совершенно терялись въ безпредѣльномъ, а старшіе и благоразумнѣйшіе, пользуясь удобнымъ случаемъ, нарочно представляли публикѣ ихъ промахи, съ самой смѣшной стороны.

«Я увидѣлъ, что содѣйствіемъ и вліяніемъ тѣхъ, которые раздѣляли мои виды, удерживался я отъ развитія и выраженія самого себя гораздо болѣе, нежели противоборствомъ тѣхъ, которые были со мною несогласны. Слова, присловья, фразы, выдуманныя для уничиженія высшихъ умственныхъ способностей, до того распространились въ толпѣ бездушниковъ съ презрительной улыбкой, что ихъ по-сюпору слышишь иногда отъ необразованныхъ: они даже втерлись въ словари, и слово геній подвергалось такимъ превратностямъ смысла, что изъ этого вздумали выводить необходимость совершеннаго изгнанія его изъ Нѣмецкаго языка. Такимъ образомъ, Германцы, у которыхъ пошлаго вообще гораздо болѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, вѣроятно сами лишили бъ себя прелестнѣйшаго цвѣта рѣчи человѣческой, слова, только кажущагося чуждымъ, но равно принадлежащаго всѣмъ племенамъ, если бъ, къ счастію, не возстановилось чувство высшаго и лучшаго, основанное на глубокомысленнѣйшей философіи.»

Такова была судьба генія во всѣ времена.

Decipit exemplar vitiis imitabile; quod si
Pallerem casu, biberent ex sangue cuminum.

«Образецъ влечетъ къ подражанію самыми недо-«статками: вы, котораго называютъ геніемъ, поблѣд-«нѣли случайно, а многіе готовы напиться уксусу, «чтобъ и съ ними было то же.»

Если бъ Лордъ Байронъ увидалъ, что за люди выпускали воротъ рубашки изъ-за галстуха, и старались быть меланхолическими джентельменами, въ подражаніе Его Милости, онъ вѣрно бы проклялъ унылый тонъ, облачился бъ въ крахмаленные воротнички, и былъ бы весельчакомъ и вертопрахомъ по гробъ свой.

Гёте называетъ геній «тою способностью человѣка, которая, дѣйствуя и творя, даетъ законы и правила.» Любопытно сравнить это съ нѣкоторыми другими опредѣленіями или описаніями генія. Бюффонъ, напримѣръ, утверждалъ, что это только высшая терпѣливость; Газлитъ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ мыслителей своего времени, говоритъ: «Геній, или оригинальность, есть, по большей части, какое-нибудь сильное свойство души, соотвѣтствующее какому-нибудь новому и разительному свойству въ Природѣ, и выводящее его наружу.» Джонсонъ толкуетъ, что это «та способность, которая составляетъ поэта; то качество, безъ котораго сужденіе холодно, и знаніе косно; та мощь, которая собираетъ, соображаетъ, дополняетъ и одушевляетъ.» Предоставляя читателямъ на выборъ эти четыре опредѣленія, мы чистосердечно признаемся, что ни одного изъ нихъ не находимъ удовлетворительнымъ. Если бъ у насъ спросили, что̀ есть геній, — мы бы отвѣчали: совершеннѣйшее или ближайшее къ совершенству, задуманному Творцемъ, устройство человѣческой головы,—мозгъ, который ходитъ такъ исправно какъ Брегетовы часы, и на которомъ душа можетъ очень легко и съ большою точно-

стью производить всѣ, и самыя тонкія, свои дѣйствія. Но и это не довольно ясно. Очевидно лишь одно — нелѣпость стараго предразсудка, отдающаго поэтамъ монополію генія: въ самомъ дѣлѣ, почти каждое искусство, каждая наука, можетъ служить ему поприщемъ, и д'Аламберъ утверждалъ отнюдь не парадоксъ, а сущую истину, сказавъ, что Геометрія требуетъ столько же воображенія, какъ и Поэзія, и что изъ всѣхъ великихъ мужей древности Архимедъ имѣетъ можетъ-быть наиболѣе права стоять наряду съ Гомеромъ.

Гётево возвращеніе во Франкфуртъ не слишкомъ обрадовало его родителей, потому что они боялись возобновленія связей его съ Лилли, и теперь ему не легко было устоять противъ искушенія: она торжественно объявила, что готова пожертвовать для него всѣмъ на свѣтѣ, и бѣжать съ нимъ въ Америку, которая — говоритъ онъ намъ — была въ то время гораздо болѣе нынѣшняго Эльдорадомъ для тѣхъ, кто чувствовалъ себя стѣсненнымъ существующими постановленіями или обстоятельствами. «Но именно то, что долженствовало бъ оживотворить мои надежды, напротивъ подавило ихъ. Мой милый родительскій домъ, во стѣ шаговъ отъ ея жилища, все таки казался мнѣ гораздо сноснѣе, гораздо пріятнѣе далекой, безвѣстной стороны за моремъ; однако жъ правда и то, что подлѣ нея оживали всѣ мои надежды, всѣ желанія, и я опять не зналъ, на что рѣшиться.»

Между-тѣмъ онъ прилежно занимался Литературой, ободряемый отцемъ, который, не такъ какъ Петраркинъ, убѣдился наконецъ въ безразсудствѣ своихъ усилій сдѣлать сына законовѣдцемъ.

«По счастію, наклонности мои согласовались съ желаніями и мнѣніями моего отца. Онъ такъ много воображалъ себѣ объ моемъ поэтическомъ дарованіи, и такъ душевно радовался успѣхамъ первыхъ моихъ сочиненій, что часто

разговаривалъ со мною объ новыхъ, обширнѣйшихъ предпріятіяхъ.»

Такъ развилась въ немъ мысль объ Эгмонтѣ. Кромѣ Словесности, онъ прилежно занимался рисованьемъ, и, подъ руководствомъ художника Крауза, сдѣлалъ, кажется, значительные успѣхи.

«Близость художника необходима для дилеттанта, который видитъ въ немъ дополненіе самого себя: его желанія осуществляются художникомъ.

«Съ нѣкоторою природною способностью и упражненіемъ, я довольно успѣлъ въ очеркѣ, и не затруднялся съемкой съ натуры; но мнѣ не доставало настоящей пластической силы, удачной тушовки, для отѣлесенія моихъ очерковъ надлежащимъ размѣщеніемъ свѣта и тѣни. Подражанія мои были какими-то отдаленными предчувствіями того или другаго образа, и фигуры походили у меня на легкія, воздушныя существа Дантова Чистилища, которыя, не бросая отъ себя тѣни, съ ужасомъ отпрядываютъ отъ тѣней настоящихъ тѣлъ.

«Благодаря Лафатеровой физіономической ловлѣ, какъ можно назвать неутомимую ревность, съ которою настаивалъ онъ, чтобъ не только всѣ всматривались въ лица, но и срисовывали ихъ по крайнему разумѣнію, — я пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ, списывая портреты съ пріятелей бѣлымъ или чернымъ карандашемъ на сѣрой бумагѣ. Сходства нельзя было не замѣтить, но требовалось содѣйствіе моего артиста-пріятеля для вызова ихъ изъ царства тмы.»

Въ послѣдствіи собираніе мѣловыхъ портретовъ превратилось у Гёте въ какую-то страсть. Разъ у него было ихъ отъ четырехъ до пяти сотъ вмѣстѣ.

Теперь насъ ожидаетъ занимательный и драматически изложенный разсказъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали отъѣзду его изъ Франкфурта.

«Съ вершины одной Швейцарской горы я воротился, не заглянувъ въ Италію, потому что не могъ жить безъ Лилли. Склонность, основанная на сладкой надеждѣ взаимнаго обладанія, неразрывнаго союза на всю жизнь, — такая склонность не умираетъ внезапно; нѣтъ, она находитъ себѣ

пищу въ созерцаніи благоразумныхъ желаній и непорочныхъ чаяній, которыми мы сами себя обольщаемъ.

«Очень естественно, что дѣвушка, въ такихъ случаяхъ, рѣшается скорѣе молодаго мужчины. Какъ внучки Пандоры, эти милыя созданія обладаютъ завиднымъ даромъ привлекать, заманивать, собирать вокругъ себя, — и не столько по склонности, какъ по естественному побужденію, даже просто изъ одного коварства! Оттого онѣ часто сами пугаются толпы своихъ поклонниковъ, какъ новичекъ въ Магіи труситъ вызванныхъ имъ духовъ. Но прійдется жъ наконецъ сдѣлать выборъ, рѣшительно предпочесть одного всѣмъ прочимъ, и этотъ одинъ уведетъ къ себѣ суженую...

«И какъ зависитъ отъ случая то, что даетъ здѣсь направленіе выбору, что рѣшаетъ выбирающую! Я отрекся отъ Лилли по собственному убѣжденію, но любовь сдѣлала для меня это убѣжденіе подозрительнымъ. Точно такъ и Лилли разсталась со мною: для развлеченія предпринялъ я пріятное путешествіе, но оно произвело совсѣмъ не то, чего я ожидалъ.

«Пока я былъ въ отсутствіи, я вѣрилъ нашей разлукѣ, но не разрыву нашей связи. Надежды, воспоминанія, желанія, — все это во мнѣ кипѣло. Теперь я воротился, и какъ свиданіе ничѣмъ не связанныхъ, счастливыхъ любовниковъ есть самое небо, такъ свиданіе двухъ особъ, разлученныхъ доводами разсудка, есть нестерпимое чистилище, настоящее преддверіе ада. Явившись опять подлѣ Лилли, я сталъ чувствовать вдвойнѣ всѣ несоотвѣтствія, поколебавшія отношенія наши другъ къ другу, и увидѣвъ себя снова въ ея присутствіи, я постигъ всю тягость той мысли, что Лилли для меня не существуетъ.

«По-этому я часто рѣшался бѣжать ея, и почелъ для себя самымъ благопріятнымъ случаемъ прибытіе изъ Карльсруэ во Франкфуртъ юной Герцогско-Веймарской четы, которой приглашеніями я могъ теперь воспользоваться, чтобы уѣхать въ Веймаръ. Я всегда удостоивался отъ этихъ высокихъ особъ самаго милостиваго, радушнаго пріема, и платилъ имъ за то съ своей стороны чувствомъ искренней признательности. Привязанность моя къ Герцогу, возникшая съ первой минуты нашего знакомства; уваженіе къ

принцессѣ, которую я давно зналъ, хотя только и по виду; желаніе, сколько-нибудь доказать дружелюбіе мое къ Виланду, который поступалъ въ отношеніи ко мнѣ такъ великодушно, и загладить полуумышленный и полуслучайный недостатокъ вѣжливости въ прежнихъ моихъ сношеніяхъ съ этимъ человѣкомъ, — вотъ побудительныя причины, достаточныя къ убѣжденію, или лучше къ воспламененію, молодаго человѣка, даже и безстрастнаго. Но къ этому присовокуплялась еще необходимость бѣжать отъ Лилли такъ или иначе: на югъ, гдѣ ежедневные разсказы батюшки сулили мнѣ рай Искусства и Природы или на сѣверъ, куда такой замѣчательный кругъ отличныхъ людей приглашалъ меня.

«Высокая чета прибыла, на возвратномъ пути своемъ, во Франкфуртъ. Тутъ же былъ тогда Дворъ Мейнингенскій, и какъ особы этого Двора, такъ и Тайный Совѣтникъ Дуркгеймъ, сопровождавшій молодыхъ принцевъ, принимали меня какъ нельзя дружелюбнѣе. Но чтобъ и тутъ не обошлось безъ юношеской странной выходки, то простой недомекъ поставилъ меня въ чрезвычайное и вмѣстѣ смѣшное затрудненіе.

«Веймарская и Мейнингенская фамиліи помѣщались въ одномъ и томъ же домѣ. Приглашаютъ меня къ обѣду. Голова моя такъ занята Веймарскимъ Дворомъ, что я ни о чемъ больше не думаю; и мнѣ даже не пришло на умъ, чтобъ могла обратить на меня вниманіе Мейнингенская фамилія. Являюсь въ приличномъ нарядѣ въ отель, подъ вывѣской Римскаго Императора, нахожу комнаты Веймарскихъ гостей пустыми, и узнавъ, что они у Мейнингенцевъ, иду туда и встрѣчаю ласковый пріемъ. Я думалъ, что это дообѣденный визитъ, или, что они обѣдаютъ вмѣстѣ, и ожидалъ, что будетъ далѣе. Вдругъ Веймарское общество засбиралось итти, и я за нимъ; но вмѣсто того, чтобъ возвратиться въ свои покои, эти господа пошли прямо съ лѣстницы къ экипажамъ, и я очутился съ ними на улицѣ.

«Вмѣсто того, чтобъ вникнуть въ дѣло обстоятельнѣе и разузнать какъ и что, я тотчасъ побѣжалъ домой, какъ взбалмочной, и засталъ своихъ за дессертомъ. Батюшка покачалъ головой, а матушка постаралась вознаградить меня, по

мѣрѣ возможности. Въ вечеру она объявила мнѣ за тайну, что когда я пошелъ изъ дому, батюшка дивился, какъ я, будучи неглупымъ малымъ, не хотѣлъ догадаться, что приглашеніе съ той стороны сдѣлано мнѣ въ пику. Но это замѣчаніе меня не тронуло, потому что я уже видѣлся съ Дуркгеймомъ, который съ шуточными упреками потребовалъ отъ меня отчета въ моемъ поступкѣ. Тутъ лишь пробудился я отъ моего сна, и сыскалъ случай просить прощенія и благодарить за милость, оказанную мнѣ сверхъ всякаго чаянья.

«Когда, по весьма уважительнымъ причинамъ, я согласился на дружественныя предложенія Веймарскаго Двора, то касательно отъѣзда моего положено было слѣдующее: нѣкто, оставшійся въ Кальсруэ во ожиданіи ландо изъ Страсбурга, долженъ былъ проѣзжать черезъ Франкфуртъ въ извѣстный день, и мнѣ надлежало быть готовымъ немедленно отправиться съ нимъ въ Веймаръ. Милостивое прощанье, которымъ удостоила меня юная чета, и дружелюбное расположеніе всей ея свиты, дѣлали для меня это путешествіе черезвычайно пріятнымъ, кромѣ того, что и способы, казалось, улажены были какъ нельзя лучше.

«При всемъ томъ, даже эта простая, безкорыстная сдѣлка долженствовала затрудниться случайностями, возмутиться страстями и почти совсѣмъ разстроиться. Простившись съ знакомыми, объявивъ всѣмъ, когда я ѣду, поспѣшно уложивъ вещи и съ ними рукописные труды свои, я ждалъ того часа, который долженъ былъ принесть съ собою моего пріятеля въ новой каретѣ, и унесть меня въ новый край, къ новымъ связямъ. Минулъ часъ, минулъ и день, и чтобъ не повторять прощальной церемоніи или не быть измучену посѣщеніями, я послѣ этого не сказывался дома, принужденъ былъ не выходить даже изъ своей комнаты, и такимъ образомъ увидѣлъ себя въ довольно странномъ положеніи.

«Уединеніе и затворничество имѣло, однако жъ, свои выгоды: чтобъ провести время, я трудился надъ Эгмонтомъ и почти его докончилъ. Я прочелъ его батюшкѣ, которому эта пісса особенно нравилась, и онъ ничего такъ не желалъ, какъ видѣть ее конченною и въ печати, надѣясь,

что черезъ этотъ трудъ извѣстность сына его еще болѣе распространится. Впрочемъ, ему и надо было утѣшать меня, потому что онъ пускался въ самые подозрительные толки на счетъ долгаго неприбытія кареты. Часто все это считалъ онъ за выдумку, не вѣрилъ ни въ какое ландо, и въ сѣдокѣ видѣлъ одну мечту воображенія. Со мной онъ говорилъ только обиняками, но за то какъ мучился самъ и мучилъ матушку! Ему казалось, что это просто дворская шутка, сыгранная со мной за мою невѣжливость, чтобъ огорчить и пристыдить меня, взманивъ почестью, и потомъ насмѣшливо оставивъ дома. Я все еще не перемѣнялъ своихъ прежнихъ мыслей, радовался моему затворничеству, гдѣ не мѣшали мнѣ ни друзья, ни гости, ни общественныя приличія, и усердно писалъ себѣ Эгмонта, хотя и не безъ душевнаго волненія. Это расположеніе духа, быть-можетъ, улучшило піесу, которая, вмѣщая въ себѣ такъ много страстей, не могла быть хорошо написана при совершенномъ безстрастіи.

«Такъ прошло восемь дней, и сколько еще, не знаю, но мое тѣсное заключеніе стало надоѣдать мнѣ. Привыкнувъ въ теченіе многихъ лѣтъ жить на открытомъ воздухѣ, въ сообществѣ друзей, съ которыми я былъ въ самыхъ безкорыстныхъ и дѣятельныхъ отношеніяхъ; вблизи милой, съ которою я хоть и задумалъ разстаться, однако жъ непреодолимо желалъ быть вмѣстѣ пока могъ, — привыкнувъ ко всему этому, я началъ теперь скучать до такой степени, что увлекательность моей трагедіи могла отъ того пострадать какъ нельзя больше: творческая сила поэзіи совершенно подавлялась во мнѣ нетерпѣніемъ. Уже нѣсколько вечеровъ не могъ я усидѣть дома. Завернувшись въ широкій плащъ, я бродилъ по городу, слонялся передъ домами друзей и, знакомыхъ, и разумѣется, не упустилъ случая подойти къ окну своей Лилли. Она жила въ угольномъ домѣ, внизу; зеленыя шторы были опущены, однако жъ я могъ ясно разглядѣть, что свѣчи стоятъ на обычномъ мѣстѣ. Слышу, она поетъ съ клависиномъ — Ach, wie ziehst du mich unwiderstehlich (Ты влечешь меня неодолимо), — пѣсня, которая еще безъ малаго за годъ написана и поднесена ей мною. Мнѣ казалось, что она поетъ вырази-

тельнѣе обыкновеннаго; я ловилъ каждое слово, приложивъ ухо такъ плотно, какъ только позволяла рѣшетка. Когда она спѣла до конца, я увидѣлъ по тѣни, падавшей на шторы, что она встала и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; но тщетно старался я поймать очеркъ милаго лица сквозь толстую штору. Только твердое мое намѣренье не показываться ей на глаза, не возмущать ея моимъ присутствіемъ, отречься отъ нея невозвратно, одно это намѣренье и мысль о томъ, какъ изумило бы ее мое нечаянное появленіе, могли заставить меня удалиться отъ такого очаровательнаго сосѣдства.

«Прошло еще нѣсколько дней, и батюшкино предположеніе становилось часъ отъ часу правдоподобнѣе, потому что изъ Карльсруэ не было ни слуху, ни духу о ландо. Поэтическіе труды мои остановились; батюшка увидѣлъ всю тягость моего безпокойнаго положенія, и предложилъ мнѣ слѣдующее: дѣлу пособить нечѣмъ, вещи мои всѣ уложены, онъ даетъ мнѣ денегъ и кредитъ для путешествія въ Италію, но съ тѣмъ, чтобъ я рѣшился ѣхать немедленно. Сомнѣваясь и колеблясь въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, я наконецъ согласился, если въ назначенный часъ не будетъ ни кареты, ни извѣстія, отправиться сперва въ Гейдельбергъ, и оттуда ужъ не Швейцаріей, а черезъ Тирольскія Альпы, въ Италію.

«Чудныя дѣла совершаются, когда опрометчивую юность, сбивающуюся на каждомъ шагу съ прямой дороги, подстрекаетъ еще упорное заблужденіе старости. Но съ юностью бываетъ то же, что съ жизнію вообще: всѣ мы обыкновенно узнаемъ тактику по окончаніи похода. Въ кругу житейскихъ дѣлъ, такой случай легко могъ бы объясниться; но мы какъ нарочно стакиваемся съ заблужденіемъ противъ прямой истины, точно такъ, какъ тасуемъ карты передъ сдачею, чтобъ случайность и тутъ не лишилась вліянія: вотъ основаніе той стихіи, въ которой демонъ такъ усердно дѣйствуетъ, и обходится съ нами тѣмъ хуже, чѣмъ сильнѣе мы предчувствуемъ его близость.»

Назначенный день насталъ, но ландо все не бывало, и Гёте, простившись потихоньку съ другомъ сво-

имъ пассавантомъ, отправился въ Гейледьбергъ по пути въ Италію. Онъ поѣхалъ на Гейдельбергъ по двумъ причинамъ: онъ все еще надѣялся услышать что-нибудь объ ландо, и желалъ повидаться съ дѣвицею Дельфъ, съ которою могъ говорить о страсти своей къ Лилли. Въ Гейдельбергѣ познакомился онъ съ однимъ семействомъ, въ которомъ была между-прочимъ премиленькая дѣвушка, именемъ Фридерика, очень похожая на одну изъ прежнихъ его милыхъ.

«Еще съ неугасшей страстью въ сердцѣ, возбудилъ я здѣсь участіе безъ всякаго умысла, даже не говоря о томъ ни слова, и сдѣлался домашнимъ, необходимымъ въ этомъ кругу человѣкомъ, совершенно забывая, что, послѣ немногихъ вечеровъ, проведенныхъ вмѣстѣ, мнѣ надо будетъ продолжать свое путешествіе.»

Пріятельница его, мамзель Дельфъ, была, кажется, одною изъ тѣхъ добрыхъ душъ, которыя до смерти любятъ сватать. Видя необходимость разрыва связи его съ Лилли, она всѣми силами старалась замѣнить ее новою, и довела Гёте до того, что онъ слушалъ безъ прекословія, какъ она располагалась женить его на молодой дѣвушкѣ, о которой мы сейчасъ упоминали, и даже съ тѣмъ, чтобъ ему основаться въ Гейдельбергѣ, если, по возвратѣ изъ Италіи, онъ увидитъ, что возрастающая склонность его суженой созрѣла въ положительную любовь. Тутъ разсказъ его опять оживляется.

«Правда, я не отвергалъ этихъ предложеній; но безразсчетный образъ моей жизни не могъ всегда согласоваться съ систематическими предначертаніями усердной пріятельницы: я насладился мгновеннымъ блаженствомъ; образъ Лилли былъ всегда передо мною, во снѣ и на яву; онъ сливался со всѣмъ, что мнѣ нравилось или развлекало мои думы. Но теперь я вообразилъ себѣ всю важность предпринятаго мною путешествія, и рѣшился ускользнуть самымъ скромнымъ, учтивымъ образомъ, и черезъ нѣсколько дней выѣхать отсюда непремѣнно.

«До поздней ночи объясняла мнѣ мамзель Дельфъ подробности своихъ плановъ и того, что хотятъ сдѣлать для меня добрые люди. Такое расположеніе конечно заслуживало съ моей стороны одной почтительной признательности, хотя тутъ и проглядывали виды на чаемый успѣхъ мой при Дворѣ. Мы разошлись не ранѣе перваго часа, и едва успѣлъ я заснуть крѣпкимъ сномъ, какъ разбудилъ меня рогъ почтальона, остановившагося у воротъ. Вскорѣ явилась мамзель Дельфъ со свѣчею и письмомъ въ рукѣ. «Вотъ оно!» «говорила она: прочтите и скажите мнѣ, объ чемъ это. Вѣрно ужъ отъ Веймарцевъ. Если это приглашеніе, не принимайте его; помните, что я вамъ говорила.» Я просилъ ее дать мнѣ свѣчу и полчаса уединенія. Она вышла нехотя. Я призадумался, не распечатывая письма. Почта изъ Франкфурта; рука и печать мнѣ знакомы; стало-быть пріятель мой тамъ: недовѣрчивость и неизвѣстность заставили насъ слишкомъ поторопиться. Зачѣмъ бы не дождаться человѣка, который непремѣнно долженъ былъ пріѣхать, но котораго могли задержать тысячи вещей? Тутъ только завѣса упала съ глазъ моихъ. Всѣ прежнія ласки, благосклонность, довѣренность живо предстали моему воображенію: я устыдился страннаго моего побѣга. Наконецъ, распечатываю письмо, и вижу, что все случилось самымъ естественнымъ образомъ. Товарищъ мой ждалъ новой кареты, какъ я его, — со дня на день, съ часу на часъ; потомъ, отправившись по дѣламъ въ Мангеймъ, заѣхалъ во Франкфуртъ, и къ ужасу своему не засталъ меня. Онъ тотчасъ послалъ нарочнаго съ письмомъ ко мнѣ, чтобъ, по полученіи этого объясненія, я немедленно воротился и не подвергъ его непріятности явиться въ Веймаръ безъ моей особы. Къ этому склоняли меня и разсудокъ, и душевное расположеніе, однако новое мое предпріятіе также имѣло сильные доводы въ свою пользу. Батюшка назначилъ мнѣ славную дорогу и подарилъ маленькую библіотеку, съ помощью которой я могъ заранѣе приготовляться и быть собственнымъ своимъ путеводителемъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя пришлось бы мнѣ посѣтить. Въ свободные часы, у меня доселѣ не было другаго занятія, а въ послѣднее кратковременное мое путешествіе я только объ этомъ и думалъ. Тѣ величественные

предметы, съ которыми еще въ дѣтствѣ знакомился я черезъ разсказы и описанія, собрались теперь передъ умственнымъ моимъ взоромъ, и мнѣ казалось вѣрхомъ благополучія приближаться къ нимъ часъ отъ часу болѣе, по мѣрѣ удаленія моего отъ Лилли.

«Между-тѣмъ, я одѣлся и расхаживалъ по комнатѣ. Входитъ моя нетерпѣливая хозяйка. «Чего мнѣ надѣяться?» говоритъ она. «Лучшій другъ мой! отвѣчалъ я ей, не настаивайте долѣе: я рѣшился воротиться; я самъ взвѣсилъ побудительныя причины; повторять ихъ вовсе безполезно. Должно наконецъ рѣшиться, и кому жъ предпринять этотъ шагъ, если не тому, на кого окончательно падетъ отвѣтственность?» Я былъ растроганъ, она также; жаркая сцена произошла между нами, и я кончилъ ее приказаніемъ, чтобъ слуга велѣлъ подавать лошадей. Тщетно я просилъ свою хозяйку успокоиться и принять вчерашнее шуточное прощанье мое со всѣмъ обществомъ за настоящее; тщетно уговаривалъ размыслить, что дѣло идетъ о посѣщеніи, о кратковременной гостьбѣ; что мнѣ нельзя отказаться отъ путешествія въ Италію, точно такъ, какъ и отъ возвращенія въ Мангеймъ. Она ничего не хотѣла слушать, и только усугубляла причины моего разстройства. Карета была подана, все уложено, почталіонъ обычнымъ знакомъ изъявлялъ свое нетерпѣніе. Я порывался уйти, но она все меня удерживала, осыпая довольно мѣткими доводами изъ настоящаго, такъ что наконецъ съ жаромъ и страстію проговорилъ я словами Эгмонта: — Дитя! дитя! перестань. Какъ бы гонимые невидимыми духами, кони солнца мчатъ легкую колесницу судьбы человѣческой, и намъ больше нечего дѣлать, какъ, вооружившись мужествомъ, туго держать бразды и поворачивать то въ ту, то въ другую сторону, здѣсь мимо камня, тамъ мимо пня. Кто знаетъ, куда идетъ? Право, едва ли кто помнитъ и откуда.»

Этими словами оканчивается послѣдняя глава автобіографіи.

Е. К.

Foreign Quarterly Review.

МА-КА-ТАЙ-МИ-ШИ-КЯ-КЯКЪ.

=

Мы уже говорили въ этомъ изданіи о всѣхъ возможныхъ Словесностяхъ, — старыхъ, юныхъ, древнихъ, новыхъ, Западныхъ, Восточныхъ, всего чаще о дикой Словесности людей образованныхъ; но мы еще не говорили о образованной Словесности дикарей. О великій Азаисъ! ты правъ, ты стократъ правъ: на свѣтѣ все одно другимъ вознаграждается,—тогда какъ Г. Жаненъ писалъ своего «Барнава,» Американскій дикарь сочинилъ умную и благопристойную книгу. И вы, добродушные любители чтенія! ежели хотите читать, въ 1834 году отъ Р. Х., что-нибудь истинно романическое, истинно занимательное и оригинальное, читайте сочиненіе людоѣда Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кяка*. Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ самый оригинальный авторъ нашего времени.

Все, что относится къ первобытнымъ племенамъ, обитающимъ въ лѣсахъ и на полянахъ Сѣверной Америки, — ихъ жизнь, наполненная приключеніями звѣролова, — ихъ вѣрованіе въ Великаго Духа, правителя вселенной, — ихъ поэтическое краснорѣчіе, — ихъ иносказательная логика, — отчаянное мужество,— кровавыя понятія, — любовь къ независимости и страданія, претерпѣваемыя отъ образованности, которая ихъ преслѣдуетъ,—все это поистинѣ болѣе похоже на

* Life of Ma-ka-taï-me-she-kia-kiak, or. Black Hawk, etc. Жизнь Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кяка, или Чернаго Сокола, изображающая вмѣстѣ преданія его племени, войны Американскихъ Индѣйцевъ, ихъ нравы, обычаи, и проч., съ присовокупленіемъ свѣдѣнія о причинахъ и исторіи послѣдней войны между ними и Соединенными Штатами Сѣверной Америки, — описанная имъ самимъ и посвященная генералу Аткинсону. Бостонъ, 1834.

романъ, чѣмъ на житейскую дѣйствительность. Мы съ любопытствомъ и участіемъ встрѣчаемъ ихъ въ Повѣсти и Путешествіи, въ Трагедіи и Исторіи. Нельзя не сожалѣть объ ихъ судьбѣ: человѣколюбивые граждане Сѣверной Америки поклялись извести ихъ водкой и картечью, и если дикари иногда на своихъ воинскихъ пирахъ пьютъ ромъ изъ череповъ республиканцевъ, за то и просвѣщенные «сыны свободы,» въ сношеніяхъ своихъ съ ними, обнаруживаютъ такія чувствованія, въ которыхъ бы ни одинъ паша Янины не признался для чести Турецкаго народа. Г-нъ М***, нѣкогда членъ Палаты представителей въ Вашингтонѣ, бывшій въ 18** году посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Англіи, безъ обиняковъ показывалъ Лондонскимъ друзьямъ своимъ два бритвенные ремня, сдѣланные изъ кожи одного знаменитаго предводителя Индѣйцевъ, помогавшаго Англичанамъ въ послѣдней войнѣ противъ Американцевъ, и погибшаго на полѣ брани, и увѣрялъ, что ни на какой въ свѣтѣ кожѣ бритвы не правятся такъ славно, какъ на Индѣйской!!! Тѣснимые оружіемъ и политикою Соединенныхъ Штатовъ, которые все болѣе и болѣе распространяютъ границы свои за Аллеганскими горами, эти несчастныя поколѣнія оставляютъ имъ родныя области, устланныя своими трупами, если республиканская жадность не выманила у нихъ отечества за нѣсколько бочекъ рому и скудное денежное вознагражденіе, и бѣгутъ далѣе, къ западному берегу похищеннаго у нихъ материка, смѣшивать свои слезы съ брызгами волнъ океана. Мы не можемъ не привести одного, весьма недавняго случая, который превосходно знаменуетъ оригинальный умъ Американскихъ Индѣйцевъ, и нынѣшнее ихъ положеніе. Дѣло шло о небольшой землицѣ, которую Вашингтонское правительство желало очистить отъ Индѣйцевъ и присоединить къ штату Иллинойсъ. По обыкновенію, спер-

ва сдѣлали имъ предложеніе уступить ее за деньги. Устрашенный предводитель поколѣнія прибѣжалъ въ Вашингтонъ, чтобъ лично объясниться съ «отцемъ Большимъ Ножемъ,» — такъ называютъ они президента Соединенныхъ Штатовъ. Онъ былъ принятъ съ честью генераломъ Джаксономъ, который, послѣ обычныхъ привѣтствій, спросилъ, намѣрены ли они заключить сдѣлку. — Конечно, намѣрены, отвѣчалъ предводитель: но мы должны прежде, отецъ Большой Ножъ, хорошенько потолковать съ тобою. — Слушаю! — Нѣтъ, не слушай, а садись, вотъ на этой кочкѣ.

Дикарь схватилъ табуретъ, поставилъ его въ срединѣ залы, и настоятельно просилъ президента садиться. Генералъ Джаксонъ, нѣсколько изумленный предложеніемъ, повиновался ему изъ любопытства.

— Пусти же теперь меня, отецъ Большой Ножъ, присѣсть на краю, рядкомъ съ тобою. — Садись, мой другъ! — Подвинься, отецъ Большой Ножъ: я сяду получше. — Изволь! — Подвинься еще.....

Президентъ подавался всторону при каждомъ требованіи своего гостя, который наконецъ занялъ почти все мѣсто, и когда хозяинъ съ трудомъ уже держался на самомъ краю табурета, Индѣецъ вдругъ подавилъ его такъ сильно, что отецъ Большой Ножъ свалился на землю. — Что это значитъ? вскрикнулъ президентъ, быстро привставая на ноги. — Не сердись, отецъ Большой Ножъ! Въ дружескомъ объясненіи сердиться не прилично. Я тебѣ толкую свое дѣло. Вы пришли сюда, и сѣли на краю нашей земли. Потомъ вы намъ сказали: подвиньтесь! Мы подвинулись. Подвиньтесь еще! Подвинулись. Ну подвиньтесь, подвиньтесь..... Да куда жъ подвигаться? Вы уже стѣснили насъ такъ больно, что наконецъ мы опрокинемся въ море, какъ теперь ты, отецъ Большой Ножъ, съ этой кочки на землю. Какъ же тебѣ не понимать этого?....

Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ, то есть «Черный Соколъ,» былъ просто такой же предводитель одного изъ Американскихъ племенъ. Потерявъ власть и подвластныхъ, онъ пошелъ съ горя въ сочинители, и Словесность получила отъ него прекрасный подарокъ. Кромѣ живописной прелести, книга его особенно любопытна тѣмъ, что знакомитъ насъ съ образомъ мыслей и понятіями дикаря, примѣчательнаго по своимъ необыкновеннымъ способностямъ. Подлинность ея не подлежитъ сомнѣнію: по-крайней-мѣрѣ журналъ North American Review признаетъ ее неподложною. Она крайне занимательна: въ ней описаны, вѣрно и подробно, обстоятельства очень простыя для самаго повѣствователя, но чрезвычайно странныя, нерѣдко ужасныя для образованнаго Европейца; она исполнена остроумныхъ и колкихъ разсужденій о мудрости и политикѣ «бѣлыхъ людей»; на ея страницахъ встрѣчаются иногда такія замѣчанія, которыхъ побѣдителямъ и владыкамъ этихъ чадъ пустыни нельзя читать не краснѣя. Послушайте только, какъ Черный Соколъ разсказываетъ свою повѣсть! Вступленіе дышитъ чувствомъ: мы вполнѣ его выписываемъ:

ПОСВЯЩЕНІЕ

«Г. Бригадному Генералу Аткинсону.

«Непостоянство судьбы и перемѣнчивость военнаго счастія содѣлали тебя моимъ побѣдителемъ. Когда я лишился всѣхъ средствъ; когда дальніе и утомительные переходы изнурили моихъ воиновъ, тогда мы положили оружіе, и я увидѣлъ себя твоимъ плѣнникомъ.

«Исторія моей жизни изложена на слѣдующихъ страницахъ: она тѣсно соединена съ твоею, и, въ нѣкоторомъ отношеніи, составляетъ ея часть: поэтому я тебѣ ее и посвящаю. Я устарѣлъ подъ бременемъ лѣтъ, и едва могу надѣяться прожить еще нѣсколько лунъ. Прежде нежели отправлюсь въ безконечный путь, въ страну отцовъ моихъ,

я хочу изложить причины прежней вражды моей къ бѣлымъ, и оградить себя отъ ложныхъ сужденій. Снисходительность, оказанная мнѣ тобою во время моего плѣна, ручается мнѣ въ томъ, что ты не откажешься засвидѣтельствовать истину излагаемыхъ мною, извѣстныхъ тебѣ, событій.

«Я теперь ничего не значу въ народѣ, который прежде высоко чтилъ меня. Путь къ славѣ терниетъ и мраченъ. Да озаритъ тебя Великій Духъ свѣтомъ своимъ, да не попуститъ онъ тебя испытать того униженія, въ которое привело меня могущество Сѣверо-Американскаго правительства! Вотъ желаніе того, кто былъ нѣкогда, въ родныхъ лѣсахъ своихъ, столь же смѣлъ и отваженъ, какъ ты въ чистомъ полѣ.

Черный Соколъ.

10-го мѣсяца, 1833.

Черный Соколъ родился въ 1767 году въ деревнѣ Сакъ, при рѣкѣ Гокъ. Онъ знатнаго происхожденія: еще прадѣдъ, его прозванный Громомъ, былъ удостоенъ хранить *лекарственный мѣшекъ* своего племени за мудрость и отважность. Описаніе набѣга почтеннаго прадѣда съ двумя его братьями, Щукою и Осетромъ, на ставку Французскаго генерала, и искусство, съ какимъ воспользовался онъ жестокою грозою, чтобъ утвердить за собою почетное званіе хранителя мѣшка съ лекарствами, составляетъ начало повѣствованія Чернаго Сокола, но мы обратимся прямо къ нашему герою:

«Въ этой-то деревнѣ родился я, говоритъ онъ. Я происхожу по прямой линіи отъ перваго нашего предводителя— На-па-ма-ки, или Грома. Я почти не помню, что дѣлалъ до пятнадцати-лѣтняго возраста. Мнѣ не дозволяли ни разрисовывать себѣ кожу, ни украшаться перьями; но уже въ юныхъ лѣтахъ прославился я множествомъ ранъ, нанесенныхъ врагамъ, и былъ поставленъ на ряду съ храбрыми.»

Съ этого времени духъ мужества ни на минуту не засыпалъ въ немъ; битвы съ Озажами слѣдовали одна

за другою; часто вступалъ онъ въ бой съ меньшимъ противъ непріятеля числомъ, и почти всегда выходилъ побѣдителемъ. Этимъ снискалъ онъ себѣ уваженіе, и по смерти отца, получилъ *лекарственный мѣшекъ*, а вмѣстѣ съ нимъ и верховное начальство надъ племенемъ. Черный Соколъ говоритъ, что потерявъ родителя, онъ вычернилъ себѣ лице: сверхъ того онъ постился и молился Великому Духу, занимаясь, какъ простой дикарь, звѣриною и рыбною ловлей.

Скоро потомъ, посѣтивъ крѣпость Сенъ-Луи, онъ услышалъ, что Американцы идутъ занять городъ и всю страну, и «что Испанскій Отецъ» намѣренъ ее оставить. Это подало поводъ къ первому изъ многочисленныхъ его набѣговъ; причиною втораго было появленіе на рѣкѣ Гокъ судна подъ командою генерала Пейка, который хорошо былъ принятъ дикими.

«Мы были весьма довольны рѣчью, произнесенною молодымъ предводителемъ судна. Онъ подалъ намъ добрый совѣтъ; сказалъ, что Американскій Отецъ нашъ будетъ хорошо обращаться съ нами. Онъ подарилъ намъ Американскій флагъ, который и былъ поднятъ. Тогда онъ сталъ требовать, чтобы мы спустили наши Британскіе флаги, и отдали ему наши Британскія медали, обѣщая прислать въ замѣнъ ихъ другія. Мы отвергли это предложеніе, потому что желали имѣть *двухъ отцевъ*!

«Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, юный вождь судна спустился по Миссисипи. Одинъ изъ нашихъ убилъ Американца, и былъ за то посаженъ въ тюрьму Сенъ-Луи. Мы держали совѣтъ о томъ, какъ бы помочь ему, и рѣшили, что Квапъ-ква-ми, Па-ши-па-го, У-ши-ква-ка и Га-ши-квар-ги-ква должны отправиться въ городъ, увидѣть нашего Американскаго Отца, и сдѣлать все возможное, чтобъ освободить нашего товарища, — заплатить за убитаго, сколько за него приходится по числу зубовъ, вырванныхъ имъ у непріятеля, и такимъ образомъ смыть пролитую кровь, удовлетворивъ родственниковъ покойнаго. Этимъ только средствомъ можно

спасти у насъ убійцу: мы тогда еще думали, что у бѣлыхъ то же самое.

«По прибытіи въ Сенъ-Луи, послы наши явились къ Американскому Отцу, объяснили дѣло, и потребовали освобожденія товарища. Американскій предводитель отвѣчалъ имъ, что ему нужна земля, и они согласились уступить извѣстное пространство на западной сторонѣ Миссисипи, и еще клочекъ на Иллиноисской сторонѣ. Когда все было слажено, они ожидали, что товарищу ихъ будетъ дозволено ѣхать съ ними. Въ самомъ дѣлѣ его выпустили изъ заключенія; но едва пробѣжалъ онъ небольшое пространство, какъ былъ *застрѣленъ на повалъ*! Болѣе они ничего не припомнятъ о томъ, что было говорено и сдѣлано. Они были пьяны почти во все время пребыванія своего въ Сенъ-Луи*.

«Я и самъ ничего больше не знаю о договорѣ 1804 года: впослѣдствіи мнѣ его объяснили. Я вижу, что по этому договору, вся наша страна на востокъ отъ Миссисипи и на югъ отъ Джефрена была уступлена Соединеннымъ Штатамъ за *тысячу долларовъ*!»

Черный Соколъ разсуждаетъ по-своему о законности подобныхъ сдѣлокъ.

«Разсудокъ говоритъ мнѣ, что земли нельзя *продавать*. Великій Духъ далъ ее дѣтямъ своимъ для того, чтобъ они жили на ней и воздѣлывали ее, сколько нужно для ихъ существованія. Доколѣ они ее населяютъ и обработываютъ, до тѣхъ поръ продолжается ихъ на нее право, но если они добровольно оставятъ ее, другіе имѣютъ право на ней поселиться. Однѣ только вещи могутъ быть продаваемы.

Мы пропускаемъ борьбу съ Американскимъ отрядомъ, который расположился неподалеку отъ селеній Des Moines и выстроилъ тамъ крѣпость, названную Фортъ-Мадисонъ, и побѣгъ его отъ воиновъ Чернаго

* Это значитъ, что почтенные республиканцы поили пословъ ромомъ, чтобъ удобнѣе заключить съ пьяными извѣстный договоръ свой 1804 года; а между-тѣмъ Индѣецъ, для спасенія котораго дикари сдѣлали всѣ уступки, былъ разстрѣлянъ на законномъ основаніи. Прекрасно!

*

Сокола. Эта крѣпость сдѣлалась предметомъ несогласій и нападеній. Черный Соколъ разсказываетъ здѣсь происшествіе и дѣлаетъ замѣчанія, которыхъ мы не хотимъ перейти молчаніемъ.

«На слѣдующій день я взялъ ружье, перестрѣлилъ веревку, на которой былъ поднятъ ихъ флагъ, и не допустилъ вновь поднять его. Мы продолжали стрѣлять, покуда всѣ потроны не истощились. Видя, что не можемъ взять крѣпости, мы возвратились домой. Во время осады у насъ убили одного *виннебаго* и одного ранили. Въ послѣдствіи я узналъ, что купецъ, жившій въ крѣпости, ранилъ виннебаго, когда тотъ *скальпировалъ* перваго убитаго имъ человѣка! Виннебаго оправился отъ раны; онъ живъ и теперь, и весьма дружески расположенъ къ купцу, котораго считаетъ большимъ храбрецомъ.

«Скоро по возвращеніи нашемъ восвояси, дошли до насъ слухи, что между Американцами и Англичанами загорается война: безпрестанно прибѣгали вѣстники отъ разныхъ племенъ, подтверждая слухъ о раздорѣ. Британскій агентъ, полковникъ Диксонъ, убѣждалъ и дарилъ нашихъ. Я не зналъ, что дѣлать: пристать ли мнѣ къ Британцамъ или вовсе не вмѣшиваться въ дѣло? Въ Американцахъ, приходившихъ къ намъ, я не замѣчалъ ни одного похвальнаго качества. Они дѣлаютъ богатыя обѣщанія, но *никогда ихъ не исполняютъ*. Напротивъ Англичане обѣщаютъ мало, но мы всегда могли полагаться на ихъ слово.

И это психологическое наблюденіе дикаря надъ нравственностью республиканцевъ побуждаетъ насъ присоединить къ нему изъ другой части книги примѣчательный анекдотъ о добросовѣстности Индѣйцевъ и собственныя его мысли, свидѣтельствующія о здравомъ смыслѣ достопримѣчательнаго старца:

«Одинъ изъ нашихъ убилъ Француза на Собачьемъ Лугу: Англичане взяли его въ плѣнъ, и объявили, что на другой же день будутъ въ него стрѣлять, по закону своей вѣры. Семейство его кочевало недалеко отъ устья Уйсконсина.

Онъ просилъ позволенія сходить повидаться со своими ночью, такъ какъ ему уже слѣдовало умереть на другой день. Ему дозволили, съ тѣмъ, чтобъ онъ непремѣнно возвратился на слѣдующее утро съ восходомъ солнца. Онъ навѣстилъ семейство, состоявшее изъ жены и шестерыхъ дѣтей. Я не умѣю описать ихъ свиданія и разлуки такъ, чтобы бѣлые меня поняли! Кажется, они думаютъ и дѣйствуютъ по правиламъ, которыя преподаютъ имъ ихъ вѣщуны, пишущіе книги да журналы, между-тѣмъ, какъ нами управляетъ внутреннее, природное чувство. Онъ простился съ женою и дѣтьми, быстро пробѣжалъ Собачій Лугъ, и вовремя достигъ крѣпости. Солдаты были уже готовы: они немедленно выступили и *разстрѣляли его*! Я посѣтилъ семейство благороднаго соотечественника, который далеко не такъ какъ бѣлые умѣлъ держать свое слово, и питалъ его охотою и рыболовствомъ, доколѣ не соединилось оно съ своими родными.

«Сужденія наши о правомъ и неправомъ необходимо зависятъ отъ понятій, которыя мы имѣемъ о добрѣ и злѣ: въ этомъ случаѣ мы во многомъ несогласны съ бѣлыми. Они, — такъ по-крайней-мѣрѣ довелось мнѣ слышать, — толкуютъ: будь хоть вѣкъ негодяемъ, лишь бы передъ концомъ потужить хорошенько, такъ все будетъ ладно! А по нашему, такъ всю жизнь дѣлай то, что совѣсть указываетъ. Случится ли у тебя въ избыткѣ хлѣбъ и мясо, а сосѣдъ голодаетъ, — подѣлись съ нимъ. Есть ли лишняя одежда, — отдай тому, кто въ ней нуждается. Да я лучше разскажу вамъ обо всемъ нашемъ житьѣ-бытьѣ.

И разсказавъ объ немъ, Черный Соколъ излагаетъ, какимъ образомъ племя его вовлечено было *обманомъ* въ войну за независимость Американскихъ Штатовъ. Описываемыя имъ событія чрезвычайно занимательны. Повѣсть о старикѣ, котораго герой нашъ находитъ, по возвращеніи своемъ въ селеніе, въ уединенномъ мѣстѣ, возносящимъ мольбы къ Великому Духу, и въ этихъ мольбахъ ищущаго утѣшенія о потерѣ сына, молодаго воина, усыновленнаго Чернымъ Соко-

ломъ, и умерщвленнаго бѣлыми, — исполнена живѣйшаго чувства; но въ ней еще нѣтъ той оригинальности, которою отличается сужденіе его о образѣ войны Англичанъ и Американцевъ.

Прибывъ въ селеніе, къ нашимъ, я былъ встрѣченъ предводителемъ и храбрѣйшими воинами, которые проводили меня въ шалашъ, нарочно приготовленный для этого случая. Послѣ обѣда я сталъ разсказывать имъ обо всемъ, что видѣлъ и дѣлалъ; между-прочимъ и о правилахъ, по которымъ Англичане и Американцы воюютъ между собою. Вмѣсто того, чтобъ грабить и всячески стараться побить какъ-можно больше враговъ, и какъ-можно менѣе потерять своихъ товарищей, — въ чемъ у насъ полагается все искусство военачальника, — они, напротивъ, выступаютъ въ поле среди бѣла дня, лѣзутъ другъ на друга безъ всякихъ уловокъ, и бьются, не заботясь о числѣ погибающихъ товарищей. Подравшись хорошенько, они начинаютъ пить и веселиться, какъ-будто ни въ чемъ не бывало; потомъ дѣлаютъ *письменное описаніе* своихъ подвиговъ, въ которомъ обѣ стороны присвоиваютъ себѣ побѣду, и ни одна не сознается и въ половинѣ убитыхъ у ней воиновъ. Они бьются храбро, но не умѣютъ вести войну по нашему! Наше правило бить врага и защищать своихъ, — а они, хотѣли бы грести, да править-то челномъ нѣтъ охоты! Американцы стрѣляютъ мѣтче Англичанъ; за то они хуже ихъ одѣты, и ѣдятъ не такъ хорошо. »

Въ это время, нѣкто Ки-о-Кукъ началъ пріобрѣтать сильную власть въ племени Чернаго Сокола. Могущество соперника причинило ему много непріятностей. Случай, скоро затѣмъ послѣдовавшій, чрезвычайно занимателенъ:

«Тотчасъ собралъ я тридцать храбрыхъ воиновъ, говоритъ Черный Соколъ, и объяснилъ имъ, что намѣренъ отмстить смерть усыновленнаго мною юноши, котораго злодѣйски и поносно умертвили бѣлые. Я сказалъ имъ, что далъ въ этомъ клятву духу отца его. Всѣ согласились итти

со мною, всѣ хотѣли исполнить данное мною слово. Мы сѣли на челноки, и спустились вдоль по Миссисипи до мѣста, гдѣ стояла крѣпость Мадисонъ. Она была оставлена и выжжена бѣлыми: однѣ трубы только уцѣлѣли. Мы радовались, что враги покинули нашу родину, и продолжали плыть внизъ по теченію. Близъ Зеленаго Мыса, вышелъ я на берегъ съ однимъ товарищемъ: остальные отправились къ устью Квивера. Мы направились наискось къ тропѣ, ведущей отъ устья Квивера къ одному укрѣпленію, и скоро услышали выстрѣлы со стороны небольшаго залива. Мы притаились въ сторонѣ, близъ дороги, и черезъ нѣсколько минутъ увидѣли двухъ всадниковъ, во всю прыть скачущихъ на одной лошади, по направленію откуда слышалась перестрѣлка. Подпустивъ ихъ довольно близко, мы разомъ по нимъ выстрѣлили: лошадь кинулась въ сторону, и оба всадника свалились на-земь. Мы бросились къ нимъ: одинъ всталъ и пустился бѣжать. Я за нимъ. Я уже догонялъ его, какъ онъ, забѣжавъ за кучу недавно вырубленныхъ кольевъ, схватилъ одинъ изъ нихъ и ударилъ меня. Тутъ увидѣлъ я его въ лицо, и узналъ въ немъ человѣка, учившаго жителей деревни Квашъ-ква-ми пахать землю. Онъ слылъ у насъ добрымъ человѣкомъ, и я, не желая лишить его жизни, пересталъ его преслѣдовать. Возвратясь къ товарищу, я увидѣлъ въ рукахъ его содранную съ головы убитаго имъ врага кожу. Мы пошли далѣе; но едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ увидѣли человѣка, котораго считали уже убитымъ, шедшаго къ намъ на встрѣчу. Онъ шатался какъ пьяный, и былъ весь покрытъ кровью. Никогда не видывалъ я зрѣлища ужаснѣе этого! Убей его, сказалъ я моему товарищу, и прекрати тѣмъ его муку.... Смотрѣть на него былъ я не въ силахъ. Проходя мимо его, услышалъ я въ кустарникѣ шелестъ, взглянулъ, и увидѣлъ двухъ малютокъ, старавшихся спрятаться. Дѣти мои живо мнѣ представились, и я миновалъ кусты, какъ-бы не замѣчая бѣдняжекъ. Тутъ подоспѣлъ ко мнѣ товарищъ, и мы скоро встрѣтили прочихъ нашихъ удальцовъ. Я говорилъ, что за нами будетъ погоня, и велѣлъ всѣмъ имъ слѣдовать за мною. Мы переѣхали черезъ заливъ, и засѣли за срубленныя деревья. Но недолго оставались мы одни: толпа вооруженныхъ

всадниковъ ударила на насъ съ удивительною стремительностію. Я хорошо прицѣлился, и на мѣстѣ положилъ начальника отряда. Наши сдѣлали залпъ, но безъуспѣшно. Между-тѣмъ, прежде нежели мы успѣли снова зарядить ружья, непріятель окружилъ насъ и принудилъ бѣжать въ находившееся неподалеку болото, въ концѣ котораго былъ кустарникъ. Зарядивъ ружья, ожидали мы нападенія. Враги устремились къ болоту, и выпаливъ въ насъ, убили одного воина. Мы отвѣчали тѣмъ же, — и одинъ изъ нихъ, мертвый упалъ съ лошади. Въ третій разъ зарядили мы ружья, и поставивъ часовыхъ, для наблюденія за непріятелемъ, начали выкапывать въ берегу ямы, чтобъ укрыться отъ выстрѣловъ. Каждую минуту должно было ожидать нападенія. Нѣкоторые изъ насъ начали пѣть *пѣснь смерти*. Мнѣ было слышно, какъ бѣлые разговаривали между собою, и я закричалъ имъ, чтобъ они къ намъ подвинулись да подрались бы съ нами. Мнѣ надоѣло дожидаться; я хотѣлъ скорѣй рѣшить дѣло. Въ толпѣ ихъ послышались удары топора и молота. Я не могъ понять, что бы это значило. Скоро выкатили они противъ насъ баттарею на колесахъ, и дали залпъ, не задѣвъ ни одного изъ насъ. Я вторично закричалъ имъ, что, если они *храбрецы*, такъ чтобъ шли на насъ нравдою и головою. Вмѣсто того, они, съ наступившею темнотою, ушли въ свое укрѣпленіе. Ихъ было восемьдесятъ въ *этой западнѣ*. Всѣ мы, исключая одного, были живы и цѣлы. Тѣло убитаго непріятеля оставалось на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ. Бѣлые не взяли его, боясь нашихъ выстрѣловъ. Оскальпировавъ его, мы положили на него нашего мертваго товарища: могъ ли онъ покоиться лучше, какъ лежа на трупѣ врага?»

Черный Соколъ говоритъ объ изгнаніи своего племени изъ его селенія. Разсказъ этотъ наполняетъ сердце невыразимою грустью. Послѣднее средство, употребленное дикими для отвращенія грозившаго имъ несчастія, трогательно своею простотою:

«Совѣтъ разошелся, и непріятельскій военачальникъ удалился въ укрѣпленіе. Я снова вопросилъ вѣщуна: онъ от-

вѣчалъ, что Великій Духъ повелѣлъ ему во снѣ, чтобы дочь Ми-та-та-са, стараго предводителя племени, взявъ въ руки колъ, пошла къ воначальнику крѣпости, и сказала, что она дочь Ма-та-та-са, который всегда былъ «другомъ бѣлыхъ»; что онъ съ ними за одно сражался, и получалъ раны въ рядахъ ихъ; что онъ никогда не говорилъ объ нихъ худо, и что она ни разу отъ него не слыхала, чтобы селеніе было продано ихъ предводителемъ. Она должна была прибавить, что хотя бѣлые сильны числомъ и могутъ, если захотятъ, отнять у нихъ селеніе, но что они конечно того не сдѣлаютъ. Но если ужъ этому должно случиться, такъ она проситъ дозволить племени остаться только, покуда жатва съ полей будетъ убрана; что она бѣдная женщина и много трудилась, чтобъ достать пропитаніе своимъ дѣтямъ, но что если племя будетъ изгнано, не успѣвъ убрать хлѣба, то не только они, но можетъ-быть и дѣти всѣхъ другихъ матерей должны будутъ погибнуть съ голоду!

«Съ этимъ именно дочь Ма-та-та-сы была отправлена въ укрѣпленіе, въ сопровожденіи многихъ изъ нашихъ молодыхъ людей. Они были допущены къ начальнику; но когда дочь Ма-та-та-сы пересказала приказаніе вѣщуна, онъ отвѣчалъ, что президентъ послалъ его не за тѣмъ, чтобъ договариваться или совѣтоваться съ бабами, а чтобы соблюдать пользы «свободы»; что молодые мужчины должны убираться вонъ, а она можетъ, если хочетъ, остаться въ селеніи. Соблюдать пользы свободы! Мы долго толковали объ этомъ между собою, и никакъ не могли понять — что прибыли свободѣ отнимать у насъ собственное наше селеніе, когда мы не хотимъ его оставить?»

Плачъ Чернаго Сокола о бѣдствіяхъ его народа исполненъ поэтическаго чувства:

«Если бъ какой-нибудь вѣщунъ явился въ тѣ дни посреди насъ, и вздумалъ предсказывать то, что со-временемъ съ нами случится, кто бы ему повѣрилъ? Кто бы ему повѣрилъ, что мы будемъ изгнаны изъ жилищъ и лѣсовъ нашихъ, и не будемъ даже смѣть посѣщать кладбищъ нашихъ отцовъ!

«Бѣлые не поймутъ всей горести этого лишенія: у насъ есть обычай посѣщать гробницы умершихъ друзей, и охранять ихъ отъ разрушенія сколько возможно долѣе. Мать уходитъ одна плакать надъ прахомъ своего дѣтища; храбрый съ радостію посѣщаетъ могилу отца, возвратясь съ счастливо окончанной войны, и наводитъ красками его памятникъ; въ часы горести и печали лучшее убѣжище — кладбище милыхъ сердцу. Тамъ Великій Духъ слышитъ мольбы наши!»

«Но теперь мы лишены и этого утѣшенія. Были дни, когда мы чувствовали себя счастливыми, какъ буйволы среди степей: теперь мы похожи на голодныхъ волчицъ, воющихъ въ пустынѣ!... Но я отступилъ отъ моего повѣствованія. Грустныя мысли стѣснили духъ мой, и сердце должно было излить печаль свою.»

Сочиненіе, изъ котораго мы заимствовали эти простыя и прелестныя строки, содержитъ въ себѣ еще много любопытнаго. Свиданіе Чернаго Сокола съ отцомъ Большимъ Ножемъ, въ Вашингтонѣ, посѣщеніе разныхъ другихъ городовъ Союза, сужденія его о видѣнныхъ имъ предметахъ и т. д., весьма оригинальны и умны. Гдѣ бы вы ни повстрѣчались съ Чернымъ Соколомъ, въ большомъ ли селеніи бѣлыхъ, гдѣ дѣлаютъ они *деньги* и *медали*, — такъ называетъ онъ Филадельфію, — въ родныхъ ли лѣсахъ его, онъ вездѣ является человѣкомъ необыкновеннымъ; вездѣ и всегда онъ мыслитъ такъ же хорошо, какъ и дѣйствуетъ; наблюдаетъ поступки бѣлыхъ, такъ же остроумно, какъ храбро сражается съ ними за родину, и великодушною покорностью волѣ Промысла поселяетъ къ себѣ уваженіе и соучастіе читателя.

ГАЙДЕРЪ-САИБЪ.

=

ОСТЪ-ИНДСКАЯ БЫЛЬ *.

=

— Милая, дорогая Мирза, ты не знаешь, какимъ страданіямъ обреченъ воинъ во время войны! Ты едва вышла изъ дѣтства: твое прекрасное, нѣжное тѣло не будетъ въ силахъ непрерывно бороться съ усталостію и страхомъ, съ голодомъ, стужею и зноемъ, съ дождевыми ливнями, съ раскаленными пустынями и съ горными бурями.

— Гайдеръ, вотъ первая просьба въ которой, ты мнѣ отказываешь: какъ часто превозносилъ ты похвалами мое терпѣніе, и говорилъ, что я способна къ возвышеннымъ чувствамъ, которыя вливаютъ въ насъ сверхестественную силу.

— Твое обо мнѣ безпокойство только увеличитъ мои страданія. Твоя чувствительная душа не въ силахъ сносить трудовъ военной жизни. Меня ужасаетъ мысль, что твои невинные взоры будутъ оскверняться зрѣлищемъ жестокостей, кровопролитій, игры необузданныхъ страстей. Нѣтъ, *валлахъ*! *билляхъ*! недостойные взгляды грубыхъ воиновъ никогда не увидятъ этого прелестнаго образа!...

— Невинность умѣетъ вездѣ сохранить свою чистоту, любезный Гайдеръ. Порокъ отвратителенъ, не-

* Удивительный случай, разсказанный въ этой Повѣсти, есть историческій фактъ: онъ засвидѣтельствованъ подлиннымъ «Описаніемъ похода Сиръ Эйръ Кута». Для большей ясности дѣла, мы еще можемъ здѣсь присовокупить, что *саибъ*, или *сахибъ*, принимается въ Остъ-Индіи въ смыслѣ «господинъ», а *гайдеръ*, Арабское слово, значитъ «левъ». Гайдеръ-Саибъ — то же, что *Левъ-Господинъ*. Б. для Ч.

причастный ему духъ не понимаетъ даже грубыхъ его оскорбленій.

– Но опасности, дорогая Мирза! Опасности будутъ угрожать тебѣ. Ты легко можешь отстать отъ моей свиты и быть захвачена непріятелемъ. Нѣтъ, нѣтъ, милый другъ мой! останься лучше въ Мадрасѣ, и пережди тамъ время опасности. Среди тревогъ и безпорядковъ воинской жизни, союзники наши, Христіане, могутъ легко нарушить права здѣшнихъ жителей; но въ Мадрасѣ, подъ защитою ихъ правительства, ты будешь охраняема и чтима, какъ въ мирное время.

– Ахъ, другъ мой, зачѣмъ вступилъ ты въ союзъ съ Христіанами! Съ этими врагами и разорителями нашей отчизны!

– Не терзай меня упреками, Мирза. Я сдѣлалъ ужасный выборъ, но не стеналъ ли каждый истинный сынъ отечества подъ игомъ свирѣпаго магоматанскаго Падишаха! Мирза, Мирза, не стѣсняется ли сердце твое при воспоминаніи о безчеловѣчномъ поступкѣ со мною Гайдеръ-Алія? Вспомни ту ужасную ночь, когда неистовыя толпы его воиновъ нахлынули на наши земли. Вспомни, какъ жилище наше было предано пламени; какъ отецъ мой, облитый кровью, палъ подъ ихъ ударами; какъ мать, моя несчастная мать, тщетно боролась съ злодѣями; какъ ты сама, лишенная чувствъ, была исхищена мною изъ кровожадной толпы; какъ изнуренные усталостью, покрытые ранами, лишенные всего, – самой даже надежды, – принуждены мы были скитаться безъ пріюта?..... Не бойся, Мирза; не склоняй твоей прелестной головы, не проливай слезъ. Не жажда мщенія заставила меня соединиться съ Христіанами: они такіе же враги нашей родины, какъ и Гайдеръ-Али. Нѣтъ; но я читаю въ будущемъ: они просвѣтятъ здѣшній край; введутъ въ него Науки и Художества, учредятъ кроткое правленіе. Безъ нихъ, невѣжество и тиранство магометанъ

никогда бы не прекратились. Осуши свои слезы, милая Мирза, и приникни къ моей груди. Бѣдствія наши миновались: теперь наступаютъ дни блаженства. Да! дни постояннаго, несмущаемаго блаженства.

Разговоръ этотъ происходилъ въ 1778 году между Гайдеръ-Санбомъ и его молодой женою, въ Индѣйской мызѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадраса, среди роскошнаго, лѣсистаго мѣстоположенія, на берегахъ свѣтлаго и широкаго Паль-Авера. Мертвая тишина ночи, теплота воздуха, густая зелень огромныхъ деревъ, и ясный блескъ луны, отражаемый поверхностію рѣки, составляли разительную противоположность съ встревоженными чувствами Мирзы.

Послѣ долгихъ войнъ съ Мараттами, Гайдеръ-Али, вторгся-было со стотысячною арміею, отчасти образованною Французскими офицерами, въ Карнатикъ, съ намѣреніемъ изгнать оттуда Англичанъ. Огонь и мечъ провели широкую полосу разоренія черезъ мѣста, по которымъ прошелъ этотъ искусный, но свирѣпый полководецъ. Сами Англичане не могли ему противиться. Сиръ Эйръ-Кутъ, главнокомандовавшій Британскимъ войскомъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ соединить свои силы съ корпусомъ генерала Белл: онъ зналъ, что если не успѣетъ въ этомъ, отрядъ послѣдняго подвергнется неминуемой гибели. Въ столь затруднительномъ положеніи, Сиръ Эйръ прибѣгнулъ къ помощи Гайдеръ-Санба, какъ надежнѣйшаго союзника, и разговоръ, приведенный въ началѣ разсказа, происходилъ наканунѣ отбытія его къ Англійскому войску, изъ уединеннаго и живописнаго убѣжища, гдѣ въ истинномъ блаженствѣ провелъ онъ первые четыре мѣсяца своего супружества.

Гайдеръ-Санбъ былъ одинъ изъ тѣхъ необычайныхъ людей, которые въ ту эпоху нерѣдко появлялись въ гористыхъ странахъ сѣверной Индіи. Съ исполинскимъ ростомъ и атлетическими членами соеди-

нялъ онъ величественную осанку, свойственную жителямъ Востока; и при всемъ томъ, пріятное и благородное лице его не имѣло ничего суроваго. Въ нравахъ уроженцевъ этихъ жаркихъ странъ обыкновенно встрѣчаются двѣ крайности, – или безчувственное хладнокровіе, или неукротимая свирѣпость страстей. Но есть исключенія, въ которыхъ природный разсудокъ дѣйствуетъ спокойно, ясно и быстро. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Французами и Англичанами, Гайдеръ-Саибъ прилежно изучалъ языки того и другаго народа, и успѣлъ даже пріобрѣсти основательныя свѣдѣнія въ разныхъ наукахъ. Онъ происходилъ изъ одного магометанскаго поколѣнія, и владѣлъ небольшимъ округомъ, – наслѣдственнымъ достояніемъ его рода. Замысливъ ввести въ свое отечество нѣкоторыя улучшенія, перенятыя имъ у Европейцевъ, Гайдеръ-Саибъ навлекъ на себя негодованіе Гайдеръ-Алія, который опасался нововведеній, противныхъ, по его мнѣнію, мудрымъ обычаямъ предковъ. Гайдеръ-Али прибѣгнулъ и въ этомъ случаѣ къ обыкновенному своему средству, - истребленію противника. Окруживъ ночью владѣніе Гайдеръ-Саиба, онъ предалъ разоренію и смерти всѣхъ жителей области, и потопилъ въ ихъ крови его семейство. Самъ Гайдеръ-Саибъ, защищаясь съ отчаяннымъ мужествомъ, спасся почти чудомъ, и унесъ на рукахъ четырнадцати-лѣтнюю Мирзу.

Мирза была дочь одной туземной княжны и Французскаго генерала, проживавшаго въ Серингапатамѣ при Дворѣ Гайдеръ-Алія, въ званіи тайнаго агента Французскаго правительства, для возбужденія зависти и вражды къ Англичанамъ. Мать ея вдругъ исчезла помощію средствъ, очень хорошо извѣстныхъ кровавому честолюбію Гайдеръ-Алія; отецъ, во время одного набѣга, попалъ измѣною въ руки Мараттамъ, кото-

рые тотчасъ лишили его жизни. Наказаніе этихъ злодѣевъ было первымъ воинскимъ подвигомъ юнаго Гайдеръ - Санба: предводитель разбойничей шайки палъ отъ его руки, и всѣ плѣнники были отбиты. Между ними была и Мирза. Гайдеръ-Санбъ, зная изъ участи ея родителей, что въ Серингапатамѣ ожидаетъ ее вѣрная гибель, далъ ей убѣжище въ своемъ домѣ, гдѣ мать избавителя приняла ее какъ родную дочь.

Съ лѣтами развернулись въ Мирзѣ необыкновенныя прелести. Лице ея было очерчено тою круглою роскошью, которая такъ красиво созрѣваетъ подъ обильными лучами южнаго солнца. Въ большихъ, черныхъ глазахъ, осѣненныхъ густыми рѣсницами, превосходно отражался ея характеръ, — ясный, понятливый, невинный; она была весела, чувствительна и довѣрчива. Мирза соединяла съ удивительною нѣжностію чувствованій рѣдкую твердость духа; но испытанныя уже бѣдствія облекли все ея существо томною грустью. Гайдеръ-Санбъ старался ознакомить ее съ Европейскою образованностію, и умъ ея столько же украсился чтеніемъ, сколько сердце было украшено добродѣтелью. Одною изъ причинъ, побудившихъ Гайдеръ-Алія напасть на округъ Гайдеръ-Санба, было желаніе овладѣть Мирзою: слухъ объ ея красотѣ и достоинствахъ уже доходилъ до сладострастнаго тирана. Но Гайдеръ-Санбъ успѣлъ скрыть ее отъ преслѣдованій Падишаха, и, достигнувъ Англійскихъ владѣній, предложилъ ей замѣнить имя брата нѣжнѣйшимъ именемъ супруга. Около трехъ сотъ всадниковъ, храбростію спасшихся отъ истребленія, составляли всю его силу. Съ этою горсткою удалыхъ горцевъ Гайдеръ-Санбъ присоединился къ Англійской арміи, и совершилъ изумительные подвиги. Искусство, съ которымъ владѣлъ онъ оружіемъ, удивляло Англійскихъ воиновъ. Притомъ, онъ отлично зналъ все мѣстоположеніе, очень мало извѣстное тогда Ев-

ропейцамъ. Теченіе всякаго потока, малѣйшая горная или лѣсная тропинка такъ же хорошо были ему знакомы, какъ и внутреннія средства каждаго округа, какъ и характеръ, склонности и расположеніе племенъ и правителей. Съ непостижимою догадливостію попадалъ онъ на запасные магазины непріятеля, сокрытые, по обычаю страны, въ пещерахъ, подземельяхъ, густотѣ лѣсовъ и неприступныхъ горахъ. Неразъ его познанія и ловкость, съ какою узнавалъ онъ замыслы хитраго врага, спасали Англійское войско. Съ тремя сотнями своихъ сподвижниковъ пускался онъ на отважнѣйшія предпріятія, соединяя въ высочайшей степени предчувствіе и молодечество дикаря съ тонкими соображеніями просвѣщеннаго человѣка.

Упросивъ Англійскаго полководца, чтобы Мирза оставалась въ продолженіе военныхъ дѣйствій въ обществѣ его супруги и дочери, Гайдеръ-Санбъ вторично присоединился къ арміи. Это случилось скоро послѣ того разговора между нимъ и Мирзою.

Война, всегда влекущая за собою всякаго рода бѣдствія, на этотъ разъ была еще сопряжена съ неслыханными опасностями и страданіями. Чрезвычайная засуха истребила весь вьючный скотъ, и войско подверглось истощенію, голоду. За засухою послѣдовали проливные дожди и ураганы, которые срывали цѣлые станы, ломали и разстраивали обозы. Войско принуждено было бросить багажъ и, несмотря на палящій зной, итти усиленными маршами. Наконецъ оно расположилось биваками; но тутъ пронзительные горные вѣтры нагнали такую стужу, что солдаты гибли толпами. Въ жалкой хижинѣ, построенной изъ жердей, связанныхъ вверху вѣтвями, передъ тлѣющими углями, сидѣлъ Гайдеръ-Санбъ, только-что возвратившійся съ кровопролитной битвы; въ объятіяхъ его, склонясь къ нему на грудь болящею главою, лежала Мирза.

— Какъ жестоко упрекаю я себя, милый мой, нѣжный другъ, говорилъ онъ, что согласился, чтобъ ты сопутствовала мнѣ въ этомъ бѣдственномъ походѣ. Мирза, Мирза! красота твоя поблекла, силы исчезли; угасъ блескъ твоихъ очей, уста твои засохли; въ мягкихъ твоихъ ручкахъ я чувствую жаръ недуга. Взгляни, взгляни на меня, другъ мой!

— Не трудности войны, Гайдеръ, гнетутъ меня, сказала Мирза: нѣтъ, ничто бы не крушило меня, если бъ не твоя суровость....

— Моя суровость, Мирза? Что ты говоришь? Я, который о тебѣ только и думаю, тобой только и живу?... Мирза, если смерть похититъ тебя, — я за тобою послѣдую!

— Гайдеръ! произнесла она голосомъ твердымъ, хотя взволнованнымъ отъ сильнаго чувства, и томный взоръ ея оживился. Гайдеръ! скажи, что сталось бы съ твоей Мирзою, оставленною безъ помощи и защиты среди этихъ чужеземцевъ? что было бы съ нею, безъ единственнаго ея друга; безъ того, съ кѣмъ дѣлитъ она мысли и жизнь свою? Скажи, къ чему такое существованіе? О, Гайдеръ! присовокупила она, схвативъ его руку: я слышала сегодня, что говорилъ Англійскій полководецъ о твоей безразсудной храбрости, о твоихъ отчаянныхъ нападеніяхъ и дерзкихъ схваткахъ съ непріятелемъ. Если ты не щадишь себя, то пожалѣй хотя твоихъ сподвижниковъ: изъ двухъ сотъ, выступившихъ сегодня съ тобою, возвратились только восемь человѣкъ!

— Мирза, ты ошибаешься въ своихъ опасеніяхъ. Въ битвахъ, я удерживаю свою храбрость. Къ чему она мнѣ? Я служу въ рядахъ бѣлокожихъ иностранцевъ, гдѣ предубѣжденіе противъ моей касты лишаетъ меня единственной награды достойной мужества, — славы! Никогда не вступаю я въ бой, если меня не одушевляетъ надежда отмстить моимъ злодѣ-

ямъ. И сегодняшнее нападеніе было направлено противъ тѣлохранителей Алія. Я увидѣлъ разбойника; я вспомнилъ смерть кровныхъ, вспомнилъ погибель моихъ приверженцевъ и разореніе родительскаго достоянія. Твой образъ носился предо мною среди этого воспоминанія, мщеніе закипѣло во мнѣ, и я врѣзался въ средину враговъ. Еще мигъ – и, клянусь Аллахомъ, мой мечъ пронзилъ бы сердце изверга, я растопталъ бы презрѣнный трупъ его. Но мой конь палъ подъ градомъ ударовъ, и натискъ конницы разлучилъ насъ. Бѣдные мои товарищи! Но по-крайней мѣрѣ они дорого продали жизнь свою, – и кто бы не позавидывалъ такой смерти...

Разсказъ Гайдеръ-Санба былъ внезапно прерванъ появленіемъ адъютанта Сиръ Эйра, присланнаго объявить ему, что военный совѣтъ собрался, и что главнокомандующій желаетъ немедленно съ нимъ увидѣться. Гайдеръ нѣжно простился съ Мирзою, увѣривъ ее въ скоромъ возвращеніи.

– Гайдеръ-Санбъ! сказалъ Сиръ Эйръ-Кутъ, когда тотъ вошелъ въ его ставку. Не разъ уже извѣдывалъ я ваше мужество; но сегодня принужденъ подвергнуть его самому строгому испытанію. Если генералъ Бели сегодня же не получитъ отъ насъ извѣстій, то армія неминуемо погибла, и власть наша въ Индіи пропала. Вамъ понятно наше положеніе. Вотъ письмо, которое откроетъ вамъ путь къ довѣренности генерала. Прочее должно быть сообщено изустно.

Около четверти часа провели еще Сиръ Эйръ-Кутъ и Гайдеръ-Санбъ въ разсматриваніи плановъ, ландкартъ и перехваченныхъ бумагъ, писанныхъ по Персидски. Потомъ, они долго еще разсуждали тихимъ голосомъ.

По нѣкоторомъ молчаніи, Гайдеръ-Санбъ, всплеснувъ руками, началъ съ большимъ чувствомъ говорить про себя о какомъ-то предметѣ. Мрачныя черты

его обнаруживали по временамъ сильное внутреннее волненіе. Имя Мирзы слышалось нѣсколько разъ; но болѣе ничего не льзя было разобрать: вѣтеръ ревѣлъ и дождь лилъ съ такою силою, что совершенно заглушалъ шопотъ Гайдеръ-Санба. Наконецъ, онъ быстро всталъ съ мѣста, и прохаживаясь по палаткѣ съ Англійскимъ полководцемъ, по-видимому опять началъ говорить о томъ же важномъ предметѣ. Тутъ Сиръ-Эйръ произнесъ тихимъ, но торжественнымъ голосомъ: – Я сей часъ же пошлю за Мирзою. Санбъ! я читаю въ вашихъ мысляхъ: она будетъ неразлучна съ моей женою до вашего возвращенія. Если жъ вы погибнете, то щедрая пенсія будетъ назначена ей правительствомъ. Въ этомъ ручаюсь я честью Британскаго офицера. Такъ, мой храбрый Гайдеръ-Санбъ, – скорѣе въ путь! Въ эту минуту, вы больше вашего начальника. Носилки, съ прислужницами моей жены и охранною стражею, будутъ тотчасъ отправлены за Мирзою. Дай Богъ, храбрый витязь, чтобъ вы скорѣе къ ней вернулись, счастливо окончивъ дѣло, отъ котораго зависитъ участь цѣлой арміи.

– Сиръ Эйръ! сказалъ Гайдеръ-Санбъ, быстро вскакивая на коня: если такъ, моя Мирза въ безопасности. Не дѣлайте ни какихъ распоряженій въ надеждѣ на успѣхъ моего предпріятія. Это почти невозможно..... Вы ручаетесь за безопасность Мирзы честнымъ словомъ Христіанина?

– Скорѣе измѣню отечеству, чѣмъ нарушу данное слово. Спѣшите, спѣшите! Если до разсвѣта не успѣете проскакать добрыхъ десяти миль, – мы погибли! Я буду драться только въ улицахъ Мадраса.

Гайдеръ-Санбъ былъ одаренъ отъ Природы геройскимъ духомъ. Въ битвахъ, когда представлялся случай доказать свою смѣлость и отвагу, его мужество было непобѣдимо. Онъ удалилъ отъ себя мысль о Мирзѣ, – мысль, которая могла бы ослабить духъ его, и

устремилъ всѣ силы къ успѣшному совершенію подвига. Уже проскакалъ онъ опасныя десять миль, и сталъ объѣзжать вокругъ одного огромнаго утеса, какъ вдругъ увидѣлъ себя посреди непріятельскаго разъѣзда. Въ одно мгновеніе, сабельнымъ ударомъ повергъ онъ начальника отряда и также быстро и удачно отразилъ нападеніе четырехъ остальныхъ воиновъ. Но выстрѣлъ, сдѣланный навшимъ врагомъ, поднялъ расположенныя въ окружности войска.

Спереди, сзади и слѣва засверкали копья и ружья, и отвсюду послышался топотъ скачущихъ всадниковъ. Одна правая сторона оставалась свободною: она примыкала къ потоку, столь быстрому, что, говорятъ, никогда ни человѣкъ, ни звѣрь не дерзали переплывать его. «Сдайся!» кричали ему враги, но вмѣсто отвѣта, онъ вонзилъ шпоры въ бока своего коня и, среди града пуль, низвергся съ крутаго берега. Переведя духъ на краю самаго потока, онъ смѣло пустился въ глубину. Конь не старался плыть; быстрота теченія увлекала его съ непреодолимою силою. Наконецъ, пользуясь встрѣтившимся водоворотомъ, Гайдеръ-Санбу удалось подплыть къ выдавшемуся утесу, и взобраться на него съ конемъ. Закинувъ ружье за плеча, онъ взлѣзъ по обрывистому берегу; бѣдный конь не могъ за нимъ слѣдовать, остался на узкомъ утесѣ, и долженъ былъ погибнуть. Сквозь узкія разщелины и глубокія трещины въ утесистомъ берегу, съ трудомъ пробрался онъ, ползя на рукахъ и колѣняхъ. Онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ еще разъ на своего вѣрнаго спутника, и собравъ сколько могъ травы по обрывамъ, бросилъ ему... Тогда взобрался онъ на вершину берега: но тутъ, вмѣсто открытаго поля, увидѣлъ - станъ непріятельскій! Эта нечаянная встрѣча была для него тѣмъ ужаснѣе, что служила доказательствомъ истребленія войска генерала Бели: иначе могъ ли бы непріятель стоять спокойно по эту

сторону рѣки? Двое часовыхъ шевелились у великолѣпной ставки, подлѣ которой была привязана богато убранная лошадь. Благодаря темнотѣ, Гайдеръ-Санбъ успѣлъ спрятаться за дерево, стоявшее въ концѣ дистанціи, по которой расхаживали стражи, и выждавъ то мгновеніе, когда они поворотили въ противную сторону, бросился на нихъ. Проколовъ одного саблею, онъ сжалъ другому горло съ такою силою, что тотъ не могъ произнести ни малѣйшаго звука — и въ ту жъ минуту поразилъ его кинжаломъ; потомъ устремился на лошадь, перескочилъ черезъ заставу, и скрылся, не будучи никѣмъ преслѣдуемъ. Черезъ нѣсколько часовъ узналъ онъ, что войско генерала Бели дѣйствительно претерпѣло наканунѣ того дня совершенное пораженіе, и что слабый остатокъ его воиновъ, на честныхъ условіяхъ положившій оружіе, былъ хладнокровно избитъ, среди радостныхъ кликовъ и злобныхъ насмѣшекъ побѣдителей. Спасеніе главной Англійской арміи зависѣло отъ сообщенія этого извѣстія Сиръ Эйръ-Куту. Гайдеръ-Санбъ, давъ себѣ не болѣе одного часа отдыха, рѣшился вновь подвергнуться всѣмъ тѣмъ опасностямъ, которыхъ только-что онъ избѣгнулъ.

Съ невѣроятнымъ мужествомъ и постоянствомъ перенесъ онъ зной, голодъ, жажду и усталость опаснаго пути, превозмогъ всѣ препятствія, укрылся отъ всѣхъ преслѣдованій, и проложилъ себѣ путь сквозь тысячи враговъ. Восторжествовавъ надъ безчисленными опасностями, онъ благополучно продолжалъ путь къ Британскому лагерю. Онъ пробылъ цѣлый день въ пути безъ малѣйшей пищи и питья, и былъ застигнутъ мракомъ ночи. Объятый воздухомъ душнымъ, недвижимымъ и наполненнымъ клейкою влагою, которая въ этихъ знойныхъ странахъ подавляетъ всю бодрость тѣла и духа; ослабленный страхомъ, усталостію и голодомъ, доведенный почти до изсту-

пленія ужасною жаждою, вдругъ, при свѣтѣ мѣсяца, увидѣлъ онъ потокъ, протекавшій не подалеку отъ его пути. Онъ подъѣхалъ къ берегу. Конь, томимый также жаждою, хотѣлъ пить, но едва коснулся бѣгущихъ струй, какъ захрапѣлъ и задрожалъ отъ ужаса. Гайдеръ-Санбъ склонился къ потоку, и примѣтилъ, что воды его закрашены кровью! Ужасное открытіе доказывало, что въ этихъ мѣстахъ, не задолго передъ тѣмъ, произошла упорная битва. Догадка подтверждалась на каждомъ шагу попадавшимися трупами, изорванными палатками, разбитыми и изломанными пороховыми ящиками и множествомъ другихъ обломковъ кровопролитнаго боя. Здѣсь толпа поверженныхъ сипаевъ свидѣтельствовала, что на этомъ холмѣ началось сраженіе. Тамъ цѣлый полкъ Англійской пѣхоты, лежащій сомкнутымъ строемъ, и груды убитыхъ лошадей и всадниковъ по флангамъ, извѣщали, что тутъ происходила самая жаркая схватка, и что побѣжденные погибли до одного, не отступивъ ни на шагъ.

Лошадь Гайдеръ-Санба дрожала отъ страха, съ отвращеніемъ ступая по бездушнымъ тѣламъ: вдругъ, она громко захрапѣла, откинула голову назадъ, и уставила неподвижно глаза. Ни удары шпоръ, ни понужденія голосомъ не могли заставить ее двинуться съ мѣста. Она стояла какъ вкопанная.

Въ нѣсколькихъ шагахъ, влѣво отъ дороги, изъ за купы тѣлъ поднялась человѣческая фигура. Бѣлое одѣянье призрака освѣщалось лучами мѣсяца: онъ простиралъ руки, какъ-бы умоляя о чемъ-то. Гайдеръ-Санбу представилось, что это какой нибудь раненый воинъ, который, послышавъ конскій топотъ, употребилъ послѣднее усиліе, чтобъ привлечь на себя сострадательное вниманіе. Но вдругъ фигура, съ признаками отчаянія обратилась въ противную сторону, и Санбъ увидѣлъ предъ собою огромнаго тигра!

Отягченный кровавою пищею пожранныхъ труповъ, звѣрь медленно къ нему приближался. Витязь схватилъ ружье, прицѣлился, и въ одинъ мигъ страшный посѣтитель, съ пробитымъ близь самыхъ глазъ черепомъ распростерся на прахѣ, не испустивъ даже стона.

Фигура въ бѣлой одеждѣ опять приняла умоляющее положеніе. Гайдеръ соскочилъ съ коня, который все еще стоялъ недвижимо, и подбѣжалъ къ ней. Представьте его ужасъ, когда, приблизясь, онъ различилъ, что это была молодая женщина, у которой картечнымъ выстрѣломъ оторвало нижнюю челюсть!.... Еще мгновеніе, — и онъ съ пронзительнымъ воплемъ заключилъ въ своихъ объятіяхъ — Мирзу.

Несчастная хотѣла говорить, но, вмѣсто словъ, кровь хлынула изъ раны, ея усиліе осталось тщетнымъ. Она обхватила мужа руками, и, прижимая его къ сердцу, среди жесточайшихъ, послѣднихъ страданій, взорами выражала еще огненную любовь. И вдругъ вырвавшись изъ его объятій, съ горестнымъ видомъ, стала указывать на что-то близь нея лежащее, но темнота воспрепятствовала Гайдеру разсмотрѣть предметъ. Онъ опять обнялъ ее, называлъ нѣжнѣйшими именами, покрывалъ поцѣлуями и, среди убійственной печали, старался сколько-нибудь облегчить ея мученія. Но бѣдная страдалица, продолжая указывать въ ту же сторону, тихо сомкнула глаза: голова ея склонилась на плечо злополучнаго супруга, — и онъ, вмѣстѣ съ ея бездыханнымъ тѣломъ, повергся на землю!.....

Лѣвое крыло Англійской арміи было атаковано превосходною силою Гайдеръ-Алія. Сиръ Эйръ-Кутъ, несмотря на жестокій уронъ, нанесенный имъ врагу, принужденъ былъ отступить, для занятія крѣпчайшей позиціи. Въ смятеніи ночнаго отступленія бѣдная Мирза была оставлена безъ всякой защиты, безъ всякихъ средствъ къ бѣгству: послѣдній выстрѣлъ непріятель-

скаго орудія сразилъ ее! Боль, изнеможеніе, страхъ о Гайдеръ-Санбѣ, страданіе, причиненное раною, привели ее къ преждевременному разрѣшенію отъ бремени. Она обернула младенца своего шалью, которая служила перевязкою ея ранѣ, и въ послѣднюю минуту жизни, съ материнскою нѣжностію поручала его попеченіямъ отца.

Подъ знойнымъ небомъ Индіи тлѣніе мертвыхъ тѣлъ происходитъ чрезвычайно быстро. Скоро послѣ побѣды, одержанной Гайдеръ-Аліемъ, самъ онъ претерпѣлъ низложеніе; Англійская армія опять двинулась впередъ, и заняла прежнюю позицію. Спръ Эйръ Кутъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ адъютантовъ, объѣзжалъ поле, гдѣ не задолго передъ тѣмъ, войска его были разбиты. Приближясь къ тому самому мѣсту, гдѣ стояла его палатка, онъ вдругъ пораженъ былъ необычайнымъ зрѣлищемъ: предъ нимъ лежали, обнявъ другъ друга два человѣческіе остава. Одежда одного изъ нихъ обнаруживала, что это была женщина; замѣчательная величина другаго показывала въ погибшемъ человѣка необыкновеннаго роста. Въ умѣ полководца внезапно блеснулъ лучъ истины. Онъ сталъ ближе разсматривать оставы, и на шеѣ большаго изъ нихъ открылъ миніатюрный портретъ Мирзы, висѣвшій вмѣстѣ съ талисманомъ на золотой цѣпи: въ складкахъ рубашки было письмо къ генералу Бели, — то самое, которое онъ вручилъ при разстаніи Гайдеръ-Санбу. Кости младенца досказали ему печальную повѣсть!

ВЛ. МИХАЙЛОВЪ.

New Monthly Magazine.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ИЗЫСКАНІЕ

О СТАРИННЫХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ

У РУССКИХЪ.

Le bon vieux temps!

Обычаи измѣняются: мы живемъ не такъ, какъ наши дѣды, а они жили не такъ, какъ ихъ прародители. Нынѣ лучшее сословіе наше сравнялось съ образованнымъ Европейскимъ обществомъ; старина осталась между простымъ народомъ, и то не вездѣ, а только въ отдаленныхъ отъ столицъ мѣстахъ; въ ближайшихъ областяхъ и въ самыхъ столицахъ, хотя еще и существуетъ, но уже съ сильною примѣсью новѣйшаго. Домашній бытъ нашихъ прародителей для насъ, можно сказать, совсѣмъ неизвѣстенъ, и поэтому картины его не могутъ не приносить намъ удовольствія. Взглянемъ на наши свадебные обряды, одну изъ важнѣйшихъ частей въ обычаяхъ всякаго народа, потому что въ ней отражаются его понятія о гражданскомъ назначеніи женщины: это обыкновенно символическое представленіе положенія ея въ обществѣ.

Къ сожалѣнію, наши лѣтописи и другіе акты скупы на описанія современной домашней жизни: ихъ должно искать и ловить въ разбросанныхъ бумагахъ; оттого свѣдѣнія, относящіяся не только до глубо-

кой древности, но даже до XV вѣка, чрезвычайно скудны.

О свадебныхъ обрядахъ Русскихъ Славянъ язычниковъ мы ничего не знаемъ.

Съ водвореніемъ гражданственности и нѣкотораго просвѣщенія, менѣе дикіе обычаи заняли мѣсто другихъ болѣе дикихъ. Но въ чемъ состояли и тогда свадебные обряды, тоже неизвѣстно. Только изъ исторіи Рогнѣды, въ X вѣкѣ, видимъ, что новобрачная обязана была въ первый день брака *разувать* своего мужа, и что подъ этимъ словомъ разумѣлся самый бракъ. Когда отецъ Полоцкой княжны спросилъ ее: хочетъ ли она за Володиміра, князя Новогородскаго, она отвѣчала: «Не хочу *разути* рабичича», то есть, сына рабыни: извѣстно, что Володиміръ былъ прижитъ Святославомъ отъ рабы.

Древній этотъ обычай существуетъ еще и нынѣ кое-гдѣ между простымъ народомъ. Женихъ, въ день свадьбы, кладетъ себѣ въ правый сапогъ деньги, а въ лѣвый плетку; послѣ вѣнца, вошедъ въ подклѣтъ, то есть, брачную комнату, мужъ садится на постелю, а жена, въ знакъ своей покорности, должна разуть его: снявъ лѣвый сапогъ, она получаетъ нѣсколько легкихъ ударовъ плеткою, а находящіяся въ правомъ сапогѣ деньги достаются ей. Въ иныхъ мѣстахъ однако жъ плети не бываетъ, а только деньги; и когда жена сниметъ сапогъ, мужъ бьетъ ее слегка голенищемъ по спинѣ, и приказываетъ взять выпавшія изъ сапога деньги.

Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ и Англичанинъ Ченслоръ, бывшій въ Россіи въ половинѣ XVI вѣка, присовокупляя, что «если женѣ удастся снять тотъ сапогъ, въ которомъ деньги, то не только деньги достаются ей, но она навсегда освобождается отъ обя-

занности разувать своего мужа: въ противномъ случаѣ, она лишается денегъ, и принуждена всю жизнь разувать своего мужа.» Въ этомъ послѣднемъ случаѣ добрый Англичанинъ, кажется, что-нибудь не такъ понялъ.

Тотъ же Ченслоръ и Флечеръ, бывшій въ Россіи въ 1588 году, говорятъ, что женихъ присылалъ къ невѣстѣ ларчикъ съ иголками, булавками, ножницами, шелкомъ и новенькою плеткою, давая тѣмъ знать ей, что ежели она въ чемъ провинится, то будетъ наказываема плетью.

Оба писателя относятъ это къ обычаямъ простаго народа; но Корбъ, пріѣзжавшій въ Россію въ 1698 году, утверждаетъ, будто плеть была не послѣднею вещью на свадьбахъ и высшихъ сословій. «Когда, говоритъ онъ, всѣ брачныя условія кончатся, родитель невѣсты призываетъ, въ присутствіи жениха, свою дочь, закрытую покрываломъ, и спрашиваетъ ее, хочетъ ли она быть женою предстоящаго юноши. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ беретъ въ руки новую плетку, и бьетъ ею дочь по-тихоньку, приговаривая: «эти послѣдніе удары да напоминаютъ тебѣ, любезная дочь, о родительской власти, подъ которою до сихъ поръ ты находилась: власть эта и теперь не прекращается, а только переходитъ въ другія руки; если ты не будешь слушаться своего мужа, то онъ вмѣсто меня будетъ наказывать тебя этою плетью. За симъ отецъ отдаетъ плетку жениху, который однако жъ оговариваетъ, что хотя онъ и полагаетъ, что не будетъ имѣть въ ней нужды, но принимаетъ ее, какъ дорогой подарокъ и будетъ беречь. По обыкновенію, женихъ долженъ былъ полученную отъ нареченнаго тестя плетку заткнуть себѣ за кушакъ.»

Ченслоръ, Флечеръ, ни Олеарій, не говорятъ однако жъ этого, хотя прежде его были въ Россіи.

*

Самое первое, дошедшее до насъ описаніе брачныхъ обрядовъ, относится къ позднимъ уже временамъ, именно, къ началу XVI вѣка: это описаніе свадьбы князя Василія Даниловича Холмскаго съ дочерью великаго князя Ивана Васильевича, 13 Февраля 1500 года; но оно очень коротко. За симъ слѣдуетъ весьма подробное описаніе второй свадьбы того жъ Василія Ивановича съ княжною Еленою Васильевною Глинскою, 28 Января 1526 года: это уже настоящій церемоніалъ; въ немъ говорится не о томъ, что было, а о томъ, чему и какъ должно быть по порядку. Есть еще описанія свадебъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей, царя Казанскаго Симеона, да короля Арцымагнуса *, котораго царь Иванъ Васильевичъ женилъ въ 1573 году на Маріи, дочери Старицкаго князя Володиміра Андреевича. Эта свадьба, бывшая въ Новѣгородѣ, замѣчательна тѣмъ, что женихъ былъ римско-католическаго закона, и вѣнчали ихъ въ Русской церкви, княжну по *христіанскому* закону Русскій попъ, а короля по *его* закону Римскій попъ, и въ описаніи именно сказано, чтобы, пріѣхавъ къ вѣнчанію, княжнѣ итти въ церковь, а королю стать въ паперти.

Церемоніалъ 1526 года весьма любопытенъ потому, что служилъ образцемъ для всѣхъ послѣдующихъ, и что въ составленіи его участвовали боярыни: онѣ приговорили, какъ нести короваи, стлать постель и убирать сѣнникъ.

Нельзя пропустить безъ замѣчанія и слѣдующаго случая, относящагося также къ великому князю, Василію Ивановичу. Извѣстно, какое уваженіе предки наши имѣли къ бородѣ: несмотря на то, онъ выбрилъ

* Такъ въ Россіи называли Магнуса, сына короля Датскаго Христіана III, котораго царь Иванъ Васильевичъ, вызвавъ къ себѣ, провозгласилъ королемъ Ливенскимъ въ 1570 году.

ее на свадьбѣ съ княжною Глинскою. Это разсказываетъ Герберштейнъ: «Когда, говоритъ онъ, мы обѣдали у Государя, онъ спросилъ у меня шуткою, бривалъ ли я себѣ когда бороду. Я отвѣчалъ ему, что случалось. — И со мною это было однажды, сказалъ онъ: на второй моей свадьбѣ.»

Изъ всѣхъ послѣдующихъ царскихъ свадебъ подробнѣе всѣхъ вторая царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою, 5 Февраля 1626, и первая царя Алексѣя Михайловича съ Маріею Ильиничною Милославскою, 26 Февраля 1648 года. Описаніе первой кто-то изъ современниковъ изобразилъ въ лицахъ, и оно было издано въ Москвѣ 1810 года П. П. Бекетовымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что дошедшій до насъ свадебный церемоніалъ 1526 года, былъ составленъ по обрядамъ, давно уже существовавшимъ въ народѣ, о которыхъ намекаютъ намъ и лѣтописи. Такъ подъ 1239 годомъ сказано: «Оженися князь Александръ Ярославичъ (Невскій), поя въ Полотскѣ у Брячислава дщерь, и вѣнчашася въ Торопцѣ: ту *кашу* чинѣ, а въ Новѣгородѣ другую.» Каша составляла необходимую принадлежность свадьбы, какъ увидимъ послѣ.

Сверхъ того, въ извѣстіи о бракосочетаніи дочери в. к. Ивана Васильевича Елены съ Александромъ в. к. Литовскимъ, въ Вильнѣ 1495 года, читаемъ мы, что великой княжнѣ въ церкви расплели косу, чесали голову, убрали ее въ кику, въ покровъ, осыпали хмѣлемъ, держали надъ нею вѣнецъ, и стклянницу съ виномъ растоптали. Бракъ этотъ совершался въ Латинскомъ *кастелѣ* (церкви) *бискупомъ* Польскимъ и попомъ Русскимъ, и хотя Александръ и бискупъ сердились и запрещали попу говорить молитвы и держать надъ княжною вѣнецъ, однако жъ попъ ихъ не послушался. Мыльни на другой день свадьбы не было, и

пріѣхавшіе съ княжною бояре заявили Александру о нарушеніи этого непреложнаго для Русскихъ обряда. Въ подробностяхъ этой свадьбы вообще замѣтны нѣкоторые Польскіе обычаи того вѣка.

По дошедшимъ до насъ описаніямъ свадебъ и по существующимъ еще между простымъ народомъ обычаямъ, можно догадываться о тѣхъ обрядахъ, какіе наблюдались въ древнѣйшія времена: разница быть можетъ та, что въ первыя времена было менѣе пышности, нежели въ послѣдующія, и что только Государи и богатые вельможи, какъ то бываетъ вездѣ и всегда, употребляли на своихъ свадьбахъ болѣе великолѣпія.

Прежніе Государи, какъ извѣстно, принявъ намѣреніе вступить въ бракъ, собирали къ себѣ во дворецъ всѣхъ боярскихъ и дворянскихъ дочерей дѣвицъ, о красотѣ которыхъ носилась молва, и изъ нихъ выбирали себѣ въ жену ту, которая болѣе имъ понравилась. Но этотъ обычай, можно сказать почти съ достовѣрностію, начался только при в. к. Василіи Ивановичѣ; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Карамзинъ, его отецъ, дѣдъ и предки женились обыкновенно на княжнахъ владѣтельныхъ. Отечественныхъ извѣстій о первомъ этомъ сборѣ дѣвицъ, или по тогдашнему, *обираньѣ*, выборѣ, до насъ не дошло; но объ немъ увѣдомляетъ насъ Павелъ Іовій, славный того времени историкъ, узнавшій это отъ Дмитрія Герасимова, который въ 1526 году пріѣзжалъ отъ великаго князя въ Римъ гонцемъ, зналъ Латинскій языкъ, и былъ человѣкъ образованный; также Герберштейнъ. Первый говоритъ: «Великій Князь, вздумавъ жениться, обнародовалъ во всемъ государствѣ, чтобы для него выбрали самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, знатныхъ и незнатныхъ безъ различія. Привезли ихъ въ Москву болѣе 500; изъ нихъ выбрали 300, изъ сихъ 200, по-

слѣ 100, наконецъ только 10, осмотрѣнныхъ повивальными бабками; изъ сихъ послѣднихъ Василій выбралъ себѣ невѣсту, и женился на ней.» Герберштейнъ говоритъ только, что для этого собрано было 1500 дѣвицъ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, принявъ намѣреніе вступить въ первый бракъ, послалъ во все государство знатныхъ сановниковъ видѣть дѣвицъ и представить ему лучшихъ невѣстъ. Вотъ его указъ слово въ слово, – онъ писанъ въ Декабрѣ 1546 года: «Отъ в.к. Ива-«на Васильевича всеа Руси, въ нашу отчину, въ Вели-«кій Новгородъ, въ Бѣжитскую пятину, отъ Новагоро-«да верстъ за 100, и за 150, и за 200, княземъ и дѣтемъ «боярскимъ. Послалъ есми въ свою отчину, въ Великій «Новгородъ окольничего своего Ивана Дмитріевича «Шеина, а велѣлъ есми бояромъ своимъ и намѣстникомъ, «князю Юрью Михайловичу Булгакову, да Василью «Дмитріевичу, да окольничему своему Ивану, смотрѣ-«ти у васъ дочерей дѣвокъ, намъ невѣсты. И какъ къ «вамъ ся наша грамота придетъ, и у которыхъ у васъ «будутъ дочери дѣвки, и вы бъ съ ними часа того ѣха-«ли въ Великій Новгородъ, а дочерей бы есте у себя «дѣвокъ однолично не таили, повезли бы есте въ Ве-«ликій Новгородъ часа того не мотчая. А которой васъ «дочь дѣвку у себя утаитъ, и къ боярамъ нашимъ и «къ намѣстникамъ (слѣдуютъ имена) и къ окольни-«чему нашему Ивану не повезетъ, и тому отъ меня «быть въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посы-«лайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу.» Эта копія отправлена была въ Новгородъ, какъ видно изъ ея содержанія: въ прочія области посланы такіе же указы. Вяземцы и Дорогобужцы указа не послушались, и къ нимъ посланъ былъ вторичный, въ которомъ сказано, что они то чинять *не гораздо*, что царскихъ грамотъ не слушаютъ.

Но царь Иванъ Васильевичъ соблюлъ только ста-

рый обычай: изъ исторіи его видно, что онъ напередъ уже избралъ себѣ въ супруги Анастасію Романовну.

Точно то же сдѣлалъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Принявъ намѣреніе вступить въ бракъ съ Наталіею Кириловною, онъ объявилъ о томъ боярину Матвѣеву, въ домѣ котораго она воспитывалась; но бояринъ просилъ, чтобы Государь поступилъ въ этомъ дѣлѣ по *старому обычаю*, и по крайней мѣрѣ для вида приказалъ собрать ко Двору нѣсколько дѣвицъ, и между ими Наталію. Государь соизволилъ. Штелинъ и Голиковъ слышали это отъ графини Марьи Андреевны Румянцовой, внуки боярина Матвѣева, и словесное ея преданіе о сборѣ дѣвицъ подтверждается недавно найденнымъ мною архивнымъ извѣстіемъ, которое будетъ напечатано.

Царь Иванъ Васильевичъ, вздумавъ въ 1548 году женить брата своего, князя Юрія Васильевича Углицкаго, велѣлъ «бояромъ и князьямъ, дочери дѣвки привезти на свой царскій дворъ, и какъ дѣвки свезли, и царь съ братомъ дѣвокъ смотрѣли, и полюбилъ князь Юрья княже Дмитріеву дочь Ѳедоровича Палецкаго, княжну Ульяну.» Тотъ же царь, въ 1550 году, приговорилъ женить двоюроднаго своего брата, князя Володиміра Андреевича Старицкаго, и велѣлъ «прописать у бояръ и князей дочерей дѣвокъ, и смотрѣлъ ихъ съ братомъ, и князь Володиміръ полюбилъ дѣвку Авдотью Александрову, дочь Михайловича Нагова.»

Дни за два или за три до свадьбы, избранную Государемъ невѣсту вводили во дворецъ, и нарекали ее великою княжною, послѣ царевною.

На свадьбу приглашали родственниковъ, жившихъ какъ въ Москвѣ, такъ и внѣ ея. Великій князь Василій Ивановичъ посылалъ въ Дмитровъ къ брату своему Юрію Ивановичу сказать: «Хотимъ Андрея брата же-

нить, и ты бъ братъ нашъ поѣхалъ ко мнѣ и къ Андрею брату на свадьбу.»

На обрученіе и бракосочетаніе просили, какъ само собою разумѣется, благословенія родителей, если они еще здравствовали, и сверхъ того благословлялися у Митрополитовъ, въ послѣдствіи у Патріарховъ.

Свадьбѣ дѣлался *розрядъ*, то есть, нарядъ чиновниковъ къ разнымъ должностямъ: знатнѣйшія были слѣдующія:

Посаженый отецъ. Въ первѣйшемъ церемоніалѣ онъ названъ – «*тотъ, которому сидѣть за столомъ въ большомъ мѣстѣ,*» а въ послѣдующихъ – «*вмѣсто отца.*» Вотъ въ чемъ состояла его должность. Женихъ, получивъ извѣстіе, что невѣста вышла въ палату столовую, посылалъ туда посаженаго отца въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ. Отецъ, пришедши въ палату, кланялся Св. иконамъ на всѣ четыре стороны, ударялъ челомъ Государынѣ, садился за столъ въ большое мѣсто, изсажалъ пришедшихъ съ нимъ, и посылалъ къ жениху боярина говорить такую рѣчь: «Князь «(или Царь) Великій Государь! N. N. велѣлъ тебѣ го«ворити: вземъ Бога на помощь (или, или прося у «Бога милости), время тебѣ, Государю, итти къ сво«ему дѣлу.» Въ эту должность назначались первѣйшія особы, обыкновенно ближайшіе родственники, братья Государевы, ежели были: на третьей и седьмой свадьбахъ царя Ивана Васильевича занималъ ее сынъ его, царевичъ Ѳеодоръ. Замѣчательно, что во всѣхъ церемоніалахъ упоминается о посаженыхъ отцѣ и матери только съ жениховой стороны; но на первой свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ княжною Маріею Володиміровною Долгоруковою показаны они и съ ея стороны, и, что еще страннѣе, въ отцово мѣсто былъ отецъ его, бояринъ князь Володиміръ Тимоѳеевичъ, а въ материно князь Андреева жена Даниловича Сицкаго, княгиня Ѳедора.

На свадьбахъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей посажеными отцами бывали сами Государи, и тогда посыланный отъ нихъ къ жениху говорилъ такъ: «Князь (или Царь) Великій велѣлъ тебѣ говорити, чтобы еси шелъ на мѣсто.»

Посаженая мать, или «вмѣсто матери.» Въ первѣйшемъ церемоніалѣ объ ней не говорится, но вѣроятно она была, потому что на первой уже свадьбѣ царя Ивана Васильевича, вмѣсто матери сидѣла княгиня Евфросинія, супруга дяди его, Андрея Ивановича, князя Старицкаго, а свадьба эта происходила по точному содержанію первѣйшаго церемоніала. Посаженая мать не отлучалась отъ невѣсты, и за столомъ занимала первое подлѣ нея мѣсто.

Тысяцкій. Какимъ образомъ и когда этотъ высшій военный сановникъ очутился на свадьбахъ, не извѣстно. Изъ церемоніала видно, что онъ не отлучался отъ жениха, и, во все время обрядовъ, водилъ его подъ руку. Въ эту должность назначались также первѣйшія особы, братья и сыновья государскіе или знатнѣйшіе изъ вельможъ.

Жена Тысяцкаго. Объ ней говорится только въ первѣйшемъ церемоніалѣ: она занималась тѣмъ же, чѣмъ на послѣдующихъ свадьбахъ занимались старшія свахи.

Дружки, Греческіе паранимфы, нынѣшніе шаферы. Они назначались съ обѣихъ сторонъ, по два съ каждой, и раздѣлялись на большихъ и меньшихъ или поддатней: въ большіе назначались обыкновенно бояре. Къ нимъ опредѣлялось по нѣскольку человѣкъ на посылки. Обязанность ихъ заключалась въ рѣзаніи перепечи, раздачѣ ширинокъ и проч.

Дружки существуютъ и нынѣ на свадьбахъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ: они распоряжаются всею це-

ремоніею и, чтобы ихъ знали, надѣваютъ себѣ на плеча пестрый или бѣлый платокъ, или черезъ плечо кушакъ.

Свахи, Римскія пронубы: назначались изъ боярынь, по двѣ съ каждой стороны, также на старшихъ и младшихъ; но съ третьей свадьбы царя Ивана Васильевича показывается еще пятая, которая приносила и держала кику.

Тотъ, кто выдавалъ (или отдавалъ) новобрачную ея мужу. Должность почетнѣйшая, которая почти всегда возлагалась на посаженаго отца. Обрядъ выдаванія происходилъ въ то время, когда новобрачные, послѣ вѣнца посидѣвъ за столомъ, отходили въ сѣнникъ, въ дверяхъ столовой палаты, гдѣ мужъ принималъ свою жену, стоя *за* порогомъ. Выдававшій говорилъ рѣчь, которая не прописана въ первѣйшемъ церемоніалѣ; но содержаніе ея узнаемъ мы изъ послѣдующихъ. Царю Ивану Васильевичу говорили такъ: «Государь, царь и великій князь всея Россіи! «Велѣніемъ Божіимъ и Пречистыя Богородицы, и ве«ликихъ Чудотворцевъ и родителей твоихъ государ«скихъ молитвами, изволилъ тебѣ, Государю, Богъ со«четатися законному браку, пояти великую княгиню «Анастасію, а нашу Государыню; держи, какъ Богъ «въ законѣ православной вѣры устроилъ.» Вторую супругу Царя Михаила Ѳеодоровича выдавали съ слѣдующею рѣчью: «Великій Государь, царь и великій «князь всея Россіи! По волѣ всемогущаго и всесиль«наго, въ Троицѣ славимаго Бога нашего, и по бла«гословенію отца твоего, великаго Государя святѣй«шаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и «всея Россіи, и матери твоея, великія Государыни «инокини Марѳы Іоанновны, изволилъ ты, Государь, «по преданію апостольскому и Святыхъ Отецъ прави«ломъ, сочетатися законному браку, въ наслѣдіе вѣч-

«по вашему царскому роду, во обладаніе великихъ «государствъ вашихъ, а поняти за себя царицу и ве«ликую княгиню, Евдокію Лукьянову. И ты, вели«кій Государь, свою царицу, и нашу Государыню, «пріемли и держи, какъ человѣколюбивый Богъ въ «законѣ нашемъ истинныя Христіанскія вѣры устро«илъ, и Апостоли, и Отцы предаша.» Выговоривъ рѣчь, поклонился. Послѣ того Государь принималъ свою супругу, и взявъ ее за руку, шелъ далѣе, *не распущаясь.*

Ежели на свадьбѣ удѣльнаго князя или вельможи, новобрачную выдавалъ самъ Государь; то рѣчь состояла въ слѣдующемъ: «Божіимъ велѣніемъ и нашимъ «жалованьемъ, велѣлъ тебѣ Богъ женитися, поняти N. «N., и ты свою жену N. N., держи по тому, какъ Богъ «устроилъ.»

Тотъ, кто вскрывалъ новобрачную. Должность важнѣйшая изъ всѣхъ. Въ церемоніалахъ, первоначальномъ и первой свадьбы царя Ивана Васильевича, не сказано, кому это поручено было, а только: «кому государь велитъ.» Вторую супругу царя Михаила Ѳеодоровича вскрывалъ дядя его и посаженый отецъ, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, *поднявъ покровъ стрѣлою*: причемъ присутствовали жена его боярыня, тысяцкій, ближнія боярыни и свахи. На первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича это исполнилъ посаженый же отецъ, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, бывшій дядька его.

Къ удѣльнымъ князьямъ посылались для этого бояре, по государеву назначенію; только супругу князя Юрія Васильевича Углицкаго вскрывалъ самъ царь Иванъ Васильевичъ.

Этотъ обрядъ, существующій на востокѣ съ глубочайшей древности, и извѣстный у мусульманъ подъ

именемъ *джильвѐ*, выведенъ изъ употребленія въ нашихъ высшихъ сословіяхъ образованностью, введенною Петромъ Великимъ; но онъ наблюдается еще и теперь во многихъ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ между простымъ народомъ. Слѣдствіемъ его бываетъ иногда огорченіе для родителей новобрачной: имъ доносятъ объ ея срамѣ съ нѣкоторыми особенными церемоніалами. Рейтенфелсъ, жившій въ Москвѣ въ исходѣ XVII вѣка, пишетъ, что когда бывшіе на свадьбѣ гости узнавали о неблагополучномъ возвѣщеніи, всѣ отъ ужаса разсыпались тотчасъ по домамъ. Въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи еще весьма недавно надѣвали хомутъ на шею несчастной, и водили ее по всей деревнѣ: примѣры этого непристойнаго и безполезнаго для нравственности обычая, говорятъ, встрѣчаются тамъ и въ наше время. Иногда, мѣсто виновной заступаетъ наряженный женщиною болванъ.

Бояре и Боярыни сидячія. Объ нихъ впервые упоминается въ 1573 году на свадьбѣ короля Арцымагнуса. Бояре назначались съ обѣихъ сторонъ, а боярыни только со стороны невѣсты. Они составляли почетную свиту и за столомъ сидѣли на особыхъ мѣстахъ.

Поѣзжане назначались изъ бояръ и дѣтей боярскихъ, съ ихъ женами, если были женаты, и умножали собою блескъ торжества; мужчинъ собирали и всѣмъ поѣздомъ вѣдали окольничіе.

И нынѣ на свадьбахъ купеческихъ и крестьянскихъ, чѣмъ многочисленнѣе бываетъ поѣздъ, тѣмъ честнѣе считается свадьба.

Тотъ, кто несъ колпакъ государевъ. Надобно знать, что колпакъ значилъ прежде шапку особаго рода. Герберштейнъ видѣлъ в. к. Василія Ивановича на охотѣ въ бѣломъ колпакѣ, у котораго околышь усаженъ былъ драгоцѣнными камнями, а спереди укра-

шенъ золотыми перьями, которыя колебались при каждомъ движеніи головы. Бывшій въ 1518 году посломъ у Императора Максимиліана дьякъ Племянниковъ говорилъ на аудіенціи рѣчь, имѣя на головѣ колпакъ.

Тотъ, кто ѣздилъ на государевомъ конѣ вокругъ подклѣта. Это поручалось обыкновенно конюшему, но иногда и другимъ, по назначенію государя.

Слѣдующія вещи непремѣнно требовались для свадьбы, и къ каждой изъ нихъ назначалось по одному или по нѣскольку человѣкъ.

Короваи: хлѣбное, приготовляемое на яйцахъ и маслѣ изъ пшеничной или крупичатой муки; съ обѣихъ сторонъ по одному. На каждый коровай клалось по тридевяти пенязей (жетоновъ, медалей) большихъ, серебряныхъ, широкихъ, гроша по два одинъ пенязь, съ одну сторону золочоны и чеканены, а съ другую бѣлы и гладки. Изъ описанія свадьбы царя Михаила Ѳеодоровича видно, что пенязи нашивались на коровайные покровы, и что государевъ коровай былъ покрытъ бархатомъ золотнымъ Турскимъ, а царицынъ атласомъ золотымъ участковымъ. На свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича сверхъ того положено было на каждый коровай 4 пары соболей. Сей хлѣбъ дѣлался такой огромной величины, что носился на *носилахъ*, обшитыхъ бархатомъ червчатымъ гладкимъ, четырьмя чиновниками, кои на сей случай назывались коровайниками.

Въ первоначальномъ церемоніалѣ сказано: «Боярыни приговорили: короваи нести утрѣ рано изъ той избы, гдѣ ихъ пекли, да принести ихъ въ наугольную палату отъ Пречистой, да класти ихъ на носила, и *шлемъ* (въ другомъ спискѣ, *шледки*?) положити, да свѣчи тутъ же принести. Да какъ княжну царя-

дятъ, и какъ ужс пойти на мѣсто, ино короваи взяти и свѣчи тѣмъ, которымъ нести, да тутъ жс ихъ принести; да какъ Княгиня пойдетъ на мѣсто, ино передъ нею короваи и свѣчи нести.»

Перепеча и сыръ. Перепеча есть сдобное хлѣбенное, особой формы съ грапью, похожею на ананасную. Перепеча, сыръ и соль въ солонкѣ, ставились на столъ передъ новобрачными, и послѣ, въ свое время, старшій дружка со стороны жениха, принявъ благословеніе у отца и матери посаженыхъ, рѣзалъ перепечу и сыръ, ставилъ ихъ во всѣ столы, и разсылалъ, вмѣстѣ съ короваями, къ отсутствовавшимъ даже въ отдаленныя мѣста, напримѣръ въ Тихвинъ ко вдовствовавшей царя Ивана Васильевича супругѣ Дарьѣ Алексѣевнѣ. Удостоившіеся сей чести дарили приносившаго: такъ Патріархъ Іоакимъ, присланнаго отъ царицы Наталіи Кириловны, благословилъ образомъ и подарилъ ему кубокъ серебряный, золоченый на оба лица, вѣсомъ два фунта, да атласъ, да камку. Въ первоначальномъ церемоніалѣ перепечу замѣняли *калачи.*

Всѣ эти предметы составляли то, что нынѣ мы разумѣемъ подъ словомъ «хлѣбъ-соль», которая обыкновенно представляется въ знакъ мира и согласія. Флечеръ, который въ 1588 году пріѣзжалъ въ Россію посломъ отъ Англійской королевы Елисаветы къ царю Ѳеодору Ивановичу, описывая Русскіе обычаи, говоритъ, что вкушеніе на свадьбѣ хлѣба значило то, что родственники съ обѣихъ сторонъ хотятъ жить между собою въ истинной любви, и имѣть такую же связь, какъ зерна, спекшіяся въ одномъ хлѣбѣ.

Мѣсто, или *чертожное мѣсто.* То былъ родъ тропа: оно оболакивалось бархатомъ и камками. На него клались два *сшитые сголовья*, бархатные золотные въ одинъ узоръ, а на каждое изъ нихъ по сороку собо-

лей. Передъ мѣстомъ ставился *столъ* съ *лавками*, которые накрывались *полавочниками* перваго (лучшаго) наряда, «сукопными со львы». На столъ накрывали три скатерти, и на него ставились перепеча, сыръ и соль. Въ первый день не ставили ничего болѣе. По отшествіи въ церковь, женихово сголовье клали на невѣстино, а сверху ихъ оба сорока соболей, и относили ихъ въ церковь. На первой свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича чертожное мѣсто устроено было въ грановитой палатѣ на рундукѣ, гдѣ государь саживался при послахъ, отодвинувъ отъ лавки подалѣ, лицемъ къ столу.

Гребень и чесаніе головы. По занятіи женихомъ и невѣстою мѣстъ за столомъ, священникъ творилъ молитву *покровенію главы невѣсты*, послѣ чего большая сваха начинала чесать имъ голову. Для этого готовъ былъ гребень и чара съ виномъ (на второй свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича, съ медомъ), которымъ омачивали гребень. Засимъ сваха, взявъ кику, надѣвала ее на невѣсту, и клала на нее *покровъ*, фату, вуаль. На свадьбѣ царей Михаила Ѳеодоровича и сына его покрывали сверхъ того невѣстъ унизаннымъ жемчугомъ съ золотыми дробницами, *убрусомъ*, лентою, которая пришивается къ передней части кики, и покрываетъ чело женщины.

Здѣсь надобно замѣтить, что Русскія дѣвицы встарину не имѣли на головѣ другаго убора, кромѣ широкой по челу повязки (Римская vitta простая), оставляя верхъ головы открытымъ, а волосы заплетали въ косу, которая изъ подъ повязки низвѣшивалася по спинѣ. Къ концу косы привязывался *косникъ*, который дѣлался изъ картузной бумаги треугольникомъ, и обвивался шелковою тканью, а у богатыхъ украшался въ узоръ жемчугомъ и дорогими камнями. Косу заплетали какъ-можно слабѣе, чтобы она была шире;

волосы раздѣляли на множество прядей, перевивая ихъ золотыми нитками, на которыя богатыя нанизывали жемчугъ. Дѣвицы щеголяли своими косами, и требовалось большое искусство и навыкъ, чтобъ заплести косу такъ, чтобъ она закрывала всю шею отъ самыхъ ушей и, низвѣшиваясь по спинѣ, постепенно сужалася до самаго косника. Заплетенная такимъ образомъ коса представляла видъ искусно связанной рѣшетки.

Замужнія, напротивъ того, никогда уже не ходили съ непокрытою головою: коса и волосы исчезали вмѣстѣ со вступленіемъ въ бракъ. Невѣста, въ день своей свадьбы, не заплетала волосъ въ косу, а распускала ихъ просто по плечамъ. Приступая къ обряду чесать невѣстѣ волосы, снимали съ головы ея дѣвическій уборъ, и раздѣливъ волосы на затылкѣ надвое, заплетали двѣ косы, которыя обвертѣвъ около головы, надѣвали на нее кику, или кокошникъ (Римская vitta двойная), и покрывали фатою.

Рейтенфелсъ говоритъ, что жениховъ отецъ, въ день свадьбы, раздѣлялъ у невѣсты волосы спереди остріемъ стрѣлы.

Обрядъ чесанія головы и уборки ея существуетъ еще по сіе время между простымъ народомъ, съ тою только разницею, что исполняется послѣ вѣнчанія и въ церковной трапезѣ.

Осыпало и опахало. Первое составлялось изъ хмѣля, насыпаннаго на трехъ углахъ золотой мисы; сверхъ того по угламъ клалось тридевять соболей, по девяти на каждое мѣсто, и столько же платковъ бархатныхъ, камчатныхъ и атласныхъ, въ одинъ цвѣтъ, безъ разныхъ шелковъ, мѣрою въ длину $^1/_4$ аршина съ вершкомъ, а поперегъ $^1/_4$: на второй свадьбѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, $^1/_2$ аршина; да на трехъ же углахъ тридевять, на каждое мѣсто по девяти пенязей, менѣе тѣхъ, которые клались на короваи, величиною

съ золотой, или мало меньше: на свадьбѣ Царя Михаила положено было восемнадцать ненязей золоченыхъ и девять золотыхъ Угорскихъ, да тридевять бѣлокъ. Такое же осыпало приготовлялось къ постелѣ, гдѣ однако жъ осыпаніе производилось съ особенною церемоніею: именно, сваха надѣвала на себя двѣ собольи шубы, одну по обычаю, а другую сверхъ оной на изворотъ, шерстью вверхъ. Опахало составлялось изъ особаго сорока соболей.

Флечеръ говоритъ, что осыпаніе новобрачныхъ дѣлалось въ знакъ того, чтобы они не оскудѣвали никогда въ изобиліи и плодородіи.

Этотъ обрядъ наблюдается только въ отдаленныхъ мѣстахъ между простолюдинами.

Ширинки и *убрусы:* платки и полотенцы, вышитые разными узорами, приготовлялись только со стороны невѣсты, которая дарила ими жениха и всѣхъ, бывшихъ на свадьбѣ. Раздавать ихъ было обязанностію младшаго царицына дружки. Убрусы являются со времени царя Михаила Ѳеодоровича; въ описаніи второй его свадьбы сказано, что послѣ осыпанія поднесли государю отъ царевны убрусецъ тафтянъ, низанъ жемчугомъ, ширинку и коровай, что все послано и къ отсутствовавшимъ. Obrus по-Польски значитъ «скатерть.»

Свѣчи и *фонари*. Сверхъ обручальныхъ свѣчей, дѣлалось еще нарочно съ каждой стороны по одной огромной свѣчѣ: у Михаила Ѳеодоровича была въ три, а у невѣсты его въ два пуда; у Алексѣя Михайловича въ два, а у невѣсты его въ полтора пуда: для ношенія каждой назначалось по два человѣка, обыкновенно изъ стольниковъ, которые на тотъ разъ назывались свѣчниками. На свѣчи клались обручи широкіе чеканные, оба края золочены, и обвивали ихъ соболями. Надъ ними носились фонари, каждый также дву-

мя *фонарщиками*. Въ то время, когда начинали чесать голову, свѣчи эти зажигали *водокщеною*, то есть, освященною въ навечеріи дня Богоявленія Господня свѣчею. Послѣ вѣнчанія, относили ихъ къ постелѣ, гдѣ ставили обѣ вмѣстѣ въ одну кадь со пшеницею; обручей съ нихъ не снимали въ продолженіе трехъ дней, послѣ чего, соскавъ ихъ вмѣстѣ, ставили въ церкви у мѣстныхъ образовъ.

Кадь съ хлѣбомъ зерновымъ ставилась подлѣ постели въ прознаменованіе будущаго изобилія новобрачныхъ.

Стклянница съ виномъ фряжскимъ, виноградным красным, или такъ называемымъ церковнымъ: вино, какъ извѣстно, употребляется въ православной церкви при совершеніи таинства брака. Встарину было при этомъ обыкновеніе, что женихъ, по совершеніи церковнаго обряда съ виномъ, бросалъ стклянницу о землю, и растаптывалъ ее ногами; въ первоначальномъ церемоніалѣ именно сказано, что самъ «Государь потопчетъ стклянницу ногою, а иному никому не велитъ топтати.» Хотя этотъ обычай при дворѣ уничтоженъ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, который, вмѣсто топтанія стклянницы, отдалъ ее вѣнчавшему его священнику, приказавъ отнести въ алтарь, однако жъ народъ не оставлялъ его: еще Олеарій упоминаетъ объ немъ, присовокупляя, что женихъ и невѣста растаптывали стклянницу вмѣстѣ, приговаривая: »Такъ да падутъ къ ногамъ нашимъ и сокрушатся всѣ тѣ, кои вздумаютъ ссорить насъ между собою.» Вино и стклянницу порознь приносили въ церковь погребные ключники; тамъ уже наливали вино въ стклянницу *съ отливкою*. Стклянницу въ церкви держалъ обыкновенно бояринъ, или окольничій.

Подножіе, которое для вступающихъ въ бракъ стелется въ церкви. На свадьбѣ царя Михаила Ѳеодо-

ровича оно сдѣлано было изъ камки червчатой, куфтеръ 5 аршина, свито вдвое, а на него положено сорокъ соболей, по двадцати головами вмѣстѣ. Обязанность стлать подножіе возлагалось чаще всего на дружекъ.

Скамьи: онѣ ставились въ церкви, покрывались коврами золотыми, а на нихъ клались сголовьи, такія же, какъ и на чертожномъ мѣстѣ. Новобрачные, по окончаніи вѣнчанія, садились на скамьи и принимали поздравленіе. Передъ скамьями ставились *колодки*, или *колодочки*, то есть, скамеечки подъ ноги, обитые участкомъ золотнымъ.

Куря, жареное, то есть курица: приносилось по возвращеніи изъ церкви за столъ, и ставилось передъ новобрачными, которые однако жъ тутъ до него не касались, а черезъ короткое время, большой дружка, взявъ его со стола, съ блюдомъ, перепечею и солонкою, все вмѣстѣ завертывалъ въ верхнюю скатерть, и относилъ къ постелѣ, гдѣ уже кормили имъ новобрачныхъ.

Каша: ею кормили новобрачныхъ въ сѣнникѣ на другой день послѣ мыльни. Каша разсылалась къ почетнѣйшимъ особамъ: такъ Казанскій царь Симеонъ посылалъ ее къ царю Іоанну Васильевичу и его царицѣ, къ князю Юрію Васильевичу Углицкому и его княгинѣ, ко вдовствовавшей княгинѣ Старицкой и ея сыну.

Сѣнникъ и постель. Сѣнникъ, иначе подклѣтъ, было то, что нынѣ называется брауткамерою. Комната эта, на случай свадьбы, никогда не топилась, какъ бы холодно ни было. Татищевъ говоритъ, что иные нарочно строили для этого деревянные покои не только безъ печей, но даже и на потолокъ не клали земли.

Сѣнникъ убирался такимъ образомъ: въ сѣняхъ его, во всѣхъ четырехъ углахъ ставилось по иконѣ,

а на дверяхъ, снутри и снаружи, и надъ окнами въ сѣнникѣ, золотые кресты съ мощами. Сѣнникъ внутри оболакивался *запонами*, а по четыремъ угламъ втыкались *стрѣлы*, а на стрѣлахъ по сороку соболей, или по одному соболю, какъ государь приказывалъ, да по *колачу*. Въ каждомъ углу ставилось по *оловеннику* меда.

Постель стлалась въ сѣнникѣ на тридевяти ржаныхъ снопахъ; а сверху сноповъ клалось семь перинъ и бумажниковъ, и сголовей бархатныхъ и камчатныхъ и атласныхъ, и покрывалось одѣяломъ; въ головахъ клали два *сголовійца*, сшитыя вмѣстѣ, а въ низахъ на коврѣ одѣяло куньe и шуба соболья, которая покрывалась простынею.

Для постилки постели назначались особые бояре, боярыни и дѣти боярскіе; сверхъ того лица, которыя не отходили отъ постели до прихода новобрачныхъ въ сѣнникъ, и бояре, которые должны были спать «у постели», въ другой комнатѣ.

При составленіи первоначальнаго церемоніала боярыни приговорили: «Когда постелю понесутъ въ сѣн«никъ стлати, то нести передъ нею до Рожества (ико«ны): Рожество Христово, да Рожество Пречистыя Бе«городицы, да крестъ воздвизальный, и поставити у «постели въ головахъ, а въ сѣнникѣ средь стѣны по«ставити четыре иконы Пречистыя Богородицы со «Младенцемъ, на каждой стѣнѣ по одной.»

Мыльня. Утромъ на другой день свадьбы новобрачные ходили въ мыльню. Для топленія государевой мыльни назначались чиновники изъ постельничихъ, или изъ дѣтей боярскихъ, обыкновенно не болѣе двухъ. Къ выемкѣ воды, которой водѣ въ мыльнѣ быти, назначались иногда два, иногда четыре человѣка; одинъ разъ были у этого печатникъ да думный дьякъ. Сверхъ того, государь назначалъ тѣхъ, кому

надлежало вмѣстѣ съ нимъ мыться въ банѣ, обыкновенно изъ бояръ и ближнихъ людей. Для мытья ихъ наряжались мовники, изъ спальниковъ или другихъ нижнихъ чиновниковъ. Особые чиновники приносили въ мыльню бѣлье и платье, и сдавали ихъ тѣмъ, которые *стряпали* (прислуживали) у государя въ мыльнѣ. Тутъ же бывалъ и столъ.

Въ слѣдующихъ церемоніалахъ встрѣчаются нѣкоторые предметы, о которыхъ не говорится во всѣхъ прочихъ.

На свадьбѣ князя Андрея Ивановича Старицкаго, 1533, и сына его Володиміра, 1550, показаны *плясицы*. Въ то время, когда на первой свадьбѣ великая княгиня, а на послѣдней царица, бывшія посажеными матерьми, шествовали изъ своихъ комнатъ въ палату къ чертожному мѣсту, предъ ними шли плясицы; но въ палату ихъ не впустили, и онѣ оставались въ сѣняхъ. Дальнѣйшаго свѣдѣнія объ нихъ нѣтъ *.

На свадьбѣ Ростриги, 1606, были *рыцды*, въ бѣломъ, по обыкновенію платьѣ; однако жъ ни прежде, ни

* Для соображенія любопытныхъ и занимающихся отечественной стариною, прилагаемъ здѣсь выписку изъ первоначальнаго церемоніала, съ дополненіемъ изъ описанія свадебъ, — второй царя Михаила Ѳеодоровича, и первой царя Алексѣя Михайловича. Но какъ оба эти церемоніала весьма сходны между собою; то небольшія отмѣны въ послѣднемъ будутъ показаны въ скобкахъ, а выписки изъ обоихъ означатся чужесловами. Все это представитъ полную и, какъ мы полагаемъ, занимательную картину царской свадьбы XVI и XVII вѣковъ.

1. Княжна, нарядясь, сидѣла въ своихъ хоромахъ съ женою тысяцкаго, свахами и боярынами; тутъ же приготовлены были свѣчи и коровай.

«Царевну нарядили по государскому чину: въ платье и въ вѣнецъ «золотой съ городы: съ каменьемъ и жемчугомъ.»

2. Великій Князь, нарядясь, пошелъ въ брусяную столовую избу, а съ ними тысяцкій и весь поѣздъ.

«Царь вышелъ въ золотую середнюю палату. Онъ варяженъ былъ

послѣ, на подобныхъ церемоніяхъ они не бывали. Но свадьбу эту нельзя назвать чисто Русскою.

Наконецъ должно замѣтить, что ежели кто изъ на-

«въ аксамитный (бархатный) золотный кожухъ (тулупъ, kozuch) на со-«боляхъ, да въ шубу русскую соболью, крытую бархатомъ золотымъ, «*заметавъ полы назадъ за плеча.* (Царь Алексѣй Михайловичъ былъ «въ такомъ же нарядѣ, да въ шапкѣ горлатной черной лисьей. А что «бывало въ прежнихъ государскихъ радостяхъ, чтобы у шубы заме-«тать полы назадъ за плеча, и того государь учинити не изволилъ, а «въ то мѣсто велѣлъ сдѣлать у шубы ожерелье (воротникъ) долгое со-«болье большое.) Поясъ былъ кованый золотный. Передъ нимъ шли «поѣзжане, за ними дружки, а потомъ государь, котораго тысяцкій «велъ подъ руку; шествіе заключалось боярами, стольниками, стряп-«чими и дворянами, кои всѣ были въ золотѣ, въ черныхъ шапкахъ и «въ ожерельяхъ стоячихъ и отложныхъ низанныхъ.»

3. По выходѣ великаго князя изъ своихъ хоромъ, онъ послалъ сказать боярынямъ, чтобы невѣсту вели къ мѣсту.

«Государь, вошедъ въ золотую палату и поклонясь святымъ иконамъ, «кои поставлены были на большомъ мѣстѣ и на четырехъ стѣнахъ съ «застѣнками (пеленами) низанными, сѣлъ на своемъ мѣстѣ на лавкѣ, на «сголовьѣ бархатномъ персидскомъ, а колодочка была золотная участ-«ковая. Посаженому отцу, тысяцкому и боярамъ велѣлъ сѣсть въ боль-«шей лавкѣ, а поѣзжанамъ въ другой, послѣ чего послалъ царицыныхъ «дружекъ къ царевнѣ сказать, чтобы она шла въ грановитую палату «на мѣсто. Они, пришедъ и поклонясь святымъ иконамъ, ударили че-«ломъ царевнѣ, и старшій изъ нихъ сказалъ: Великій Государь Царь «и Великій Князь велѣлъ тебѣ, царевнѣ, итти въ грановитую палату «на мѣсто.»

4. Великая княжна, выслушавъ рѣчь, пошла со всѣми бывшими при ней боярынями: передъ нею шли бояре, поименно назначенные государемъ, а за ними несли обѣ свѣчи и оба коровая.

«Передъ царевною шли свѣчники, коровайники и фонарщики, въ «терликахъ (родъ камзола съ пуговками) золотыхъ на соболяхъ, кои «даны имъ съ казеннаго двора, (подпоясався кушаками золотыми), и въ «шапкахъ черныхъ горлатныхъ лисьихъ (своихъ собственныхъ). Въ «этомъ нарядѣ ходили они всѣ три дни. Богоявленскую свѣчу и об-«ручальныя несли стряпчіе, въ золотѣ и въ черныхъ шапкахъ. За ни-«ми несъ осыпало думный дьякъ, а за нимъ шли царевнины дружки; «потомъ окольничій и дьякъ, напереди по сторонамъ, и берегли пути, «чтобы никто не переходилъ. За нимъ шелъ попъ, кропя путь святою «водою; за попомъ шествовала царевна: большія свахи вели ее подъ

значенныхъ чиновниковъ не могъ, по какой-нибудь причинѣ, быть на свадьбѣ, а мѣсто его занималъ другой; то послѣдній назывался уже не своимъ именемъ,

«руки, а подлѣ нее были двѣ боярыни для береженія; за симъ шли бо-«ярыни сидячія, и одна, которая несла кику на серебряномъ блюдѣ. «Шествіе заключалось постельницами, кои несли убрусцы и ширинки «на золоченыхъ блюдахъ.»

5. По приисествіи княжны въ палату, посадили ее на ея мѣсто, а на мѣсто великаго князя княжну Анастасію, меньшую сестру ея.

«Пришедъ въ палату, попъ покропилъ чертожное мѣсто святою во-«дою, и царевну посадили на ея мѣсто на сголовьѣ, съ котораго «снявъ сорокъ соболей, дали держать дьяку, а на царское мѣсто поса-«дили князя Якова Куденсковича Черкасскаго (князя Ивана Алексѣе-«вича Воротынскаго).»

6. Жена тысяцкаго и свахи сѣли подлѣ княжны на своихъ мѣстахъ, а боярыни за большой столъ по лавкѣ. Со свѣчами и короваями стали у свахъ съ лѣвой стороны.

«Свахи всѣ стали у царевниша мѣста у стола, а боярыни сѣли по «мѣстамъ въ большой лавкѣ за столомъ, посаженая мать выше всѣхъ. «Со свѣчами стали направѣ противъ государева мѣста у лавки, а съ «коровами и фонарями по лѣвой сторонѣ, отодвинувся подалѣ, под-«лѣ поставца.»

7. Послѣ сего дали вѣсть государю, который послалъ кому сидѣть на большемъ мѣстѣ; а съ нимъ бояръ и дѣтей боярскихъ.

«А съ нимъ бояръ и дѣтей боярскихъ (которымъ сидѣть въ сидя-«чихъ).»

8. Посланный, вошедъ въ палату, сѣлъ на большое мѣсто, и изса-жавъ пришедшихъ съ нимъ, послалъ по государя боярина большаго.

«Посланный вшедъ въ палату, поклонился образамъ на всѣ стороны, «и ударя челомъ царевнѣ, сѣлъ за столъ на большемъ мѣстѣ въ лавкѣ «выше матери, и пр.»

9. Великій князь, выслушавъ рѣчь присланнаго, пошелъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ, и вошедъ въ палату, поклонился Святымъ, да подъ-нявъ княжну Анастасію, сѣлъ на свое мѣсто.

«Государь, выслушавъ рѣчь присланнаго, поклонился образамъ и «благословясь крестомъ у попа, отправился. Напередъ шли поѣзжане, «потомъ дружки, за ними бояре, потомъ попъ съ крестомъ, а за нимъ «царь, котораго тысяцкій велъ подъ руку. Путь передъ государемъ

а именемъ керваго. Такъ на свадьбѣ царевича Канбулина, 1625, въ сидячихъ боярыняхъ была жена Ивана Яковлевича Вельяминова; но на свадьбѣ назы-

«кропилъ Св. водою крестовый недѣльный (т. е. домовый очередный) «попъ. За государемъ шелъ съ его колпакомъ стольникъ, а за нимъ «слѣдовали стольники и стряпчіе, остававшіеся за чинами и сидѣвшіе, «до выхода государева, въ столовой избѣ. Пришедъ въ палату, госу«дарь благословился у попа крестомъ, и поклонясь иконамъ, пошелъ «къ своему мѣсту, съ котораго между тѣмъ большій дружка поднялъ «сидѣвшаго на немъ, и государь занялъ его, а соболи отдали держать «другому дьяку.

10. Государь, посидѣвъ мало, велѣлъ священнику говорить молитву покровенію главы невѣсты.

11. Послѣ сего началось чесаніе головъ, а между тѣмъ зажгли большія свѣчи.

12. За симъ осыпаніе и опахиваніе.

13. Рѣзаніе и раздача перепечи и сыра.

14. Раздача ширинокъ и убрусцевъ.

15. Посидѣвъ мало, отправились въ церковь: сперва великій князь съ своимъ поѣздомъ, потомъ княжна въ саняхъ съ женою тысяцкаго и большими свахами, а другія свахи сѣли въ опричныя сани. Передъ санями несли свѣчи и короваи, а за санями шли бояре, дѣти боярскіе и дьяки. А княжна Анастасія и боярыни пошли въ государынины хоромы.

«По отправленіи въ церковь, первую скатерть, на которой рѣзали «перепечу и сыръ, дружки, снявъ и запечатавъ, отдали на дворецъ «ключникамъ имянно, и велѣли беречь, а на столѣ остались двѣ ска«терти. Царь и царевна шли вмѣстѣ, и стряпчіе устилали подъ ними «путь камками червчатыми (и желтыми). Государь, сошедъ съ лѣстни«цы, сѣлъ на аргамака, подведеннаго ясельничимъ, а до того на этомъ «конѣ сидѣлъ боярынъ и конюшій. Передъ государемъ ѣхали поѣзжа«не, стольники и дворяне большіе, за ними дружки, а за дружками «тысяцкій мало поперегъ государя по сторонѣ; бояринъ же и конюшій «шелъ пѣшъ у государя подлѣ коня. Свѣчи и короваи несли передъ го«сударемъ. Цесаревна ѣхала за государемъ въ большихъ саняхъ *шал«цовскихъ*, обитыя золотыми атласы, а противъ нее сидѣли всѣ четы«ре свахи, а до тѣхъ мѣстъ, какъ царевна вышла изъ дворца въ сани, «сидѣлъ ясельничій (окольничій); когда же она сѣла въ сани, то онъ

вали ее Ивановною, женою Плещеева: въ ея мѣсто она была.

Свадьбы назывались *веселіемъ* и *радостию*: по-

«пошелъ у государева коня. За саньми шли: окольничій, да дьякъ, да «дворяне Московскіе сверстные (т. е. лучшіе), а съ ними для береже-«нія, чтобъ никто между царскаго пути не переходилъ, шли 20 чело-«вѣкъ дѣтей боярскихъ Царицыныхъ.»

16. Вошедъ въ церковь (Успенскій Соборъ), великій князь сталъ на правой сторонѣ у столба, у митрополича мѣста, по лѣву столба, а княжна стала отъ него на лѣвой сторонѣ. Со свѣчами и короваями стали у другаго столба на лѣвѣ, по праву столба. У того же столба поставили скамью.

«Передъ царемъ шли въ церковь: тысяцкій и дружки, да бояре, на-«писанные ходить передъ государемъ. А царевну вели подъ руки «большія свахи, а меньшія шли за нею. Между тѣмъ поѣзжане ѣзди-«ли на коняхъ (стояли отъ дворцовой лѣстницы и до церкви по обѣ «стороны на коняхъ). На государева жеребца сѣлъ конюшій, а въ са-«ни окольничій, а царицыны дѣти боярскія въ то время берегли путь, «чтобы между коня и саней не переходилъ никто. Вошедъ въ церковь, «царь и царевна стали противъ царскихъ дверей. Со свѣчами стали «на правѣ противъ патріаршаго мѣста, а съ короваями близъ лѣваго «крылоса. У лѣваго же крылоса у столба поставили скамью, да поло-«жили на нее два сголовья изъ червчатаго бархата съ золотомъ въ «одинъ цвѣтъ. Сголовья несли въ церковь стряпчіе, а передъ каждымъ «шелъ окольничій. Передъ скамьями поставили двѣ колодки.»

17. А какъ пошли къ вѣнчанію, то дружки постлали имъ подъ ноги камку, да положили 40 соболей. Великій князь и княжна стали на это мѣсто. Вѣнчалъ ихъ митрополитъ.

»Подножіе и соболи принесены въ церковь двумя стряпчими, а въ «церкви стлалъ его стольникъ. Вѣнчалъ протопопъ Успенскаго Собо-«ра (по священному преданію), а при немъ дѣйствовали протодіаконъ, «да два ключаря. На крылосѣ пѣли дьяки строками (по нотамъ)»

18. Въ стклянницѣ вино фряжское держалъ бояринъ.

«Стклянницу держалъ бояринъ (окольничій), а несли за нимъ-то вино «и стклянницу два человѣка погребныхъ ключниковъ, а шли всѣ въ «золотѣ.»

19. Обвѣнчавшись, великій князь и княжна сѣли на скамью, госу-дарь съ правую сторону, и принимали поздравленіе отъ присутство-

Польски свадьба — wesele, и первое названіе очевидно взято отъ этого слова; второе, кажется, переводъ перваго.

вавшихъ; между тѣмъ пѣвчіе дьяки на обоихъ крылосахъ пѣли имъ многолѣтіе.

«Царь сѣлъ на скамью съ правую сторону, а царицу посадили свахи съ лѣвую у него сторону. И поучалъ ихъ протопопъ по священному преданію. За симъ принимали они поздравленіе, а пѣвчіе пѣли многолѣтіе, демество большое.»

20. Отъ церкви великій князь пошелъ къ себѣ завтракать, а княгиня шествовала въ свои хоромы. Въ сани ся сѣлъ ясельничій и отвезъ ихъ на конюшню.

«Послѣ вѣнчанія царь взялъ царицу за руку, повелъ ее изъ церкви до саней, и сѣвъ на аргамака, поѣхалъ на дворъ (т. е. дворецъ), а царица въ саняхъ прежнимъ порядкомъ. Пріѣхавъ ко двору, государь сѣлъ съ коня, и взявъ царицу за руку, повелъ ее лѣстницею, по камкамъ червчатымъ (и желтымъ) въ грановитую палату. Между тѣмъ на жеребца его сѣлъ бояринъ и конюшій, и поѣхалъ къ сѣннику, и ѣздилъ около сѣнника во все время, какъ государь былъ въ немъ (и во всю ночь) съ голымъ мечемъ въ рукахъ.»

21. Свѣчи и короваи отнесли изъ церкви къ постелѣ.

«Изъ церкви несли ихъ передъ государемъ и вошедъ въ грановитую палату, стали на прежнихъ мѣстахъ.»

22. Послѣ завтрака государь, въ сопровожденіи всего поѣзда, отправился по монастырямъ и по церквамъ. Возвратясь, послалъ онъ вѣсть, чтобы великая княгиня шла къ столу. Она пришедъ, сѣла на свое мѣсто; жена тысяцкаго и свахи заняли свои мѣста, а бояръни сѣли за большій столъ по лавкѣ. Послѣ сего государь прислалъ посаженаго отца, а съ нимъ бояръ и дѣтей боярскихъ: первый, занявъ большое мѣсто, разсажалъ пришедшихъ съ нимъ за окольничій и кривой столы. Великій князь, пришедъ, сѣлъ за столъ на свое мѣсто, приказавъ тысяцкому, дружкамъ и всѣмъ прочимъ сѣсть по своимъ мѣстамъ. Между тѣмъ на его коня сѣлъ конюшій и въ продолженіе всего стола и всей ночи ѣздилъ при подклетѣ съ голымъ мечемъ въ рукахъ.

«Государь ѣздилъ по монастырямъ и по церквамъ поутру, а изъ церкви, какъ сказано выше, пришелъ съ царицею въ грановитую палату, гдѣ и сѣли на прежнихъ мѣстахъ.

23. Да какъ всѣ сѣли, то передъ великимъ княземъ и княгинею по-

О свадьбахъ бояръ и другихъ благородныхъ сословій, у насъ нѣтъ отечественныхъ свидѣтельствъ, и мы должны прибѣгнуть къ иностраннымъ путешествен-

ставили куря *печеное*, которое тотъ же часъ отнесли къ постелѣ, какъ сказано выше. И великій князь велѣлъ въ столы яствы ставить.

«Какъ всѣ сѣли, царь приказалъ подавать въ столы яствы и вина «фряжскія. (И подали государю три кубка, — романеи, ренскаго и бас«тры, и тѣми кубками государь пожаловалъ бояръ, Морозова и Пуш«кина, и боярыню Морозова). А послѣ третьей яствы поставили куря «*верченое*, которое большій дружка отнесъ къ сѣнику, и отдалъ имен«но бывшему при постелѣ боярину.»

24. И какъ по порѣ, великій князь, вставъ изъ-за стола, пошелъ съ княгинею къ постелѣ, а съ ними тысяцкій, дружки и свахи всѣ, и тотъ, кому онъ велѣлъ выдавать новобрачную. И какъ пришли къ дверямъ той палаты, въ которой былъ столъ, то остановились, и тотъ, кому выдавать княгиню, выдавалъ ее въ дверяхъ и говорилъ рѣчь.

«Послѣ отнесенія куряти, царь, вставъ изъ-за стола, взялъ царицу «за руку, и пошли къ сѣнику, а съ ними тысяцкій, дружки и свахи «всѣ, а боярину, которому выдавать новобрачную, велѣлъ итти пе«редъ собою до дверей; въ это время путь передъ государями стлали «стольники. Пришедъ къ дверямъ, выдававшій говорилъ рѣчь, по окон«чаніи которой поклонился (и пошелъ назадъ и сѣлъ, и бояре всѣ «сѣли за столъ). Образами новобрачныхъ тутъ не благословляли. По«слѣ сего царь съ царицею пошли къ сѣнику въ сопровожденіи бояръ «и боярынь сидячихъ. Свѣчи и короваи несли передъ ними.»

25. По пришествіи къ постелѣ, осыпали ихъ вторично.

26. Потомъ свахи большія и дружки кормили ихъ курятемъ.

«Препровождавшіе возвратились отъ сѣнника, боярыни въ царицы«ны хоромы, а бояре въ грановитую палату, гдѣ сѣвъ за столы, уча«ли кушать. — И по времени, велѣлъ государь позвать къ себѣ въ «сѣникъ отца и мать посаженыхъ, и тысяцкаго, и дружекъ, и свахъ, «и бояръ, и боярынь, и ближнихъ, которые въ комнатѣ, и которые у «постели. И они пришедъ, кормили государя въ сѣняхъ передъ сѣн«никомъ, отецъ и мать, и бояре ближніе, а государыню кормили въ «сѣнникѣ мать, и свахи, и боярыни. А яствы были приказныя (пано«крокъ лебединъ подъ шафраннымъ взваромъ, рябъ искрошенный подъ «лимоны, потрохъ гусиный, да квасъ въ серебряной лощатой братинѣ. «Государынѣ царицѣ подавали: гусь жаркій, порося жаркое, куря въ

никамъ. Писали объ этомъ предметѣ Флечеръ въ исходѣ XV, Олеарій, Рейтенфельсъ, Петрей и Корбъ въ XVII столѣтіи. Но какъ Петрей почти во всемъ схо-

«кальѣ съ лимоны, куря въ лапшѣ, куря во щахъ *богатыхъ*. Да царю и царицѣ подавались хлѣбенныя яствы: перенеча крупчатая въ «три лопатки *недомѣрокъ*, четь хлѣба ситнаго, курникъ подсыпанъ «яйцы, пирогъ съ бараниною, блюдо пироговъ кислыхъ съ сыромъ, «блюдо жаворонковъ, блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо пироговъ съ яйцы, блюдо сырниковъ, блюдо карасей съ бараниною).»

27. А на завтреѣ послѣ мыльни, великаго князя и княгиню кормили у постели кашею, да тотъ, кому государь приказалъ, вскрылъ княгиню.

Здѣсь кончится первоначальный церемоніалъ.

«А на завтреѣ государь царь, вышедъ изъ сѣнника, былъ въ мыльнѣ (мыленкѣ) и кушалъ тамъ. И жаловалъ государь, подавалъ ближнимъ боярамъ яствы, а боярамъ и окольничимъ романею въ кубкахъ. «(Царь Алексѣй Михайловичъ не кушалъ въ мыленкѣ, и романеею не «жаловалъ, однако же для него приготовлены были слѣдующія яствы, «которыя послѣ подавали въ столъ: курникъ подсыпанъ яйцы, пирогъ «росольный, блюдо пироговъ подовыхъ *на торговое дѣло*, блюдо карасей съ бараниною, коровай яцкій (ячменный), блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо пироговъ кислыхъ, блюдо сырниковъ, блюдо жаворонковъ, блюдо пироговъ съ яйцы).»

«А царица кушала въ *избушкѣ*. (Царица Алексѣя Михайловича кушала у себя въ хоромахъ, и ей подавали тѣ же яствы, что и царю, «да сверхъ того: куличъ *недомѣрокъ*, кольцо и полхлѣбца).»

«А послѣ кушанья царь и царица были въ сѣнникѣ, а съ ними: «посаженые отецъ и мать, да тысяцкій, да боярыни ближнія, да свахи, и раскрывалъ государыню посаженый отецъ. Послѣ сего пожаловалъ государь, велѣлъ видѣть свои царскія и царицыны очи всѣмъ «боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ, въ сѣнникѣ. За симъ «новобрачныхъ кормили кашею, которую подавали въ двухъ горнечкахъ фарфоровыхъ, обогнутыхъ двумя нарами соболей, на одномъ «блюдѣ; передъ государемъ держалъ большой дружка, а передъ царицею большая свха.»

28. «А въ то время, какъ государь пошелъ въ мыльню, во весь «день и до вечера, и въ ночи, на дворѣ играли въ сурны, и въ трубы, и били по накрамъ. (Но царь Алексѣй Михайловичъ накрамъ «и трубамъ быти не изволилъ, а велѣлъ во свои государскіе столы,

денъ съ Олеаріемъ, а Корбъ съ Флечеромъ, то остаются только три свидѣтеля.

Флечеръ говоритъ, что невѣсту, наканунѣ свадьбы, привозили въ колымагѣ, или въ саняхъ, въ домъ жениховъ, а съ нею все ея приданое, и въ особенности брачное ложе, которое обыкновенно бывало очень великолѣпно. Мать невѣсты, съ своими пріятельни-

«вмѣсто трубъ и органовъ, и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣти своимъ пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ станицамъ перемѣняясь, строчные и «демественные большіе стихи, изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія «вещи, со всякимъ благочиніемъ. И по его мудрому и благочестному «разсмотрѣнію бысть тишина, и радость, и благочиніе веліе, яко всѣмъ «сущимъ ту дивитися и возсылати славу Богу, и хвалити, и удив«лятися о мудромъ его разумѣ и благочиніи).»

29. «А столъ въ то время былъ въ грановитой палатѣ. Государь и «государыня сидѣли за *золотымъ* столомъ близко стѣны. И стояли «у стола предъ государемъ дружки, а у царицы свахи; да свахамъ «же, для подчиванія, поставленъ былъ столикъ не великой, выше боль«шаго боярскаго стола. А послѣ стола подавали всѣмъ овощи, и ца«рица пошла въ свои хоромы, и столъ былъ у нее большой. (Царица «Алексѣя Михайловича за столомъ въ грановитой палатѣ не была), а «былъ у нее въ хоромахъ особный столъ для боярынь. Бояре же, «и окольничіе, и думные люди, сидѣли за большимъ столомъ, и были «въ шубахъ *нагольныхъ* и въ шапкахъ горлатныхъ. Послѣ стола дол«гое время пѣли пѣвчіе, а потомъ государь пошелъ въ свои хоромы, «а бояре и прочіе разъидошася въ свои домы).»

30. «На третій день такой же столъ. (Царь Алексѣй Михайловичъ «былъ опять одинъ безъ царицы, и послѣ стола жаловалъ многихъ «изъ своихъ рукъ, и подачи овощей всѣмъ, бывшимъ за столомъ; отъ «государя были нескудныя: по цѣлому блюду, а инымъ и по два).»

31. «На четвертый день государь принималъ въ золотой палатѣ «патріарха со властями, кои поднесли ему дары. Послѣ того онъ при«нималъ бояръ и думныхъ людей, а за ними приходили съ дарами го«сти и разныхъ сотней торговые люди; но даровъ государь не при«нялъ ни отъ кого. Наконецъ государь съ патріархомъ, властями и «боярами, пошелъ къ царицѣ, которой также поднесли дары. И того «дня патріархъ и власти ѣли у государя; столъ былъ въ грановитой «палатѣ по обычаю безъ свадебныхъ чиновъ, а взвары и овощи по«давали въ столы по свадебному обычаю.»

цами, оставались при ней всю ночь. Впрочемъ, ни женихъ, ни его родные, въ это время совсѣмъ не говорили съ невѣстою.

Въ день свадьбы, на невѣсту клали покрывало, которое закрывало не только ея лице, но и все тѣло. Потомъ она съ своими поѣзжанами, а женихъ съ своими, отправлялись въ церковь на лошадяхъ, какъ бы церковь ни была близко. Послѣ вѣнчанія невѣста подходила къ жениху и, въ знакъ своей покорности, кланялась ему въ ноги, а онъ накрывалъ ее полою своего платья, означая симъ, что будетъ ее любить и оберегать. Далѣе отецъ и родственники невѣсты подходили къ жениху и кланялись ему низко, а отецъ и родственники жениха подходили къ невѣстѣ, и также ей кланялись. Обрядъ этотъ показываетъ взаимную радость о новомъ родствѣ, и добрую волю исполнять родственныя обязанности. Вскорѣ послѣ этого жениховъ отецъ подносилъ священнику хлѣбъ, а онъ передавалъ его отцу и родственникамъ невѣсты, при чемъ невѣстинъ отецъ удостовѣрялъ, что онъ отдалъ или отдастъ въ назначенное время приданое своей дочери. Заснмъ хлѣбъ ломали и съѣдали. Значеніе этого обряда объяснено въ статьѣ о пеленечахъ.

По окончаніи, женихъ бралъ невѣсту за руку, и входилъ съ нею и со всѣми присутствовавшими въ церковныя двери (въ притворъ?). Здѣсь подавали имъ стаканы и стклянницы съ медомъ, или Русскимъ виномъ. Женихъ пилъ здоровье невѣстино, а потомъ она отвѣчала ему тѣмъ же, поднимая свое покрывало такъ, чтобы можно было ей поднести стаканъ къ губамъ.

Изъ церкви женихъ отправлялся не въ свой, а въ родительскій домъ, а невѣста также въ домъ своихъ родителей, гдѣ родственники съ обѣихъ сторонъ принимались и угощались *честно*. При входѣ мужа и жены въ домы ихъ родителей, осыпали ихъ хлѣбными зернами. Вечеромъ привозили жену въ домъ ея

свекра, гдѣ она во всю ночь не снимала съ себя покрывала, и не говорила ни слова съ своимъ мужемъ, чтобы онъ не могъ ее ни видѣть, ни слышать. По Русскому обычаю, новобрачная могла показаться своему мужу только на другой день свадьбы. Въ продолженіе трехъ первыхъ дней, она не должна была не говорить ничего, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, которыя, по старому обычаю, говорила она за столомъ (?). На третій день молодые отправлялись въ свой домъ.

Въ продолженіе свадебнаго пира, всѣ гости называли новобрачную *княгинею*, а новобрачнаго *княземъ*. Названіе это и теперь еще въ употребленіи; также и свадебный пиръ называется княжимъ пиромъ.

Свѣдѣніе это весьма недостаточно; но любопытно тѣмъ, что объясняетъ значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ: за то Олеарій входитъ въ большія подробности.

Къ жениху и къ невѣстѣ, говоритъ онъ, опредѣлялись по одной женщинѣ, которыя назывались *свахами*: онѣ занимались приготовленіемъ къ свадьбѣ разныхъ вещей. Невѣстина сваха, въ день свадьбы, отправлялась въ домъ жениха, гдѣ приготовляла брачное ложе, а съ нею человѣкъ со сто слугъ, изъ коихъ каждый носилъ на головѣ что-нибудь нужное для постели и украшенія брачной комнаты. Брачное ложе приготовлялось на сороку ржаныхъ снопахъ, а подлѣ него ставилось нѣсколько кадей съ пшеницею, ячменемъ и овсомъ, въ знакъ того, чтобы молодые жили въ изобиліи.

По изготовленіи всего, женихъ съ своими друзьями (поѣзжанами) и съ попомъ впереди, пріѣзжалъ поздно вечеромъ въ домъ невѣсты, гдѣ происходило обрученіе. Друзья съ невѣстиной стороны принимали ихъ ласково, а почетнѣйшихъ сажали за столъ, гдѣ ставилось три яствы, до которыхъ однако жъ никто не касался. Между тѣмъ, какъ женихъ занимался разговорами съ невѣстиными друзьями, оставля-

лось для него въ столѣ большое мѣсто, на которое сажали мальчика, котораго женихъ поднималъ ласково, и садился, а подлѣ него сажали и невѣсту, наряженную въ богатое платье, и чтобы они не смотрѣли другъ на друга, два мальчика держали между ими кусокъ красной тафты. Тутъ подходила невѣстина сваха, чесала ей волосы *, распущенные по плечамъ заплетала ихъ въ двѣ косы, клала на нее вѣнецъ (кику, кокошникъ) съ другимъ нарядомъ, и оставляла ее съ открытымъ лицемъ. Вѣнецъ, обложенный тканію, дѣлался изъ тонкой золотой или серебряной бити, а у ушей, которыя онъ нѣсколько закрывалъ, висѣли по четыре, по шести и болѣе нитокъ крупнаго жемчуга. Платье ея спереди до подола, также рукава, длиною аршина въ три, и стоячій воротникъ шириною пальца въ три, унизывались крупнымъ жемчугомъ: такое платье стоило гораздо болѣе тысячи талеровъ. И жениху также сваха чесала голову.

Между-тѣмъ женщины садились по лавкамъ и, пѣли всякій вздоръ, свадебныя пѣсни. Тутъ, двое хорошо наряженныхъ молодыхъ мужчинъ приносили на носилкахъ, подъ соболиною покрышкою, преогромный сыръ и нѣсколько хлѣбовъ; то же приносили и со стороны невѣсты: это называлось, какъ говоритъ Олеарій, *крабейшики*, корован. Попъ, пріѣхавшій съ женихомъ, благословлялъ сыръ и хлѣбъ, которые относили въ церковь въ то время, когда женихъ съ невѣстою туда отправлялись.

Послѣ того, ставили на столъ большую серебряную мису, съ четвероугольными кусками атласа и тафты (ширинки), гладкими четвероугольными же кусочками серебра (пенязи), хмѣлемъ, ячменемъ и овсомъ, перемѣшанными вмѣстѣ (осыпало).

* Рейтенфельсъ говоритъ о семъ иначе (См. выше, о гребнѣ), присовокупляя, что въ это время собравшіеся на свадьбу гости подносили невѣстѣ дары.

Затѣмъ приходила сваха, и, покрывъ опять невѣсту (фатою), осыпала сказаннымъ хмѣлемъ ее, бояръ и всѣхъ мужчинъ. Кто хотѣлъ, тотъ могъ взять съ мисы атласъ и серебро. Между-тѣмъ пѣли пѣсни. Наконецъ, отцы невѣстинъ и жениховъ, вставъ, мѣняли сговоренныхъ кольцами; послѣ чего сваха брала невѣсту, сажала въ сани, и отправлялась съ нею въ церковь. Грива лошади, запряженной въ сани, и дуга увѣшивались лисьми хвостами. За саньми ѣхали поѣзжане и множество слугъ; потомъ ѣхалъ женихъ верхомъ съ своимъ поѣздомъ и съ попомъ.

Полъ въ церкви почти весь устилался красною тафтою, а на нее клался еще особо кусокъ ткани, на который становились вступающіе въ бракъ (подножіе). Тутъ слѣдовало вѣнчаніе и топтаніе стклянницы съ виномъ.

Женщины осыпали молодыхъ льнянымъ и конопляннымъ семянемъ, поздравляли ихъ, и тащили къ себѣ молодую, какъ-будто отнимая ее у мужа. По окончаніи этой комедіи, мужъ приводилъ жену къ санямъ, а самъ садился на своего коня. Подлѣ саней несли шесть восковыхъ свѣчъ.

Отъ церкви всѣ пріѣзжали уже въ домъ жениха, гдѣ онъ съ гостями садился за столъ, и начинали ѣсть, пить и веселиться *. Между-тѣмъ молодую, раздѣвъ совсѣмъ, клали въ постелю, а потомъ приводили къ ней мужа, передъ которымъ шесть или восемь мальчиковъ несли зажженные факелы, свадебныя свѣчи. Молодая, услышавъ приходъ мужа, вставала, надѣвала на себя соболью шубу, и принимала его съ поникшею головою. Мальчики, поставя факелы въ кади со пшеницею, уходили. Мужъ садился съ женою, которую онъ тутъ только впервые видѣлъ въ лице, за

* Рейтенфельсъ прибавляетъ, что невѣста оставалась за столомъ до третьей яствы, и во все это время оплакивала дѣвическое свое состояніе.

накрытый столъ: имъ подавали кушанье, и между прочимъ жареную курицу; онъ, разорвавъ ее на части, бросалъ крыло или ногу, что̀ попадалось прежде, черезъ себя назадъ, а остальное они съѣдали. Тогда ихъ оставляли. Гости между-тѣмъ пили, ѣли и шумѣли.

Черезъ нѣкоторое время молодые отправлялись въ баню, каждый въ особую, гдѣ ихъ мыли водою, медомъ и виномъ. Молодая дарила мужу рубашку, у которой воротъ вышивался жемчугомъ, да новое дорогое платье *.

Слѣдующіе два дни проводились въ пирахъ, пляскѣ и разныхъ забавахъ, причемъ бывала различная музыка и между прочимъ одинъ инструментъ, который Русскіе называли *псалтирью* (гусли), и играли на немъ пальцами, какъ на арфѣ.

О старинныхъ свадьбахъ простолюдиновъ пишутъ Ченселоръ и Олеарій.

По наступленіи времени, повѣствуетъ первый изъ нихъ, отправляться въ церковь, невѣста противится этому всѣми силами; но наконецъ двѣ пожилыя женщины какъ-будто насильно принуждаютъ ее итти изъ родительскаго дома. Дорогою продолжаетъ она плакать и выть, и можно назвать счастіемъ, присовокупляетъ онъ, что Русскія невѣсты закрываютъ себѣ лице покрываломъ, чтобы не каждый могъ видѣть ихъ притворство. За невѣстою слѣдовалъ женихъ съ своими друзьями, везя съ собою довольно большую стклянницу съ медомъ или съ виномъ. Послѣ вѣнчанія невѣста пила здоровье жениха изъ стклянницы, женихъ дѣлалъ то же въ свою очередь, и бросалъ стаканъ на полъ: тутъ оба они старались одинъ прежде другаго наступить на него ногою, воображая, что кто изъ нихъ первый наступитъ на стклянницу, тотъ и будетъ господствовать надъ другимъ. Не ошибся ли Ченселоръ? Стклянницу растаптывалъ одинъ мужъ. Слова его ско-

* Рейтенфельсъ упоминаетъ здѣсь о провозглашеніи невинности.

рѣе можно отнести къ подножію, что и нынѣ еще дѣлаютъ нѣкоторыя не только простыя, но и высшихъ сословій невѣсты, стараясь прежде мужа ступить на него. Это довольно похоже на невинный обрядъ, заимствованный новѣйшею образованностью у Французовъ, въ которомъ молодая ставитъ шутя свой башмакъ на голову новому своему мужу, съ тѣмъ, чтобъ онъ всегда былъ у нея *подъ каблукомъ*. Послѣ вѣнчанія молодая, которая уже въ церкви снимала съ себя покрывало, возвращалась въ свой домъ съ открытымъ лицемъ. Тамъ садилась она за столъ въ большое мѣсто, а мужъ подлѣ нее. Въ продолженіе стола играли одинъ или нѣсколько музыкантовъ, и двое полуобнаженныхъ мужчинъ (?), которые уже изъ церкви шли за невѣстою, плясали долго передъ гостями. Послѣ доброй попойки, молодыхъ отводили къ постелѣ, и это дѣлалось въ настоящее время, потому что Русскіе вѣнчались всегда подъ вечеръ. Засимъ слѣдуетъ обрядъ съ плеткою, о которомъ мы уже говорили. На свадьбахъ пировали обыкновенно три дня, въ продолженіе которыхъ молодыхъ величали княземъ и княгинею.

Олеарій говоритъ, что простой человѣкъ, или мѣщанинъ, помолвивъ, посылалъ своей невѣстѣ, за день до свадьбы, платье, чепецъ (кику) и пару черевикъ, все новое, да ларецъ съ румянами, гребнемъ и зеркаломъ. Въ день свадьбы приходилъ попъ; жениха и невѣсту сажали за столъ, и между ими держали такую же красную тафту, какъ и на боярскихъ свадьбахъ. Но когда начиналось чесаніе головы, невѣста должна была щеку свою приложить къ щекѣ жениха, и такимъ образомъ они смотрѣли другъ на друга въ зеркало, и улыбались одинъ другому. Потомъ свахи осыпали ихъ и гостей хмѣлемъ, и затѣмъ отправлялись въ церковь.

Д. ЯЗЫКОВЪ.

СИКСТЪ V.

=

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА *.

=

Въ то самое время, когда монахъ Феличе Монтальто, ѳеологъ и совѣтникъ папскаго посольства при Дворѣ Испанскомъ, говорилъ, въ королевской часовнѣ, въ присутствіи набожнаго Филиппа II, краснорѣчивую проповѣдь, на текстъ — *Я далъ тебя во свѣтъ языковъ, да изыдетъ спасеніе мое даже до послѣднихъ земли*, — въ то самое время Пій IV умеръ, и тронъ Папскій остался празднымъ.

Не столько радовали славолюбиваго Монтальто успѣхи проповѣдей его, похвалы и даже ласки строгаго Филиппа, не столько самое торжество надъ завистливымъ критикомъ, дерзнувшимъ порицать проповѣдь,

* Современность есть цѣль и существо нашего Журнала: читателямъ извѣстно, что, изъ всего прошедшаго, допускаетъ онъ въ свой составъ только предметы, относящіеся къ отечественнымъ исторіи и древностямъ, которые всегда будутъ новы для любопытства Русскихъ. Хотя ни какое новое явленіе въ литературномъ мірѣ не подаетъ намъ законнаго повода говорить о знаменитомъ Папѣ, котораго имя выставлено вверху страницы, однако жъ эта прекрасная и ученая характеристика, начертанная для Б. для Ч. искуснымъ перомъ С. П. Шевырева, не можетъ назваться нарушеніемъ ея плана. Кардиналъ Монтальто, впослѣдствіи Сикстъ V, состоитъ въ нѣкоторой связи съ нашею Исторіею, и кому не любопытно ближе познакомиться съ человѣкомъ, черезъ руки котораго проходили важныя сношенія посла Іоанна Грознаго съ главою Западной Церкви въ одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ часовъ, какой только можетъ пробить въ эпохѣ необыкновеннаго политическаго могущества? Это обстоятельство намъ кажется достаточнымъ оправданіемъ въ помѣщеніи статьи о предметѣ не слишкомъ современномъ, тѣмъ болѣе, что статья сама оправдываетъ себя своею занимательностью. Мы сожалѣемъ, что изобиліе вопросовъ, нынѣ занимающихъ Европейскій литературный свѣтъ, и самые предѣлы нашего Журнала не дозволяютъ намъ напечатать ее во всемъ ея пространствѣ. *Б. для Ч.*

посвященную Его Католическому Величеству, и высокая честь, которой онъ удостоился именоваться проповѣдникомъ Короля Испанскаго, сколько печальная для Католическаго міра вѣсть о смерти его владыки, была причина этой радости. По смерти Пія IV открывались большія надежды кардиналу Александрійскому, покровителю монаха Феличе, на полученіе трехэтажной тіары, — а въ случаѣ успѣха, и монаху Феличе готовилась круглая, широкополая, зеленая шляпа съ кистями, утверждающая простаго инока на ряду съ Принцами крови, на послѣдней ступени къ одному изъ престоловъ Европы, который хотя и стоитъ теперь какъ волканъ безъ изверженій, но нѣкогда первенствовалъ на всемъ западѣ, и въ XVI вѣкѣ еще не рѣдко металъ свои молніи.

Надежды Монтальто исполнились. Кардиналъ Александрійскій вышелъ изъ конклава Папою, Піемъ V. Въ то же самое время умеръ генералъ монашескаго ордена Св. Франциска, къ которому принадлежалъ Феличе Монтальто. Новый Папа тотчасъ вспомнилъ о своемъ кліентѣ въ Испаніи, и несмотря на сопернич ество отца-прокуратора Францисканов ъ, немедленно велѣлъ отправить нарочнаго въ Испанію съ указомъ о наименованіи Монтальто генераломъ ордена. Нарочный встрѣтилъ Папское посольство на возвратномъ пути изъ Мадрита въ Римъ. Кардиналъ Буонкомпаньо, легатъ посольства, впослѣдствіи Папа Григорій XIII, видя благоволеніе Пія V къ своему ѳеологу и совѣтнику, самъ принесъ къ нему въ комнату указъ Папскій, и далъ праздникъ всему посольству, по случаю сего назначенія. Монтальто униженно принималъ поздравленія, и вскорѣ, въ Римѣ, съ особеннымъ жаромъ облобызавъ ту шитую крестомъ туфлю, которая творила чудеса надъ бѣднымъ инокомъ, получилъ отъ Его Святѣйшества крѣпкое объятіе, залогъ будущаго возвышенія.

Въ теченіе своей монастырской жизни, которую прошелъ Монтальто отъ первой степени монастырскаго мальчика на послугахъ у всѣхъ монаховъ до ученыхъ степеней баккалавра, доктора, проповѣдника, и до верхней ступени генерала своего ордена, – въ теченіе всей этой жизни, исполненной униженій, искательствъ, страданій, скуки, споровъ, интригъ, Фра-Феличе своимъ горячимъ, заносчивымъ характеромъ, тщеславіемъ учености, легко доступной его живому уму, но неправившейся невѣжественнымъ монахамъ, наконецъ строгою любовью къ правдѣ, которая впослѣдствіи дала великую черту папской его физіономіи, успѣлъ по всѣмъ монастырямъ своего ордена нажить себѣ безчисленныхъ враговъ. И вотъ онъ явился безусловнымъ главою тѣхъ монастырей, гдѣ кишатъ враги его, – и по долгу своему ѣдетъ ихъ осматривать, и всѣ монахи трепещутъ новаго начальника. Монастырь Святыхъ Апостоловъ въ Римѣ, гдѣ Монтальто терпѣлъ наибольшія непріятности, устроиваетъ ему такой торжественный пріемъ съ панегириками, музыкою, стихами и освѣщеніемъ, какого не бывало ни одному генералу ордена. Будущій кардиналъ и Папа поступилъ хитро: онъ объѣхалъ всѣ монастыри свои, осмотрѣлъ ихъ строго, но нигдѣ не обнаружилъ чувства мщенія, и даже иногда позволялъ себѣ смотрѣть сквозь пальцы на неважныя злоупотребленія враговъ своихъ, чтобы не подать повода къ мысли о томъ, будто онъ дѣйствуетъ изъ мести.

По возвращеніи въ Римъ, лукавый монахъ сталъ особенно ухаживать за кардиналомъ Александрійскимъ, Бонелло, племянникомъ Папы. Непотизмъ, введенный еще Сикстомъ IV, продолжался тогда во всей своей силѣ. У новаго Папы никогда не было недостатка въ племянникѣ, котораго онъ немедленно облекалъ въ пурпуровую мантію. Кардиналъ-племянникъ наслѣдовалъ всегда прежній титулъ своего святѣйшаго

дяди, и служилъ ему правою рукою во всѣхъ дѣлахъ. Монтальто зналъ, черезъ кого дѣйствовать. Онъ безпрестанно хвалилъ Папѣ его племянника, а племянникъ возвышалъ передъ своимъ дядею Монтальто. Плодомъ этихъ похвалъ вскорѣ было то, что генералъ Францисканскаго ордена удостоился получить высокій санъ чрезвычайнаго исповѣдника Папы, санъ, который свидѣтельствовалъ особенную, искреннюю пріязнь послѣдняго къ своему любимцу.

Гоненія Королевы Елисаветы противъ католиковъ въ Англіи, и раздоры ея съ Филиппомъ II занимали тогда преимущественно кабинетъ Папскій. Составился особенный совѣтъ изъ кардиналовъ и прелатовъ. Папа хотѣлъ, чтобы Монтальто былъ непремѣнно членомъ совѣта, и для этой цѣли далъ ему санъ епископа. Монтальто служилъ посредникомъ между Папою и совѣтомъ, и своимъ пронырливымъ умомъ болѣе и болѣе снискивалъ любовь Пія V.

Митра епископа не обрадовала однако Монтальто, потому что не ея желалъ онъ. Папа, украшая его митрою, имѣлъ въ виду освободить Монтальто отъ рясы монашеской, чтобы, въ случаѣ необходимости, имѣть наготовѣ умнаго Нунція: извѣстно было, что камзолы прелатовъ при Дворахъ правились болѣе, чѣмъ монашеская одежда.

Между тѣмъ совѣщанія объ Англіи продолжались. Филиппъ II, кипѣвшій злобою противъ Елисаветы, узнавъ объ именахъ членовъ совѣта, писалъ къ самому Монтальто поздравленія, и поощрялъ его убѣдить Папу къ обнародованію церковнаго отрѣшенія противъ Королевы, имъ обоимъ враждебной. Совѣтъ давно задумывалъ ужъ это, но все еще не рѣшался. Однажды Монтальто, бесѣдуя съ Папой, разсказалъ, въ какихъ бы выраженіяхъ думалъ онъ написать это отрѣшеніе: Пій V предложилъ ему сдѣлать опытъ. Ѣдкій и краснорѣчивый Монтальто излилъ весь ядъ

своей желчи на бумагу. Образецъ понравился и Папѣ и совѣту. Въ присутствіи всего священнаго Коллегіума кардиналовъ прочтено было отрѣшеніе: Пій V, предъ лицемъ всѣхъ порфиропосныхъ его членовъ, хвалилъ ревность епископа Монтальто и предвѣщалъ отъ него великія заслуги Церкви. Всѣ заключили изъ словъ Пія, что въ будущемъ спискѣ кандидатовъ на кардинальство не пропуститъ онъ имени Феличе Монтальто.

Однажды, послѣ обычныхъ похвалъ, воздаваемыхъ ему передъ Папою кардиналомъ-племянникомъ, святѣйшій дядя поручилъ племяннику сказать епископу Монтальто между прочимъ: «Монсиньоръ Монтальто! дядя мой въ добромъ къ вамъ расположеніи; черезъ нѣсколько дней, надѣюсь, мы обнимемся братьями.» Монтальто отвѣчалъ: «Я буду всегда слугою Вашей Свѣтлости, если бы даже былъ и Папою.» Пій V не даромъ поручилъ эти слова своему племяннику: какъ добрый дядя, онъ уже думалъ о своемъ наслѣдникѣ, и къ кардинальской мантіи послѣдняго хотѣлъ прицѣпить судьбу умнаго и надежнаго кардинала – приверженца.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1570 года, Папа получилъ радостное извѣстіе изъ Индіи, что усиліями миссіонеровъ Вѣра Христіанская тамъ чрезвычайно распространилась; что многіе цари и народы крестились, и тѣмъ обѣщаютъ будущихъ данниковъ Папскому трону. Пій V учредилъ по сему случаю торжественную процессію; но чтобы оживить Римъ еще бо̀льшею радостію, положилъ произвести новыхъ кардиналовъ. 16 Маія Фра-Феличе Перетти Монтальто изъ Марки Анконской, генералъ ордена Францисканцевъ, епископъ Св. Агаты, получилъ изъ рукъ Его Святѣйшества желанную шляпу съ благословеніемъ и крестомъ, и наименовался священникомъ-кардиналомъ Славянской церкви Св. Іеронима. Феличе Перетти родил-

ся отъ бѣднаго садовника, Франциска Перетти, въ хижинѣ, 1521 года Декабря 13. Слѣдовательно, ему былъ ужъ сорокъ девятый годъ, когда онъ, въ залѣ Ватикана, принялъ ту волшебную шляпу, которую оставалось ему теперь обратить въ царскую тіару. Вмѣстѣ съ кардиналомъ Монтальто произведены были другіе кардиналы изъ монаховъ же, почему это производство прослыло въ народѣ «монашескимъ». Пасквино, обрадовавшись случаю, написалъ на себя остроту: вообразивъ, что у него на головѣ тыква, онъ спросилъ у Марфорія: — Пристала ли ко мнѣ эта шляпа? Марфоріо отвѣчалъ:—Точно такъ же, какъ кардинальская шапка къ головѣ монаха.*

Несмотря на эти безвредныя шутки, несмотря на то, что всякое новое назначеніе кардиналовъ влечетъ за собою новые налоги, Римскій народъ, этотъ добрый шутникъ Пасквино, безпечно радуется и веселится новымъ князьямъ Церкви, новымъ лицамъ въ его любимыхъ процессіяхъ и церемоніяхъ, услаждающихъ однообразную жизнь его. Весь Римъ блещетъ тогда огнями, покрытъ заревомъ. Дворцы новыхъ кардиналовъ иллюминованы великолѣпно. По площадямъ, по улицамъ, народъ зажигаетъ кучи хвороста и осмоленыя бочки. Корсо дрожитъ отъ стука раззолоченныхъ, пышныхъ каретъ. Въ залахъ новыхъ кардиналовъ блещутъ посланники съ ихъ свитами, тѣснятся прелаты въ чулкахъ фіолетовыхъ, аббаты, прочіе духовные и свѣтскіе чиновники Рима. Вездѣ поздравленія, вездѣ огонь, шумъ, радость.

Догорѣли послѣдніе почные огни на кардинальскомъ праздникѣ; всѣ новые кардиналы, утомленные шумомъ поздравленій и радостію, спали глубокимъ сномъ: говорятъ, что одинъ изъ нихъ бодрствовалъ,

* Пасквино и Марфоріо, какъ извѣстно, статуи, на которыхъ Римскій народъ пишетъ свои эпиграммы, влагая ихъ въ уста самимъ статуямъ.

и что, будто-бы, при свѣтѣ лампады, рука его чертила слѣдующее:

«Отецъ небесный! въ священной сокровищницѣ Твоего безконечнаго Провидѣнія погребены таинства судебъ, которымъ на земли подлежитъ человѣчество: просвѣти же умъ мой лучами Твоей благодатной любви, сего истиннаго солнца смертныхъ, и дай мнѣ силы открыть путь, Тобою мнѣ предназначенный, на которомъ могъ бы я сойтись съ предначертаніями Твоего промысла. Мужайся, мое сердце; бодрствуйте, мои надежды; небо мнѣ ясно; оно обѣщаетъ путь добрый, счастіе высшее. Иначе, съ какою бы цѣлью, сей чудесный Правитель вселенной призвалъ меня отъ нечистаго стада къ степени доктора Церкви, отъ палки свинопаса* къ управленію орденомъ Францисканскимъ, отъ капишона къ митрѣ, и наконецъ къ багряницѣ? Зачѣмъ было спасать меня отъ тмы гоненій, въ коихъ едва не погибъ я? Ужели во всѣхъ этихъ успѣхахъ моихъ не видно чудесъ? Ужели я даромъ былъ возвышенъ изъ праха? Ужели всѣ эти друзья, съ такимъ рвеніемъ противоставшіе врагамъ моимъ, посланы мнѣ были безъ всякаго умысла? Я самъ, своимъ рожденіемъ и воспитаніемъ, не похожъ ли на какое-то чудное растеніе, которое было подъ особенною поливою самого Промысла и Имъ чудесно предохранено отъ всѣхъ ядовитыхъ укушеній моей злой собратіи? Поставить меня главою Ордена, гдѣ ненависть едва терпѣла меня и въ послѣднихъ; избрать первосвященника, одушевленнаго такимъ расположеніемъ ко мнѣ; внушить ему мысль вѣнчать меня митрою и наконецъ, возложивъ пурпуръ на плеча мои, поставить меня въ такое краткое время наряду съ принцами крови: на какой конецъ всѣ эти чудеса устроены Провидѣніемъ, если не на тотъ, чтобы дать мнѣ путь къ исполненію другаго важнѣйшаго замысла, угоднаго самому Промыслу?

«А эти рѣзкіе намеки о будущемъ моемъ папствѣ, которые такъ часто случалось мнѣ или самому говорить въ шутку или слышать отъ другихъ? ужели они даромъ? Кто знаетъ, можетъ быть, они были внушеніемъ звѣздъ, намеками,

* Извѣстно, что Сикстъ V, въ своемъ дѣтствѣ, у отца пасъ свиней.

посыланными изъ того Хранилища, гдѣ заключено и прошедшее и настоящее, и откуда истекаютъ всѣ вліянія на судьбу людей, ихъ униженіе и величіе, и зло и благо? Я не знаю сердецъ человѣческихъ: одному Богу они вскрыты. Я не знаю того, что̀ другіе думаютъ о своемъ предназначеніи, какія мечты блуждаютъ въ головѣ ихъ о будущемъ ихъ жребіи; но что̀ касается до меня, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ себя помнить, ни одна мысль такъ живо, такъ сильно не играла моимъ воображеніемъ, какъ мысль о томъ, что я нѣкогда могъ бы сдѣлаться Папою, — и всего замѣчательнѣе: эта мысль тогда еще сильнѣе занимала мою голову, когда менѣе всего я видѣлъ возможности ее исполнить. Кто же вложилъ мнѣ въ умъ эти мечты, эти мысли? Звѣзда моей жизни; мой ангелъ-вожатай; Провидѣніе, распредѣляющее свои сокровища на земныя орудія людямъ: отъ чего и происходитъ часто недоумѣніе наше, когда мы видимъ счастіе въ рукахъ недостойнаго, бремя несчастія надъ достойнымъ, и, налагая перстъ на уста, предаемся добровольно той рукѣ Всемогущей, которая съ своего неба сыплетъ различныя чудеса по живущему на землѣ человѣчеству.

«Ни какая лѣствица въ мірѣ такъ не крута, какъ лѣствица, ведущая къ тіарѣ Папской; и не я ли всѣхъ менѣе имѣлъ права думать, какъ взойти бы на эту лѣствицу? Однако я взошелъ на нее, и стою теперь на послѣдней ступени; я достигъ наконецъ двери, *сю же* входятъ и которая одна мнѣ осталась преградою; я достигъ того, что теперь уже не въ шутку, а важно могу сказать себѣ: «кто знаетъ, можетъ быть и я буду Папою?» — Но какъ толкнуться въ эту дверь мнѣ, бѣдному кардиналу-монаху? Не дерзость ли даже и думать объ этомъ? Мнѣ быть Папою! Но какимъ образомъ? Гдѣ у меня сильное родство? Гдѣ заслуга опытовъ въ посольствахъ, въ важныхъ дѣлахъ внѣ и внутри государства? Кто подумаетъ вручить кормило великаго корабля Св. Церкви и управленіе государствомъ столь знаменитымъ кардиналу, который, въ теченіе всей своей жизни, жилъ въ своей кельѣ, и зналъ управленіе только однихъ монаховъ? Кабалы монастырей и ихъ жителей мнѣ слишкомъ знакомы; но кабалы Двора и конклавовъ совершенно иное дѣло. Есть ли мнѣ возможность составить какую-нибудь пар-

тію въ конклавѣ? Главы разныхъ партій обратятъ ли вниманіе на лице мое? А безъ этого какъ быть Папою? Замышлять такіе планы безъ партіи не все ли то же, что искать спасенія отъ Силуамской купели, не имѣя Ангела, который возмутилъ бы воду?

«Если бъ достаточно было одной доброй воли къ тому, чтобы войти въ Ватиканъ, никто бы прежде меня не вошелъ въ него. Если бы доброе мнѣніе о себѣ было ключемъ, подходящимъ къ двери Ватикана, — прежде всѣхъ я бы ее отперъ. Но къ чему же терять духъ? Если Провидѣніе творитъ Папъ, какъ я вѣрю и долженъ вѣрить, то я никакъ не отчаяваюсь въ томъ, чтобы я не имѣлъ какой-нибудь части во всемогущемъ Его предрасположеніи. Одно Провидѣніе знаетъ до глубины, въ чемъ состояли бы мои замыслы на престолѣ Папскомъ, каково было бъ мое рвеніе къ Церкви, мое управленіе государствомъ, мои уставы въ Христіанствѣ: а зная это, оно одно могло бы распахнуть мнѣ двери, вопреки всѣмъ препятствіямъ человѣческимъ, всѣмъ личнымъ выгодамъ тѣхъ, которые управляютъ конклавами по своему. Будь я только Папою, всѣ политики міра подняли бы брови отъ удивленія; всѣ закричали бы громкимъ голосомъ — *Како сей вѣсть книги не учився?* Всѣ бы въ изумленіи воскликнули: возможно ли, чтобы этотъ бѣдный монахъ, низкаго рода, неопытный, одинъ преобразовалъ Римъ, уничтожилъ злоупотребленія, развратъ, злодѣйство, натворилъ чудесъ, посмѣваясь древнимъ Римлянамъ, и обогатилъ казну замка при тяжкой нищетѣ народа? Чувствую, что я бы это сдѣлалъ.

«Феличе! твои высокіе замыслы о счастіи Рима, можетъ-быть, когда-нибудь исполнятся: ибо столь великія намѣренія не сообщаются природою безъ внушенія свыше. Да, Монтальто! небо простираетъ къ тебѣ руку; божественное Провидѣніе зоветъ тебя; не будь же съ своей стороны глухъ къ его призыву, не медли и ты простереть твою руку къ рукѣ Всемогущей. Зачѣмъ Богъ, при созданіи человѣка, опредѣлилъ жить ему *въ рукѣ собственнаго совѣта?* Затѣмъ, чтобы зналъ человѣкъ, что хотя небо и правитъ землею, хотя Провидѣніе и располагаетъ всѣми путями человѣковъ, и добромъ и зломъ, коимъ они подвержены; но хочетъ вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, чтобы люди, свободнымъ произволомъ, добровольнымъ потомъ лица, стремились избѣгать вреда своего и достигать добра и славы.

«Бодрствуй, Монтальто! Ударь въ колоколъ своего благоразумія, созови воедино всѣ силы твоего духа, и спроси ихъ совѣта о томъ, какими средствами пытать тебѣ твое вшествіе въ Ватиканъ? У тебя нѣтъ ни друзей, ни родныхъ, ни опоры, ни партіи, ни богатства, ни видимыхъ заслугъ, у тебя нѣтъ ни одного изо всѣхъ этихъ средствъ: начерти же себѣ другую дорогу. Главными твоими врагами и препятствіями будутъ тѣ, которые знали тебя еще въ монахахъ: они прославятъ тебя человѣкомъ сварливымъ, горячимъ, упрямымъ, суровымъ въ управленіи. Какъ же пособить этому вредному о тебѣ мнѣнію и упрочить за тобою блага, на которыя ты надѣешься? Облеки свою душу, отъ природы горячую и строгую, ложнымъ покровомъ простоты и кротости. Оставь кожу льва, и надѣнь на себя шкуру овцы. Ты не могъ прежде стерпѣть ни малѣйшей обиды: приготовься теперь сносить не одну, а всѣ, и самыя тяжкія.

«Кто не умѣетъ притворяться, не умѣетъ жить, qui nescit fingere, nescit vivere: нѣтъ орудія сильнѣе лицемѣрія и притворства къ тому, чтобы ослѣпить умъ человѣческій; но надо умѣть направлять ловко эти обманы: иначе лицемѣръ будетъ похожъ на человѣка, который плюетъ вверхъ на воздухъ, и самъ заплевываетъ лице свое. Этотъ обманъ долженъ быть естественъ: если жъ откроется его подложность, то вмѣсто пользы принесетъ онъ одинъ вредъ. Обманъ грѣхъ, я это знаю; но если бы я желалъ папской тіары для себя, для своей славы, для своего честолюбія, — сіе орудіе лицемѣрія и притворства, которое я поднимаю на врата Ватикана, какъ тяжкое преступленіе, отяготѣло бы на моей совѣсти; но такъ какъ замыслъ мой стремится ко благу государства и Церкви, то грѣхъ мой принесетъ плодъ добрый.

«Но какое средство обуздать мнѣ собственныя страсти, въ одно мгновеніе убить свою плоть, изнасиловать нравъ, оковать духъ и сдѣлаться плѣнникомъ самаго себя? Что говорю: плѣнникомъ? Живаго зарыть себя въ гробъ, потому что надо уже рѣшиться или не думать о тіарѣ, или быть

между другими живымъ мертвецомъ. Твердая рѣшимость духа побѣждаетъ всякое препятствіе плоти. Поставлю же себя передъ свѣтскими и духовными образцемъ совершенства, эмблемой простоты, зеркаломъ смиренія, примѣромъ святости, притчею добронравія. Всякой духъ гнѣва да выйдетъ изъ моей груди; всякая мысль о мщеніи да искоренится изъ сердца; мое природное побужденіе къ строгости правосудія да сожмется тѣснѣе въ душѣ моей; чувства мои да окуются такъ, чтобъ я казался міру безчувственнымъ. Я ученъ: сдѣлаюсь невѣждой. Я силенъ и крѣпокъ: притворюсь слабымъ, умирающимъ. Я честолюбивъ: пусть думаютъ всѣ, что я примѣръ смиренія. Я отъ природы нетерпѣливъ: буду казаться терпѣливымъ. Я люблю свои выгоды: явлюсь безкорыстнымъ. Я люблю сытный столъ: буду поститься. Однимъ словомъ, если я хочу тіары, только подобною монетою я могу купить ее, — и да будетъ часто напоминать мнѣ сердце, что монета сія не должна казаться ложною, ни насильственнаго чекана, но какъ будто-бы она была вылита изъ самаго чистаго и свѣтлаго металла. Бодрствуй же, Монтальто; помни, что самые великіе монархи за горсть славы жертвовали жизнію, и часто безъ славы падали въ крови своей; ты болѣе чѣмъ они въ правѣ дѣлать насилія своему духу и тѣлу, ибо ты обращаешь свои замыслы на тіару духовнаго владыки міра.»

Авторъ жизнеописанія Сикста V говоритъ, что это сочиненіе, написанное собственною его рукою, найдено было въ бумагахъ кардинала Кастаньи, и что внизу были подписаны послѣднимъ слѣдующія слова: «Сикстъ V, будучи еще кардиналомъ Монтальто, своею рукою написалъ сей монологъ, какъ памятную записку для своего поведенія, и имѣлъ въ обычаѣ читать ее довольно часто, особенно въ тѣ минуты, когда чувствовалъ въ себѣ волненіе какой-нибудь страсти. Онъ умѣлъ сочинить ее, умѣлъ и выполнить. Сильная побѣда надъ самимъ собою отворила ему двери Ватикана.»

Нельзя однако жъ поручиться, чтобы эта бумага бы-

ла дѣйствительно написана кардиналомъ Монтальто: рѣзкіе намски на будущее, исестественная откровенность человѣка съ самимъ собою, внушаютъ подозрѣнія; но она одушевлена жаромъ души горячей, проникнута мыслію Сикстовой; слогъ ея, испещренный фигурами, есть слогъ того времени и обличаетъ пламеннаго сочинителя многихъ проповѣдей. Во всякомъ случаѣ она замѣчательна: если авторъ ея не самъ Сикстъ V, то по крайней мѣрѣ человѣкъ, вполнѣ постигшій характеръ великаго Папы и главную мысль всей его жизни, къ которой, какъ къ средоточію, примыкали всѣ дѣла его.

Въ вѣкѣ рожденія Іезуитовъ, въ томъ вѣкѣ, когда католическое духовенство, истощивъ всѣ возможныя средства къ поддержанію своей власти, рѣшилось наконецъ на избраніе орудій самыхъ скрытыхъ и для своихъ цѣлей позволило всѣ средства, – въ такомъ вѣкѣ понятно, что въ головѣ властолюбиваго монаха-генія, чувствовавшаго силу мышцъ и воли, могла родиться мысль употребить самое низкое орудіе человѣческое, лицемѣріе, для того, чтобы, взявши тіару, скрѣпить узы слабѣвшей Западной Церкви и устроить свое несчастное отечество. Въ первыхъ вѣкахъ Церкви, сыны ея, открытымъ примѣромъ истинной добродѣтели, снискивали власть и распространяли силу Вѣры; но въ XVI вѣкѣ Церкви Западной, геній, радѣвшій объ оной, только безпрерывнымъ рядомъ подлыхъ униженій, личное слабости тѣлесной и умственной, могъ достигать той же цѣли. Первые поборники смиряли страсти свои силою воли, преданной Богу, не имѣя въ виду ничего кромѣ спасенія души своей; кардиналъ XVI вѣка смирялъ страсти свои насиліемъ воли, преданной властолюбію, хотя и съ добрыми цѣлями. Всѣ нечистыя стихіи духовной жизни вѣка звучатъ въ этихъ словахъ Сикста: *грѣхомъ сотворю плодъ добрый!* Здѣсь ужъ нарушено слово Еван-

гельское, — «Древо доброе творитъ плоды добрые, древо злое — плоды злые.»

Другая мысль, связывающая подвигъ кардинала Монтальто съ его вѣкомъ, есть вѣра въ предназначеніе, въ звѣзду, ведущую его путями неизвѣстными къ цѣли высшей. Безъ этой мысли, что Провидѣніе само участвуетъ въ его подвигѣ, безъ этой вѣры въ себя, какъ въ чудо Божіе, кардиналъ Монтальто едва ли бы увѣнчалъ свое стремленіе такимъ блистательнымъ успѣхомъ.

Эти двѣ мысли, одушевляющія приведенное нами сочиненіе, дѣлаютъ его весьма примѣчательнымъ, и скрѣпляютъ дѣло Сикста печатью генія и вѣка.

Наступило наконецъ время искуса для Монтальто. Мы видѣли, какъ онъ призывалъ свои силы на тяжкій подвигъ, и какое орудіе избралъ для его совершенія. Но это униженіе, это лицемѣріе были плодомъ не мгновенной рѣшимости въ Монтальто: зародышъ ихъ открывается и въ прежней его жизни; иное возвышеніе невозможно было въ вѣкѣ, который пародировалъ высокое слово Евангельское — «Смиряяся вознесется.» Увидѣвъ себя въ возможности надѣть тіару, Монтальто рѣшился наконецъ собрать свои силы и подавить въ себѣ временнымъ пепломъ пламень души и жизни. Здѣсь мы видимъ духъ сына юга, новѣйшаго Римлянина, который способенъ цѣлыя десятилѣтія носить въ груди своей, какъ закрытый кладъ, мщеніе, злобы: такъ Монтальто носилъ въ себѣ свой высокій замыселъ.

При жизни своего покровителя, Папы Пія V, онъ не могъ вдругъ отказаться отъ дѣлъ и уединиться въ жизни тѣмъ болѣе, что, по случаю отсутствія племянника-кардинала, всѣ дѣла его въ столицѣ ему были поручены. Въ это время своего управленія, онъ успѣлъ, несмотря на сопротивленіе Испаніи, утвердить во всѣхъ государствахъ католическихъ учрежденіе новыхъ цер-

ковныхъ судилищъ, которыя зависѣли бы непосредственно отъ Папскихъ нунціевъ, и издать буллу, которою запрещалось всѣмъ Государямъ католическимъ брать какую бы то ни было подать съ духовныхъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви. Въ этихъ двухъ дѣйствіяхъ кардинала виденъ его монашескій духъ, всегда горячо заботившійся о власти и выгодахъ святителей.

Лишь только кардиналъ-племянникъ возвратился въ Римъ, Монтальто немедленно сдалъ ему всѣ дѣла, и началъ приступать къ исполненію своего замысла. Онъ видѣлъ далеко, и зналъ, что прежде всего надлежало ему примириться съ врагами, особенно политическими, которыхъ нажилъ ему горячій его характеръ. Такая всеобщая мировая была первымъ необходимымъ условіемъ для искателя тіары. Булла противъ податей съ духовныхъ возбудила во всѣхъ посланникахъ досаду на Монтальто, какъ главнаго ея виновника. Онъ оправдался передъ ними своею къ нимъ покорностью. Опаснѣйшіе враги его были въ Венеціи: исправляя тамъ должность инквизитора со всею ревностію пылкаго монаха, чуждаго свѣтской утонченности, Монтальто вооружилъ противъ себя весь Сенатъ и даже духовенство. Онъ опять пріобрѣлъ ихъ благосклонность искусною лестью.

Въ 1572 году умеръ Пій V. Смерть Папы благопріятствовала его намѣренію — устраниться отъ дѣлъ, потому что признательность къ своему благодѣтелю, Піо, требовала отъ него дѣятельности. Кардиналы вошли въ конклавъ; партіи раздѣлились; начались интриги: одного Монтальто не было слышно. Притворясь, что ничего не видитъ и не знаетъ, онъ выходилъ изъ своей кельи только къ обѣднѣ; избѣгалъ всякой партіи, чтобы показаться самымъ безпристрастнымъ, и увѣрялъ всѣхъ, что желалъ бы имѣть столько голосовъ, сколько кардиналовъ въ конклавѣ.

На этотъ разъ въ Римѣ не долго ждали Папы: избранъ кардиналъ Буонкомпаньо, извѣстный своимъ кроткимъ характеромъ.

Тогда Римъ огласился вѣстью о кровавой ночи Св. Варѳоломея. Скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, нашлись въ Римѣ люди, которые называли эту ночь дѣломъ святымъ и праведнымъ; но мягкосердечный Папа, къ его славѣ, не радъ былъ новости. Онъ спрашивалъ мнѣнія у кардиналовъ и между-прочимъ у Монтальто, который, зная кротость Григорія, такъ отвѣчалъ ему: «Конечно, должно желать, чтобы католическая религія очищена была отъ ересей, которыя ее одолѣваютъ; но средства къ тому должны быть законныя и человѣческія. Не убій! — начертано было на скрижали законовъ, въ то самое время, когда между Іудеями были, вѣроятно, многіе святотатцы и идолопоклонники. Что скажутъ теперь сами еретики, услышавъ насъ поющихъ слова Христовы: «Не хочу смерти грѣшника, но сже обратитися и живу быти ему?» Я думаю, что празднества и освѣщенія теперь вовсе намъ не приличны, и тѣмъ болѣе, что такое убійство совершенно противно кроткой душѣ вашего святѣйшества: да и слѣдуетъ ли Церкви Христовой радоваться пролитію какой бы то ни было крови человѣческой?»—Отвѣтъ, сочиненный въ духѣ новаго Папы, ему понравился.

Удаляясь отъ дѣлъ политическихъ, Монтальто предавался болѣе занятіямъ ученымъ. Онъ искалъ уединенія; купилъ себѣ небольшую vigna, виноградный садъ, около Санта-Марія-Маджіоре; поселился въ ней скромно; началъ умножать свою библіотеку, несмотря на скудные доходы; получалъ въ подарокъ книги отъ кардиналовъ; привелъ къ окончанію и напечаталъ давно имъ начатое сочиненіе «О трудахъ Св. Амвросія». Желая поддерживать милость къ себѣ Папы, онъ посвятилъ ему свое изданіе.

Однако, несмотря на униженіе передъ нимъ и его племянникомъ, кардиналомъ Буонкомпаньо, Монтальто не нравился Григорію XIII. Этому находятъ двѣ причины: Монтальто былъ созданіемъ Пія V, который не любилъ Григорія въ кардиналахъ; Григорій, будучи легатомъ въ Испаніи, зналъ горячій его характеръ, и видѣлъ въ настоящемъ его поведеніи одно притворство, такъ какъ и многіе изъ кардиналовъ. Подъ предлогомъ уменьшенія расходовъ государственныхъ, Папа лишилъ Монтальто даже той пенсіи, которая Піемъ V была ему назначена, какъ бѣдному кардиналу. Но Монтальто, умѣривъ свои расходы, не обнаружилъ ни какого неудовольствія, и увѣрялъ кардинала-племянника, что онъ, видя въ его святѣйшествѣ такую ревность къ обогащенію Церкви, не только съ радостью отказывается отъ милостыни, ему назначенной, но радъ бы отдать свое послѣднее въ руки столь благонамѣреннаго пастыря.

Монтальто имѣлъ сестру, Камиллу, и брата, Антонія, которые съ своими семьями жили вдали отъ Рима. Антоніо, услышавъ, что братъ его сдѣланъ кардиналомъ, обрадовался и отправился въ Римъ, въ надеждѣ, что братъ поможетъ ему, бѣдной семьѣ его, и возьметъ къ себѣ его сына, чтобы, по обычаю вѣка, приготовить себѣ будущаго кардинала-племянника. Сестра написала письмо къ свѣтлѣйшему и любезному брату, просила денегъ, сама просилась въ Римъ, хотя въ прачки къ его свѣтлости. Но всѣ надежды ихъ были напрасны: Антоніо воротился съ 60 піастрами въ карманѣ, не болѣе; сестра получила столько же и отвѣтъ на письмо, въ которомъ братъ объяснялъ ей, что онъ пожалованъ въ кардиналы съ тѣмъ, чтобы пещись не о родныхъ своихъ, а о Церкви Божіей; что онъ живетъ какъ монахъ, вдали отъ свѣта; что онъ отказался отъ всѣхъ узъ крови, отъ всякой земной страсти.

Въ народѣ пошла молва: вотъ кардиналъ достойный!

онъ нетакъ какъ другіе; не обогащаетъ родни своей на счетъ народа! – Монтальто достигалъ своей цѣли, а бѣдный Антоніо, лишившись всѣхъ надеждъ своихъ, умеръ съ горя. Настоятель монастыря Святыхъ Апостоловъ, отъ имени генерала, явился къ кардиналу Монтальто съ угодливымъ предложеніемъ отслужить великолѣпную панихиду за упокой души его брата. Монтальто отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ предложенія генерала; что родные для него давно уже мертвы, какъ и онъ для нихъ; что за простую обѣдню о душѣ его брата онъ будетъ монастырю благодаренъ, а пышная панихида крестьянину не прилична.

Изъ жалости ли къ покойному брату и бѣднымъ сиротамъ его, или желая имѣть при себѣ близкаго родственника, который сообщалъ бы ему городскіе слухи, кардиналъ рѣшился взять къ себѣ въ Римъ старшаго своего племянника. Ктому жъ, протоіерей того мѣстечка, гдѣ жили его родные, черезъ котораго кардиналъ помогалъ имъ, хвалилъ ему живыя способности семнадцатилѣтняго юноши, и успѣхи въ наукахъ. Монтальто помѣстилъ его у себя въ домѣ, и посылалъ въ школу къ Іезуитамъ. Племянникъ былъ характеромъ, вѣроятно, въ своего дядю: скоро поссорился съ товарищами, и послѣ сильной распри, ночью былъ убитъ и найденъ мертвымъ на улицѣ. Монтальто огорчился, но скрѣпилъ сердце. Безпорядки Рима, по мягкосердечію Папы, дошли до крайности: убить племянника кардинала – неслыханное злодѣйство! Многіе члены Коллегіума навѣстили дядю въ горѣ; убѣждали его просить Папу, чтобы онъ вступился и нашелъ убійцъ; самъ кардиналъ Фарнезскій, врагъ Монтальто, побуждалъ его къ отмщенію; но смиренникъ увѣрялъ, что не хочетъ мстить живымъ за мертваго родственника; что мщеніе грѣхъ передъ Богомъ; что онъ предоставляетъ все волѣ его святѣйшества. Виновныхъ не нашли при Григоріи XIII, потому

что не искали; но Сикстъ V умѣлъ найти и наказать ихъ.

Такъ удалялся Монтальто отъ узъ крови, отъ богатства; такъ убѣгалъ онъ почестей и дѣлъ политическихъ. Великій Магистръ Мальтійскихъ Кавалеровъ, находившійся въ Римѣ, плѣненъ былъ смиреніемъ Монтальто, и говорилъ: «Смотря на него, я, кажется, вижу одного изъ первосвященниковъ первоначальной Церкви.» Монтальто торжествовалъ изъ-за своей маски.

Нѣсколько разъ Папа приглашалъ его засѣдать въ конгрегаціяхъ кардиналовъ; но онъ отказывался, сначала незнаніемъ дѣлъ, потомъ слабостью и болѣзнями; говорилъ, что его занятіе — книги богословскія, а не политика, не война, не свѣтъ. Папа сначала досадовалъ, подозрѣвалъ притворство, замыслы на будущій конклавъ; однако призывалъ его иногда на совѣтъ: Монтальто отдѣлывался общими мѣстами, и убѣдилъ наконецъ Папу въ своей неспособности къ дѣламъ. Перестали приглашать его на совѣщанія, и поручали ему одни дѣла ученыя.

Однимъ изъ такихъ ученыхъ порученій для Монтальто былъ пріемъ Русскаго посланника въ Римѣ. Царь Иванъ Васильевичъ, въ 1580 году, отправилъ посла, Истому Шевригина, къ Папѣ съ просьбою о томъ, чтобы онъ взялся быть примирителемъ между имъ и Стефаномъ Польскимъ. Это былъ наружный предлогъ посольства: тайный предметъ его состоялъ въ томъ, чтобы подвинуть Папу противъ Султана, который угрожалъ войною Россіи. Царь считалъ Папу душою всего Европейскаго союза противъ Турокъ, и, возбудивъ его, думалъ поднять Австрію и Испанію, и тѣмъ отвратить отъ себя Оттоманскую тучу. Но Европа утомлена была борьбою; Венеціянцы покоились; Филиппъ также заключилъ примиреніе съ Портою, — и посольство Царское не имѣло успѣха.

Однако, посланникъ былъ принятъ великолѣпно. Приготовляясь къ первой аудіенціи, Русскій не соглашался поцѣловать туфлю Папы, какъ ни увѣряли его, что сами Императоры не могутъ имѣть аудіенціи у его святѣйшества безъ совершенія этого обряда. Вѣрный посолъ отправилъ гонца въ Россію просить разрѣшенія на то у своего Государя. Монтальто поручено было убѣдить посла къ согласію на обрядъ, потому что разговоръ съ посольствомъ происходилъ по-Латини, а Монтальто, какъ ученѣйшій изъ кардиналовъ, лучше всѣхъ выражался на этомъ языкѣ. Краснорѣчіе смиреннаго кардинала скоро подѣйствовало, и Русскій посолъ согласился коснуться устами Папской туфли.

Монтальто же поручено было возить Русскаго гостя по Риму, показывать ему всѣ рѣдкости древней столицы. Кардиналъ-монахъ носилъ бороду: такой чичероне былъ подъ пару Русскому XVI вѣка. Сѣверные гости возбуждали живое любопытство въ жителяхъ юга. Римляне съ удивленіемъ смотрѣли, какъ Московиты подливаютъ водки въ самыя лучшія виноградныя вина. Охотно ѣздили наши соотечественники въ церкви смотрѣть церемоніи католическія; но лишь только замѣчали собаку въ храмѣ, тотчасъ выходили. Велѣно было заботливо выгонять собакъ изъ церквей, особенно когда ожидали Русскаго посланника. Жители Рима, привыкшіе видѣть собакъ въ самыхъ пышныхъ церемоніяхъ папскихъ, въ храмѣ Св. Петра, удивлялись этому отвращенію нашихъ соотчичей, въ которомъ Русскіе XIX вѣка вѣрно сходятся съ Русскими XVI.

Московскій посолъ, передъ отъѣздомъ, отдалъ благодарственные визиты всѣмъ кардиналамъ. Какъ удивился онъ, когда, послѣ царскихъ чертоговъ прочей братіи священнаго Коллегіума, пріѣхалъ въ скромный домикъ своего кардинала-чичероне, убранный весь-

ма просто! Въ простую душу Руескаго, вѣроятно, и не запала мысль, что все это смиреніе была одна личина, и что это бѣдное жилище векоръ должно было превратиться въ великолѣпные чертоги.

Долго разсуждали у Папы передъ отъѣздомъ нашего посла, отправлять ли въ Москву нунція. Многіе кардиналы подали мнѣнія противъ этого; Монтальто былъ спрошенъ послѣдній, и отвѣчалъ: «Когда посылали нунція къ еретической королевѣ Елисаветѣ, гонительницѣ Церкви, отчего не послать къ Государю, покровительствующему у себя католиковъ?» И Антоній Поссевинъ былъ отправленъ, согласно мнѣнію Сикста V, еще кардинала.

Второе ученое дѣло, гдѣ Монтальто принималъ большое участіе, было измѣненіе календаря. Еще во время посольства въ Испанію, онъ говорилъ съ Григоріемъ о необходимости его исправить. Наконецъ, въ 1582 году, медикъ Антоній Лилій, по совѣту Монтальто, представилъ Папѣ трудъ брата своего, Алоизія Лилія, – книгу, содержащую планъ новаго календаря. Разсмотрѣніе ея поручено было ученому кардиналу, который, давно имѣвши тотъ же планъ въ виду, изъявилъ полное одобреніе. Немедленно собрали консисторія, рѣшили дѣло, отправили копіи новаго календаря ко всѣмъ Государямъ Христіанскимъ, во всѣ знаменитыя школы и академіи Европы; получили согласіе. Отличные ученые приглашены были въ Римъ на совѣтъ; главное предсѣдательство его поручено Монтальто. Въ скромной его комнатѣ совершилось дѣло исправленія: отняли у Октября мѣсяца 1582 года 10 дней, и булла Папы, начинающаяся словами – Inter gravissimis pastoralis officii nostri curas ea postrema non est, возвѣстила Европѣ новый календарь, который хотя и наименованъ Григоріанскимъ, но по всѣмъ правамъ долженъ бы носить имя Монтальто.

1582-й и 3-й годы были тяжелы для Рима. Не родилось ни хлѣба, ни винограду, ни какихъ плодовъ: народъ мучился голодомъ. Но главная вина бѣдствія лежала на родственникахъ Папы. Въ Тосканѣ былъ голодъ передъ этимъ, – и хлѣбъ во Флоренціи вздорожалъ. Родственники Папы послали туда не только весь хлѣбъ изъ городскихъ магазиновъ, но еще, запретивъ вывозъ хлѣба частнымъ людямъ, скупили его, продали во Флоренцію, и обогатили самихъ себя. Народъ роптал и мучился. Піастра было мало въ день, чтобы прокормиться человѣку. Монтальто самъ, съ своимъ скуднымъ доходомъ, съ шестью человѣками въ домѣ, находился въ крайности. Онъ прибѣгнулъ къ кардиналу Колоннѣ, своему другу, который оказалъ ему помощь. Колонна не вытерпѣлъ, отправился къ племяннику Папы, жаловался ему, что неприлично оставлять кардинала въ такомъ крайнемъ положеніи; но Буонкомпаньо былъ глухъ къ увѣщаніямъ, не доставало денегъ на народныя нужды. Монтальто, въ своемъ бѣдствіи, рѣшился прибѣгнуть къ вицерою Неаполитанскому, который благоволилъ къ нему еще въ Испаніи; онъ спрашивалъ на то разрѣшенія у кардинала – племянника: «Просите милостыни, если вамъ это нравится,» отвѣчалъ ему послѣдній. Монтальто перенесъ обидное слово, и вскорѣ получилъ такое пособіе изъ Неаполя, что не только прокормилъ домъ свой, но и щедро помогалъ бѣднымъ. Тогда-то особенно народныя сердца обратились къ нему; вездѣ слышно было: Вотъ кардиналъ примѣрный! самъ живетъ милостынею, и даетъ милостыню народу; а отъ другихъ, которые сыты имуществомъ Церкви, только и слышно: идите въ богадѣльню! – Пріятны были эти слова Монтальто; онъ продалъ свое серебро, и раздавалъ деньги бѣднымъ; ходилъ въ церкви исповѣдывать народъ, утѣшая его во время всеобщаго бѣдствія, и казался ему ангеломъ-спасителемъ.

Къ народному бѣдствію присоединилось еще междоусобіе васалловъ Орсини и Папскихъ сбирровъ. Улицы Рима обагрялись кровію. Чтобы нѣсколько утѣшить народъ, терзаемый голодомъ и страхомъ, Папа сдѣлалъ девятнадцать новыхъ кардиналовъ. Уже въ теченіе трехъ лѣтъ, Монтальто притворялся слабѣющимъ и дряхлымъ. Начались поздравленія новоизбраннымъ. Монтальто зналъ, что они предпочитаютъ особенно дряхлыхъ товарищей, которые своею непрочностью обезпечиваютъ имъ скорѣйшій путь къ престолу. Онъ поѣхалъ къ новымъ кардиналамъ съ тою цѣлію, чтобы показать свою ветхость и сю привлечь ихъ голоса въ свою пользу, въ будущемъ конклавѣ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, онъ занятъ былъ визитами, извиняясь въ медленности слабостію силъ, уже непослушныхъ его доброй волѣ.

Новую маску недужнаго Монтальто довелъ до совершенства. Она увѣнчала его подвигъ. Первоначальное его притворство, личина смиренія, удаленіе отъ дѣлъ и всего земнаго, тотчасъ были подмѣчены кардиналами, особенно тѣми, которые прежде знали его пылкій характеръ. «А! Монтальто задумалъ въ Папы,» говорили всѣ въ одинъ голосъ. «Монтальто притворяется.» Но съ людьми нужно постоянство: только этимъ орудіемъ можно завоевать ихъ вѣру. Монтальто все шелъ своею дорогой. Пятнадцати-лѣтняя постоянная личина, выдержанная сильнымъ характеромъ генія, задумавшаго великія дѣла, кому бы наконецъ не показалась лицомъ истиннымъ? И Папа, и кардиналы, и Римскій народъ невольно были очарованы желѣзнымъ самонасиліемъ души великой, крѣпкой души древняго Римлянина въ тѣлѣ монаха, современнаго Лоіолѣ. Но заключительную маску болѣзни и дряхлости Монтальто надѣлъ тогда уже, когда всѣ вѣрили въ истину его притворной жизни. Мало-по-малу, онъ прибавилъ къ годамъ своимъ еще семь

лѣтъ, а ровесниковъ, которые прежде сочлись съ нимъ годами и знали его возрастъ, увѣрялъ, что человѣку больному десять лѣтъ идутъ за двадцать. Съ трудомъ взбирался по отлогимъ лѣстницамъ Ватикана, когда пріѣзжалъ на конгрегаціи; опирался на двухъ плотныхъ слугъ, кашлялъ, задыхался, отдыхалъ по четверти часа, взошедъ на лѣстницу; всѣ кардиналы между тѣмъ его обгоняли, и онъ, послѣдній, добирался съ посошкомъ своимъ до залы совѣта. На обѣдахъ у кардиналовъ ѣлъ какъ можно менѣе; иногда падалъ въ обморокъ отъ слабости, — и когда предлагали ему лечиться, онъ говорилъ, что аптекари даютъ лекарство, а не отнимаютъ лѣтъ. Глупѣлъ, мало видѣлъ, становился глухъ. Наконецъ всѣ эти усилія пріобрѣли титулъ «четверодневнаго Лазаря» и «осла Марки.»

Какъ торжествовалъ лицемѣръ, когда на совѣщаніяхъ въ Ватиканѣ, его товарищи, вѣря въ притворную его глухоту, при немъ самомъ, называли его — asino della Marca! Этого сана, послѣ кардинальской шапки, всего болѣе искалъ Монтальто. «Вы называете меня осломъ: скоро назовете Папою!» думалъ онъ внутренно.

Но этотъ поглупѣвшій, полуслѣпой и оглохшій старикъ болѣе видѣлъ и слышалъ, чѣмъ всѣ члены священнаго Коллегіума вмѣстѣ. Готовясь къ управленію государствомъ, не на болтливыхъ совѣщаніяхъ кардинальскихъ узнавалъ онъ жизнь Рима, состояніе народа, злоупотребленія власти. У него были на то другія средства.

Слабость Григорія XIII и корыстолюбіе его родственниковъ превратили столицу Папъ въ вертепъ бѣдности, разбоя, неправды и всѣхъ пороковъ. Монтальто имѣлъ у себя двухъ вѣрныхъ приверженцевъ изъ духовнаго званія, которые доносили ему все, что ни дѣлалось въ городѣ. Съ тою же цѣлію, какъ думаютъ, вызвалъ онъ къ себѣ и племян-

ника, который такъ несчастно кончилъ жизнь свою. Сверхъ того, Монтальто имѣлъ еще два своихъ собственныхъ средства. Первымъ было незамѣтное окошко въ его комнатѣ самаго нижняго этажа, выходившей на улицу. Здѣсь запершись, онъ подслушивалъ все, что говорили между собою прохожіе, и замѣчательное вносилъ въ свою памятную книжку. Но главное, самое сильное, самое вѣрное, самое ужасное средство было его собственное ухо и право исповѣди. Во время святаго 1575 года, или юбилея, когда Римъ и вся католическая Европа очищала грѣхи свои за цѣлое двадцатипяти-лѣтіе великими постами,—въ тяжкія времена голода и другихъ бѣдствій народныхъ, когда выставлялось въ храмахъ Святое Причастіе, Монтальто ходилъ изъ церкви въ церковь, и исповѣдывалъ народъ. Наружно-святая, постная жизнь его, кротость характера, щедрость къ бѣднымъ, снисхожденіе къ слабостямъ человѣческимъ, простое, утѣшительное краснорѣчіе пріобрѣтали ему сердца народа и множество кающихся. Смиренно затворяясь въ шкафъ исповѣдника, онъ выставлялъ свое ухо въ отверзтіе, и, для своихъ скрытыхъ цѣлей, ловилъ минуты покаянія въ развращенномъ народѣ Рима. Здѣсь набожное преступленіе юга, въ свои чистыя минуты, повѣряло ему кровавыя тайны. Убійца, разбойникъ, воръ, корыстный судья, покрывавшій ихъ злодѣйства, грѣшная дѣва, злоупотребители власти, — слагали у него тяжкое бремя грѣховъ. Здѣсь обличалась передъ нимъ вся жизнь Рима, всѣ интриги ея, злодѣянія, развратъ, всѣ тайныя мысли города. Народъ, простодушный и въ порокахъ, приносилъ всю свою совѣсть, всю нечистоту свою; но не зналъ того, что все, что только ни входило въ это ухо, печатлѣлось въ головѣ будущаго Папы, строгаго казнителя виновныхъ. Пятнадцать лѣтъ такой исповѣди должны были обогатить памятныя записки кардинала, готовившагося въ первосвя-

тители, и доставить ему даръ того обвинительнаго всезнанія, которое явилось нѣкимъ чудомъ для народовъ.

Въ великій постъ 1585 года, Монтальто, проживши восемь дней въ монастырѣ Святыхъ Апостоловъ, отдыхалъ въ своемъ виноградномъ саду отъ трудовъ поста и исповѣди народной. Внезапно приглашаютъ его къ умирающему Папѣ. Онъ отправился въ Ватиканъ; но еще на дорогѣ печальный звукъ Капитолійскаго колокола возвѣстилъ ему кончину Григорія XIII. Кардиналъ, съ нимъ ѣхавшій, звалъ его въ Ватиканъ посмотрѣть хотя на мертваго Папу; но Монтальто отвѣчалъ: «Нѣтъ! я лучше пойду домой думать о себѣ: какъ бы и мнѣ скоро не пришлось за нимъ слѣдовать!»

Мертвый Папа, въ домашней своей одеждѣ, былъ выставленъ для народа, въ часовнѣ Ватикана. Народъ толпился вокругъ него, съ чувствомъ одного любопытства. Не страшенъ былъ ему и живой владыка; но увидѣвъ его мертваго, онъ совсѣмъ предался порыву своей вольности. Въ Римѣ гнѣздились разбойники; ни собственность гражданъ, ни даже невинность дѣвъ не были обезпечены; судьи грабили вмѣстѣ съ ворами; всеобщій развратъ проникалъ и въ стѣны монастырей; не проходило ночи безъ убійствъ, безъ похищеній; самые дворцы кардиналовъ не спасались отъ грабежа. Однимъ словомъ, народъ, избалованный слабостію Папы, праздновалъ въ полной мѣрѣ шабашъ порядка и власти. Кардиналы сходились на безплодныя конгрегаціи; пѣли обѣдни за упокой скончавшагося; въ храмѣ Св. Петра выставили тѣло въ полномъ облаченіи папскомъ, и народъ приходилъ въ послѣдній разъ лобызать его туфлю; наконецъ заколотили гробъ. Между-тѣмъ, давно уже изо всѣхъ заставъ Рима, скакали курьеры возвѣщать Дворамъ о смерти первосвященника, и собирать кардиналовъ для новаго конклава.

Въ теченіе десяти дней, пока совершались похороны Григорія XIII, многіе отсутствовавшіе кардиналы въѣхали въ Римъ. Интриги начались еще до конклава. Начальники партій вооружились. По улицамъ часто видны были раззолоченыя кареты, и въ нихъ лица кардиналовъ: каждый изъ нихъ спѣшилъ пристать къ своей партіи. Всѣхъ сильнѣе былъ кардиналъ Фарнезскій; всѣхъ слабѣе Монтальто. Первый питалъ сначала вражду, потомъ презрѣніе къ послѣднему. Его сила основывалась на славѣ племянника, Александра Фарнезе, правителя Фландріи, знаменитаго полководца, склонявшаго бурную свободу Голландцевъ подъ иго Филиппа. Кардиналъ Фарнезскій своею рукою посадилъ уже пять Папъ на престолъ: онъ хотѣлъ посадить и шестаго, но неудача произошла отъ того, что этимъ шестымъ хотѣлъ онъ быть самъ.

Нашъ мнимо-семидесятилѣтній герой, съ своимъ посошкомъ, прикашливая и задыхаясь болѣе нежели когда-нибудь, сдѣлалъ визиты всѣмъ кардиналамъ; но у Фарнезскаго былъ два раза, въ послѣдній разъ накапунѣ самаго вступленія въ конклавъ, чтобы постояннымъ униженіемъ привлечь его нѣсколько на свою сторону. Монтальто приносилъ ему поздравленія съ побѣдами его племянника во Фландріи и выражалъ свое уваженіе къ высокимъ заслугамъ свѣтлѣйшей фамиліи Фарнезе. «Монсиньоре! отвѣчалъ ему Фарнезскій: время думать о папствѣ, не о комплиментахъ.»—Да! сказалъ Монтальто: Церковь Божія и святой престолъ имѣютъ нужду въ доблести вашего племянника, въ достоинствахъ и опытности вашей свѣтлости. «Не все сказали что думаете,» возразилъ Фарнезскій. Въ другой разъ, Монтальто, относясь къ нему, какъ къ декану, говорилъ, что онъ, по болѣзни своей не вошелъ бы въ конклавъ, потому что не надѣется дожить до избранія, но входитъ только съ тою цѣлію, чтобы дать голосъ въ пользу его свѣтлости.

Испанскій посолъ, графъ Оливаресъ, стараясь наклонить избраніе въ пользу видовъ своего Двора и желая пріобрѣсти многихъ кардиналовъ, привезъ рекомендательное письмо къ Монтальто отъ Неаполитанскаго вицероя, и склонялъ его дѣйствовать въ пользу Испаніи; но слыша отъ него только кашель и жалобы на болѣзни, оставилъ его скоро, и сожалѣлъ, что потерялъ время въ разговорѣ съ кардиналомъ-трупомъ.»

Кардиналъ Ипполитъ д'Эсте, славный строитель великолѣпной виллы въ Тиволи, въ отсутствіе Французскаго посла дѣйствовавшій за пользы Франціи, узнавши о томъ, что Испанскій посолъ былъ у Монтальто, самъ поѣхалъ къ нему, хотя нарушалъ тѣмъ обычай своей гордости. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ о недугахъ Монтальто, онъ сказалъ ему: «Скажите по правдѣ: если бъ представился случай сдѣлать васъ Папою, такъ какъ бываетъ иногда, что Папу избираютъ какъ можно, а не какъ хочется, – не отказались бы вы отъ тіары?« – Съ тою же откровенностію, съ какою вы мнѣ говорите, отвѣчалъ Монтальто, и я вамъ скажу, что думаю. Я въ Папахъ былъ бы то же, что старикъ въ мужьяхъ: воля есть, да силы плохи. Если бъ и достало у меня рвенія,–гдѣ здоровье, гдѣ способности? А кто согласится взять на себя бремя служить опорой падающему? – «О, за этимъ дѣло не станетъ!» возразилъ д' Эсте. «Но всѣ имѣютъ-ли вашу ревность, вашъ разумъ въ управленіи?« – Все это дары неба, которые невсякому даются, прибавилъ Монтальто.

Конклавъ былъ изготовленъ. Дворецкіе кардиналовъ разобрали по жеребью комнаты для господъ своихъ. Замѣчательно, что комната, доставшаяся Монтальто, находилась между комнатами кардинала Фарнезскаго, вице-канцлера Церкви, и камерлинга, – двухъ главныхъ сановниковъ при Папѣ. Всѣ сочли

это за доброе предвѣщаніе, — и многіе изъ челяди конклава уже поздравляли Монтальто съ избраніемъ.

11 Апрѣля 1585 года, въ первый день Пасхи, каждый изъ кардиналовъ-священниковъ отслужилъ у себя раннюю обѣдню. Потомъ всѣ отправились въ храмъ Св. Петра, гдѣ съ пышнымъ хоромъ и музыкою, при многочисленномъ стеченіи народа, отслужена обычная обѣдня, въ которой призывается сошествіе Святаго Духа на кардиналовъ. Во время Евангелія, прочтена торжественно молитва De summo pontifice eligendo. По окончаніи обѣдни, всѣ кардиналы процессіею вошли въ конклавъ.

Я видѣлъ нынѣ царствующаго Григорія XVI, когда онъ въ первый разъ явился народу на балконѣ Квиринальскаго дворца. Я очень помню слово старушки, которая стояла возлѣ меня. Выпятивъ голову, вытаращивъ глаза на новаго Папу, она закричала: Ah! come è giovane! «Ахъ! какъ онъ молодъ! Сколько лѣтъ ему?» — Только шестьдесятъ два года, отвѣчалъ ей кто-то. Народъ Римскій такъ привыкъ видѣть на тронѣ дряхлыхъ государей, что сѣдовласый старецъ шестидесяти двухъ лѣтъ показался молодъ моей сосѣдкѣ.

Дворецъ Квиринальскій не былъ еще тогда построенъ, и конклавъ учреждался во дворцѣ Ватиканскомъ. Всякой шелъ съ надеждою и страхомъ, съ замысломъ тайнымъ выйти главою Церкви, повелителемъ народа. Вслѣдъ за своими товарищами, вѣроятно послѣдній, вѣроятно съ тѣмъ же кашлемъ и одышкой, опираясь на свой посошокъ и на слугъ, втащился и Монтальто въ чертоги Ватикана.

Кардиналовъ было тридцать девять. Но въ самый день вступленія подоспѣли въ Римъ двое, Австрійскій и Мадруччи. Пріѣхавшій впослѣдствіи Верчелли дополнилъ число сорока двухъ, которое было необходимо для полноты конклава и для прочности избранія. Всѣмъ кардиналамъ прочтены были двѣ буллы «О со-

храненіи имущества Церкви» и одна «Противъ симоніи при избраніи Папы.»

Каждый, по вступленіи, далъ клятву, какъ требовалъ сего обычай, въ случаѣ избранія его въ Папы, ненарушимо соблюдать слѣдующія условія: хранить всеобщій миръ въ Христіанствѣ, а войну вести только съ Турками и еретиками; не переносить Папской столицы изъ Рима; требовать строгаго отчета отъ сановниковъ государства; назначать кардиналовъ по достоинству, и не назначать двухъ братьевъ; сохранять въ цѣлости достояніе Церкви; безъ совѣта священнаго Коллегіума не предпринимать войны и не судить его членовъ.

Сорокъ два кардинала раздѣлились на пять партій, которыхъ начальники были: Фарнезскій, сильнѣйшій, племянникъ Папы Павла III и его созданіе; д'Эсте, гордый и богатый; Александрійскій, или Бонелло, племянникъ Пія V, покровитель Монтальто; Альтамъ, глава креатуръ Пія IV, и Буонкомпаньо, или Санъ-Систо, племянникъ покойнаго Папы, имѣвшій самую многочисленную партію, потому что всѣ кардиналы Григорія XIII были имъ созданы. По этой-то причинѣ Фарнезскій старался привлечь его на свою сторону. Четырнадцать кардиналовъ были на примѣтѣ у избирателей: Фарнезскій, который, какъ сказано, самъ хотѣлъ быть Папою, и Савелло, оба кардиналы Павла III Фарнезе; Просперо Санта-Кроче Римлянинъ; Палеотто, Сан-Джіорджіо и Спрлето, кардиналы Пія IV; Монтальто, Чезисъ, Альбано и Санъ-Северино, кардиналы Пія V; Факинето, Торресъ, Мондови и Кастанья, кардиналы Григорія XIII. Не всѣ однако допущены были къ избранію.

Первые предлагаемые на избраніе бываютъ всегда жертвами перваго жара партій; Альтамъ, Медичи и Александрійскій хотѣли хитростью провозгласить Че-

зиса; но Санъ-Систо, одинъ изъ противниковъ, узналъ объ умыслѣ, и дѣло разстроилось.

На другой день Фарнезскій, въ качествѣ декана, отслужилъ обѣдню въ часовнѣ Павла III, и причастилъ кардиналовъ. Послѣдовала балотировка: Альбано собралъ большее число голосовъ въ свою пользу.

Альтамъ, Медичи и креатуры Пія IV начали потомъ умышлять въ пользу Сирлето; но Фарнезскій, д'Эсте и Сфорца сильно противустали, особенно первый. Ктому жъ, Сирлето былъ другомъ кардинала Комо, который имѣлъ многихъ враговъ въ Коллегіумѣ. Альтамъ слишкомъ поторопился своимъ предложеніемъ: иные даже думаютъ, что эта торопливость была умышленная; что онъ, не желая избранія Сирлето, принесъ его въ жертву, а втайнѣ благоволилъ другому.

Санъ-Систо началъ дѣйствовать въ пользу Кастаньи; но это былъ кардиналъ Григорія XIII, еще новъ и молодъ, и потому всѣ старые воспротивились.

Медичи сталъ предлагать Савелло. Враги послѣдняго, Колонна и Чезисъ, сказали Медичи: «Если такъ, мы примемся за Фарнезскаго,» — котораго Медичи боялся. Савелло былъ не любимъ за гордость. Ему не помогли ни заслуги въ должности верховнаго инквизитора и викарія Папы, ни притворныя болѣзни: видно, не одинъ Монтальто имѣлъ ихъ. Но главнымъ препятствіемъ было множество незаконныхъ его дѣтей. Колонна угрожалъ новымъ Александромъ VI въ лицѣ Савелло, правленіемъ бастардовъ, въ соблазнъ правовѣрныхъ, во славу еретиковъ. Наконецъ Савелло былъ Римлянинъ, а Колонна и Чезисъ также Римляне.

Принялись за Торреса. Онъ былъ въ отсутствіи; его ожидали Фарнезскій и Санъ-Систо. Кардиналы имѣютъ обычай всѣ вмѣстѣ встрѣчать вновь пріѣзжающаго товарища: хотѣли воспользоваться этимъ слу-

часмъ, и при входѣ провозгласить его. Прочіе не отказались бы потомъ отъ поклоненія. Медичи сильно воспротивился этому умыслу: онъ зналъ, что при Торресѣ Фарнезскій будетъ править Ватиканомъ, а какъ Торресъ былъ старъ, то могъ пережить его и, надѣлавъ при немъ своихъ кардиналовъ, увеличить свою партію и получить тіару.

Въ это время противники Фарнезскаго принялись за Монтальто. Два начальника партій ему благоволили,—Александрійскій, его прежній покровитель, и д'Эсте. Но первый, кто началъ дѣйствовать въ его пользу, былъ кардиналъ Рустикуччи, землякъ и другъ Монтальто, помогавшій ему еще при Піи V получить шляпу кардинала. Горячій и честолюбивый Рустикуччи имѣлъ въ виду управленіе государствомъ, если успѣетъ въ избраніи. Онъ зналъ, что Александрійскій благоволитъ Монтальто; но, не имѣя твердости характера, не смѣетъ приступить къ дѣйствіямъ. Рустикуччи открылъ ему свои мысли, и тотъ былъ радъ, что нашелъ себѣ дѣятельнаго товарища. Оба, устроивъ свой замыселъ, повѣрили дѣло Эсту, который любилъ Рустикуччи: д'Эсте, и прежде не чуждавшійся Монтальто, согласился, а д'Эсте представлялъ мнѣніе Франціи, и имѣлъ большую партію. Всѣ трое дали слово другъ другу дѣйствовать подъ великою тайною, какъ можно осторожнѣе, потому что всѣ они страшились Фарнезскаго, который могъ разстроить ихъ замыслы. Надо было выиграть Медичи: Александрійскій, чувствуя слабость воли, отказался отъ переговоровъ; нетерпѣливый Рустикуччи взялся за нихъ, и, напугавши Медичи угрожающимъ успѣхомъ Фарнезскаго, склонилъ его на свою сторону. Это была важная побѣда, потому что Мéдичи представлялъ мнѣніе Испаніи. Такимъ образомъ Франція, Испанія и четыре сильные кардинала были уже за Монтальто. Онъ, по-прежнему, казался глухъ и слѣпъ, каш-

лялъ и жаловался на недуги; четки не выходили изъ рукъ его; всегда заставали его за молитвенникомъ; всякой день служилъ онъ обѣдню на своемъ алтарѣ. Между тѣмъ, однако не переставалъ льстить и кланяться д'Эсту, Фарнезскому, Санъ-Систу и другимъ главамъ партій. Но эту лесть расточалъ онъ имъ не въ лицо, а черезъ ихъ болтливыхъ клієнтовъ.

Однажды, ночью, Монтальто тихо читалъ свой молитвенникъ. Отворилась дверь. Рустикуччи, д'Эсте и Александрійскій вкрались въ комнату, одинъ за другимъ, какъ-можно тише, чтобы не услышалъ сосѣдъ его, Фарнезскій, и шопотомъ объявили предложеніе избрать его въ Папы. Монтальто изъявилъ изумленіе, и тѣмъ же шопотомъ сталъ сначала отказываться отъ избранія, какъ дѣла невозможнаго, ссылаясь на свою дряхлость, болѣзни, наконецъ на недостатокъ опытности въ дѣлахъ, и заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что онъ видитъ одно только средство къ исполненію ихъ намѣренія, — избрать съ нимъ вмѣстѣ двухъ или трехъ Папъ. Кардиналы внушали ему довѣріе ко Всевышнему, который можетъ и немощному дать силы на управленіе своей Церкви. Монтальто, видя ихъ настойчивость и какъ-будто уступая краснорѣчивымъ убѣжденіямъ, сказалъ: «Если вы ужъ такъ «хотите, я рѣшусь принять тіару; но только съ условіемъ, чтобы вы дали мнѣ клятву вмѣстѣ со мною «управлять Церковью и государствомъ, помогать мнѣ «денно и нощно, потому что, по совѣсти говорю, одинъ «я не въ силахъ поднять этого бремени. Избравши «меня Папою, сдѣлайте самихъ себя Папами: я возьму «санъ и имя; вы же берите на себя власть и правленіе.» Многолѣтнее притворство придало такую силу этимъ словамъ, что лучшаго не надо было средства, чтобъ возбудить въ четырехъ честолюбцахъ самое пламенное рвеніе. «Онъ боленъ, онъ слабъ, онъ не имѣетъ рода «ни, онъ не знаетъ дѣлъ политики; онъ по неволѣ будетъ нашъ,» — думали они.

Утвердивъ свой планъ, заговорщики начали подъискиваться подъ партію Фарнезскаго. Распустили слухъ, что Торресъ пріѣдетъ черезъ два дни; что въ случаѣ неуспѣха въ избраніи Торреса, Фарнезскій непремѣнно сдѣлаетъ себя Папою; что онъ умышленно медлитъ, потому ждетъ помощи отъ Франціи и Испаніи, куда послалъ курьеровъ. Партія Санъ-Систо и другіе кардиналы хотѣли Торреса, которому одно его отсутствіе помѣшало быть Папою; но Фарнезскаго не хотѣли.

Заговоръ созрѣвалъ. Главное и послѣднее препятствіе состояло въ томъ, чтобы пріобрѣсти Санъ-Систо и его партію, и тѣмъ разбить силу Фарнезскаго. Начали съ кліентовъ Санъ-Систо: стараніями четырехъ главъ заговора пріобрѣтены были Ріаріо, Гваставиллано, Сиппола, Гонцага, Кастанья и другіе. Рустикуччи, – боясь слабости характера въ Александрійскомъ и вліянія искательствъ, какими Фарнезскій привлекалъ, д'Эста, – дѣйствовалъ всюду, сдерживалъ всѣхъ и былъ средоточіемъ партіи. Всѣ переговоры происходили ночью. Крѣпкій сонъ Фарнезскаго благопріятствовалъ этому. Однажды, замѣтили, какъ неосторожный Александрійскій прокрадывался, переодѣтый, по конклаву: такая неосторожность могла быть гибельна для замысла, но видно и судьба была за одно съ партіею Монтальто. Фарнезскій, хотя и зналъ о существованіи этой партіи, но никакъ не воображалъ ея сильною. Онъ все думалъ, что власть еще въ рукахъ его; медлилъ, какъ будто выжидая Торреса, но болѣе съ тою цѣлію, чтобы самому быть Папою. Это желаніе его погубило, и онъ потерялъ своего сильнаго помощника, Санъ-Систо.

Наканунѣ избранія, хитрый Ріаріо, одинъ изъ кліентовъ Санъ-Систо, привлеченный на сторону Монтальто, вошелъ къ своему патрону, и рѣшительно объявилъ ему, что Монтальто непремѣнно будетъ Папою;

что партія его сильна; что противиться этому значило бы пріобрѣсти врага въ будущемъ Папѣ. Вошедшій вскорѣ Гваставиллано подтвердилъ слова Ріаріо. Эта внезапность испугала Санъ-Систо: потерявши духъ, изумленный, онъ въ душѣ отшатнулся отъ медлителя Фарнезскаго.

Монтальто между-тѣмъ давалъ полную волю начальникамъ своей партіи дѣйствовать, какъ имъ угодно; но только часто напоминалъ имъ о данномъ ему словѣ — раздѣлить съ нимъ бремя правленія.

Наступило 24 Апрѣля, давно ожиданный день избранія. Утромъ, на счастіе Монтальто, пріѣхалъ еще кардиналъ Верчелли. Всею братіею собравшись вмѣстѣ въ одной залѣ, приняли гостя. Медичи съ другими овладѣлъ тотчасъ его мнѣніемъ въ пользу Монтальто. Новичокъ въ конклавѣ не зналъ состоянія партій, и поддался первому призыву. Вообще кардиналы, сколько бываютъ упрямы при началѣ конклава, столько же легко поддаются послѣ, боясь послѣдствій своего сопротивленія. Вошли въ часовню, отслужили обѣдню. Деканъ велѣлъ прочесть буллы новопріѣзжему, а потомъ слѣдовало приступить къ балотированію. Междутѣмъ какъ читалась первая булла, д'Эсте подалъ знакъ Александрійскому, который, обернувшись къ скамьѣ какъ-будто для написанія билета, ловко вызвалъ Санъ-Систо, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ, и вышелъ съ нимъ вмѣстѣ изъ часовни. Въ прилежащей залѣ онъ открылъ ему, что Монтальто будетъ избранъ, и что избиратели изъ уваженія къ нему предупреждаютъ его объ этомъ. Санъ-Систо, приготовленный наканунѣ Ріаріемъ, совершенно былъ пойманъ и далъ свое согласіе. Кардиналы Санъ-Систа, также знавшіе дѣло, вскорѣ вышли за нимъ и получили приказаніе избирать Монтальто. Фарнезскій замѣтилъ всѣ эти движенія: увѣренность въ Санъ-Систо и личная гордость мѣшали ему прервать чтеніе буллъ, и вступиться въ

дѣло. Тогда, какъ Санъ-Систо поручалъ своимъ кардиналамъ избраніе Монтальто, Александрійскій вошелъ въ часовню, подсѣлъ къ Фарнезскому, объявилъ ему Папу, и поразилъ его изумленіемъ. Фарнезскій, до тѣхъ поръ вѣрившій въ свою силу, внезапно смутился, не зналъ что дѣлать, и въ нерѣшимости проигралъ битву. Можетъ-быть, внутренно онъ утѣшался старостію и болѣзнями Монтальто.

Санъ-Систо вошелъ въ часовню съ толпою кардиналовъ. Предложили балотированіе; но Санъ-Систо, не вытерпѣвъ и желая показать новому Папѣ свое усердіе, всталъ съ мѣста, далъ знакъ Александрійскому, и они вмѣстѣ съ толпою кардиналовъ, устремились къ Монтальто, закричали: – Вотъ Папа! – кланялись ему и обнимали его.

Что происходило въ то время въ душѣ Монтальто? Замыселъ, замершій въ сердцѣ, сбывался въ очахъ его. Эта далекая цѣль, для которой онъ столько принесъ въ жертву, была почти въ его рукахъ. Какой огонь долженъ былъ разгораться въ немъ изъ-подъ кучи пепла, подъ которымъ такъ заботливо хоронилъ онъ его на самомъ днѣ глубокой души!...

Фарнезскій собрался съ духомъ, и, по праву декана, остановилъ стремленіе кардиналовъ: основываясь на буллѣ подтверждать голосами избраніе «по вдохновенію,» онъ предложилъ балотированіе. Тогда, въ первый разъ блеснула искра нетерпѣнія въ неслышномъ до сихъ поръ героѣ конклава. Онъ стоялъ близь Санъ-Систо, наклонился къ нему наухо и сказалъ: «Требуйте, чтобы балотированіе было не въ противность провозглашенію!» Это движеніе, хотя и показалось страннымъ для Санъ-Систо, но вдругъ онъ не могъ понять его; и когда деканъ воскликнулъ – «Начинать балотированіе» Санъ-Систо прибавилъ: «Не во вредъ, однако, провозглашенію.»

Деканъ-священникъ и два кардинала-діакона поставили на алтарь часовни ту роковую чашу, откуда долженъ былъ выпуться жребій будущаго главы Церкви. Кардиналы по-очереди подходили къ ней, преклоняли колѣни предъ алтаремъ, и клали въ чашу билеты съ именемъ избираемаго. Между-тѣмъ нѣкоторые замѣчали, что Монтальто какъ-то необыкновенно скоро ходилъ по часовнѣ.

Всѣ положили билеты, и сѣли по мѣстамъ. Кардиналъ-діаконъ подошелъ къ алтарю, взялъ чашу, поднялъ ее, показалъ собранію, и передалъ кардиналу-декану. Они вмѣстѣ сочли число билетовъ: оно было вѣрно, соотвѣтствовало числу кардиналовъ. Наконецъ Фарнезскій сталъ вынимать по одному билету, и отдавать кардиналу-діакону, для громогласнаго прочтенія. Между-тѣмъ, всякой изъ кардиналовъ, вынувъ свою записную книжку, чертилъ въ ней голоса, достававшіеся на его долю.

Голоса читались. Чаще всѣхъ упоминалось имя Монтальто. Чаще всѣхъ чертилъ онъ въ своей книжкѣ. Еще не кончилось чтеніе голосовъ, еще билеты оставались въ чашѣ, еще Фарнезскій въ досадѣ нарочно вынималъ ихъ медленнѣе, какъ Монтальто уже видѣлъ, что добыча была въ рукахъ его.

Старикъ, царь своей воли, умерщвлявшій въ себѣ всякое побужденіе страсти и терпѣвшій цѣлыя пятнадцать лѣтъ, не могъ вытерпѣть одной послѣдней минуты, когда почувствовалъ, что желанная тіара уже коснулась рукъ его. Онъ пересталъ записывать, всталъ съ табурета, посохъ выпалъ изъ его руки... Кардиналы оборотились на стукъ: старикъ прямѣлъ станомъ, выросталъ, металъ огненные взгляды на собраніе. Всѣ, изумленные, смотрѣли на чудо превращенія, и не вѣрили глазамъ.

Фарнезскій, духомъ сильнѣйшій другихъ, замѣтивъ недоумѣніе въ Санъ-Систѣ и Александрійскомъ, хо-

тѣлъ воспользоваться минутою и воскликнулъ: «Остановите чтеніе баловъ: есть ошибка въ голосахъ.» — «Нѣтъ! воскликнулъ Монтальто громче Фарнезскаго: «ошибки нѣтъ, избраніе вѣрно!» Окинувъ всѣхъ однимъ огненнымъ взглядомъ, онъ сразилъ имъ Фарнезскаго, и самъ, громкимъ голосомъ крѣпкаго мужа, противъ обычаевъ избранія, возгласилъ — *Тебе Бога хвалимъ.* Деканъ могъ остановить его, потому что начинать гимнъ было правомъ декана; но испытанная воля одного человѣка, въ теченіи полужизни носившаго въ себѣ одну мысль, уже совершала чудо власти надъ безсильными. Пока Фарнезскій не могъ выйти изъ смущенія, всѣ кардиналы начали вторить пѣнію своего нареченнаго, и гордый Фарнезскій невольно послѣдовалъ за всѣми.

Когда поющіе дошли до стиха — *Тебя убо просимъ, помози рабомъ своимъ, ихъ же безцѣнною кровію искупилъ еси,* — Монтальто твердыми шагами подошелъ къ алтарю, и сталъ на колѣни: за нимъ послѣдовали прочіе. Кончилось пѣніе; онъ молился тихо, но, какъ замѣтили, не открывая устъ, а неподвижно устремивъ очи на Распятіе. Тутъ подошли къ нему церемоніймейстеры, и, какъ требовалъ обычай, одинъ изъ нихъ, ставши у алтаря на колѣни, предложилъ ему вопросъ: Свѣтлѣйшій кардиналъ, Монтальто! Священный Коллегіумъ Гг. кардиналовъ-избирателей, большинствомъ голосовъ избравшій васъ Папою, желаетъ знать, примете ли вы Папство. Монтальто устремилъ неподвижный взоръ на церемоніймейстера, и произнесъ: «Вопросъ лишній: возгласивши сами «Тебе Бога хвалимъ», мы ужъ тѣмъ изъявили наше согласіе. Да! мы пріемлемъ Папство, ибо знаемъ, что Всевышній намъ далъ способность и силу, при Его содѣйствіи, править не только однимъ, но и двумя царствами.» Первый изъ кардиналовъ-священниковъ и первый изъ діаконовъ подошли потомъ къ нему, и спросили объ имени, ка-

кое желаетъ онъ принять, и Монтальто наименовалъ себя Сикстомъ V.

Церемоніймейстеры повели Сикста V за алтарь часовни, въ ризницу, для возложенія на него домашней одежды Римскаго первосвященника. Всѣ удивлялись, съ какою ловкостью и скоростью надѣвалъ онъ на себя бѣлую сутану армазинную, пелерину изъ пунцоваго бархата на грудь, такой же беретъ на голову, и туфли съ вышитымъ золотымъ крестомъ. Любопытно было бы знать, что говорили между собою кардиналы, остававшіеся въ часовнѣ, тогда какъ ихъ бывшій товарищъ мѣнялъ одежду кардинала на папскую.

Сикстъ V не долго заставилъ ждать себя: возвратившись въ одеждѣ Папы, онъ возведенъ былъ кардиналами на алтарь часовни, величаво сѣлъ на него, какъ на тронъ Папскій, и начался обрядъ «поклоненія» или «обожанія». Сынъ бѣднаго садовника, свинопасъ, монастырскій служка, *оселъ Марки*, сидѣлъ на престолѣ передъ Священнымъ Коллегіумомъ. Всѣ кардиналы, нѣсколько минутъ тому назадъ его равные, его братья, попарно подходили къ сидѣвшему, раболѣпно преклонялись у ногъ его, лобзали его туфлю, потомъ лѣвую руку; между-тѣмъ правою Папа благословлялъ ихъ, и въ заключеніе цѣловалъ каждаго въ обѣ щеки, даруя *лобзаніе мира*, osculum pacis.

Площадь Святаго Петра кипѣла нетерпѣливымъ народомъ. Завѣтное окно конклава отворилось; народъ увидѣлъ Распятіе, знакъ избранія Папы, и, обнаживъ голову, преклонилъ колѣни. Кардиналъ-діаконъ воскликнулъ къ народу: «Возвѣщаю вамъ радость великую. Имѣемъ Папу, свѣтлѣйшаго и достопочтеннаго господина кардинала Перетти Монтальто, который принялъ на себя имя Сикста V.» Вскорѣ явился самъ Сикстъ V, и благословилъ народъ. Виватъ! загремѣло по площади; съ крѣпости Святаго Ангела грянули пушки; за колоколомъ Капитолія загудѣли всѣ коло-

кола Рима. Народъ, совершивъ свой обрядъ поклоненія, хотѣлъ броситься въ домъ кардинала, сдѣланнаго Папою, чтобы ограбить его, — таковъ былъ обычай; — но вспомнивъ, что въ домѣ Монтальто грабить было нечего, успокоился.

Послѣ завтрака, начался исходъ изъ конклава: съ тѣмъ же Распятіемъ впереди, кардиналы процессіей отправились въ храмъ Св. Петра; скороходы дворцовые несли Папу, сидѣвшаго на тронѣ. Народъ тѣснился въ храмѣ и его притворахъ. Всѣ всматривались въ новаго владыку; всѣ старались узнать въ немъ того дряхлаго, больнаго кардинала, который ходилъ согнувшись и казался умирающимъ. Сикстъ V бодро и прямо возсѣдалъ на тронѣ, и, величаво простирая сильную десницу, неутомимо во всѣ стороны расточалъ благословенія народу. Раздавались голоса: Святой Отецъ, дай намъ изобиліе, дай правосудіе, молимъ тебя! — «Изобиліе будетъ вамъ нашею милостію,» громко отвѣчалъ Папа, «а правосудіе Богъ вложилъ намъ въ сердце.»

Римляне еще не понимали чуда: кардиналы понимали его, и нѣкоторые изъ нихъ, въ порывѣ первой смѣлости, напомнили Папѣ о прежнемъ его смиреніи. Тогда-то онъ далъ имъ знаменитый отвѣтъ, который не только остался историческою пословицею въ устахъ Римскаго народа, но перешелъ и къ другимъ: «Бывши кардиналомъ, мы ходили согнувшись и смотрѣли въ землю, потому что на ней искали ключей небесныхъ; нашедши ихъ, мы смотримъ въ небо, потому что на землѣ намъ никто ужъ не нуженъ.» Еще примѣчательнѣе отвѣтъ Сикста своему исповѣднику. Когда тотъ говорилъ ему, что всѣ при дворѣ удивлялись, какъ въ теченіе столькихъ лѣтъ своего кардинальства могъ онъ поддерживать лицемѣріе, Сикстъ отвѣчалъ: «Скажи тѣмъ, которые удивляются, что на насъ была десница божественнаго Провидѣнія; что оно одно да-

ло намъ силу поддерживать лицемѣріе, признавая его въ насъ за добродѣтель, потому что оно проникало въ наше святое намѣреніе укрѣпить государство Церкви, престолъ Апостольскій, и возвеличить славу Рима. Совѣсть наша спокойна.»

Скоро и Римскій народъ понялъ чудо превращенія, сначала къ своему ужасу, потомъ къ своему счастію. Въ теченіе тринадцати дней конклава, этого пиршества вольности народной, много новыхъ злодѣяній совершилось въ Римѣ. Преступники въ день избранія Папы имѣли обычай открывать свои злодѣянія, и добровольно заключаться въ темницы, въ надеждѣ на милостивый манифестъ, издаваемый въ день вѣнчанія Папы. Двѣсти преступниковъ заключились въ темницы, услышавъ объ избраніи кроткаго и добраго кардинала Монтальто, но тщетно ожидали потомъ манифеста отъ Сикста V. Онъ не выдалъ его, несмотря на просьбы самихъ кардиналовъ, сказавъ: «Хочу, чтобы народъ мой зналъ, что я призванъ Богомъ на правосудіе, — и дамъ ему въ одинъ и тотъ же день два зрѣлища: мое вѣнчаніе и казнь преступниковъ.»

О многихъ Папахъ живетъ преданіе въ Римскомъ народѣ; но всѣхъ сильнѣе напечатлѣлась память о правосудномъ Сикстѣ V. Многихъ государей своихъ чтитъ онъ какъ святыхъ; но въ немъ поклоняется величію души Римлянина. До сихъ поръ изъ устъ Римской черни вы услышите, что Сикстъ Пятый царствовалъ пять лѣтъ, построилъ пять дворцовъ, пять храмовъ, пять улицъ, воздвигъ пять древнихъ обелисковъ, и за всѣмъ этимъ, въ запасной казнѣ Св. Ангела, оставилъ по смерти своей пять милліоновъ скудовъ.

С. ШЕВЫРЕВЪ.

О ДОСТОВѢРНОСТИ
ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

=

Говорятъ—у насъ нѣтъ достовѣрной Исторіи девятаго, десятаго, одиннадцатаго вѣковъ, потому что нѣтъ офиціяльныхъ документовъ и современныхъ лѣтописей: лѣтопись Несторова подложная, другихъ свидѣтельствъ мало, — слѣдовательно у насъ нѣтъ достовѣрной Исторіи тѣхъ вѣковъ. Прежде всего раздѣлимъ это показаніе на составные вопросы.

Какъ древня наша Исторія, и на чемъ она основывается?

Можно ли вѣрить нашимъ лѣтописямъ о IX, X и XI вѣкахъ?

Когда положено имъ основаніе?

Писалъ ли Несторъ?

Что писалъ онъ?

Этихъ вопросовъ не должно смѣшивать. Отъ смѣшенія ихъ именно и произошло много превратныхъ толковъ. Важность ихъ различна. Первый есть главный, безъ всякаго сравненія съ остальными; второй тѣсно связанъ съ первымъ. На этотъ разъ разсмотримъ только первый и второй вопросы: остальные требуютъ отдѣльнаго разбора, къ которому приступимъ мы въ скоромъ времени.

Достовѣрная Русская Исторія начинается только съ XII или XIII столѣтія!

Но, милостивые государи, Константинопольскій патріархъ, Фотій, въ грамматѣ своей послѣ 866 года, свидѣтельствуетъ о Руссахъ, которые при немъ нападали на Константинополь. [1]

[1] Народъ, столь часто многими превозносимый, и какъ жестокостію, такъ и жаждою человѣческой крови, всѣ другіе народы пре-

Походъ Руссовъ на берега Каспійскаго моря въ 912 году описанъ у *Массуди*, почти современника. Ибнъ-Фозланъ разсказываетъ множество подробностей о пріѣзжихъ торговцахъ Русскихъ, которыхъ онъ видѣлъ на Волгѣ въ 921 году.[2]

Есть современное описаніе опустошенія Барды въ 944 году [3].

Кремонскій епископъ Литирандъ, бывшій посломъ въ Константинополѣ въ 946 году, описалъ походъ Игоря въ 941, «какъ слышалъ отъ своего отчима, очевидца [4].»

Ольгу крестилъ Императоръ Константинъ-Багрянородный, и самъ онъ говоритъ подробно объ ея пре-

восходящій, я говорю Руссы, которые, покоривъ окружные сосѣдніе народы, возгордились, и имѣя о себѣ весьма высокія мысли, подъяли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и неблазную Христіанскую Вѣру, и ведутъ себя яко послушные сыны и друзья, несмотря на то, что *незадолго предъ симъ тревожили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе.* «Шлецеровъ Несторъ 11, 40. Подробнѣе о семъ походѣ пишутъ Левъ Грамматикъ, Георгій монахъ, и прочіе.

[2] Руссы, плывъ по Волгѣ, «достигли до города Итиля, и черезъ городъ до устья рѣки, въ Козарское море. Потомъ разсѣялись суда Руссовъ по сему морю, и толпы ихъ разсыпались по Джилю, Дилему, Табристану, и пр. Вездѣ Руссы проливали много крови, похищали женъ и дѣтей, грабили всякое достояніе, палили и жгли. Возстенали тогда устрашенные народы, жившіе по тому морю. *Никогда съ незапамятныхъ временъ не видали они непріятеля на семъ морѣ, посѣщаемомъ единственно купцами и рыболовами.* Frachn's Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, 245.

[3] Тамъ же, 59. Объ этомъ есть особыя сочиненія профессоровъ Эрдмана и Шармуа.

[4] Ш.л. Нест. III, 45. Послѣ сего Игоръ въ большомъ безпорядкѣ возвратился во свояси. Греки же, одержавъ побѣду, съ радостію возвратились въ Константинополь, ведя съ собою многихъ плѣнныхъ, которымъ всѣмъ Романъ, *въ присутствіи Гугонова посла, моего отчима, велѣлъ отрубить головы.*»

бываніи въ Константинополѣ, около 955 года. Онъ же описалъ намъ собираніе дани Русскими Князьями изъ Кіева съ подвластныхъ имъ Славянскихъ племенъ; плаваніе ихъ по Днѣпру въ походахъ на Константинополь. Далѣе у него находятся извѣстія о племенахъ Славянскихъ съ разными подробностями [5].

Святослава лицемъ къ лицу видѣлъ Левъ-Діаконъ, и описалъ даже его наружность въ подробной Исторіи войны сего Князя при Императорахъ Никифорѣ и Зимисхіи [6].

О родствѣ Владиміра съ Греческими Императорами свидѣтельствуютъ историки Нѣмецкіе, Греческіе и Арабскіе [7].

[5] Извѣстія Византійскихъ Историковъ III, 47—55. — Тамъ же, 58: какъ скоро наступитъ Ноябрь мѣсяцъ, *Россійскіе Князья, оставивъ со всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ*, разъѣзжалися по другимъ городамъ, которые у нихъ называли гирами; или отправлялись въ земли Вервянъ (Древлянъ), Другувичей (Дреговичей), Кривичей, Сервянъ (Сѣверянъ) и другихъ, Россамъ подчиненныхъ Славянъ. Здѣсь провождали они зиму, а какъ Днѣпръ вскроется, то отъѣзжали назадъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ, и, вооруживъ надлежащимъ, какъ выше объявлено, образомъ суда свои, предпринимали *обыкновенное путешествіе въ Грецію.*» — Тамъ же, 34: «Суда, на которыхъ Россы приходили къ Царьгороду, были изъ Нетогарды (Новгородъ), столицы Россійскаго Князя Свендослава, сына Ингорева, также изъ Милиниски (Смоленскъ), Теліюцы (Любечъ?), Чернигова и Вуссграда (Вышгорода). Отъ сихъ городовъ привозили ихъ сперва на рѣку Днѣпръ, а наконецъ собирались у Кіева, который прозванъ былъ Самватасъ.» Это слово, по объясненію Добровскаго, значитъ соборное мѣсто лодокъ: sam по-Шведски вмѣстѣ, а bad — лодка или ботъ. Плаваніе чрезъ Днѣпровскіе пороги описано преподробно 36 — 42. — Тамъ же, 34: «Подчиненные Россамъ Славяне, а именно Кривитяниие, Лещанине и прочія Славянскія отродія, рубили зимою у себя на горахъ лѣсъ для оныхъ судовъ и строили ихъ. А какъ ледъ растаетъ, то немедленно сплавливали ихъ въ поближнія озера, и потомъ далѣе по рѣкѣ Днѣпру, въ Кіевъ. Здѣсь вытаскивали они ихъ на берегъ, и продавали Россіянамъ, которые брали однѣ токмо ладьи.»

[6] См. Льва Діакона Калойскаго.

[7] См. указанія у Карамзина I, прим. 452.

Дитмеръ, епископъ Мерзебургскій, разсказываетъ о современномъ ему Святополкѣ по поводу родства его съ Болеславомъ храбрымъ, Королемъ Польскимъ, съ которымъ въ Русскомъ походѣ были его знакомцы [8].

Послѣдній походъ Руссовъ на Грековъ при Ярославѣ, по поводу ссоры между купцами, описанъ Кедриномъ [9].

О Ярославѣ много извѣстій у сѣверныхъ лѣтописателей [10].

Изяславъ, выгнанный братьями изъ Кіева, былъ у Нѣмецкаго Императора Генриха IV, который посылалъ къ Святославу, брату его, пословъ, что засвидѣтельствовано современнымъ лѣтописцемъ Ламбертомъ Ашаффенбургскимъ, Зигбертомъ Гембагурскимъ. Есть письма объ немъ Папы Григорія VII къ Болеславу Польскому [11].»

О значительной торговлѣ Руссовъ въ Итилѣ и Константинополѣ свидѣтельствуютъ Константинъ-Багрянородный, Ибнъ-Фозланъ, Кедринъ и другіе; объ ихъ богатствѣ же историки Нѣмецкіе. Остановимся на этомъ.

Вѣрите ли вы этимъ свидѣтелямъ? Нельзя не вѣрить. Это все очевидцы, современники описанныхъ ими происшествій, въ которыхъ инымъ даже случилося быть дѣйствующими лицами. Они не сговаривались между собою: одинъ жилъ въ Константинополѣ, другой въ Багдадѣ, третій внутри Германіи,

[8] Кар. II, прим. 1.

[9] Изв. Виз. Истор., III, 107 — 116.

[10] См. указанія у Карамзина II, прим. 27, 32, 33, 58, 59 и прочія. Также Эймундову Сагу.

[11] Тамъ же, II, прим. 128.

четвертый на островѣ Исландіи, пятый въ Кремонѣ, шестой въ Александріи. Они не списывали другъ у друга: Византіецъ не зналъ по-Арабски, Арабъ по-Исландски, Нѣмецъ по-Арабски. Имъ не было нужды выдумывать: они описывали другіе предметы, а объ насъ большею частію роняли по нѣскольку словъ мимиходомъ. Такъ, имъ нельзя не вѣрить; даже стыдно доказывать ихъ достовѣрность. О прочихъ близкихъ и позднихъ свидѣтеляхъ, которыхъ на всякое почти происшествіе можно набрать много; о другихъ происшествіяхъ, засвидѣтельствованныхъ не современниками, а близкими потомками, — я не говорилъ ни слова, чтобы не подать повода къ частнымъ спорамъ мимо главнаго вопроса.

Теперь вообразите, что мы не имѣемъ рѣшительно ни какихъ собственныхъ лѣтописей, ни какихъ свидѣтельствъ о IX, X и XI вѣкахъ нашей Исторіи. Составьте изъ этихъ извѣстій иностранныхъ начало Русской Исторіи. Что выйдетъ?

Вверхъ по Днѣпру по сторонамъ жили въ IX вѣкѣ разныя племена Славянскія.

Племена эти были подъ игомъ, и платили дань Руссамъ, которыхъ Князья ѣзжали за нею изъ Кіева.

Руссы черезъ Днѣпръ и Черное Море нападали часто на Константинополь.

Первое ихъ нападеніе, неудачное, относится къ 866 году, до котораго они были тамъ неизвѣстны. Тогда же нѣкоторые изъ нихъ приняли Христіанскую Вѣру.

Съ 912 года нападали они на берега Каспійскаго Моря, спокойные дотолѣ.

Въ 941 году Князь ихъ, Игорь, былъ прогнанъ отъ Константинополя.

Ольга, супруга его, съ многочисленною свитою была въ Константинополѣ, и приняла тамъ (если не прежде) святое крещеніе.

Святославъ, сынъ Игоря, покорилъ Болгарію, по договору, для Греческаго Императора Никифора Фоки, хотѣлъ остаться тамъ навсегда по вторичномъ прибытіи, но былъ принужденъ Зимисхіемъ, послѣ упорнаго сопротивленія, оставить Болгарію, и убитъ на слѣдующую весну Печенѣгами въ порогахъ Днѣпровскихъ.

Владиміръ, женатый на сестрѣ Византійскихъ Императоровъ, Василія и Константина, и принявшій Христіанскую Вѣру, жилъ въ согласіи съ Греками; скоро потомъ была война (послѣдняя) по поводу ссоры Русскихъ купцовъ, которыхъ всегда очень много торговало въ Константинополѣ. Послѣ него начинаются междоусобія.

Вотъ очеркъ нашей Исторіи въ IX, X и XI вѣкахъ, составленный безъ помощи нашихъ лѣтописей, изъ однихъ иностранныхъ, вѣрныхъ, неоспоримыхъ свидѣтельствъ!

Какъ же называть ее недостовѣрною? Какъ отвергать ее? Какъ начинать ее съ XII или XIII столѣтія?

Теперь обратимся къ нашимъ лѣтописямъ въ томъ видѣ, какъ онѣ намъ съ перваго взгляда представляются. Вы отвергаете ихъ? Но позвольте спросить: онѣ противорѣчатъ извѣстіямъ, на которыя указалъ я теперь?

Нѣтъ!

По-крайней-мѣрѣ онѣ не представляютъ этихъ извѣстій, а даютъ намъ иныя?

Нѣтъ! Нельзя не признаться, что въ нихъ тѣ же самыя извѣстія, хотя лѣтописатели наши вѣрно не

знали ни по-Арабски, ни по-Исландски, ни по-Латыни, если и знали по-Гречески. Они говорятъ и объ раздѣленіи племенъ, и о собираніи дани Руссами съ Славянъ, и о походѣ Игоря, и о путешествіи Ольги, и о двукратной войнѣ Святослава, и о намѣреніи его остаться въ Болгаріи, и объ умерщвленіи Печенѣгами, и о помощи Болеславовой Святополку, и о междоусобіи сыновъ Ярославовыхъ, и о посольствѣ Нѣмецкомъ.

У нихъ тѣ же извѣстія съ небольшими измѣненіями.

Такъ зачто же вы имъ не вѣрите?

Пишучи это, признаюсь, я недоумѣваю, какимъ образомъ, по какому закону мысли, по какому закону Критики, могла возникнуть такая недовѣрчивость къ главнымъ происшествіямъ нашей древней Исторіи. Это для меня задача психологическая, и только съ этой стороны можно объяснять ее.

Русская лѣтопись Несторова, или лѣтопись подъ буквою А, или начало лѣтописей, – Русскій лѣтописатель X или Z или Y, – говоритъ то же, что Арабъ, что Грекъ, что Нѣмецъ, что Исландецъ, что Италіянецъ, съ которыми онъ, изъ глубокой и темной своей пещеры, не могъ ни сговариваться, ни перемигиваться, – а ему не вѣрятъ!

Обратите вниманіе на нѣкоторыя частныя извѣстія: какое разительное согласіе! Сравните, напримѣръ, извѣстія Константина-Багрянороднаго объ отношеніи племенъ Славянскихъ къ Руссамъ или о плаваніи Днѣпровскомъ, съ извѣстіями нашихъ лѣтописей. Сравните съ ними Эймундову Сагу или, если хотите, сказку: какъ договариваются тамъ Норманны съ Ярославомъ, какія порученія возлагаются на нихъ, какъ они поступаютъ. Не точно ли такъ описываются наши

Варяги? Игорь, возвратясь изъ несчастнаго похода, «посла по Варяги.» Владиміръ отъ Святополка «бѣжа за море..... приде съ Варяги.» Ярополка убили два Варяга. По взятіи Владиміромъ Кіева «рѣша Варязи Володиміру: се градъ нашъ, и мы пріяхомъ е, да хочемъ имати окупъ на нихъ по 13 гривнѣ отъ человѣка.» Могутъ ли историческія извѣстія быть достовѣрнѣе, яснѣе, согласнѣе?

Сравните внѣшнія дѣйствія Варяговъ нашихъ этой лѣтописи съ Руссами Арабскихъ и Греческихъ лѣтописей, съ Норманнами въ Англіи, Франціи и Италіи. Одни и тѣ же люди, одинъ духъ, одни пріемы. Доказательство, что въ нашихъ лѣтописяхъ они описаны вѣрно.

Слѣдовательно лѣтописи наши достовѣрны въ главномъ, подтверждаясь свидѣтельствами иностранными. Слѣдовательно Исторія наша IX, X и XI вѣка сугубо достовѣрна, будучи основана на иностранныхъ свидѣтельствахъ и подтверждена отечественными.

Знаете ли, какое сдѣлаю я вамъ предложеніе? Не угодно ли вамъ сообразить, что мы не имѣемъ не только своихъ лѣтописей, но даже иностранныхъ извѣстій о IX, X и XI вѣкѣ. Русская Исторія и безъ нихъ останется на своемъ основаніи. Читатели подумаютъ, что я шучу, и что здѣсь заключается какое нибудь двусмысліе. Нѣтъ, я говорю безъ шутокъ; пусть слова мои принимаются въ ихъ буквальномъ смыслѣ.

Дайте мнѣ точку, съ которой вы начинаете несомнѣнную Русскую Исторію. Вамъ угодно начинать её съ XII столѣтія? Очень хорошо! Слушайте: Въ XII столѣтіи являются на сцену слѣдующія дѣйствующія лица: Святополкъ Изяславовичъ, Владиміръ Всево-

лодовичъ, Олегъ Святославовичъ, Давидъ Игоревичъ, Володарь Ростиславовичъ, Василько Ростиславовичъ, Рюрикъ Ростиславовичъ, Мстиславъ Святополковичъ, Ярославъ Святополковичъ, и прочая.

Всѣ они двоюродные братья и дяди между собою, какъ замѣчаю я при первыхъ взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, допускаемыхъ вами: слѣдовательно, разсуждаю я далѣе, по образцу геометрической пропорціи, въ которой тремя извѣстными членами отыскивается четвертый неизвѣстный, сторона наша искони принадлежала одному роду; слѣдовательно она не была завоевана, потому что, бывъ завоевана, она была бы роздана, какъ вездѣ, между завоевателями; слѣдовательно она была занята мало-по-малу, по мѣрѣ размноженія сего рода; точно какъ и въ эту допускаемую эпоху, одинъ Князь Ярославъ Святославовичъ, выгнанный племянникомъ изъ Чернигова, идетъ передъ моими глазами въ сторону Рязанскую, и основываетъ тамъ особенное Рязанское княженіе, другой, Владимірко Володаровичъ, — Галицкое, третій, Георгій Владиміровичъ, — Владимірское. Отдѣльные Новогородцы, признавая и изгоняя Князей, указываютъ мнѣ на древній свой обычай. Земля, мало населенная съ областями, которыя отдѣлены одна отъ другой степями, лѣсами, болотами, подтверждаютъ мои выводы.

Далѣе: имена, встрѣчаемыя мною въ этомъ допускаемомъ XII столѣтіи, кажутся мнѣ двухъ родовъ, кромѣ Христіанскихъ: одни имѣютъ смыслъ на нашемъ языкѣ — Святославъ, Святополкъ, Мстиславъ; другихъ я никакъ объяснить не могу — Олегъ, Игорь, Рюрикъ. Эти имена, разсуждаю я попрежнему, принадлежатъ вѣрно другому племени. Слѣдовательно у насъ, какъ и вездѣ по Европѣ, были пришлецы и туземцы. Кому же принадлежатъ эти имена,

пришлому племени или туземному? Разумѣется, пришлому, потому что сихъ непонятныхъ именъ несравненно меньше понятныхъ, принадлежащихъ языку туземцевъ. Слѣдовательно, пришельцы эти явились у насъ вѣрно за долго до XII столѣтія, ибо языкъ ихъ, сколько можно судить по первому взгляду, потерялся, и даже именъ ихъ осталось мало въ употребленіи. На сѣверѣ жъ встрѣчаю множество этихъ именъ въ то самое время, изъ чего и заключаю, что пришлое племя родомъ съ сѣвера.

Наконецъ я вижу, что всѣ эти Князья и ихъ подданные исповѣдуютъ вѣру Греческую. Слѣдовательно, предки ихъ получили ее изъ Константинополя; слѣдовательно, имѣли связь съ этимъ городомъ, больше нежели съ западомъ, и съ юга, а не съ сѣвера.

Вотъ заключенія о древней нашей Исторіи, выводимыя посредствомъ немногихъ посылокъ назадъ изъ состоянія нашей стороны въ XII вѣкѣ, съ котораго хотятъ начинать нашу Исторію.

Эти заключенія касаются до главныхъ частей Исторіи, — о составѣ народа, о образѣ управленія, о Религіи. Онѣ совершенно согласны съ Исторіею, составленною нами изъ иностранныхъ свидѣтельствъ, и сохраненною для насъ нашими лѣтописцами. —

Иностранныя свидѣтельства, математическія заключенія отъ извѣстнаго безспорнаго о неизвѣстномъ, и наши лѣтописи говорятъ одно. Какую историко-критическую силу имѣетъ это согласіе! Какъ этимъ согласіемъ каждое положеніе еще болѣе подтверждается!

И слѣдовательно, древняя Исторія наша достовѣрна, достовѣрна, какъ Французская, Англійская, Гер-

манская, достовѣрнѣе Греческой, Римской, Шведской, Польской, и прочая.

И слѣдовательно ее должно начинать не съ XII, не съ XI, не съ X столѣтія, а съ IX, какъ доселѣ было принято.

И слѣдовательно начало нашихъ лѣтописей, — когда бы, гдѣ бы, кѣмъ бы ни было писано, — достовѣрно, что касается до главныхъ положеній.

Теперь о томъ, кто могъ писать его, и когда именно. Послѣ вопроса о достовѣрности, это задача важнѣйшая.

Начну прискорбіемъ, что лѣтописи наши до сихъ поръ большею частію скрываются подъ спудомъ въ неприступныхъ архивахъ и библіотекахъ; прискорбіемъ, которое постоянно изъявлялъ я съ 1824 года, какъ и многіе наши изслѣдователи, а громогласнѣе всѣхъ Шлецеръ [12]. Только тогда можно будетъ произнести имъ рѣшительный приговоръ, только тогда можно будетъ пользоваться ими вполнѣ историку, когда онѣ будутъ сличены, разсмотрѣны и изданы, какъ завѣщалъ намъ этотъ славный нашъ учитель. Теперь мы можемъ судить о нихъ приблизительно, можемъ извлекать изъ нихъ одно главное, общее, ясное.

Я буду говорить здѣсь о лѣтописяхъ по печатнымъ изданіямъ, которыя у всѣхъ въ рукахъ. Постараюсь представить доказательства самыя ощутительныя по моему мнѣнію, самыя тѣлесныя. Беру начало лѣто-

[12] Незабвенный Графъ Н. П. Румянцовъ пожертвовалъ, какъ было слышно, значительный капиталъ на изданіе Лаврентьевскаго списка и другихъ лѣтописей; но онъ вѣрно увеличивается теперь чрезъ *приращеніе процентами*. А время течетъ, изслѣдователи нуждаются.

писи, какъ оно дошло до насъ, въ невѣрныхъ спискахъ, со всѣми сказками, ошибками, описками, приписками, словомъ, безъ малѣйшей очистки и обработки.

Во многихъ древнихъ спискахъ, по свидѣтельству Карамзина, [13] подъ годомъ 1110, находятся слѣдующія строки: «Игуменъ Сильвестръ Св. Михаила написахъ [14] книгы си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у Св. Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ [15]».

[13] Исторія Госуд. Росс. Т. II, пр. 213. Карамзину въ этомъ случаѣ нельзя не повѣрить. Можно не соглашаться съ нимъ въ томъ или другомъ мнѣніи, — всякой человѣкъ имѣетъ свой взглядъ на вещи, и судитъ по своему, — но подозрѣвать его въ ложномъ показаніи никто не имѣетъ права. Трудъ его есть трудъ честный, добросовѣстный, и въ двадцать лѣтъ не найдено въ немъ ни одной умышленной ошибки. Если онъ говоритъ, то онъ видѣлъ, то онъ точно видѣлъ, — и никто не смѣетъ утверждать противное.

[14] Тамъ же. «*Написахъ* значитъ списалъ: въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такія подписи.» Впрочемъ намъ до этого теперь нѣтъ дѣла: списалъ или написалъ, — это для насъ пока все равно. Мы толкуемъ теперь о времени лѣтописи, а не объ именахъ сочинителей.

[15] Эта приписка вотъ уже какъ распространена и изукрашена въ Никоновскомъ спискѣ, (Ч. II, с. 51): «Се азъ грѣшный інокъ Селивестръ, игуменъ Святаго Михаила, написахъ книги сия, глаголемыя Греческимъ языкомъ Хронографъ, Русскимъ же языкомъ толкуется времянникъ, еже есть лѣтописецъ, во священно и божественно священноначальство Господина Никифора Митрополита Кіевскаго и всеа Русіи, въ обладаніе державы Киевские православнаго и благочестивого Великого Князя Владимера Монамаха, сына Всеволожа, внука Ярославля, правнука великого и равно-Апостолного Святаго Владимера, нареченнаго въ святомъ Крещеніи Василия, крестившаго всю Рускую землю. Писа же вся сія любы ради Господа Бога и Пречистые Богородицы и Святыхъ его, и своего ради отечества Руския земли, во спасеніе и пользу всѣмъ, и молю всѣхъ прочитающихъ книги сия, да помолятся о мнѣ во святыхъ своихъ молитвахъ, да сладостный и ра-

Въ этихъ строкахъ я вижу, что начало лѣтописи было переписано извѣстнымъ лицемъ XI и XII столѣтія, и слѣдовательно было сочинено по крайней мѣрѣ около этого времени.

Но эта приписка, говорятъ, ничего не значитъ: она вымышленная, подложная. Желательно бы узнать улики! Впрочемъ я оставлю пока разсужденіе объ этой припискѣ, какъ спорной; *уступлю* это первое доказательство, что въ числѣ сочинителей или переписчиковъ лѣтописей было извѣстное лице XI столѣтія [16].

Далѣе. Татищевъ говоритъ, что въ лѣтописи за годомъ 1093 находится слово *аминь*.

Возразятъ: Карамзинъ не нашелъ этого важнаго аминя. Но Карамзинъ не нашелъ въ своихъ спискахъ, а у Татищева были другіе [17].

достный гласъ услышу отъ Господа Бога, вдень онъ суда великого избавленъ буду безконечныхъ мученіи, и обѣщанныхъ благихъ отъ Господа «получю, молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ, аминь.» Я нарочно привожу ее здѣсь для примѣра, какъ древнія извѣстія распространяются и изукрашаются въ позднѣйшихъ спискахъ.

[16] Но я говорю про себя: Почему эта выдуманная приписка поставлена здѣсь, а не индѣ? Почему имя Сильвестра, а не какое другое? Во время игуменства, а не епископства? Неужели коварный переписчикъ XIII столѣтія (приписка находясь во многихъ спискахъ, была и въ ихъ подлинникахъ) разсуждалъ такъ, переписавши: «Я скрою свое собственное имя, а увѣрю, что переписывалъ игуменъ Сильвестръ; чтобы этому повѣрили, лучше я вставлю мою приписку въ эпоху существованія Сильвестра». Не слишкомъ ли это затѣйливо, остроумно? Какое хитрое разсужденіе, какой ученый подлогъ! Обманываютъ для себя, а не для другихъ, не для покойниковъ. Мы желаемъ, чтобъ вѣрили намъ, а желать, чтобъ вѣрили другимъ вещамъ, безъ насъ, — не естественно.

[17] И Татищева нельзя подозрѣвать въ выдумкѣ, по крайней мѣрѣ здѣсь: для него разумѣется все равно было, стоялъ ли *аминь* подъ

Впрочемъ такъ и быть. Татищевскіе списки видно затерялись; указать пальцемъ на этотъ *аминь* я не могу, а потому не возьму и его въ доказательство, что здѣсь былъ перерывъ, то есть, что лѣтопись оканчивалась первоначально 1093 годомъ.

Но не могу не взять слѣдующаго завѣтнаго.

Время отъ 1104 до 1110 года, до Сильвестровой (допустимъ, подложной) приписки, оставлено по многимъ древнимъ спискамъ безъ описанія, которое слѣдуетъ уже за нею [12]. То есть, шесть лѣтъ до 1110 года по порядку не описаны, а описаны послѣ, хотя случились прежде. Боюсь, чтобъ не вышло какого недоразумѣнія: объясняюсь еще другимъ образомъ: 1103 годъ описанъ; 1104, 5, 6, 7, 8, 9, не описаны; за 1110 приписка подложная, а за припиской описаніе предъидущихъ пропущенныхъ лѣтъ.

Вотъ важнѣйшее для меня доказательство, что въ началѣ XII столѣтія или концѣ XI въ лѣтописи былъ перерывъ: одинъ сочинитель кончилъ, другой захватилъ нѣсколько предъидущаго времени, неописаннаго у

1093, или подъ 1094, или 1110. Мнѣ не случилось еще изучить такъ Татищева, скажу откровенно, какъ я изучилъ Шлецера или Карамзина, и потому я не могу говорить объ немъ утвердительно въ этомъ отношеніи. Замѣчу здѣсь только мимоходомъ: Исторія Татищева заключаетъ въ себѣ много прибавленій, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вовсе нельзя и предполагать обмана, умысла, и она заслуживаетъ обстоятельнаго изслѣдованія. Вотъ занятіе для молодыхъ любителей науки, — на первый случай, хоть собрать прибавленія Татищева (изъ Никоновскаго списка также). Онъ выдумалъ Іоакима, положимъ, для какой-нибудь цѣли, чтобъ подтвердить свое любимое мнѣніе; но для Нестора, для Сильвестра (въ его спискѣ, въ числѣ присутствовавшихъ при украшеніи раки Бориса и Глѣба, сказано: *и азъ Сильвестръ Михайловскій*), изъ какой бы стати, кажется, ему обманывать?

[18] Кар. II, прим. 213. Карамзинъ употребилъ это замѣчаніе только въ доказательство, что Сильвестръ былъ не сочинитель, а переписчикъ.

предшественника, и сталъ продолжать. Слѣдовательно, начало его оканчивалось около этого времени, и слѣдовательно было сочинено по крайней мѣрѣ въ XI столѣтіи.

Далѣе. Послѣ краткихъ извѣстій около 1125 или 1127 года, извѣстія, замѣчаетъ Карамзинъ, дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе. Онъ думаетъ, что это трудъ другаго, для насъ безъименнаго, человѣка. И весьма вѣроятно, потому что отчего бы одному человѣку, на одномъ мѣстѣ, въ однихъ обстоятельствахъ, писать подробно, потомъ коротко, потомъ опять подробно? Новое доказательство, что въ началѣ XII столѣтія былъ перерывъ.

Наконецъ: въ нѣкоторыхъ лучшихъ спискахъ, по замѣчанію Карамзина же [19], происшествія, бывшія въ концѣ XI вѣка, описаны вдвойнѣ, одинъ разъ подробно, а другой коротко. Напримѣръ, война Святополкова съ Давидомъ, бѣдствіе Венгровъ въ Галиціи, и кончина Мстислава описаны весьма обстоятельно, а послѣ сказано опять: «Въ лѣто 6607 изыде Святополкъ на Давида и прогна въ Ляхы; въ се же лѣто побѣени Угри у Перемышля; въ се же лѣто убѣенъ Мстиславъ, сынъ Святополчъ.» Первый переписчикъ или писатель, повторившій эти извѣстія, былъ человѣкъ безтолковый, — это ясно; но я благодарю его отъ искренняго сердца, потому онъ своимъ повтореніемъ указываетъ мнѣ прямо на бывшій перерывъ въ лѣтописи около этого времени: я вижу, въ дополненіе къ прежнимъ примѣтамъ, что кто-то кончилъ писать около XII вѣка. Одинъ человѣкъ, по справедливому замѣчанію Карамзина, не могъ писать

[19] Въ спискахъ Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ, если я такъ понимаю слова его, II, примѣч. 184.

сперва подробно, а тамъ коротко въ томъ же случаѣ [20].

Да! около XII вѣка былъ перерывъ. Слѣдовательно, начало лѣтописи написано въ XI столѣтіи [21].

Есть еще много доказательствъ.

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора есть извѣстіе: «Матери бо родивши, бысть ему (Всеславу, умершему въ 1101 году) язвено на главѣ его; рекоша бо волсви матери его: се язвено, навяжи нань, да носитъ е до живота своего — еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради не милостивъ есть на кровопролитье» [22].

Не чувствуете ли вы біенія истины въ этихъ словахъ?

И такъ эти строки писаны во время жизни Всеслава, то есть, въ XI столѣтіи.

Подъ годомъ 1089 въ Никоновскомъ спискѣ читается извѣстіе: «Того же лѣта преставися Иванъ Митрополитъ Кіевскій и всеа Руссіи. Бысть же сей Иванъ мужъ хитръ книгамъ и учению, милостивъ ко убогимъ, речистъ же книгамъ святымъ и утѣшая печаль-

[20] Возраженія противъ этихъ доказательствъ я не могу придумать ни какого: не скажетъ ли развѣ кто-нибудь въ объясненіе перерыва: «Лѣтописатель, жившій въ XIII или XIV вѣкѣ, могъ писать только до XII.» — Но почему же не доходилъ онъ до своего времени? — «Онъ занемогъ, отвлеченъ былъ посторонними обстоятельствами, умеръ.» — Хитрое предположеніе! А почему же послѣднихъ шести лѣтъ передъ концемъ своего труда онъ не описалъ такъ подробно, какъ первыхъ? Но такихъ натянутыхъ возраженій нечего и опровергать.

[21] Впрочемъ, повторяю, все это требуетъ еще строжайшихъ, точнѣйшихъ изслѣдованій надъ списками, на которые слѣдуетъ взглянуть именно въ этомъ отношеніи.

[22] Кар. II, прим. 118. — Въ Софійскомъ временникѣ это уже перемѣнено. I, 155.

ныя. И таковаго не бысть въ Руси преже, и по немъ, не вѣмъ, будетъ ли таковъ.»

Воля ваша, а я думаю, что лѣтописецъ написалъ эти строки въ минуту кончины Іоанновой, и положилъ свое перо, то есть, свое писало, на столъ, пока не случилось другаго происшествія, которое вписать ему вздумалось.

Это подтверждается для меня еще болѣе слѣдующими строками, написанными, видно, уже послѣ, какъ пріѣхалъ другой митрополитъ. Въ лѣто 1090 иде Янка къ Царюграду въ Греки, дщи Всеволожа. И приведъ Янка Митрополита Киеву и всеа Росіи Ивана Скопца; о немъ же людіе рѣша: Сей новый Иоаннъ пришелъ есть; но і будетъ ли таковъ, яко же первый Иванъ?»

Какъ это истинно! Какая свѣжая молва! «И отъ года до года пребысть преставися: бѣ же сей мужъ некниженъ, и умомъ простъ, и просторѣкъ.»

Не очевиденъ ли современникъ!

Подъ годомъ 1065 въ лѣтописи встрѣчается мѣсто: «Того же лѣта въ Киевѣ рыболове ловяше рыбы, выволокоша вневодѣ дѣтищъ, его же сходящися *позоровахомъ* до вечера дивящася, и паки ввергоша его вводу: бяше бо у него на лицы срамниі удове; иного же *нельзя* сказати срама ради.»

Мы смотрѣли до вечера!..... Кто можетъ говорить такъ, кромѣ очевидца?

Подъ годомъ 1096 описано нападеніе Боняка Половецкаго на Кіевъ: «Того же мѣсяца внятокъ приде Бонякъ безбожныі, шелудивыі, отай хыщникъ х Киеву внезапу, и мало во градъ не въѣхаша Половцы, и зажгоша болонье около града, и возвратишася

въ монастырь, и зажгоша Стефановъ монастырь, и деревяне, (у Карамзина II, пр. 174 деревней Германа) и пріидоша вмонастырь Печерскіі, *намъ сущимъ по кѣлиямъ почивающимъ по заутреи,* і кликаша около монастыря, и поставиша стяга два, и вшедъ враты монастырскими, *на ложе бѣжащимъ* за домъ монастыря, *а другимъ возбѣгшимъ* на полаті. Безбожниі же сынове Измаилтеві высекоша врата монастырю, и пойдоша по кѣліямъ высекающе двери, и износяху, что обретающе в кѣлияхъ. Посемъ зажгоша домъ Святыя Богородицы владычицы нашея, и пріидоша къ церкви, и вожгоша двери, еже къ югу устроенныя, другия же ксеверу, и влѣзше впритворъ у гроба Ѳеодосиева, емлюще іконы, и зажигающе двери.» Далѣе слѣдуетъ нравственное размышленіе. «Тогда же зажгоша и дворъ красныі, его же поставилъ благовѣрныі князь Всеволодъ на холму, нарицаемомъ Выдобычи, то все окаяннии Половцы запалиша..... нѣколико отъ братиі нашея оружиемъ.»

Это нападеніе совершенно подобно прочимъ нападеніямъ Половецкимъ въ XII и XIII вѣкахъ.

«Того же мѣсяца впятокъ, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ.» Какъ предположить подлогъ въ такихъ выраженіяхъ? Кому прійдетъ въ голову вставлять такія строки въ сказочныя, выдуманныя описанія!

Такъ, и это описаніе сдѣлано современникомъ, то есть, въ XI столѣтіи.

Есть еще два мѣста, гдѣ лѣтописатель, разсказывая о происшествіяхъ въ концѣ XI вѣка, говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ: о прибытіи своемъ въ монастырь и о обрѣтеніи мощей Св. Ѳеодосія. Но эти мѣста почитаютъ нѣкоторые вставленными, и потому я также

не приму ихъ какъ доказательство, что лѣтопись сочинена въ XI столѣтіи.

Подъ годомъ 1106: «Въ се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ, живъ по закону Божью; не хуже бѣ первыхъ праведникъ; *отъ него же и язъ многа словеса слышахъ*; еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ. Бѣ бо мужъ благъ и кротокъ и смиренъ, отгребояся всякая вещи, его же и гробъ есь въ Печерскомъ монастыри, въ притворѣ, иде же лежитъ тѣло его положено мѣсяца Іуня въ 24.»

Слѣдовательно, это писано въ самомъ началѣ XII столѣтія. Но это, говорятъ, выдумано. Какъ, выдумано и въ лѣтописи, и въ патерикѣ? Надъ этимъ Янемъ что-то особенно смѣются, — не понимаю за что. Все выдумано, все выдумано! Но, ей-ей, гораздо труднѣе, мудренѣе выдумать столько лжи, чѣмъ передать столько правды!

Подъ годомъ 1098 находится извѣстіе: «Васильку же сущу въ Володимери..... и яко приближися постъ великій, и *мнѣ грѣшному тамо сущи* в Володимери и воедину нощь присла по меня князь Давидъ Игоревичъ, и пріидохъ кнему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя, и рече ми: се молвилъ Василько сей нощи ко Улану и к Колчю, рекъ тако: се слышу; яко идетъ Володимеръ и Святополкъ на Давыда; даже бы мене Давыдъ послушалъ, дабыхъ послалъ мужъ свой къ Володимеру: воротися веде бо ся съ нимъ, что молвилъ; да се Василю шлю тя, иди к Васильку *тезю своему* (такъ и въ спискѣ Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ) ссима отрокама, и молви ему тако: оже хочеши послаті мужъ свои, и воротится Володимиръ, то вдамъ ти, которой ти городъ любъ, либо Всеволожъ, либо Теребовль, либо Пере-

дивль. Азже идохъ къ Васильку, і повѣдахъ ему вся рѣчи Давыдовы. Онже рече: сего есмь не молвилъ, но надѣюбося на Бога пошлю, да быша не пролияли крови мене ради..... *Мнѣ же рѣша:* иди къ Давыду, и рцы ему: пришли ми Кулмѣя, да его послю къ Володимиру. И не послуша его Давидъ, и *посла мя*, паки рекъ: нѣсть Кулмѣя. *И рече ми* Василько: посѣди мало. И повелѣ своему слузѣ идти вонъ и *сѣде со мною* и нача ми глаголати,» и проч.

Ясно, что все это писано самимъ дѣйствующимъ лицемъ, современникомъ, который вездѣ говоритъ отъ перваго лица: слѣдственно, въ XI столѣтіи.

Но первое лице, говорятъ, выдумано или вставлено.

Признаюсь, очень мудрено предположить здѣсь выдумку, развѣ есть какая ясная улика. Что за охота выдумывать человѣку, который умалчиваетъ все, что относится собственно до него, и по необходимости употребляетъ одно личное мѣстоименіе.—Поди къ своему тёскѣ и скажи ему — Я пошелъ сказалъ, а тотъ отвѣчалъ мнѣ вотъ что! Выдумываютъ сказанія затѣйливыя, страницы, а такого простаго, строгаго извѣстія не стоило и труда выдумывать, особенно въ XIII или XIV столѣтіи.

Обращу вниманіе и на то, что такія нечаянныя указанія о времени существованія того или другаго лѣтописателя встрѣчаются часто и послѣ: какъ одинъ лѣтописецъ въ XI столѣтіи, о которомъ идетъ рѣчь теперь у насъ, сказалъ, что его посылали къ Васильку для переговоровъ; другой, что нападеніе Половцевъ на Печерскій монастырь было «ему сущу въ кельѣ почивающу.» Третій, а можетъ быть тотъ же, что Полоцкій князь Всеславъ, бывшій долго въ Кіевѣ, въ его время носилъ повязку на головѣ; четвертый, что

онъ ходилъ смотрѣть на урода, пойманнаго рыболовами въ Кіевѣ; такъ точно, послѣ сего XI столѣтія, одинъ случайно говоритъ, что онъ былъ посвященъ епископомъ Нифонтомъ въ Новѣгородѣ въ 1144 году; другой въ 1146 г., что пѣвалъ часто во Владимірѣ въ церкви, съ Игоремъ вторымъ; третій, описавъ кончину Боголюбскаго въ молитвѣ своей къ нему, даетъ намъ знать, что онъ жилъ въ княженіе его брата, Всеволода Георгіевича, въ концѣ XII столѣтія – «Молися Богу помиловати князя нашего, господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подастъ ему побѣду на противныя и многа лѣта съ княгинею и съ благородными дѣтьми и мирну державу и царство [23], а въ другомъ мѣстѣ: «Нехотящихъ намъ (жителямъ Владиміра) добра завистью граду сему и живущимъ въ немъ.» Четвертый говоритъ, что въ 1180 году былъ пожаръ *здѣсь* (въ Кіевѣ), и потомъ, что Рюрикъ Василій построилъ въ 1198 году каменную стѣну подъ церковью Св. Михаила, стоявшею дотолѣ сто одиннадцать лѣтъ: «Благослови Богъ вдохнути мысль благу великому князю Рюриковн-Василію. Того-бо лѣта Іюня въ 10 день, въ Суб., заложи стѣну каменну подъ церковью Св. Михаила у Днѣпра, иже на Выдобичи, о ней же мнози не дрьзнуша помыслити отъ древнихъ, али но (не только) дѣлу ятися. Сто бо и одиннадцать лѣтъ и мать, отнеле-же создана бысть, и мнозіи самодержцы прендоша держаще столъ княженіа Кіевскаго, отъ того же Боголюбця Всеволода, иже созда (въ 1088) церковь ту [24]. Пятый, описавъ кончину Владиміра Вольмскаго въ 1289 году, призваніемъ его благословенія даетъ также

[23] Кар. III, прим. 24 По новой методѣ, если можно назвать методою, слѣдовало бы здѣсь воскликнуть: Царство! Какъ царство? Царство у насъ является въ XV столѣтіи, или лучше въ XVI, а здѣсь говорится о XII. Это подлогъ! это сказки!

[24] Это послѣднее извѣстіе Кіевской лѣтописи. Объ освященіи церкви Всеволодомъ. См. Карам. II, прим. 158.

разумѣть, что жилъ въ его время. «Возстани изъ гроба.... возведи очи, какоя ти чти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безъ памяти тя оставихъ братомъ твоимъ Мстиславомъ; возстани и видь брата твоего красящаго столъ земли твоея. Къ семужъ вижъ и благовѣрн. свою княгиню, како преклоняется имени твоему.»

Всѣ эти очевидно нечаянныя, оброненныя, а не умышленныя или вставленныя указанія, по которымъ можемъ мы только угадывать о времени и мѣстѣ жительства сочинителей, указанія одинаковой натуры въ XI, XII, XIII и XIV столѣтіяхъ, подтверждаются одно другимъ, имѣютъ связь между собою, носятъ на себѣ одну печать истины, и равно достовѣрны. Подлога предположить невозможно ни какого. Источники подлоговъ бываютъ вотъ какіе: краснобай хочетъ отличиться, убѣдить, тронуть; хвастунъ, чтобы пріобрѣсти себѣ славу, высокое мнѣніе; плутъ, чтобы получить выгоду себѣ или своимъ; льстецъ, чтобъ снискать благосклонность лица, котораго подвиги прославляетъ; фантазеръ, покоряясь своему піитическому расположенію; аббатъ разсказываетъ о чудесахъ своего монастыря, о правахъ данныхъ ему такимъ-то герцогомъ въ такой-то грамотѣ, объ уваженіи къ нему такого-то маркграфа. Такимъ образомъ понимаю я Никоновскій списокъ, Степенную Книгу, Синопсисъ, древнія сказки объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Владимірѣ; такимъ образомъ понимаю я Саксона грамматика, Снорона Стурлесона и другихъ баснословныхъ писателей; но къ древней нашей лѣтописи съ XI вѣка, когда лѣтописцы руководствовались уже не преданіями, а личными свѣденіями, нельзя совершенно приложить ни одного такого разсужденія. Что мы находимъ въ нихъ? Сухія, голыя, строчныя извѣстія. Наши монахи писали *для себя,* не для публики: кого имъ было обманы-

вать! Вотъ обстоятельство, на которое не обращаютъ вниманія; и я, признаюсь, никакъ не могу понять, чтобъ эти монахи вставляли кое-гдѣ по простому, незначительному словцу, не для чего другаго какъ для удостовѣренія, что лѣтописи писаны не ими. Это былъ бы обманъ чудесный, поддѣлка глубокая, достойная только нашего времени, и которой нѣтъ ничего подобнаго во всей исторической литтературѣ. Почему въ IX, X, въ началѣ XI вѣка нѣтъ такихъ личныхъ мѣстоименій? Но довольно объ этомъ [25].

Перейдемъ къ другимъ доказательствамъ, – доказательствамъ третьяго рода.

Въ IX, X, XI вѣкахъ главными дѣйствующими лицами я вижу Варяговъ. Въ продолженіе этого времени они упоминаются до шестидесяти разъ въ лѣтописи. Лѣтописецъ знаетъ ихъ коротко: всѣ дѣйствія его Варяговъ имѣютъ одну опредѣленную физіономію, точно какъ Славяне имѣютъ другую, и ни въ одномъ мѣстѣ не прійдетъ вамъ въ голову сказать: Нѣтъ, это не въ Варяжскомъ духѣ! Нигдѣ не найдете противорѣчій. Это очень замѣчательно: такую вѣрность въ изображеніи народнаго характера мудрено сохранить нынѣ, въ искусственномъ произведеніи, съ намѣреніемъ и желаніемъ. А тогда? Слѣдовательно Варяги лѣтописные списаны съ натуры, просто, безъ затѣй. Примутъ ли иные это въ доказательство, безъ цитаты, безъ буквы?..... Если бы лѣтопись была сочинена въ XIV или XIII вѣкѣ, то могла ли бы она не только приписывать вѣрно какія-либо дѣйствія Варягамъ, но даже знать ихъ имя? Въ XIV, XIII и даже XII вѣкѣ они сошли со сцены, перестали дѣйствовать, и имя это за-

[25] Характеръ нашихъ простодушныхъ лѣтописателей вѣрно схваченъ въ монологѣ Пимена у Пушкина, – буди сказано не во гнѣвъ нашимъ ученымъ толкователямъ.

молкло въ народѣ, а у сосѣдей никогда и не слышалось, и слѣдъ ихъ пропалъ. Съ чего бы взять ихъ было лѣтописателю, кто бы онъ ни былъ? Переводя съ Греческаго, онъ говорилъ бы о Скиѳахъ, Руссахъ, а не о Варягахъ; въ Латинскихъ и Нѣмецкихъ лѣтописателяхъ онъ не нашелъ бы этого имени съ такими обстоятельствами, какъ не находимъ и мы; передъ собою онъ не видалъ уже ни одного Варяга, и имя это сохранилось только въ собственныхъ именахъ урочищъ — Варяжская пещера въ Кіевѣ, — Варяжская улица въ Новѣгородѣ, — Варяжскій островъ въ устьѣ Днѣпровскомъ.

Слѣдовательно, начало нашей лѣтописи писано въ ту эпоху, когда можно было знать о Варягахъ, въ эпоху, близкую къ Варягамъ. Слѣдовательно, по-крайней-мѣрѣ въ XI столѣтіи.

Выдумайте, какое хотите, лице; помѣстите его, куда пожелаете, въ какое бы то ни было время послѣ XI столѣтія; окружите его какими угодно обстоятельствами, — никакъ нельзя вамъ будетъ сообщить ему возможность такъ знать и такъ писать о Варягахъ, какъ мы читаемъ объ нихъ въ нашей лѣтописи.

Почти то же можно сказать и о племенахъ Славянскихъ, исчисленныхъ и описанныхъ въ лѣтописи. Въ XII столѣтіи они начали пропадать, а въ XIII совсѣмъ пропали, замѣненныя именами княженій и городовъ. Въ XII столѣтіи слѣдовательно было трудно, а въ XIII едва ли возможно собрать и размѣстить ихъ по мѣстамъ: тогда былъ уже Кіевъ, а не Поляне; Черниговъ, Новгородъ, а не Сѣверяне; Владиміръ, а не Древляне; Смоленскъ, а не Кривичи. Лѣтописецъ не могъ списать ихъ у иностранныхъ писателей, потому что нигдѣ нѣтъ ихъ въ такой совокупности: притомъ Греки доставили бы ему, въ краткихъ своихъ извѣстіяхъ, Кривитянъ, а не Кривичей; Вервянъ, а не Древлянъ,

и онъ не умѣлъ бы поправить ихъ, если бъ самъ не зналъ изъ другихъ источниковъ. Слѣдовательно, онъ описывалъ племена также съ натуры, съ живаго преданія, когда они не успѣли еще затеряться, то есть, въ XI столѣтіи. Точно ли были сіи племена, объ этомъ говорить нечего: такимъ состояніемъ начинаются Исторіи всѣхъ государствъ, древнихъ и новыхъ. Не говорю уже о томъ, что почти всѣ они сохранились въ собственныхъ именахъ урочищъ.

Доказательства четвертаго рода, — хотя ихъ право, кажется, и не нужно! Но такъ и быть. Постараемся убѣдить нашихъ скептиковъ, что они начали сомнѣваться, не осмотрѣвши своего предмета со всѣхъ сторонъ. Чѣмъ болѣе я вникаю въ предметъ, тѣмъ болѣе чувствую смѣлости.

Въ началѣ лѣтописи разсѣяно множество выраженій, показывающихъ, что описаніе сдѣлано какъ бы по горячимъ слѣдамъ происшествія, когда оно было еще въ свѣжей памяти у близкихъ потомковъ. Вотъ нѣсколько ихъ для примѣра.

«И оубиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и по-«гребоша и на горѣ, еже *ся нѣне зоветь Оугорьское,* «*кде нѣне Олѣминъ дворъ;* на той могилѣ постави Оль-«ма церковь Святаго Николу; а Дирова могила за свя-«тою Ориною.» Несторъ, по Лаврентьевскому списку, стр. 14.

«А хрестеяную Русь водиша ротѣ вцеркви свя-«таго Ильи, *яже есть надъ ручаемъ,* конецъ Пасынъчѣ «бесѣды и Козаръ». Стр. 26.

«И погребенъ бысть Игорь; есть могила его оу Не-«корьстѣня города въ Деревѣхъ *и до сего дне.*». Стр. 27.

«И послаша Деревляне лучшие мужи числомъ 20 «въ лодьи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в

«лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи возлѣ горы Кыевь-«скыя, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ; «градъ же бѣ Кневъ; *идеже есть* дворъ Гордятинъ и «Нифовъ, а дворъ княжь бяше въ городѣ, *идеже* «*есть* дворъ Демьстиковъ, за святою Богородицею.» Стр. 27.

«Иде Вольга Новугороду и оустави по Мьстѣ пово-«сты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; *ловища ея* «*суть* по всеи земли, знамянья и мѣста, и повосты; и «*сани ее стоять* въ Плесковѣ и до сего дне; и по Днѣп-«ру перевѣсища и по Деснѣ; и есть село ее Ольжичи «и доселѣ.» Стр. 31.

«И погребоша Ольга (Олега, сына Святославова) на «мѣстѣ оу города Вручога, и *есть могила его* и до сего «дне оу Вручего.» Стр. 44.

«Стояша Володимеръ обрывся на Дорогожичи, ме-«жю Дорогожичемъ и Капичемъ, *и есть ровъ и до сего* «*дне.*» Стр. 45.

«А Володимеръ вниде въ Кіевъ, и осѣде Ярополка «въ Роднѣ, и бѣ гладъ великъ в немъ; есть притча «*и до сего дне:* бѣда аки въ Роднѣ.» Стр. 46.

«Жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами свои-«ми, и осквернися кровьми земля Руска и холм-отъ. «Но преблагій Богъ не хотя смерти грѣшникомъ; на «томъ холмѣ ныне *церковь стоить*, Святаго Василья «есть, якоже послѣди скажемъ,» и прочая. Стр. 48.

Такихъ живыхъ преданій нельзя было имѣть позже XI столѣтія!

Доказательства пятаго рода. Языкъ въ началѣ лѣтописей носитъ на себѣ явные признаки древности относительной. Стоитъ сравнить только описаніе происшествія древняго съ описаніемъ происшествія, бывшаго въ XIII или въ XIV вѣкѣ. Напримѣръ, объ Оле-

гѣ: «Поча Олегъ воевати Деревляны и примучивъ і, «имаше на нихъ дань по черинѣ кунѣ. Въ лѣто..... «иде на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и возложи нань «дань легъку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, «рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему. Въ лѣто.... «посла ко Радимичемъ рька: камо дань даете? они же «рѣша: Козаромъ; и рече имъ Олегъ: не даите Ко«заромъ, но мнѣ даите; и въдаша Ольгови по щьля«гу, якоже Козаромъ даху. И бѣ обладая Олегъ По«ляны и Деревляны, Сѣверены, и Радимичи, а Сули«чи и Тѣверци имяше рать.»

Это по древнѣйшему Лаврентьевскому списку, но вотъ другое извѣстіе изъ подновленнаго Софійскаго:

«Пріиде Ярополкъ (въ 1087) изъ Ляховъ и съ твори «миръ съ Володимеромъ, и иде Володимеръ вспять «къ Чернигову; а Ярополкъ сѣде въ Володимерѣ. И «пребысть мало, изиде къ Звенигороду, и не дошед«шу ему града, прободенъ бысть отъ проклятаго Не«радца отъ діавола научена и отъ злыхъ человѣкъ, ле«жащу ему на возѣ, саблею съ коня прободе и, тогда «въздвигнувся Ярополкъ, выторгъ изъ себе мечь и «рече веліимъ гласомъ: охъ, тотъ мя вороже прободе! «И бѣжа Нерадца треклятый къ Перемышлю, къ Рю«риковичу; а Ярополка въземши отроци на конь предъ «ся, Радко Ивоикинъ и иніи несоша къ Володимеру «оттуду къ Кіеву.»

А вотъ какимъ языкомъ въ томъ же самомъ спискѣ описано происшествіе 1327 года: «Того же лѣта пріѣха изъ Орды посолъ сиденъ на Тфѣрь, именемъ «Щолканъ, со множествомъ Татаръ, и велико насиліе «начаша творити; а князя Александра Михаиловича «и его брата хотяще убити, а самъ хотя сѣсти въ Тѣ«ри на княженіе, а иныхъ князей своихъ хотя поса«жати по инымъ городомъ по Русьскымъ, хотя еще «привести Христіяны въ бесерменскую вѣру. Силою

«великого Спаса и молитвою Пречистыя его Богомате-«ре, владычицы нашея Богородицы, Честнаго въ Успе-«ніи, и молитвою новоявленною Святыхъ мученикъ «Князей Русьскихъ Бориса и Глѣба, созва князь Тфѣ-«ричь и поиде на Щолкана, рекъ: не азъ почалъ из-«бивати, но онъ; Богъ да будетъ отместникъ крови «отца моего, великаго князя Михаила, и брата моего «князя Дмитрія, зане пролія кровь праведну, егда не «и мнѣ сеже створить, — и пойде на нихъ.»

Ухо не чувствуетъ ли явно, что эти описанія, несмотря на поправки, принадлежатъ разнымъ столѣтіямъ, и если послѣднее принадлежитъ XIV вѣку, то первое, вмѣстѣ съ прежними, должно быть вѣками двумя старше.

Обращу наконецъ вниманіе на форму драматическую, форму древнѣйшую, въ которую отлито все начало лѣтописи. Найдите ее въ XIII, XIV или XV столѣтіяхъ въ такомъ видѣ!

Кажется довольно, слишкомъ довольно доказательствъ, что начало нашихъ лѣтописей писано въ *одиннадцатомъ* столѣтіи, если не ранѣе; доказательствъ разнообразныхъ и положительныхъ, — примѣты перевыва; указанія современности писателей съ лицами и происшествіями XI вѣка; описанія, которыхъ нельзя было сдѣлать позднѣе этого времени; мѣста, указывающія на близость къ происшествіямъ, живость преданія; языкъ, форма драматическая. Доказательства отъ противнаго я отлагаю до другаго времени.

Остается вопросъ, маловажный въ сравненіи съ предъидущими, вопросъ историческаго любопытства, а не нужды: кому принадлежитъ основаніе нашихъ лѣтописей? Объ этомъ особо.

ПОГОДИНЪ.

СРЕДНЯЯ АЗІЯ.

=

ПУТЕШЕСТВІЯ МУРАВЬЕВА, МЕЙЕНДОРФА, КОНОЛЛИ И БОРНСА.

=

Политическое и общественное состояніе Средней Азіи, остававшееся въ небреженіи со временъ Марко-Поло и Рубрукиса, съ недавнихъ поръ обратило на себя то вниманіе, какого оно заслуживаетъ по своей важности. Распространеніе Россійскихъ владѣній съ одной стороны и Англійскихъ съ другой естественнымъ образомъ открыло новые виды для дѣятельности обѣихъ державъ, а превосходныя Гереновы изслѣдованія о большихъ путяхъ древней торговли пробудили и въ ученомъ и политическомъ свѣтѣ мысль о возможности открыть ихъ снова и оживить мертвую бездѣйственность тѣхъ странъ, гдѣ процвѣтали Вавилонъ, Тиръ, Бактрія и многочисленные города Греческіе. Два предмета подвергнуты были изысканіямъ и разбору: въ Россіи, съ жаромъ надежды на государственную пользу заговорили о способахъ учредить по сухому пути прямую торговлю между Астраханью и Индіею; въ Англіи, съ горечью зависти къ нашимъ успѣхамъ стали разсматривать средства защиты Остъ-Индскихъ владѣній отъ вторженія тѣмъ же путемъ Русскаго штыка. Тогда какъ Баронъ Мейендорфъ, Французскій консулъ Гамба и здѣшняя Коммерческая Газета много писали въ пользу и противъ перваго вопроса, неотступное приближеніе побѣдоносной арміи, скачущей на верблюдахъ изъ глубины сѣвера къ берегамъ Гангеса, терзало безпрестанно воображенія Лондонскихъ журналистовъ и политиковъ: статьи за

статьями, книги за книгами появляются тамъ и по нынѣ, чтобъ доказать угрожающее бѣдствіе или явную невѣроятность подобнаго событія. Если бъ дѣло само по себѣ не было столь смѣшно, съ нашей стороны право стоило бъ оставить дальновидныхъ резонёровъ въ мучительной увѣренности, будто предположенія ихъ основательны, — хоть бы для того, чтобъ наказать ихъ за удивительное невѣдѣніе благородства и безкорыстія политики, которой Россія слѣдуетъ такъ неуклонно. Но мы всѣ знаемъ, что должно думать объ этой странной мечтѣ ихъ безпокойнаго недоброжелательства, и опровергать ее не нужно для нашихъ читателей, хотя появленіе въ свѣтъ Путешествія поручика Борнса подняло въ послѣдніе мѣсяцы цѣлую тучу перьевъ, которыя крѣпко настращали Англійскую публику мнимыми замыслами «Сѣвера,» или старались утѣшить ее доводами ихъ несбыточности. Скорѣе обратимся къ предмету болѣе миролюбивому и согласному съ истинными нашими пользами, — къ предмету возстановленія прямой торговли между Европою и Индіею черезъ Среднюю Азію, который остался нерѣшенымъ послѣ долгихъ споровъ, происходившихъ въ послѣднемъ десятилѣтіи, и съ которымъ было связано путешествіе Барона Мейендорфа.

Чтобъ рѣшить вопросъ, до какой степени эта мысль можетъ почесться удобоисполнимою, должно обозрѣть земли, лежащія между Россіею и Индіею. Къ счастію, кромѣ сочиненій Муравьева и Мейендорфа, новѣйшія Конолли и Борнса * заключаютъ въ себѣ такіе обильные

*Travels into Bokhara, being an Account a journey from India to Cabool, Tartary and Persia, and of a voyage on the Indus. By Lieut. Alexander Burns. 1834. 3 vols.

Journey to the north of India overland from England. By Lieut Arthur Conolly, 1834. 2 vols. Изъ этого сочиненія мы уже сообщили въ осьмой книжкѣ Б. для Ч. отрывокъ автора за гіеною въ Афганскихъ улусахъ.

запасы свѣдѣній, что разсмотрѣніе такого рода дѣлается теперь возможнымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ, и мы намѣрены представить въ этой статьѣ краткій сводъ того, что по сіе время извѣстно Европѣ изъ Русскихъ и Англійскихъ путешественниковъ о нынѣшнемъ состояніи самой любопытной и самой недоступной части Азіи. Само собою разумѣется, что ни какіе въ свѣтѣ торговые виды не заставятъ насъ забыть объ удовольствіи читателей: мы обставимъ наши доводы занимательнѣйшими чертами сочиненій, на которыхъ будемъ опирать наши разсужденія.

Сухопутная дорога отъ Астрахани до Хивы, если не совсѣмъ, такъ по-крайней мѣрѣ почти непроѣзжа: она большею частію идетъ черезъ голыя степи, а если кое-гдѣ выдастся клочекъ зелени, то онъ занятъ «сынами пустыни,» которые только и поджидаютъ путешественниковъ: это ихъ добыча. Кратчайшій и безопаснѣйшій путь представляетъ Каспійское Море, и его-то избралъ Муравьевъ, отправляясь въ 1819 году въ Хиву. Онъ вышелъ на берегъ въ Балканскомъ заливѣ, и, добывъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ верблюдовъ и лошадей, пустился въ дорогу по обнаженной степи, гдѣ не видно ни звѣря, ни птицы, ни зелени. Однако, видъ этой пустыни становился тѣмъ менѣе дикъ, чѣмъ ближе нашъ путешественникъ подъѣзжалъ къ Хивѣ, и наконецъ достигъ онъ богатаго и плодоноснаго края, орошаемаго рукавами Аму-дарьи (Оксуса) и другихъ меньшихъ рѣкъ.

По словамъ его, даже и въ Германіи не видалъ онъ полей, такъ тщательно обработанныхъ, какъ около столицы Хивинскаго ханства. Всѣ домы окружены каналами, черезъ которые пролегаютъ легкіе мостики. Прекрасныя поляны усажены богатыми плодовыми деревьями. Кибитки и мазанки, разсѣянныя по этому прелестному краю, представляли ему одинъ

изъ пріятнѣйшихъ видовъ, какіе можетъ создать воображеніе. Онъ спросилъ своихъ вожатыхъ, принадлежавшихъ къ одному изъ степныхъ племенъ, почему они также не занимаются земледѣліемъ или почему не предпочтутъ плодоносныхъ полей Хивинскихъ своей дикой пустынѣ? «Мы господа, отвѣчали они, а это работники; они боятся наибольшаго, а мы только Бога.»

Между-тѣмъ онъ имѣлъ часъ-отъ-часу болѣе причинъ къ опасенію, что предпринятое имъ путешествіе кончится неблагопріятнымъ для него образомъ. Вопросы его о разстояніяхъ мѣстъ, о положеніи и глубинѣ родниковъ, и о томъ, въ какую пору лучше путешествовать, почитались несомнѣнными доказательствами, что онъ лазутчикъ, а безпрестанные разсказы Хивинцевъ о жестокостяхъ, которымъ подвергались Русскіе невольники, не обѣщали ему ничего добраго. Однако жъ, послѣ сороко-восьми-дневнаго заточенія, онъ успѣлъ возвратиться въ Европу.

Если бъ этотъ оазисъ, говоритъ онъ, былъ подъ властію просвѣщеннаго правительства, онъ сдѣлался бы средоточіемъ торговли между Средней Азіею и Европой. Онъ отправляетъ уже значительный торгъ съ Оренбургомъ караванами черезъ Киргизскія степи, и съ Астраханью караванами жъ, которые грузятъ товары на Русскія суда въ Балканскомъ заливѣ. Поэтому, Г. Муравьевъ считаетъ весьма важнымъ для Россіи пріобрѣтеніе этого края, и совершенно убѣжденъ, что такимъ образомъ получила бы она въ свои руки и торговлю съ Бухарою. Замѣтимъ, что на вопросъ его, далеко ли отъ Хивы до Бухары, одинъ Туркменецъ отвѣчалъ ему: «Семь дней пути для честнаго человѣка, а для вора три дня.»

Поручикъ Коноллн называетъ предположеніе Г. Муравьева романическимъ, поставляя въ числѣ глав-

ныхъ препятствій къ исполненію его вѣроломство Туркменцевъ и трудность сообщеній между Каспійскимъ Моремъ и Хивою, которое, по словамъ его, отъ жаровъ съ начала Іюня до половины Августа, почти совершенно прекращается.

Но союзъ съ какимъ-нибудь сильнымъ Туркменскимъ владѣтелемъ или даже съ Персіею не достаточенъ ли для того, чтобъ упрочить тамъ вліяніе Россіи, которое дастъ новую жизнь древнему благосостоянію Харезма? Что жъ касается до песковъ, лежащихъ между Хивою и Каспійскимъ Моремъ, то они носятъ явный слѣдъ прежней обработки, Г. Коноллисамъ говоритъ намъ, что, при обыкновенномъ трудѣ, имъ легко возвратить плодоносіе.

Прежде чѣмъ разстанемся съ путешествіемъ Г. Муравьева, скажемъ нѣсколько словъ о древнемъ соединеніи Оксуса (Аму-дарья) съ Каспійскимъ Моремъ. Г. Муравьевъ не сомнѣвается въ прежнемъ существованіи такого соединенія, а поручикъ Бернсъ почитаетъ это болѣе нежели сомнительнымъ. Поручикъ Коноллн хотя и видѣлъ русло большой изсякшей рѣки, однако жъ не отваживается утверждать, чтобъ это былъ именно рукавъ Оксуса. Легко быть можетъ, что Геродотъ говоритъ о теченіи этой рѣки въКаспійское Море только потому, что ему не было извѣстно существованіе Аральскаго. Въ новѣйшія времена, потоки, простирающіеся изъ Харезма, или Хивы, въ степь, могли утвердить Абулгазія во мнѣніи, будто и Оксусъ текъ нѣкогда въ ту сторону. Свидѣтельство Абулгазія можетъ быть впрочемъ только выраженіе мѣстнаго повѣрья. Кажется, Гг. Муравьевъ и Коноллн видѣли высохшія соляныя озера или рвы, промытые тающимъ снѣгомъ: по-крайней-мѣрѣ покатость этой части материка къ сѣверу противорѣчитъ древнему существованію такого сообщенія. Профессоръ Сенков-

скій, присоединившій къ путешествію Барона Мейендорфа, между прочимъ, переведенныя съ Персидскаго свѣдѣнія о торговомъ пути изъ Семипалатинска въ Тибетъ, первый возсталъ противъ правдоподобія общепринятой сплетни, будто Оксусъ нѣкогда вливался въ Черное Море: онъ основывалъ разсужденіе свое особенно на томъ, что, по измѣренію полковника Берга, Каспійское Море кажется только 16-тью футами выше Чернаго, и что – по такой не значительной покатости, которой горизонтальная черта простирается на нѣсколько сотъ верстъ, ни какая рѣка течь не въ состояніи. Если измѣреніе полковника Берга вѣрно, то этотъ доводъ можно почесть неопровержимымъ, хотя Виленскій профессоръ, Г. Эйхвальдъ, посѣщавшій восточный берегъ Чернаго Моря, вполнѣ убѣжденъ въ основательности показаній Геродота и Абулгазія. Да если бъ предполагаемый рукавъ Оксуса и дѣйствительно отыскался, то едва-ли бъ можно было сдѣлать его по-прежнему судоходнымъ, и потому отъ Чернаго Моря до нынѣшняго теченія рѣки въ Арали товары могутъ итти не иначе, какъ караванами. Для перехода промежуточной степи потребно около десяти дней.

Перейдемъ къ путешествію Барона Мейендорфа изъ Оренбурга въ Бухару. Посольство, при которомъ онъ находился, провожалъ отрядъ изъ 200 казаковъ, 200 пѣшихъ солдатъ, 25 башкировъ и 2 пушекъ.

«Намъ угрожали безчисленныя опасности. Киргизы, которые вообще не любятъ, чтобъ Русскіе высматривали ихъ край, легко могли напасть на насъ ночью, и предположеніе это было не безъ основанія: въ 1805 году, не далеко отъ Сыръ-дарьи (древняго Яксарта) напали они на поручика Гавердовскаго: при упорнѣйшей оборонѣ едва спасся онъ самъ съ женою и лекаремъ, а три четверти бывшаго съ нимъ отряда осталось въ рукахъ кочевыхъ хищниковъ.»

Даже не дѣлая прямаго нападенія, они могли зажечь траву и кустарникъ, или украсть у нихъ лошадей на ночлегѣ, или наконецъ, убивъ часовыхъ, ограбить путешественниковъ такъ, что они этого бы и не слыхали. Подобно сѣверо-Американскимъ Индѣйцамъ, Киргизы въ полной мѣрѣ обладаютъ хитростью дикарей, которая часто побѣждаетъ благоразуміе образованности. Договоромъ съ Киргизскимъ Султаномъ отвратили эту опасность, но надлежало еще ожидать нападенія Хивинцевъ, которые также преданы разбою и мастера дѣлать набѣги. Иногда пускаются они на грабежъ въ числѣ четырехъ или пяти тысячъ, и употребляютъ совсѣмъ не тѣ хитрости, какія Киргизы: рѣдко бываетъ, чтобъ предосторожность, полезная отъ одной орды, годилась и противъ другой. Одна изъ обыкновеннѣйшихъ уловокъ состоитъ у нихъ въ томъ, чтобъ напугать верблюдовъ въ караванѣ дикими воплями, и напасть въ расплохъ, когда эти животныя разбѣгутся во всѣ стороны.

Несмотря на это хищничество, баронъ Мейендорфъ полагаетъ возможнымъ распространить спасительное вліяніе Россійскаго правительства на степныя племена, кочующія отъ береговъ Волги до Сыръ-даріи, и обезпечить свободный ходъ Индѣйскихъ каравановъ черезъ ихъ степи; но нѣтъ сомнѣнія, что перемѣна во нравахъ какого бы то ни было народа требуетъ сильнаго, постояннаго и долговременнаго труда образованнѣйшихъ сосѣдей. Вотъ еще нѣсколько подробностей о Киргизахъ.

«Грабежъ и скотоводство кажутся имъ легчайшими способами существованія, нежели воздѣлываніе почвы, вообще довольно неблагодарной. Они больше всего на свѣтѣ боятся осѣдлости и полагаютъ свое счастье въ томъ, чтобъ почитать себя «вольными какъ птицы», — сравненіе, употребляемое ими всегда, когда говорятъ они о кочевой своей

жизни. Теперь легко себѣ представить, отъ чего Киргизы, развѣ только въ крайности, дѣлаются землепашцами, не говоря о томъ, что у нихъ есть древнее и часто повторяемое преданіе, которое гласитъ, что Киргизы утратятъ свою вольность, какъ скоро поселятся въ домы и примутся за земледѣліе.»

Не у нихъ однихъ закоренѣлыя понятія облекаются въ форму пророчества: Японцамъ предсказано тоже самое, если они откроютъ свои пристани для Европейской торговли. Впрочемъ у нихъ въ глазахъ живые примѣры по берегамъ Индѣйскаго океана. Константинопольскіе Турки и Греки имѣютъ такія же пророчества о близкомъ паденіи Стамбула, и вѣруютъ въ нихъ отъ всей души.

«Киргизы часто проводятъ цѣлую половину ночи, сидя на камнѣ, смотря на мѣсяцъ, и налаживая унылыя пѣсни на еще печальнѣйшіе голоса. У нихъ есть историческія баллады, напоминающія подвиги ихъ героевъ; но поэмы такого рода поются только записными пѣвцами: я очень сожалѣю, что не слыхалъ ихъ. Я часто говаривалъ Киргизамъ, что мнѣ хотѣлось бы послушать ихъ народныхъ пѣсенъ; но они пѣли только наскоро сложенныя привѣтствія, почти не стоющія вниманія; однако нѣсколько отрывковъ осталось у меня въ памяти. Одинъ Киргизскій бегъ, человѣкъ богатый, не безъ вкуса и дарованія, и притомъ глава многочисленнаго семейства, спѣлъ мнѣ однажды слѣдующій экспромтъ: — «Ты хочешь, чтобъ я спѣлъ тебѣ пѣсню. Изволь, я скажу тебѣ, что честный бегъ, хоть и бѣдный человѣкъ, выше коварнаго хана.» Эти слова совершенно выражали его чувства, потому что онъ былъ отъявленнымъ врагомъ хана Киргизскаго. Разъ молодой Киргизъ затянулъ слѣдующую пѣсню, сложенную молодою дѣвушкой: «Видишь ты этотъ снѣгъ? — а кожа у меня бѣлѣе! Видишь, какъ кровь убитой овцы алѣетъ на снѣгу? — а щеки-то у меня румянѣе. Поѣзжай черезъ гору, и увидишь обгорѣлый пень, — а волосы у меня чернѣй его! У султана въ палатѣ сидятъ муллы и пишутъ безъ устали; — а брови у меня темнѣй ихъ

чернилъ!» Вотъ образчикъ понятій Киргиза, сына степи, который, за исключеніемъ религіи (магометанской), ничего не заимствовалъ у другихъ народовъ. Непокорный, воинственный, дикій, онъ одинъ на конѣ своемъ пускается въ средину степи, и проѣзжаетъ пять или шесть сотъ верстъ съ удивительной быстротою, чтобъ повидаться съ родственникомъ или пріятелемъ въ другой ордѣ. Дорогой, останавливается онъ почти у каждаго аула, разсказываетъ новости и, увѣренный въ хорошемъ пріемѣ, знакомъ ли онъ или незнакомъ съ хозяевами, садится за ихъ трапезу. Пища состоитъ обыкновенно изъ крута, или сыру, который и видомъ, и вкусомъ похожъ на кирпичъ; гайрану, или слегка свернувшагося овечьяго молока; мяса и курнъ, или творожниковъ изъ кобыльяго молока, которые считаются у нихъ за большое лакомство. Онъ никогда не забудетъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проѣзжалъ однажды, и черезъ нѣсколько дней, обогащенный новыми разсказами, возвращается тѣмъ же слѣдомъ домой отдыхать съ женою и дѣтьми. Жены — его главная и иногда единственная прислуга: онѣ готовятъ пищу, шьютъ платье, осѣдлываютъ лошадь, а онъ, въ непоколебимой безпечности, ограничиваетъ заботы свои тѣмъ, что преспокойно стережетъ стада. Я самъ видѣлъ, какъ братъ Султана, чрезвычайно уважаемый Киргизами, пасъ овецъ своихъ: на лошади и въ курткѣ изъ краснаго сукна, скитался онъ за ними недѣли двѣ, отнюдь не думая уронить тѣмъ свое достоинство.»

Но намъ столько предстоитъ предметовъ, что мы должны скорѣе разстаться съ Киргизами, живущими, такъ сказать, у воротъ Средней Азіи, и отослать тѣхъ, которые пожелаютъ узнать ихъ получше, къ прекрасному «Описанію Киргизъ-Кайсацкихъ степей» Г. Левшина. Посольство было принято Бухарскимъ ханомъ съ величайшею благосклонностью. Отдавая полную справедливость блистательному изображенію ханской столицы, начертанному Барономъ Мейендорфомъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи ознакомить читателей съ новѣйшими по-

дробностями, сообщаемыми объ этомъ городѣ Борисомъ, тѣмъ болѣе, что онѣ гораздо свѣжѣе.

«По пріѣздѣ въ Бухару, говоритъ онъ, мы прежде всего принялись за свои наряды, соображаясь во всемъ съ обыкновеніями, какія предписываются законами этого края. Вмѣсто чалмы надѣли мы косматыя овчинныя шапки, мѣхомъ внизъ, а *кемербенды*, или кушаки, замѣнили грубыми веревками или тесьмами. Мы сняли верхнее платье и чулки, потому что во «святомъ градѣ» Бухарѣ они служатъ отличіемъ между невѣрными и вѣрующими. Намъ сказали еще, что, въ стѣнахъ ея, никто, кромѣ магометанина, не можетъ ѣздить верхомъ, и какое-то внутреннее чувство убѣждало насъ соглашаться на всѣ эти пожертвованія, лишь бы дозволили намъ пожить въ столицѣ. Стихи, описывающіе Самаркандъ земнымъ раемъ, именуютъ Бухару «крѣпостью вѣры Ислама»: при безсильномъ невѣріи могла ли намъ прійти охота испытывать терпѣніе людей, по крайней мѣрѣ смотрѣвшихъ такими святошами?

«При въѣздѣ въ городъ насъ даже и не обыскали; но, послѣ обѣда, чиновникъ потребовалъ насъ къ визирю. Товарищъ мой, докторъ Джерардъ, все еще страдалъ лихорадкою, и потому не могъ мнѣ сопутствовать: я пошелъ одинъ въ *аркъ*, или дворецъ, гдѣ министръ жилъ вмѣстѣ съ царемъ, и не могъ надивиться тому, что видѣлъ передъ собою, идучи версты три улицами Бухары до цитадели. Меня тотчасъ ввели къ визирю, или такъ называемому *Кушъбеги*, «сокольничему», человѣку преклонныхъ лѣтъ и пользующемуся большою властію. Онъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ, передъ которою былъ особенный дворъ, и тутъ-то онъ пригласилъ меня сѣсть на помостѣ; впрочемъ былъ такъ ласковъ и снисходителенъ, что это меня поуспокоило. Я поднесъ серебряные часы и кашемировый нарядъ, для этого нарочно мною привезенные; но онъ отъ всего отказывался, называя себя рабомъ хана. Потомъ, часа два распрашивалъ онъ о моихъ дѣлахъ и о томъ, что̀ привело меня въ такую дальнюю сторону. Я разсказалъ ему обычную повѣсть о возвратномъ путешествіи нашемъ на родину и предъявилъ паспортъ, выданный отъ Остъ-Индскаго гене-

ралъ-губернатора: министръ прочелъ его съ особеннымъ вниманіемъ. Послѣ этого я говорилъ ему о знаменитости Бухаръ у восточныхъ народовъ, и о томъ, что желаніе ее видѣть преимущественно влекло меня въ Туркистанъ. «А какого вы званія?» спросилъ министръ. Я сказался офицеромъ Остъ-Индской арміи. На вопросы его о нашей клади, я счелъ нужнымъ отвѣчать, что у меня есть секстантъ, полагая, что насъ станутъ обыскивать, и что лучше предупредить нечаянное открытіе. Я сказалъ ему тоже, что люблю наблюдать звѣзды и другія небесныя тѣла, потому что это весьма привлекательное занятіе. Визирь обратилъ особенное вниманіе на слова мои, и просилъ довольно настоятельно, хотя смиреннымъ голосомъ, чтобъ я сказалъ ему, когда будетъ благопріятное соединеніе планетъ, и какую цѣну на хлѣбъ предзнаменуетъ оно въ слѣдующемъ году. Когда я сталъ говорить, что наши астрономическія знанія не такого рода, онъ обнаружилъ чувство недоумѣнія; но вообще казался нами доволенъ, и обѣщалъ мнѣ свое покровительство. Онъ говорилъ, что пока мы въ Бухарѣ, ему нельзя дозволить намъ употребленія пера и чернилъ, потому что это могутъ представить царю съ дурной стороны и тѣмъ повредить намъ.

«Черезъ два дня послѣ этого свиданія, я опять позванъ былъ къ визирю, и нашелъ его окруженнаго множествомъ почтенныхъ особъ, которымъ ему какъ-будто хотѣлось показать меня. Мнѣ дѣлали такіе распросы, которые заставили меня думать, что насъ все еще въ чемъ-то подозрѣваютъ; но визирь примолвилъ въ шутку: «Вы вѣрно ужъ написали что-нибудь о Бухарѣ?» Такъ какъ я въ первый разъ сказалъ ему всю правду, то не боялся теперь спутаться, и смѣло объявилъ этимъ господамъ, что пріѣхалъ посмотрѣть на чудеса Бухары, и что, по благосклонности визиря, уже ходилъ по городу и видѣлъ даже сады за стѣнами. Когда я воротился домой, мнѣ пришло въ голову, что любопытному визирю вѣрно понравится патентованный компасъ со стеклами, винтами и рефлекторами; но могло быть и то, что владѣтель такого многосложнаго механизма покажется ему не въ весьма благопріятномъ свѣтѣ. Однако жъ я отправился съ инструментомъ въ карманѣ, и скоро очутился

въ его присутствіи. Я сказалъ, что у меня есть любопытная вещь, которая, думаю, ему понравится, и вынулъ компасъ, совершенно новый и прекраснѣйшей работы. Я описывалъ его пользу и выставлялъ красоту отдѣлки до тѣхъ поръ, что визирь какъ будто ужъ и забылъ, «что онъ только рабъ хана и принять ничего не можетъ»: онъ началъ условливаться о цѣнѣ, но я прервалъ его увѣреніями, что привезъ инструментъ изъ Индостана именно ему въ подарокъ, потому что наслышанъ объ усердіи его къ вѣрѣ, а съ помощію компаса онъ всегда угадаетъ, для исправности своихъ молитвъ, въ которой сторонѣ лежитъ Мекка, и даже исправитъ по немъ въ главной мечети, которую строитъ теперь въ Бухарѣ, *киблу*, или нишъ, показывающій направленіе Меккскаго храма: я жъ потому не могу принять отъ него ни какого вознагражденія, что онъ уже съ лихвою отплатилъ намъ своимъ покровительствомъ. Кушъбеги схватилъ компасъ съ торопливостью ребенка, который боится, чтобъ у него не отняли новой игрушки, и сказалъ, что повезетъ его прямо къ Его Ханскому Благополучію, и опишетъ дивную хитрость нашего народа.

«По вечерамъ я обыкновенно бывалъ въ Бухарскомъ *регистанѣ*, то есть, на обширной площади передъ дворцомъ. Съ двухъ другихъ сторонъ ограждаютъ ее тяжелыя зданія *медресе*, или семинарій, а съ четвертой устроенъ водометъ, осѣненный высокими деревьями, гдѣ праздные и вѣстовщики собираются около Азіятскихъ и Европейскихъ товаровъ, выставленныхъ на продажу. Пріѣзжему стоитъ только посидѣть на лавкѣ регистана, чтобъ узнать и Узбековъ, и Бухарцевъ. Тутъ онъ можетъ наговориться съ уроженцами Персіи, Турціи, Россіи, Татаріи, Китая, Индіи и Кабула. Онъ увидитъ Туркменцевъ, Калмыковъ, Киргизовъ, которые сошлись изъ окрестныхъ степей, и, вмѣстѣ съ ними, жителей странъ плодоноснѣйшихъ. Онъ сравнитъ вѣжливость подданныхъ «Великаго Царя» — такъ именуется Бухарскій ханъ, — съ грубымъ обращеніемъ скитающагося въ пустынѣ Турка. Онъ увидитъ Узбековъ изъ всѣхъ ханствъ Мавераннегра: и на лицѣ ихъ прочтетъ перемѣны, причиняемыя временемъ и мѣстомъ въ каждой породѣ че-

ловѣческой. Въ Узбекѣ Бухарскомъ едва можно признать Турка или Татарина, — такъ перемѣшался онъ съ Персидскою кровью! Уроженцы сосѣдственной Кокани меньше измѣнились, а сосѣди Ургенджа, столицы древняго Хорезма, или нынѣшніе Хивинцы, сохранили въ чертахъ своихъ какую-то особенную рѣзкость. Ихъ можно различить отъ всѣхъ другихъ по темнымъ овчиннымъ шапкамъ, *кальпакъ*, имѣющимъ около фута въ вышину. Русая борода, сѣрые глаза и бѣлое лице остановятъ иногда вниманіе чужестранца: это Русскій, лишенный отечества и свободы, и бѣдствующій здѣсь въ тяжкой неволѣ. Тамъ-и-сямъ попадется Китаецъ въ такомъ же несчастномъ положеніи: длинная коса его острижена, и вѣнчикъ спрятанъ подъ чалму, потому что онъ играетъ здѣсь роль магометанина. А вотъ Индѣецъ въ нарядѣ, чуждомъ и ему и его отечеству. Маленькая четыреугольная шапочка, и веревка, вмѣсто пояса, отличаютъ его отъ магометанъ, и, — какъ скажутъ вамъ сами мослемины, — предостерегаютъ отъ оскверненія установленныхъ привѣтствій употребленіемъ ихъ въ разговорѣ съ идолопоклонникомъ. Кромѣ этихъ отличій, Индѣйца можно узнать по его угрюмому взгляду и по всегдашнему старанію избѣгать сообщенія съ толпою. Онъ водится съ весьма немногими людьми, въ одинаковыхъ съ нимъ обстоятельствахъ. Жидъ такое же замѣтное существо, какъ и Индѣецъ, только онъ одѣтъ нѣсколько иначе и носитъ коническую шапку. Но главнѣйшее его отличіе, это всѣмъ извѣстныя черты Еврейскаго народа. Въ Бухарѣ, Жиды прекрасной породы, и мнѣ случилось видѣть не одну Ревекку въ моихъ странствіяхъ. Выраженіе лица ихъ много выигрываетъ отъ прекрасныхъ кудрей, вьющихся по щекамъ и по шеѣ. Въ Бухарѣ до 4000 Жидовъ, выходцевъ изъ Мешгеда, въ Персіи, и главнѣйшее занятіе ихъ состоитъ въ крашеніи суконъ. Съ ними здѣсь такъ же обходятся, какъ съ Индѣйцами. Заѣзжій Армянинъ, опять въ другомъ нарядѣ, представляетъ свой скитающійся народъ; однако жъ земляковъ его здѣсь очень мало. За этими исключеніями, чужестранецъ видитъ на базарахъ статную, красивую и хорошо одѣтую массу народа, — Туркистанскихъ магометанъ. Большая бѣлая чалма и темноцвѣтная «чога», или шуба, подъ

которою еще три или четыре такихъ же, составляютъ обыкновенную одежду; но регистанъ, у самаго дворца, а Узбеки любятъ являться передъ царемъ своимъ въ пестромъ шелковомъ платьѣ, называемомъ *эдресъ*: оно самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и показалось бы нестерпимо всякому, кромѣ Узбека. Нѣкоторыя высшія особы одѣваются въ парчу, и тѣ, которыя близки къ государю, въѣзжаютъ въ ограду, а прочія слѣзаютъ съ лошадей у воротъ. Почти всѣ являются къ хану въ сопровожденіи невольника, и хотя эти люди по большой части Персіяне или ихъ потомки, но у нихъ совсѣмъ особенная наружность. Дѣйствительно, говорятъ, что три четверти Бухарскаго населенія происходятъ отъ невольниковъ; потому что рѣдкому плѣннику, приведенному изъ Персіи, позволяютъ возвратиться на родину, а многіе изъ нихъ даже и сами этого не желаютъ. Большую часть Бухарцевъ видишь верхомъ, но на конѣ ли, или пѣшіе, они всегда въ сапогахъ, и притомъ съ такими высокими и острыми каблуками, что мнѣ трудно было не только ходить, но и стоять на нихъ. Они вершка въ полтора вышиною, а въ верхушкѣ нѣтъ и трети вершка поперечнику. Это народная обувь Узбековъ. У иныхъ знатныхъ людей поверхъ сапоговъ башмаки, которые при входѣ въ комнату снимаются. Не забыть было мнѣ барынь въ этомъ общемъ перборѣ всего народонаселенія: онѣ обыкновенно являются верхомъ, и притомъ сидя по-мужски; очень немногія ходятъ прогуливаться, и всѣ подъ черными волосяными покрывалами. Сквозь нихъ такъ трудно смотрѣть, что бѣдняжечки вглядываются въ васъ какъ въ маскарадѣ. Только, Бога ради, не говорите съ ними, а если идетъ мимо васъ затворница царскаго гарема, вамъ даже посовѣтуютъ отвернуться, а не послушаетесь совѣта, такъ ударъ въ голову будетъ достойнымъ наказаніемъ. Такъ священны красавицы «священной» Бухары!

«Быть-можетъ, читатель имѣетъ теперь нѣкоторое понятіе о наружности ея жителей. Съ утра до ночи стоитъ шумный гулъ надъ толпою, и невольно изумляешься, видя эту массу движущихся людей. Посреди площади продаются разные плоды подъ навѣсомъ изъ четыреугольной рогож-

ки, утвержденной на одномъ шестѣ. Удивительна неутомимость продавцевъ безпрестанно раздающихъ виноградъ, дыни, абрикосы, яблоки, персики, груши, сливы непрерывной чередѣ покупателей. Съ трудомъ продерешься въ улицахъ; того и гляди, что задавитъ лошадь или оселъ. Ослы здѣсь прекрасные, и бѣгутъ славной рысью съ сѣдоками и ношами. Легкія повозочки скачутъ вверхъ и внизъ, кромѣ тѣхъ улицъ, которыя слишкомъ тѣсны для ѣзды на колесахъ. На базарахъ вездѣ есть люди, разливающіе чай, который дѣлается въ большихъ Европейскихъ самоварахъ, а не въ чайникахъ, и нагрѣвается металлической трубою. Я думаю, никто такъ не любитъ чаю, какъ Бухарцы: они пьютъ его вездѣ и во всякое время, съ сахаромъ и безъ сахару, со сливками и безъ сливокъ, съ саломъ, съ солью, со всѣмъ въ мірѣ. Рядомъ съ продавцами этого горячаго напитка можете вы купить *рахвет-и-джанъ* «отраду души» — виноградное желѐ, или сиропъ, взбитый со льдомъ. Обиліе льду есть одно изъ величайшихъ наслажденій въ Бухарѣ: его всегда можно имѣть до тѣхъ самыхъ поръ, пока съ наступленіемъ холодной погоды проходитъ въ немъ надобность. Имъ запасаются зимою, и продаютъ его по самой сходной цѣнѣ. Въ Бухарѣ ни одинъ человѣкъ не станетъ пить воды безо льду; и мужикъ покупаетъ его, жалуясь на крайнюю бѣдность, и нищій проситъ милостыни у прохожаго «на ледъ». Прохладительно даже видѣть огромныя его кучи при 90 градусахъ Фаренгейтова термометра. Безконечно было бы описывать все сословіе торговцевъ; довольно сказать, что почти нѣтъ вещи, которой бы нельзя было купить въ регистанѣ: тутъ найдете галантерейныя и стальныя издѣлія Европы, хоть, правду сказать, довольно грубыя; найдете и Китайскій чай, и Индѣйскій сахаръ, и Маниллькія пряныя зелія, и прочая, и прочая. Можно пріумножить запасъ своихъ Турецкихъ и Персидскихъ знаній въ книжныхъ лавкахъ, гдѣ ученые и желающіе казаться учеными корпятъ надъ пестрыми страницами. Уходя вечеромъ изъ этой шумной толпы въ отдаленнѣйшія части города, пробираешься подъ сводами опустѣлыхъ базаровъ, мимо мечетей, увѣнчанныхъ прекрасными куполами, и отдѣланныхъ съ тѣмъ простымъ великолѣпіемъ, какое допус-

каютъ въ этомъ случаѣ магометане. Послѣ базарныхъ часовъ, къ нимъ толпится народъ на вечернюю молитву. У дверей семинарій, которыя обыкновенно насупротивъ мечетей, вы видите учениковъ, наслаждающихся праздностью послѣ дневнаго труда; однако жъ они не такъ веселы и молоды, какъ студенты Европейскихъ университетовъ: напротивъ, многіе изъ нихъ угрюмые старики; въ нихъ больше лицемѣрія, но отнюдь не меньше порока, чѣмъ въ юношахъ другихъ странъ свѣта. Съ сумерками оканчивается вся хлопотня; бьетъ царскій бубенъ, *накара*, за нимъ раздаются и другіе во всѣхъ частяхъ города, и въ извѣстный часъ ужъ никому не дозволяется выходить безъ фонаря. Отъ этихъ распоряженій, полиція въ городѣ превосходная: во всѣхъ улицахъ безопасно оставляются на ночь огромныя кипы сукна. Все безмолвствуетъ до утра, когда шумъ опять начинается въ регистанѣ. День встрѣчаютъ тѣмъ же жраньемъ и чайничаньемъ; сотни мальчишекъ и ослятъ, нагруженныхъ молокомъ, спѣшатъ къ суетливой толпѣ. Молоко продается въ чашечкахъ съ устоемъ сливокъ наверху: мальчикъ приноситъ ихъ на рынокъ двадцать или тридцать на палочкахъ, висящихъ у него на палкѣ за плечомъ. Сколько бы ни нанесли молока, его тотчасъ расхватываетъ чаелюбивое населеніе этого обширнаго города.

«Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ видѣть невольничій базаръ, бывающій здѣсь каждую Субботу по утрамъ. Узбеки всѣ дѣла свои отправляютъ черезъ невольниковъ, которые преимущественно вывозятся Туркменцами изъ Персіи. Здѣсь выставляютъ этихъ бѣдняковъ на продажу; подъ нихъ занято тридцать или сорокъ подмостковъ, гдѣ ихъ осматриваютъ какъ рогатый скотъ, съ тою только разницей, что они могутъ давать о себѣ отчетъ изустно, — чего рогатые скоты не дѣлаютъ. Утромъ я пошелъ на базаръ; тамъ было только шесть невольниковъ, и я видѣлъ, какъ ихъ продаютъ. Во-первыхъ распрашиваютъ относительно родства и обстоятельствъ плѣна; также, магометане ли они, то есть, *сунни*. Вопросъ предлагается такимъ образомъ потому, что Узбеки не почитаютъ *шіи*, послѣдователя Аліева, за правовѣрнаго: для нихъ, какъ для

Іезуитовъ, раскольникъ ненавистнѣе иновѣрца. Если торгующій удовлетворится тѣмъ, что невольникъ — *кафиръ*, то есть, невѣрный, онъ осматриваетъ его тѣло, особенно примѣчая, нѣтъ ли на немъ проказы, столь обыкновенной въ Туркистанѣ, и потомъ уже начинаетъ условливаться съ продавцемъ о цѣнѣ. Трое Персидскихъ мальчиковъ продавались по тридцати *тилла* золотомъ каждый, что составляетъ 200 рупій, или 500 рублей: удивительно, что эти несчастные казались еще довольны своимъ жребіемъ!

«Съ невольничьяго рынка я въ то же утро пошелъ на большой базаръ, и первое зрѣлище, представившееся глазамъ моимъ, были нарушители магометанской Пятницы: четверо взрослыхъ, найденныхъ спящими въ часъ молитвы и одинъ юноша, который осмѣлился курить всенародно. Всѣ они были привязаны другъ къ другу, и преступный табачникъ открывалъ шествіе съ кальяномъ въ рукѣ. Полицейскій приставъ шелъ за ними съ претолстымъ ремнемъ, и хлесталъ ихъ, крича громко: «Послѣдователи Ислама смотрите, какъ наказывается тотъ, кто нарушаетъ законъ!» Между-тѣмъ, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ нелѣпѣе того противорѣчія, какое существуетъ между практикою и теоріею вѣры въ Бухарѣ. Вы можете явно покупать табакъ и всѣ лучшія курительныя принадлежности, а если увидятъ, что вы курите при всѣхъ, васъ тотчасъ потащатъ къ *кази*, судьѣ, высѣкутъ, или заставятъ, съ выпачканнымъ сажею лицемъ, разъѣзжать на ослѣ по городу. Кто въ Пятницу гоняетъ голубей, того возятъ на верблюдѣ, привязавъ мертвую птичку къ шеѣ виновнаго.

«Я забылъ сказать, что Бухарскія барыни красятъ себѣ зубы какъ можно чернѣе, и, отращивая волосы, распускаютъ ихъ въ косахъ по плечамъ. Одежда ихъ похожа на мужскую; онѣ носятъ такія же шубы, только рукава не надѣваются, а связываются назади. Даже дома ходятъ онѣ въ огромныхъ бархатныхъ сапогахъ, тщательно изукрашенныхъ.»

Эти живописныя и любопытныя подробности, взятыя изъ разныхъ мѣстъ книги, кромѣ удовольствія,

могутъ еще служить достаточнымъ доказательствомъ, что Бухара – теперь главный рынокъ Средне-Азійской торговли, и что если бъ открылось постоянное и безопасное сообщеніе между этой страною и однимъ изъ Европейскихъ государствъ, – разумѣется Россіею, – оно было бъ чрезвычайно выгодно для обоихъ. Изъ Россіи есть еще третій путь въ Бухару, по которому ѣздятъ теперь Персидскіе купцы, именно черезъ Хорасанъ, куда легко проникнуть изъ Астрабада. Но этотъ путь служитъ только за-Кавказскому краю, да и тутъ, между Хорасаномъ и Бухарою должно опасаться хищничества Туркменцевъ и безводности обширныхъ степей. О послѣдней поручикъ Борнсъ говоритъ слѣдующее:

«Мы и прежде слыхали о пустыняхъ къ югу отъ Оксуса (Аму-дарьи), а теперь могли судить объ нихъ какъ самовидцы. Передъ нами бѣлѣлись на солнцѣ оставы верблюдовъ и лошадей, падшихъ отъ жажды. Дороги или тропинки здѣсь таковы, что онѣ весьма легко забываются, а стоитъ лишь разъ сбиться съ дороги, и человѣкъ и животное, оба погибаютъ. Именно, такое обстоятельство случилось за нѣсколько дней передъ выѣздомъ нашимъ изъ Чарджуй. Три человѣка, отправившись изъ Хивинскаго становья, заблудились, и издержали всю свою воду. Обѣ ихъ лошади пали отъ томительной жажды, и несчастные, отворивъ кровь остававшемуся въ живыхъ верблюду, питались ею, и такимъ образомъ достигли до Чарджуй, а верблюдъ ихъ издохъ на дорогѣ. Такіе случаи бываютъ часто. Хивинскій ханъ въ послѣднемъ походѣ своемъ лишился болѣе двухъ тысячъ верблюдовъ, навьюченныхъ водою и съѣстными припасами для его войска. Дорогою, онъ рылъ колодези, но воды показывалось очень мало. Верблюды очень терпѣливо сносятъ жажду, однако жъ довольно пошлая ошибка, полагать, что они могутъ долго прожить безъ воды. Они обыкновенно начинаютъ страдать и умираютъ въ четвертый день, а если очень жарко, такъ и прежде.»

Любимое предположеніе о возможности поворотить Аму-дарью изъ Арала въ Черное Море, чтобъ тѣмъ открыть водяную коммуникацію изъ Астрахани во внутренность Азіи, кажется намъ мечтою, которой ни какой Дарій, ни Артаксерксъ не могъ бы привести въ исполненіе. Съ этой стороны судоходный путь навсегда потерянъ, и приведенныя нами свѣдѣнія о характерѣ поколѣній, обитающихъ въ той части степи, не дозволяютъ даже надѣяться на удобную караванную торговлю. Остается обыкновенная дорога, – отъ Оренбурга черезъ Бухару.

Если постоянное торговое сообщеніе между Россіею и Бухарою могло бъ быть источникомъ важныхъ выгодъ, то конечно кругъ нашей дѣятельности въ той сторонѣ получилъ бы еще пространнѣйшій объемъ съ открытіемъ удобнаго пути изъ Бухары въ Индію, а возможность такого событія легко доказать теперь простымъ соображеніемъ мѣстностей. По Аму-дарьѣ товары могутъ итти вверхъ до Кундуза; отсюда до рѣки Кабула волокомъ, и потомъ внизъ по Кабулу до города Аттока, гдѣ эта рѣка впадаетъ въ Индъ.

Главное возраженіе, противопоставляемое открытію этого пути, заключается въ томъ, что товары, привозимые прямо изъ Индіи въ Россію, можетъ быть, обойдутся не дешевле тѣхъ, которые проходятъ вокругъ Мыса Доброй Надежды. Это еще не доказано. Но положимъ, что оно такъ: не должно жъ забывать, и того что цѣны въ разныхъ областяхъ столь обширнаго государства не одинаковы! Есть мѣста, гдѣ сбытъ прошедшихъ черезъ всю Азію предметовъ приносилъ бы еще значительную прибыль торговцу; притомъ же, это дѣло надобно предоставить купцамъ, они всегда найдутъ средства выиграть на товарѣ, тѣмъ болѣе, что могутъ заплатить за него произведеніями, не имѣющими въ тѣхъ мѣстахъ почти ни какой цѣнности.

Вывозная торговля заслуживаетъ также быть принята въ соображеніе въ этомъ случаѣ; и вообще всякая торговая дѣятельность, какъ бы ничтожною ни казалась она на бумагѣ, питаетъ тысячи людей и ведетъ сотни ихъ къ благосостоянію.

«Выгоды Аму-дарьи, говоритъ Борнсъ, должно почитать весьма важными и въ политическомъ, и въ торговомъ отношеніи; по удобствамъ своимъ, эта рѣка какъ бы предназначена быть путемъ для перевозки товаровъ или для какой-нибудь военной экспедиціи. И не по одному руслу дѣлаемъ мы это заключеніе. Должно припомнить, что берега ея населены и обработаны. Слѣдственно, это рѣка не только судоходная, но и обладающая всѣми удобствами къ распространенію нынѣшняго судоходства. Она имѣетъ самое прямое теченіе, и, за исключеніемъ небольшой степи, соединяетъ Европейскіе народы съ отдаленными странами Средней Азіи.»

Довольно говорили мы о торговыхъ сообщеніяхъ. Foreign Quarterly Review, который въ послѣдней книжкѣ всею силою своего краснорѣчія защищаетъ свою Индѣйскую державу отъ нашествія на нее Русскихъ, превосходно доказалъ и удобность пути оттуда въ Бухару, и неисчислимыя выгоды торговли съ нею для Англичанъ. Трудъ его чрезвычайно упрощаетъ наше разсужденіе: какъ скоро путь удобенъ изъ Бухары въ Индію, онъ такъ же хорошъ и обратно; если Индѣйская торговля очень выгодна для Бухарцевъ, она столько же выгодна и для тѣхъ частей Россіи, которыя поближе къ Бухаріи. Все дѣло довольно точно выражается въ слѣдующихъ словахъ: когда сообщеніе съ Бухарою будетъ безопасно, мы можемъ съ пользою участвовать въ прямой торговлѣ съ Индіею. Займемся теперь исключительно любопытными подробностями прекраснаго путешествія поручика Борнса.

Въ началѣ 1831 года, Г. Борисъ отправился изъ Индіи съ пятью лошадьми, посланными отъ Англійскаго правительства въ подарокъ Лагорскому магараджѣ, или властителю, Ренджитъ-Сину. Ему поручено было слѣдовать вверхъ по Инду, и собирать всѣ возможныя свѣдѣнія о плаваніи этою могущественной рѣкою. Ненависть эмировъ Синдскихъ едва не уничтожила этого предпріятія, но должна была уступить твердости и благоразумію посланнаго, и рѣка Индъ была осмотрѣна Европейскими плавателями въ первый разъ послѣ Александра Великаго. Увидѣвъ плывущихъ Англичанъ, одинъ изъ стоявшихъ на берегу Синдовъ воскликнулъ: «Пришелъ конецъ Синдскому краю, когда *Ингилизы* явились на нашей святой рѣкѣ!» Этотъ Синдъ вѣрно былъ изъ пророковъ.

Наконецъ они достигли страны Сейковъ, принадлежащей Ренджитъ-Сину. Это было вечеромъ.

«Только разсвѣло, и подданные магараджи засуетились, любопытствуя видѣть лошадей: мы выгрузили ихъ напоказъ. Удивленіе ихъ было чрезвычайно: «Да это не лошади, а маленькіе слоны!» говорили они. Гривы и хвосты ихъ нравились, кажется, потому, что были похожи на шерсть Тибетскихъ коровъ. Не легко мнѣ было отвѣчать на всѣ вопросы. Эти люди думали, что подарокъ Англійскаго Короля долженъ быть чѣмъ-то необычайнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ: они полагали, напримѣръ, что ломовая лошадь идетъ и большимъ и малымъ галопомъ, и дѣлаетъ всѣ эволюціи, къ какимъ способно только самое легкое животное. Изумленіе ихъ достигло высшей степени, когда они стали разсматривать копыта, и всѣ неотступно просили, чтобъ я дозволилъ послать одну подкову въ Лагоръ, потому что въ ней найдено было 100 рупій вѣсу, то есть, вчетверо противъ здѣшнихъ. Эту рѣдкость отправили съ нарочнымъ, присоединивъ къ ней самое точное измѣреніе каждой лошади для подробнаго доклада Ренджитъ-Сину. Можно себѣ представить, въ какомъ уваженіи была эта достопримѣча-

тельность, когда послѣ говорили, что «глядя на нее, новый мѣсяцъ поблѣднѣлъ отъ зависти!»

Въ Лагорѣ путешественники видѣли великолѣпный садъ Шахъ-Джихана. Это остатокъ Могольской роскоши, въ полмили длиною, съ тремя террасами, возвышающимися уступомъ. Каналъ, проведенный издалека, пересѣкаетъ этотъ прекрасный садъ, и снабжаетъ водою четыреста пятьдесятъ фонтановъ, освѣжающихъ воздухъ.

Г. Борисъ не нахвалится обхожденіемъ Ренджитъ-Сина, и описываетъ его, какъ и Викторъ Жакмонъ, человѣкомъ дѣятельнымъ, смѣтливымъ и любознательнымъ. Онъ показывалъ путешественникамъ свое войско, весьма хорошо обученное Французскими офицерами, и съ любопытствомъ разспрашивалъ о сравнительной силѣ Англіи и Франціи.

Исполнивъ возложенное на него порученіе, поручикъ Борисъ предпринялъ, въ сопровожденіи доктора Джерарда, дальнѣйшее путешествіе въ средину Азіи. Изъ владѣній Ренджитъ-Сина перешли они въ въ страну Афганцевъ, и остановились въ главномъ городѣ Кабульскаго ханства, Пишаверѣ, гдѣ Султанъ Мухаммедъ-Ханъ принялъ ихъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Бѣдному доктору было много хлопотъ съ Афганцами, которые, въ своей терапіи, придерживаются суевѣрія древнихъ Грековъ, и тогда только слушаются врача, когда онъ подробно объяснитъ имъ дѣйствіе предписаннаго лекарства на всѣ органы. Особенно любопытствуютъ они знать, горячимъ или холоднымъ путемъ оно дѣйствуетъ на мокроты. Несмотря на частыя ихъ посѣщенія, путешественники были довольны пребываніемъ своимъ въ Пишаверѣ и обществомъ Афганцевъ, которыхъ обычаи больше Европейскіе, чѣмъ Азіятскіе. Однако жъ кушанья

тамъ не разнообразны и замѣчательны только обиліемъ жирныхъ мясъ: приготовленіе ихъ очень похоже на наше, хотя здѣсь не знаютъ употребленія ножей и вилокъ. Борнсъ и товарищъ его часто приглашаемы были обѣдать въ садахъ, на открытомъ воздухѣ, среди благоуханія прекрасныхъ цвѣтовъ; но лучи палящаго солнца обыкновенно дѣлали для нихъ эти обѣды несносными. Когда они пріѣхали въ Пишаверъ, виноградъ, груши и яблоки были въ совершенной зрѣлости, но еще задолго до ихъ отъѣзда все это посохло отъ солнца.

Пишаверская равнина лежитъ въ тысячѣ семи стахъ футовъ надъ поверхностью моря. Когда путешественники прибыли въ Пишаверъ, вершины окрестныхъ горъ покрыты были снѣгомъ, но къ 1 Апрѣля не осталось и слѣдовъ его. Рѣдкость дождей, которые идутъ очень непостоянно, содѣлываетъ жары въ Іюнѣ и въ Іюлѣ несносными, за то зимы здѣсь холодны и продолжительны. Растенія и травы прозябаютъ съ удивительной силою; но не видно ни елей, ни другихъ деревъ, украшающихъ страны сѣвера.

Путешественники пріѣхали въ городъ Кабулъ 1 Мая, а на другой день встрѣтились съ знаменитымъ миссіонеромъ, перекрещенцемъ изъ Жидовъ, Вольфомъ, который только что воротился изъ чрезвычайно опаснаго путешествія въ Мешгедъ. Его схватили и сдѣлали невольникомъ; но, по физической его малоцѣнности, онъ былъ отпущенъ Туркменцами за небольшой выкупъ. Близъ Балха грозили ему смертію, если онъ не приметъ магометанской вѣры: онъ и тутъ выпутался изъ бѣды, отдавъ послѣдній гульденъ. Послѣ того, избитый до полусмерти, онъ долженъ былъ проѣзжать чрезъ длинный хребетъ горъ по снѣгу, въ сажень глубиною, и, къ довершенію своего несчастія, лишился тамъ лошади. Онъ пришелъ

въ Кабулъ безъ платья и безъ денегъ, и встрѣча съ нашими путешественниками была для него неожиданнымъ благополучіемъ. Въ странствіяхъ своихъ онъ особенно занимается изслѣдованіемъ всего относящагося до поколѣнія Евреевъ. Не даромъ побывалъ онъ и въ Кабулѣ: Афганцы сами выдаютъ себя за отрасль Іудейскаго народа, и именно за одно изъ утраченныхъ колѣнъ. Не знаемъ, наши ли этимологи увѣрили ихъ въ этой глупости, или они нашихъ этимологовъ, — но то вѣрно, что послѣдніе нашли въ ихъ языкѣ множество Еврейскихъ словъ. Патеръ Крусинскій, авторъ извѣстной исторіи покоренія Персіи Афганцами, сочиненной имъ на двухъ языкахъ, Латинскомъ и Турецкомъ, былъ также увѣренъ, что они «изъ Жидовъ.» Г. Вольфъ, несмотря на глубокія свѣдѣнія во всѣхъ языкахъ Востока, занимается своимъ предметомъ исключительно, и гордится тѣмъ, что онъ въ жизнь свою не сдѣлалъ и десяти шаговъ въ сторону для посѣщенія какихъ-нибудь древнихъ развалинъ. Онъ объѣхалъ Египетъ, Персію, Палестину и многія другія земли, ища повсюду слѣда Евреевъ, и теперь та же цѣль поведетъ его въ Тибетъ, Китай, Японію и Тимбукту. Кажется, что, въ бытность свою въ Кабулѣ, онъ очень забавлялъ товарищей своеобразностью и живостью религіозныхъ своихъ мнѣній.

Достъ-Магометъ, ханъ Кабульскій, принялъ путешественниковъ какъ нельзя лучше, и дѣлалъ имъ такіе вопросы, которые показываютъ въ немъ необыкновенную для Азіятца образованность. Слышавъ отъ Русскихъ купцевъ о рекрутскомъ наборѣ и о воспитательныхъ домахъ въ Россіи, онъ разсуждалъ объ этомъ съ поручикомъ Борисомъ; спрашивалъ его о состояніи Европы, Китая, Индіи, и о цѣли его путешествія. Замѣчательно, что Кабулъ не имѣетъ съ Индіей такихъ важныхъ сношеній какъ съ Россіею, ко-

торой слава день ото дня здѣсь распространяется. Русскихъ хвалятъ всѣ въ одинъ голосъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ нужды мы нашли бъ въ Афганцахъ усердныхъ союзниковъ. Почтеніе, питаемое здѣшними жителями къ Русскому имени, изумило Англійскаго поручика, который съ досады вздумалъ увѣрять ихъ, будто мы, Русскіе, такъ дурно учимся Географіи, что даже не знаемъ, гдѣ лежитъ Кабулъ. Читатели! пристыдите этого дерзкаго поручика, скажите, гдѣ лежитъ Кабулъ, гдѣ живутъ наши обожатели, Афганцы.....?

«Кабулъ чрезвычайно шумный и населенный городъ. Послѣ обѣда такой гвалъ, что нельзя разговаривать на улицѣ. Большой базаръ — красивая аркада около 600 футовъ въ длину и около тридцати въ ширину; онъ раздѣленъ на четыре ровныя части. Кровля выкрашена, и надъ лавками выстроено нѣсколько домовъ. Планъ очень хорошій, но неокончанный; также оставлены принадлежащіе сюда водометы и чистерны. При всемъ томъ, мало такихъ базаровъ на Востокѣ, и нельзя не удивляться множеству шелковъ, суконъ и товаровъ, разложенныхъ подъ его сводами. Любопытно видѣть его вечеромъ; каждая лавка освѣщена лампою, привѣшенною спереди, отчего весь городъ кажется иллюминованнымъ. Здѣсь для всякаго промысла особенный базаръ, и всѣ они заняты. Есть, между прочимъ, торгующіе книгами и бумагой, которая по большой части Русская и синяго цвѣта. Май мѣсяцъ настоящая пора для *фелюдѐ*, или бѣлаго сиропа, который добываютъ изъ пшеницы, и пьютъ съ шербетомъ и снѣгомъ. Народъ очень его любитъ, и лавочники во всѣхъ частяхъ города безпрестанно продаютъ. Подлѣ, стоитъ снѣжный столпъ, а вблизи бьетъ фонтанъ, и освѣжая воздухъ, придаетъ лавкамъ опрятную наружность. Вокругъ пекарень шумятъ толпы народа, ожидающія хлѣба. Его пекутъ, примазывая къ стѣнкамъ печи. Кабулъ славится своими *кебабами*, или жареным мясомъ, изрѣзаннымъ въ глотки, котораго очень много покупаютъ, и рѣдкій жаритъ его у себя дома. Въ Маѣ мѣсяцѣ лакомятся здѣсь *ревашемъ*.

Это просто бѣлый ревень, взращенный во всегдашней тѣни, и чрезвычайно вкусный. *Шабашъ ревашъ*! «Виватъ ревень!» кричатъ разнощики по улицамъ. Въ многолюднѣйшихъ частяхъ города есть разсказщики, какъ и въ Персіи, забавляющіе зѣвакъ, и дервиши, воспѣвающіе славу и подвиги пророковъ. Только попадись этимъ господамъ хлѣбникъ, они сейчасъ требуютъ отъ него булки во имя всякаго пророка поочередно, и если судить по числу ихъ, то ремесло должно быть очень прибыльно. Въ Кабулѣ не ѣздятъ на колесахъ; но улицы не очень тѣсны: въ сухую погоду содержатся онѣ въ весьма хорошемъ состояніи, и пересѣкаются маленькими крытыми водопроводами съ чистою водою, что̀ очень удобно для народа. Базары были для меня не такою новостью, какъ самая наружность людей. Они расхаживали въ своихъ овчинныхъ тулупахъ, и казались толсты какъ бочки отъ множества надѣтаго на нихъ платья. Дѣти всѣ съ полными и такими румяными щеками, такъ что я принялъ-было это за искусственную краску. Тѣ, кто постарѣе, кажется, его теряютъ. Въ Кабулѣ до 60,000 жителей, и всѣ единогласно утверждаютъ, что ихъ городу по-крайней-мѣрѣ 6000 лѣтъ. Есть народное повѣрье, что когда діаволъ свергнутъ былъ съ неба, онъ упалъ прямо въ Кабулъ: жаль, если не въ дождливую погоду, потому что тогда онъ утонулъ бы въ грязи на улицѣ.»

Довольные пребываніемъ въ Кабулѣ, путешественники отправились наконецъ далѣе черезъ Гинду-кушъ, грозный хребетъ снѣжныхъ горъ, и достигли знаменитаго Баміана.

Этотъ древній городъ, можетъ-быть, тотъ самый, который Александръ Великій основалъ у Паропамиза, нынѣшняго Гинду-куша, передъ вторженіемъ своимъ въ Бактрію. Страна отъ Кабула до Балха по-сюпору называется *Бахтаръ-земинъ*, то есть, «Бахтаръ-земля.» Имя «Бахтаръ» напоминаетъ древнюю Бактру. Самое названіе Баміанъ какъ будто указываетъ на возвышенность мѣстоположенія, потому что *бамъ* значитъ по-Персидски «плоская кровля» домовъ. Здѣсь

есть безчисленное множество пещеръ, въ которыхъ живетъ бо́льшая часть народонаселенія. Одинокій холмъ посреди долины усѣянъ ими, какъ сотъ ячеями, и напоминаетъ Троглодитовъ, описываемыхъ историками Александра. Холмъ состоитъ изъ глины и гольшей, и потому легко было вырывать въ немъ пещеры: удивительно лишь, до какой степени это здѣсь простерлось. По обѣимъ сторонамъ долины есть также пещеры, но болѣе къ сѣверу, гдѣ находятся и истуканы. Они по большой части съ куфическими, то есть, старо-Арабскими надписями, и слѣдственно относятся ко временамъ послѣ Магомета. Нѣкоторыя пещеры выведены куполомъ, и по краямъ его тянется фризъ. Кромѣ этого, не видно ни какихъ архитектурныхъ украшеній.

Ни одинъ памятникъ Азіятской древности не обращалъ на себя такого вниманія Ученыхъ, какъ колоссальные идолы Баміана. Это двѣ фигуры, одна мужская, другая женская: первая называется Самалъ, вторая Шахъ-Мама. Мужская фигура около 120 футовъ вышиною, и занимаетъ фасъ въ 70 футовъ: впадина, въ которой она изваяна, простирается также на 70 футовъ во внутренность утеса. Ноги истукана изуродованы пушечными выстрѣлами, и лице выше рта все истреблено. Губы очень широки, уши длинны и висячи, а на головѣ была, по видимому, діадема. Вся фигура обвѣшана мантіею, сдѣланною какъ бы изъ цемента. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старались еще укрѣпить ее деревянными кольями. Впрочемъ, въ отдѣлкѣ нѣтъ ни соразмѣрности, ни чистоты. Руки, поддерживавшія мантію на распашку, обѣ отбиты.

Женская фигура лучше выполнена, но одѣта такъ же, какъ мужская. Она около 200 локтей отъ первой, высѣчена изъ того же утеса, но въ половину ниже. Ни-

ни обоихъ истукановъ были покрыты цементомъ, и расписаны человѣческими изображеніями. Теперь, живопись видна только надъ головами идоловъ. Краски такъ же ярки и очерки такъ же рѣзки, какъ въ Египетскихъ гробницахъ. Всѣ эти изображенія представляютъ женскіе бюсты, съ хохломъ волосъ на головѣ и съ какою-то тогою по груди. Все это окружено однимъ сіяніемъ, а голова другимъ. Въ одномъ мѣстѣ видна группа изъ трехъ женскихъ фигуръ, какъ бы идущихъ другъ за другомъ.

Народныя сказанія объ этихъ истуканахъ сбивчивы и неудовлетворительны. Утверждаютъ, что около Рождества Христова они изсѣчены были племенемъ невѣрныхъ, которые хотѣли изобразить царя Селеся съ женою, царствовавшаго въ какой-то отдаленной странѣ, и обоготвореннаго за его величіе (или за величину?). Индѣйцы говорятъ, что эти истуканы сдѣланы поколѣніемъ Панду, и что будто объ нихъ упомянуто въ Магабаратѣ. Одно то достовѣрно, что ни одинъ Индѣецъ не пройдетъ мимо ихъ безъ поклона. Длинныя уши большей фигуры заставляютъ почитать вѣроятнымъ, что объ онѣ Будданическаго (Далай-ламскаго) происхожденія. Кажется, всего ближе къ истинѣ, что Баміанскими истуканами обязаны мы прихоти какого-нибудь знатнаго властелина, который хотѣлъ увѣковѣчить себя въ этихъ пещерахъ. Но мы забыли о нашихъ путешественникахъ, — потому что эти любопытныя подробности о Баміанскихъ истуканахъ приводимъ изъ Asiatic Journal, журнала издаваемаго въ Калькуттѣ, а не изъ сочиненія Г. Бориса.

Путешественники посѣтили знаменитый нѣкогда Балхъ, процвѣтавшій и подъ именемъ Бактріи и подъ нынѣшнимъ. Теперь въ немъ только 2000 жителей, но развалины его лежатъ на двадцать миль въ окружности, и свидѣтельствуютъ о прежней славѣ этой

«матери городовъ», *умму'ль-билядъ*. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ перешелъ отъ Афганцевъ во власть Бухаріи, которой всегда принадлежалъ.

«Мы выѣхали изъ Балха въ полночь, съ небольшимъ караваномъ въ двадцать верблюдовъ. У каждаго изъ нихъ висѣло черезъ спину по двѣ корзины, называемыхъ куявами, а въ корзинахъ было по человѣку: такимъ образомъ, докторъ качался съ какимъ-то Афганцемъ, а я съ моимъ Индустанскимъ слугою. Сначала этотъ родъ путешествованія не могъ казаться удобнымъ, потому что корзины были въ четыре фута длины и въ два съ половиной ширины, и надлежало быть очень гибкимъ и замысловатымъ, чтобъ упрятать въ нихъ, какъ кипу товаровъ, живое тѣло въ шесть футовъ длины безъ малаго. Привычка скоро помирила насъ съ колыханіемъ верблюда и тѣснотой помѣщенія, а сверхъ того мы сдѣлали важное открытіе: тутъ намъ можно было читать и даже писать, не бывъ замѣченными.»

Караванъ, подъ прикрытіемъ Туркменцевъ, достигнулъ береговъ Аму-дарьи. Переправа черезъ эту большую и быструю рѣку достойна вниманія по своей странности: въ лодку впрягаютъ, или точнѣе привязываютъ къ ней канатомъ за гриву пару или четверню лошадей; лодочникъ управляетъ ими, и въ четверть часа вы преспокойно переѣзжаете пространство воды, съ полмили шириною.

«Близъ того мѣста, куда мы теперь пріѣхали, есть поколѣніе Узбековъ, называемое Лакай, и прославившееся своимъ грабительствомъ. У нихъ есть пословица, налагающая проклятіе на тѣхъ, кто умретъ въ постелѣ, потому что истинному Лакаю непремѣнно должно погибнуть въ набѣгѣ, или *чапу*. Мнѣ сказывали, что иногда и женщины сопровожаютъ мужей въ этихъ разбойническихъ экспедиціяхъ, но гораздо достовѣрнѣе, что молодыя красавицы грабятъ только тѣ караваны, которые проходятъ неподалеку отъ ихъ жилищъ. Это племя живетъ близъ Гисеара, — самаго романическаго въ цѣломъ краѣ оазиса съ городомъ того же имени: кромѣ

Лакайскихъ Амазонокъ, тутъ есть еще три или четыре племени, набивающіяся въ потомство Александру Великому.

О пребываніи въ Бухарѣ имѣли мы случай говорить. Теперь прибавимъ только любопытную о образѣ жизни молодаго царя Узбековъ:

«Вода, которую онъ пьетъ, приносится съ рѣки въ мѣхахъ, подъ присмотромъ и за печатью двухъ чиновниковъ. Распечатываетъ ее визирь; даетъ отвѣдать окружающимъ, потомъ самъ отвѣдываетъ, запечатываетъ снова и отсылаетъ къ хану. Ежедневная пища Его Величества подвергается такому же изслѣдованію: министръ откушиваетъ самъ и даетъ окружающимъ; съ часъ ждутъ они, не будетъ ли какого вреднаго дѣйствія, потомъ замыкаютъ въ сундукъ и отправляютъ. У хана одинъ ключъ, у визиря другой. Такъ же точно испытываютъ плоды, варенья и все съѣстное, такъ что доброму царю Узбековъ едва ли когда достается горячій и свѣжій обѣдъ. Ядъ здѣсь въ большомъ употребленіи; даже восшествіе нынѣшняго «Великаго Падишаха» на престолъ окружено сильнымъ подозрѣніемъ, что онъ зеліемъ пособилъ силѣ закона о наслѣдствіи верховной власти. Разъ, одинъ туземецъ поподчивалъ меня смоквами; я взялъ одну и съѣлъ изъ вѣжливости. Но онъ предостерегъ меня отъ такой оплошности на будущее время: «Всегда, говорилъ онъ, должно «давать напередъ часть предложеннаго лакомства подчивающе«му, и если онъ станетъ ѣсть, тогда и вы можете послѣ«довать его примѣру.»

Несмотря на то, чѣмъ болѣе поручикъ знакомился съ Средне-Азіятцами, тѣмъ они становились ему любезнѣе, и онъ, кажется, романически наслаждался ихъ обществомъ въ шумныхъ, полныхъ жизнью караванахъ. Какъ радушно дѣлятъ они другъ съ другомъ каждый кусокъ на дорогѣ! Варвары гостепріимны; образованные только вѣжливы.

Въ Мешгедѣ Борисъ видѣлъ Хосрева-Мирзу, сына Аббасъ-Мирзы, бывшаго наслѣдника Персидскаго престола:

«Скоро пустился я осматривать городъ и прежде всего въ *аркѣ*, или цитадель, гдѣ былъ внезапно изумленъ присутствіемъ Хосревъ-Мирзы, того молодаго принца, который ѣздилъ посломъ въ Петербургъ, а теперь исправлялъ должность Мешгедскаго намѣстника, пока отецъ его былъ въ полѣ. Кажется, путешествіе въ Европу принесло ему много пользы: онъ говорилъ со мною цѣлый часъ, распрашивая о моихъ странствіяхъ; потомъ шутилъ надъ моей бородой и одеждою, и увѣрялъ, что это было бъ большою рѣдкостью въ моемъ отечествѣ. Онъ хотѣлъ знать, католикъ ли я или протестантъ, и дивился, какъ я благополучно достигъ Персіи. Онъ просилъ меня на другой день къ себѣ, что я и не преминулъ исполнить, потому что первый пріемъ оставилъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. На слѣдующее утро я засталъ принца за дѣлами въ аркѣ: къ нему приближались съ такимъ же строгимъ церемоніяломъ, какъ бы къ самому государю. Онъ чрезвычайно говорливъ, и разсказывалъ мнѣ о поѣздкѣ своей въ Россію, отзываясь съ величайшими похвалами на счетъ воспитанія и любезной образованности тамошнихъ дамъ. Кто-то изъ его свиты, и вѣроятно очень приближенная особа, замѣтилъ, что Его Высочеству непремѣнно слѣдовало возвратиться въ Персію хоть съ однимъ изъ этихъ ангеловъ. Принцъ отвѣчалъ, что это было невозможно, и сослался на меня.....»

Замѣчательнѣйшее зданіе въ »Мешгедѣ-святомъ» есть гробница Надиръ-Шаха. Здѣсь живутъ еще потомки великаго завоевателя, но лишенные зрѣнія и въ крайней нищетѣ!

Мы не послѣдуемъ за поручикомъ Борисомъ въ путешествіи его по Персіи, а остановимся только на очеркѣ Фетхъ-Али-Шахова Двора:

«*Кибле-и-алѐмъ*, или Средоточіе Вселенной, — какъ называется шахъ, — сидѣлъ въ зеркальной палатѣ, и когда еще свѣтъ лица его не досягалъ до насъ, мы ужъ вытянулись и отвѣсили по поклону. Потомъ подошли ближе и

опять раскланялись, а Средоточіе Вселенной отвѣчало громко — *Хошъ-амедидъ*! «добро пожаловать!» Тутъ мы поднялись нѣсколькими ступенями и очутились въ шахскомъ присутствіи. — *Димае — и шума чакъ эстъ*? «исправны ли ваши мозги?» воскликнулъ Его Величество звучнымъ голосомъ. Мы стали въ углу, противоположномъ шахскому мѣсту, и отвѣчали на привѣтствіе поклономъ. Насъ было трое; мирзы-министры стояли по сторонамъ. Шахъ сидѣлъ отъ насъ шагахъ въ двадцати, и множество хрусталя, разставленнаго съ лавочнымъ безвкусіемъ, отдѣляло насъ отъ царя царей.»

Подробности этого представленія очень любопытны, но слишкомъ длинны для выписки; вотъ нѣсколько строкъ для примѣра:

«Послѣ небольшаго перерыва въ разговорѣ, шахъ спросилъ съ непритворнымъ любопытствомъ, какое величайшее диво видѣлъ я въ моихъ странствіяхъ. Случай къ лести былъ слишкомъ благопріятенъ при такомъ тщеславномъ Дворѣ, какъ Персидскій, и я отвѣчалъ громкимъ голосомъ: «Средоточіе Вселенной! какое зрѣлище сравнится съ тѣмъ, «которое теперь созерцаю? Самое большое диво, какое я «видѣлъ, это свѣтъ лика вашего, о Убѣжище Міра!» Шахъ сдѣлалъ знакъ удовольствія, за которымъ тотчасъ послышался одобрительный говоръ «столповъ государства,» совокупное вліяніе чувствъ царя и министровъ.»

Изъ Тегерана поручикъ Борисъ отправился въ Буширъ, а оттуда моремъ въ Бомбай, совершивъ такимъ образомъ путешествіе, котораго счастливый успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе, и обогатилъ Науку множествомъ самыхъ любопытныхъ свѣдѣній о странахъ, дотолѣ весьма мало извѣстныхъ.

Е. К.

НЫНѢШНЯЯ
АРХИТЕКТУРНАЯ ШКОЛА
ВЪ ГЕРМАНІИ.

=

Всякъ, кто останавливаетъ вниманіе на новѣйшей Европейской образованности, долженъ невольно поражаться однимъ явнымъ и унизительнымъ для нашей гордости, недостаткомъ ея: она не имѣетъ своей архитектуры! Она, ея поэзія и ея промышленость, живутъ подъ чужимъ кровомъ! Она съ рабскою покорностью вымолила себѣ у старой Греціи нѣсколько обломковъ зодчества, и построила изъ нихъ свои чертоги или съ трудомъ выдавливаетъ изъ себя поддѣльное удивленіе къ зубчатымъ фантазіямъ среднихъ вѣковъ, и тащится въ другой колеѣ подражательства. Новѣйшей Европѣ легче было произвести Рафаэля, Ньютона, Кеплера и Шекспира, легче создать новую живопись, новую поэзію и новое небо, чѣмъ придумать себѣ особый родъ строенія. Можно ли назвать Италіянскую архитектуру, составъ запечатлѣнныхъ неудачею усилій возсоздать классическую старину, собственною, самобытною школою новѣйшей Европы? Конечно, нѣтъ! Увидимъ ли мы когда-нибудь по этой части зарю новаго, оригинальнаго, прекраснаго?.... Она, кажется, уже занимается, и занимается — въ Германіи.

Предубѣжденіе ли это, или добровольное невѣжество, — а должно сознаться, что весьма немногіе въ западной и сѣверной Европѣ имѣютъ настоящее понятіе о томъ, что сдѣлано Германіею въ области Изящ-

ныхъ Искусствъ. Не выдавая себя за пророковъ, мы можемъ предсказать, что вскорѣ одни архитектурныя произведенія будутъ исторгать у путешественниковъ для этой страны тотъ самый восторгъ, который нынѣ изливается такъ безусловно передъ Италіею. Германія конечно не можетъ похвалиться остатками искусства и великолѣпія Римлянъ, но она имѣетъ дивные памятники въ Готическомъ стилѣ, которые въ состояніи вознаградить труды того, кто бы сталъ изучать подробно, и сверхъ того въ ней уже красуются превосходныя классическія зданія новѣйшихъ временъ, вполнѣ достойныя вниманія народовъ, расточающихъ сокровища на обстройки городовъ и украшеніе своихъ столицъ, и достойныя его столько же, если не болѣе, какъ и превозносимыя произведенія Заальнійской школы. Но говоря по совѣсти, этимъ зданіямъ принадлежитъ несомнѣнное первенство передъ послѣдними: въ нихъ не только видно болѣе истиннаго вкуса и оригинальности, но они еще несравненно лучше приспособлены къ настоящимъ потребностямъ общества и къ нашимъ климатамъ. Превосходство, которымъ Италія пользовалась столь долгое время во всѣхъ изящныхъ предметахъ, было болѣе относительное, чѣмъ основанное на правахъ истинной заслуги. Вліяніе ея было соразмѣрно недостатку образованности ея сосѣдей, и, нѣсколько столѣтій тому назадъ, люди скорѣе бы рѣшились оспаривать непогрѣшимость Папы, нежели усомниться въ дарованіяхъ Микель-Анджело, Палладія или Бернини, въ то время, когда слава ихъ, протрубленная самими Италіянцами, преисполняла вселенную благоговѣніемъ. Съ тѣхъ поръ Аѳины и Агригентъ, Пестумъ и Помпея поколебали наше вѣрованіе: теперь дознано, что не только Греческіе ордена зодчества совершенно отличны отъ орденовъ Виньолы, но что вообще духъ Греческой ар-

хитектуры имѣетъ весьма мало сходства съ «классическимъ» стилемъ Италіянскимъ.

Италія много совершила для того времени; но съ той поры, какъ открытіе памятниковъ древности, долго остававшихся въ забвеніи и неизвѣстности, дало новое направленіе и скорѣйшій ходъ Искусствамъ, она сдѣлала мало успѣховъ, сравнительно съ другими странами Европы; да и въ самыхъ своихъ успѣхахъ обнаружила только слѣпую привязанность къ старинному и стремленіе къ безотчетливому подражанію стоящимъ передъ нею образцамъ другаго міра и чуждаго ей общества. Сравнивая утонченныя, но чистыя и строгія красоты Греческаго зодчества, съ столь противоположными ему смазливостью, ребяческими затѣями и причудливостью Италіянскаго рода, легко объясняешь себѣ причину упадка архитектуры въ Италіи, и потерю ею прежняго своего первенства. Страна, эта въ отношеніи къ важнѣйшему и величественнѣйшему изъ Исскуствъ, оставалась на одной точкѣ, между-тѣмъ какъ остальная Европа подвигалась впередъ, тѣмъ съ большею быстротою, что ходъ ея не замедлялся воспоминаніями минувшаго величія, и слѣдственно она могла свободно стремиться къ цѣли.

Утвержденныя временемъ и, такъ сказать, закоренѣлыя славы не вдругъ отвергаются. Люди, привыкшіе основывать свои сужденія на преданіяхъ, изъ рода въ родъ переходящихъ, привыкшіе повиноваться безъ изслѣдованія понятіямъ, господствующимъ нѣсколько вѣковъ и заглушающимъ голосъ Критики, вѣроятно будутъ удивлены, когда услышатъ, что мы дерзаемъ говорить противъ Италіянской архитектуры. Не примѣчая перемѣны въ обстоятельствахъ, они даже готовы ополчить на насъ всю рать любимыхъ

своихъ доказательствъ и возгласовъ, и уничтожить насъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ высказать наши доводы.

Впрочемъ, къ успокоенію нашему, принятое нами мнѣніе не принадлежитъ намъ исключительно. Несмотря на многочисленность почитателей Палладіевой школы, повсемѣстно встрѣчаются уже люди, которые, ни мало не думая отнимать у нея всѣ достоинства, перестали однако питать къ ней слѣпое уваженіе и, изъ учтивости, приписываютъ ея ошибки вѣку ея и недостатку въ хорошихъ руководителяхъ. Одинъ весьма умный писатель даже утверждалъ недавно, что почтеніе наше къ древнимъ отзывается изувѣрствомъ, и что лучше было бы, когда бъ всѣ памятники Греческаго Искусства погибли, чтобы ихъ изученіе не подавляло въ насъ всякаго творческаго чувства, и не полагало Художеству непреодолимыхъ преградъ.

Къ несчастію, до сей поры мы разсматривали памятники древности точно такъ, какъ заклятый грамматикъ разбираетъ творенія Греческихъ поэтовъ. Духъ писаній считаетъ онъ предметомъ неважнымъ, и обращаетъ исключительное вниманіе на періоды, стопосложеніе, длинность и краткость словъ и тому подобныя мелочи. Такъ и архитекторы: они заботятся только о модуляхъ, діаметрахъ и размѣрахъ. Весьма вѣроятно, что древніе зодчіе, воздвигая славные памятники, которымъ мы теперь дивимся, слѣдовали личному вдохновенію, заставлявшему ихъ избирать произвольно тотъ или другой размѣръ, и что они въ этомъ случаѣ руководствовались не математическимъ расчетомъ, а единственно желаніемъ произвести эффектъ. Предполагать противное, значило бъ то же, что думать, будто Гомеръ считалъ по пальцамъ стопы своей Иліады, будто Виргилій, сочиняя, безпрестанно спра-

влялся съ Gradus ad Parnassum, будто Корреджіо прелестныя черты лицъ своихъ фигуръ проводилъ на полотнѣ по точнымъ законамъ криволинѣйной Геометріи!

Это отнюдь не клонится къ осмѣянію основательнаго, систематическаго ученія, столь необходимаго для зодчаго; но мы не можемъ не замѣтить, что на него обращаютъ уже слишкомъ много вниманія. Теперь нечего страшиться, что ученіе это будетъ со-временемъ забыто; нѣтъ, Искусству угрожаетъ другаго рода опасность: мы черезчуръ заботимся о вещахъ, не имѣющихъ ни какого *эстетическаго* достоинства. Отсюда произошло, что и архитектурная Критика подчинилась такимъ же механическимъ выкладкамъ, какъ и предметы, на которые она обращается: хвалятъ и порицаютъ по правиламъ или по привычкѣ. Съ возобновленіемъ страсти къ постройкамъ въ послѣднее двадцатилѣтіе, мнѣнія, перешедшія къ намъ по преданію, вновь укоренились въ умахъ съ такою силою, какъ-будто Науки вовсе не подвинулись впередъ со времени рожденія на свѣтъ этихъ мнѣній, или какъ-будто всѣ труды наши были безполезны. Допуская, что неутомимое изслѣдованіе остатковъ Греческой архитектуры послужило къ чему-нибудь, нельзя не убѣдиться хотя въ той истинѣ, что ученіе о размѣрахъ, созданное въ то время, когда она была почти неизвѣстна Европейцамъ, должно быть теперь отвергнуто или по-крайней-мѣрѣ преобразовано. Многочисленные виды одного и того же ордена такъ разнообразны и неоднородны, что даже предположивъ, будто размѣръ составляетъ основное различіе между орденами, все-таки прійдется раздѣлить каждый изъ нихъ на нѣсколько подраздѣленій. Но размѣръ совсѣмъ не главное различіе въ Греческихъ орденахъ: разсматривая зданія одного и того же ордена, всякъ легко по-

ражается несходствомъ ихъ другаго рода. Какое, напримѣръ, разнообразіе въ Іоническомъ орденѣ! Въ немъ видимъ мы постепенный переходъ отъ самой строгой простоты къ изысканной щеголеватости. Въ Греческомъ зодчествѣ есть еще нѣчто такое, что хотя и составляетъ главнѣйшую его прелесть, независимую отъ прочихъ, мелкихъ красотъ, однако укрылось отъ вниманія поборниковъ древняго Искусства, или по-крайней-мѣрѣ не было достаточно оцѣнено ими: мы говоримъ именно о томъ гармоническомъ согласіи, которое разлито по всему зданію, такъ что всѣ его части выражаютъ одну сосредоточенную идею. Напротивъ, когда разсматриваешь новѣйшія зданія, записанныя въ число образцовыхъ, кажется, будто они составлены изъ разнородныхъ частей, быть-можетъ прекрасныхъ въ отдѣльности, но не представляющихъ въ совокупности ничего изящнаго. Прочность, столь необходимая для каждаго художественнаго произведенія, мало входитъ въ систему зодчества, первоначально основанную новѣйшими Италіянцами на древнихъ орденахъ, то есть, на орденахъ Римлянъ, которые господствуютъ теперь въ цѣлой Европѣ, мало подаваясь къ лучшему. Но наконецъ наступило время улучшеній; они воспріяли свое начало, и, пусть только дальнѣйшіе успѣхи соотвѣтствуютъ первымъ попыткамъ, слѣдующее поколѣніе увидитъ зданія, не только красующіяся Греческими формами,—если ужъ намъ суждено вѣчно подражать Грекамъ,—но и проникнутыми, въ частяхъ своихъ и въ цѣломъ, духомъ истинно изящнаго.

Мы уже сказали, что архитектурная Критика начинаетъ изъясняться языкомъ болѣе свободнымъ и стремиться къ возвышеннѣйшимъ цѣлямъ: говоря о писателяхъ, которыхъ сочиненія обѣщаютъ произвести благодѣтельное вліяніе, должно напередъ упомя-

нуть о Карлѣ Менцелѣ*. Возводя архитектуру на высокую степень Художества и вмѣстѣ Науки, онъ проситъ запечатлѣть въ памяти, что искусства и смѣтливости недостаточно для изящнаго созданія, но что вдохновеніе всегда было и будетъ источникомъ того, что придаетъ твореніямъ художника эстетическую цѣнность. «Архитектурное произведеніе, въ которомъ проявляется геній, создается подобно поэмѣ; сперва долженъ родиться вымыселъ, или основная идея, и уже къ ней приспособляется впослѣдствіи ученое искусство: оно обработываетъ идею и осуществляетъ то, что первоначально есть только отвлеченное понятіе прекраснаго. Вотъ единственный, истинный процесъ! Слѣдуя инымъ путемъ, мы конечно будемъ въ состояніи воздвигнуть зданіе, во всѣхъ отношеніяхъ сообразное съ своимъ предназначеніемъ, но оно никогда не будетъ имѣть той таинственной прелести, той могущественной силы впечатлѣнія, которую вливаетъ въ него одинъ только геній; оно никогда не проникнетъ зрителя удивленіемъ, хотя онъ и согласится, что исполненіе во всемъ удовлетворительно.»

Мы сожалѣемъ, что сочинитель небольшаго, но остроумнаго разсужденія, изъ котораго извлекли мы эти мысли, не разобралъ предмета своего подробнѣе, не пояснилъ замѣчаній своихъ примѣрами отличнѣйшихъ зданій современной Германской архитектуры. Впрочемъ эти примѣры большею частію явились позже, потому что настоящая зодческая школа образовалась въ той странѣ не далѣе какъ лѣтъ за двадцать. Берлинъ и Мюнхенъ суть столицы этой школы, а Шинкель и Кленце главы ея. Оба они много обязаны благопріятнымъ обстоятельствамъ, не потому, что имъ часто представлялись случаи доказать свои способно-

* Versuch einer Darstellung des jetzigen Zustandes der Baukunst. Leipzig, 1834.

сти, а что случаи были такого рода, что поощряли ихъ развернуть свое дарованіе. Оба они исполнили принимаемыя на себя обязанности съ честію, соотвѣтствующею важности предмета, и если бъ всѣ прочія ихъ работы не оправдывали нашей похвалы, два сооруженные ими памятника всегда будутъ заслуживать подробнаго разсмотрѣнія, — именно двѣ Національныя Галереи въ Пруссіи и Баваріи.

Прежде нежели приступимъ къ описанію этихъ зданій, скажемъ нѣсколько словъ о самихъ зодчихъ и о нѣкоторыхъ ихъ современникахъ. Фридрихъ Вейнбреннеръ, почти непосредственный ихъ предшественникъ, пріуготовилъ имъ путь въ области Искусства. Хотя въ произведеніяхъ его замѣтно несравненно болѣе методическаго изученія, нежели оригинальнаго дарованія, хотя видно, что онъ мало цѣнилъ духъ Греческаго зодчества, однако его рисунокъ довольно правиленъ. Несмотря на его недостатки, онъ составляетъ эпоху, потому что онъ приготовилъ переходъ отъ сухаго, прозаическаго стиля, господствовавшаго до конца минувшаго столѣтія, къ роду болѣе поэтическому, болѣе художественному. Хотя собственныя его произведенія не даютъ ему права на высокую степень въ храмѣ безсмертія, но онъ достоинъ уваженія за свои усилія освободить архитектуру отъ оковъ стариннаго навыка, и можетъ считаться отцемъ нынѣшняго поколѣнія Германскихъ зодчихъ. Имена однихъ его питомцевъ составляютъ длинный списокъ: въ числѣ ихъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ — Георгъ Моллеръ. Занимательное сочиненіе о Готической архитектурѣ сдѣлало его преимущественно извѣстнымъ почитателямъ этого рода: оно и другія его творенія о зодчествѣ среднихъ вѣковъ составили ему имя, которое врядъ-ли бы заслужилъ онъ своими зданіями. За исключеніемъ театра, казино, католической церкви и нѣкоторыхъ

другихъ строеній въ Дармштадтѣ, онъ особенно извѣстенъ исправленіемъ восточной части соборной церкви въ Майнцѣ, и тамошнимъ театромъ. Послѣдній открытъ 21-го Сентября 1833 года, и примѣчателенъ тѣмъ, что это первый опытъ подражанія древнимъ во внѣшней архитектурѣ театровъ. Католическая церковь есть ротонда, которой внутренній діаметръ имѣетъ 135 футовъ*: нельзя не замѣтить, что она построена по плану Римскаго пантеона; подобно ему, она освѣщается однимъ окномъ, устроеннымъ въ срединѣ купола, и высота послѣдняго равняется внутреннему діаметру перистиля, имѣющему 132 фута. Но самый куполъ несравненно огромнѣе въ отношеніи къ цилиндрической части строенія, такъ какъ высота карниза простирается едва на 60 футовъ. Въ этомъ случаѣ архитекторъ показалъ свою догадливость, потому что, какъ куполъ начинается у самаго карнизнаго обвѣнчанія, то при бо̀льшей высотѣ колоннъ внутренняя площадь строенія казалась бы меньшею отъ ихъ толщины; и теперь даже онѣ, относительно, огромнѣе колоннъ пантеона, оттого что пространство подъ ними представляется болѣе стѣсненнымъ. Цѣлью архитектора, по собственнымъ его словамъ, было – сохранить всѣ главнѣйшія украшенія, отличающія внутренность Римскаго зданія, отбросивъ многосложныя и мелочныя прибавки, неприличныя величію храма, и разрушающія согласіе частей; и должно сознаться, что ему въ самомъ дѣлѣ удалось значительно упростить зданіе тѣмъ, что вмѣсто безчисленныхъ углубленій и двойнаго ряда колоннъ, какъ въ образцѣ, онъ поставилъ непрерывный перистиль изъ 28 отдѣльныхъ колоннъ, на обвѣнчаніи которыхъ лежитъ весь сводъ. Эффектъ, производимый этою круглою колонадою, можетъ-быть единственною въ своемъ родѣ, еще болѣе увеличивает-

*Пантеонъ въ Римѣ имѣетъ 137½ футовъ.

ся близкимъ разстояніемъ колоннъ между собою: промежутки имѣютъ не болѣе полутора діаметра колонны, и это придаетъ храму полноту и прочность. Словомъ, все, относящееся до ротонды, купола и круга колоннъ сильно поражаетъ зрителя простымъ, благороднымъ величествомъ. Зданіе это представляетъ даже нѣчто оригинальное, не столько по своему изобрѣтенію, сколько по чрезвычайной простотѣ, которая тоже причиною, что его не умѣютъ оцѣнить по достоинству. Вся красота зданія ограничивается, впрочемъ, куполомъ и перистилемъ: стѣна, окружающая колоннаду, совершенно безъ украшеній. Эта чрезмѣрная скупость декорацій превращается уже въ какую-то холодность и наготу, которыя придаютъ цѣлому, вмѣсто простоты, черту неоконченности. Колонны всегда производятъ эффектъ; но величайшая трудность состоитъ въ томъ, чтобы и всѣ прочія части зданія являли видъ не менѣе красивый и величественный, и согласовались съ этимъ наружнымъ убранствомъ: иначе, они будутъ только загромождать мѣсто. Архитекторъ старался еще упростить сколько возможно самый орденъ: хотя капители украшены листьями, но все остальное въ немъ такъ скромно, что едва можно признать его Коринѳскимъ. Эта простота еще усилена размѣромъ колоннъ, имѣющихъ едва по девяти діаметровъ въ вышину, что въ этомъ случаѣ скорѣе можетъ быть отнесено къ достоинствамъ, нежели къ недостаткамъ зданія.

Строгая бережливость, которой Моллеръ долженъ былъ подчиниться, не заражаетъ ни Берлина, ни Мюнхена. Напротивъ, въ первой изъ этихъ столицъ и въ Потсдамѣ, страсть къ зодчеству доходитъ иногда до излишества. Между отличавшимися здѣсь художниками должно замѣтить Карла Готтарда Лангганса. Сооруженные имъ Бранденбургскія Ворота могутъ

считаться однимъ изъ первыхъ произведеній въ Европѣ, и доказательствомъ стремленія Германцевъ къ чистому древнему вкусу. Ланггансъ родился въ 1732 году въ Ландсгутѣ, въ Силезіи, и умеръ въ Берлинѣ Октября 2, 1808 года: онъ даже и по времени довольно близокъ къ настоящему періоду; онъ жилъ въ его началѣ, но еще болѣе сблизился съ нимъ своимъ стараніемъ водворить тотъ очищенный вкусъ, который впослѣдствіи бросилъ такой блистательный свѣтъ на зодчество Германцевъ. Прежде чѣмъ Ланггансъ избралъ Берлинъ мѣстомъ своего пребыванія, онъ построилъ въ Бреславлѣ театръ, нѣсколько церквей, и множество прелестныхъ частныхъ зданій въ окрестностяхъ города. Переселившись въ Берлинъ, онъ нашелъ Фридриха II столь же неутомимымъ въ своихъ зодческихъ, какъ и въ воинскихъ предпріятіяхъ. Этотъ знаменитый Монархъ имѣлъ страсть къ архитектурѣ: онъ не только покровительствовалъ художеству, но и самъ дѣятельно въ немъ упражнялся, и, по случаю смерти Барона Кнобельсдорфа, написалъ ему похвальное слово *. Онъ безпрестанно занималъ старшаго и младшаго Бауманновъ, Гонтара, Унгера, Нейманна и многихъ другихъ, и доставилъ Ланггансу случай высказать свое дарованіе. Художнику этому поручено было перестроить внутренность оперной залы, создать казино и театръ, сгорѣвшій въ 1817 году. Но трудъ, наиболѣе споспѣшествовавшій его славѣ, — это Бранденбургскія Ворота, въ которыхъ примѣтно вольное подражаніе Аѳинскому пропилею. Бранденбургскія Ворота, начатыя въ 1789 году, во время Французской революціи, свидѣтельствуютъ уже о переворотѣ въ

* Это случилось 1753 году. Знаменитая оперная зала, начатая въ 1740 году, есть первое примѣчательное зданіе Кнобельсдорфа. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ многія улучшенія въ Потсдамскомъ дворцѣ и въ *Sans-Souci*, гдѣ выстроилъ прелестную колоннаду, которая была разобрана въ 1797 году: ея колонны перенесены въ новый мраморный дворецъ.

изящномъ вкусѣ и объ отверженіи тѣхъ прихотливыхъ и ложныхъ правилъ, отъ которыхъ такъ долго страдала архитектура. Проницательный глазъ безъ сомнѣнія откроетъ нѣкоторыя мелочныя неправильности въ подробностяхъ, но цѣлое представляетъ видъ простой и величавый, и служитъ весьма приличнымъ входомъ въ городъ, который скоро наполнился множествомъ зданій, неуступающихъ изящностью Аѳинскимъ *.

Если Генце не составилъ рѣшительной эпохи, по-крайней мѣрѣ, въ монетномъ дворѣ, построенномъ по проекту его, выказалъ болѣе истиннаго характера въ древнемъ Дорическомъ орденѣ, и многія подробности зданія свидѣтельствуютъ о лучшемъ изученіи сущности и болѣе вѣрномъ взглядѣ и на эстетическія правила Греческаго зодчества. Кромѣ архитектоническихъ достоинствъ, монетный дворъ его заслуживаетъ вниманіе своими богатыми и приличными скульптурными украшеніями. На фризѣ, имѣющемъ въ длину 116, а въ глубину безъ малаго 6 футовъ, изображены барельефомъ всѣ работы чеканныя и горныя. Изслѣдованіе Греческихъ древностей принесло ту существенную пользу, что научило насъ удачно располагать скульптурныя украшенія всѣхъ родовъ, какъ статуи, такъ и барельефы. По мнѣнію нашему, необходимо, чтобы скульптурныя произведенія, украшающія зданіе, согласовались съ его орденомъ; такъ напримѣръ, кажется, что Дорическому ордену приличествуетъ плоская лѣпная работа; при орденѣ Іоническомъ можно допустить украшенія болѣе смѣлыя, но не столь рѣшительныя, какъ тѣ, которыя должны быть предоставлены ордену Коринѳскому. Намъ, можетъ-быть,

* Ланггансъ нарисовалъ также красивую ротонду анатомическаго театра Ветеринарной Школы, построилъ театръ въ Шарлотенбургскомъ загородномъ дворцѣ, и украсилъ внутренность мраморнаго дворца.

возразятъ, что эта классификація не только произвольна, но даже не сообразна съ дѣломъ, потому что мы относимъ самый *смѣлый* стиль барельефовъ къ самому легкому, нѣжному ордену, и нѣжнѣйшія лѣпныя украшенія къ ордену смѣлому и рѣшительному. Но несообразность заключается здѣсь въ однихъ словахъ, хотя наименѣе выпуклые рельефы, которыхъ фигуры почти совершенно плоски, называемъ мы нѣжными, но они вмѣстѣ съ тѣмъ самые простые, самые прочные и неизысканной отдѣлки, слѣдственно наиболѣе приличны тому стилю, который менѣе всего требуетъ украшеній. И обратно: хотя мы говоримъ, что медзо-реліефы рѣшительнѣе первыхъ, но за то въ нихъ болѣе жизни и великолѣпія. Такъ, если въ этомъ отношеніи можно постановить какое-нибудь правило, то приведенное нами должно быть основательно, — именно, что богатѣйшія лѣпныя украшенія примѣняются только къ богатѣйшимъ орденамъ; и дѣйствительно, самыя *смѣло* изваянныя Коринѳскія капители, которыхъ листья принадлежатъ уже къ чистому альто-рельефу, требуютъ вокругъ себя декорацій въ такомъ же стилѣ.

Катель преимущественно старался сообщить внутреннимъ украшеніямъ стиль болѣе изящный и классическій; но онъ умеръ преждевременно, не успѣвъ развернуть своихъ видовъ. Катель скончался (въ 1819) на сорокъ третьемъ году отъ рожденія: онъ соединялъ рѣшительное дарованіе съ отлично образованнымъ умомъ, и въ ученыхъ трудахъ своихъ вышелъ смѣло изъ обыкновенныхъ предѣловъ. Небольшое твореніе его о постройкѣ церквей заслуживаетъ особенное вниманіе.

Тогда какъ Шинкель, въ послѣднія двадцать лѣтъ, былъ безпрерывно занятъ, многія значительныя зда-

нія воздвигнуты въ столицѣ Пруссіи попеченіями другихъ зодчихъ: изъ числа ихъ, молодой Оттмеръ отличился построеніемъ въ той части Берлина, которая именуется Кенигсштадтъ, театра и новой Академіи Пѣнія *. Внѣшній видъ перваго не представляетъ ничего особеннаго, но внутреннее устройство обнаруживаетъ столько же искусства, какъ и тонкости соображенія. Хотя большой Шинкелевъ театръ въ извѣстной степени служилъ Оттмеру образцемъ, но должно сказать, что онъ умѣлъ счастливо избѣгнуть его неудобствъ. Академія для Пѣнія, представляющая простой параллелограмъ въ 140 футовъ длины и 60 ширины, и похожая на Греческій *апперосъ*, то есть, храмъ безъ боковыхъ колоннадъ, или портиковъ, болѣе удовлетворяло бъ нашимъ требованіямъ, если бъ мы могли забыть о неизъяснимо прелестномъ чертежѣ, составленномъ гораздо прежде самимъ Шинкелемъ для того же самаго зданія. Оттмеръ раздѣлилъ фасадъ

* Карлъ Ѳеодоръ Оттмеръ, нынѣ архитекторъ при Брауншвейгскомъ Дворѣ, родился въ Брауншвейгѣ, 1800 года. По пріобрѣтеніи практическихъ свѣдѣній, онъ поселился въ 1822 году въ Берлинѣ, и занялся тамъ преподаваніемъ Эстетики, Археологіи, Математики и проч., доколѣ постройка новаго театра не представила ему случая доказать на самомъ дѣлѣ зодческія свои дарованія. Это зданіе окончано лѣтомъ 1824 года. Скоро потомъ ему было поручено построить Академію Пѣнія, что онъ и исполнилъ весною 1827. Въ это самое время онъ надзиралъ за внутренними передѣлками въ Лейпцигскомъ театрѣ, и составлялъ чертежи для театра въ Гамбургѣ. Весною 1828, посѣтилъ онъ Неаполь и Пестумъ, и на возвратномъ пути въ Римъ сочинялъ проекты для дворцовъ: одинъ изъ нихъ столь исполинскаго размѣра, что, если бъ его исполнить, всѣ существующія этого рода зданія были бы помрачены. Когда Оттмеръ пріѣхалъ въ Дрезденъ, Герцогъ Саксенъ-Мейнингенскій поручилъ ему начертать проектъ для строенія, въ которомъ помѣщались бы театръ и казино. Проектъ этотъ былъ составленъ столь удачно, что немедленно приступлено къ исполненію. Весьма недавно представился Отмеру случай обнаружить болѣе нежели когда-либо свое дарованіе; онъ занятъ теперь построеніемъ новаго дворца въ Брауншвейгѣ; работы начались осенью 1831 г.

на три промежутка, образованные четырьмя Коринѳскими пилястрами, и въ этихъ промежуткахъ помѣстилъ четыре широкія двери. Напротивъ, въ чертежѣ Шинкеля нѣтъ ни колоннъ, ни пилястровъ; одна только дверь для входа; не видно окна, ни ниши, ни ничего подобнаго. Несмотря на эту чрезвычайную простоту, которая, казалось бы, отвергаетъ не только характеристику, но и самое изобрѣтеніе, онъ такъ оригиналенъ, въ немъ столько выраженія и вкуса, онъ до того преисполненъ Греческимъ чувствомъ изящнаго, что производимое имъ впечатлѣніе имѣетъ въ себѣ нѣчто магическое, — мы передъ нимъ въ удивленіи. Этотъ проектъ — одна изъ счастливѣйшихъ идей Шинкеля.

Говоря объ этомъ великомъ художникѣ, котораго слава наполняетъ всю Германію, разсмотримъ напередъ частныя его обстоятельства. Карлъ Фридрихъ Шинкель родился въ Новомъ-Руппинѣ 1781 года; окончивъ курсъ наукъ въ Берлинской гимназіи, гдѣ уже обнаруживалась наклонность его къ изящнымъ художествамъ, онъ предался архитектурному поприщу подъ руководствомъ старшаго Гилли, и впослѣдствіи продолжалъ труды свои подъ наблюденіемъ его сына: ему-то, болѣе нежели первому своему наставнику, обязанъ онъ, — если только въ подобномъ случаѣ можно кому-нибудь быть обязаннымъ, — тѣмъ очищеннымъ, тѣмъ высокимъ и утонченнымъ вкусомъ, какой проявляется во всѣхъ его произведеніяхъ. Не слѣдуя тѣмъ, которые думаютъ, будто практическія познанія составляютъ важнѣйшее достоинство архитектора, будто вкусъ и воображеніе — качества, хотя и полезныя, но относительно не столь важныя, — Шинкель весьма справедливо полагалъ, что хорошій зодчій непремѣнно долженъ упражняться во всѣхъ Изящныхъ Искусствахъ, и пріобрѣсть въ нихъ столько свѣ-

дѣній, чтобъ постигать прекрасное, въ какихъ бы формахъ оно ни выражалось. Не унижая ни практическихъ, ни отвлеченныхъ познаній, скажемъ только, что онѣ не что иное, какъ логика Искусства; и какъ однѣ логическія способности не могутъ сдѣлать человѣка поэтомъ, такъ и самыя лучшія математическія познанія недостаточны для образованія превосходнаго зодчаго.

Все это представляется намъ такою неоспоримою истиною, что мы даже считаемъ лишнимъ распространяться. Тѣ которые хотѣли бъ опровергать ее, ознакомясь короче съ произведеніями Шинкеля, сознаются сами, что они въ полной мѣрѣ подтверждаютъ нашъ образъ мыслей. Нѣтъ сомнѣнія, что важнѣйшія его архитектоническіе подвиги столько же замѣчательны въ отношеніи къ художественному вымыслу, выраженію, чувству и тѣмъ болѣе утонченнымъ красотамъ, которыя остаются неосязаемыми для всѣхъ дидактическихъ правилъ, какъ и вразсужденіи прямаго архитектурнаго достоинства. Несмотря на всю тщательность, съ какою составляетъ онъ чертежи, въ нихъ не замѣтно ни малѣйшей принужденности: напротивъ, видно, что они, такъ сказать, молніею вылились изъ его воображенія. Въ нихъ можно только примѣтить глубокое, полное познаніе всего прекраснаго, заключающагося въ пластическихъ Искусствахъ. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи своемъ изъ Италіи, — это было около 1805 года, — Шинкель исключительно посвятилъ себя живописи и рисункамъ для лѣпныхъ и бронзовыхъ украшеній. Хотя подобныя занятія и могутъ быть сочтены ничтожными, но именно такимъ образомъ упражняя свой вкусъ и воображеніе, онъ составилъ себѣ то сокровище разнородныхъ познаній, которое въ послѣдствіи было ему такъ полезно. Къ числу предметовъ, привлекшихъ

къ себѣ дѣятельность въ это время, принадлежитъ достойная удивленія панорама Палерма, и нѣсколько мастерскихъ декорацій для Берлинскаго театра. Если бъ извѣстность, пріобрѣтенная Шинкелемъ, не поставляла его превыше придирокъ насмѣшливой Критики, мы конечно поступили бы весьма нескромно, говоря о такихъ его работахъ, которыя многимъ покажутся отступленіемъ отъ его званія, и которыя, по ихъ мнѣнію, далеко не такъ полезны для архитектора, какъ измѣреніе колоннъ, архитравъ и карнизовъ. По пути генія непроходимы для умовъ обыкновенныхъ.

Въ 1830 году Шинкель былъ назначенъ членомъ вновь учрежденнаго Строительнаго Комитета, Bau-Deputation, академикомъ и Тайнымъ Совѣтникомъ по строительной части, Geheimer Ober-Baurath. Можно сказать, что собственно съ этого времени начинается архитектурное его поприще. Онъ подтверждаетъ собою ту истину, что всѣ дѣла человѣческія, даже не имѣющія видимыхъ между собою соотношеній, связаны неразрывною цѣпью. Если бъ дивныя событія, совершившіяся въ ту эпоху, не возвратили Европѣ тишины и спокойствія, вѣроятно Шинкель не стяжалъ бы нынѣшней своей славы, и вмѣсто сооруженія безсмертныхъ памятниковъ, только наполнялъ бы портфель свой проектами. Окончаніе войны съ Французами поставило попечительнаго и всѣми чтимаго Прусскаго Монарха въ возможность обратить мысль на украшеніе своей столицы. Скоро множество общественныхъ и частныхъ зданій, воздвигнутыхъ или самимъ Шинкелемъ или другими зодчими по его проектамъ, дали Берлину право стать на высокую степень образцоваго архитектурнаго города. Несмотря на многочисленность прежнихъ его чертежей, кажется, что плодовитость его воображенія легко удовлетворяетъ всѣмъ новымъ требованіямъ. Взгляните только на

различные планы, составленные имъ для памятника или, лучше сказать, огромнаго зданія въ честь Фридриха Великаго: начертанные имъ шесть проектовъ не имѣютъ ни какого между собою сходства; нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно огромны и великолѣпны; всѣ оригинальны и преисполнены истиннаго классицизма. Самое подробное описаніе простѣйшаго изъ нихъ, дало бы только слабое объ немъ понятіе. Одно изъ отличительныхъ качествъ Шинкеля, – что его зданія и проекты, наиболѣе классическіе, независимо отъ большаго или меньшаго подражанія древнимъ, носятъ на себѣ печать особеной оригинальности и незаимствованныхъ красотъ. Эта оригинальность не есть исключительное свойство одного первоначальнаго, основнаго помысла: Шинкель не рѣдко сообщаетъ ее мелочнымъ подробностямъ своихъ проектовъ, и люди, не вникающіе въ него надлежащимъ образомъ, называютъ эту характеристику непростительнымъ своевольствомъ. Что касается до насъ, то мы сожалѣемъ, что слишкомъ немногіе впадаютъ въ тѣ завидныя ошибки, которыя упрочиваютъ славу изобрѣтательности зодчаго. Не ища другихъ примѣровъ, взглянемъ на построенные Шинкелемъ вахту, Wachtgebäude и музеумъ. Что можетъ быть прелестнѣе небольшихъ фигуръ Побѣды, поддерживающихъ карнизъ первой въ его обвѣнчаніи, или богатыхъ дорическихъ капителей, въ скульптурныхъ залахъ музеума! Сколько тутъ вкуса, чувства, классицизма, изобрѣтательности! Всѣ эти украшенія и даже ихъ обломки были бы съ восторгомъ признаны образцами изящества и драгоцѣннѣйшими памятниками Греческаго искусства, если бъ они были ископаны изъ пыльныхъ нѣдръ Эллады!

Кромѣ разныхъ превосходствъ въ подробностяхъ и въ главномъ вымыслѣу Шинкеля есть еще многія

красоты, принадлежащія болѣе плоскому плану, чѣмъ отвѣсному виду, и такія, которыя не столько примѣтны въ геометрическомъ чертежѣ, сколько разительны въ отстроенномъ зданіи. Къ нимъ можно причислить частое употребленіе колоннъ однихъ за другими, съ отверзтіями въ стѣнѣ, черезъ которыя глазъ открываетъ виды архектоническихъ предметовъ на глубокія разстоянія. И достоинства его не ограничиваются однимъ классическимъ родомъ: онъ еще обнаружилъ необыкновенное могущество таланта въ самой трудной части Искусства, — въ твореніяхъ, гдѣ архитекторъ, не слѣдуя ни какому отдѣльному стилю ни роду, безъ образца, безъ утвержденныхъ опытомъ правилъ, совершенно предоставляется влеченію своего воображенія и вкуса. Такова его Bauschule «зодческая Школа» въ Берлинѣ, — строеніе дивное, кирпичное, обильно украшенное глиняною лѣпною работою; въ цѣломъ, является оно нѣсколько однообразнымъ и тяжелымъ, и за всѣмъ тѣмъ достойно вниманія, потому что заключаетъ въ себѣ многія совсѣмъ новыя и замысловатыя идеи, при удивительно искусномъ смѣшеніи богатства съ простотою.

Что касается до произведеній Шинкеля въ Готическомъ стилѣ, то нельзя хвалить ихъ такъ безусловно. Онъ не совсѣмъ счастливъ въ этомъ родѣ; однако и здѣсь никто не укоритъ его недостаткомъ оригинальности; напротивъ, его скорѣе можно упрекнуть тѣмъ, что онъ составилъ себѣ особенную систему, которая сама по себѣ довольно удовлетворительна, но вовсе не соотвѣтствуетъ понятіямъ нашимъ о Готической архитектурѣ. Въ ней болѣе видѣнъ стиль Ломбардскій и Тевтонскій, нежели тотъ, который господствовалъ къ сѣверу отъ Альпъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторыхъ его Готическихъ чертежахъ примѣчается какая-то смѣсь характеровъ, правила и свойства не столько

горизонтальной, сколько перпендикулярной архитектуры, потому что остроконечныя арки замѣнены у него полукруглыми. Разительный примѣръ этого вкуса находимъ мы въ проектѣ церкви для Ораніенбургскаго предмѣстія: онъ сдѣланъ въ собственно ему принадлежащемъ родѣ; и если относить его къ какому-нибудь стилю, то всего ближе подходитъ онъ къ византійскому rifacciamento. Съ опасностью показаться странными тѣмъ, которые выдаютъ себя за пуристовъ и стилистовъ, мы должны объявить, что и въ этомъ проектѣ находимъ много чувства и выраженія: это мастерское произведеніе! Архитектура начатой въ 1825 году церкви на Вердерской торговой площади, въ главныхъ частяхъ сообразна съ правилами остроконечнаго стиля, но въ остальномъ замѣтны важныя отступленія, какъ напримѣръ въ дверяхъ портала, въ густомъ карнизѣ ниже парапета, и еще въ нѣкоторыхъ мелочахъ. Долго глаза наши не могли къ нимъ привыкнуть, но мало-по-малу мы начинаемъ находить прекрасными и эти причуды, хотя и не желали бъ въ томъ сознаться. Пусть Шинкель играетъ карандашемъ, какъ угодно: онъ никогда не будетъ безвкусенъ.

Какъ ни кратокъ этотъ разборъ, въ сравненіи съ многочисленностію трудовъ его и съ его заслугами, но пора оставить Шинкеля, и обратиться къ другому художнику, Леону фонъ-Кленце, соучастнику, если не прямо сопернику, его славы. Второй изъ этихъ отличныхъ мужей состоитъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Мюнхену, въ какихъ первый къ Берлину. Родясь подъ тѣмъ же счастливымъ созвѣздіемъ, Кленце, покровительствуемый великодушнымъ любителемъ Изящныхъ Искусствъ, Лудвигомъ Баварскимъ, имѣлъ случай воздвигнуть знаменитѣйшія зданія нашего времени. Менѣе смѣлый, менѣе изобрѣтательный, менѣе оригинальный, онъ однако обладаетъ столь

же обильнымъ воображеніемъ; онъ умѣлъ извлечь новыя красоты изъ всѣхъ разнородныхъ стилей, которымъ попеременно слѣдовалъ, налагая на каждый изъ нихъ печать своего генія. При сооруженіи Валгаллы, глиптокеки, или хранилища древностей, пинакотеки, или картинной галереи, одеона, новаго дворца, базара и другихъ зданій, онъ держался то Греческаго, то Римскаго, то Византійскаго, то разныхъ Италіянскихъ родовъ. Онъ, кажется, желалъ представить новѣйшему Искусству образцы всѣхъ стилей, за исключеніемъ Готическаго, предпочитая формы, рожденныя отъ Греческаго прекраснаго тому великому, дерзкому, самобытному роду, который создался въ туманахъ среднихъ вѣковъ на правилахъ, совершенно противныхъ. Это пренебреженіе Готическаго вкуса у него не дѣло случайности: самъ онъ признается въ немъ въ предисловіи къ великолѣпному творенію, — Sammlung architektonischer Entwürfe, etc., 1832 — 1834, — которое, вмѣстѣ съ книгою Менцеля, подало намъ поводъ къ этому разсужденію.

Мнѣнія, изложенныя въ этомъ предисловіи, ясно показываютъ, что Кленце, подъ словомъ «Греческая архитектура», понималъ какъ первобытный стиль классическихъ храмовъ, такъ и тотъ, который присоединилъ арку къ колоннѣ. Онъ полагаетъ, что оба эти рода могутъ весьма удобно составлять одно прекрасное, — и мы съ нимъ согласны. Если бъ отвергать арку, потому что она была неизвѣстна Грекамъ, такъ что жъ пришлось бы сдѣлать съ нашими печами и съ окошечными переплетами, которыхъ тоже они не знали? Но есть люди, которые даже сомнѣваются, можно ли въ зданіи Греческаго стиля употребить куполъ! Кленце очень хорошо сдѣлалъ, что презрѣлъ этотъ безвкусный пуризмъ, но такова сила понятій, внесенныхъ первымъ воспитаніемъ, что онъ не

смѣлъ итти далѣе: онъ боится выступить изъ границъ благоговѣнія передъ Греческимъ умомъ, и счелъ бы себя обязаннымъ возвратить деньги за свое ученіе, если бъ усмотрѣлъ красоту внѣ правильныхъ линій классическаго міра. Простимъ ему несправедливое предубѣжденіе противъ Готическаго стиля, и разсмотримъ два превосходнѣйшіе его памятника, глиптотеку и пинакотеку. Оба они въ Мюнхенѣ.

Глиптотека—строеніе уединенное со всѣхъ сторонъ, имѣетъ 220 футовъ вдоль и поперегъ; въ серединѣ его находится дворъ; снаружи вовсе нѣтъ оконъ, исключая двухъ большихъ на боковомъ фасадѣ; комнаты освѣщены куполами или окнами, обращенными на дворъ, и устроенными въ аркахъ, поддерживающихъ своды покоевъ. Архитекторъ устранилъ этимъ многія неудобства, проистекающія изъ самаго назначенія зданія, въ которомъ должны храниться памятники скульптуры: какъ строеніе одно-этажное, то окна могли быть выведены почти до самой крыши, и свѣтъ проникаетъ въ него большею массою, потому что дворъ очень обширенъ въ сравненіи съ высотою стѣнъ. Снаружи царствуетъ стиль Іоническій, нѣсколько измѣненный собственными идеями зодчаго, но впрочемъ въ чистомъ Греческомъ духѣ. Главный фасадъ состоитъ изъ восьми-столбнаго портика, и выдается на одно междустолбіе впередъ за главную черту стѣны, углубляясь внутрь ея на столько же; за первымъ рядомъ колоннъ возвышается другой, внутренній, изъ четырехъ столбовъ и пяти открытыхъ междустолбій, потому что боковыя междустолбія заключены между антами. Эффектъ, производимый фасадомъ, очень сильный и совершенно классическій, по причинѣ тѣсноты междустолбій, множества самыхъ столбовъ и глубокой тѣни, которую они образуютъ. Этотъ портикъ величественъ во всѣхъ отношеніяхъ; но должно замѣ-

тить, что колонны безъ капелюръ, хотя вершины ихъ и украшены скульптурною работою, что придаетъ имъ видъ необычайный, и за всѣмъ тѣмъ милый для глазъ. Какъ ни противно это правиламъ вкуса и обыкновенію Грековъ, но архитекторъ призналъ за лучшее оставить колонны гладкими, во-первыхъ, чтобы не нарушить гармоніи ихъ съ прочими частями фасада, и во-вторыхъ, чтобъ избѣгнуть непріятнаго впечатлѣнія, которое могло бы произойти отъ этого множества перпендикулярныхъ линій, тѣмъ болѣе, что колонны стоятъ весьма тѣсно, и что за первымъ ихъ рядомъ слѣдуетъ второй. Мы не станемъ опровергать причинъ, побудившихъ художника поступить такъ, а не иначе, хотя и полагаемъ, что, для полной красоты, колонны должны быть ложчатыя.

Описаніе прочихъ частей наружности было бы не ясно безъ чертежа. Внутреннее распредѣленіе чрезвычайно просто: это рядъ сквозныхъ покоевъ, слѣдующихъ одни за другими вокругъ внутренняго двора. Первый покой, при входѣ налѣво изъ сѣней, предназначенъ для Египетскихъ древностей. Второй, занимающій одинъ изъ угловъ зданія, представляетъ ротонду, освященную куполомъ: тутъ помѣщены древнѣйшіе образцы Греческаго Искусства. Далѣе, зала, украшенная Эгинскими мраморами; потомъ зала Аполона, и наконецъ Вакхическая. На другой сторонѣ первый покой называется «залою Ніобидъ»; изъ нее переходишь въ два покоя, назначенные для празднествъ и торжественныхъ собраній: они раздѣлены небольшими сѣнями, ведущими къ четыре-столбному портику въ родѣ подъѣзда, находящемуся по ту сторону зданія. Эти два покоя покрыты безподобными *альфреско* кисти Корнеліуса и его учениковъ, изображающими сцены изъ Греческой Исторіи и Миѳологіи. Проникая оттуда въ отдѣленіе, соотвѣтствующее залѣ

Ніобидъ, сходите вы по нѣсколькимъ ступенямъ въ «Римскую залу», названную такъ по случаю помѣщенія въ ней собранія скульптурныхъ трудовъ Римлянъ. Это обширнѣйшій покой въ цѣломъ зданіи: онъ образуетъ галерею во всю длину одной стороны двора. Другая лѣстница о нѣсколькихъ ступеняхъ на противулежащемъ концѣ залы, связываетъ ее со второю угловою ротондою, наполненною изваяніями изъ бронзы и цвѣтнаго мрамора. Слѣдующій и послѣдній покой ведетъ обратно въ главныя сѣни фасада, и въ немъ хранятся нѣкоторыя лучшія произведенія современныхъ художниковъ. Всѣ эти залы и галерея, независимо отъ разложенныхъ въ нихъ сокровищъ, возбуждаютъ удивленіе постепенно возрастающею архитектурною роскошью: хотя всюду преобладаетъ одинаковость стиля, но при внутренной отдѣлкѣ обращено было величайшее вниманіе на свойство предметовъ, для которыхъ покои воздвигнуты. Такъ, украшенія залы Египетскихъ древностей и другихъ смежныхъ съ нею комнатъ очень просты, между-тѣмъ какъ Римская зала отличается необыкновеннымъ зодческимъ великолѣпіемъ. Полы вездѣ мраморные; своды и карнизы, независимо отъ своего разнообразія и богатства, получаютъ еще прибавочный блескъ отъ разноцвѣтной расписанной штукатурки и отъ мраморовъ, которыми стѣны осыпаны; но эта галерея, эта чудесная галерея превосходитъ всѣ прочія части зданія, красуясь тремя плоскими куполами, убранными съ большею пышностію въ архитектурномъ отношеніи, подлѣ плѣнительныхъ золотыхъ декорацій, расположенныхъ по красному грунту, и трехъ большихъ аркъ, заключающихъ въ себѣ окна, и рисованныхъ тоже золотыми арабесками.

Въ сравненіи съ этою щедрою расточительностью въ отдѣлкѣ, даже новыя залы Британскаго музеума

въ Лондонѣ покажутся бѣдными, а чтобы сооружаемое нынѣ на Трафалгарскомъ скверѣ зданіе для «Національной Галереи» могло состязаться внутреннимъ богатствомъ съ Мюнхенскою пинакотекою, о томъ и думать нечего. Многіе художники и знатоки утверждаютъ, что обиліе украшеній неумѣстно, даже предосудительно тамъ, гдѣ выставлены произведенія Художествъ: Кленце вовсе противнаго мнѣнія. Онъ называетъ ложной идеей общепринятое мнѣніе, будто простая архитектура и гладкія, слегка окрашенныя стѣны лучше отражаютъ статуи и бюсты: напротивъ, блестящая и сильная краска, при извѣстномъ богатствѣ въ другихъ отношеніяхъ, не только самимъ изваяніямъ придаетъ болѣе выпуклости и удачнѣе отдѣляетъ ихъ отъ площади, но и на посѣтителя дѣйствуетъ она полезно, потому что производитъ пріятное раздраженіе въ его зрительномъ органѣ и умѣ. Кленце совершенно правъ! Если гдѣ, такъ въ нашихъ холодныхъ и мрачныхъ климатахъ, блескъ и теплота цвѣта, живость и веселость выраженія должны одушевлять стѣну. Наши зодчіе считаютъ комнатную живопись недостойною своихъ соображеній, и мы не разъ слышали, что архитектура должна плѣнять насъ внутреннею красотою собственныхъ формъ своихъ. Но если эту красоту можно усилить разсудительнымъ примѣненіемъ къ ней другаго Изящнаго Искусства, почему жъ пренебрегать столь законнымъ средствомъ? Никто, мы думаемъ, не рѣшится доказывать, что картины лучше развѣшивать безъ рамъ!

Скульптурныя украшенія на фасадѣ глиптотеки, которой лицевая сторона вся мраморная, еще не окончаны: когда онѣ отдѣлаются, это зданіе, хотя и уступающее многимъ другимъ въ величинѣ, будетъ одно изъ знатнѣйшихъ и совершеннѣйшихъ произведеній

нашего вѣка. Оно и Валгалла* суть два главныя, можетъ-быть единственныя, творенія Кленце въ древнемъ Греческомъ родѣ. Пинакотека, базаръ, новая «резиденція», или дворецъ, и другія строенія обрисованы, напротивъ, въ такъ называемомъ *новомъ* Греческомъ стилѣ, въ которомъ сохранилось много Италіянскаго, хотя онъ и значительно очищенъ. Пинакотека, или «хранилище картинъ», заложена 7 Апрѣля 1826, въ день рожденія Рафаэля. Подобно глиптотекѣ, которая отъ него не далеко, и этотъ второй достойный храмъ художества, совершенно отдѣленъ отъ прочихъ строеній. Снаружи представляетъ онъ продолговатый четыреугольникъ длиною почти въ 500, шириною въ 90 футовъ, на оконечностяхъ котораго стоятъ два флигеля, придѣланные крестообразно къ главному корпусу, наподобіе двухъ соединенныхъ буквъ *твердо* ⊢⊣, что придаетъ всему зданію видъ солидности. Оконечные фасады имѣютъ по 170 футовъ.

* Валгалла стоитъ на холмѣ Донаустауфъ близъ Регенсбурга: это — великолѣпное храмообразное зданіе въ классико-дорическомъ стилѣ, съ благороднымъ портикомъ въ восемь колоннъ по фронту и въ шесть во внутреннемъ ряду; на каждой сторонѣ строенія находится по семнадцати мраморныхъ колоннъ, поставленныхъ на подстройкѣ, въ которой сдѣланъ всходъ, идущій между двумя массивными стѣнами Циклопской архитектуры. Самое названіе *валгалла* — рай, въ языкѣ древнихъ Норманновъ и Тевтоновъ, — объясняетъ, что это зданіе — родъ Германскаго пантеона, въ которомъ будутъ помѣщаться ваятельныя изображенія отечественныхъ гражданъ и героевъ. Внутри находится великолѣпный фризъ работы скульптора Вагнера; основаніе портика будетъ прилично украшено. Кромѣ обширныхъ построекъ, производимыхъ въ Мюнхенѣ самимъ Кленце, тамъ сооружаются еще другія зданія; въ числѣ ихъ, церковь Св. Лудовика и длинный рядъ строеній для библіотеки и архива. Послѣдніе строитъ Гертнеръ, родившійся въ Кобленцѣ, 1792. стиль ихъ оригиналенъ. Церковь, которой родъ имѣетъ въ себѣ много византійскаго, будетъ украшена алфресками работы знаменитаго Корнеліуса; одно изъ нихъ будетъ превосходить огромностію даже картину страшнаго суда Микель-Анжело, находящуюся въ Сикстовомъ придѣлѣ.

Двери и окна выведены арками, заключенными въ четвероугольныя рамы: мѣсто, остающееся по угламъ рамъ, наполнено изваяніями. Колоннада Іоническаго ордена окружаетъ все зданіе, и отличается богатымъ фризомъ. Промежутки между колоннами заняты обширными окнами въ видѣ аркъ: на нихъ лежитъ архитравъ. Расположеніе такого рода, представляя на близкомъ разстояніи множества отверзтій, могло бы дать верхней части зданія видъ слишкомъ легкій, если бъ солидность выдающихся частей флигеля, не ослабляла этого впечатлѣнія. Цѣлое такъ красиво и величественно, что, несмотря на отвращеніе наше къ Италіянской архитектурѣ вообще, эффектъ, имъ производимый, заглушаетъ въ насъ всякое другое чувство кромѣ восторга, и мы должны сознаться, что художникъ поставилъ превосходный памятникъ своему искусству. Соображая разстояніе колоннъ, мы видимъ, что онъ не могъ поступить иначе, какъ прислонивъ ихъ: при всемъ томъ, нельзя не пожелать, чтобъ капители были нѣсколько болѣе въ Греческомъ вкусѣ. Они уже и теперь несравненно лучше обыкновенныхъ Іоническихъ на Италіянскій ладъ, потому что художникъ, не слѣдуя общему примѣру за-Альпійской школы, вмѣсто того чтобъ поставить на четвероугольный столбъ круглую шляпу, которая по необходимости должна бы быть незначительнаго размѣра, украсилъ свои пилястры антовыми капителями. Кромѣ этого благоразумнаго нововведенія, онъ еще значительно исправилъ и улучшилъ многое въ подробностяхъ зданія, заимствуясь въ этомъ случаѣ у настоящей Греческой школы. Между прочимъ, онъ принялъ Греческіе ante-fixae.

Величина и число оконъ, — по двадцати пяти въ каждомъ этажѣ должайшихъ боковъ зданія, — можетъ заставить думать, что картинныя галереи освѣщены

сбоку, и что съ тѣхъ сторонъ гдѣ находятся окна, нѣтъ мѣста для картинъ. Но зданіе устроено совсѣмъ другимъ и весьма замысловатымъ образомъ: залы, назначенныя для помѣщенія картинъ различныхъ школъ, находятся въ серединѣ строенія, и всѣ освѣщаются сверху. По одну сторону этой внутренней галереи расположенъ рядъ кабинетовъ, для малыхъ картинъ: ихъ всего двадцать три комнаты. По другую сторону тянется одна, длинная и узкая, галлерея, корридоръ, или «ложа», о двадцати пяти окнахъ и столькихъ же малыхъ куполахъ, устроенныхъ въ сводѣ. Минхенскіе художники великолѣпно украсятъ ее арабесками и живописью альфреско. Полы сдѣланы изъ Венеціянскаго terazzo; двери обложены красивымъ зеленоватымъ мраморомъ; стѣны будутъ еще покрыты пунцовымъ и зеленымъ штофомъ, а потолки богато изукрашены лѣпною работою. Должно однако замѣтить, что строители этого музеума понапрасну рѣшились быть столь же отчаянными мотами на деньги, какъ и на мѣсто: съ одной стороны мраморныя панели, съ другой широкій карнизъ, впрочемъ устроенный съ такимъ искусствомъ, что свѣтъ падаетъ подъ угломъ самымъ выгоднымъ для живописи, сокращаютъ болѣе чѣмъ на двадцать футовъ пространство стѣнъ, такъ, что ни одна картина не можетъ быть повѣшена на приличномъ для глаза разстояніи. Богатое убранство стѣнъ штофною матеріею не дозволитъ также размѣстить картины тѣсными рядами: вѣдь надобно жъ хоть мало-мальски показать въ промежуткахъ между рамами свои великолѣпные обои?

Шинкелево зданіе въ Берлинѣ отнюдь не посвящено исключительно одному роду художественныхъ произведеній: оно соединяетъ въ себѣ галереи живописи и скульптуры, и въ этомъ состоитъ важнѣйшее ея различіе съ Минхенскими храмами Искусства.

Впрочемъ оно, подобно имъ, стоитъ совсѣмъ отдѣльно, — что необходимо для всякаго монументальнаго строенія, — главнымъ фасадомъ обращено къ дворцу, и по одну сторону имѣетъ таможню, а по другую соборную церковь. Сверхъ того, тутъ же поблизости расположены и многіе другіе величественные плоды зодчества. Самое зданіе, являющее видъ правильнаго параллелограма въ 276 футовъ длины и 170 ширины, состоитъ изъ невысокаго подвала и двухъ верхнихъ этажей, снабженныхъ съ трехъ сторонъ окнами. Главный фасадъ, на одномъ изъ должайшихъ боковъ параллелограмма, обращенъ къ югу: это пространная колоннада, образуемая осмнадцатью ложчатыми пиластрами Іоническаго ордена въ сорокъ футовъ вышины, и двумя угловыми же пиластрами, или антами, огромнаго размѣра. Колонна оперта на массивномъ непрерывномъ постаментѣ, или стилобатѣ, высотою равномъ подвалу, и разбитомъ только въ одномъ мѣстѣ, лѣстницею, помѣщенною въ центрѣ, объемлющемъ пространство семи междустолбій, съ ихъ пиластрами. Внутри портика, этотъ центръ имѣетъ пять открытыхъ междустолбій: тутъ находится невысокій балюстрадъ со сквозными бронзовыми дверями, предшествующими парадной лѣстницѣ, которой верхняя часть, брошенная такимъ образомъ въ перспективу, не мало содѣйствуетъ живописному величію этой архитектонической сцены. Не менѣе достопримѣчательны и другія части грунта колоннады, по ихъ богатству и вкусу: стѣны, во все протяженіе обвѣнчаны лѣпною работою разныхъ украсительныхъ видовъ, и въ извѣстныхъ разстояніяхъ выложены цвѣтнымъ мраморомъ, кромѣ ряда барельефовъ, занимающихъ промежутки; сверхъ того верхняя ихъ часть будетъ расписана широкими альфресками.

Остановимся, и спросимъ — есть ли гдѣ въ Европѣ твореніе новѣйшаго зодчества, могущее сравниться съ

этимъ зданіемъ? Какая простота въ наружныхъ формахъ! Сколько разнообразія и оригинальности въ рисункѣ? Какое счастливое соединеніе классическаго чувства съ новымъ изобрѣтеніемъ, расточительной роскоши съ изысканною чистотою стиля! Тогда какъ Европейскія столицы наполняются тяжелыми и уродливыми массами по правиламъ безтолковой школы, великій Германскій Художникъ соорудилъ чертогъ, достойный вѣка и генія Искусства, и этого образцоваго чертога никто не примѣчаетъ, - всѣ взоры устремлены на развращенныя стѣны Италіи! Щедрый, но не вычурный въ украшеніяхъ, онъ соединилъ прелесть съ величіемъ и окружилъ свое твореніе лучезарнымъ вѣнцомъ поэтическаго воображенія. Нѣкоторые критики упрекаютъ Шинкеля въ томъ, что остальныя части его музеума не соотвѣтствуютъ пышности фасада. Безъ этого недостатка, эффектъ, быть-можетъ, усугублялъ бы восхищеніе; но мы полагаемъ, что правило объ одинаковомъ богатствѣ всѣхъ угловъ зданія не должно уже имѣть ни какого вѣсу въ архитектурѣ, подобно тому, какъ оно не имѣетъ ни какого смыслу въ Логикѣ. Конечно прочія стороны Берлинскаго музеума не могутъ сравниться въ великолѣпіи съ главнымъ фасадомъ: за то онѣ отличаются благородною простотою, и еще тѣмъ достоинствомъ, что превосходно сливаются въ одно прекрасное цѣлое; въ немъ нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ переходовъ отъ пышнаго къ пошлому, такъ часто оскорбляющихъ вкусъ въ произведеніяхъ, почитаемыхъ у насъ хорошими. Стройность и отдѣлка всѣхъ частей удивительны. Одни фасады имѣютъ то несравненное достоинство, что будучи даже разсматриваемы отдѣльно, представляютъ высокую и самобытную архитектурную идею.

Мы еще не упомянули объ одной изъ главныхъ внѣшнихъ чертъ музеума, существенно умножаю-

щихъ красоту и величіе цѣлой массы: низкая четвероугольная надстройка, съ особенною прелестью возвышается по срединѣ крыши, для скрытія верхней части купола большой ротонды. Нашимъ архитекторамъ покажется страннымъ, что Шинкель упряталъ въ четыре стѣны такую прелесть, каковъ вообще куполъ; но онъ сдѣлалъ это по внушенію того вѣрнаго и яснаго вкуса, который дается только генію. Куполъ, недовольно выходящій изъ крыши, есть скорѣе безобразіе, нежели украшеніе.

Эта ротонда раздѣляетъ внутреннее пространство зданія на два двора: она имѣетъ 67 футовъ въ діаметрѣ и 70 въ вышину; нижняя часть ея окружена перистилемъ изъ двадцати ложчатыхъ колоннъ, которыхъ капители осѣнены листьями въ Греческомъ вкусѣ. Перистиль обведенъ галереею, имѣющею сообщеніе съ верхнимъ этажемъ. Между покоями нижняго, особенно замѣчательны три большія галереи, одна въ 200 и двѣ въ 125 футовъ длины: ширина первой 30, а остальныхъ двухъ 29 футовъ: всѣ онѣ разрѣзаны на три части двумя рядами дорическихъ колоннъ съ красивыми капителями. Галереи эти служатъ для храненія статуй и антиковъ. Надъ ними, въ верхнемъ этажѣ, въ галереяхъ такого же размѣра, помѣщаются произведенія живописи; перегородки, идущія отъ колоннъ, стоящихъ между окнами, раздѣляютъ внутренность ихъ на многіе кабинеты: ихъ всего одиннадцать въ бо̀льшей и по семи въ мѐньшихъ галереяхъ. Это распредѣленіе доставляетъ возможность размѣстить большое число картинъ, и имѣетъ ту выгоду, что свѣтъ прямѣе падаетъ на картины, висящія на перегородкахъ, чѣмъ если бъ онѣ развѣшены были по стѣнамъ: тогда онъ падалъ бы на нихъ изъ боковыхъ оконъ. Конечно, въ такомъ случаѣ общій видъ галерей менѣе величественъ, но

за то глаза не *разбѣгаются*, и посѣтитель, окинувъ все однимъ взглядомъ, можетъ заняться исключительнымъ разсмотрѣніемъ одного или нѣсколькихъ отдѣленій. Впрочемъ обширность галерей не совсѣмъ потеряна для глаза, такъ какъ между перегородками, посрединѣ, оставлено открытое мѣсто въ десять футовъ, дозволяющее видѣть все протяженіе внутренности отъ одного конца до другаго. Самыя перегородки убраны приличнымъ образомъ, и въ предупрежденіе того, чтобъ картины не были помѣщаемы слишкомъ высоко или слишкомъ низко, строитель возвелъ перегородки только вровень съ высотою оконъ, то есть, на восемнадцать футовъ отъ пола, такъ, что между потолкомъ и верхнею чертою перегородокъ остается еще довольно большое пространство.

Мы желали бы поговорить еще о другихъ произведеніяхъ Шинкеля, между прочимъ о превосходномъ фасадѣ недавно выстроеннаго имъ въ Берлинѣ, великолѣпнаго дома г. Фейльнера; но предѣлы статьи, и безъ того уже слишкомъ длинной, заставляютъ насъ положить перо. Если мы утомили ею читателей, то попщемъ себѣ извиненія въ собственной ихъ пользѣ: архитектура, для всякаго народа, который *обстраивается*, предметъ чрезвычайно важный, художество первой потребности, и въ свѣтѣ нѣтъ такой скуки, которой бы не стоило подвергнуться, чтобъ не оставлять потомству вѣковыхъ доказательствъ своего безвкусія.

М. МИХАЙЛОВЪ.

Foreign Quarterly Review.

IV.

ПРОМЫШЛЕНОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ ЗОЛОТИТЬ И СЕРЕБРИТЬ РАЗНЫЯ ВЕЩИ.

Во всякомъ хозяйствѣ есть множество вещей, которыя было бы не только пріятно, но даже и полезно позолотить или посеребрить; но, какъ или по дороговизнѣ этой работы, или за неимѣніемъ по близости мастеровъ, что также нерѣдко случается, многіе по неволѣ должны отказываться отъ сего удобства, то для желающихъ и имѣющихъ время заняться этимъ дома, сообщаемъ нѣкоторые легчайшіе способы серебрить и золотить разныя вещи, считая, впрочемъ излишнимъ описывать здѣсь золоченіе и серебреніе черезъ огонь, ибо эта работа трудна, непріятна и даже вредна для здоровья.

Сортучка для серебренія мѣди. Стерши въ какой-нибудь ступкѣ, только не въ мѣдной, одну часть мелкихъ оловянныхъ опилокъ или стружекъ съ двумя частями ртути, составляется амальгама, въ которую прибавляютъ одну часть чистаго серебра, осажденнаго посредствомъ мѣди изъ раствора онаго въ селитряной кислотѣ * и тщательно перемытаго;

* Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: измельчавъ какъ-нибудь извѣстное количество чистаго серебра (листоваго или спущеннаго на капели) напр. терпугомъ или другимъ образомъ, бросаютъ его понемногу въ крѣпкую водку (селитряную кислоту), налитую въ стеклянный или фарфоровый сосудъ; когда все серебро распустится, прибавляютъ

все сіе опять растирается въ ступкѣ, и когда серебро совершенно соединится съ амальгамою, прибавляютъ въ смѣсь отъ шести до восьми частей мелкаго порошка пережженыхъ прокаленныхъ добѣла костей. Стерши все вмѣстѣ, получаютъ сухую массу, которая накладывается на металлъ слѣдующимъ образомъ: обернувъ палецъ мокрою ветошкою или лайкою, и обмакнувъ ее въ приготовленный порошокъ, натираютъ онымъ мѣдную вещь, которая отъ сего посеребряется очень скоро, прочно и красиво. Посеребренная такимъ образомъ вещь, будучи вытерта начисто тонкимъ сухимъ сукномъ, является во всемъ блескѣ, и съ виду ни сколько не уступаетъ настоящей серебряной. — Наведенный по сему способу слой амальгамы, конечно, уступаетъ въ прочности чистой серебряной накладкѣ, наведенной черезъ огонь, однако жъ онъ держится также очень долго, и не измѣняется даже при накаливаніи, разумѣется умѣренномъ. Впрочемъ этотъ слой такъ скоро и легко можно возобновлять, что, имѣя у себя всегда наготовѣ вышеозначенный порошокъ, едва ли стоитъ платить большія деньги за посеребреніе черезъ огонь многихъ вещей; ибо безъ надлежащей бережи и лучшая серебряная накладка долго не продержится, а въ бережливыхъ рукахъ и самый тонкій слой серебра никогда не сотрется.

въ растворъ чистой, дистиллированной воды вдвое болѣе, нежели сколько употреблено селитряной кислоты. Потомъ погружаютъ въ растворъ кусочекъ вычищенной красной мѣди, повѣсивъ его на ниткѣ. Чрезъ четверть часа мѣдь покрывается слоемъ серебра; тогда ее вынимаютъ, а въ растворъ погружаютъ другой кусочекъ мѣди, вынутый же бросаютъ въ сосудъ съ холодною водою; черезъ нѣсколько времени серебро отъ мѣди отдѣляется и осѣдаетъ на дно сосуда. Это повторяютъ нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока все серебро изъ раствора отдѣлится. Отставшее отъ мѣди серебро перемываютъ въ нѣсколькихъ водахъ, высушиваютъ и хранятъ въ закрытомъ сосудѣ. Почти столь же тонкій порошокъ серебра можно получить и другимъ образомъ, именно, посредствомъ растиранія листоваго серебра съ медомъ или патокою, на гладкомъ камнѣ или шлифованной стеклянной плиткѣ. Когда серебро изотрется довольно мелко, тогда вся масса кладется въ теплую воду и хорошенько размѣшивается: мѣдь растворяется въ водѣ, а серебро осѣдаетъ на дно сосуда, перемывается въ нѣсколькихъ водахъ и высушивается. Для сего пригодно также серебро, полученное изъ выжиги серебряныхъ вещей.

Для совершеннаго успѣха въ этомъ дѣлѣ не должно ни на волосъ отступать отъ вышеозначенной пропорціи.

Если потребуется посеребрить многія и притомъ большія вещи, то для ускоренія дѣла можно покрыть ихъ предварительно тонкимъ слоемъ насыщеннаго раствора ртути въ селитряной кислотѣ, чѣмъ дѣлопроизводство значительно облегчается.

Этотъ же порошокъ можетъ быть съ выгодою употребленъ и для серебренія латуни или желтой мѣди.

Здѣсь кстати упомянуть и о нѣкоторыхъ другихъ способахъ серебрить мѣдь и отбѣливать оную безъ примѣси серебра, которые также очень удобно могутъ быть употреблены во всякомъ хозяйствѣ.

Серебреніе. Смѣшавъ одну часть, по вѣсу, чистаго серебрянаго порошка, добытаго однимъ изъ вышеописанныхъ способовъ, съ двумя частями креморъ-тартара и двумя частями бѣлой поваренной соли, должно смочить эту смѣсь водою, и сдѣлать изъ нее родъ тѣста. Обернувъ палецъ чистою холстиною или лайкою, взять на нее немного сего тѣста и натирать имъ мѣдную вещь, доколѣ она достаточно посеребрится; мѣдь должно напередъ какъ можно лучше вычистить. Посеребренную такимъ образомъ вещь немедленно обмываютъ въ теплой водѣ, въ которой предварительно распущена щепоть поташа или золы изъ пережженныхъ дрождей; заемъ обмакиваютъ ее въ чистую воду, сначала въ теплую, а потомъ въ холодную; наконецъ, вытерши досуха чистымъ полотенцемъ, нагрѣваютъ ее передъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока перестанетъ появляться на ней влага. Съ небольшою привычкою способъ сей всегда удается; должно только посеребренную вещь обмывать какъ можно скорѣе.

Отдѣлка безъ серебра. Растопивъ въ желѣзномъ уполовникѣ одну часть, по вѣсу, чистаго олова, прибавляютъ въ него столько же висмуту, и мѣшаютъ желѣзною палочкою, доколѣ висмутъ также расплавится; потомъ снимаютъ

смѣсь съ огня, вливаютъ въ нее одну же часть ртути, размѣшиваютъ и для охлажденія выливаютъ все на мраморную плиту съ закраинами. Истолокши полученный сплавокъ, просѣваютъ его сквозь частое шелковое сито, и смѣшиваютъ съ четвернымъ, противу вѣса всей смѣси, количествомъ Испанскихъ бѣлилъ, * также истолченныхъ и просѣянныхъ. Мѣдныя и латуневыя вещи, натертыя симъ порошкомъ, съ виду совершенно похожи на посеребренныя, только должно замѣтить, что эта отбѣлка очень не прочна и скоро сходитъ.

Сей послѣдній порошокъ, но безъ примѣси бѣлилъ, можно гораздо съ большею пользою употреблять для посеребренія бумаги и дерева: разболтавъ его съ яичнымъ бѣлкомъ, бѣлымъ лакомъ или виннымъ спиртомъ, въ которомъ предварительно распущено нѣсколько Аравійской камеди (Gummi arabicum — вишневый клей), накладываютъ его широкою кистью на дерево или на бумагу, просушиваютъ и наконецъ лощатъ волчьимъ зубомъ. Отъ сего бумага принимаетъ и очень долго сохраняетъ превосходный металлическій блескъ и цвѣтъ.

Кошачье золото. Во всѣхъ почти химіяхъ можно найти нѣсколько рецептовъ для составленія такъ называемаго кошачьяго золота. Пеллетье, очень много этимъ занимавшійся, предлагаетъ слѣдующій способъ приготовленія сего порошка.

Растопивъ въ желѣзномъ уполовникѣ 7 частей, по вѣсу, чистаго олова, смѣшай оное съ такимъ же количествомъ ртути, и остудивъ сплавокъ, изотри его въ ступкѣ съ пятью частями сѣрныхъ цвѣтовъ и тремя частями нашатыря; всыпавъ смѣсь въ широкій тигель такой величины, чтобы порошокъ занималъ не болѣе одной трети онаго, вложи въ него глиняную крышку съ нѣсколькими небольшими отверстіями, такъ, чтобъ она не доходила на дюймъ мѣста до

* Нѣсколько разъ перемытый и отъ всѣхъ постороннихъ частей очищенный мѣлъ. Для сего взявъ обыкновенный мѣлъ, толкутъ его и разболтавъ въ водѣ, даютъ грубымъ частямъ осѣсть; потомъ бѣлую воду сливаютъ и снова даютъ ей отстояться. Этотъ-то послѣдній осадокъ и называется Испанскими бѣлилами.

порошка, потомъ закрой тигель второю крышкою, примазавъ ее хорошенько глиною или другою огнеустойчивою обмазкою. Приготовленный такимъ образомъ тигель поставь въ песчаную баню, или, что все равно, въ другой тигель, обсыпавъ его тамъ сухимъ пескомъ, и медленно нагрѣвай въ теченіе 8 или 10 часовъ и даже долѣе. Вообще, для полученія хорошаго кошачьяго золота, надобно, чтобъ оно было приготовляемо въ легкомъ, но продолжительномъ жару, который долженъ быть не свыше температуры, нужной для возгонки нашатыря, т. е. ниже температуры темно-краснаго накаливанія. По изготовленіи и охлажденіи кошачьяго золота, его толкутъ и просѣваютъ сквозь частое шелковое сито, и хранятъ для употребленія въ склянкахъ съ притертыми стеклянными пробками.

Поддѣльная позолота мѣди, латуни, дерева, бумаги и проч. Для позолоты мѣди берется одна часть, по вѣсу, кошачьяго золота, и смѣшивается съ шестью частями мелкаго порошка пережженныхъ добѣла костей; потомъ берутъ нѣсколько этой смѣси на мокрую тряпку, и трутъ ею мѣдную вещь до тѣхъ поръ, пока она получитъ желаемый цвѣтъ, тогда ее вытираютъ сухимъ полотенцомъ и полируютъ волчьимъ зубомъ. Отдѣланныя такимъ образомъ мѣдныя и латуневыя вещи, довольно похожи на золоченыя.

Для позолоты дерева, бумаги, папки и проч., разбалтываютъ кошачье золото въ яичномъ бѣлкѣ, бѣломъ лакѣ или лучше, въ винномъ спиртѣ, въ которомъ распущено достаточное количество Аравійской камеди, и накладываютъ его широкою барсуковою кистью, просушиваютъ и лощатъ волчьимъ зубомъ.

Для сего можно употреблять также и мѣдный порошокъ или поталь, получаемый чрезъ осажденіе онаго посредствомъ кусковъ желѣза изъ раствора мѣди въ крѣпкой водкѣ, такъ же точно, какъ сказано выше объ осажденіи серебра мѣдью.

Другая поддѣльная же позолота. Сплавивъ одну часть цинка (пиіаутера) съ двѣнадцатью частями ртути, растворяютъ эту амальгаму въ соляной кислотѣ, куда прибавляютъ

также листокъ или два золота и нѣсколько виннаго камня. Потомъ, вычистивъ хорошенько мѣдную вещь, которую требуется позолотить, и обмывъ селитряною кислотою, кипятятъ ее въ вышеозначенномъ растворѣ, гдѣ она и принимаетъ прекрасную позолоту. Вызолоченная такимъ образомъ мѣдная проволока можетъ быть потомъ вытягиваема въ тончайшія нити, которыя вполнѣ сохраняютъ золотистый свой цвѣтъ и блескъ. Симъ способомъ обыкновенно дѣлается такъ называемая мишура, идущая на приготовленіе галуновъ, разныхъ офицерскихъ и другихъ вещей, по наружному виду очень близко подходящихъ подъ золоченыя.

Настоящій золотой порошокъ. Золото превращается въ порошокъ двумя способами: или посредствомъ растиранія листоваго золота на камнѣ съ медомъ или патокою; или посредствомъ осажденія онаго изъ раствора золота въ селитро-соляной кислотѣ (въ царской водкѣ). Первый изъ сихъ способовъ описанъ уже выше въ особомъ примѣчаніи, ибо золото и серебро растираются и промываются совершенно одинаковымъ образомъ. Второй же способъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Смѣшавъ двѣ части, по вѣсу, селитряной кислоты, съ одною частію соляной*, т. е., составивъ такъ называемую царскую водку, растворяютъ въ ней понемногу листовое золото до насыщенія, т. е., до тѣхъ поръ, пока оно перестанетъ растворяться — обыкновенно же полагается около одной драхмы золота на двѣ унціи царской водки. Раствореніе это производится въ стекляномъ сосудѣ, поставленномъ въ песокъ, подогрѣваемый на угольяхъ. Если надобно, чтобъ позолота имѣла красноватый цвѣтъ, должно прибавить въ растворъ отъ 10 до 12 грановъ чистой листовой мѣди или потали; вообще позолота будетъ тѣмъ краснѣе, чѣмъ больше положится мѣди. Приготовивъ растворъ, намачиваютъ въ немъ чистыя полотняныя тряпки, поливая ихъ онымъ слегка до тѣхъ поръ, пока онѣ совер-

* Смѣсь сію должно дѣлать съ осторожностію, чтобы не лопнула банка, и для того соляную кислоту приливаютъ понемногу, безпрестанно побалтывая банку, ибо безъ того она вдругъ сильно нагрѣется.

шенно имъ напитаются; потомъ, положивъ ихъ на фарфоровую или фаянсовую тарелку, ставятъ въ теплое мѣсто, хорошенько просушиваютъ, и наконецъ зажигаютъ лучинкою: полученный пепелъ и будетъ содержать въ себѣ порошокъ золота.

Чтобы получить золотой порошокъ въ чистомъ металлическомъ видѣ, золотосодержащій растворъ должно напередъ развести перегнанною водою, потомъ приливать въ него понемногу раствора зеленаго (желѣзнаго) купороса въ водѣ до тѣхъ поръ, пока перестанетъ отдѣляться осадокъ; отстоявшуюся жидкость слегка сцѣдить, а на осадокъ налить теплой воды, потомъ воду опять слить, и повторять это нѣсколько разъ. Наконецъ, отдѣливъ осадокъ, высушить и подогрѣвать его на легкомъ жару, доколѣ золото возстановится, причемъ надобно очень остерегаться, чтобъ оно не сплавилось. Впрочемъ эта работа, требующая большой осторожности и точности, для позолоты вовсе не нужна, ибо окисленное золото возстановляется само собою отъ тренія, употребляемаго при золоченіи онымъ.

Позолота серебра и мѣди. Для позолоты серебряныхъ и мѣдныхъ вещей, онѣ сначала хорошенько полируются и потомъ натираются мягкою пробкою, смоченною слегка чистою водою и потомъ обмокнутою въ золотой порошокъ. Когда позолота приметъ надлежащій видъ, и наведенный слой золота получитъ желаемую толщину, тогда треніе прекращается и вещь полируется обыкновеннымъ кровавиковымъ или стальнымъ гладиломъ. Полированіе производится съ мыльною водою. При золоченіи золотымъ порошкомъ, имѣющимъ металлическій блескъ, можно вмѣсто пробки употреблять лайку, обернувъ ее около пальца.

Позолота желѣза и стали. Давно уже Гютонъ де Морво показалъ весьма легкій и удобный способъ для прочной позолоты желѣза и стали послѣ отполировки ихъ. Этотъ способъ и донынѣ съ успѣхомъ употребляется ножевщиками, оружейными и другими мастерами для позолоты и надписей на ружьяхъ, пистолетахъ, ножахъ, бритвахъ, ножницахъ

и проч., и состоитъ въ слѣдующемъ: Растворивъ чистое листовое золото въ царской водкѣ до насыщенія, вливаютъ въ растворъ равное ему по объему количество сѣрнаго эѳира, напр. на рюмку кислоты рюмку же эѳира. Эта смѣсь дѣлается въ склянкѣ, емкость которой вдвое болѣе объема обѣихъ жидкостей. По влитіи эѳира склянка плотно затыкается и содержащаяся въ ней жидкость сильно сбалтывается; при семъ эѳиръ отнимаетъ у кислоты все золото, и принимаетъ красивый желтый цвѣтъ. По прошествіи нѣкотораго времени, золотосодержащій эѳиръ всплываетъ наверхъ, и тогда его уже легко отдѣлить отъ кислоты, сливая, или просто черезъ край или посредствомъ сифона, или всего лучше посредствомъ стеклянной воронки съ тоненькимъ носкомъ: кислота, будучи тяжела, займетъ въ ней нижнюю часть, а эѳиръ верхнюю; и такъ, спустивъ сначала кислоту въ одну склянку, переносятъ воронку на другую въ то самое мгновеніе, когда начнетъ вытекать эѳиръ. Этотъ составъ хранится для употребленія въ плотно закупоренныхъ склянкахъ съ притертыми стеклянными пробками.

Когда потребуется позолотить желѣзо или сталь, или сдѣлать на нихъ надпись, рисунокъ, узоръ и т. п., металлъ прежде тщательно полируютъ, а потомъ слегка нагрѣвши, намазываютъ золотосодержащимъ эѳиромъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ назначено быть позолотѣ, кисточкою или перомъ, смотря по удобности. На тепломъ металлѣ эѳиръ тотчасъ испаряется, а золото остается; тогда его закрѣпляютъ и оживляютъ, полируя обыкновеннымъ гладиломъ.

Говоря о позолотѣ мѣдныхъ и другихъ вещей, кстати уже упомянуть и о способѣ чистить разныя небольшія вещицы изъ дѣльнаго или такъ называемаго Французскаго золота, почернѣвшія отъ времени и долгаго употребленія. Извѣстно, что это золото всегда содержитъ значительную примѣсь мѣди, которая мало-по-малу тускнетъ и чернѣетъ. Для совершеннаго очищенія такой вещи стоитъ только вскипятить ее въ растворѣ нашатыря: эта соль растворитъ мѣдь, выступившую на поверхность, и оставитъ золото совершенно чистымъ. *Н. Ф.*

СОСТАВЪ АРОМАТИЧЕСКОЙ ГОРЧИЦЫ, ИЗВѢСТНОЙ У НАСЪ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ.

=

Горчица есть одна изъ необходимѣйшихъ приправъ нашего стола; она весьма полезна, особливо въ холодныхъ и сырыхъ странахъ, для людей слабыхъ, апатическихъ и ведущихъ сидячую жизнь, у которыхъ дурно пищевареніе или которые употребляютъ довольно грубую пищу; она полезна также въ скорбутной и нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ. — У насъ извѣстны три главные сорта горчицы, а именно, такъ называемыя Англійская, Сарептская и Французская, приготовляемыя изъ сѣмянъ растенія того же имени, которое бываетъ двухъ видовъ: сѣрая горчица (sinapis nigra, L.) и желтая (sinapis alba, L.). Англійская и Сарептская горчица приготовляется для стола очень просто: ее смѣшиваютъ съ небольшимъ количествомъ сахара и уксуса, и потомъ разводятъ водою. Любителямъ же самой крѣпкой горчицы рекомендуемъ Сарептскую, приготовленную непремѣнно слѣдующимъ образомъ: перемѣшавъ сухую Сарептскую горчицу съ мелкимъ сахаромъ, положивъ онаго по вкусу болѣе или менѣе, должно прибавить въ смѣсь хорошаго уксуса, и растирать ее деревянною ложкою до тѣхъ поръ, пока всѣ комья разотрутся и составится густое, совершенно однородное тѣсто, которое потомъ обварить кипяткомъ, и хорошенько размѣшавъ, оставить на цѣлыя сутки въ открытомъ сосудѣ. По прошествіи сего времени, ее можно вылить въ банку и употреблять, но ранѣе эта горчица къ употребленію не годится; ибо, не выстоявшись хорошенько, она имѣетъ въ себѣ очень непріятную горечь.

Ароматическая горчица, извѣстная у насъ подъ названіемъ Французской, приготовляется чаще изъ сѣрой горчицы, но и желтая, или Англійская, одинаково для сего пригодна. Слѣдующіе два способа приготовленія этой горчицы считаются во Франціи лучшими.

1 *способъ*. На два съ половиною фунта сухой горчицы берется:

Свѣжихъ листьевъ	петрушки	. . . . . $3^1/_2$	золотника.
—— ——	кервеля	$3^1/_2$	——
—— ——	сельдерея	$3^1/_2$	——
—— ——	эстрагона	$3^1/_2$	——
	чесноку	1	головка.
	соленыхъ анчоусовъ .	12	штукъ.

Все это вмѣстѣ рубится какъ можно мельче острою сѣчкою, смѣшивается съ горчицею и растирается въ стеклянной или каменной ступкѣ до тѣхъ поръ, пока получится самый мелкій и совершенно однородный порошокъ. Потомъ эта смѣсь подслащивается виноградным сусломъ или, за недостаткомъ онаго, обыкновеннымъ сахаромъ, по вкусу каждаго, только не слишкомъ много; наконецъ прибавляется 7 золотниковъ бѣлой поваренной соли въ мелкомъ порошкѣ, и вся смѣсь растирается, разводится водою и разливается въ банки. Но прежде, нежели банки съ горчицею будутъ закупорены, должно въ каждую изъ нихъ опустить раскаленный докрасна кусокъ желѣза, величиною въ средній палецъ, и оставить его тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно остынетъ. Это нужно для того, чтобы отнять у горчицы часть остроты, и выпарить излишнюю воду. Вынувъ желѣзо, банки доливаются крѣпкимъ бѣлымъ уксусомъ, закупориваются и заливаются смолою. Приготовленная такимъ образомъ горчица сохраняется очень хорошо и чѣмъ дольше стоитъ, тѣмъ дѣлается лучше.

2 *способъ*. На два съ половиною фунта горчицы должно взять:

Петрушки	по 1-й большой горсти.	
Кервеля		
Сельдерея		
Мелкаго луку	$^1/_2$	гарнца.
Чесноку	1	головку.
Мелкой поваренной соли	14	золотниковъ.
Прованскаго масла	7	——
Корицы въ мелкомъ порошкѣ	1	——

Гвоздики	1	——
Мушкатнаго орѣха	1	——
Перцу	1	——
Тимьянова масла (essence de thym)	10	капель.
Коричневаго	8	——
Эстрагоннаго	1	——

Вычистивъ и изрубивъ хорошенько петрушку, кервель, сельдерей, лукъ и чеснокъ, вымачиваютъ ихъ цѣлыя двѣ недѣли въ достаточномъ количествѣ лучшаго бѣлаго уксуса; потомъ вынимаютъ ихъ изъ онаго, растираютъ какъ можно лучше и мельче на камнѣ или въ ступкѣ, въ растертую массу высыпаютъ горчицу, и опять растираютъ, потомъ кладутъ туда же соль, прованское масло, душистыя эссенціи и пряности, снова растираютъ эту смѣсь, и наконецъ разводятъ ее тѣмъ же самымъ уксусомъ, въ которомъ вымачивались вышеозначенныя растенія, и все вмѣстѣ хорошенько размѣшиваютъ. Чрезъ двои сутокъ разливаютъ приготовленную такимъ образомъ горчицу въ банки, закупориваютъ ихъ, и пробки заливаютъ смолою. *Н. Ф.*

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ВИШНЕВОЙ ВОДКИ ИЛИ КИРШВАССЕРА.

Водка сія приготовляется большею частію изъ ягодъ съ испривитыхъ вишневыхъ деревъ. Оборвавши у вишенъ хвостики, размнаютъ ихъ пестомъ и кладутъ въ чанъ, поставленный въ умѣренно тепломъ мѣстѣ. Во время броженія, которое начинается, иногда, по прошествіи двухъ недѣль, а иногда, дня черезъ три или четыре; чанъ закрываютъ крышею, и каждыя двое сутокъ мѣшаютъ въ немъ вишни чистою деревянною мѣшалкою. Когда броженіе достигнетъ надлежащей степени, тогда можно или тотчасъ же приступить къ перегонкѣ или хранить нѣсколько дней перебродившую массу, закрывши какъ можно плотнѣе сосудъ, въ которомъ она содержится. Чтобы во время перегонки, вишневая мякоть, находящаяся въ кубѣ, не подго

рѣла, мѣшаютъ ее какъ можно чаще и закрываютъ кубъ шлемомъ тогда только, когда уже она начнетъ закипать. Впрочемъ, при перегонкѣ поступаютъ точно такъ же, какъ и съ обыкновеннымъ виннымъ спиртомъ. Покуда жидкость, выходящая изъ куба, безцвѣтна, до тѣхъ поръ она имѣетъ надлежащую крѣпость, но коль скоро начнетъ мутиться, то это значитъ, что она уже дѣлается слабою, и потому ее получаютъ въ особый пріемникъ, и потомъ опять перегоняютъ съ новыми вишнями.

Киршвассеръ можетъ быть получаемъ такъ же и изъ сушеныхъ вишенъ. Для сего кладутъ ихъ сначала въ горячую воду, а потомъ размявши, складываютъ въ бочонокъ съ довольно большимъ количествомъ воды, и подвергаютъ броженію, которое въ этомъ случаѣ происходитъ уже гораздо медленнѣе.

Вишневыя косточки и ядра такъ же разбиваются: ихъ обыкновенно толкутъ особо, и потомъ уже кладутъ вмѣстѣ съ ягодною мякотью. Отъ нихъ-то собственно и получаетъ вишневая водка тотъ особенный вкусъ и запахъ, которыми она наиболѣе отличается отъ обыкновеннаго хлѣбнаго вина, особливо если ее разсыропить сахаромъ. Чѣмъ дольше эта водка стоитъ, тѣмъ она дѣлается лучше. Водка, подобная вишневой, дѣлается также и изъ сливъ, но сія послѣдняя уступаетъ въ достоинствѣ вишневой, и отъ примѣси къ ней воды бѣлѣетъ. Водка, сдѣланная такимъ же образомъ изъ ягодъ терновника, предпочитается настоящему киршвассеру. *Н. Ф.*

САКСОНСКІЙ СПОСОБЪ УНАВОЖИВАТЬ ЗЕМЛЮ.

Въ Саксоніи и сосѣдственныхъ съ нею странахъ употребляютъ слѣдующій, очень замысловатый способъ увеличивать количество навоза, идущаго на удобреніе пахотныхъ полей.

По мѣрѣ очищенія скотныхъ дворовъ навозъ сваливаютъ въ кучи, перекладывая его слоями дерна, по возможности наблюдая, чтобы на три воза перваго приходилось по два воза послѣдняго. Дернъ сдираютъ не толсто, и перевернувъ вверхъ корсньями, оставляютъ его въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока онъ начнетъ нѣсколько зеленѣть; тогда его употребляютъ для перекладки навоза. Вообще кучи сіи кладутся вышиною около шести футовъ, а длиною и шириною, какъ позволяетъ мѣсто; сверху онѣ дѣлаются нѣсколько впалыми, дабы удобнѣе проникала въ нихъ дождевая вода.

Такое переслоеніе навоза съ дерномъ весьма много способствуетъ къ перегною сего послѣдняго такъ, что онъ въ теченіе лѣта совершенно перепрѣваетъ, а иногда бываетъ даже достаточно для сего и двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ; впрочемъ это болѣе зависитъ отъ погоды. Иногда, смотря по времени, когда кучи сложены и когда онѣ должны быть употреблены въ дѣло, бываетъ нужно ихъ переворачивать; такъ напр. если кучи сложены около Михайлова дня, то это необходимо; ибо, если навозъ долженъ быть положенъ подъ яровой посѣвъ, тогда можетъ случиться, что дернъ не успѣетъ перегнить какъ слѣдуетъ, и потому ему должно пособить въ этомъ, переворачиваніемъ кучи; когда же навозъ назначается подъ озимый хлѣбъ слѣдующаго года, тогда его должно опять переворотить около Иванова дня, ибо иначе можетъ поле заглохнуть негодными травами.

Множествомъ опытовъ доказано уже, что три телѣги сего назема равняются силою своею двумъ телѣгамъ чистаго навозу, что и не удивительно; ибо, во-первыхъ, перегнившая трава составляетъ уже сама собою родъ навоза, а во-вторыхъ, дернъ служитъ здѣсь какъ бы губкою, которая, втягивая въ себя всю влагу изъ навоза, столь для почвы питательную, не допускаетъ ее теряться.

Очевидно, что для избѣжанія лишней перевозки дерна, выгоднѣе кучи сіи складывать на самыхъ поляхъ, нежели близъ жилья. *Н. Ф.*

ЛАКЪ ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНІЯ ДЕРЕВА ОТЪ ГНИЛОСТИ.

Все искусство предохраненія дерева отъ гнилости состоитъ единственно въ томъ, чтобы не допустить ни воздуха, ни влаги проникнуть внутрь онаго. Лучшій для сего составъ есть слѣдующій: расплавивъ въ чугунномъ котлѣ 12 унцій смолы, или гарпіусу, прибавить въ него 8 унцій сѣры, и когда она соединится съ гарпіусомъ, влить туда 6 осьмухъ ворвани (китовый жиръ), и подогрѣвая безпрестанно, прибавлять по частямъ 14 лотовъ изрѣзаннаго въ маленькіе кусочки желтаго воска; перемѣшать хорошенько, и когда всѣ кусочки разойдутся, положить въ полученную жидкость полфунта растертой на маслѣ какой-нибудь краски, и снова хорошенько перемѣшать. Если полученнымъ такимъ образомъ горячимъ составомъ вымазать дерево нѣсколько разъ, разумѣется, давая прежде нижнему слою высохнуть, то оно можетъ сохраняться отъ порчи цѣлыя столѣтія. Въ холодномъ состояніи составъ сей твердѣетъ, но для употребленія онъ очень удобно плавится. Ему можно сообщать какой угодно цвѣтъ посредствомъ примѣси различныхъ красокъ. Такъ какъ этотъ составъ очень горючъ, то не дурно бы для предосторожности не покрывать имъ такихъ частей зданія, на которыя удобно можетъ попасть огонь. Нѣтъ ничего лучше этого состава для сохраненія отъ порчи частей дерева, зарытыхъ въ землю или песокъ. *Н. Ф.*

КЛЮКВЕННЫЯ ВЫМОРОЗКИ.

Судя по обширному употребленію клюквы въ Россіи, надобно полагать, что у насъ до нее много охотниковъ; но странно, что повсюду видѣнъ одинъ только обыкновенный клюквенный сокъ, выморозки же изъ этой ягоды такъ рѣд-

ки, какъ какая-нибудь драгоцѣнность, — въ самомъ же, онѣ могутъ обойтись не многимъ дороже простаго соку, особливо, если бъ приготовленіемъ онаго занялись тамъ, гдѣ, какъ говорится, клюква не по чемъ. Морозами же, кажется, насъ тоже Богъ не обидѣлъ.

Клюквенныя выморозки видомъ, вкусомъ и запахомъ отличаются, какъ небо отъ земли, отъ обыкновеннаго соку: онѣ совершенно чисты, прозрачны, имѣютъ въ себѣ нѣчто ароматическое, чрезвычайно пріятную кислоту и такую крѣпость, что одной чайной ложки слишкомъ достаточно для приправы цѣлаго стакана воды или чаю. Сверхъ того онѣ имѣютъ еще и ту выгоду, что могутъ быть сохраняемы въ цѣлости неопредѣленное время, лишь бы только заключались въ совершенно чистыхъ и хорошо закупоренныхъ стеклянныхъ сосудахъ. Вотъ способъ приготовленія оныхъ:

Оттаявъ мерзлую клюкву въ теплой комнатѣ, и положивъ ее на рѣшето, дать постоять въ ономъ столько времени, чтобы вся находящаяся въ ней вода стекла въ подставленный для того сосудъ; потомъ, размявъ и растерши хорошенько ягоду въ каменной ступкѣ или въ деревянной чашѣ, сложить мякоть въ кадку, и не закрывая ничѣмъ, кромѣ чистаго полотенца, выставить ее на морозъ недѣли на двѣ; когда вся мякоть порядкомъ промерзнетъ, внести кадку въ теплую комнату, накрыть деревянною крышкою, и, отступя пальца на два отъ днища, просверлить въ ней съ боку одно или нѣсколько отверстій, въ которыя вставить по гусиному перу, а подъ нихъ бутылки для стока жидкости. По мѣрѣ того, какъ клюква начнетъ въ теплѣ понемногу отходить, сокъ будетъ стекать и собираться въ бутылки. Но какъ сихъ выморозковъ стекаетъ очень немного, то, чтобъ не потерять оныхъ ни сколько, можно отстоявшую мякоть снова хорошенько перемять, вторично заморозить и отцѣдить тѣмъ же порядкомъ; только уже полученный при семъ сокъ будетъ качествомъ ниже полученнаго въ первый разъ. На оставшуюся мякоть можно налить нѣсколько теплой воды и выжать: получится обыкновенный клюквенный сокъ. *Н. Ф.*

СПОСОБЪ НАКЛЕИВАТЬ НА СТѢНЫ

БУМАЖНЫЕ ОБОИ ТАКЪ, ЧТОБЪ ВЪ НИХЪ НЕ ЗАВОДИЛИСЬ КЛОПЫ.

На комнату обыкновенной величины должно взять фунтъ шубнаго клею, и разбивъ, намочить часа на два въ водѣ; потомъ, наливъ на него три штофа воды и прибавивъ туда же восемь унцій скипидару, кипятить, безпрестанно помѣшивая, доколѣ клей разварится, а скипидаръ въ немъ распустится. Приготовивъ этотъ составъ и оскобливъ и очистивъ хорошенько стѣны отъ сору и пыли, должно покрыть ихъ раза два или три этимъ составомъ, пока онъ еще горячъ. Потомъ, когда стѣны высохнутъ, наклеивать на нихъ обои обыкновеннымъ мучнымъ или крахмальнымъ клейстеромъ, свареннымъ также вмѣстѣ съ скипидаромъ, полагая онаго до пяти унцій на фунтъ муки или крахмала. Этотъ клейстеръ должно, при намазываніи на обои, какъ можно лучше размѣшивать, дабы скипидаръ не скоплялся въ одномъ мѣстѣ; ибо въ противномъ случаѣ онъ пройдетъ сквозь бумагу и запятнаетъ обои. *Н, Ф.*

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО

ЗАСТАВИТЬ ПІЯВОКЪ ПРИНИМАТЬСЯ КЪ БОЛЬНОМУ МѢСТУ.

Иногда случается, что большія и здоровыя піявки никакъ не принимаются, и тѣмъ сильно досаждаютъ не только больному, но и тѣмъ, кто ихъ приставляетъ. Въ отвращеніе сего употребляются разныя средства, какъ то: натираютъ тѣло рукою или суконкою докрасна, смачиваютъ его чистою или сахарною водою, намазываютъ иногда кровью, буде есть, и проч., но часто безъ всякаго успѣха. Увѣряютъ однако же, что есть вѣрное средство заставить ихъ приниматься, и что для этого стоитъ только натереть тѣло слегка свѣжимъ свинымъ саломъ. *Н. Ф.*

V.

КРИТИКА.

Джакобо Санназаръ, *драматическая Фантазія въ четырехъ актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе* П. К. *Санктпетербургъ, 1834.*

Въ художествѣ, поэма и романъ по части слова то же что статуя по части скульптуры, что картина по части живописи. Я не знаю предметовъ для Критики, достойнѣе поэмы, романа, статуи или картины. Энеида, Донъ-Кихотъ, Аполлонъ Бельведерскій, Послѣдній день Помпеи, – какіе предметы! Неужели подобные плоды человѣческаго генія не заслуживаютъ всего вниманія человѣка? Неужели за блещущій лучъ теплоты, наслажденія и счастія, который бьетъ изъ нихъ прямо на наше сердце, который его согрѣваетъ и облагороживаетъ, должны мы платить художнику равнодушіемъ, считая унизительнымъ для нашей образованности и учености распространяться о такихъ пустякахъ? Есть люди, которые это утверждаютъ: я утверждаю противное. Я говорю, что наши удовольствія ничѣмъ не ниже нашихъ пользъ, даже выше ихъ: пользы суть только орудія удовольствія. По моему, настоящая Критика, совокупное сужденіе ума, сердца и удовольствія, находится только тамъ, гдѣ проявляется геній, творческая мысль, воображеніе и искусство исполненія; гдѣ всѣ высочайшія умственныя силы человѣка соединены для произведенія новаго, цѣлаго и изящнаго; гдѣ человѣкъ осмѣлился спорить съ Творцемъ своимъ о правѣ созданія. Труды учености, въ которыхъ дѣйствуетъ память, логика и прилежаніе, въ которыхъ умъ пережевываетъ событія и

разводитъ ихъ мыслію, какъ-бы ни были полезны, стоятъ только разбора и благодарности. Они не что иное, какъ матеріялы для просвѣщенія творческой мысли, хотя гордое педантство и приписываетъ ему превосходство передъ ея плодами. Противъ одной истинно хорошей поэмы въ стихахъ или въ прозѣ, люди производятъ по тысячѣ истинно хорошихъ ученыхъ сочиненій. Нѣтъ! поэма и романъ достойны всего нашего вниманія: это первый и благороднѣйшій предметъ Критики.

Передо мной лежитъ поэма, которая внушила мнѣ эти мысли. Это уже большая похвала книгѣ, если она такъ увлекаетъ въ пользу своего рода того, кто разсматриваетъ ее съ тѣмъ, чтобы составить себѣ объ ней сужденіе. Судья, прельщенный красотою женщины, можетъ быть не правъ и подавать о себѣ дурное мнѣніе; но о женщинѣ, прельстившей судью, нельзя имѣть невыгоднаго понятія: она должна быть прекрасна собою. Признаюсь откровенно, что я уже увлеченъ, растроганъ моею подсудимой. Чувствую, что мое правосудіе колеблется. Ея видъ, ея черты пробудили во мнѣ самыя сладостныя воспоминанія: это младшая сестра той чудесной Фантазіи, которая такъ сильно обворожила меня въ прошлую зиму, — это твореніе пѣвца Торквата Тасса. Онѣ очень не похожи другъ на друга, —

Non dissimiles tamen, — quantum decet esse.

Эта новая Фантазія Г. Кукольника, какъ видно изъ заглавнаго листа, была писана въ то самое время, когда его Тассъ печатался. Я слишкомъ разсудителенъ, чтобы требовать отъ поэта вдругъ двухъ произведеній равнаго достоинства, и хотя первымъ Г. Кукольникъ сдѣлалъ насъ въ отношеніи къ нему очень нелегкими къ удовлетворенію, однако мы радуемся отъ всего сердца и второму. Въ его Санназарѣ нѣтъ

тѣхъ сильныхъ порывовъ высокаго лирическаго вдохновенія, того трескучаго пламени, тѣхъ могущественныхъ эффектовъ, которыми красуются разныя части Торквата Тасса, но здѣсь тоже есть множество прекрасныхъ мѣстъ и прекрасныхъ стиховъ. Это очень хорошая поэма, хотя она и не драма, — и даже не фантазія, которой самое названіе обѣщаетъ всегда что-нибудь фантастическое или сверхъестественное. Здѣсь напротивъ, содержаніе весьма просто.

Саннацаро, или, по Испанскому произношенію, Саннаэаръ, названный здѣсь Саннаэаромъ, былъ второстепенный Италіянскій поэтъ XV вѣка: онъ писалъ много по-Италіянски и по-Латыни, но сочиненія его примѣчательны болѣе пріятностью и чистотою языка, нежели большими поэтическими достоинствами. Однако при жизни своей, онъ пользовался чрезвычайною славою въ Италіи, всегда склонной къ энтузіазму и преувеличенію, и Венеціянскій сенатъ заплатилъ ему по сто червонныхъ за каждый стихъ славной его Латинской надписи, которая, по-несчастію для поэта, состояла только изъ шести стиховъ. Саннацаро умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, хотя молодость его была преждевременная. Въ дѣтствѣ онъ уже разсуждалъ какъ мужчина, писалъ и импровизировалъ стихи, говорилъ по-Латыни и по-Гречески, а въ восемнадцать лѣтъ былъ избранъ въ члены знаменитой Академіи Понтана. Дѣтская страсть къ маленькой Кармозинѣ Бонифачіо, которая однако была старѣе его тремя годами, отравила его юность: онъ старался развлечь себя посредствомъ путешествій, но не могъ преодолѣть своего сердца, воротился на родину, и уже не засталъ въ живыхъ своей любовницы.

Изъ этого-то періода его жизни Г. Кукольникъ взялъ сюжетъ своей драматической Фантазіи. Очевидно, что изобрѣтеніе должно здѣсь относиться единственно къ причинамъ, противившимся счастію любовниковъ: тре-

бовалось придумать стеченіе такихъ обстоятельствъ, которыя бы воспрепятствовали Саннацару жениться на Кармозинѣ или по-крайней-мѣрѣ быть ея женихомъ, – потому что разница трехъ или четырехъ лѣтъ въ возрастѣ еще не есть законная причина быть несчастнымъ, особенно въ драмѣ, гдѣ молодые люди такъ часто женятся на весьма пожилыхъ красавицахъ. Успѣшно ли исполнилъ поэтъ эту часть своей обязанности? Не знаю! Но два первые акта, въ которыхъ развиты дѣтство и юность влюбленнаго героя, очень милы.

Что можетъ быть прелестнѣе этой сцены полу-объясненія между влюбленными дѣтьми, между Саннацаромъ и Кармозиною, оканчивающейся импровизаціею маленькаго генія?

САНН..... «О Боже, Боже мой!
Что, если бъ можно говорить слезами! *(плачетъ.)*
КАРМ. (*про себя*). Я поняла! Понятны эти слезы!
Кого онъ любитъ, Боже мой, кого? *(громко.)*
Джакобо! САНН. Да, ребенокъ съ этимъ чувствомъ
Несчастное созданіе! – Другимъ
Оно услада горькой жизни; мнѣ
Отрава и какая!... Кармозина,
Уйдите, ахъ, уйдите Кармозина!
КАРМ. Что это съ нимъ? впервые онъ такъ страненъ.
САНН. Глаза горятъ отъ слезъ; уста отъ жару;
Грудь стѣснена и голова болитъ.
Я нездоровъ, кто вылечитъ меня?
Ахъ, Кармозина, дайте вашу руку!
(дрожа и цѣлуя ея руку)
Не понимай, божественная дѣва,
Монхъ пустыхъ рѣчей не понимай!
Не слушай словъ сердечнаго напѣва,
Насмѣшками сожги душевный рай;
О, удержи порывъ нѣмаго гнѣва,
Не понимай меня, не понимай!...
(какъ бы проснувшись, вздрагиваетъ и отходитъ отъ Кармозины.)

Черезъ годъ послѣ этого, Саннацаро блуждаетъ одинъ въ долинѣ, гдѣ онъ застигнутъ ночью. Онъ стоитъ на утесѣ:

«Терпѣніе и будущую жизнь!
О! Я-бъ терпѣлъ, я-бъ вытерпѣлъ всѣ муки
Божественной Комедіи; но если-бъ
Мнѣ дали каплю сладости земной,
Минуту полнаго восторга! — Боже,
Ты создалъ человѣка такъ прекрасно,
А женщину такъ сладостно, роскошно!
Ты умъ провелъ въ холодной головѣ,
А сердце спряталъ въ персяхъ! — О зачѣмъ-же
Соединить ты ихъ не захотѣлъ?
Уравновѣсь ума расчетъ холодный
И невоздержные порывы сердца. —
.....
Какъ хороша роскошная природа!...
Какъ эта тѣнь отъ тополи бѣжитъ,
Становится длиннѣе и длиннѣе!...
Какая тишина!... О, если бъ сердце
Могло стихать подобно этимъ нивамъ!
А на горахъ какой-то дивый призракъ
Таинственною тѣнію почіетъ!....
Луна плыветъ, какъ челнъ;... звѣзда.... темнѣетъ....
Вѣтеръ не шелохнетъ... Кармозина.... Счастье....
(раздается пѣсня пастушки)
Ахъ! гдѣ я былъ? — Туманныя видѣнья!
И я могу забыться.... Слава Богу!
Но этотъ голосъ, — звонкій, сладкій голосъ,
Зачѣмъ ты сонъ разбилъ непостижимый!
Роскошенъ сонъ, роскошенъ этотъ голосъ,
Какъ онъ похожъ на голосъ Кармозины!

ПАСТУШКА (*продолжаетъ пѣть; Саннацаро бѣжитъ къ ней въ долину*)

Съ той поры она не знаетъ,
Живъ-ли Джуліо младой;

Стонетъ, слезы проливаетъ
И не спитъ порой ночной....
(увидавъ Саннацара)
Ахъ! САНН. Подойди, пастушка, не пугайся!
Скажи мнѣ: что ты пѣла? ПАСТ. Пѣсню. САНН. Знаю.
Объ чемъ она? ПАСТ. Ахъ, о любви моей!
САНН. Ты любишь? ПАСТ. Да. САНН. И я люблю, пастушка!
ПАСТ. Ха, ха, ха, ха! САНН. Не смѣйся, ради Бога!
Скажи мнѣ лучше: какъ ты любишь? ПАСТ. Какъ?
Да какъ тебѣ сказать? — Люблю и только!
САНН. А эта пѣсня? ПАСТ. Такъ. Сама сложила,
На голосъ навела; пою, люблю;
Люблю, пою; и ты, когда не шутишь,
Люби и пой, пой и люби — и только
И счастье не далеко....

Г. Кукольникъ щедрою рукою разсыпалъ подобныя черты въ первыхъ двухъ актахъ своего Саннацара, и хотя дѣтскія чувства двухъ малолѣтныхъ любовниковъ могли бъ быть изображены нѣжнѣе, трогательнѣе, обворожительнѣе, однако эта часть поэмы чрезвычайно пріятна. Въ третьемъ актѣ начинается настоящее дѣйствіе страстей: онъ предвѣщаетъ читателю сильную завязку, истинный драматическій интересъ. Саннацару семнадцать лѣтъ; черезъ годъ правила Западной Церкви уже позволяютъ ему быть супругомъ; онъ уже членъ Академіи, и конечно имѣетъ полное право стараться попасть въ члены почтеннаго сословія мужей. Но, подавляя голосъ сердца въ теченіе всей юности, любовники еще ни разу не объяснились на счетъ своихъ чувствованій. Они любили и терзались, въ молчаніи. Теперь изъясненіе неизбѣжно. Оно должно извергнуться изъ глубины ихъ груди, быстро и сильно, подобно взрыву волкана, тѣмъ болѣе, что мать Кармозины, ничего не зная о любви ея къ Саннацару, и наскучивъ видѣть дочь въ дѣвкахъ,

сбирается помолвить ее съ молодымъ Синьоре Дольчи. Эта сцена изъясненія, между страстною, пережданнею срокъ дѣвицею и робкимъ, семнадцати-лѣтнимъ юношей, безподобна: она дѣлаетъ честь какъ соображенію, такъ и таланту автора. Саннацаро приходитъ къ Кармозинѣ послѣ принятія своего въ члены Академіи.

КАРМ. Позволь себя, мой добрый другъ, поздравить!

САНН. (*про себя*) Она! въ глазахъ темнѣетъ.... Кармозина...
Блѣдна какъ тѣнь; какъ тѣнь въ одеждѣ мрачной!

КАРМ. Я не ошиблась! ты не отвѣчаешь!
Ты равнодушно принялъ мой привѣтъ. —
Но все равно; ты хочешь, или нѣтъ, —
А я рѣшилась, передъ страшнымъ часомъ,
Открыть, чего не сноситъ больше сердце.
Ты у меня верховный духовникъ!
Не трепещи признанья Кармозины;
Всю исповѣдь прослушай безъ презрѣнья.
Садись, мой другъ; я не могу стоять! (*садятся*).
Отъ дѣтскихъ лѣтъ, мы вмѣстѣ возрастали,
Отъ дѣтскихъ лѣтъ, мы сдѣлались друзьями,
Мы радости дѣлили и печаль;
Но пробилъ часъ, мы разойдемся оба,
Двумя различными путями. — Слушай!
Придетъ пора, и скоро часъ ударитъ,
Меня не станетъ: я хочу безсмертья!
Я жить хочу и послѣ самой смерти!
Чѣмъ вспоминать меня Джакобо будетъ,
Добромъ или зломъ?

САНН. (*вставъ съ мѣста*) Добромъ, всегда добромъ!!
Но для чего вопросъ твой непонятный?

КАРМ. Не прерывай! Добромъ, ты говоришь?
Какимъ добромъ и что оно такое?
Ничтожный звукъ пустаго состраданья,

Иль крикъ пронзительный больнаго сердца!
Ты понимаешь-ли меня, Джакобо?
Ты знаешь-ли о чемъ я говорю? —

САНН. (*про себя*) Творецъ мой, мнѣ и стыдно и досадно!
Я не могу въ своихъ признаться чувствахъ!
(*громко*) О Кармозина! КАРМ. Нѣтъ, не отвѣчай!
И если смыслъ моихъ невольныхъ словъ
Ты понялъ; — ради Бога, сохрани
Въ глубокомъ сердцѣ..... Такъ! ты незабудешь
Несчастной Кармозины!.... САНН. Ради Неба!
Что значитъ рѣчь твоя! КАРМ. Не забывай!
Да, я хочу, чтобъ тѣнь моя, въ потомствѣ,
Въ твои стихи одѣтая, блуждала;
И матерямъ жестокимъ какъ урокъ,
Какъ пламенный, пророческій упрекъ,
Твоимъ стихомъ торжественно звучала.
Чтобъ я сама (*встаетъ*), ты видишь, я сама,
Украшенная небомъ и землёю,
Облечена одеждой неземною,
Въ твоихъ стихахъ прекраснѣе была!
Я жить хочу и послѣ самой смерти
И эту жизнь тебѣ я поручаю!
Не оскверни-же памяти моей
И помни: если дѣва, передъ смертью,
Поэту завѣщанье поручаетъ,
Исполнить онъ обязанъ.... ты исполнишь?

САНН. О Кармозина, что тебя тревожитъ?
Въ лицѣ горитъ болѣзненное пламя?

КАРМ. Болѣзненное пламя! О Джакобо!
Когдабъ ты зналъ, что этотъ жаръ и пламя
Растопленное сердце Кармозины!
Когда-бъ ты могъ на жертвенникъ взглянуть,
Когда самъ Богъ съ него пріемлетъ жертвы!
Ты не дрожишь при видѣ Кармозины?
Не понимаешь ты, что это пламя

Предвѣстникъ смерти! О, Джакобо, сжалься,
Пойми меня, скажи, что понимаешь!
(схвативъ дрожащую руку Саннацара, съ постепенно возрастающимъ жаромъ)
Дитя, ты никогда не будешь мужемъ!
Ты леденѣешь отъ руки моей!
Хоть на лицѣ твоемъ играетъ краска;
Но это ложный стыдъ, да ложный стыдъ.
Я старѣе тебя тремя годами;
Ждала, ждала, ты не догналъ меня;
Ты слишкомъ рано сдѣлался поэтомъ,
Но очень поздно будешь человѣкомъ!
Что, если ты меня не понимаешь!
Пойми меня, Джакобо, ради Неба!
Не доводи до тяжкихъ объясненій!..
Я такъ больна; и если жаръ горячки
Не охладитъ суровая могила,....
О, я воскресну, и тогда напрасны
Приличія и правила разсудка!
Я обниму тебя ужаснымъ змѣемъ (*обнимаетъ его*)
И пламенно, какъ аспидъ, поцѣлую!! (*и цѣлуетъ*)

САНН. Всесильный! Столько вдругъ!! Нѣтъ, я не вѣрю...
Моя-ли ты?... О Господи, дай разумъ,
Дай память! Неужели Кармозина
Въ моихъ объятьяхъ?

КАРМ. (*съ ужасомъ вырываясь изъ его рукъ*)
Что? въ твоихъ объятьяхъ!
Ахъ, я погибла; сердце измѣнило!
Прости меня, Джакобо! САНН. Кармозина!

КАРМ. Нѣтъ, не смотри на бѣдную, оставь!
Она преступница!... Невѣста Дольчи
Въ объятіяхъ другаго!... САНН. Всемогущій!

КАРМ. (*проливая слезы*) О, въ сладости убійственная горечь!
И грудь полна и муки и отрады!
Уйди, уйди! дай счастье позабыть;
Тогда не такъ ужасно будетъ горе!

Ахъ, какъ ты сладокъ, первый поцѣлуй!
Хоть безъ любви ты принялъ эту жертву,
Но ты великодушенъ.... САНН. Кармозина!
Я-ль нелюблю.... КАРМ. Нѣтъ, ты меня не любишь!
Ты сострадаешь, добрый человѣкъ,
Къ моей докучливой любви — и только!

САНН. И только! Боже Всемогущій! только!!
Нѣтъ! Я люблю тебя, люблю безмѣрно!
Я весь любовь! Какъ тайный жаръ волкана,
Душа моя любовію кипѣла;
Отъ раннихъ лѣтъ ребенокъ осьмилѣтній,
Я заключилъ тебя въ невинномъ сердцѣ,
Какъ образъ Бога; за холодной книгой,
Подъ тягостнымъ учителей надзоромъ,
Я скрылъ тебя такъ глубоко въ душѣ,
Что мысль чужая немогла проникнуть
Во глубину моей святыни; люди
Смотрѣли на ребенка съ удивленьемъ:
Какъ въ немъ широкій разумъ развивался,
Какъ, огнедышащей душой и сердцемъ,
Онъ освѣтилъ безмѣрный храмъ искусства!
Не я ребенкомъ былъ, а эти люди,
Что чудеса во мнѣ подозрѣвали,
Тогда, какъ я одной тебѣ молился,
Въ твоихъ очахъ читалъ я Божью книгу,
Пророческую книгу вдохновеній!
Я у тебя учился, Кармозина!
Къ тебѣ любовью годы упреждалъ!
И, какъ потокъ, широкими волнами
Я разрывалъ крутые берега,
Чтобъ предъ тобой восторговъ бурной силой,
Могуществомъ искусства похвалиться!
Ты — геній мой! Когда, съ перомъ въ рукѣ,
Я надъ стихомъ задумаюсь упрямымъ,
Ты пролетишь — и побѣгутъ стихи
Невидимо, неслышимо, — а я

Одну тебя, какъ сонъ небесный, вижу!
Исчезнетъ образъ твой.... я ослабѣю!
Недвижимо перо въ рукѣ лежитъ,
И нѣтъ тебя и нѣтъ стиховъ прекрасныхъ.
Ты сомнѣваешься? КАРМ. Не сомнѣваюсь!
Какъ мнѣ не вѣрить счастью своему
И своего не чувствовать несчастья?!

САНН. Несчастія? Какого?.. КАРМ. Грозный долгъ,
Но долгъ святой!... Позволь мнѣ скрыть, Джакобо!

САНН. Скрыть отъ меня?! Нѣтъ ты меня не любишь,
Ты испытать меня хотѣла только!...

КАРМ. Лобзаньемъ не испытываютъ дѣвы!
Онѣ сплетаютъ сѣть изъ словъ притворныхъ
И напоивъ заботливую гордость
Роскошнымъ изліяньемъ сладкой рѣчи,
Въ сѣтяхъ, съ насмѣшкой, оставляютъ сердце!
Я — не онѣ. САНН. Я вѣрю, Кармозина!
Но этотъ долгъ, но эта тайна... КАРМ. Смерть!

САНН. Всесильный! КАРМ. Успокойся! Этотъ долгъ
Теперь не такъ ужаснъ; я узнала
Всю полноту блаженства моего
И въ гробъ иду съ веселою надеждой!

САННАЦАРО. *(упавъ на колѣна)*
О, сжалься надъ моимъ несчастнымъ сердцемъ!
Не дай груди сомнѣньемъ волноваться
И медленной, мучительной отравой,
Не сожигай блаженства моего!
Скажи мнѣ эту тайну! КАРМ. Я невѣста
Лоренцо Дольчи. САНН. *(вставъ)* Боже Всемогущій!
Кто?... Какъ?... Когда?... Кто смѣлъ? Нѣтъ, я не вѣрю!
Чѣмъ я тебя обидѣлъ, Кармозина?..
Подумай! Этой клеветы — довольно,
Чтобы открыть могилу Санназару!

КАРМ. Несчастный! для чего-же ты молчалъ,
Любовь свою скрывалъ въ холодномъ сердцѣ...

САНН. Зачѣмъ? Зачѣмъ: сегодня — не вчера?
Но этотъ змѣй... есть средство у меня!
Я отниму убійственное слово
И вмѣстѣ съ жизнью отниму...

Но тутъ и закрываю книгу! Закрываю; не выпишу болѣе ни слова; даже не загляну на слѣдующія страницы, хотя тамъ еще много превосходныхъ мѣстъ, — чтобъ не разстроить сладостнаго волненія сердца. Охотнѣе откажусь я отъ цѣлой тысячи прекрасныхъ ямбовъ Г. Кукольника, чѣмъ отъ надежды на сильную занимательность, возбужденной послѣдними словами. Юный Саннацаро хочетъ драться съ своимъ соперникомъ; онъ хочетъ убить его, чтобъ овладѣть рукою Кармозины; я уже вижу собирающуюся драматическую бурю; мое сердце трепещетъ въ ожиданіи ужаса.....

Ничего не бывало! Буря разсѣялась отъ одного слова Кармозины: это была только ребяческая угроза. Саннацаро, уже на другой страницѣ, не думаетъ о дракѣ, а на третьей даже соглашается убѣгать той, которую обожаетъ до безпамятства.

Драться или не драться — совершенно зависитъ отъ его воли: но почему жъ убѣгать такой прекрасной дѣвицы, какова синьорина Кармозина? Какъ членъ академіи, онъ долженъ знать, что каноны Римско-Католической вѣры позволяютъ мужчинѣ жениться въ восемнадцать лѣтъ, а ему остается только нѣсколько мѣсяцевъ до этого благополучнаго срока. Самое простое средство — сказать матери Кармозины, что онъ любитъ ея дочку, и хочетъ на ней жениться. Мать навѣрное не откажетъ, потому что она короткая пріятельница съ матерью юнаго академика, да и сама желала этого союза, въ первомъ актѣ Фантазіи, когда Кармозинѣ было лѣтъ одиннадцать, а Саннацару осьмой годъ отъ роду. Скрытность дочери съ нѣжной

и доброй матерію, вразсужденіи питаемаго съ дѣтскихъ лѣтъ чувства, вещь совершенно неправдоподобная, равно какъ и непроницательность маменьки, которая въ теченіе столь долгаго времени не примѣтила этой страсти. И на чемъ основана непреодолимая преграда къ соединенію любовниковъ! На томъ, что мать за часъ передъ тѣмъ обѣщала выдать ее за Г-на Дольчи, и что дочь уже его невѣста. Когда жъ званіе чьей невѣсты было помѣхой дѣвушкамъ выходить замужъ за другихъ? У католиковъ, для помолвленія, нѣтъ ни какихъ церковныхъ обрядовъ, и союзы, условленные родителями, разрываются до брака безъ всякаго соблазна. Въ Италіи не ставится даже въ порокъ барышнѣ быть три и четыре раза невѣстой, лишь бы она обвѣнчалась съ послѣднимъ своимъ женихомъ. Сверхъ-того, я увѣренъ, что если бъ словомъ сказали Г-ну Дольчи, что Кармозина обожаетъ Саннацара, тотъ бы самъ немедленно отъ нея отказался.

Всѣ эти невѣроятности вдругъ похищаютъ у читателя наслажденіе, съ такимъ искусствомъ подготовленное въ теченіе двухъ съ половиною актовъ: онъ негодуетъ на недогадливость дѣйствующихъ лицъ, и холодно принимаетъ остальную часть повѣсти. Впрочемъ, эта остальная часть и сама по себѣ не занимательна: дѣйствіе, движеніе, игра страстей, интерессъ прекращается съ той минуты, какъ Саннацаро понапрасну обѣщалъ убѣгать той, для полученія которой долженъ былъ сперва употребить всѣ усилія и истощить всѣ средства. Онъ ѣдетъ путешествовать, и, подъ конецъ драмы, является только для того, чтобъ узнать о кончинѣ своей матери, видѣть смерть любовницы, и упасть въ обморокъ. Это — простое историческое повѣствованіе въ лицахъ.

Я твердо убѣжденъ въ справедливости этого упрека: но инымъ онъ можетъ показаться слишкомъ стро-

гимъ, — потому что благодаря звучнымъ стихамъ и множеству счастливыхъ мыслей, поэма Г-на Кукольника съ удовольствіемъ читается до конца и при всѣхъ этихъ невѣроятностяхъ.

Взглядъ на суевѣріе и предразсудки. Поликарпа Пузины. *Санктпетербургъ, 1834.*

Я всегда былъ увѣренъ, что книга въ сѣро-синей оберткѣ, напечатанная дурнымъ шрифтомъ и на дурной бумагѣ, не стоитъ чтенія. Теперь вижу, что это былъ предразсудокъ, или суевѣріе. Книга Г. Поликарпа Пузины умна и занимательна, и стоитъ чтенія, несмотря на свои обертку, шрифтъ и бумагу. Одно мнѣ въ ней нравится, — что Г. Поликарпъ Пузина хочетъ быть un esprit fort, когда всѣ мы явно клонимся къ мистицизму! Онъ ни во что не вѣритъ, — ни въ чертей, ни въ колдуновъ, ни въ звѣздочетовъ, ни въ чернокнижниковъ, ни въ алхимиковъ, ни въ гаданія, ни въ видѣнія, ни въ пасіансы, ни въ домовыхъ, ни въ лѣшихъ, ни въ вампировъ, ни въ призраки, ни въ вѣщіе сны, ни въ предчувствія. Изъ-за какой же потѣхи жить на свѣтѣ, истребивъ въ немъ все забавное, страшное и поэтическое? Когда Г. Поликарпъ Пузина искоренитъ всѣ эти мечты, что жъ останется ему и намъ въ жизни? Врожденныя идеи Канта! *я* Шеллинга! всеобщая и всемощная полярность Окена! безконечное совершенствованіе рода человѣческаго! освобожденіе женскаго пола! Нѣмецкая гомеопатія и Французскіе журналы! Да тогда умному человѣку не объ чемъ будетъ и говорить. Г. Поликарпъ Пузина гонитъ чертей изо всей силы: я стою за нихъ горой. Суевѣріе за суевѣріе, — я нахожу чорта изобрѣтеніемъ гораздо замысловатѣе *я*, которое, ей-ей, очень скучно, не говоря уже о другихъ его неудобствахъ! Я буду защищать чорта: онъ необходимъ для нашего счастія.

Довольно примѣчательно современное вооруженіе прозы во всей Европѣ противъ новѣйшей миѳологіи, или такъ называемаго суевѣрія, тогда какъ поэзія дѣлаетъ изъ него первѣйшее основаніе красотъ своихъ. Сальвертъ во Франціи, Годвинъ въ Англіи, Г. Пузина въ Россіи почти въ одно и то же время съ трехъ сторонъ напали на чертей, колдуновъ, призраки и видѣнія. Изъ трехъ сочиненій, Годвиново, — Lifes of the necromancers, — безспорно самое занимательное по множеству любопытныхъ историческихъ подробностей, собранныхъ съ большимъ тщаніемъ и разборчивостью. Творенію Г. Пузины можно сдѣлать упрекъ, что онъ пренебрегъ исторію предметовъ, которые старается опровергнуть, и тѣмъ лишилъ читателей самой любопытной и наставительной части бесѣды о заблужденіяхъ человѣческаго ума; но съ другой стороны книга его выиграла отъ этого сжатость и быстроту въ разсужденіяхъ, доставляющія много удовольствія въ чтеніи. Она содержитъ въ себѣ много фактовъ, много разнообразія, хотя и мало естественнаго порядка.

Авторъ начинаетъ свой взглядъ на суевѣріе съ кабалистики, которая есть уже ученость суевѣрія, математика человѣческой глупости. Слова *Егова* и *Адонай* играли въ ней первую роль, и Оригенъ, осмѣивая легковѣріе своего вѣка, говоритъ, что, будучи переведены на Греческій языкъ, имена эти теряютъ свою силу, но сказанныя по-Еврейски творятъ чудеса. Скандинавскія руны, которымъ многіе критики приписывали историческую важность, принадлежатъ также къ письменамъ кабалистическимъ.

«Древніе сѣверные народы, замѣчаетъ авторъ весьма кстати по Маллету, имѣли большую вѣру къ рунамъ своимъ. У нихъ были руны *горькія*, то есть, буквы, могущія начертаніемъ своимъ произвесть всякое зло; руны *добрыя*, или

помощницы, отвращали непріятные случаи; руны *побѣдоносныя* доставляли употреблявшимъ ихъ побѣду; руны *врачебныя* исцѣляли отъ болѣзней; наконецъ были руны, способствующія къ избѣжанію кораблекрушенія, къ облегченію родильницъ, къ предохраненію отъ дѣйствія яда, къ смягченію жестокой красавицы, и проч. Въ Шведской провинціи Блекингіи, есть дорога между утесовъ, на которыхъ видны руническія буквы, вырѣзанныя по приказанію Короля Геральда Гильдетанда, жившаго въ VII вѣкѣ.....»

«Волхвы славились при Олегѣ гаданіемъ будущаго; вотъ древнѣйшіе мудрецы наши! Наука ихъ основана была или на обманахъ или на заблужденіяхъ. Народъ, погруженный въ невѣжество, считалъ дѣйствіемъ сверхъестественнаго знанія всякую догадку ума, всякое отмѣнно счастливое предпріятіе; и Кіевляне, удивленные славою и сокровищами, привезенными Олегомъ изъ Константинополя, единогласно назвали его вѣщимъ, то есть, мудрымъ или волхвомъ. Самая смерть его казалась потомству чудесною. Волхвы, такъ говоритъ лѣтописецъ, предсказали Князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года; въ осень пятаго, вспомнилъ Олегъ о предсказаніи, и, слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами, захотѣлъ видѣть его кости, сталъ ногою на черепъ, и сказалъ: Его ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила Князя, и герой скончался. Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуетъ такимъ вымысламъ; и сообщаетъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, говоритъ Карамзинъ, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею, на могилѣ любимаго коня своего; но мнимое пророчество волхвовъ, или кудесниковъ, есть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности.»

Эта, какъ незабвенный исторіографъ называетъ, «народная» басня есть басня иностранная: Шанфари, Арабскій поэтъ и витязь, жившій въ концѣ VI и въ началѣ VII столѣтія, скончался точно такимъ же обра-

зомъ; одинъ изъ Индѣйскихъ богатырей, гораздо древнѣе Шанфарія, испыталъ такую же судьбу. Если есть что-нибудь примѣчательнаго въ этой баснѣ, то конечно не ея древность на Руси, а то, что у нашего лѣтописца вѣроятно былъ сборникъ знаменитѣйшихъ басень всего міра, изъ котораго избиралъ онъ лучшія, чтобъ приписать ихъ ad libitum Русскимъ князьямъ: легенды Скандинавскія, легенды Еврейскія, легенды Греческія, Арабскія и Индѣйскія соединены у него съ недавними для того времени именами Олега, Ольги и Владиміра, и мнѣ что-то не вѣрится, чтобъ онѣ могли лѣтъ въ полтораста или во сто такъ утвердиться въ народѣ, чтобы писатель былъ добродушно обманутъ общею молвою. Я бы скорѣе назвалъ ихъ эрудиціей, ученостью самого лѣтописца: она совершенно въ духѣ его вѣка, и по сіе время въ употребленіи у Восточныхъ историковъ. Русскій народъ, я думаю, ни сколько не виноватъ въ этихъ историческихъ повѣрьяхъ: онъ былъ суевѣренъ, но не такимъ ученымъ образомъ.

«Если бы суевѣріе произраждало одни ужасы, оно вредило бы только умамъ слабымъ: но сколько оно причинило бѣдствія всему человѣчеству! Оно породило ереси, расколы, междоусобія, инквизицію. Оно возжигало вездѣ и во всякое время неугасаемые костры противу свободы мыслей. Оно вдохнуло опустошенія, убійства, преслѣдованія. Оно заставило Карѳагенянъ приносить въ жертву своему божеству Молоху людей, даже собственныхъ дѣтей своихъ. Оно вперило мысль предкамъ нашимъ Славянамъ, на берегу Волхова воздвигнутому Перуну, у подножія его, закалать плѣнныхъ.

«Когда голодъ свирѣпствовалъ въ Суздалѣ, оно, во время Ярослава, заставило суевѣрныхъ гражданъ, приписывавшихъ его злому чародѣйству, безжалостно убивать нѣкоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Имъ ослѣпленные Новгородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на

дворѣ Ярослава въ 1227 году, а Псковитяне во время моровой язвы, въ 1415 году, желая смягчить Небо, сожгли двѣнадцать мнимыхъ вѣдьмъ. Въ 1547 году, послѣ пожара Москвы, духовникъ Царя Іоанна и единомышленники его объявили, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Государь въ удивленіи велѣлъ изслѣдовать дѣло. Бояре спрашивали народъ въ Кремлѣ, кто жегъ Москву, и нѣсколько голосовъ отвѣчали: «Глинскіе! А мать ихъ, Княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила ею всѣ улицы, ѣздя по городу. Вотъ отъ чего мы сгорѣли!» Басню эту выдумали и разгласили заговорщики, а разъяренная чернь совершила дотолѣ неслыханное въ Москвѣ злодѣяніе: мятежники въ Святомъ Храмѣ убили роднаго дядю Государева.....»

«Нашими военными законами строжайше запрещается чародѣйство, которое ни въ лагерѣ и нигдѣ не можетъ быть допущено и терпимо. «И ежели кто изъ воинскихъ людей «найдется идолопоклонникъ, чернокнижецъ, ружья заговорщитель, суевѣрный и богохульный чародѣй, оный, по состоянію дѣла, въ жестокомъ заключеніи въ желѣзахъ, гоненіемъ «шпицрутена, наказанъ или *весьма сожженъ* имѣетъ быть.»

Такъ и въ древнѣйшія времена, у насъ кудесники были наказываемы смертію. Въ царствованіе Великаго Князя Изъяслава, одинъ изъ кудесниковъ явился въ Новгородъ, и торжественно осуждалъ Христіанскую Вѣру, бранилъ Епископа, и хотѣлъ итти пѣшкомъ чрезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ человѣка божественнаго. Ревностный Епископъ Ѳеодоръ облачился въ святительскія ризы, сталъ на площади, и держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ Христіанъ: но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика. Одинъ Князь Глѣбъ и дружина его приложились къ святому кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ къ мнимому чародѣю, и спросилъ, предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день. Волшебникъ отвѣчалъ: Я сдѣлаю великія чудеса. Нѣтъ! сказалъ смѣлый Князь, — и топоромъ разсѣкъ ему голову. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

Около того же времени, когда сдѣлался въ Ростовской области голодъ, два кудесника, жители Ярославля, ходили въ селеніяхъ по Волгѣ, и объявляли, что бабы причиною всего зла. Эти злодѣи, мнимые волхвы, съ шайкою помощниковъ, убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, и дошли наконецъ до Бѣла-озера, гдѣ вельможа Янъ приказалъ поймать ихъ. Чрезъ нѣсколько дней привели къ нему двухъ главнѣйшихъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться, и доказывая мудрость свою, открыли за тайну, между прочими нелѣпостями, что Антихристъ сидитъ въ безднѣ, что они вѣруютъ въ его могущество, и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. — «Но знаете ли собственную вашу участь?» сказалъ Янъ. — Ты представишь насъ Святославу, говорили кудесники: а ежели умертвишь, то будешь несчастливъ. Смѣясь надъ угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу.

«Князь Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти, но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій. Онъ старался просвѣтить Россіянъ, завелъ училища, и приказалъ неволею брать дѣтей въ науку, которыхъ оплакивали жены знаменитыя, какъ мертвыхъ; ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

«Въ 1023 году, когда въ Суздалѣ свирѣпствовалъ голодъ, суевѣрные, приписывая оный опасному чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Ярославъ, наказавъ виновниковъ мятежа, объявилъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей голодомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ жизни долженъ только умолять благость Всевышняго.

Авторъ собралъ въ отечественной Исторіи и посредствомъ наблюденія надъ простымъ народомъ еще много другихъ примѣровъ несчастныхъ слѣдствій суевѣрія, которыя надобно читать въ самомъ сочиненіи. Иностранная его чертовщина не такъ полна, какъ Русская, хотя и къ этой слѣдовало бы кое-что прибавить. Между писателями, которыхъ онъ приводитъ,

мы не видимъ Гигдена; а его Polychronicon доставилъ бы Г. Пузинѣ богатый кладъ очень любопытныхъ и забавныхъ анекдотовъ по части сверхъестественнаго. Но разсужденія автора, хотя часто и согрѣтыя огнемъ краснорѣчія, особенно недостаточны въ томъ отношеніи, что онъ не старался разобрать подвиговъ извѣстнѣйшихъ чародѣевъ и кудесниковъ, и обнаружить, что въ ихъ дѣйствіяхъ принадлежитъ естественной магіи, или физическимъ способамъ, что шарлатанству, и что преувеличенію. Называя все наповалъ плутовствомъ, обманомъ и слабоуміемъ, еще весьма трудно преклонить на свою сторону тѣхъ, которые вѣрятъ сверхъестественному въ естественномъ мірѣ и, по ихъ мнѣнію, имѣютъ тому доказательства. Мы бы очень благодарили автора, если бъ онъ, при сей вѣрной оказіи, представилъ намъ критическую картину чудесъ Герберта, Альберта Великаго, Корнелія Агриппы, Доктора Фауста, Твардовскаго и другихъ славныхъ магиковъ. Оптическіе обманы, или то, что въ среднихъ вѣкахъ называли «трегитуріей,» были, кажется, главнѣйшимъ ихъ средствомъ изумленія современниковъ. Даже высшаго рода открытія участвовали въ ихъ фокусахъ. Гербертъ, бывшій впослѣдствіи папою подъ именемъ Сильвестра II, не только дѣлалъ чрезвычайно любопытные опыты съ оптическими стеклами, но еще, какъ говоритъ Гигденъ, примѣнилъ *пары* къ двиганію органныхъ мѣховъ. Это весьма замѣчательно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ кучѣ нелѣпыхъ сказокъ о чудесахъ магіи таятся многія истины опытной Науки, которая и въ наше время съ пользою могла бы заняться ихъ разсмотрѣніемъ: во всякомъ случаѣ, важныя показанія о состояніи Наукъ въ среднихъ вѣкахъ были бы плодомъ подобнаго предпріятія.

Г. Пузина знаетъ всѣ крючки на діавола. Кто хочетъ вызвать чорта, говоритъ онъ, тотъ долженъ при-

нести въ жертву ему собаку, кошку и курицу, и поклясться ему въ вѣчномъ повиновеніи: онъ тотчасъ получитъ знакъ на лицѣ, и будетъ имѣть трехъ духовъ въ своемъ распоряженіи; не то можетъ произнести слѣдующія магическія слова – Dies, mies, jesquet, benedo, efet, douvema, enitmaus, – и нечистый непремѣнно передъ него предстанетъ. Такъ какъ слова эти не трудны, то авторъ совѣтуетъ попробовать произнести ихъ. Но тутъ еще злой духъ явится подъ какою-нибудь личиною. Чтобъ заставить его показаться въ своемъ естественномъ видѣ, надобно..... Покорно прошу извиненія, но мнѣ кажется, что авторъ здѣсь ошибся: человѣкъ не въ силахъ видѣть чорта въ естественномъ его видѣ! Бароній свидѣтельствуетъ, что одна очень набожная Италіянская дама, которой имени теперь не упомню, потому что давно уже не читаю Баронія, вздумала однажды пожелать увидѣть чорта: онъ показалъ ей только одинъ свой коготь, и она умерла отъ ужаса, сказавъ, что предпочла бъ сто лѣтъ горѣть въ аду, чѣмъ одно мгновеніе видѣть кончикъ его когтя. Такъ какъ же человѣкъ могъ бы вынести видъ цѣлаго чорта in naturalibus?

Авторъ очень справедливо замѣчаетъ, что въ Парижѣ всегда водилось пропасть нечистой силы. Во время Карла IX считалось тамъ 30,000 колдуновъ, которыхъ выгнали всѣхъ изъ города. По-несчастію, и у насъ, въ простомъ народѣ, есть ихъ довольно, обоего пола: почти каждая деревня имѣетъ своего колдуна или колдунью.

«Чернь вѣритъ, что колдунъ по своему произволу можетъ обращаться и обращать другихъ, особливо новобрачныхъ, въ волка, медвѣдя, корову, свинью, кошку, и проч. Простосердечныя деревенскія старушки болѣе всего поддерживаютъ это суевѣріе, разсказывая легковѣрной молодежи, что онѣ за вѣрное слышали о подобныхъ превращеніяхъ отъ

своихъ бабушекъ, или отъ проходящихъ иноземцевъ, плѣнныхъ Поляковъ, Калмыковъ и т. д. Есть между ними и столько безсовѣстныя, что не стыдятся увѣрять внучатъ своихъ, будто-бы сами онѣ видѣли такія превращенія, еще въ молодости своей. Но не у однихъ насъ разсказываются подобныя бредни!

Разсказываютъ! Вольно Г. Пузинѣ называть это разсказами. Исторія подтверждаетъ несомнѣнность этого факта. Одинъ Датскій король былъ убитъ коровою, въ которую превратилась его придворная колдунья. Сожженныя въ Веронѣ, въ 1566 году, вѣдьмы собирались въ развалинѣ подъ видомъ кошекъ; нѣсколько человѣкъ посмѣлѣе попытались ихъ разогнать, напали ночью на ихъ сборище и принялись сѣчь ихъ прутьями, но число кошекъ было такъ велико, что одинъ изъ противниковъ остался на-мѣстѣ, а прочіе ушли исцарапанные: на другой день въ городѣ примѣтили множество бабъ и молодыхъ женщинъ, у которыхъ на лицѣ виднѣлись раны отъ ударовъ прутьями, полученныхъ вчера въ званіи кошекъ, и всѣ онѣ были преданы огню. Титъ Ливій повѣствуетъ о двухъ женщинахъ, Фетузѣ и Анамизіи, которыя были превращены въ мужчинъ. Плиній свидѣтельствуетъ, что Луцій Коссиній, въ первую ночь брака, изъ женщины былъ пожалованъ въ мужчины. Ломбардскій король, Кунибердъ, замышляя умертвить двухъ вельможъ, былъ обезпокоенъ большою черною мухою; онъ схватилъ ножъ, чтобъ убить ее, ударилъ, не попалъ въ туловище, и только отсѣкъ ножку у мухи; она улетѣла,—и черезъ минуту явился къ вельможамъ знакомый имъ колдунъ безъ ноги, и предостерегъ ихъ о намѣреніи короля. Петръ Гандильонъ былъ сожженъ за то, что прикидывался зайцемъ. Все это авторъ очень хорошо знаетъ, однако жъ называетъ баснями! Положимъ, что это еще басни: Титъ Ливій былъ пустой человѣкъ, – онъ выдумалъ Ромула, котораго, го-

ворять, никогда не было на свѣтѣ, такъ же какъ и Рурика; но бывшее въ Испаніи, въ 1788 году, послѣднее ауто-да-фѐ утвердило судебнымъ образомъ достовѣрность подобныхъ превращеній. Все производство этого дѣла напечатано на Испанскомъ языкѣ особою книжкою, съ документами и съ картинками, и тутъ уже никакъ нельзя сомнѣваться. Вотъ оно.

Донна Мархита, молодая и хорошенькая вдова одного Толедскаго студента, оставшись безъ пропитанія по смерти мужа, который добывалъ насущный хлѣбъ помощію своей гитары, предалась чтенію, книгамъ, — словомъ, чернокнижію. Она скоро купила себѣ двухъ куръ, и стала продавать яйца; но продавала ихъ такъ много, что всѣ мигомъ примѣтили содѣйствіе нечистой силы по *сему* дѣлу. Подозрѣнія становились тѣмъ основательнѣе, что донна Мархита, въ молодыхъ лѣтахъ, не хотѣла выйти вторично замужъ; и даже поселилась квартирою въ домѣ, гдѣ нѣкогда жили Жиды. Всѣмъ было извѣстно, что двухъ этихъ куръ держала она только для виду, и что, для производства яицъ, которыми снабжала весь кварталъ, сама превращалась въ курицу; но никто не могъ представить явной улики. И какъ это открылось! Въ одномъ домѣ докторъ прописалъ больному глотать свѣжія яйца, и мальчикъ посланъ былъ ночью искать ихъ по всему городу. Лавки были заперты. Онъ отправился къ донѣ Мархитѣ. Взбираясь въ пятый этажъ по крутой и темной лѣстницѣ, онъ услышалъ въ ея квартирѣ ужасный шумъ и вой, которые вдругъ прекратились, какъ скоро онъ постучался въ двери. Донна Мархита отперла, и ввела его въ комнатку, убранную очень чисто, но обитую съ верху до низу чернымъ сукномъ: по всей вѣроятности, сукно служило здѣсь къ тому, чтобъ черти въ случаѣ нужды скорѣе успѣвали за нимъ попрятаться, хотя она и утверждала, что это

былъ трауръ по возлюбленномъ, безцѣнномъ ея мужѣ, студентѣ, котораго будто-бы забыть она не можетъ. Мальчикъ спросилъ яицъ; она отвѣчала съ гнѣвомъ, что ихъ нѣтъ, что куры не несутъ въ это время года. Мальчикъ сталъ умолять ее со слезами; она согласилась итти поискать на чердакѣ. Засвѣтивъ фонарь, напередъ подошла она къ шкафу, въ которомъ стояло нѣсколько бутылокъ и стклянокъ, и напилась чего-то изъ одной бутылки; потомъ отправилась одна къ своимъ курамъ. То было зимою. Мальчикъ, дрожа отъ холоду, вздумалъ напиться изъ той же бутылки. Напитокъ показался ему очень вкуснымъ виномъ: онъ опорожнилъ бутылку до дна. Черезъ четверть часа, донна Мархита воротилась, и вручила ему десятокъ яицъ: а вѣдь сама сказала прежде, что куры перестали нести! Лишь только мальчикъ ушелъ за двери, опять послышались страшные голоса въ ея жилищѣ. Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ улицей, онъ почувствовалъ ужасную рѣзь въ животѣ. Сначала онъ не обращалъ на то вниманія, но скоро принужденъ былъ остановиться и, къ величайшему своему удивленію, началъ самъ нести куриныя яица посереди мостовой. Онъ снесъ ихъ двѣсти двадцать пять! Пріемъ, видно, былъ слишкомъ сильный. Онъ тотчасъ подобралъ ихъ, и побѣжалъ съ ними къ алькаду. На слѣдующе утро Св. Инквизиція задержала колдунью и ея куръ; всѣ обстоятельства ея чернокнижія и превращеній были приведены въ надлежащую ясность судебнымъ порядкомъ, и донна Мархита была сожжена торжественно въ Толедѣ 15 Мая 1788 года. Въ Испаніи по-сю-пору продаются лубочныя картинки этой церемоніи съ печатнымъ описаніемъ.

Но авторъ, который не вѣритъ въ чертей, можетъ возразить, что это было давно и въ Испаніи. Въ такомъ случаѣ, я приведу ему живой, недавній примѣръ

одного нашего помѣщика, жителя П – ой губерніи, который въ 1821 году самъ разсказывалъ мнѣ свое приключеніе съ чертями. Онъ возвращался ночью съ имянинъ своего сосѣда, предводителя ихъ уѣзда, верхомъ на пѣгой кобылѣ, за которою бѣжалъ рыжій жеребенокъ. Дорога пролегала черезъ большое болото. Хотя разстояніе до дому было небольшое, но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, и конца не видѣлъ дорогѣ. Антонъ Михайловичъ Г*** былъ увѣренъ, что онъ сбился съ пути, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою великолѣпный каменный домъ, освѣщенный со всѣхъ сторонъ. Хотя ему было извѣстно, что на тридцать верстъ кругомъ нѣтъ такого строенія, однако онъ рѣшился взъѣхать на дворъ съ намѣреніемъ испросить себѣ ночлегъ. Слуги въ богатой ливреѣ выбѣжали къ нему на встрѣчу, и онъ узналъ отъ нихъ, что мыза принадлежитъ одному его знакомцу, богатому помѣщику, съ которымъ недавно подружился онъ въ губернскомъ городѣ. Зная, что она лежитъ въ семидесяти верстахъ отъ его села, онъ не постигалъ, какимъ образомъ такъ скоро проѣхалъ это разстояніе; но, маленькій, толстый, боченковатый хозяинъ, выскочившій въ ту самую минуту на крыльцо, принялъ его съ такимъ радушіемъ, съ такимъ восторгомъ, что онъ мигомъ забылъ объ этой невѣроятности. Владѣтель дома приказалъ слугамъ отвести его кобылу съ жеребенкомъ на конюшню, а его самого, привѣтствуя, обнимая, цѣлуя, потащилъ въ комнаты. Здѣсь тоже были имянины: гостей бездна, женщины прекрасныя, музыка, танцы, карты, шампанское, – рай! Хозяинъ представилъ его своей супругѣ, та своимъ дочерямъ, и черезъ нѣсколько минутъ они уже были какъ старые друзья. Дочери посадили его между собою, и, хотя Антонъ Михайловичъ былъ лѣтъ сорока пяти, неуклюжъ, толстъ и съ краснымъ носомъ, такъ стали подлипать къ нему, что онъ совсѣмъ потерялся.

Наконецъ, хозяйка объявила, что онъ долженъ непремѣнно жениться на одной изъ нихъ. Хозяинъ и гости подоспѣли съ шампанскимъ и съ поздравленіями. Антонъ Михайловичъ, которому старшая дочь весьма понравилась, схватилъ рюмку въ руки и, въ восхищеніи, — самъ не зная что-дѣлаетъ, — перекрестился. Въ одно мгновеніе, домъ, хозяева, гости, освѣщеніе, невѣста, — все исчезло, и онъ увидѣлъ себя сидящимъ на огромномъ пнѣ, вышиною саженъ въ шесть, съ черною головѣшкою въ рукѣ, вмѣсто бокала съ искристымъ обручальнымъ напиткомъ. Тамъ просидѣлъ онъ до самаго утра, не смѣя пошевелиться и не видя средства сойти съ такой высоты наземь. Около десяти часовъ, нѣкоторые изъ гостей, пировавшихъ вмѣстѣ съ нимъ у предводителя, возвращаясь въ свои села, подъѣхали къ тому мѣсту. Онъ остановилъ ихъ крикомъ, и тутъ же, съ пня, разсказалъ почтеннымъ своимъ сосѣдямъ ужасное свое приключеніе, — какъ чуть-чуть не женился на чертовкѣ, впрочемъ очень хорошенькой собою! Они пособили ему спуститься на землю. — «Гдѣ жъ ваши лошади, Антонъ Михайловичъ?» — «Ахъ, батюшки, что и говорить о лошадяхъ! Право, не знаю! Ихъ отвели на конюшню!» — Не онѣ ли это? сказалъ кучеръ одного изъ сосѣдей, указывая кнутомъ на сосну подлѣ дороги? — Въ самомъ дѣлѣ, это была пѣгая кобыла Антона Михайловича съ своимъ рыжимъ жеребенкомъ, оба связанные вмѣстѣ хвостами и перевѣшенные черезъ сукъ на самой верхушкѣ высочайшей въ цѣломъ болотѣ сосны! Подлинность этого событія подтвердили мнѣ два почтенные сосѣда несчастнаго Антона Михайловича, помогавшіе ему слѣзать съ пня, и головѣшка, въ которую превратился бокалъ съ шампанскимъ, хранится у него по-сю-пору. Если авторъ «Взгляда на суевѣріе и предразсудки» опровергнетъ мнѣ эту несомнѣнную исторію, то я — дарю ему всѣхъ содержащихся въ ней чер-

тей, для помѣщенія во «Взглядѣ» между предразсудками!

Но пусть же теперь Г. Пузина разскажетъ намъ въ свою очередь пару исторій о чертяхъ или о домовыхъ. Онъ разскажетъ ихъ по-своему, — вѣдь онъ не вѣритъ и въ домовыхъ! — но я люблю разсказъ его.

«Одинъ чрезмѣрно скупой и столько же богатый купецъ, взялъ къ себѣ въ главные прикащики смѣтливаго племянника, полагая имѣть въ немъ усерднѣйшаго слугу и безъ всякой платы: двойной выигрышъ, и для скупаго не шутка! Безвкусный, скудный столъ, которымъ купецъ полвѣка привыкъ довольствоваться, ежедневно приправлялъ онъ для племянника щедрыми совѣтами, — чтобъ сберегалъ его интересы; чтобъ не привыкалъ роскошничать и мотать; чтобъ не имѣлъ ложнаго стыда обманывать должниковъ; чтобъ не считалъ за тяжкій грѣхъ иногда и побожиться кстати, передъ тѣмъ, у кого можно утянуть лишній рублевикъ. «Живя по этимъ правиламъ, я нажилъ и капиталецъ «въ тѣ скудныя времена, когда многіе наши щеголи купчи«ки, отъ лишняго честнаго слова, разорились.» Племянникъ казался понятливымъ; дядя былъ въ восхищеніи. Проходитъ годъ, другой; племяннику худо одѣтому, еще хуже кормленному, надоѣла одна сухая мораль дядюшкина. Ему наскучило уже таскать денежные мѣшки въ кладовую, и тамъ, какъ мертвецовъ погребать ихъ на-вѣкъ. «Грѣхъ зарывать «сокровища въ землю! Деньги любятъ обращеніе въ свѣтѣ «онѣ вторая душа жизни человѣческой» — такъ разсуждалъ молодой племянникъ, и задумалъ освободить ихъ изъ мрачной ихъ могилы. Но какъ достигнуть этого? Дядя всегда самъ запиралъ кладовую и ключъ носилъ на поясѣ, котораго и ночью не снималъ съ себя. Затѣйливый племянникъ прибѣгнулъ къ хитрости. Замѣтивъ въ дядѣ суевѣрную боязнь къ домовымъ, онъ ждалъ только случая. Однажды въ темный вечеръ, за ужиномъ частые перекаты грома и яркій блескъ молніи, освѣщая скудный ужинъ, такой навели страхъ на старика, что онъ, въ смущеніи духа, потерялъ весь апетитъ. Присемъ, нечаянный стукъ объ уголъ дома довер-

шилъ испугъ его. Онъ поспѣшно всталъ изъ за-стола, перекрестился и прощаясь съ племянникомъ, сказалъ со вздохомъ: «Это не къ добру! Видно домовой не на шутку разъигрался» — и съ тѣмъ ушелъ въ свою спальню. Племянникъ рѣшился воспользоваться смущеніемъ дяди. Долго прислушивался онъ у дверей, пока безпокойный старикъ уснулъ первымъ сномъ. Затѣйникъ удаляется къ себѣ, закутываетъ лице мѣховою маскою, обвертываетъ руки овчиною, обувается въ оленьи сапоги, надѣваетъ шубу наизнанку, и подвязываетъ на брюхо подушку. Въ этомъ странномъ нарядѣ, надѣясь исправно сыграть роль чертенка, чтобъ настращать дядю и подѣлиться его деньгами, онъ взялъ въ руки ножикъ, тихо вошелъ въ спальню, и, навалившись на спящаго старика, обшарилъ поясъ, разрѣзалъ его и снялъ ключъ. Скупецъ въ просонѣ испугался, ощупалъ чудовище въ шерсти, принялъ его за домоваго, и, внѣ себя, дрожалъ, стоналъ, обливался холоднымъ потомъ, читалъ шопотомъ молитвы, прощался съ жизнію, и лишь покаялся въ душѣ, что такъ праведно карается за зло, причиненное ближнимъ скупостію, лихвою, обманомъ, какъ вдругъ привидѣніе исчезло. Онъ отъ страха не замѣтилъ ни скрипу дверей, ни шуму уходящаго, и заключилъ, что домовой шутилъ и забавлялся надъ нимъ. Между-тѣмъ племянникъ не зѣвалъ: въ ту же ночь онъ сходилъ въ кладовую, набилъ полную суму деньгами, спряталъ ихъ, и кладовую заперъ по-прежнему. Рано поутру всталъ дядя мрачный и безпокойный; тотчасъ призвалъ къ себѣ племянника, разсказалъ свое приключеніе, описалъ домоваго, — какъ онъ страшенъ, — какой брюхастой, — какой мохнатой, — да какъ его тяжело давилъ, что отъ страха даже поясъ разорвался и ключь отъ кладовой пропалъ! Племянникъ, казалось, дивился этому, и сожалѣлъ о безпокойствѣ дядюшки, а втайнѣ сердечно радовался успѣху своей шутки; потомъ, стряхнувши подушки и одѣяло, поднялъ выроненный изъ руки ключъ и подалъ скупому. Обрадованный находкою сею дядя, легъ отдохнуть и успокоиться, а племянникъ съ деньгами, весело покидая навсегда домъ его и въ немъ брошенный нарядъ домоваго, написалъ записку, чтобъ впередъ

дядя не вѣрилъ домовымъ, и лучше бы содержалъ вѣрныхъ прикащиковъ.»

«Докторъ Фламстедъ, Англійскій Королевскій астрономъ Гринвичской обсерваторіи, былъ отъ природы веселаго нрава: какъ простой народъ обыкновенно думаетъ, что люди его званія знаютъ все и все могутъ угадывать, почитая Астрономію и Астрологію за одну науку, то это было поводомъ къ слѣдующему смѣшному съ нимъ приключенію. Одна бѣдная прачка, у которой ночью покрали много бѣлья, увѣренная въ погибели своей, если присудятъ заплатить за него, пришла къ Фламстеду съ твердою надеждою, что онъ отвратитъ угрожающую ей бѣду. Со слезами молила она его употребить все свое искусство къ отысканію потеряннаго. Докторъ въ то время сидѣлъ за бутылкою вина, и бесѣдовалъ съ пріятелями. Онъ былъ навеселѣ, и сказалъ простодушной женщинѣ, чтобъ она нѣсколько времени подождала его; что онъ скоро узнаетъ, можно ли ему помочь ей; потомъ началъ для забавы чертить нѣкоторые знаки и круги на бумагѣ, и, измаравъ ее всю, передъ глазами прачки, которая смотрѣла на это съ изумленіемъ и съ чувствомъ возраждающейся надежды отыскать потерю; наконецъ съ важнымъ видомъ сказалъ ей: «Ежели ты пойдешь въ такое-«то поле, и станешь искать во рву, на лѣвой сторонѣ, то «вѣрно найдешь бѣлье свое». Докторъ сказалъ то, что ему первое взошло въ голову; но случай сдѣлалъ иначе. Прачка въ самомъ дѣла нашла бѣлье свое въ показанномъ мѣстѣ. Возвратившись къ нему, она благодаритъ его, и въ знакъ признательности даетъ полуефимокъ. Докторъ, изумленный успѣхомъ своего предсказанія, и не будучи уже расположенъ смѣяться, сказалъ ей: «Любезная моя! я самъ не понимаю, какъ «ты могла отыскать свое бѣлье. Я клянусь тебѣ, что вовсе не «зналъ, было ли бѣлье тамъ, гдѣ я указалъ тебѣ, или нѣтъ. «Мое намѣреніе было только пошутить надъ тобою и по-«казать неблагоразуміе твое, съ тѣмъ, чтобъ ты впередъ «не приходила спрашивать у человѣка о томъ, что отъ не-«го скрыто и чего знать ему невозможно; но я вижу, «что самъ сатана захотѣлъ со мною имѣть дѣло, несмотря «на то, что я ни малѣйшаго не имѣю намѣренія съ нимъ

«познакомиться. Такъ, впередъ прошу не приходить ко мнѣ «и никого не присылать.»

Но мы никогда не кончимъ, если все будемъ разсказывать исторіи. Я знаю ихъ довольно; Г. Пузина знаетъ еще больше моего.

Что касается до чорта, то сказать по совѣсти, авторъ несправедливо его преслѣдуетъ: это самое милое и умное существо новѣйшаго міра, — шутъ невидимый, созданный потѣшно и одѣтый самымъ уморительнымъ образомъ, — проказникъ легкій, веселый, затѣйливый, — который передразниваетъ бабъ и мужиковъ, мѣшается во всѣ любовныя дѣла, помогаетъ во всѣхъ хитростяхъ, предостерегаетъ мужей, надоумѣваетъ женъ, запутываетъ хитрецовъ, и самъ обыкновенно вконцѣ запутывается, — который вечеркомъ хохочетъ за кустами, ночью порхаетъ около постелей, крадетъ ключи, щекочетъ дѣвушекъ, шалитъ со страстями, всегда смѣется, никогда не плачетъ, по-временамъ отпускаетъ острыя словца и выкидываетъ самыя замысловатыя штуки, — бойкій грамотѣй, неподражаемый крючекъ, сутяга, энциклопедистъ, подьячій, злой фигляръ и въ особенности большой философъ: его ругаютъ, его мучатъ, обманываютъ бьютъ, ему отрываютъ хвостъ и выкалываютъ глаза, — онъ только уходитъ въ ключевую дирку или сквозь дымящуюся трубу, и черезъ минуту опять возвращается къ вамъ, здоровъ, веселъ, беззаботливъ, съ новою насмѣшкою, съ затѣей еще забавнѣе, съ эпиграммой еще язвительнѣе прежняго. Въ деревнѣ нельзя было бъ жить, пришлось бы умереть со скуки, безъ чорта! Сверхъ-того, онъ преполезный малый: правда, что по случаю его сожгли нѣсколько тысячъ бабъ на свѣтѣ; но теперь уже не сожигаютъ, а между-тѣмъ навѣрное сто милліоновъ дурныхъ и безнравственныхъ помышленій

остаются каждыя сутки безъ исполненія единственно по опасенію костей чорта. Черный народъ безъ чорта былъ бы толпа черныхъ философовъ безъ узды и безъ воображенія. Я совѣтую Г. Пузинѣ примириться съ этимъ честнымъ господиномъ.

Что касается до Критики на его книгу, то я совѣтую читать ее, несмотря на ея слогъ, вездѣ, гдѣ только есть черти, колдуны, колдуньи, чернокнижники, астрологи, альхимики, вампиры, мертвецы, призраки, домовые, лѣшіе, кикиморы, пасіансы, гаданія, видѣнія, сны, предчувствія, суевѣрія и предразсудки. И нельзя кончить рѣчи объ ней лучшею похвалою, какъ представляя читателямъ слѣдующее разсужденіе автора, съ которымъ я вполнѣ согласенъ:

«Всѣ народы имѣли свои національныя слабости и предразсудки, которые, по мѣрѣ образованія, измѣнялись совершенно. Каждая почти нація, въ первую эпоху младенчествующаго просвѣщенія своего, не только чуждалась иностранцевъ и убѣгала всякаго съ ними сношенія, но даже презирала ихъ. Иноземецъ, за два столѣтія, въ глазахъ нашихъ едва казавшійся человѣкомъ, бывъ привлеченъ въ Россію особеннымъ случаемъ или видами коммерческими, считалъ за милость, ежели мы позволяли ему жить между собою и обогащать насъ своими познаніями. Мало-по-малу приглядѣвшись къ ихъ художественной смышлености, мы постепенно дошли до того, что начали уже перенимать не только ихъ познанія, но даже нравы и обычаи; наконецъ страстно полюбили самыя ихъ слабости и пороки. Быстро презрѣніе къ иноземцамъ превратилось въ безусловное уваженіе. Мы видѣли въ каждомъ изъ нихъ своего учителя, наставника; какъ-бы не довѣряя самимъ себѣ, мы ввѣряли имъ воспитаніе дѣтей нашихъ. Все чужеземное казалось намъ прекраснымъ, все свое называли дурнымъ. Этотъ модный національный предразсудокъ до того ослѣплялъ насъ, что Русскіе стыдились даже въ кругу своемъ, говорить прекраснымъ своимъ языкомъ, а нѣкоторые литераторы, изъ

среды лучшаго общества недавно еще не почитали себѣ за порокъ, въ Россіи, писать Исторію великихъ отечественныхъ событій, на языкѣ Французскомъ.

«Наконецъ горизонтъ Россіи озаряется лучами національнаго солнца. Прекрасные плоды безсмертныхъ геніяльныхъ трудовъ Правителей нашихъ и достойныхъ сподвижниковъ ихъ, обработывающихъ родную почву, начинаютъ созрѣвать, и, подъ благотворнымъ вліяніемъ истиннаго просвѣщенія, на прочныхъ началахъ основаннаго, разливаютъ тихій, но благодѣтельный свѣтъ по всей странѣ. Мы не презираемъ иностранцевъ; но ужс и не боготворимъ ихъ; перенявъ отъ нихъ Искусства, мы сравниваемся съ ними и стараемся нравственно превосходить ихъ. Народный характеръ нашъ и физіономія примѣтно образуются. Мы познаемъ настоящую свою цѣну; начинаемъ любить свой языкъ, уважать отечественные таланты, дорожить одной національной своей славою. Ко всему иностранному мы дѣлаемся равнодушными, а все свое хорошее приводитъ душу нашу въ восторгъ и пріятное восхищеніе. Это благородное пристрастіе къ отечественному — источникъ всего изящнаго, великаго, будущаго; это зародышъ чувства святаго, — безпредѣльной любви къ отечеству; это возникающая эпоха истиннаго народнаго просвѣщенія!»

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Джакобо Саннаваръ, *Драматическая Фантазія въ четырехъ актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе* Н. К. *СП.-бургъ, въ тип. Плюшара*, 1834, *въ-8., стр. VI и 120.*

Разсужденіе объ этомъ новомъ твореніи автора «Торквато Тассо» помѣщено въ предъидущемъ отдѣленіи журнала.

Конекъ-горбунокъ, *Русская Сказка. Сочиненіе* П. Ершова. *Въ трехъ частяхъ. СП.-бургъ, въ тип. Гинце*, 1834, *въ-8., стр.* 122.

Читатели наши вѣрно не забыли удовольствія, доставленнаго имъ первою частью этой поэмы, напечатанною въ Б. для Ч. Теперь они могутъ утроить это удовольствіе: всѣ три части ея вышли изъ печати особою книжкою. Дѣло идетъ о поощреніи юнаго и прелестнаго таланта вниманіемъ къ первому залогу будущихъ его успѣховъ: Русской публикѣ не нужно говорить болѣе.

Пѣснопѣнія *Пречистой и Преблагословенной Владычицѣ Богородицѣ и Приснодѣвѣ, Маріи. Москва, въ тип. Семена*, 1834, *въ-8., стр.* 16.

Пѣснопѣнія *Святителю Митрофану, первому Епископу Воронежскому, новоявленному Чудотворцу. Москва, въ тип. Семена*, 1834, *въ-8., стр.* 24.

Тридцатое Августа, 1834 года. *Стихотвореніе* Графа Хвостова. *СП.-бургъ*, 1834, *въ-12., стр.* 7.

Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику, Цесаревичу и Великому Князю, Александру Николаевичу. *Стихотвореніе* С. Стромилова. *Москва, въ тип. Селивановскаго*, 1834, *въ-8., стр.* 8.

Стихотворенія А. Коптсва. *СП.-бургъ, въ тип. Вингебера*, 1834, *въ*-12., *стр.* 127 *и* VIII.

Дѣтскіе Гимны и Стихотворенія, *переведенныя съ Англійскаго, Д-ра Вуастъ*, Еленою Тютчевой. *Москва, въ тип. Семена*, 1834, *въ*-12., *стр.* 81.

Я хотѣлъ что-то сказать о поэтическомъ дарованіи любезной переводчицы, и покраснѣлъ..... Нѣтъ, я не смѣю судить объ ея поэтическомъ дарованіи! Я ужасно робокъ. Но содержаніе дѣтскихъ стихотвореній чрезвычайно мнѣ нравится: оно мило и нерѣдко трогательно. Это будетъ первый отъ меня подарокъ моимъ дѣтямъ, когда у меня будутъ дѣти.

Повѣсти, *изданныя* Александромъ Пушкинымъ, *СП.-бургъ, въ тип. Гинце*, 1834, *въ*-8., *стр.* XIII *и* 246.

Мы не думаемъ, чтобы тѣмъ нарушали права безъименности, если скажемъ, что Повѣсти «изданныя» Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, значитъ — «сочиненныя« самимъ же ихъ издателемъ. Хотя предисловіе и приписываетъ ихъ покойному Бѣлкину, но самъ авторъ, кажется, не совсѣмъ желаетъ остаться безъимяннымъ, когда на оборотѣ обертки тѣ же Повѣсти помѣстилъ въ числѣ твореній пѣвца Кавказскаго плѣнника. Такъ, это — второе изданіе извѣстныхъ «Повѣстей Бѣлкина», сочиненныхъ А. С. Пушкинымъ, и читанныхъ публикою въ прошломъ году съ такимъ удовольствіемъ. Къ нимъ присоединена еще «Пиковая дама», которою авторъ украсилъ нашъ журналъ въ началѣ года. Мнѣніе наше объ этомъ превосходномъ разсказѣ извѣстно читателямъ Б. для Ч.

Похожденіе червонца *и послѣдняя участь его на Макарьевской ярмаркѣ. Москва, въ тип. Селивановскаго*, 1834, *въ*-12., *стр.* 18.

Викторъ Полинской, *Романъ. Сочиненіе* П. Машкова. *СП.-бургъ, въ тип. III. О. К. Внутренней Стражи*, 1834, *въ*-12. Двѣ части, стр. 121 — 124.

Тарасъ, *или Умныхъ учитъ дуракъ. Сатирическая Повѣсть, сочиненіе* Александра Орлова. *Москва въ тип. Лазаревыхъ*, 1834, *въ*-12., *стр.* 28.

Правда Божія, *сочиненіе* Александра Орлова. *Москва, въ тип. Лазаревыхъ*, 1834, *въ*-12., *стр.* 12.

Повѣсти Безумнаго. *Москва, въ тип. Степанова*, 1834, *въ*-12., *стр.* 202.

Не хотите ли, честные господа, поглядѣть на Русскаго, доморощеннаго Бальзака? Онъ здѣсь! онъ у меня въ рукахъ! я поймалъ его! Я покажу вамъ его безденежно, хотя онъ очень любопытенъ и могъ бы сдѣлать мнѣ состояніе, если бъ я захотѣлъ показывать его за деньги.

Котораго Бальзака прежде желаете вы видѣть? Угодно ли Парижскаго? Угодно Московскаго? Вотъ вамъ нашъ Московскій!.... Нѣтъ, вотъ сперва Парижскій.

Должно знать, что Вильфридъ стоитъ ночью передъ Шведскимъ замкомъ, и разсматриваетъ свѣтъ огней, мерцающій въ окнахъ, и что это называется Etude philosophique:

«Qu'ai-je donc vu? se demandait-il. Non, ce n'est pas une simple créa«ture, mais *toute une création*. De ce *monde, entrevu* à travers des voi«les et des nuages, il me *reste des retentissemens, semblables aux sou«venirs* d' une douleur dissipée, ou pareils aux *éblouissemens causés par «ces rêves*, dans lesquels nous *entendons le gémissement des générations «passées*, qui se mêle *aux voix harmonieuses des sphères élevées, où tout «est lumière et amour.*»

Вотъ Бальзакъ Парижскій. Всмотритесь въ него хорошенько: онъ весь тутъ, весь въ этомъ періодѣ. Что жъ вы видите? Глупость? «Нѣтъ, это не простая глупость, а цѣлый «міръ глупостей. Изъ этого міра, подсмотрѣннаго сквозь за«навѣсы и облака, остаются вамъ только раскаты, похожіе «на воспоминанія разсѣянной скорби, или подобные обморо«камъ, причиненнымъ тѣми сновидѣніями.....» Но вы и сами переведете себѣ этотъ періодъ! Переводите жъ, подбирайте логическое значеніе, думайте,—думайте, изъ всей силы, ищите смыслу міромъ, — а когда его найдете, то и сами будете умны, и мнѣ скажете, о чемъ здѣсь говорится. Между-тѣмъ я покажу вамъ нашего доморощеннаго Бальзака. Поглядите!

«Мазурка огласила высокіе своды. *Шелестъ ногъ раздался вѣстникомъ тишины* и порядка. *Говоръ стульевъ* пробудилъ *усыпленіе и дѣятельность.* — Быстрый *взоръ его* (Американца) молніею *сверкалъ по лицамъ* присутствующихъ, но разожженный *бунтующимъ пламенемъ* своевольной *мысли*, онъ блестѣлъ какимъ-то *упоительнымъ*

лучемъ мечтательности.—Занесенному *бурею обстоятельствъ* на край просвѣщенной Европы, смутно представляется ему вѣра отцевъ его, смутно рисуются воображенію священные ихъ *обряды, имѣющіе предметомъ источникъ жизни и свѣта.* — Мирныя его *селенія выплываютъ* воображенію изъ *сумерекъ* прошедшаго. — Тамъ, подъ наклономъ стройныхъ пальмъ и банановъ, привыкъ онъ думать о народахъ — *первообразахъ созданія.* — Тамъ хотѣлъ онъ заглушить порывы первыхъ впечатлѣній, *дивныхъ* и благородныхъ, *какъ молитва.* — (Онъ увидалъ Елену, и), *какъ изваяніе,* приковался къ этимъ очамъ, и только изрѣдка *какіе-то* болѣзненные стоны или *раздирающіе вздохи* вырывались *изъ устъ* его. — Часы длились для него годами *безконечнаго.* — Все кругомъ ходило въ его глазахъ; мутно въ нихъ было *какъ въ водоворотѣ океана; еще мутнѣе* было въ душѣ. — Онъ хотѣлъ бы *изорвать* всѣхъ, *все твореніе* (т. е., toute une création), чтобъ *залить бунтующій огонь души.* — Кровь, *какъ лава,* кипѣла въ его жилахъ; судорожныя движенія ревности, злобы, отчаянія, неукротимаго бѣшенства, *адскимъ холодомъ* пробѣгали по его членамъ. — *Разговоръ* гостиныхъ, эта *вѣчно-возрастающая гидра,* между-тѣмъ *улиткою* кружился и переливался изъ предмета въ предметъ. — Но *пламя, неукротимое* пламя, *кипѣло* въ груди юноши. — *Въ ней свирѣпствовала буря.* — Помните ли, Елена, эту тѣсную комнатку? Я могъ васъ видѣть свободно! чувствовать блаженство сообщества!.. ощущать *нѣгу дыханія!....* Потомъ, на подоблачныхъ высотахъ Альпъ, *опоясанный громами* и бурями, ярящимися *подъ ногами моими.....*»

Ну, прямой Бальзакъ! Въ самомъ дѣлѣ, это прелестно. Мы восхищаемся всѣми этими фразами въ Парижскомъ Бальзакѣ: почему жъ бы онѣ не чаровали насъ въ нашемъ собственномъ, родномъ, Московскомъ? Сколько здѣсь огня! сколько бурь въ груди и подъ ногами! сколько созданія, творенія, любви, лавы, нѣги, безконечнаго, неукротимости, пламени! Авторъ, изъ неумѣстной скромности, напрасно такъ обидѣлъ свой безподобный талантъ, назвавшись *Безумнымъ.* При такихъ дарованіяхъ, надо имѣть немножко благородной гордости.

Собственно, мы бы не должны были говорить объ этомъ сочиненіи ни слова, но, во-первыхъ, этотъ слогъ чрезвычайно любопытенъ, а во-вторыхъ, есть иногда вещи ниже молчанія. Авторъ понимаетъ, что мы говоримъ о содержаніи первой его Повѣсти и о вдовахъ порока: читателямъ нашимъ совѣтуемъ не понимать этого. Г. Безумный прямой Бальзакъ не только по слогу, но даже по своимъ предметамъ и по своей Философіи!

Кто пишетъ такія Повѣсти, какова «Любовь и долгъ,» тотъ можетъ быть увѣренъ, что, ежели ее прочитаютъ первую, остальныхъ уже читать не станутъ. Мы объявляемъ Г. Безумному, что даже не хотимъ знать, сколько еще остается подобныхъ красотъ въ этой первой части его творенія, и что онъ, поймавъ насъ своею первою Повѣстью, пріобрѣлъ полное право впредь никогда не быть читаннымъ нами. Если бъ изо всего не было видно, что авторъ — молодой человѣкъ, и что самъ онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ юношей, въ груди которыхъ свирѣпствуютъ бури и которые еще подпоясываются громами, мы даже не приняли бъ на себя труда дать ему почувствовать отвращеніе, порожденное въ насъ такимъ злоупотребленіемъ чувства и дарованія, которыя конечно заслуживаютъ лучшаго употребленія.

Интерессантъ, *или Вотъ тебѣ и проценты! Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Г. Свѣшникова. Москва, въ тип. Пономарева*, 1834, *въ*-8., *стр.* 64.

Черный день Трещеткиной, *Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ*, А. Соболева. *СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи*, 1834, *въ*-8., *стр.* 180.

Образецъ постоянной любви, *Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ Французскаго языка, изъ театра Скриба.* А. П. *Москва въ тип. Лазаревыхъ*, 1834, *въ*-12., *стр.* 64.

Стряпчій подъ столомъ, *Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенный съ Французскаго* Дмитріемъ Ленскимъ. *Москвѣ, въ тип. Селивановскаго*, 1834, *въ*-8., *стр.* 95.

Ахъ, если бъ Водевили были безъ куплетовъ, какъ бы тогда Г. Ленскій хорошо переводилъ ихъ! Правописаніе въ Водевиляхъ еще не есть необходимость, но куплеты..... Я совѣтую Г. Ленскому писать Водевили безъ куплетовъ.

Графиня поселянка, *или Медовой мѣсяцъ, Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Гг. Скриба, Мельвилля и Кармуша, переведенная съ Французскаго И. М. Т. актеромъ*, К. Барановымъ. *Москва*, 1834, *въ*-12., *стр.* 130.

Эта миленькая пьеса новѣйшаго Французскаго репертуара не только переведена, какъ то сказано на заглавной страницѣ, но еще, какъ говорится въ нашей драматургіи, «передѣлана на Русскіе нравы». Это особенное искусство, для котораго нуженъ умъ очень оригинальный. Наперекъ Баронессу де Сюрвиль превращаете вы въ *Баронщу Владимірскую*, а управителя Дюпона или Дюфура — напримѣръ, въ Куликова. Баронша и Куликовъ идутъ очень хорошо другъ съ другомъ. Половина иностраннаго цвѣта уже исчезла посредствомъ этой легкой поправки. Но этого не довольно: остаются еще иностранные нравы, которые тоже надо исправить. Вы исправляете чужіе нравы, переделагая ихъ на свои собственные: это самый вѣрный способъ совершенствованія нравственныхъ понятій. Карета съ путешественниками опрокинулась близъ замка; мусье Дюфуръ кричитъ Французскимъ крестьянамъ —« Живѣе, ребята, живѣе! Бѣгите имъ на помощь! Пятьдесятъ франковъ тому, кто первый явится на мѣстѣ!» Какъ же исправите вы эти нравы? какъ переложите ихъ на свои? Очень простымъ образомъ: Куликовъ является на сцену и, расчитавъ, что франки не въ нашихъ правахъ, что спасеніе погибающихъ не можетъ быть вознаграждаемо деньгами, что это совсѣмъ неблагородно, кричитъ — «Живѣе, ребята, живѣе! Бѣгите имъ на помощь! Пятьдесятъ палокъ тому, кто первый не явится на мѣстѣ!» И переводчикъ увѣряетъ, въ скобкахъ, курсивными, что послѣ этого *крестьяне бѣгутъ, перегоняя другъ друга.* Вотъ, что въ нашей драматургіи называется «передѣлываніемъ на Русскіе нравы!» Для этого нужно особенное искусство.

1. Пальмовый листъ. *Собраніе Восточныхъ Повѣстей и Сказокъ, перевелъ съ Французскаго* Ѳедоръ Бобровскій. *Съ картинками. Москва, въ тип. Университетской,* 1834, *въ*-12., *стр.* 144.

2. Дѣтскій разсказщикъ, *или Собраніе Повѣстей изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ, какъ-то: Бланшарда, Беркена, Бертрана, Г-жи Зонтагъ и многихъ другихъ. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Пономарева,* 1834, *въ*-24., *стр.* 101.

3. Блестящій червякъ, *нравоучительная Повѣсть для дѣтей, сочиненная Анною Зонтагъ, издательницею* «Повѣстей для дѣтей перваго и втораго возрастовъ». *Переводъ съ Французскаго.* М. Г. *Москва, въ тип. Пономарева,* 1834, *въ-24.. стр.* 56.

Мы всегда съ удовольствіемъ препоручаемъ вниманію родителей сочиненія, могущія доставить малолѣтному ихъ потомству пріятное и полезное занятіе. Три книжки, которыхъ привели мы здѣсь заглавія, могутъ быть смѣло употреблены ими для этой цѣли, особенно первая, которая даже переведена хорошо. При двухъ послѣднихъ находятся тоже картинки: онѣ литографированныя и, во второй, довольно изрядныя.

Малороссійскія присказки. Е. Гребенки. *СП.-бургъ, въ тип. Греча,* 1834, *въ-8., стр.* 57.

Краткія Записки, *содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и Словесности, издаваемыя* отъ Россійской Императорской Академіи. *СП.-бургъ, въ тип. Р. Академіи,* 1834, *въ-8., стр.* IV *и* 90.

Это первая книжка безсрочнаго повременнаго изданія, предпринимаемаго Россійскою Академіею. Какъ цѣль «Краткихъ Записокъ», изложенная въ предисловіи, нѣсколько различна съ содержаніемъ книжки, которую имѣемъ мы передъ глазами, то, чтобы дать понятіе о существѣ этого новаго на пользу Русскаго языка предпріятія почтеннаго ученаго сословія, считаемъ нужнымъ выписать здѣсь «Предувѣдомленіе.»

«Записки сіи не съ тою цѣлію издаются, чтобъ быть полными и послѣдственными въ языкѣ и Словесности наставленіями, каковы суть: Риторики, Грамматики, Словари, и проч; но съ тѣмъ, чтобъ въ сихъ важныхъ сочиненіяхъ быть помощію тому, кто ихъ предприметъ. Онъ въ разныхъ отрывкахъ сихъ записокъ найдетъ многія замѣчанія, коими можетъ воспользоваться, и которыя послужатъ ему къ обученію его труда: такъ напримѣръ, сочиняющій Риторику, или иное какое о краснорѣчіи разсужденіе, найдетъ въ нихъ выписанные изъ книгъ хорошіе примѣры, собранные и готовые для употребленія тѣхъ изъ нихъ, которые ему понадобятся. — Сочиняющій всякую другую учебную или неучебную книгу тожъ найдетъ собранные отвсюду примѣры свойственныхъ и несвойственныхъ языку выраженій, изъ коихъ первыми, когда хочетъ писать по-Русски, наставлять себя, а отъ другихъ избѣ

гать должень. — Писатель Грамматики можетъ также найти многія касающіяся до сей науки замѣчанія. — Пристрастившійся къ употребленію иностранныхъ словъ увидитъ, что многимъ изъ нихъ есть соотвѣтствующія Русскія слова, и что одинъ только навыкъ, а не здравый разумъ, побуждаетъ его чужія предпочитать своимъ столько же или еще больше знаменательнымъ. — Забвенію старыхъ и выдумыванію новыхъ словъ приложится разборъ, довольно ли, и къ пользѣ ли языка, однѣ изъ нихъ оставлены, а другія вводятся. Словопроизводство, толь нужное для основательнаго познанія не только своего, но и всѣхъ другихъ языковъ; словопроизводство, отгоняющее отъ очей нашихъ мракъ, въ какомъ сокрываются дѣйствія составлявшаго языки ума человѣческаго; сіе, мало извѣстное, и необходимо потребное для насъ просвѣщеніе, получитъ въ помѣщаемыхъ здѣсь словахъ опыты истолкованія оныхъ, и подастъ поводъ къ дальнѣйшимъ въ томъ упражненіямъ. — Всѣ подобныя симъ замѣчанія, хотя отрывками и безъ послѣдственнаго порядка собранныя, могутъ быть полезными напоминаніями тому, кто разсуждаетъ и любитъ не одному самолюбію своему вѣрить, но вникать и выслушивать силу доводовъ, хотя бы они были и противъ его понятія. Станется, что не вездѣ въ запискахъ сихъ съ новѣйшими писателями встрѣтится согласіе, но да не прогнѣваются они, когда навыкъ ихъ не предпочтется яснымъ доказательствамъ и здравому разсудку.»

Эта первая книжка «Краткихъ Записокъ» состоитъ изъ двухъ длинныхъ переводныхъ статей, относящихся къ Французской Словесности, и вся направлена противъ романтизма. «Два письма о романтической Словесности», взятыя изъ сочиненій Г-на Же (Jay), слѣдуютъ за «Предувѣдомленіемъ»; потомъ — «Вечеринка Романтиковъ», или возложеніе вѣнца на Ронсаровъ бюстъ; подъ нею подпись: «Конецъ первой книжки».

Ученыя Записки *Императорскаго Казанскаго Университета. Казань*, 1834, *въ*-8., *стр.* 164.

Также первая книжка новаго повременнаго изданія. «Ученыя Записки» замѣнятъ прежній «Казанскій Вѣстникъ», и будутъ составляться изъ однихъ *подлинныхъ* сочиненій. Въ этой первой книжкѣ заключаются, по части Наукъ, диссертація Г. профессора Лобачевскаго «О пониженіи степени двучленнаго уравненія, когда показатель безъ единицы дѣлится на 8», и часть прекрасныхъ трудовъ Г. профессора Симонова по опредѣленію географическаго положенія разныхъ мѣстъ восточной Россіи. Въ отдѣленіи Словесности, нашли мы очень любопытную для оріенталистовъ

записку Г. Ковалевскаго о содерженіи Монгольской рукописи подъ названіемъ «Море притчъ», которое собственно входитъ въ составъ Ганджура. Мы приведемъ отчетъ автора объ одной притчѣ, для показанія читателямъ, какія иллюминаціи бываютъ въ Далай-Ламской вѣрѣ.

«*О Кганашанибали, могущественномъ и милосердомъ Царѣ, который для блага подданныхъ своихъ рѣшился всѣмъ пожертвовать за ученіе святыхъ.* Лю-Дважда, браминъ, прибывъ во дворецъ его предложилъ свои услуги въ семъ дѣлѣ, съ условіемъ, чтобы Царь дозволилъ вонзить въ тѣло тысячу свѣчъ и зажечь ихъ. Царь охотно соглашается, но подданные заклинаютъ его любовью къ нимъ не подвергать жизни столь великой опасности. Просьба ихъ тщетна. Свѣчи воткнуты въ тѣло и зажжены; браминъ, по желанію Царя, научаетъ что *все приобрѣтенное имущество со временемъ истощится; всякая высота низринется; все любимое будетъ отлучено; все что родится, должно неминуемо умереть.* Послѣ сихъ словъ Царь съ радостью произноситъ, что онъ ищетъ ученія единственно для пріобрѣтенія достоинства Будды, дабы всѣ одушевленныя существа просвѣтить свѣтомъ премудрости. Лишь окончилъ сіи слова, потряслось небо, земля и святыя обиталища Тегріевъ, которые, ниспустившись во вселенную и узрѣвъ разрушенною всю плоть Царя, пролили слезы. Наконецъ Хормуста, владыка 33-хъ Тегріевъ, прибылъ спросить у страдальца, не раскаивается ли онъ въ своемъ поступкѣ при толикихъ мученіяхъ. Ни мало! возразилъ Царь, — и въ одно мгновеніе тѣло его исцѣлилось. Въ лицѣ Царя находился тогда самъ Сакямуни.»

Мы не смѣемъ приписать той же степени любопытности или ученой важности длинному разсужденію Г. Булыгина о происхожденіи слова *князь*. Подобныя диссертаціи, въ которыхъ olaeum et opus обыкновенно бываютъ потеряны, доказываютъ только необходимость соединенія весьма разнородныхъ лингвистическихъ свѣдѣній въ разсуждающемъ. Авторъ силится вывести слово *князь* отъ Славянскаго корня *конъ*, и никакъ не соглашается, чтобы оно происходило отъ Германскаго титула konung, или koenig. Какъ трудно судить о настоящемъ происхожденіи словъ, не обнявъ памятью множества языковъ, авторъ имѣетъ примѣръ тому въ производствѣ своемъ слова *краль*, или король, которое выводитъ онъ отъ «стараго Славянскаго корня — *кара*,» по образцу слова *враль* и ему подобныхъ. То, что онъ почитаетъ старымъ Славянскимъ корнемъ, есть просто старое Нѣ-

мецкое слово kar или karr,» штрафъ, пеня,» которое находится во всѣхъ этимологическихъ лексиконахъ.

Самоучитель, *или Новѣйшая и полная Россійская Азбука, составленная по новѣйшей, нынѣ употребительной методѣ, съ новыми облегченіями къ изученію чтенія,* Александромъ Кузнецовымъ, *и проч. Второе исправленное и дополненное изданіе. Съ картинками. Москва, въ тип. Лазаревыхъ,* 1834, *въ-8., стр.* 154.

Французская Грамматика, *содержащая въ себѣ произведеніе, сочиненіе и правописаніе словъ, сочиненная профессоромъ Ломондомъ, исправленная и дополненная профессоромъ Летелье. Переводъ съ сороковаго изданія. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ 8.* Три части, стр. 132 – 124 – 31.

Самое заглавіе этой Грамматики говоритъ все, что можетъ быть сказано въ ея похвалу. Мы прибавимъ только, что она издана на двухъ языкахъ, Французскомъ и Русскомъ, текстъ и переводъ въ двухъ паралельныхъ столбцахъ, и что переводчикъ еще присоединилъ разговоры и небольшую христоматію Русско-Французскую.

Общій Церковно-Славяно-Россійскій Словарь, *или Собраніе реченій какъ отечественныхъ, такъ иностранныхъ, въ Церковнославянскомъ и Россійскомъ нарѣчіяхъ употребляемыхъ, и проч., по порученію Комитета Устройства Учебныхъ Заведеній составленное* П. С***, *съ присовокупленіемъ таблицъ склоненій и спряженій, заимствованныхъ изъ Грамматики Г. Востокова, введенной въ употребленіе въ нижнихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. СП.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1834, въ-8.* Двѣ части, стр. V, 1692 и 14 – 1778 и 14.

Съ благоговѣніемъ преклоняемъ колѣни передъ колоссальнымъ терпѣніемъ Г-на П. С***, осуществленнымъ этими двумя огромными томами мелкой печати! Какъ трудъ одного человѣка, и притомъ трудъ на поприщѣ, не украшенномъ ни какими памятниками, нерасчищенномъ, почти пустомъ, словарь, о которомъ мы извѣщаемъ, достоинъ и удивленія

и благодарности. Авторъ очень справедливо избралъ себѣ эпиграфомъ стихъ Эннія:

Alii alio plus invenire possunt; nemo omnia.

Другіе сдѣлаютъ болѣе! Это только начало, первое ядро полнаго Русскаго лексикона: когда, постепенно обработываясь и усовершаясь, достигнетъ онъ десятаго или пятнадцатаго изданія, тогда и мы будемъ имѣть своего Буаста. Многіе недостатки могутъ быть отысканы въ трудѣ Г-на П. С***, — тѣми, кто ихъ ищетъ, — какъ въ опредѣленіяхъ значеній, такъ и полнотѣ и логической постепенности ихъ списковъ; даже въ разныхъ мѣстахъ правильность, современность и изящность языка автора можетъ подлежать сомнѣнію; но онъ въ правѣ отвѣчать критикамъ, что еще никто на свѣтѣ не сдѣлалъ словаря, достаточнаго и совершеннаго, и тѣмъ менѣе никто не создалъ его тамъ, гдѣ дотолѣ почти ничего не было въ этомъ родѣ. Для чистыхъ, тонкихъ и прочныхъ работъ лексикографическихъ нуженъ лексикографическій архивъ, который составляется изъ трудовъ цѣлыхъ столѣтій по части языка. Этого у насъ нѣтъ, и Критика, разсматривая трудъ Г-на П. С***, должна соразмѣрять свои сужденія съ пользою этого труда въ настоящемъ положеніи отечественной Филологіи, и съ недостаткомъ, который онъ пополняетъ на первый случай. Уваженіе къ безпримѣрному у насъ трудолюбію, снисходительность и благодарность!

Исторія Донскаго Войска, *Описаніе Донской Земли и Кавказскихъ минеральныхъ водъ.* Владиміра Броневскаго, *СП.-бургъ, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ*, 1854, *въ*-8.. Три части — VIII—*и* 311—210—214.

Наконецъ земля Донскихъ героевъ имѣетъ своего исторіографа. Г. Броневскій овладѣлъ этимъ богатымъ и любопытнымъ для всей Россіи предметомъ, и подарилъ Русскую Литературу сочиненіемъ, важнымъ по своему содержанію, и съ которымъ познакомимъ мы нашихъ читателей въ непродолжительномъ времени.

Описаніе *древнихъ Русскихъ монетъ. Москва, въ тип. Селивановскаго*, 1854, *въ*-8., *стр. X и 224.* Съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ и 27 нумизматическими таблицами.

Въ Москвѣ часто появляются такія книги, которыя создаются только въ настоящихъ ученыхъ атмосферахъ. Въ прошломъ году, «Поѣздка къ Ледовитому Морю,» Г. Бѣлявскаго, весьма пріятно изумила насъ посреди толпы книгъ, грубо и неискусно обдѣланныхъ, хотя нерѣдко и важныхъ по содержанію: авторъ ея показался намъ знакомымъ съ понятіями, требованіями и авторскими обычаями свѣта ученаго и образованнаго. Недавно, «Памятники XVII вѣка,» изданные Г. Мухановымъ, доставили намъ новое удовольствіе своей Европейской формою. Нынѣ мы имѣемъ случай возвѣстить о новой книгѣ, также заслуживающей полную похвалу въ этомъ отношеніи, кромѣ справедливости, которую должно отдать особо важности ея для Историческихъ Наукъ. Г-нъ А. Ч., — мы находимъ эту фирму внизу предисловія, — взялъ за образецъ для своего труда описанія Восточныхъ монетъ Г. академика Френа: не возможно было избрать себѣ образецъ лучшій и точнѣйшій, ни удачнѣе подражать избранному. Судя по предисловію, Г-нъ А. Ч. описалъ въ этомъ сочиненіи собственное свое собраніе древнихъ Русскихъ монетъ: тѣмъ похвальнѣе для Г-на А. Ч! тѣмъ хуже для нашихъ офиціяльныхъ антикваріевъ! Простому любителю обязаны мы первою, истинно отлично выполненною книгою на Русскомъ языкѣ объ отечественной Нумизматикѣ, тогда какъ богатыя этого рода собранія публичныхъ заведеній остаются неизданными. Г-нъ А. Ч. нарисовалъ очень чисто и объяснилъ большею частью очень удовлетворительно около 450 нумизматическихъ экземпляровъ, начиная съ кожаныхъ денегъ до монетъ 1456 года, раздѣливъ ихъ на чеканы — I, Великаго Княжества Московскаго; II, Великаго Княжества Тверскаго; III, Великаго Княжества Рязанскаго; IV, Князей Удѣльныхъ; V, Новгородскія и Псковскія, и VI, неопредѣленныя. Къ нумизматическому ихъ описанію присоединены историческія примѣчанія, родословныя нѣкоторыхъ Князей, вѣсовая таблица и азбучный аналитическій реестръ. Все сдѣлано такъ, какъ слѣдовало быть сдѣланнымъ. Мы увѣрены, что любители Русской Исторіи и въ особенности собиратели старинныхъ монетъ поспѣшатъ пріобрѣсти себѣ это важное сочиненіе, могущее имъ служить очень хорошимъ руководствомъ и пособіемъ въ археологическихъ изысканіяхъ.

Краткая Географія. *Книжка первая. Физическое обозрѣніе Глобуса, Москва, въ тип. Университетской*, 1834, *въ*--8., *стр.* 180.

Г. Гастевъ возъимѣлъ очень счастливую мысль составить курсъ Географіи, раздѣленный такъ, какъ ся преподаваніе раздѣлено въ нашихъ училищахъ, чтобы каждый классъ снабженъ былъ особою книжкою, особымъ и ему только служащимъ руководствомъ. Эта метода весьма благопріятствуетъ развитію классныхъ предметовъ. За первою книжкою, вообще очень хорошо приспособленною къ своему назначенію, скоро должны послѣдовать другія.

Магазинъ познаній, *или Собраніе изъ многихъ отечественныхъ и иностранныхъ, въ разныя времена изданныхъ, сочиненій, объ открытіяхъ по экономической части, Механикѣ, Физикѣ, Земледѣлію и разнымъ другимъ предметамъ. Москва, въ тип. Университетской*, 1834, *въ*-12. Четыре части въ одной книжкѣ, *стр.* 83 – 76 – 69 – 69.

Описаніе Металлографіи, *или вновь изобрѣтеннаго способа печатать всякаго рода металлическими досками (какъ-то, мѣдными, цинковыми, желѣзными и ц. п.) различные рисунки, и рукописи, не гравируя на сихъ доскахъ рѣзцомъ или крѣпкою водкою, а просто написавъ на тихъ желаемое обыкновеннымъ перомъ и нѣкотораго рода тушью; также переводить написанное съ бумаги, и притомъ снимать до 3000 оттисковъ и болѣе. Сочиненіе* В. Окергіескела. *Съ приложеніемъ* (металлографированнаго) *рисунка. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера*, 1834, *въ*-8., *стр.* 11.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Мы уже извѣстили нашихъ читателей, посредствомъ особаго прибавленія къ предъидущей книжкѣ Б. для Ч., о важномъ для Литературы и народнаго просвѣщенія предпріятіи А. А. Плюшара, который рѣшился, во что бы то

ни стало, подарить насъ Энциклопедическимъ Лексикономъ въ двадцати четырехъ томахъ мелкой печати, и который сдержитъ свое слово, — во что бы то ни стало! Самая мысль объ этомъ огромномъ литературномъ подвигѣ на Руси наполняетъ насъ восторгомъ: нельзя не удивляться быстротѣ, съ какою просвѣщеніе движется въ нашемъ отечествѣ, нельзя не быть проникнутымъ благодарностью къ попечительной и мудрой Власти, которая споспѣшествуетъ почти волшебнымъ его успѣхамъ, и дастъ имъ благое направленіе. Для тѣхъ, которые желали бъ просвѣтить Россію по своимъ понятіямъ или по какой-нибудь Французской книгѣ, успѣхи эти могутъ быть непримѣтны; но надобно быть пораженнымъ нравственною слѣпотою, чтобъ не видѣть того, что способно не только пролить въ сердце живѣйшую отраду, но даже заставить насъ гордиться своей страною. Кто бы могъ подумать въ 1824 году, когда вся наша Словесность заключалась въ альманахахъ, о возможности существованія у насъ лѣтъ чрезъ десять такого журнала, какъ напримѣръ Библіотека для Чтенія, котораго однѣ издержки изданія простираются до 250,000 рублей, и который для перваго года своей жизни требовалъ содѣйствія не менѣе 5,000 подписчиковъ! Въ прошломъ году еще многіе тому не вѣрили, и громко предсказывали разореніе издателю. Какому частному человѣку, лѣтъ десять тому назадъ, когда всякая книга, немножко потолще или поважнѣе, принуждена была прибѣгать къ щедротамъ Правительства, чтобъ на его деньги увидѣть бѣлый свѣтъ, — какому частному человѣку пришло бы тогда въ голову основать на своемъ имѣніи судьбу сочиненія, долженствующаго, подобно Энциклопедическому Лексикону, занять двѣсти человѣкъ Ученыхъ и литераторовъ, имѣющаго стоить около милліона, и требующаго для вознагражденія своихъ издержекъ до 6,000 подписчиковъ, не говоря уже о возмездіи за безчисленные труды и хлопоты устройства и исполненія дѣла! Это факты, и факты утѣшительные. Сравненіе числа платящихъ читателей въ 1824 году съ числомъ ихъ въ 1834 одно можетъ дать вѣрную выкладку успѣховъ нашего просвѣщенія, котораго масса поэтому, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, явно увеличилась въ четверо, если не болѣе.

Библіотека для Чтенія удостовѣрила А. А. Плюшара въ возможности привести въ дѣйствіе это колоссальное для частнаго человѣка предпріятіе, а мы ручаемся ему въ томъ, что Русская публика въ полной мѣрѣ поймстъ и оцѣнитъ благородную довѣренность къ ея патріотизму и не оставитъ его въ убыткѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ относится къ нашему патріотизму. Не зная программы Энциклопедическаго Лексикона и его условій, мы ошибочно заключили въ извѣстіи, сообщенномъ нами въ прошломъ мѣсяцѣ, что Нѣмецкій *Конверсаціонсъ - Лексиконъ* будетъ служить ему образцомъ и основаніемъ. Это, напротивъ, будетъ твореніе совершенно Русское, національное, составленное въ Россіи, Русскими и для Русскихъ, въ духѣ нашего политическаго быта и въ формахъ нашего образованія, и почти вдвое обширнѣе Нѣмецкаго Лексикона, который только доставитъ ему все хорошее и полезное, въ немъ заключающееся, наравнѣ съ подобными же Лексиконами, издающимися въ Англіи и во Франціи; твореніе, котораго главное достоинство—въ огромной массѣ оригинальныхъ статей обо всемъ касающемся до Россіи, до насъ, до нашихъ умственныхъ и вещественныхъ потребностей. Всякой изъ насъ, кто только въ состояніи отдѣлить 30 рублей въ годъ отъ своихъ расходовъ, долженъ пожертвовать ими на поддержаніе этого общеполезнаго и истинно народнаго предпріятія литературнаго. Мы совершенно согласны съ Г. Плюшаромъ, что подобное сочиненіе сильно содѣйствовало бы распространенію въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія *положительнаго*, которое, послѣ религіознаго просвѣщенія, считаемъ мы за первое и единое существенное; что оно должно быть подъ рукою у каждаго умѣющаго читать, и что мы теперь находимся именно на той точкѣ нашей постепенной образованности, гдѣ оно дѣлается книгою первѣйшей потребности. Но, сверхъ пользы, тутъ еще и честь Русскаго имени должна нѣсколько воспламенить насъ къ содѣйствію Г. Плюшару: въ эту самую минуту издаются во Франціи и въ Англіи подобные нашему Лексиконы полезныхъ и необходимыхъ свѣдѣній; все, что только шарлатанство можетъ придумать благовиднаго, употребляется ихъ издателями для обнадеженія ихъ

успѣховъ; вся Европа, и Россія въ особенности, дважды въ годъ бываетъ закидана ихъ программами, въ которыхъ заключаются самыя лестныя обѣщанія и самые краснорѣчивые призывы къ нашимъ карманамъ. Отвергнемъ эти льстивыя приманки! докажемъ иностранцамъ, что мы, безъ ихъ пособія, въ состояніи сдѣлать у себя то же и въ то самое время, — и даже сдѣлать лучше!

Съ тѣмъ пламеннымъ чувствомъ, какое возбуждаетъ въ насъ каждое прекрасное начинаніе и все отечественное, поручаемъ мы вниманію благомыслящихъ нашихъ читателей предложеніе Г. Плюшара. Оно вполнѣ достойно не только ихъ содѣйствія, но и покровительства. Энциклопедическій Лексиконъ, выходя въ свѣтъ отдѣленіями, по четыре тома въ годъ, можетъ почти считаться журналомъ съ годичною подпискою въ 40 рублей: и дѣйствительно, по формѣ и занимательности статей своихъ это родъ журнала, — разница только въ томъ, что онъ будетъ существовать опредѣленное число годовъ (шесть лѣтъ), и разсуждать обо всемъ по алфавитному порядку. Чтобы нѣсколько себя обезпечить, Г. Плюшаръ слагаетъ двадцать пять процентовъ съ годичной подписной цѣны въ пользу тѣхъ, которые внесутъ деньги до 1 Января 1835 года: уступка безъ-сомнѣнія очень благородная, и жители ближайшихъ губерній конечно поспѣшатъ ею воспользоваться; но условіе ея немного тягостно для отдаленныхъ мѣстъ, которыя едва въ концѣ года получатъ самую программу. Зачто жъ любителей чтенія и народности, обитающихъ въ тѣхъ странахъ, исключать изъ выгодъ преміи, опредѣленной за поспѣшность, за ревность къ общей и къ своей пользѣ, за умѣніе быстро постигнуть и оцѣнить важность дѣла? Намъ по-крайней-мѣрѣ кажется, что Г. Плюшаръ могъ бы сдѣлать изъятіе для извѣстныхъ губерній хоть посредствомъ особаго объявленія, и, для Кавказа, Дона, Сибири и Бессарабіи, продлить урочный срокъ двумя или тремя мѣсяцами. Если только есть возможность, то мы просили бъ его принять наше посредничество въ пользу читателей нашихъ въ тѣхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи.

VII.

СМѢСЬ.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. *Газовыя лампы и маяки.* Много писали о лампахъ, дающихъ ослѣпительный свѣтъ, и въ которыхъ употребляется известь и два газа, водородный и кислородный. Изобрѣтеніе однако жъ было неполно потому, что представляло многія практическія неудобства. Нынѣ Г. Рура увѣдомилъ Академію, что въ своихъ кислородно-водородныхъ лампахъ онъ удачно замѣнилъ известь гипсомъ, обдѣланнымъ въ видѣ плоской свѣтильни. Когда струя зажженнаго газа направляется на сѣрнокислую известь, пламя бываетъ сначала слабое, а потомъ чрезвычайно яркое. Гипсъ разлагается, сѣрная кислота освобождается, и остается известь. По этому случаю, Г. Араго сообщилъ результатъ нѣсколькихъ опытовъ, произведенныхъ для примѣненія открытія капитана Друммона къ маякамъ. Свѣтъ, производимый пламенемъ двухъ газовъ, устремленнымъ на цилиндръ извести, проходитъ сквозь увеличительное стекло. Въ направленіи оси онъ равняется свѣт двадцати тысячъ кенкетовъ. По мнѣнію Г. Араго, этотъ свѣтъ можетъ быть видимъ въ морѣ за шестьдесятъ и за восемьдесятъ верстъ. При геодезическихъ работахъ, произведенныхъ въ послѣднее время въ Англіи, онъ былъ употребляемъ вмѣсто сигнала, который съ береговъ Англіи былъ видѣнъ въ Ирландіи. Притомъ, этотъ свѣтъ, по своей яркости, проницаетъ густой туманъ, чего при обыкновенныхъ маякахъ не бываетъ. Между-тѣмъ, чтобы это примѣненіе сдѣлать общеупотребительнымъ, надобно еще отвратить многія затрудненія. Известь, скоро твердѣетъ, и тогда свѣтъ значительно ослабѣваетъ; пламя надобно безпрерывно устремлять на новыя части цилиндра, и притомъ часто возобновлять; но главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что какъ пламя при выходѣ своемъ весьма тонко, то оно почти не расходится въ разныя стороны. Однако

жъ эти неудобства не столь непреодолимы, чтобы не можно было надѣяться скораго усовершенствованія газовыхъ маяковъ.

2. *Причина чесотки.* Съ давняго времени нѣкоторые врачи утверждали, что подъ верхнею кожицею людей, больныхъ чесоткою, существуютъ маленькія насѣкомыя, изъ роду клещей. Были даже и рисунки съ изображеніемъ этихъ насѣкомыхъ. Какое соотношеніе существуетъ между ними и порожденіемъ или распространеніемъ этой заразительной болѣзни? Случайно ли только существуетъ чесоточный клещъ подъ верхнею кожицею? Эти вопросы были неоднократно разсматриваемы, но доселѣ оставались безъ разрѣшенія. Большая часть врачей отвергала существованіе клеща въ чесоточныхъ пузырькахъ, въ которыхъ многіе наблюдатели ихъ не находили. Г. Бодъ показывалъ въ Академіи шесть живыхъ клещей, вынутыхъ въ то же утро въ госпиталѣ Св. Лудовика у чесоточныхъ, которые къ нему приходили. Эти насѣкомыя находились подъ верхнею кожицею на концѣ бороздки, длиною въ линію, которая всегда начиналась въ пузырькѣ. Г. Рекуцци, который первый снова нашелъ ихъ, былъ, какъ кажется, руководимъ изысканіями Бононіо: этотъ ученый говоритъ въ одномъ своемъ сочиненіи о существованіи клеща подъ верхнею кожицею въ бороздкѣ, о чемъ упоминаетъ, по словамъ его, и Бакеръ, въ своемъ разсужденіи о микроскопѣ.

3. *Резиновое масло.* Г. Дюма представилъ отъ имени Гг. Биля и Эндерби летучее масло, полученное посредствомъ перегонки каучука, или резины. Извѣстно, что это вещество состоитъ только изъ угля и водорода. При перегонкѣ оно едва оставляетъ небольшой угольный остатокъ, и производитъ масло, въ которомъ Г. Дюма нашелъ 88 частей угля и 12 водорода; изъ 12 фунтовъ каучука получается 10 фунтовъ масла. Гг. Биль и Эндерби, перегоняя его во второй разъ, получили прозрачную жидкость, самую легкую изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, потому что плотность ея составляетъ 0,640; она чрезвычайно летуча, лучше всякаго другаго вещества растворяетъ каучукъ,

который принимая снова твердый видъ, по испареніи масла, получаетъ опять всю свою упругость, — открытіе чрезвычайно важное при нынѣшнемъ стараніи употреблять резину для разныхъ предметовъ, при несомнѣнной ея пользѣ и несовершенствѣ средствъ, придуманныхъ для обращенія ея въ жидкое состояніе. Эта жидкость растворяетъ также и высушенную копаловую смолу, составляя такимъ образомъ весьма хорошій лакъ. Г. Дюма присовокупилъ, что торговля каучукомъ, во Франціи почти ничтожная, въ Англіи начинаетъ распространяться. Онъ продается такъ дешево (по 12 коп. фунтъ), что его намѣреваются употреблять во флотѣ для смоленія канатовъ и веревокъ. Въ Европѣ не имѣютъ понятія о томъ, какое огромное количество каучука производятъ жаркія страны. Одна Ява могла бы доставлять 2,500,000 фунтовъ каучука, если бы было куда сбывать его.

4. *Инструментъ для измѣренія пульса.* Г. Маганди читалъ донесеніе объ инструментѣ, изобрѣтенномъ Гг. Герисономъ и Гарнье, и который они назвали сфигмометромъ, или пульсомѣромъ. Этотъ инструментъ назначенъ для измѣренія пульса такъ, чтобы сдѣлать видимыми измѣненія въ обращеніи крови, которыя врачи наблюдали доселѣ посредствомъ осязанія. Если бы этотъ инструментъ дѣйствительно представлялъ средство измѣрять и съ точностію выражать главнѣйшіе феномены кровообращенія, то важный пунктъ въ Медицинѣ былъ бы доведенъ до совершенства, потому что врачъ самый искусный не можетъ приблизиться въ изслѣдованіи пульса къ совершенной достовѣрности, какъ бы ни изощрено было его осязаніе.

Сфигмометръ состоитъ изъ капилярной трубки, открытой съ одного конца и оканчивающейся съ другой полусферическою воронкою, закрытою круглымъ пузыремъ, прикрѣпленнымъ къ краю воронки. Опредѣленное количество ртути впускается въ эту воронку, и придерживается стальнымъ краномъ. На трубкѣ означается произвольная лѣстница, раздѣляющая ее на 65 градусовъ. Пузырь этого инструмента прикладывается къ артеріи, которой біенія чувствительны. Кранъ открываютъ и жмутъ довольно сильно для того, чтобы ртуть поднялась въ часть, раздѣленную

на градусы. При всякомъ расширеніи артеріи, ртуть отталкивается и поднимается на нѣсколько градусовъ, а потомъ спускается, когда сжимается артерія. Но при употребленіи сфигмометра встрѣчаются затрудненія. Давленіе слишкомъ сильное или слишкомъ слабое можетъ уничтожить результаты или сдѣлать ихъ мало замѣтными. Это важное неудобство, потому, что указанія инструмента зависятъ отъ большей или меньшей ловкости того, кто его употребляетъ. Гг. Герисонъ и Гарнье пробовали одинъ за другимъ артеріи тѣхъ же лицъ, не сообщая другъ другу своихъ наблюденій, и результаты, ими полученные, разнствовали между собою 2, 3 и даже 10 градусами. Г. Араго, признавая, что сфигмометръ — инструментъ весьма замысловатый и что врачи могутъ и нынѣ уже имъ пользоваться, полагаетъ, что, если изобрѣтатели хотятъ, чтобы приборъ ихъ вошелъ въ общее употребленіе, они должны сдѣлать его простѣе и такъ, чтобы указанія были, по возможности, независимыми отъ ловкости и предосторожностей наблюдателя.

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. *Новая теорія горѣнія.* Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Докторъ Вильямсъ читалъ весьма занимательную записку объ этомъ предметѣ. Вотъ ея содержаніе. Положивъ, что горѣніе всегда есть произведеніе химическаго дѣйствія, болѣе или менѣе сильнаго, Г. Вильямсъ различаетъ нѣсколько степеней горѣнія. Онъ разсматриваетъ сначала простыя тѣла, въ которыхъ горѣніе происходитъ совершеннѣе, и потомъ переходитъ постепенно къ тѣмъ, въ которыхъ оно труднѣе производится. До новой теоріи Доктора Вильямса, извѣстны были двѣ крайнія степени въ лѣсвницѣ горѣнія. Съ одной стороны крайнюю степень составляли тѣла, которыя горятъ, отдѣляя наибольшее количество теплотвора, и твердыя тѣла, нагрѣваемыя до-красна; съ другой вещества, отдѣляющія наименѣе теплотвора во время горѣнія, какъ напримѣръ фосфоръ, когда онъ горитъ при обыкновенной температурѣ, или сѣра, когда ее расплавляютъ на легкомъ огнѣ. Но теорія Доктора Вильямса показываетъ намъ, что ниже этой послѣдней степени горѣнія, существуетъ еще другая, которой открытіе

разливаетъ сильный свѣтъ на множество явленій, казавшихся досслѣ неизъяснимыми. Вотъ какимъ образомъ Докторъ Вильямсъ сдѣлалъ опытъ, доставившій ему этотъ важный результатъ.

Онъ заперся въ комнатѣ, въ которой произвелъ совершенную теплоту; положилъ въ желѣзный шаръ разныя горючія вещества, какъ то, воскъ, масло, китовый жиръ, сало и проч. Нагрѣвая нѣсколько времени этотъ шаръ, онъ увидѣлъ, что изъ отверзтія, находившагося въ верхней части его, выходитъ легкое пламя. Онъ разсмотрѣлъ это пламя и нашелъ, что оно совершенно отличнаго свойства отъ того, которое производится обыкновеннымъ горѣніемъ, и замѣтилъ сверхъ того, что это пламя не есть фосфорованіе сала, какъ говорили, когда сравнивали это вещество съ spath-fluor и другими ископаемыми; потому что, если бы это пламя было не что иное, какъ фосфорованіе сала, то оно не усиливалась бы отъ соприкосновенія съ кислородомъ, и не потухало бы при погруженіи въ угольную кислоту. Очевидно, что это пламя особаго рода.

Его должно почитать звеномъ, связывающимъ между собою горѣніе и гніеніе. При помощи этого открытія не мудрено объяснить столь обыкновенныя явленія внезапнаго возгорѣнія шерсти, сильно напитанной овечьимъ потомъ, маслистой конопли, хлопчатой бумаги, угля, сыраго сѣна, турфа, льна. Въ подобныхъ случаяхъ происходитъ поглощеніе кислорода, начинается гніеніе, и броженіе усиливается до того, что возвышаетъ температуру до 300 градусовъ. Тогда появляется пламя, открытое Докторомъ Вильямсомъ, и начинается обыкновенное горѣніе. Такимъ же образомъ можно объяснить и феноменъ внезапнаго возгаранія человѣческаго тѣла. Въ этомъ случаѣ разложеніе мяса возвышаетъ температуру тѣла, и тотчасъ производитъ небольшое пламя, замѣченное Докторомъ Вильямсомъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГОРНАГО МАСЛА. Изъ всѣхъ теорій, предложенныхъ естествоиспытателями, самая общепринятая та, которая приписываетъ образованіе горнаго масла подземному

горѣнію каменно-угольныхъ копей. Однако жъ, это объясненіе — чисто предположительное, потому что не видали еще горнаго масла послѣ пожаровъ, случающихся въ каменноугольныхъ ломняхъ, и никому не удалось получить его посредствомъ переугливанія каменныхъ угольевъ ни на вольномъ воздухѣ, ни въ покрытыхъ сосудахъ. Докторъ Рейхенбахъ, полагая, что это обстоятельство могло зависѣть отъ способа перегонки, и особенно отъ того, что она производилась сухимъ путемъ, сдѣлалъ слѣдующій опытъ, который увѣнчался, какъ увидимъ, счастливѣйшимъ успѣхомъ.

Онъ всыпалъ въ большую желѣзную реторту 50 килограммовъ (122 фунта) крупно избитаго каменнаго угля, и развелъ его значительнымъ количествомъ воды. Каменный уголь взятъ былъ изъ Ославаны, въ двухъ миляхъ отъ Брюнна, и содержалъ много каламитовъ, сфеноптеровъ и окаменѣлыхъ зубовъ. Перегонка продолжалась до тѣхъ поръ, пока въ угольяхъ было еще хоть нѣсколько воды; но когда ея не стало, перегонка тотчасъ была остановлена, такъ что не могло произойти переугленія. Лишь только произведенія перегонки начали показываться, Г. Рейхенбахъ замѣтилъ на водѣ масляный кругъ, и въ отверзтіи снаряда слышанъ былъ запахъ горнаго масла. Это производство повторялось восемь разъ съ пятидесятью килограммами угля, и когда всѣ восемь произведеній были соединены, а потомъ отдѣлено масло и передвоено безъ примѣси, то вышло его полтора килограмма.

Такъ какъ количество полученнаго масла было незначительно, то Г. Рейхенбахъ велѣлъ въ самой ломнѣ наложить въ сосудъ свѣжаго каменнаго угля, покрыть его и вынесть къ нему на свѣжій воздухъ, гдѣ онъ тотчасъ же подвергъ его перегонкѣ. Изъ этого угля вышло больше масла, чѣмъ изъ того, который пролежалъ нѣсколько времени въ амбарахъ.

Масло, получаемое такимъ образомъ, совершенно чисто и прозрачно; однако жъ все остается въ немъ какой-то зеленовато-желтый оттѣнокъ, который, вѣроятно, исчезъ бы при вторичной перегонкѣ. Оно чрезвычайно текуче, и

пахнетъ точно какъ горная смола. На открытомъ воздухѣ скоро испаряется; горитъ ярко и безъ свѣтильни.

Докторъ Рейхенбахъ хотѣлъ распространить свои наблюденія на другіе роды каменныхъ угольевъ, но не получилъ горнаго масла, и даже перегоночная вода ни сколько имъ не пахла. Изъ этого опыта должно, повидимому, заключать, что господствующее доселѣ мнѣніе, будто горное масло производится дѣйствіемъ весьма высокой температуры на горючія ископаемыя, несправедливо. Очевидно, что горное масло существуетъ въ каменномъ углѣ, какъ составная его часть. Чтобъ отдѣлить его совершенно, надобно разогрѣть уголь до кипяточнаго жару, и онъ не потеряетъ отъ этого ни одного изъ наружныхъ своихъ признаковъ, кромѣ блеска въ изломѣ.

«Если захотимъ узнать, продолжаетъ Докторъ Рейхенбахъ, какъ горное масло образуется въ углѣ, и откуда получаетъ оно первое свое начало, мы дойдемъ до столь же удовлетворительныхъ выводовъ. Давно уже я замѣчалъ разительное сходство, которое запахъ горнаго масла весьма часто имѣетъ съ терпентиновымъ, такъ что я приписывалъ это сходство подмѣси, дѣлаемой продавцами изъ выгодъ; но какъ же я удивился, нашедши тотъ же самый запахъ и то же сходство въ искусственномъ горномъ маслѣ, въ чистотѣ котораго я ни сколько не могъ сомнѣваться. Тутъ я удостовѣрился, что запахомъ терпентинъ подходитъ къ самому чистому горному маслу, и что чѣмъ оно чище, тѣмъ этотъ запахъ сильнѣе.

«Дальнѣйшее сравненіе физическихъ и химическихъ свойствъ естественнаго или искусственнаго горнаго масла и скипидара не позволяетъ мнѣ сомнѣваться въ сходствѣ этихъ двухъ маслъ, и заставляетъ предполагать, что главныя ихъ стихіи суть однѣ и тѣ же. Когда вспомнимъ, что въ каменномъ углѣ попадаются всякіе остатки растеній, и что образованіе его приписываютъ истребленію древнѣйшихъ прозябеній, тогда покажется вѣроятнымъ, что горное масло образовалось изъ растеній, доставляющихъ терпентинъ, или, другими словами, что горное масло не что

иное, какъ терпентинъ изъ елей предшествовавшаго нашему вѣка. Не только дерево, но и большія скопища еловыхъ иголъ могли содѣйствовать къ этому явленію. Вотъ обстоятельство, повидимому не важное, но доставляющее намъ положительныя свѣдѣнія о внутреннемъ составѣ допотопныхъ органическихъ тѣлъ. Горное масло, которое выходитъ изъ земли въ видѣ источниковъ, или которое собирается въ родникахъ, не зависитъ слѣдственно отъ горѣнія, но есть просто результатъ дѣйствія подземной теплоты; и намъ извѣстно, что даже не глубоко лежащіе слои каменнаго угля разогрѣваются до кипяточнаго жару, который потребенъ для гонки горнаго масла.»

УГРИ. Споръ объ угряхъ ведется очень давно между учеными, — не вразсужденіи ихъ вкусности или того, съ какимъ соусомъ слѣдуетъ подавать ихъ ко столу, а на счетъ образа ихъ рожденія. Извѣстный Англинскій естествоиспытатель, Джессъ, занимавшійся въ особенности наблюденіями надъ угрями, утверждалъ еще недавно, что эта порода родитъ живыхъ дѣтенышей. Напротивъ, Г. Ярреллъ, натуралистъ тоже весьма уважаемый, считалъ угрей рыбами яйцеродными. Никто однако жъ не могъ представить ясныхъ доказательствъ своему мнѣнію. Наконецъ, вскрывъ множество живыхъ угрей въ разныя поры года, оба натуралиста вдругъ удостовѣрились, что угорь — дѣйствительно яецеродная рыба, какъ всѣ прочія рыбы, и что онъ переходитъ въ соленую воду для метанія икры. При благопріятной погодѣ, это происходитъ отъ Ноября до конца Января мѣсяца, и ходъ угрей бываетъ такъ правиленъ, что рыбаки, промышляющіе въ Темзѣ, ставятъ всегда мрежи отверзтіемъ противу теченія рѣки. Одни старые угри уходятъ въ море, изъ чего заключить можно, что переходы эти имѣютъ цѣлію метаніе икры. Молодые слѣдуютъ за старыми только до моря, и, дошедши до него, возвращаются назадъ. Г. Джессъ слѣдовалъ за ихъ ходомъ отъ Блакфріарскаго моста до Чертсея. Удивительно, съ какимъ инстинктомъ совершаютъ они свои странствованія, не останавливаясь ни какими препятствіями на пути. Мы привели въ статьѣ чувствахъ и способностяхъ рыбъ (кн. 9)

любопытныя наблюденія Г. Джесса надъ переправою угрей черезъ плотины, и надъ воздушною экспедиціею ихъ на дерево, растущее подлѣ пруда въ окрестностяхъ Бристоля. Во время переходовъ своихъ, молодые угри идутъ обыкновенно густою колонною. Расчитано, что черезъ одно мѣсто рѣки проходитъ ихъ до 1,800 въ минуту.

Г. Ярреллъ полагаетъ, что за дѣтенышей были принимаемы черви, находимые иногда во внутренности угрей, и что они-то подали поводъ считать эту рыбу между живородящими. Но и Аристотель уже говорилъ, что черви эти не суть порожденія угрей, а Г. Ярреллъ, дѣлавшій многіе опыты надъ ихъ икрою, убѣдился самымъ положительнымъ образомъ, что маленькіе угри выходятъ изъ икорныхъ яичекъ не въ чревѣ матери, но въ водѣ, подобно другимъ рыбамъ.

Переходы въ другую воду совершаются угрями дважды въ годъ: въ первомъ изъ нихъ, по общему мнѣнію естествоиспытателей, старые угри, перешедши изъ рѣкъ въ море, не возвращаются уже болѣе въ прѣсную воду; молодые же, напротивъ, вступаютъ обратно въ рѣки. Вопреки этому мнѣнію, Г. Ярреллъ полагаетъ, что переходъ старыхъ угрей въ море есть дѣйствіе не необходимости, но произвола, и что они точно также возвращаются въ рѣки, какъ и молодые. Причина, заставляющая ихъ предпринимать эти путешествія, заключается въ томъ, что рыба эта, ища въ зимнее время воды не столь холодной, удаляется въ устья рѣкъ, гдѣ, отъ смѣшенія прѣсной воды съ соленою, температура нѣсколько возвышается. Желая удостовѣриться собственнымъ опытомъ, говоритъ Г. Ярреллъ, какъ велико различіе между температурою воды въ рѣкѣ и температурою ея въ устьѣ, я воспользовался поѣздкою въ Рамсгетъ, на пароходѣ. Вода прибывала; коль скоро приливъ соленой воды сдѣлался ощутителенъ для вкуса, температура ея стала возвышаться, и мы еще не достигли Гревсенда, какъ она возвысилась двумя градусами. Приближаясь къ Нору, мы были встрѣчены, первымъ приливомъ съ моря, и тутъ температура воды начала понижаться, несмотря на то, что

воздухъ сдѣлался значительно теплѣе. Въ четыре часа обогнули мы мысъ Нордъ-Форлендъ, и были застигнуты сильнымъ приливомъ съ открытаго пролива: температура совершенно соленой морской воды оказалась одинаковою съ чистою рѣчною, хотя температура воздуха возвысилась на 9°. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что прѣсная вода, смѣшанная съ соленою, бываетъ обыкновенно 2 градусами теплѣе каждой изъ нихъ въ особенности, — и вотъ одна изъ причинъ, отчего устья рѣкъ, впадающихъ въ море, вообще изобилуютъ рыбою, и особенно угрями, которые очень чувствительны къ холоду. *В. М.*

СРЕДНЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕ ЖИЗНИ ВРАЧЕЙ. Слишкомъ десять лѣтъ уже, говоритъ знаменитый профессоръ Касперъ, посвящаю я всѣ мои свободныя минуты разысканіямъ объ этомъ предметѣ. Я изучалъ большую часть обстоятельствъ, измѣняющихъ продолженіе жизни человѣческой, и въ особенности тѣ, которыя касаются до отправленія разныхъ профессій. Уже за два вѣка передъ симъ дѣлано было много подобныхъ разысканій, и между-тѣмъ часть эта еще далеко не изслѣдована, потому что, за исключеніемъ книги Г. Депарсьё о продолженіи жизни особъ обоего пола, посвятившихъ себя монастырской жизни, всѣ другія не представляютъ довѣренности, необходимой въ изысканіяхъ этого рода.

«Чтобы получить важнѣйшіе пункты сравненія, я собралъ свѣдѣнія о шести стахъ двадцати четырехъ смертныхъ случаяхъ у медиковъ и хирурговъ, большею частію Нѣмецкихъ; но я не смѣшивалъ съ ними анатомиковъ, ветеринарныхъ врачей, естествоиспытателей и медиковъ, посвятившихъ себя въ особенности Литературѣ. Я начиналъ исчисленія мои съ двадцатитрехлѣтняго возраста; но если бъ кому вздумалось начать ихъ съ двадцати четырехъ или съ двадцати пяти лѣтъ, то результаты ни сколько бы не измѣнились. Само собою разумѣется, что изъ слѣдующей таблицы нельзя выводить ни какихъ точныхъ заключеній о жизни какого-нибудь отдѣльнаго лица, но, несмотря на это, общія заключенія, какъ доказано опытомъ, чрезвычайно вѣрны.

Таблица смертности врачей.

Возрастъ.	Число умершихъ въ каждомъ изъ сихъ періодовъ.	Вѣроятное продолженіе жизни.	Возрастъ.	Число умершихъ въ каждомъ изъ сихъ періодовъ.	Вѣроятное продолженіе жизни.
23 лѣтъ	2 чел.	35, 5.	58 лѣтъ	10 чел.	11, 0.
24	1	34, 4.	59	17	10, 6.
25	4	33. 4.	60	12	10, 3.
26	3	33, 0.	61	15	9, 7.
27	7	32, 0.	62	14	9, 0.
28	5	31, 4.	63	19	8, 8.
29	5	30, 1.	64	20	8,50.
30	5	29, 8.	65	11	8, 0.
31	11	28, 6.	66	18	7, 5.
32	8	28, 0.	67	6	7, 2.
33	11	27, 6.	68	16	6, 5.
34	11	26, 8.	69	9	6, 0.
35	8	26, 0.	70	17	5, 5.
36	7	25 5.	71	14	5, 4.
37	8	24, 7.	72	15	5, 0.
38	14	24, 0.	73	14	5, 0.
39	8	23, 5.	74	13	4, 7
40	9	22, 7.	75	10	4, 6.
41	11	22, 0.	76	9	4, 4.
42	6	21, 3.	77	8	3, 9.
43	8	20, 3.	78	10	3, 3.
44	8	19, 7.	79	4	3, 0.
45	11	19, 0.	80	11	3, 0.
46	4	18, 2.	81	6	4, 0.
47	14	17, 3.	82	3	4, 0.
48	11	16, 7.	83	3	4, 0.
49	12	16, 0.	84	2	4, 0.
50	13	15, 4.	85	3	4, 0.
51	8	15, 0.	86	2	3, 5.
52	11	14, 2.	87	0	2, 6.
53	10	13, 5.	88	2	2, 0.
54	18	12, 8.	89	4	1, 5.
55	14	12, 6.	90	1	0, 5.
56	13	12, 4.	91	2	0, 0.
57	8	11, 9.	92	0	0, 0.

«Эта таблица ясно показываетъ, какъ кратко поприще, предоставленное людямъ, занимающимся медицинскою практикою. Если мы положимъ, что обыкновенное продолженіе

жизни есть семьдесятъ пять лѣтъ, то увидимъ, что только четвертая часть врачей доживаетъ до этихъ лѣтъ, и только пятнадцать до восмидесяти лѣтъ. Какъ горестно думать, что люди, которые въ молодости ревностно занимаются изученіемъ медицинскихъ наукъ, и потомъ практикою, въ надеждѣ подъ старость пожать плоды трудовъ своихъ, на половину бываютъ похищаемы смертію, не достигнувъ старости!

«Не безполезно сдѣлать нѣсколько сравненій между смертностью врачей и людей другихъ состояній. Богословы всѣхъ болѣе имѣютъ надежды на долговѣчіе: они наслаждаются самою долгою жизнію, а врачи — напротивъ. Слѣдующая таблица показываетъ соотношеніе между ними.

	Лѣта.	Умерло: *Врачей.*	*Богослововъ.*
Отъ	23 — 32	82	43.
—	33 — 42	149	58.
—	43 — 52	168	64.
—	53 — 62	212	182.
—	63 — 72	228	328.
—	73 — 82	141	255.
—	83 — 92	30	70.
		Всего 1000	1000

«Слѣдующая таблица доказываетъ, что врачи живутъ несравненно менѣе лицъ другихъ состояній. Изо ста человѣкъ взятыхъ въ каждомъ классѣ, достигаютъ 70 лѣтъ:

Богослововъ..... 43.
Сельскихъ хозяевъ..... 40.
Высшихъ государственныхъ чиновниковъ. 35.
Купцевъ..... 35.
Военныхъ..... 32.
Низшихъ чиновниковъ..... 32.
Адвокатовъ.. ..... 29.
Художниковъ..... 28.
Преподавателей..... ..... 27.
Практикующихъ медиковъ — только... 24.»

ПРЕЖНЯЯ НОВОСЕРБІЯ. Немногіе знаютъ нынѣ въ Россіи, гдѣ была Новосербія, и что съ нею сдѣлалось, но многіе, къ стыду образованныхъ чувствъ нашего вѣка, дѣлаютъ изъ Гайдамаковъ отличныхъ героевъ. Не излишнимъ счи-

таемъ дать настоящее понятіе о той и о другихъ, составленное по свѣдѣніямъ, собраннымъ на-мѣстѣ.

Страна, лежащая по небольшимъ отраслямъ Карпатскаго хребта, нынѣ сѣверная часть Херсонской губерніи, подъ именемъ Заднѣпровской Украйны, со временъ Императрицы Елисаветы населена была вышедшими изъ-заграницы Сербами, Арнаутами и Черногорцами, которые, смѣшавшись съ Чигиринскими казаками, жили въ большихъ деревняхъ, раздѣленныхъ на роты, и долго составляли прекрасное пограничное войско, гусаръ. Долго слова «гусаринъ» и «Сербинъ,» означая одно и то же, для слуха тамошнихъ молодыхъ людей были столь же пріятны какъ «казакъ» для Полтавскаго Малороссіянина. Да и самая страна скоро стала называться Новосербіею; такъ какъ большая часть поселенцевъ, выведенныхъ при Хорватѣ изъ-за Дуная, состояла изъ Сербовъ.

Возвышаясь между Днѣпромъ, Синюхою и Бугомъ, на горахъ, покрытыхъ дремучими лѣсами, Новосербія съ юга ограничивалась безпредѣльною степью, — разгульнымъ привольемъ Запорожцевъ, а къ сѣверу отдѣлялась она отъ Польши небольшими рѣчками Высью, Ирклѣйцемъ и Тясминомъ.

Несмотря на малое пространство, прелестный край этотъ обиленъ всѣми произведеніями умѣреннаго климата. Небрежно разбросанныя цвѣтущія нивы, дышащія здоровьемъ и прохладою тѣнистыя рощи и покрытыя душистыми травами долины, не только всегда удовлетворяютъ ожиданіямъ трудолюбиваго, но и доставляютъ ему съ избыткомъ все нужное къ довольству и сельской роскоши.

Жители Новосербіи легко обходились безъ многихъ предметовъ утонченной жизни: живя въ простотѣ нравовъ и сердца, они долго не заимствовали ничего чужеземнаго; земледѣліе и скотоводство составляли единственный ихъ промыселъ. Правила общежитія утверждались у нихъ на самыхъ простыхъ, почти дѣтскихъ понятіяхъ о приличіи и обязанности. Неустойчивому должнику вмѣнялось въ неизгладимое пятно, если заимодавецъ снималъ съ него шапку на мірской сходкѣ или при выходѣ изъ церкви: обезславленный такимъ образомъ подвергался всеобщимъ насмѣ-

никамъ, навсегда терялъ доброе имя, и нерѣдко, отъ стыда, переходилъ въ другую деревню, гдѣ бы не указывали на него какъ на бездѣльника. Но лихоимство и заемныя обязательства, какого бы они рода ни были, считались однимъ изъ главныхъ нетерпимыхъ между Христіанами пороковъ: безъинтересное одолженіе въ нуждѣ было, по мнѣнію Горцевъ, священнѣйшій долгъ каждаго человѣка. Всякъ, кто преступалъ положительные пункты принятыхъ обычаевъ, былъ преслѣдуемъ съ такою строгостію, что военное вѣдомство, въ силу настоятельныхъ требованій общества, часто принуждено бывало отсылать виновнаго въ дальнія Молдаванскія роты, находившіяся за Днѣпромъ, опасаясь въ противномъ случаѣ возмущеній, къ которымъ Горцы вообще очень склонны.

Находясь въ безпрестанной опасности отъ внезапныхъ нападеній Ногайцевъ, бодрые поселенцы Новосербіи всегда ходили въ полномъ вооруженіи. Во время жатвы, обыкновенно разставляли они часовыхъ на высокихъ курганахъ, съ длинными шестами, по наклоненіи которыхъ, всѣ мужчины, бросивъ работу, тотчасъ принимались за оружіе. То былъ условленный знакъ. Въ тѣ времена въ глуши степей, тщательно скрывая движенія свои отъ поисковъ гусаръ и Запорожцевъ, Орда часто пробиралась разсѣянными толпами въ Подолію, и какъ туча саранчи внезапно пожирала Польшу. Бывали случаи, что Татары шли туда прямо и черезъ Новосербію. Тогда жители ея, подозрѣвая не безъ основанія начальниковъ своихъ въ согласіи подѣлиться съ Ханомъ Польскою добычею, уходили съ имуществомъ на церковный погостъ, составлявшій въ каждой ротѣ родъ маленькой крѣпости, окопанной рвомъ и обнесенной дубовымъ, зубчатымъ частоколомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Татары при такихъ обстоятельствахъ спокойно продолжали путь свой далѣе, не трогая ничего, и только въ то время приступали къ грабежу, когда возвращаясь изъ неудачныхъ въ Польшу походовъ, бывали пристыжаемы и укоряемы убѣжавшими на погостъ поселенцами.

Не рѣдко и Запорожцы тревожили Новосербію, не дѣлая однако никому насилій. Отчаянѣшіе изъ нихъ люди безъ всякаго понятія о состраданіи и чести, безъ правилъ, безъ стыда, извѣстные между своими подъ именемъ Голтя-

накъ, «перяхъ», каждое лѣто отправлялись изъ Сѣчи на разбой въ Польшу, куда особенно заманивало ихъ изобиліе въ крѣпкихъ напиткахъ. Отличаясь неимовѣрною жестокостію, Сѣчевые безпощадно истребляли тамъ все попадавшееся въ руки, отъ человѣка до скота, и послѣ, на возвратномъ пути, заходили на нѣкоторое время — погулять въ Новосербскихъ деревняхъ, и похвастаться передъ дѣвушками своимъ удальствомъ. Щеголяя иные въ нарчевыхъ *кунтушахъ*, но вмѣсто сапогъ въ изношенныхъ *постолахъ*, обуви изъ несшитаго куска свиной кожи; другіе, въ бѣдныхъ, оборванныхъ полукафтаньяхъ, и сафьянныхъ съ серебряными шпорами сапогахъ, Запорожцы, окруженные толпою услужливыхъ *шинкарей* и кабацкою голью, бродили изъ деревни въ деревню, гуляли, пили день и ночь на улицахъ и въ домахъ; наконецъ, щедро разсыпавъ за угощеніе награбленное въ Польшѣ золото, возвращались въ Сѣчь въ такой же бѣдности, съ какою оттуда вышли.

Существованіе Новосербіи, въ видѣ округа, состоявшаго на военныхъ правахъ, было не очень продолжительно: скоро она поступила въ общее вѣдомство правительства; но жители долго удерживали свой воинственный духъ, и охотно любили называться гусарами до самаго конечнаго ея преобразованія. Въ этомъ небольшомъ промежуткѣ времени, при мирныхъ своихъ занятіяхъ, они пользовались совершеннымъ благоденствіемъ, однако бѣдствія, порожденныя въ Польшѣ Уніею, оставили и между ними странныя воспоминанія.

Несчастныя времена извѣстны въ Новосербіи подъ именемъ Колінвщины и Палінвщины.

Въ Подоліи народъ, раздраженный насиліями пановъ и преслѣдованіемъ Православія, воспользовался вступленіемъ въ Польшу Россійскихъ войскъ, и вдругъ взбушевалъ подъ предводительствомъ какаго-то Гонты. Мстители безпощадно начали рѣзать Поляковъ и Жидовъ. Истребленіе послѣднихъ было тѣмъ ужаснѣе, что чернь думала, будто Жиды, приманивъ къ себѣ Христіанскихъ дѣтей, качаютъ ихъ въ бочкѣ, набитой острыми гвоздями, чтобы добыть свѣжей крови, и мазать ею глаза своимъ младенцамъ, которые родятся слѣпыми какъ щенята. Въ заднѣпровской Украйнѣ двое

отчаянныхъ, Желѣзнякъ, родомъ изъ Мельниковъ, и Иванъ-Усачъ изъ Медвѣдовки, деревень Чигиринскаго округа, составили изъ отважныхъ молодцевъ страшныя полчища подъ названіемъ Гайдамаковъ, и увели ихъ для большей безопасности въ густые лѣса, покрывавшіе все пространство на предѣлахъ Польши съ Новосербіею.

Сюда, по времени, стекались изъ окрестностей всѣ, кого неистовство Поляковъ, надежда на богатый грабежъ или неудачная любовь возбуждали къ ожесточенію. Праздно скитаясь по Днѣпровскимъ берегамъ и непроходимымъ дебрямъ, сбродъ молодыхъ людей, движимый мщеніемъ, корыстолюбіемъ и другими страстями, день со дня пріучался болѣе и болѣе къ отчаянному равнодушію и къ готовности на всякое злодѣйство. Въ такомъ положеніи часы бездѣйствія, сокращаемые пьянствомъ, сномъ и куреньемъ неугасаемыхъ трубокъ, текли медленно, грустно. Мрачные, подобно окружавшей ихъ пустынѣ, Гайдамаки прерывали грозное ея молчаніе плаксивыми своими пѣснями, въ которыхъ слышались, то сердечная тоска по родинѣ, то сильное чувство обманутой любви, то неутѣшная скорбь о потерѣ друга, убитаго въ наѣздахъ; или отзывались, какъ завыванье голоднаго звѣря, ненасытная алчность къ мести и буйное разгулье. Наполнивъ въ лѣсахъ душу свою скукою и отчаяніемъ, радостно спѣшили они изъ своихъ убѣжищъ на кровавый пиръ, приготовленный злобнымъ духомъ Уніи по всему пространству отъ береговъ Нѣмана до Днѣпра и Западной Двины.

Иванъ-Усачъ остался въ Польскихъ предѣлахъ; но Желѣзнякъ, для ближайшаго сообщенія съ Запорожцами, перешелъ въ сосѣдственныя лѣсистыя пустоши Новосербіи.

Тамъ, въ глубокихъ оврагахъ, подъ сводами столѣтнихъ дубовъ, довольный варварскими своими походами, веселился онъ съ сподвижниками своей отважности стонами молодыхъ Полячекъ и Жидовокъ, обвернутыхъ намоченною въ горячую смолу пенькою, и привязанныхъ къ сухимъ кольямъ, которыя служили ему вмѣсто факеловъ и потѣшныхъ огней; плясками плѣнныхъ Мазуровъ, обутыхъ въ набитые остры-

ми гвоздями сапоги, и визгомъ младенцевъ, подбрасываемыхъ на пикахъ подъ тактъ музыки, въ виду матерей.

Жители деревень, прилегающихъ къ большому лѣсу, раздѣляющемуся на двѣ отрасли, изъ которыхъ юго-восточная именуется Чернымъ Лѣсомъ, а сѣверная Чутою, долго боялись пролагать черезъ него дороги: въ немъ былъ станъ и гнѣздилище Желѣзняка.

До сихъ поръ Черный Лѣсъ и Чута доставляютъ тамошнимъ жителямъ обильные предметы для разныхъ ужасающихъ разсказовъ; до сихъ поръ запоздавшему путнику чудится, будто онъ слышитъ въ томъ лѣсу то громкій призывный свистъ, то отдаленный крикъ погибающаго отъ руки убійцы. Къ тому, всѣ почти понамари сосѣдственныхъ приходовъ увѣряютъ, что въ ночь на Свѣтлый праздникъ всегда видѣнъ поднимающійся изъ Чернаго Лѣса необычайной величины огненный кругъ, который быстро катится поверхъ деревьевъ къ Чутѣ, гдѣ въ видѣ дракона лопается и исчезаетъ: наконецъ весь лѣсъ клубится синимъ пламенемъ. Избави Богъ, говорятъ суевѣрные, отъ тѣхъ страховъ, какіе въ томъ лѣсу по ночамъ бываютъ. — Избави Богъ всякаго, говорятъ старики, дожить опять до такихъ временъ, въ какія мы жили!

Теперь въ Черномъ Лѣсу все мертво, и только въ захолустьяхъ виднѣются кой-гдѣ разбросанные черепы замученныхъ Жидовъ, наполненные многочисленными роями пчелей и осъ.

Каждый годъ, передъ началомъ своихъ опустошительныхъ набѣговъ, предводители Гайдамакъ совѣтовались вмѣстѣ, объ общемъ планѣ войны и о послѣдствіяхъ, какими она должна сопровождаться. Въ собраніяхъ этихъ, иногда рѣшали все предавать огню и мечу, иногда довольствовались однимъ душегубствомъ. Первый образъ войны назывался «Паліивщиною», а вторый «Коліивщиною.»

При наступленіи зимы, шайки Гайдамакъ, по неудобности и недостатку содержанія, оставивъ лѣса, расходились по Украинскимъ и Новосербскимъ деревнямъ — насильно требовать себѣ гостепріимства отъ всякаго попадавшагося имъ на встрѣчу хозяина, который безусловно долженъ былъ доставлять незваным гостямъ, въ продолженіе зимы, пис-

но, сало и водку, подъ опасеніемъ жестокихъ побоевъ *кіями*, если окажется недостатокъ въ этихъ предметахъ Малороссійской роскоши.

Пропивши съ Запорожцами все награбленное въ Польшѣ, Гайдамаки босые и безъ всякой одежды, кромѣ изодранныхъ въ лохмотье рубашекъ и засаленныхъ ёламковъ, или бараньихъ шапокъ, вмѣсто которыхъ иногда употребляли они пузыри, качались всю зиму, съ *люльками* въ зубахъ, на соломѣ, осушивая еженедѣльно привозимую бочку горѣлки; выдумывали отъ безделья адскія мученія для Ляховъ, Жидовъ и Полячекъ, сохраняя впрочемъ строгое уваженіе и приличіе къ хозяйкѣ дома; держали заклады, кто больше съѣстъ сала, *кулешу* (жидкой кашицы изъ пшена), и проч., и проигравшаго безжалостно сѣкли батогами. Проведя такимъ образомъ зиму, они, при наступленіи весны, требовали отъ хозяина достать непремѣнно всякому изъ нихъ свиту и коня. Тогда Гайдамаки дѣлались опять ужасомъ для иновѣрцевъ, пробирались до Умани и Бердычева, жгли города, упивались кровью шляхты, грабили пановъ, и возвращались съ благодарностію къ прежнимъ хозяевамъ, дарили ихъ парчею, бархатомъ, чеканнымъ серебромъ, а наконецъ спѣшили на Печеную Балку, пропить остальное съ сотрудниками своими, Сѣчевыми, откуда вновь являлись на зимнія квартиры въ прежнемъ горемычномъ видѣ. Печеною Балкою до сихъ поръ называется, въ нынѣшнемъ Ольвіопольскомъ уѣздѣ, одинъ лотъ, въ которомъ нѣкогда стоялъ кабакъ, находившійся подъ особеннымъ покровительствомъ Сѣчевыхъ и Гайдамакъ, помѣсячно гулявшихъ тамъ послѣ своихъ походовъ. Гулянья сопровождались, по варварскому обычаю, жестокими забавами. Плѣнныхъ Поляковъ и Жидовъ жарили здѣсь въ разныхъ, ужасныхъ видахъ, отъ чего и мѣсто названо *Печеною Балкою*.

Къ чести Ивана-Усача, котораго огромные усы, торчавшіе изъ-подъ орлинаго носа, приводили всякаго въ невольный трепетъ, должно сказать, что онъ не лилъ крови подобно Желѣзняку, а только жестоко каралъ за коварство и обманы: часто хитростію выманивалъ изъ *ватаги* Желѣзняка женщинъ и дѣтей, обреченныхъ на сожженіе въ Пече-

ной Балкѣ, и отдавалъ ихъ подъ сохраненіе монаховъ и монахинь Мотренинскаго и Лебединскаго монастырей.

Упоминаютъ объ одномъ только жестокомъ поступкѣ его, когда онъ, раздраженный Жидами вздѣлъ сжечь городокъ Смилу со всѣми жителями, исключая *крещеныхъ*, (Православныхъ), которымъ заблаговременно приказано выбраться оттуда. Три ночи зарево пожара отражалось на сосѣдственныхъ синихъ лѣсахъ; три дня солнце восходило и заходило въ видѣ кроваваго круга безъ лучей; трое сутокъ смрадный дымъ и удушливый чадъ клубились по отдаленнымъ окрестностямъ до Днѣпра и Тясмина: между-тѣмъ Гайдамаки бдительно сторожили кругомъ Смилы, чтобы ни одному Жиду, ни Поляку, не можно было избѣжать приготовленной погибели.

Пожаръ Смилы такъ памятенъ въ тѣхъ мѣстахъ, что составляетъ нѣкотораго рода эру, отъ которой старики любятъ вести свое лѣтосчисленіе, наравнѣ со взятіемъ Бендеръ и Очаковскою зимою.

Нѣсколько лѣтъ Гайдамаки торжествовали побѣды свои ужасами разрушенія, отчаяніемъ и муками Поляковъ: наконецъ, ихъ шайки, пріучившись къ праздности и душегубству, обратились въ самыхъ безчеловѣчныхъ разбойниковъ, нещадившихъ даже и своихъ единоземцевъ. Купцы, зажиточные поселяне и духовныя особы дѣлались жертвами ихъ остервенѣнія и лютости.

Тогда Екатерина II, усмиривъ раздоры въ Польшѣ, прислала, по просьбѣ Поляковъ, эскадронъ гусаръ и два уланскихъ для истребленія мятежниковъ. Иванъ-Усачъ, въ общемъ собраніи *ватажковъ*, совѣтовалъ добровольно покориться и не поднимать оружія противъ единовѣрныхъ: его не слушали. Эскадроны тронулись изъ Кіева къ Смилѣ, и Иванъ-Усачъ найденъ мертвымъ въ лодкѣ, плывшей по Тясмину. Произошли споры, несогласія; часть бѣжала къ Запорожцамъ, и навела на всю Сѣчь страхъ извѣстіемъ, что «Москва уже поднялась». Сѣчевые призадумались, вспомнивъ древнее между ними преданіе, что Сѣчь неминуемо падетъ отъ руки «Бѣлой Царицы», и что «Сѣверный Царь правдою и вѣрою положитъ конецъ всѣмъ крамоламъ». Тщетно другіе упорствовали; они были схвачены; отда-

ны Полякамъ, и умерли съ Желѣзнякомъ смертію злодѣевъ, на кольяхъ и висѣлицахъ.

По уничтоженіи Сѣчи, могущественная воля Потемкина, великаго замыслами и роскошью, начала обращать все къ одной цѣли, — разрушенію Оттоманской Имперіи. Вдругъ, среди глухихъ степей, гдѣ прежде не было ни одного хуторка, ни одного деревца, возвысились города Николаевъ и Херсонъ. Нѣсколько сотъ семействъ было переведено изъ Великороссіи въ Новосербію, для рубки лѣса, годнаго на постройку кораблей, и Новосербія, потерявъ навсегда прежнее свое названіе, поступила въ число уѣздовъ Новороссійскаго края. Покрывавшіе ее дремучіе лѣса совершенно исчезли: остались только Черный Лѣсъ да Чута, какъ гигантскія тѣни, напоминающія позднему потомству о бѣдствіяхъ вѣковъ прошедшихъ.

МАШИНЫ И ДѢТИ. Машины вообще требуютъ со стороны работниковъ болѣе вниманія, чѣмъ силы: почему, съ самаго начала употребленія ихъ надобно было предвидѣть, что часто работы можетъ быть производима женщинами и дѣтьми. Такимъ образомъ люди, которые дотолѣ оставались безъ дѣла, были употреблены, когда работа, производившаяся раздѣльно въ деревняхъ, была сосредоточена въ заведеніяхъ, снабженныхъ машинами. Эта перемѣна была сначала благодѣяніемъ для тѣхъ, которые первые ею воспользовались. Плата, получаемая матерью и дѣтьми, присоединившись къ жалованью отца, доставила имъ возможность и лучше ѣсть и лучше одѣваться, чѣмъ при прежней системѣ.

Между-тѣмъ, это такъ не осталось. Новые совмѣстники захотѣли раздѣлить выгоды первыхъ, и задѣльная плата по необходимости понизилась отъ этого соперничества, потому что увеличеніе работы не равнялось увеличенію числа работниковъ. Между-тѣмъ заработную плату можно было понижать только до извѣстной степени: тогда начали постепенно увеличивать рабочій день. Но этого мало: работа, и безъ того трудная, сдѣлалась еще тягостнѣе отъ неравнаго распредѣленія.

Когда паденіе Наполеона открыло Англійской торговлѣ и

фабрикаціи новые источники сбыта, дешевизна сдѣлалась первымъ условіемъ успѣха: тогда, со всѣхъ сторонъ потребовали дѣтей для исполненія работъ менѣе трудныхъ, и родители, обольщенные прибылью, не побоялись подвергнуть дѣтей своихъ этому роду рабства. Въ такомъ возрастѣ, когда ребенку средняго класса не позволяютъ перейти черезъ улицу безъ провожатаго, эти малютки уже были удерживаемы по тридцати и тридцати шести часовъ почти безпрерывно за работою однообразною и утомительною. Положеніе ихъ возбудило заботливость филантроповъ и они, своими жалобами и прошеніями, обратили наконецъ вниманіе правительства на несчастныя жертвы. Въ 1832 году Нижняя Палата нарядила коммиссію для разсмотрѣнія положенія этихъ юныхъ работниковъ и для изслѣдованія основательности жалобъ. Вотъ результаты произведенныхъ Коммиссіею разысканій.

Продолжительность работы, требуемой ежедневно, не одинакова въ Шотландіи и Англіи. Въ первой изъ сихъ странъ она составляетъ обыкновенно отъ двѣнадцати до двѣнадцати съ половиною часовъ; въ Англіи отъ одиннадцати до четырнадцати. Дѣти принимаются въ работники, начиная съ семи лѣтъ, по большею частію только съ десяти. Въ этомъ возрастѣ они получаютъ отъ двухъ до трехъ шиллинговъ въ недѣлю (отъ 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 75 коп.), отъ десяти до пятнадцати лѣтъ дѣвочки получаютъ обыкновенно отъ пяти до пяти шиллинговъ съ половиною (отъ 6 р. 25 к. до 6 р. 92 ½ к.) За прибавочные часы работы платится по пенни (10 к.) за часъ. Изъ этого жалованья удерживается еженедѣльно небольшая сумма на издержки въ случаѣ болѣзни; сверхъ-того фабрикантъ удерживаетъ всякую недѣлю отъ двухъ до трехъ пенсовъ до конца истеченія срока условія; работникъ не имѣетъ права требовать возвращенія этой суммы, если онъ оставилъ работу добровольно, или если уволенъ за какую-нибудь вину. За малѣйшее опозданіе на работу, налагаются сильныя пени.

Съ дѣтьми особенно дурно обходятся на небольшихъ фабрикахъ. Напротивъ того, на фабрикахъ обширныхъ и недавно устроенныхъ, съ ними обращаются несравненно

человѣколюбивѣе; оба пола не смѣшиваются, и дѣтей не наказываютъ тѣлесно, какъ это часто бываетъ на старыхъ фабрикахъ.

Дѣйствія работы чрезвычайно пагубны для здоровья дѣтей. Въ этомъ отношеніи, существуетъ большая разность между мануфактурами, устроенными въ деревняхъ, и тѣми, которыя находятся въ большихъ городахъ, — что зависитъ частію отъ вліянія воздуха и пищи. Въ первыхъ мастерскія лучше провѣтриваются, и пища бываетъ здоровѣе и обильнѣе.

Списокъ мѣстныхъ и общихъ недуговъ, которыми страждутъ люди, употребляемые съ малолѣтства на фабрикахъ, чрезвычайно великъ. Кажется, впрочемъ, что люди, писавшіе объ этомъ предметѣ, вообще преувеличиваютъ вліяніе фабричной работы на развитіе костянаго состава и особенно таліи, которая, по изслѣдованію членовъ Коммиссіи, бываетъ безобразною не такъ часто, какъ можно было бы полагать. Но болѣзни плюсныя, опухоль ногъ, особенно у женщинъ, язвы, глазныя болѣзни, весьма обыкновенны между работниками; нечистота воздуха, возвышенная температура мастерскихъ, сырость, необходимая для приготовленія тканей, производятъ, особенно у дѣвочекъ, охриплость и кашель, оканчивающіяся почти всегда одышкою и чахоткою; послѣдняя болѣзнь такъ обыкновенна, что можетъ быть чрезвычайное распространеніе этой болѣзни въ Англіи въ сравненіи съ другими странами происходитъ не столько отъ разности климата и температуры, какъ отъ множества заведеній этого рода. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ обширными статистическими разысканіями. Какъ бы то ни было, но машины, которыя такъ увеличиваютъ массу произведеній для удобствъ человѣка, въ то же самое время истребляютъ родъ его, и за пользы, приносимыя родителямъ, пожираютъ ихъ потомство. Люди, осторожно съ машинами!

Мѣры, предписанныя новымъ биллемъ, далеко не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ, возбужденнымъ обширными разысканіями Коммиссіи; но между-тѣмъ эти мѣры принесутъ большую пользу и притомъ она будетъ первымъ шагомъ къ преобразованію полнѣйшему. Вотъ правила, постановлен-

ныя этимъ закономъ. Дѣти моложе девяти лѣтъ ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть употребляемы въ работу на фабрикахъ, и до осьмнадцати-лѣтняго возраста не должны работать ночью, то есть, съ половины девятаго по полудни и до половины шестаго по полуночи. Дѣти отъ девяти до тринадцати лѣтъ должны работать не болѣе осьми часовъ въ день и сорока осьми часовъ въ недѣлю; дѣти отъ тринадцати до осьмнадцати, не болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки или шестидесяти-девяти часовъ въ недѣлю. Возрастъ ребенка всегда долженъ быть засвидѣтельствованъ врачемъ, и четыре инспектора будутъ наблюдать за исполненіемъ постановленій этого билля. Всѣ дѣти, отъ девяти до тринадцати лѣтъ обязаны ходить въ школу, по выбору родителей или воспитателей, по-крайней-мѣрѣ два часа въ недѣлю, и ежемѣсячно представлять инспектору свидѣтельство учителя о томъ, что они бываютъ въ классахъ. Но все это не вылечитъ ихъ отъ чахотки.

ЧУГУННЫЯ ДОРОГИ ВЪ АМЕРИКѢ. Первою степенью настоящей образованности, говорилъ Франклинъ, были хорошія шоссѐ; второю суть каналы; третьею будетъ — сухопутное сообщеніе на машинахъ. Онъ, кажется, угадывалъ, что пары скоро будутъ весь грузъ корабля тащить на колесахъ по желѣзнымъ колеямъ съ быстротою вѣтра. Предсказаніе сбывается. Множество такихъ колей уже вырыто въ старой почвѣ Европы; но въ Америкѣ чугунныя дороги — мода, страсть, бредъ, всеобщее занятіе. Въ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ есть даже особый «Журналъ чугунныхъ дорогъ», Railroad Journal. Въ разговорахъ вы слышите слово railroad по-крайней-мѣрѣ разъ въ каждыя десять минутъ. Въ Нью-Іоркѣ, говоритъ одинъ путешественникъ, я осматривалъ бассейны для починки кораблей (docks). Показавъ мнѣ dry-dock и два или три другіе docks, проводникъ мой, большой охотникъ до чугунныхъ дорогъ, повелъ меня на railroad-dock, въ которомъ корабли движутся по чугунной дорогѣ. Я нашелъ чугунныя дороги въ Виргиніи, въ глубинѣ угольныхъ ломокъ. Въ Филадельфіи я обозрѣвалъ превосходный смирительный домъ, Warden. Г. Вудъ, управляющій этимъ заведеніемъ съ ревностію и

человѣколюбіемъ, показалъ мнѣ кельи заключенныхъ, дворы, на которыхъ они прогуливаются, кухню, въ которой кушанье готовится посредствомъ паровъ, и когда я хотѣлъ уже проститься съ нимъ, сказалъ мнѣ: «Но вы еще не все видѣли: я покажу вамъ мою чугунную дорогу.» И въ самомъ дѣлѣ, въ тюрьмѣ есть чугунная дорога, во второмъ этажѣ: по ней возятъ въ телѣжкѣ кушанье заключенныхъ. Близъ небольшаго городка въ Виргиніи, Петерсбурга, при паденіи Аппоматокса, есть прекрасная чугунная дорога. Тамошній купецъ Г. М*** водилъ меня на свою табачную фабрику, въ которой работа производится особыми способами. Мы ходили по мастерскимъ, посреди маленькихъ черныхъ невольниковъ, которыми онѣ населены. Г. М*** сказалъ мнѣ: «Вы любите чугунныя дороги, такъ вамъ непремѣнно надобно посмотрѣть дорогу моей фабрики.» Мы перешли въ мастерскую, въ которой табакъ набивается въ ящики. Машина, производящая давленіе, весьма необыкновеннаго устройства: главная часть ея, чугунная дорога, привѣшенная къ потолку. Нѣкто Следъ, богатый чудакъ, велѣлъ на великолѣпной дачѣ своей въ окрестностяхъ Филадельфіи отодвинуть кухню саженъ на триста отъ дома, чтобъ не слыхать стука поварскихъ ножей и не обонять жирнаго дыма, и провелъ, изъ кухни въ столовую крытую чугунную дорогу, по которой блюда пріѣзжаютъ на столъ, и тарелки отправляются со стола къ судомойкамъ въ коляскѣ, движущейся помощію паровой машины величиною съ большой самоваръ. Такимъ образомъ Американцы провели чугунныя дороги въ водѣ и во внутренности земли, даже повѣсили ихъ на воздухѣ; практическая ихъ смѣтливость такъ хорошо постигла всѣ выгоды этого изобрѣтенія, что они примѣняютъ ее вездѣ и ко всему, иногда даже и не кстати. Если ужъ они не могутъ устроить настоящей чугунной дороги, положительной и особенно полезной, черезъ поля, отъ рѣки къ рѣкѣ, отъ города къ городу, отъ области къ области, то дѣлаютъ потѣшную чугунную дорогу для собственнаго своего удовольствія, въ видѣ игрушки, употребляя ее хоть въ шутку.

Отъ Бостона до Новаго-Орлеана двѣ тысячи пять сотъ пятьдесятъ верстъ. Между-тѣмъ весьма вѣроятно, что эта

огромная линія будетъ чрезъ нѣсколько лѣтъ уложена чугунными дорогами, идущими отъ бухты къ бухтѣ, отъ рѣки къ рѣкѣ; такъ чтобы нетерпѣливые спекулянты могли употреблять крылья своихъ паровыхъ повозокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не могутъ пользоваться крыльями паровыхъ судовъ. Это не пустой проектъ, но предпріятіе, отчасти уже совершенное. Чугунная дорога изъ Бостона въ Провиденцію (на Нью-Іорской дорогѣ) уже строится; работы идутъ по Американской модѣ, то есть, чрезвычайно скоро; во всемъ свѣтѣ нѣтъ другаго народа, который бы такъ спѣшилъ наслаждаться плодами трудовъ своихъ. Между Нью-Іоркомъ и Филадельфіею, намѣреваются открыть въ нынѣшнемъ году не одну, а двѣ сопернические дороги, одну по правому, другую по лѣвому берегу Дславары; и изъ одной столицы въ другую можно будетъ переѣзжать въ семь часовъ: четыре часа по чугуннымъ дорогамъ и три часа на пароходѣ по прекраснымъ водамъ Гудсона въ великолѣпной бухтѣ Нью-Іоркской, которую Американцы, люди не очень скромные, сравниваютъ съ Неапольскимъ заливомъ. Изъ Филадельфіи въ Бальтиморъ ѣздятъ по Дславарѣ и Чезенику, и по чугунной дорогѣ между Ньюкастлемъ и Френчтоуномъ, въ восемь часовъ; изъ Бальтимора въ Вашингтонъ положено провести чугунную дорогу; компанія составлена, утверждена, акціи разобраны и работы начаты, — все въ нѣсколько мѣсяцевъ. Между Вашингтономъ и Блекелеемъ (въ Сѣверной Каролинѣ) устроено уже тридцать шесть верстъ чугунной дороги отъ послѣдняго города. Нынче составлена и утверждена компанія для окончанія остальной части дороги, то есть, для соединенія Ричмонда съ Потомакомъ (45 верстъ), а Потомакъ ведетъ къ главному федеральному городу, проходя у подошвы Монъ-Вернона, прелестнаго помѣстья, принадлежавшаго Джоржу Вашингтону, гдѣ протекла его старость, и гдѣ возвышается его скромная могила. Между Вашингтономъ и Блекелеемъ, любители пароходовъ могутъ слѣдовать другимъ путемъ. Спустясь по Чезенику до Норфолька, они найдутъ тамъ другую чугунную дорогу въ 105 верстъ, которой треть уже окончена, и которая доведетъ ихъ до Блекелея и даже нѣсколько далѣе. Блекелей городъ совсѣмъ новый, котораго не найдете

ми на одной картѣ: это старшій и доселѣ еще единственный сынъ дороги Петерсбургской. Изъ Блексдея въ Чарльстоунъ далеко, но люди здѣсь предпріимчивы, и притомъ во всемъ свѣтѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы можно было такъ удобно и такъ дешево устроить чугунную дорогу; почва нивелирована самою Природою, и обширные лѣса, ее покрывающіе, доставятъ лѣсъ, необходимый для дороги, потому что здѣсь чугунныя дороги строятся большею частію изъ дерева. Изъ Чарльстоуна чугунная дорога въ сто пятьдесятъ семь верстъ съ половиною (самая длинная изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ) ведетъ въ Огуста (въ Георгіи); между Огуста и Монтгомери (въ Алабамѣ) надобно еще проѣхать большое пространство. Изъ Монтгомери пароходы идутъ внизъ по Алабамѣ до Мобиля, но тѣ, которые не хотятъ ѣхать изъ Мобиля въ Новый-Орлеанъ, поклонившись мимоѣздомъ Мексиканскому Заливу, найдутъ въ скоромъ времени чугунную дорогу, которая избавитъ ихъ отъ необходимости воздавать эту почесть памяти великаго Кортеса.

Чрезъ десять лѣтъ все это будетъ окончено; по всему этому пространству станутъ ходить машины, — если только нынѣшній переломъ окончится благополучно. Десять лѣтъ — долго. Въ наше время предпріятіе, исполненія котораго надобно ждать десять лѣтъ, кажется романомъ, мечтою. Но въ отношеніи къ чугуннымъ дорогамъ, въ Америкѣ уже много сдѣлано. Въ Пенсильваніи, гдѣ, по послѣдней переписи (1830), считалось 1,347,670 жителей, есть четыреста пятьдесятъ пять верстъ чугунныхъ дорогъ, которыя уже окончены или будутъ окончены въ нынѣшнемъ году, и большею частію въ два ряда, не говоря о чугунной дорогѣ во сто двадцать шесть верстъ, которую Филадельфійскіе капиталисты провели по землѣ небольшихъ штатовъ Нью-Джерсея и Делавара. Во Франціи чугунныхъ дорогъ только сто одиннадцать верстъ, то есть, менѣе того, что Филадельфійскіе купцы, по своей щедрости, подарили бѣднымъ своимъ сосѣдямъ. Нью-Іоркскій штатъ, котораго народонаселеніе самое смѣлое и самое счастливое въ своихъ предпріятіяхъ, имѣетъ только четыре или пять небольшихъ чугунныхъ дорогъ; но если хотя шестая часть пред-

положенныхъ и дозволенныхъ Правительствомъ дорогъ будетъ устроена, то Нью-Іоркъ не уступитъ Пенсильваніи. Купцы въ Бальтиморѣ, городѣ, въ которомъ, при объявленіи независимости, было только шесть тысячъ жителей, а теперь считается восемьдесятъ, вздумали устроить чугунную дорогу отъ себя въ Огаіо, на пространствѣ четырехъ сотъ пятидесяти верстъ. Вздумали, и начали; треть этой дороги уже готова. На востокъ отъ Огаіо и Миссисипи есть чугунныя дороги оконченныя, дороги начатыя, дороги предначертанныя. На большей части изъ нихъ дѣйствуютъ паровыя машины, даже и въ Аллеганахъ, гдѣ дорога представляетъ страшные склоны: эта дорога назначена для однихъ товаровъ. Есть дороги и хорошія, и дурныя. Есть дорогія (120,000 р. верста), и дешевыя (40,000 р. верста). Въ Новомъ-Орлеанѣ есть тоже чугунная дорога, правда, очень скромная, только въ семь верстъ съ половиною; но скоро будутъ и другія. Виргинія, которой народонаселеніе немногочисленно и довольно бѣдно, имѣетъ уже сто шесть верстъ съ половиною готовой дороги, и сто пятьдесятъ четыре версты дороги строящейся, не говоря о той, которая будетъ начата въ нынѣшнемъ году.

Эти быстрые успѣхи въ производствѣ публичныхъ работъ, многочисленность и дѣятельность коммерческихъ заведеній, какъ напримѣръ банковъ, и ихъ благосостояніе, часто составляютъ въ Европѣ, особенно во Франціи, предметъ самыхъ неосновательныхъ объясненій. Есть головы, которыя утверждаютъ, что это плодъ республиканскаго образа правленія, и что если какой народъ хочетъ наслаждаться подобными выгодами, то прежде всего долженъ учредить у себя республику. Эти головы такъ точно знаютъ Америку, какъ Американскія паровыя повозки Политическую Экономію! Вся тайна дивныхъ успѣховъ этого края въ промышлености и благосостояніи заключается въ одной, главной, непреодолимой, господствующей страсти Англо-Американцевъ, — корыстолюбіи. Они ей преданы; она управляетъ всѣми ихъ помышленіями. Можно написать томы самыхъ прекрасныхъ проповѣдей противъ этой страсти: она гнусна, отвратительна, безнравственна, все что вамъ угодно, — но въ промышлености и физическомъ процвѣтаніи народовъ

она дѣлаетъ чудеса. Сѣверная Америка есть старшая и прекраснѣйшая дочь корыстолюбія, которое не имѣетъ ничего общаго съ правительственными формами. Созданный имъ духъ промышлености, духъ дѣятельный, могущественный, дивотворный не только не состоитъ въ связи съ республиканскими формами, но еще очевидно ихъ подавляетъ. Всѣ люди богатые, значительные, умные, заняты оборотами, предпріятіями и стяжаніемъ богатства; почти никто изъ них не думаетъ о выборахъ, совѣщаніяхъ и другихъ политическихъ обязанностяхъ гражданина республики, и дѣла общественныя каждый день болѣе и болѣе переходятъ въ руки праздныхъ интригантовъ безъ состоянія и безпокойныхъ журналистовъ. Это посѣяло уже раздоры, и во многихъ мѣстахъ произвело опасныя потрясенія. Республика начинаетъ уже мѣшать промышлености, а богатство республикѣ, которая можетъ существовать только между нищими. Однажды спросилъ я Г-на Ф***, члена тамошней Палаты депутатовъ, весьма уважаемаго въ публикѣ, для чего Соединенные Штаты строятъ столько чугунныхъ дорогъ въ одно и то же время. «Для того», сказалъ мнѣ онъ равнодушно, «чтобъ скорѣе пріѣхать къ монархіи.»

Ловелль. Кто знаетъ Ловелль? Кто слыхалъ объ немъ въ Европѣ? Ловелль есть новое чудо духа новѣйшей промышлености. Ловелль есть городъ, который родился за одиннадцать лѣтъ передъ симъ, и въ которомъ теперь считается, вмѣстѣ съ Бельведерскимъ его предмѣстіемъ, отъ 14 до 15,000 жителей. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, это была бѣдная земля, невоздѣланная пустыня, которой тишина возмущалась только журчаніемъ рѣчки Конкорды, и шумомъ волнъ Мерримака, ударяющихся о гранитныя скалы, которыя вдругъ заграждаютъ имъ дорогу. Нынѣ это самое мѣсто уставлено огромными строеніями, въ пять, шесть, семь этажей, каждое съ небольшою бѣлою колокольнею, которая рѣзко отдѣляется отъ красныхъ кирпичныхъ стѣнъ, и явственно отличается отъ темнаго цвѣта холмовъ, ограничивающихъ горизонтъ. Тутъ же видите вы небольшіе домики четвероугольные, деревянные, выкрашенные бѣлою краскою, съ зелеными ставнями; домики чистенькіе, хоро-

шо затворяющіеся, уложенные коврами, окруженные деревьями; или каменные домы въ Англійскомъ вкусѣ, то есть, красивые и простые снаружи, удобные внутри; съ одной стороны лавки, кладовыя, модные магазины, потому что женщинъ въ Ловеллѣ больше чѣмъ мужчинъ; большіе домы на Американскій манеръ, похожіе на казармы; съ другой каналы, гидравлическія колеса, водопады, мосты, плавильни, банки, школы, книжныя лавки, потому что въ Ловеллѣ много читаютъ, и чтеніе—единственное развлеченіе, которое тамъ можно имѣть; въ Ловеллѣ издается семь журналовъ. Со всѣхъ сторонъ возвышаются церкви всѣхъ возможныхъ сектъ, епископскія, баптистскія, конгрегаціоналистскія, методистскія, универсалистскія, унитаріяльныя и проч., и проч.; есть также и католическая часовня. Тутъ есть всѣ зданія цвѣтущаго города Стараго Свѣта, за исключеніемъ только тюремъ и госпиталей. Со всѣхъ сторонъ слышны удары молотковъ, шумъ машинъ, утковъ, звонъ колоколовъ, сзывающихъ на работу или бьющихъ шабашъ, стукъ пріѣзжающихъ или отъѣзжающихъ дилижансовъ въ шесть лошадей; громъ пороха, которымъ взрываютъ скалы, чтобы прочистить дорогу водѣ, движущей колеса, или чтобы уравнять почву; мирное жужжаніе трудолюбиваго народонаселенія, котораго всѣ движенія размѣрены какъ ходъ часовъ; народонаселенія, которое родилось не въ Ловеллѣ и котораго большая половина окончитъ жизнь гдѣ-нибудь далѣе, принявъ постепенно участіе въ основаніи трехъ или четырехъ городовъ. Американецъ *чистой крови* имѣетъ нѣчто общее съ Киргизомъ: онъ не селится, а только кочуетъ на землѣ, имъ занимаемой.

Въ Массачусетѣ и небольшихъ сосѣднихъ штатахъ, составляющихъ такъ называемую Новую Англію, есть много мануфактурныхъ городовъ, подобныхъ Ловеллю; но ни одинъ не достигъ столь дивнаго развитія. Вотъ какимъ образомъ туземецъ, хорошо знающій своихъ соотечественниковъ, разсказывалъ мнѣ о происхожденіи всѣхъ этихъ промышленныхъ мѣстъ и Ловелля въ особенности.

«Въ 1812 году, сказалъ онъ мнѣ, Соединенные Штаты объявили Англіи войну, для защиты чести своего флага. Бостонъ и вся Новая Англія воспротивились этой войнѣ, что на-

влекло на нихъ и навлекаетъ еще и понынѣ упреки отъ ихъ соотечественниковъ, центральныхъ и южныхъ штатовъ. Но между-тѣмъ они не менѣе другихъ чувствовали оскорбленіе, нанесенное ихъ флагу владыками океана. Но настоящіе *Янки* ничего не дѣлаютъ, такъ какъ другіе. Для достиженія своей цѣли они всегда употребляютъ средства, которыя никому не приходили въ голову. Они *расчислили* (Американцы расчисляютъ все на свѣтѣ: это любимое ихъ слово), они расчислили, что главный источникъ богатства Англіи суть ея хлопчато-бумажныя фабрики, и рѣшились вести съ нею войну, заводя у себя фабрики того же рода, чтобы подорвать тѣ, которымъ она обязана своимъ благосостояніемъ.

«Лѣтъ десять прошло въ опытахъ, попыткахъ, предварительныхъ работахъ для обученія собственныхъ работниковъ и заведенія фабрикаціи машинъ. Въ 1823 году Компанія Merrimackcorporation основалась въ Ловеллѣ, гдѣ Мерримакъ, падая вдругъ съ высоты 32 футовъ, образуетъ огромную движущую силу. Потомъ явились одна за другою компаніи Гамильтонъ, Эпплтонъ, Ловелль, Суффолькъ, Тремонтъ, Лоренсъ. Вотъ и Ловелль. Ему дали имя негоціанта, который былъ однимъ изъ первыхъ основателей бумажныхъ фабрикъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Этотъ городъ не какое-нибудь богоугодное заведеніе, не убѣжище гонимыхъ, не военный постъ: это одна изъ спекуляцій Бостонскихъ купцевъ. Тотъ же промышленный духъ, который внушилъ имъ въ прошломъ году перевезти грузъ льда изъ Бостона, за мысъ Горнъ, въ Калькутту, этотъ же самый духъ заставилъ ихъ построить на свой счетъ цѣлый городъ со всѣми заведеніями, необходимыми для народа образованнаго, и выработывать въ этомъ городѣ ситцы и набойки; и они совершили предпріятіе свое съ успѣхомъ, обыкновеннымъ во всѣхъ ихъ спекуляціяхъ. Дивидендъ Ловелльскихъ мануфактурныхъ компаній всегда почти составляетъ 5 или 6 процентовъ въ полгода.»

Это изложеніе весьма точно. Хлопчато-бумажныя фабрики, которыя завелись въ Америкѣ со времени войны ея съ Англіею, дѣлаютъ большіе успѣхи, хотя послѣднія измѣненія въ тарифѣ, произведенныя по требованіямъ Южной Ка-

ролины, нѣсколько охладили мануфактурную дѣятельность. Бостону хотѣлось бы имѣть позади себя Ланкашейръ, такой же какъ у Ливерпуля. Какъ водопадовъ въ Новой Англіи весьма много, то тамъ долго еще можно будетъ обходиться безъ паровыхъ машинъ. Эта часть Американской земли вообще не плодородна: чтобы переселить на эту землю удобства жизни, необходимы были постоянство и даже упрямство пуританъ. Почва не ровна, горнета, холодна; здѣсь начало цѣпи Аллеганскихъ горъ, которая потомъ идетъ къ Мексиканскому Заливу, удаляясь отъ берега Атлантическаго Океана. Водяныхъ токовъ тамъ весьма много, и они вообще быстры. почему, можно дѣлать много плотинъ и, слѣдственно, строить мануфактуры. Жители обладаютъ въ высочайшей степени геніемъ Механики; они терпѣливы, внимательны, изобрѣтательны; они необходимо должны успѣвать въ мануфактурномъ дѣлѣ. Впрочемъ это уже и доказано: Ловелль — маленькій Манчестеръ. Тамъ выдѣлываютъ ежегодно до пяти милліоновъ аршинъ бумажныхъ тканей, не говоря о шерстяныхъ матеріяхъ, казимирахъ, коврахъ. Въ дѣло идетъ ежегодно болѣе тридцати тысячъ тюковъ хлопчатой бумаги, то есть, шестая часть всего количества, обработываемаго въ Соединенныхъ Штатахъ. Чтобы дополнить сходство между своимъ городомъ и Ливерпулемъ, Бостонскіе купцы рѣшились устроить чугунную дорогу между Бостономъ и Ловеллемъ; разстояніе между ними составляетъ сорокъ пять верстъ. У нихъ уже былъ каналъ, такъ же какъ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ; но этого имъ показалось недостаточно, такъ же какъ и жителямъ Ливерпуля и Манчестера. Они не захотѣли, чтобы эта дорога была построена, какъ нѣкоторыя другія Американскія дороги, въ смѣломъ родѣ, какъ бы на время; желали имѣть нѣчто прочное, въ Римскомъ духѣ, и ихъ инженеры построили дорогу, какой имъ хотѣлось, — самую прочную во всемъ свѣтѣ. До другаго времени отложены только деревянныя постройки, каменные своды, колонны и вся монументальная архитектура, которая дѣлаетъ Ливерпульскую и Манчестерскую дорогу однимъ изъ чудесъ новѣйшихъ временъ; всѣ эти великолѣпныя украшенія оставлены, потому что они не приносятъ ни какого дохода.

Впрочемъ чугунная дорога изъ Бостона въ Ловелль, въ своей Римской, или Циклопской простотѣ, будетъ стоить по 160,000 руб. за версту, а можетъ-быть и болѣе.

Путешественникъ, проѣзжая окрестности Манчестера, невольно поражается видомъ огромныхъ мануфактуръ. Глядя при свѣтѣ луны на эти обширныя бѣлыя зданія, рисующіяся поверхъ домиковъ, на сотни оконъ, льющихъ потоками свѣтъ газа, на трубы выше самаго высокаго обелиска, подумаешь, что это дворцы, жилища празднествъ и счастія. Обманчивая наружность! Все это очарованіе исчезаетъ, какъ скоро переступишь за порогъ, какъ скоро увидишь печальный видъ, лохмотья толпы, наполняющей эти зданія, какъ скоро взглянешь на несчастныхъ дѣтей, которыхъ Парламентъ старается защитить отъ *многоплодія* ихъ родителей, безпрерывно раждающихъ имъ соперниковъ, и отъ плети фабричнаго смотрителя. По пріѣздѣ въ Ловелль пріятное впечатлѣніе, производимое этимъ городомъ, новымъ, свѣжимъ, разнообразнымъ какъ театральная декорація, исчезаетъ предъ горестною мыслію — не такъ ли же и здѣсь, какъ въ Ланкашейрѣ? Этотъ лакъ благоденствія не скрываетъ ли нищеты, горестнаго положенія работника, разврата и пьянства, порождаемыхъ бѣдностію въ городахъ мануфактурныхъ; безпрерывныхъ опасеній людей богатыхъ, надъ головою которыхъ висятъ мятежи, возбуждаемые самымъ простымъ случаемъ, самою ничтожною неосторожностію или первымъ изволеніемъ порочныхъ страстей.

Въ нашихъ обществахъ, успѣхи Механики произвели мануфактуры, которыя должны сдѣлаться для рода человѣческаго неистощимымъ источникомъ благоденствія. Англійскія мануфактуры производятъ нынѣ около восьми сотъ милліоновъ аршинъ бумажныхъ тканей, то есть, почти по аршину на каждаго жителя нашей планеты. Если бы эту огромную массу тканей надобно было производить, безъ помощи машинъ, руками, едва-ли каждый изъ насъ успѣлъ бы вычесать, связать и соткать свой аршинъ въ цѣлый годъ, такъ, что все время рода человѣческаго занято было бы работою, которую, благодаря Механикѣ и мануфактурамъ, производятъ въ Великобританіи какія-нибудь полторы тысячи рукъ. Изъ этого надобно заключить, что ко-

гда мануфактурное производство надлежащимъ образомъ устроится, умѣренной работы небольшой части рода человѣческаго достаточно будетъ для того, чтобы доставить всѣмъ остальнымъ людямъ удобства матеріяльной жизни. Въ Европѣ сомнѣваются въ томъ, что это нѣкогда будетъ; но этотъ прекрасный порядокъ вещей доселѣ еще не установился и установится еще не скоро. Мануфактурная система еще очень нова, а между-тѣмъ эта система имѣетъ ужаснѣйшія неудобства. Это язва Англіи, и язва столь отвратительная и жестокая, что, по мнѣнію многихъ, всѣ усилія, все искусство, употребленныя въ послѣдніе три года знаменитѣйшими государственными мужами, останутся тщетными.

Введеніе мануфактурной системы на землѣ новой и въ обстоятельствахъ совершенно отличныхъ отъ нашихъ, есть событіе, достойное величайшаго вниманія. Бумажныя фабрики однѣ занимаютъ въ Ловеллѣ шесть тысячъ человѣкъ. Изъ этого числа, около пяти тысячъ—дѣвушки отъ семнадцати до двадцати четырехъ лѣтъ, дочери мызниковъ разныхъ штатовъ Новой Англіи, и особенно Массачусетскихъ, Нью-Гемпшейрскихъ и Вермонтскихъ: онѣ живутъ тутъ далеко отъ семействъ своихъ, предоставленныя самимъ себѣ. Поутру и вечеромъ около обѣда и ужина видишь ихъ на улицѣ: онѣ одѣты очень чисто; въ мастерскихъ висятъ по стѣнамъ, между цвѣтами и деревцами, ихъ платки, шали и капишоны изъ зеленой тафты, которыми онѣ прикрываютъ голову, чтобы защититься отъ солнца и пыли: пыли въ Ловеллѣ много (за недосугомъ улицы еще не вымощены). Тотчасъ догадываешься, что здѣсь не такъ какъ въ Манчестерѣ, а посмотрѣвъ на расписаніе жалованья, совершенно убѣдишься, что это уже совсѣмъ не такъ какъ въ Манчестерѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ предметы первой потребности, хлѣбъ, мясо, сахаръ, кофе, обыкновенно дешевле не только чѣмъ въ Англіи, но даже чѣмъ во Франціи: поэтому Ловелльскія работницы, получая въ недѣлю отъ 15 р. 75 к. до 21 р. 12 к., могутъ сберегать въ недѣлю по 8 р. Такимъ образомъ, проработавъ четыре года на фабрикѣ, онѣ могутъ скопить отъ двухъ сотъ пятидесяти до трехъ сотъ долларовъ

(отъ 1555 до 1600 р.). Вотъ и приданое! Тогда онѣ оставляютъ фабрику и выходятъ замужъ.

Въ Европѣ довольно трудно понять положеніе дѣвушекъ, большею частію хорошенькихъ, которыя живутъ за пятьдесятъ, сто, полтораста верстъ отъ своихъ родителей и въ такомъ городѣ, гдѣ некому за ними присматривать и поддерживать ихъ добрыми совѣтами. Между-тѣмъ, за немногими исключеніями, которыя скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ ниспровергаютъ общее правило, этотъ порядокъ вещей не представляетъ въ Ловеллѣ дурныхъ послѣдствій. Англійская порода имѣетъ совсѣмъ другіе нравы, чѣмъ всѣ прочія Европейскія породы; другіе обычаи, другія общепринятыя идеи. Англійское воспитаніе ограждаетъ людей кругомъ, черезъ который переступить трудно. Отъ этого происходитъ съ одной стороны болѣе холодности въ общественныхъ сношеніяхъ, менѣе искренности и добродушія; но за то съ другой стороны всякой принужденъ привыкнуть и привыкаетъ болѣе уважать личность другаго. То, что у насъ почитается шалостью молодаго человѣка, строго запрещено у Англичанъ и Американцевъ, и особенно у Американцевъ Новой Англіи, въ которыхъ болѣе Англійскаго, чѣмъ въ самихъ Англичанахъ. Тамъ никто не удивляется, что дочери мызниковъ, владѣющихъ воздѣлываемою ими землею, получивъ довольно порядочное воспитаніе, покидаютъ своихъ родителей, отправляются жить за двѣсти или триста верстъ отъ дома, въ городѣ, въ которомъ у нихъ нѣтъ знакомыхъ, и въ которомъ онѣ проводятъ три или четыре года въ одиночествѣ и въ независимости. Онѣ подъ охраною общественной честности. Это предполагаетъ въ нравахъ чрезвычайную скромность, въ общественномъ мнѣніи чрезвычайную строгость и взыскательность. Сверхъ-того мануфактурныя компаніи пекутся о безопасности этихъ дѣвушекъ. При самой постройкѣ мануфактуръ приготовлены также и жилища для работницъ. Каждая компанія выстроила на своемъ мѣстѣ нѣсколько домовъ, которые сдѣлались boarding-house (пенсіонами), исключительно назначенными для этихъ дѣвушекъ. Ихъ кормитъ и за ними надзираетъ обыкновенно пожилая женщина, въ пользу которой компанія удерживаетъ по доллеру съ четвертью (6 р. 67 коп.) въ недѣлю. Эти

женщины отвѣчаютъ за своихъ пенсіонерокъ, и сами находятся подъ надзоромъ компаніи. У каждой компаніи свои постановленія, которыя не только написаны на бумагѣ, но даже исполняются съ обыкновенною точностію, составляющею отличительную черту Англійскаго и Американскаго характера. Эти постановленія, которыя у Французовъ и даже у другихъ народовъ возбудили бы ропотъ, и были бы совершенно неисполнимыми, въ Америкѣ почитаются вещью самою простою и обыкновенною: они исполняются безо всякаго противорѣчія и затрудненія. Напримѣръ, Воскресенье у другихъ народовъ—праздникъ, день веселія и забавъ: въ Америкѣ онъ посвящается тишинѣ, уединенію и молитвѣ; театры въ этотъ день запираются вездѣ, кромѣ только Лунзіаны, которая населена Французами. Въ Новой Англіи это наблюдается еще строже: напримѣръ, въ Бостонѣ муниципальное начальство запретило театральныя представленія даже и въ Субботу, потому что это близко къ Воскресенью, и подобное приказаніе исполняется безпрекословно. До сего времени вообще, всѣ правила Ловелльскихъ компаній исполняются съ величайшею точностію. Ловелль, со своими мануфактурами, надъ которыми возвышаются колокольни, походитъ на Испанскій городъ съ его монастырями. Ловелль не веселъ, но онъ чистъ, смиренъ и пристоенъ. Навсегда ли онъ такимъ останется, долго-ли онъ таковъ будетъ, трудно сказать. До сихъ поръ мануфактурная жизнь не благопріятствовала сохраненію строгой нравственности. Между-тѣмъ можно полагать, что пока плата за работу останется въ Ловеллѣ столь же высокою какъ нынѣ, вліяніе воспитанія, религія, чувство долга и боязнь общественнаго мнѣнія будутъ поддерживать добрую нравственность. Теперь спрашивается: всегда ли плата за работу будетъ въ Ловеллѣ столь же высокою какъ нынѣ? Есть причины, по которымъ она должна уменьшиться; тарифъ, покровительствующій Американской промышлености, постепенно понижается, и 1 Іюля 1842 года пошлины будутъ составлять только двадцать-сотыхъ прежняго. Это заставляетъ думать, что со временемъ Ловелль будетъ во всемъ походить на Манчестеръ, и тогда—прощай, Ловелль!

НОРВЕЖСКІЕ ВИДЫ. Весьма недавно вышла въ Лондонѣ книга, подъ заглавіемъ — Excursions in the north of Europe, «Поѣздка на сѣверъ Европы въ 1850 и 1853 годахъ», Г-на Джона Барро. Въ два лѣта, почтенный джентльменъ успѣлъ побывать въ Петербургѣ, Москвѣ, Финляндіи, Швеціи, Даніи и Норвегіи, и разсказы его перепечатываются теперь въ Англійскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ, журналахъ. Наблюденія Г-на Джона Барро надъ Россіею очень остроумны: борода у Русскихъ расходится внизу наподобіе вилъ, — она такъ ужъ создана! — а брить бороду «позволяется» только чиновнымъ лицамъ; передъ обѣдомъ, — ктобы этому повѣрилъ! — Русскіе пьютъ шнапсъ: Г-нъ Джонъ Барро видѣлъ это собственными глазами у Дюмѐ, въ тактирѣ, гдѣ онъ познакомился съ Россіей; но какъ примѣръ всегда заразителенъ, то, въ подражаніе Русскимъ, онъ и самъ напился шнапсу передъ супомъ, и, къ удивленію, нашелъ это — very comfortable, «очень отраднымъ обычаемъ». Болѣе не открылъ онъ въ Россіи ничего достопримѣчательнаго. Но виды Норвегіи, кажется, особенно его поразили: по-крайней-мѣрѣ, описаніе ихъ отличается такою живостью, что мы не можемъ не сообщить его, хотя въ отрывкѣ. Авторъ ѣдетъ изъ Христіаніи въ Бергенъ.

«Выѣхавъ на другой день рано утромъ, мы увидѣли то, что̀ я бы готовъ былъ почесть за восхитительнѣйшіе виды, какіе только можетъ представить не одна Норвегія, а даже цѣлая Природа, если бъ поѣздка наша здѣсь и кончилась. Казалось, трудно постигнуть воображеніемъ что-нибудь величественнѣе, диче, грознѣе этихъ горъ съ ихъ каменистыми вершинами, почернѣвшими отъ времени и непогодъ, распавшимися въ видѣ главъ и башенъ, и торчащими на крутыхъ какъ стѣны утесахъ, отъ которыхъ отдѣлялъ насъ глубокій оврагъ, наполненный обломками скалъ и голышами: въ этомъ оврагѣ текъ большой ручей, быстро умалявшійся въ своемъ излучистомъ теченіи, но безпрестанно пересѣкаемый обломками, которые заступая ему путь вынуждали его переливаться черезъ нихъ съ оглушительнымъ шумомъ. По направленію этого ручья тянулась непрерывная череда водопадовъ, изумительная для слуха и зрѣнія. Одинъ изъ нихъ былъ особенно прекраснъ: въ паденіи его съ вы-

сокихъ утесовъ, раздѣлялся онъ на два каскада, черезъ которые брошенъ деревянный мостъ первобытной постройки. По здѣшней дорогѣ путешественникъ окруженъ со всѣхъ сторонъ превысокими скалами, которыя торчатъ почти отвѣсно къ своему основанію, а скаты горъ покрыты лѣсами темнозеленыхъ елей, выглядывающихъ однѣ надъ другими, и какъ-бы хотящихъ перерости крутые утесы, съ которыми онѣ перемѣшаны. Вверху и внизу узкой дороги такія пропасти, что страшно на нихъ смотрѣть; а между-тѣмъ не взято ни какихъ предосторожностей, чтобъ проѣзжіе не скользили въ эти бездны. Во многихъ мѣстахъ онѣ не только отвѣсны, но даже иногда нависли надъ своимъ основаніемъ. Дорога такъ узка, что, между однимъ ея краемъ и прилежащимъ скатомъ горы, колеса телѣжекъ едва могутъ умѣститься, и случись намъ повстрѣчаться здѣсь съ другими путешественниками, мы были бъ принуждены выпрячь лошадей и перетащить одну телѣгу черезъ другую. Видно, такихъ встрѣчъ бояться нечего, когда во всю дорогу мы не видали еще ни одной души человѣческой. Иногда казалось, что тропа примыкаетъ впереди къ самому краю пропасти, но достигнувъ того мѣста, мы обыкновенно находили, что она круто поворачиваетъ въ сторону: эти крутые повороты надъ зіяющимъ внизу оврагомъ угрожаютъ неминуемою гибелью, если лошадь станетъ бить или какъ-нибудь опрокинется телѣжка.

«Достигнувъ вершины высокой горы, по которой мы взбирались теперь такою крутою дорогою, какой не припомню я даже въ Швейцаріи, мы поражены были самымъ пріятнымъ образомъ, увидѣвъ, что она была почти совершенно ровна на небольшое пространство, и покрыта прекраснымъ еловымъ лѣсомъ.

«Подъемъ на эту гору казался намъ труденъ и довольно опасенъ, а спускъ даже приводилъ насъ въ ужасъ: такая крутизна, что лошади должны были, въ буквальномъ смыслѣ, скользить на бедрахъ. Мы видѣли, на нѣсколько сотъ футовъ подъ собой, долину, окруженную со всѣхъ сторонъ крутыми, утесистыми и высокими горами: отдаленнѣйшія изъ нихъ по-верху одѣты снѣгомъ, и, сіяя на солнцѣ, составляютъ совершенную противоположность съ мрачнымъ

видомъ всей картины. Водоскаты быстро бѣжали во всѣхъ направленіяхъ, то сверкая по уступамъ горъ, то исчезая въ черной тѣни густаго еловаго лѣса.»

ВИДЪ СТОКГОЛЬМА СЪ МОРЯ. По случаю Путешествія Г-на Барро, сообщимъ нѣсколько чертъ Швеціи изъ одной Французской книги, еще довольно новой. Стокгольмъ лежитъ насупротивъ Петербурга, а мы не имѣемъ понятія о красивомъ мѣстоположеніи этой сосѣдственной столицы.

«Къ вечеру, говоритъ Г. Домонъ въ своемъ любопытномъ Путешествіи по этому государству, пришли мы въ обширный архипелагъ, образующій входъ въ Стокгольмскую пристань: море усѣяно множествомъ островов, которыхъ, говорятъ, болѣе четырехъ тысячъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣются они купами, разбросанные въ самомъ дикомъ безпорядкѣ: намъ казалось, что мы плывемъ непсходимымъ лабиринтомъ. Проливъ, по которому мы шли, былъ окаймленъ островами, то цвѣтистыми и зеленѣющими, то поросшими густымъ лѣсомъ, то наконецъ безплодными и каменистыми. Вдругъ обступилъ насъ хребетъ зубчатыхъ горъ: я воображалъ себя перенесеннымъ на какое-нибудь тихое озеро, обманутый чистыми и свѣтлыми водами Балтики. Мы увидѣли проходъ, но такой узкій, что въ немъ едва было мѣста для нашей лодки; мы почти могли касаться земли по обѣ стороны. Но вотъ онъ расширился, и мы очутились среди чудныхъ, фантастическихъ островов: здѣсь возвышается горбатая скала, точно форверкъ какой-то готической крѣпости, которой бойницы и башни вы будто видите передъ собою; тамъ островерхій гранитный обелискъ всталъ изъ-подъ волнъ и вонзился въ свѣтло-голубое небо; а тамъ печально смотритъ голый островокъ, который, кажется, только и предназначенъ для отдохновеній морскихъ птицъ, вьющихъ гнѣзда на высотахъ его. Изрѣдка потѣшитъ взоръ зеленая мурава какой-нибудь обработанной поляны, усаженной рощицами, между которыхъ мелькаетъ веселая мыза или сельскій домикъ, брошенный прихотью или нуждой въ это уединеніе. Теряясь въ лабиринтѣ островов, никто не подумалъ бы, что находится вблизи большой и прекрас-

ной столицы; но приближась къ ней, видишь кое-гдѣ домики и казенныя строенія, разбросанныя по горамъ и подъ горами или на вершинахъ сѣрыхъ гранитныхъ утесовъ. Лѣсу и скалъ все еще очень много; обработаннаго мало; Искусство, кажется, отнюдь не мѣшалось въ красоты Природы, все здѣсь глухо, дико и величественно. Желаніе пріѣхать усиливалось въ насъ по мѣрѣ приближенія къ городу, и нетерпѣніе мое выходило изъ всѣхъ предѣловъ, какъ, при обходѣ одного мыса, очаровательный видъ Стокгольма вдругъ развернулся передо мною. Ничто не можетъ сравниться съ эффектомъ этого внезапнаго и почти мгновеннаго перехода отъ безмолвія пустынь къ шумной роскоши великолѣпнаго города. Видъ его отъ входа въ гавань особенно прелестенъ. Красивыя зданія стоятъ въ купахъ или разбросаны около пристани, загроможденной кораблями, которые — одни на якоряхъ, другіе прикрѣплены вдоль на набережныхъ: прекрасные домы, рощи, утесы, луга и сады пестрятъ середину панорамы, а замокъ, возвышая свои грозныя бойницы надъ всѣми башнями, въ уединенной величавости вѣнчаетъ эту чудную картину.»

ФАЛУНСКІЯ РУДОКОПНИ. Вотъ еще любопытныя подробности о главной отрасли богатства ближайшихъ нашихъ сосѣдей. Извѣстно, что Шведское желѣзо тягучѣе и ковче всѣхъ прочихъ, и что такое превосходство приписываютъ отчасти употребленію въ горнахъ березовыхъ дровъ. Число рудокопенъ въ Швеціи простирается до 586; не менѣе 561 находятся въ Нерикіи, Вестерманіи и части Далекарліи, какъ-бы въ самомъ сердцѣ королевства. Главный желѣзный рудникъ въ Данеморѣ, гдѣ ежегодно получается на 1,600,000 рублей металла. Послѣ желѣза, мѣдь составляетъ главную вѣтвь минеральныхъ богатствъ Швеціи, и самый значительный рудникъ ея съ давнихъ поръ въ Фалунѣ: въ царствованіе Густава Адольфа производилъ онъ ежегодно не менѣе 6,850,000 фунтовъ металла, но теперь почти истощился, и даетъ не болѣе 1,485,000 фунтовъ.

«Руду копаютъ на глубинѣ 171 сажени отъ поверхности, говоритъ Г. Домонъ, но какъ первоначально сверленіе произво-

дилось не искусно, то около входа множество страшныхъ обваловъ. Съ одной стороны есть отлогій сходъ съ лѣстницами, довольно удобными до послѣднихъ тридцати саженъ, но тутъ онѣ уже совершенно отвѣсны. Рудокопы обыкновенно спускаются въ бочкѣ, которой бока въ четыре дюйма толщиною и всѣ окованы желѣзомъ: часто они принуждены бываютъ вытаскивать ее для того, чтобъ она не наткнулась на торчащія скалы. Случается видѣть, что жены ихъ стоятъ на этой бочкѣ, когда она спускается, и обхвативъ канатъ, преспокойно вяжутъ чулокъ надъ страшною пропастью. Не возможно описать впечатлѣній, ощущаемыхъ въ этомъ подземномъ мірѣ; глубокое безмолвіе, царствующее подъ мрачными сводами, прерывается только визгомъ машинъ, которыми поднимаютъ руду, паденіемъ ручьевъ, низвергающихся въ бездну, и отдаленной пѣснію рудокоповъ, которые порой мелькнутъ кое-гдѣ съ пылающимъ факеломъ. Иногда гулъ отъ взрыва медленно катится по переходамъ, или, когда его не слышно за отдаленностью, то по-крайней-мѣрѣ всѣ своды дрожатъ примѣтнымъ образомъ. Иногда путешественникъ слышитъ грозный трескъ, какъ будто — бы часть скалы срывалась съ вѣчныхъ основаній.

«При открытіи одной штольны, въ которую давно ужъ никто не ходилъ, рудокопы нашли на глубинѣ восьмидесяти саженъ трупъ молодаго человѣка: онъ окаменѣлъ отъ купоросной воды и отъ щелочей, отнюдь не утративъ своей юношеской наружности. Когда его вынесли на открытый воздухъ, тотчасъ собралось множество любопытныхъ, и вдругъ послышался въ толпѣ крикъ одной старухи, которая отъ слабости едва дотащилась до этого мѣста: въ сохранившемся трупѣ узнала она черты своего бывшаго жениха, который болѣе чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ исчезъ таинственнымъ образомъ наканунѣ самаго того дня, который назначенъ былъ для ихъ свадьбы. Годы избраздили щеки и сморщили лобъ бѣдной любовницы, а женихъ ея, только что вынутый изъ могилы былъ свѣжъ и молодъ по-прежнему: въ этой противоположности было что-то тяжко трогательное!»

КОНФИСКАЦІЯ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ВЕЩЕЙ ВЪ ТУРЦІИ. По силѣ обѣщанія и по собственному влеченію мы опять являемся съ отрывкомъ изъ Моріера, изъ его «Айшѐ, Карской красавицы.» Всѣ знаютъ, какимъ образомъ Европейскія таможни производятъ досмотръ вещей путешественниковъ, и какъ ихъ конфискуютъ; но это искусство далеко не дошло до совершенства, на которомъ поставлено оно у Турокъ. Карскій паша, заключивъ лорда Осмонда въ тюрьму, велѣлъ конфисковать въ казну всѣ его пожитки. Досмотръ имъ происходилъ въ пріемной залѣ паши, въ присутствіи его и всѣхъ сановниковъ города.

«Во-первыхъ вытащили все, что было въ чемоданѣ. Развертывали поочередно жилеты, косынки, рубашки, панталоны и чулки, которые возбудили изумленіе предстоявшихъ,— потому что и въ самомъ дѣлѣ удивительно, зачѣмъ одному человѣку столько вещей, и еще все такихъ, которыхъ употребленіе казалось непостижимымъ! Они долго любовались блестящими красотами парадпаго мундира, который лордъ возилъ съ собою для того, чтобъ являться въ немъ ко Дворамъ и къ высокимъ особамъ; но когда дѣло дошло до пары лосинныхъ панталонъ, тогда и самые ученые, при всемъ остроуміи, никакъ не могли придумать, къ чему бы они служили. Турецкіе шаравары, если растянуть ихъ, совершенно похожи на женскую юбку, сшитую внизу, или на огромнѣйшій мучной мѣшокъ, съ прорѣхами по угламъ, чтобъ просунуть ноги. Послѣ этого не удивительно, что проницательность почтеннаго общества стала втупикъ надъ узкими кожаными панталонами въ обтяжку. Ихъ перевертывали на всѣ стороны, задомъ и передомъ, лицо и изнанку. Наконецъ Карскій муфти осмѣлился изъявить свое мнѣніе, что это быть-можетъ какой-нибудь нарядъ, и велѣлъ длиннобородому чоходару, каммердинеру паши, погруженному въ море недоумѣній, примѣрить ихъ на себѣ. По всѣмъ соображеніямъ муфтія, ихъ слѣдовало носить въ видѣ головнаго убора: угрюмый чоходаръ вздѣлъ ихъ себѣ на чалму до самаго шага, такъ, что нижнія части вились изгибами по спинѣ и по плечамъ его, придавая ему видъ Геркулеса съ львиной кожею на головѣ. «*Барикъ Аллахъ*! слава Аллаху!» вскричалъ муфти: вѣдь я же вамъ открылъ тайну!

Это очевидно головной нарядъ Англійскаго двухбунчужнаго паши. » — *Аферирь!* браво! браво! примолвили всѣ правовѣрные; но паша думалъ иначе. Взглядъ его на панталоны былъ совершенно различенъ, потому что онъ смотрѣлъ на нихъ глазами человѣка, у котораго только то и на умѣ, что онъ любитъ. «Что вы ѣдите грязь! воскликнулъ онъ. Слава Аллаху, вы, кажется не ослы, видали свѣтъ, а не можете узнать простаго *дулума*, «кожанаго мѣшка», въ какомъ и наши водоносы разносятъ воду. Только это мѣшокъ не для воды, а для вина. Вѣдь Франки держатъ вино въ кожаныхъ мѣшкахъ такъ же, какъ и вы, Гяуры: не правда ли?» спросилъ онъ обращаясь къ Армянину Богосу. — «Такъ точно! отвѣчалъ красильщикъ: совершенно такъ, какъ вы изволите приказывать! — «Ну, такъ въ этой кожѣ было вино! продолжалъ паша, довольный своимъ открытіемъ: по благословенію Аллаха, мы опять употребимъ ее въ дѣло. Эй, ты! сказалъ онъ одному изъ своихъ слугъ: возьми это, вели сакѣ (водоносу) зашить прорѣхи, и налить водою для казенныхъ потребностей. Это собственность государя нашего, Падишаха.» И въ самомъ дѣлѣ, панталоны лорда, налитые водою, нѣсколько дней, отличались по городу за спиной водоноса; но это сдѣлано было только для виду: скоро потомъ они очутились въ погребу паши, и въ Карсѣ сказывали за тайну, что Его Превосходительство, велѣлъ наполнить отнятой у Англійскаго лорда, прекрасный *дулумъ* своимъ любимымъ виномъ.

«Въ крышкѣ чемодана найденъ былъ разувальникъ и пара сапожныхъ крючковъ. Эти вещи подвергли Турецкую смѣтливость еще сильнѣйшему искушенію. Гдѣ жъ имъ было догадаться, что этотъ многосложный механизмъ имѣетъ хоть какую-нибудь связь съ сапогами, которые для нихъ такъ же легко и надѣть и скинуть, какъ вставить въ ротъ и вынуть янтарь чубука? Они сперва думали, что это что-нибудь чернокнижническое или астрологическое: наконецъ имъ пришло въ голову, что это снарядъ для пытки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ удобно давить пальцы и ломать суставы складнымъ разувальникомъ; какъ ловко выдергивать глаза сапожными крючками! На этомъ они и порѣшились; а чтобъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, паша приказалъ люби-

мому писцу своему положить палецъ въ смычку разувальника. Когда тотъ не-хотя исполнилъ приказаніе, Его Благополучіе наградилъ его за угодительность такимъ щелчкомъ, что тотъ завизжалъ на весь дворецъ, а предстоявшіе покатились со смѣху. Этотъ снарядъ передали главному пытателю, съ повелѣніемъ держать его въ готовности до перваго случая.

«Потомъ стали разсматривать вещи, бывшія въ туалетѣ. Каждый приготовился къ чему-нибудь лакомому, увидѣвъ множество бутылочекъ, которыми былъ набитъ ящикъ. Одинъ отвѣдалъ о-де-колоню, другой о-де-лавану: они и думали и нѣтъ, что это какіе-нибудь отличные Франкскіе напитки. Но кто опишетъ рожу, которую состроилъ самъ паша, когда, прельщенный цвѣтомъ, хлѣбнулъ онъ почти цѣлую склянку мирровой тинктуры! Муфти былъ человѣкъ несмѣшливый, но и тотъ, увидѣвъ, какъ морщился его товарищъ, не могъ воздержаться отъ улыбки, между-тѣмъ какъ всѣ окружающіе принуждены были потупить глаза, и, чтобъ не забыться, глядѣли на ноги, которыя прежде всего слѣдовало уберечь въ этомъ случаѣ отъ палочныхъ ударовъ.

«Пока это происходило, имамъ главной мечети, въ которомъ постные взгляды обличали падкость на все лакомое, преспокойно вытащилъ изъ ящика обдѣланную въ серебрѣ коробочку, и, открывъ ее, увидѣлъ что-то похожее на тѣсто. Оно такъ пріятно пахло, что почтенный мужъ никакъ не могъ воздержаться; сунулъ туда палецъ, выковырялъ сколько могъ зацѣпить, разинулъ ротъ шире обыкновеннаго, и, поймавъ гостинца на языкъ, чмокнулъ отъ удовольствія. Но скоро пришлось раскаяться: тошнота одолѣвала его; онъ трусилъ паши, и потому только отплевывался. «Что такое?» сказалъ кто-то съ усмѣшкою. — «Бей! смотрите-ка! проревѣлъ паша, радуясь что нашелъ себѣ товарища: смотрите-ка! Имаму что-то не по себѣ.» По бѣлой пѣнѣ, выходившей у него изо рта, скоро обнаружилось, что такое онъ проглотилъ: тогда всѣ стали бояться, чтобъ съ нимъ не было припадка, — чтобъ онъ не взбѣсился. Бѣдный имамъ пришелъ въ такое состояніе, что наконецъ долженъ былъ опрометью бѣжать изъ комнаты, и всѣ сторонились отъ него какъ отъ человѣка, до котораго нельзя до-

тронуться. Почти не нужно говорить, что онъ съѣлъ порядочный кусокъ превосходнаго Неаполитанскаго мыла.

«Много сдѣлали они промаховъ, кромѣ тѣхъ, которые здѣсь описаны, и быть-можетъ скучно было бъ исчислять ихъ. Каждую вещь обсуживали съ величайшимъ вниманіемъ; перевернули всѣ книги низомъ вверхъ, пролили ртуть изъ искусственнаго горизонта, переломали термометры, разобрали барометръ, раскидали математическіе инструменты такъ, что ихъ вѣкъ не собрать бы въ ящикъ. Маленькая костяная коробочка особенно привлекла ихъ вниманіе: она была такъ хорошо выточена, такъ мила, такъ красива, что всѣ хотѣли имѣть ее, какъ дѣти игрушку. Наконецъ уступили ее муфтію. Эта мудрая особа наслаждалась удовольствіемъ смѣяться надъ другими, а надъ ней еще ни разу не посмѣялись. Повертывая коробку во всѣ стороны, онъ наконецъ открылъ ее, къ великому удовольствію, и увидѣвъ внутри маленькую стеклянную трубку, окруженную мелкими палочками, онъ заключилъ, что это должна быть Франкская чернилица, тѣмъ болѣе, что она была очень похожа на Турецкую; жидкость въ ней—чернила, а палочки—перья. Извѣстно, что Восточные пишутъ тростяными палочками. Вотъ онъ обмокнулъ одну изъ нихъ въ трубку, вынимаетъ, — и вдругъ вспыхнулъ огонь! Нельзя описать его ужаса. Онъ бросилъ купоросное огниво. «Ай, Аллахъ!» закричалъ онъ, выпучивъ глаза, разинувъ ротъ и уклоняясь назадъ всѣмъ тѣломъ: «Аллахъ спаситель! Аллахъ, Аллахъ, единъ Аллахъ! Нѣтъ Аллаха кромѣ его!» Онъ глядѣлъ на коробку и на маленькія палочки, разбросанныя передъ нимъ по полу, съ такимъ выраженіемъ страха, которое ясно обнаруживало мысль о *шейтаніѐ*, о чертовщинѣ, готовой сейчасъ выскочить и погубить человѣка. Предстоявшіе Турки не могли не раздѣлять чувствъ его: они видѣли огонь. Они тоже перепугались. Всѣ отступили отъ коробочки; потомъ, составивъ около нея кругъ, смотрѣли на нее молча, и съ опасеніемъ ждали, что будетъ; только тихія «Аллахъ, Аллахъ!» перерывали ихъ безмолвіе; имъ, кажется, было ужъ не до смѣху. Однако, видя, что коробка не трогается съ мѣста, они начали обращать вниманіе на смѣшную фигуру муфтія, и какъ онъ былъ вообще нелюбимъ, то

каждый, кто только смѣлъ, похохоталъ надъ нимъ отъ всего сердца. Важный Сулейманъ, который видалъ Франковъ чаще нежели другіе, рѣшился наконецъ поднять коробку, хоть и съ большою осторожностію; но паша заклиналъ его именемъ Пророка положить ее на мѣсто, и приказалъ Армянину Богосу собрать весь этотъ снарядъ и, хоть съ опасностію собственной жизни, а немедленно итти и бросить его въ рѣку: онъ клялся Кораномъ, что если *шейтанъ*, «чортъ», опять между ними явится, то онъ велитъ умертвить не только Богоса, но и всѣхъ Армянъ и Христіанъ въ Карсѣ.

«Оставалось досмотрѣть одинъ ящикъ съ лекарствами, но послѣ такихъ несчастныхъ случаевъ, никто не изъявлялъ охоты продолжать изслѣдованіе; однако, едва Богосъ объяснилъ имъ, что Франкъ всегда прибѣгалъ къ этому ящику, когда имѣлъ нужду въ лекарствѣ, всѣ Турки сейчасъ почувствовали желаніе принять что-нибудь для здоровья, и вѣрно начали бъ лечиться, если бъ муфти, которому все чудилось какое-то дьявольское навожденіе, не остановилъ ихъ своею властію. Но онъ скоро придумалъ весьма удобное средство. Онъ послалъ собрать къ пашѣ столько Жидовъ, сколько можно ихъ найти въ скорости. Мало этихъ несчастныхъ жило въ Карсѣ подъ самымъ жестокимъ мучительствомъ; но если дѣло шло до какого-нибудь новаго угнетенія, то они всегда первые его испытывали. Скоро добыли ихъ съ полдюжины, и поставили въ рядъ на концѣ залы. Тутъ изъ ящика стали вынимать склянку за склянкой, и давать Жидамъ каждаго лекарства ad libitum, сколько вздумается; потомъ вывели ихъ въ другую комнату, гдѣ они сидѣли съ печальнымъ видомъ, ожидая рѣшенія своей участи, какъ приговоренные къ смерти, оплакивая свои бѣдствія, и въ душѣ желая гибели мучителямъ. Дѣйствія лекарствъ были и разнообразны и сильны. Турки глядѣли съ ужасомъ; въ Жидахъ все подавлялось чувствомъ отвращенія. «Аллахъ, Аллахъ!» восклицали зрители, и вся церемонія кончилась полнымъ убѣжденіемъ, что самъ нечистый посѣтилъ ихъ городъ: ящикъ съ лекарствомъ бережно поставили на одинъ бокъ, а все остальное паша приказалъ сжечь, «какъ могущее навлечь несчастіе на госу-

«дарство Падишаха, убѣжища міра, — да продлится его цар-«ствованіе до дня преставленія свѣта!»

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТЪ И ЕГО СЕМЕЙСТВО. Еще разъ возвращаемся мы къ великому писателю, и тѣмъ охотнѣе, что имѣемъ случай познакомить читателей съ примѣчательными объ немъ подробностями и вмѣстѣ съ новымъ сочиненіемъ знаменитаго «Этрикскаго пастуха,» Г-на Гогга, — The domestic maners and private life of Sir Walter Scott, etc. Само собою разумѣется, что мы извлечемъ изъ разныхъ мѣстъ этого сочиненія, изобилующаго анекдотами, только разительнѣйшія черты характера Сиръ Вальтера.

Почти никто не знаетъ, что Вальтеръ-Скоттъ былъ одаренъ одною изъ тѣхъ памятей, которыя можно назвать феноменами въ людской природѣ. Однажды отправился онъ съ Г. Гоггомъ и прочими своими друзьями ловить рыбу въ рѣкѣ Твидѣ:

«Ночь была пріятная и тихая, но темная—хоть глазъ выколи. Въ ожиданіи пріятеля нашего Флечера, говоритъ Г. Гоггъ, мы втроемъ, Вальтеръ-Скоттъ, я и еще одинъ бывшій съ нами, сѣли на берегу рѣки, на небольшой зеленой лужайкѣ, и Сиръ Вальтеръ попросилъ меня спѣть мою Шотландскую балладу. Эта баллада никогда не была напечатана; я сочинилъ ее почти въ умѣ, и за три года до нашей прогулки только однажды пропѣлъ ее Вальтеръ-Скотту. По просьбѣ его, я сталъ пѣть ее теперь во второй разъ, но на восьмой или на девятой строфѣ остановился и никакъ не могъ припомнить слѣдующей. Тогда онъ началъ ее съ перваго стиха, и прочиталъ наизустъ всю до конца, отъ слова до слова. Эта баллада очень длинна, — въ ней восемьдесятъ восемь строфъ: зная, что онъ слышалъ ее только разъ и по-видимому не обращалъ на нее особеннаго вниманія, я не могъ не изъявить моего удивленія. Вальтеръ-Скоттъ отвѣчалъ мнѣ, что, ѣдучи однажды съ знакомыми на гулянье къ Фортскому Заливу, и желая занять свою компанію, онъ прочелъ наизустъ эту балладу и еще одну Соутея, именно «Абсрбротокское аббатство»; оба эти стихотворенія слышалъ онъ не болѣе разу отъ самихъ сочини-

телей и, кажется, не сдѣлалъ въ нихъ ни одной перестановки.»

Теперь нѣсколько подробностей объ его характерѣ:

«Вальтеръ-Скоттъ былъ человѣкъ непостижимый, говоритъ Г. Гоггъ. Никто не знаетъ, какъ и когда писалъ онъ свои безчисленныя творенія. Во время пребыванія его въ Эдинбургѣ, все дообѣденное время было посвящено судебнымъ дѣламъ. Когда онъ бывалъ дома, то принималъ всѣхъ безъ исключенія, мужчинъ, женщинъ, бѣдныхъ и богатыхъ; никогда не досадывалъ на посѣтителей; всегда былъ въ духѣ, привѣтливъ, ласковъ. Часто, боясь отяготить его, останавливался я въ его кабинетѣ, выжидая минуты, чтобъ сказать ему на свободѣ нѣсколько словъ; и былъ свидѣтелемъ, какъ десять человѣкъ одинъ за другимъ подходили къ нему прежде меня. Вельможи, живописцы, поэты, музыканты, — всѣ стремились къ Вальтеръ-Скотту, не говоря уже о книгопродавцахъ и типографщикахъ: съ ними у него нельзя было разойтись, но ихъ принималъ онъ наединѣ. Когда онъ жилъ въ Абботсфордѣ, то въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ домъ его былъ почти безпрерывно наполненъ посторонними. Не возможно было не сожалѣть о времени, которое отнимали у этого знаменитаго мужа. Я находилъ это безсовѣстнымъ. Онъ однажды пригласилъ меня на двѣ недѣли: я пріѣхалъ, но не рѣшился остаться болѣе трехъ дней, — обыкновенно посѣщенія мои были не продолжительнѣе. Но Вальтеръ-Скоттъ былъ всегда въ добромъ расположеніи. Послѣ завтрака онъ былъ готовъ сопровождать гостей своихъ куда угодно, — бродить по лѣсу, — ѣхать въ Ярро, въ Мельрозъ или въ Дрейбургъ, гдѣ теперь покоится прахъ его. Онъ былъ постоянно веселъ, когда здоровъ, но при болѣзни очень раздражителенъ: онъ былъ подверженъ злокачественному желчному недугу, соединенному съ жесточайшими судорогами. Когда приходилъ его припадокъ, трудно было улучить минуту, чтобъ поговорить съ нимъ, и въ это время лучше было вовсе его не безпокоить. Случалось, что страданія его бывали чрезмѣрны. Ему было предписано приложить къ грудной ложкѣ поджаренной соли: это было исполнено; на другой день увидѣли, что грудь его затянуло однимъ большимъ пузыремъ, и что часть ру-

башки перегорѣла,—между тѣмъ онъ ничего этого не чувствовалъ!

«Разговоръ Вальтеръ-Скотта былъ всегда забавенъ, всегда занимателенъ. Его кротость, непринужденность и вѣрность сужденій, неподражаемы. Онъ сыпалъ анекдотами, и я почти увѣренъ, что онъ самъ изобрѣталъ ихъ, потому что я никогда ни отъ кого другаго ихъ не слыхивалъ. Однажды только разговоръ его былъ для меня нимало не любопытенъ: въ этотъ разъ онъ бесѣдовалъ съ извѣстнымъ Лондонскимъ книгопродавцемъ, Мурреемъ. Они толковали только о знати, о членахъ парламента и о литтераторахъ. Я въ жизнь свою объ нихъ не слыхивалъ, да и слышать не хотѣлъ; но Муррей зналъ о каждомъ самыя мелочныя подробности. Вальтеръ-Скоттъ слушалъ его съ жаднымъ вниманіемъ, и этотъ разговоръ продолжался битыхъ четверо сутокъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ, необходимыхъ для сна.

«Кошелекъ Вальтеръ-Скотта всегда былъ открытъ для вспоможенія бѣднымъ литтераторамъ. Я знаю многихъ неудачныхъ сочинителей, которыхъ онъ содержалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ какою деликатностью помогалъ онъ имъ! Онъ обыкновенно давалъ имъ переписывать какія нибудь старыя бумаги, говоря, что онѣ для него чрезвычайно важны; за эту работу они получали еженедѣльную плату, въ полномъ увѣреніи, что собираютъ плоды своихъ трудовъ.

«Въ одно утро я болталъ съ Г. Баллентиномъ въ его конторѣ, куда приходилъ я почти каждый день, также какъ и мой знаменитый другъ. Мнѣ какъ-то пришлось къ слову сказать, что я въ жизнь мою не встрѣчалъ человѣка, подобнаго Скотту; что онъ, будучи самъ знаменитымъ писателемъ, помогаетъ многимъ бездарнымъ, но въ особенности возбуждаетъ уваженіе тѣмъ, что «шуйца его никогда не знаетъ того, что творитъ десница.»

«При этихъ словахъ лице Баллентина заблистало радостію, и слезы выступили изъ глазъ. «Вы правы, вы совершенно правы! сказалъ онъ: какъ я радъ, что вы знаете и умѣете уважать достоинства нашего благороднаго, неоцѣненнаго друга! Посмотрите.» Онъ взялъ дневную расходную книгу.

«До Вальтеръ-Скотта дошли слухи, что Ирландскій поэтъ, Метьюринъ, содержится въ тюрьмѣ за небольшой долгъ: онъ тотчасъ поручилъ мнѣ переслать ему шестьдесятъ фунтовъ (1500 р.), и Метьюринъ никогда не будетъ знать, отъ кого получилъ онъ эти деньги.

«Сиръ Вальтеръ не слишкомъ жаловалъ религіозныя секты и ханжество. Онъ былъ въ душѣ аристократъ, и общественное благосостояніе составляло предметъ близкій его сердцу. Побѣда, одержанная въ Британскомъ министерствѣ партіею Виговъ надъ Торіями, нанесла ему смертельный ударъ. Да! утвердительно могу сказать, что это событіе растерзало его сердце, разстроило здоровье, и наконецъ повергло его самого во гробъ. Мысль о неизбѣжной революціи въ Англіи долго устрашала его; онъ боролся съ нею, гналъ ее, и она, безпрестанно къ нему возвращаясь, подѣйствовала на его организмъ, убила его. Съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ, что демократія беретъ верхъ, онъ потерялъ всю надежду на благоденствіе не только Британіи, но и частныхъ лицъ въ народѣ. Однажды, говоря со мной объ этомъ, онъ съ особеннымъ, глубокимъ чувствомъ желалъ мнѣ счастія и успѣха въ моихъ предпріятіяхъ, и желанія свои перемѣшивалъ соболѣзнованіями о постигшихъ меня мірскихъ бѣдствіяхъ и о тѣхъ, которыя должны еще меня постигнуть, какъ Англичанина.

«Вальтеръ-Скоттъ былъ одаренъ чистымъ, свѣтлымъ умомъ и благороднымъ сердцемъ; онъ былъ истинно добрый человѣкъ, нѣжный, попечительный супругъ, снисходительный родственникъ, откровенный, не злопамятный другъ, справедливый судья и исправный корреспондентъ. Онъ отвѣчалъ на каждое получаемое имъ письмо, отъ кого бы оно ни было, — отъ богатаго или отъ бѣднаго, и большею частію отвѣчалъ не слишкомъ коротко. Вотъ каковъ былъ человѣкъ, котораго мы лишились, и какого никогда уже имѣть не будемъ! Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ необыкновенный, великій.

«Жена моя, продолжаетъ Г. Гоггъ, была любимица Вальтеръ-Скотта; онъ всегда оказывалъ ей величайшее уваженіе. Скоро послѣ нашей свадьбы привезъ я ее въ Абботсфордъ. Невзирая на многочисленное собраніе дамъ, онъ торже-

ственно похвалилъ мой выборъ, и даже присовокупилъ, что удивляется, откуда взялось у меня столько ума и вкуса, жениться на такой прекрасной женщинѣ. — Покорно благодарю за комплиментъ, Сиръ Вальтеръ! отвѣчалъ я ему на простонародномъ Шотландскомъ нарѣчіи.

«Что касается до моей жены, то она, бѣдняжка, безъ памяти обожала его. Разъ онъ обѣдалъ у насъ. Уходя, онъ схватилъ на руки мою маленькую дочь, Маргариту, поцѣловалъ ее, и положивъ ей на голову руку, сказалъ: «Всемогущій Богъ да благословитъ тебя, милое дитя мое!» Жена моя залилась слезами.»

Вотъ нѣкоторыя черты его семейства: «Леди Скоттъ всегда сохранится въ моей памяти, какъ милое, любезное, нѣжное существо. Когда кто нибудь изъ Абботсфордскихъ поселянъ бывалъ боленъ, отъ нея старались скрывать это, зная, что она будетъ страдать болѣе самого больнаго. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ, какъ она проплакала цѣлый день и почти всю ночь объ одномъ престарѣломъ бѣднякѣ, послѣ котораго осталось безпомощное семейство. Дочь ея, Анна, была чрезвычайно похожа на нее и лицемъ, и обращеніемъ.

«Мнѣ извѣстны только немногія подробности о дѣтяхъ Вальтеръ-Скотта. Сообщу то, что знаю.

«Софіи было не болѣе трехъ мѣсяцевъ, когда я въ первый разъ посѣтилъ его: съ тѣхъ поръ она росла и развивалась на моихъ глазахъ. Когда лѣта младенчества миновали, я предвидѣлъ, что она будетъ любимицею отца. Такъ и вышло. Она была невинное дитя природы; въ ней не было ни тѣни лицемѣрія. Кому жъ она такъ любила отца! О, какъ горячо любила она его! Я никогда не забуду тѣхъ нѣжныхъ взглядовъ, которые она устремляла на него, когда онъ, опершись на костыль свой и склонивъ голову къ ея арфѣ, слушалъ, какъ она пѣла его любимыя старинныя баллады или самимъ имъ собранныя пѣсни горныхъ Шотландцевъ. Когда онъ входилъ къ ней въ комнату, она измѣнялась въ лицѣ, и нерѣдко невольно вскрикивала отъ радости. Она уже давно замужемъ и сама имѣетъ дѣтей; но я увѣренъ, что память нѣжнѣйшаго отца для нее всегда драгоцѣнна.

«Сынъ его, Вальтеръ, благородный, откровенный, добрый малый; но въ немъ нѣтъ и искры отцовскаго генія. Воспитанный въ литературномъ обществѣ, которымъ съ дѣтства окруженъ былъ безпрестанно, онъ, кажется, мало уважаетъ Словесность и Науки, и въ особенности терпѣть не можетъ Поэзіи.

«Украшеніемъ семейства Вальтеръ-Скотта всегда считалъ я другую дочь его, Анну, (которая теперь замужемъ за Г. Локгардомъ, издателемъ извѣстнаго журнала Quarterly Review.) Она проницательна, чувствительна и остроумна, но должна быть нѣсколько насмѣшлива: по-крайней мѣрѣ, я знаю, что когда она была еще ребенкомъ, подруги боялись ея какъ змѣи. Девизомъ втораго сына его, Карла, можетъ служить поговорка — либо панъ, либо пропалъ».

«О дарованіяхъ Г. Локгарда Вальтеръ-Скоттъ отзывался всегда съ такимъ восторгомъ, какого онъ, по мнѣнію моему, не заслуживаетъ: я знаю его гораздо лучше, нежели зналъ его СиръВальтеръ, и, что бы Локгардъ ни говорилъ, я знаю Сиръ Вальтера сто разъ лучше, нежели онъ.» *М. М.*

ВСЕОБЩІЙ ПРИМИРИТЕЛЬ. Есть въ Лондонѣ предобрый и претихій человѣкъ, нѣкто Чарльзъ Топлисъ, Конюшій, — почти тоже что порядочный человѣкъ, — который приходилъ въ отчаяніе всякой разъ, какъ читалъ въ газетахъ, что гдѣ-нибудь вспыхнула война, и что люди дерутся. Онъ готовъ былъ сдѣлать все въ свѣтѣ, чтобъ только убѣдить людей не драться, и жить такъ дружелюбно и тихо, какъ живетъ онъ съ своей кошкой и съ своей кухаркой. Ища средствъ примирить народы, онъ напередъ сталъ искать ихъ въ Исторіи; но въ Исторіи нашлись только сѣмена вражды и источники тѣхъ предразсудковъ, которые будутъ вѣчно вооружать одни племена противъ другихъ. Онъ принялся за Дипломацію, о пользѣ которой наслышался много отъ одного секретаря посольства: но справкѣ оказалось, что Дипломація служитъ только къ отсрочкѣ драки до слѣдующаго утра, чтобъ между-тѣмъ ночью собраться съ силами. Онъ хотѣлъ еще прибѣгнуть къ пособію Нравоучительной Философіи, но друзья ему отсовѣтовали, говоря, что онъ лучше сдѣлаетъ, если начнетъ учиться Логикѣ. Ми-

стеръ Чарльзъ Топлисъ, Конюшій, началъ учитьея Логикѣ: мы уже сказали, что онъ все готовъ былъ сдѣлать для удержанія людей отъ дракъ и кровопролитія! Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, онъ вдругъ вывелъ изъ двухъ старыхъ посылокъ такое умозаключеніе, которое никогда людямъ и въ голову не приходило, хотя оно удивительно просто и естественно. Онъ сказалъ себѣ: извѣстно, что пока на свѣтѣ будутъ люди, они всегда будутъ истреблять другъ друга,— слѣдственно, если бъ разомъ истребить людей, они бы перестали истреблять другъ друга. Это силлогизмъ ab absurdo, но очень основательный. Г. Чарльзъ Топлисъ, Конюшій, рѣшился примѣнить его къ пользамъ человѣчества, и какъ онъ въ то же время превосходный механикъ, то ему не трудно было выдумать такую машину, которая была бы въ состояніи въ каждый поворотъ рукоятки истреблять милліонъ людей. Онъ въ самомъ дѣлѣ ее выдумалъ. Сначала хотѣлъ онъ назвать ее — *Всеобщій истребитель*, но, подумавъ немножко, предпочелъ назвать—*Всеобщій примиритель*. Это отнюдь не шутка. Машина существуетъ; весь Лондонъ бѣжитъ любоваться на нее. Вотъ, что пишутъ объ ней въ газетѣ Sun.

«Г. Чарльзъ Топлисъ, Конюшій, членъ Британскаго Музеума Мануфактуръ, изобрѣлъ большую воинскую машину, которой разрушительная сила не имѣетъ ничего подобнаго въ извѣстной доселѣ Исторіи народовъ всей земли. По мнѣнію изобрѣтателя, это ужасное орудіе произведетъ то дѣйствіе, что впредь вести войну будетъ уже невозможно, потому что самое многочисленное войско не въ состояніи будетъ побѣдить нѣсколькихъ человѣкъ, которые, при помощи этой машины, вздумаютъ рѣшительно защищаться. Съ помощію новой силы, изобрѣтенной г-мъ Топлисомъ, нѣсколькихъ человѣкъ достаточно для того, чтобы истребить величайшую армію, какую только можно вывести въ поле. Эта машина такъ легка, что два человѣка удобно могутъ поставить ее на колеса, и двигать по всѣмъ направленіямъ или сами, или при помощи одной лошади. Ее можно провести по всякой дорогѣ, по которой только могутъ пройти человѣкъ или лошадь. Чтобы приготовить ее къ дѣйствію, для этого нужно только нѣсколь-

ко минутъ. Машина эта построена и расположена такимъ образомъ, что можетъ бросать въ столько времени, сколько угодно, градъ ядеръ, направляемый въ ту или другую сторону, точно такъ же, какъ направляется вода, извергаемая пожарною трубою, и притомъ съ такою же легкостію. Между тѣмъ, какъ этотъ смертоносный дождь будетъ съ величайшею точностію литься на непріятельскую армію, два человѣка, приводящіе машину въ движеніе, будутъ внѣ всякой опасности. «Мы должны признаться, говорятъ редакторы газеты *Sun*, что покуда еще не разсмотрѣли въ подробности этого ужаснаго орудія смерти, мы очень расположены были сомнѣваться въ силѣ, приписываемой ему изобрѣтателемъ. Но г. Топлисъ такъ ясно растолковалъ намъ дѣйствіе своей машины, устройство ея такъ просто, приведеніе въ дѣйствіе такъ легко, всѣ части такъ хорошо приспособлены къ ея назначенію, что все это совершенно уничтожило наши сомнѣнія, и мы убѣдились, что небольшое число этихъ приборовъ, искусно употребленныхъ, достаточно было бы для того, чтобы истребить армію не малочисленнѣе той, которую Наполеонъ повелъ въ гибельный походъ на Россію.

«О дѣйствующей силѣ этой машины, скажемъ мы только то, что изверженіе ядеръ производится развитіемъ газа въ то время, какъ пушечный порохъ постепенно загарается. Люди, приводящіе машину въ движеніе, располагаютъ этою силою такъ произвольно, что могутъ останавливать изверженіе ядеръ, и потомъ возобновлять его, почти безо всякой потери времени. Докторъ Биркбекъ и другіе ученые люди разсматривали эту машину, и нисколько не сомнѣваются въ ея дѣйствительности. Что касается до изобрѣтателя ея, г. Топлиса, то онъ совершенно убѣжденъ въ благодѣтельномъ дѣйствіи, которое она произведетъ на будущую судьбу народовъ, сдѣлавъ войну столь кровопролитною, что никто не осмѣлится предпринять ее; и потому-то именно г. Топлисъ назвалъ это ужасное орудіе разрушенія утѣшительнымъ именемъ *всеобщаго примирителя*.

БЕЗКОНЕЧНАЯ МУЗЫКА. До сихъ поръ только глупость и злость считались совершенно неизлечимою болѣзнію: теперь

видно, что и музыка иногда сопротивляется всѣмъ усиліямъ врачебнаго искусства. Докторъ Беффоріо имѣлъ не давно случай наблюдать необычайное дѣйствіе произведенною музыкою надъ одною женщиною. Этой женщинѣ было двадцать восемъ лѣтъ отроду; она родилась и жила въ небольшой Піемонтской деревнѣ, семь лѣтъ была замужемъ, цвѣтъ лица имѣла живой и сложеніе здоровое. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года она была на храмовомъ праздникѣ въ своей деревнѣ. На балѣ, данномъ по этому случаю, былъ хорошій и весьма громкій оркестръ, который она слышала въ первый разъ въ жизни. Праздникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и балъ продолжались три дня, и эта женщина танцовала почти безпрерывно и съ какимъ-то энтузіазмомъ; никогда она не слыхивала музыки такой громкой, и никогда съ такимъ удовольствіемъ не танцовала.

По окончаніи праздника, ей все слышались звуки музыки, которая такъ прельстила ее. Что бы она ни дѣлала, ѣла ли, ходила ли, лежала ли, мелодическіе звуки безпрерывно раздавались въ головѣ ея, такъ что она не могла спать. Оркестръ игралъ все монферины, а такъ какъ ихъ было очень много, то всѣ онѣ одна за другою проходили въ ея головѣ.

Безсонница, произведенная этою безконечною музыкою, разстроила пищевареніе и другія жизненныя отправленія. Разные шарлатаны и нѣкоторые ученые врачи были призываемы, но ни какое пользованіе не могло прекратить этой музыки. Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ разстройство жизненныхъ отправленій, слабость и ночныя испаренія, увеличивались, звуки въ головѣ ея усиливались. Докторъ Беффоріо, который былъ три раза приглашаемъ на консультацію, всегда находилъ, что пульсъ бьется у ней сильно, неровно и съ перемежками какъ у человѣка, который испуганъ. Чрезъ полгода эта женщина умерла отъ нервической чахотки, и во все это время ни на минуту не переставала слышать музыки, которая становилась все болѣе и болѣе тягостною, по мѣрѣ разстройства здоровья.

Первый скрипачъ для забавы общества, иногда нарочно фальшилъ, и эти звуки также повторялись въ головѣ ея, и тѣмъ чаще, чѣмъ состояніе ея становилось хуже: до-

шло до того, что она, хватаясь обѣими руками за голову, вскрикивала: Ахъ какія фальшивыя ноты!

Не мудрено, что звуки, такъ сильно подѣйствовавшіе на органъ слуха, и произведшіе столь чрезвычайное дѣйствіе на sensorium commune, могли возбудить въ немъ повтореніе, какъ бываетъ при долговременныхъ ощущеніяхъ; но непостижимо, отчего это дѣйствіе, вмѣсто того, чтобы ослабѣвать, усиливалось безпрерывно, до того, что произвело нервическую чахотку, которая, сколько намъ извѣстно, доселѣ еще не была наблюдаема.

ВЛІЯНІЕ ЛУНЫ. Мы уже однажды говорили о вліяніи нашего спутника на перемѣны въ воздухѣ. Дѣйствіе его на животную и растительную жизнь, съ недавнихъ поръ, также обратило на себя вниманіе естествоиспытателей. Въ Сиріи и Египтѣ общее мнѣніе приписываетъ его свѣту очень вредное вліяніе на здоровье человѣка, и въ лунныя ночи тамошніе жители садятся на открытомъ воздухѣ не иначе, какъ въ тѣни. Сильная головная боль бываетъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ пренебреженія этой осторожности, которой пользу можемъ мы подтвердить личнымъ опытомъ. Любопытны слѣдующіе факты, сообщаемые Г-мъ Монтгомери Мартиномъ въ его «Исторіи Англійскихъ Колоній.»

«При изслѣдованіи климата тропическихъ странъ, вліяніе мѣсяца, кажется, совсѣмъ потеряно было изъ виду; но если дѣйствіемъ луны поднимаются изъ бездонныхъ пучинъ воды обширнаго океана, то безъ преувеличенія можно утверждать, что приливы и отливы атмосферическаго воздуха подвержены тому же вліянію: это такъ вѣрно, что, въ низменныхъ тропическихъ странахъ, каждый внимательный наблюдатель Природы непремѣнно замѣтитъ силу мѣсяца надъ временами года, и надъ животнымъ и растительнымъ организмами. Что касается до послѣдняго, то можно рѣшительно утверждать, что въ Демерарѣ бываетъ тринадцать разъ въ годъ весна и осень, потому что именно столько разъ сокъ въ деревьяхъ поднимается къ вѣтвямъ, и опускается къ корню. Напримѣръ, срубите вы валлабу, — смолистое дерево, нѣсколько сходное съ краснымъ, — въ темнотѣ, незадолго передъ новолуніемъ, и вы увидите, что это

одно изъ крѣпчайшихъ строевыхъ деревъ на свѣтѣ: попытайтесь расколоть его, при всѣхъ вашихъ усиліяхъ раздерется оно очень неровно. Теперь, срубите другую валлабу, выросшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ первой, въ полнолуніе, и можете расколоть ее въ прекраснѣйшія гладенькія лучинки, какой угодно толщины; но для постройки это дерево слишкомъ рыхло. Бамбуковый тростникъ, въ руку толщиною, нерѣдко употребляютъ для частоколовъ: если онъ былъ срѣзанъ въ безлуніе, то выдержитъ десять и двѣнадцать лѣтъ, если жъ въ полнолуніе, — пропадетъ въ два, въ три года. То же самое и съ другими деревьями, хотя, можетъ, и не со всѣми. Если перейдемъ ко вліянію луны на животный организмъ, то увидимъ, что и здѣсь за примѣрами дѣло не станетъ. Я видалъ въ Африкѣ, что новорожденныя животныя издыхали въ нѣсколько часовъ подлѣ матери, если были подвержены дѣйствію лучей полнаго мѣсяца; рыба скоро начинала гнить, а мясо портилось даже и соленое; моряки, неосторожно спавшіе на палубѣ, получали куриную слѣпоту; иногда же дѣйствіе мѣсячныхъ лучей производило въ лицѣ ихъ отвратительную опухоль; отъ перемѣнъ луны припадки сумасшествія страшно усиливались, и вліяніе этого свиду кроткаго, но могущественнаго свѣтила часто причиняло спящему лихорадочный ознобъ. Пусть только изучатъ дѣйствіе Луны на Землю, и тогда увидятъ, что оно сильнѣе, нежели какъ вообще полагали.»

АМЕРИКАНСКІЕ ИНДѢЙЦЫ. Вотъ еще нѣсколько строкъ объ Американскихъ туземцахъ, которыя мы заимствуемъ также изъ сочиненія Г. Мартина, въ дополненіе къ тому, что сказано объ нихъ въ отчетѣ о книгѣ почтеннаго Ма-ка-тай-ми-ни-ка-кякъ.

«Гвіанскіе Индѣйцы — народъ чрезвычайно способный, и быстрота ихъ хода въ родныхъ лѣсахъ, по самымъ труднымъ дорогамъ, изумительна для Европейцевъ, изъ которыхъ мало кто въ состояніи поспѣвать за ними даже на небольшомъ разстояніи. Ни какой Европейскій переходъ не сравнится съ быстрыми движеніями Индѣйскихъ полковъ Боливаровой арміи. Экспедиція, состоящая изъ однихъ Ин-

дѣйцевъ, пройдетъ извѣстное пространство втрое скорѣе такого жъ Европейскаго отряда, и это преимущество дастъ имъ возможность съ выгодою противостоять въ дикихъ краяхъ своихъ непріятелю, который вдвое ихъ многочисленнѣе. Сверхъ-того, они могутъ удобно прожить тамъ, гдѣ Европейское войско должно умереть съ голоду, и коммиссаріата для нихъ не нужно. Съ 10 фунтами кассавнаго хлѣба Индѣецъ пробудетъ въ полѣ недѣли три или мѣсяцъ. Ружье его всегда будетъ исправно, аммуниція суха и годна въ дѣло. Нѣтъ возможности застать его въ расплохъ, и съ начальникомъ, который не уступитъ ему въ этихъ качествахъ и къ которому онъ имѣетъ довѣріе, Индѣйскій рядовой лучше всякаго для службы въ тропическомъ краѣ, подъ палящимъ солнцемъ экватора.»

Эти люди одной породы съ первобытными жителями Острововъ: но гдѣ теперь послѣдніе! Они истреблены другими людьми, которые не только назывались образованными, но и хотѣли слыть чрезвычайно набожными: не будемъ разлагать чувствъ, возбуждаемыхъ сближеніемъ слѣдующихъ предписаній Ямайкскаго Совѣта:

«Августа 14, 1656 года. Приказъ, за подписью Эдварда Д' Ойли, о раздачѣ солдатамъ 1701 Библіи.»

«Августа 26, 1656 года. Предписаніе, данное казначею Питеру Нью, объ уплатѣ Джонъ Гою двадцати фунтовъ стерлинговъ, изъ податной суммы, за пятнадцать собакъ, привезенныхъ имъ для травли Индѣйцевъ.»

Конечно, теперь не въ модѣ употреблять собакъ для очистки земель отъ первобытныхъ людей; но Европейцы скоро затравятъ ихъ своей промышленостью. Они искоренятъ своей торговлей это злополучное поколѣніе, и слѣды его смоютъ потопомъ рому. Черезъ два столѣтія, Американскихъ Индѣйцевъ можно будетъ называть тоже предпотопными народами.

ПЕРСІЯНЕ. Въ статьѣ о Средней Азіи, по изобилію предметовъ, не могли мы заимствовать столько, сколько бы желали, изъ любопытнаго Путешествія поручика Коноллн въ Индію черезъ Россію, Персію и Афганистанъ. Вознаградимъ этотъ пропускъ выпискою нѣсколькихъ подробностей

о Персіянахъ. Во-первыхъ, разговоръ поручика съ однимъ изъ сыновей Шаха, — съ шахъ-заде (принцемъ) Ахмедъ-Али-Мирзою, и визиремъ его, въ Мешгедѣ:

1. *Кто такой Остъ-Индская Компанія?* «Шахъ-заде желалъ знать, у кого я въ службѣ, у Англійскаго Короля или у *Кумпани.* — У Кумпани, отвѣчалъ я: но члены Кумпани сами подданные Его Величества Короля Англіи и Падишаха морей. — «*Кумпани чи чизъ эстъ?* Что за такая штука, Кумпани?» спросилъ принцъ. Я сталъ было толковать о двадцати четырехъ директорахъ, но визирь перебилъ меня и рѣшительно отвѣчалъ, что, хотя нѣкоторые и утверждаютъ, будто Остъ-Индская Компанія есть старая баба, которая никакъ не можетъ умереть, но это неправда: Компанія — просто Сиръ Джонъ Малкольмъ. Я хотѣлъ сказать, что онъ ошибается. Не тутъ-то было, — онъ крѣпко стоялъ на своемъ. — «Вы меня спросите!» говорилъ онъ съ видомъ человѣка, который знаетъ всю подноготную: «поверьте, что это мнѣ очень хорошо извѣстно. Сиръ Джонъ «Малкольмъ пріѣхалъ сперва въ качествѣ *эльчи* (посла) къ «нашему Царю Царей, а тамъ отправился въ Бомбай, и «сталъ *Компаніей.*» Явно, что всѣ разувѣренія съ моей стороны были бы напрасны. Притомъ же, думалъ я, почтенной Компаніи могутъ навязать представителя гораздо хуже: такъ пусть себѣ визирь остается при своемъ мнѣніи, а на меня падетъ укоръ, что я не знаю дѣлъ своего отечества.»

2. *Персидскій астрономъ.* Г. Коноллн пріѣхалъ въ Мешгедъ, съ товарищемъ своимъ, Персіяниномъ, по имени Сендъ. «Черезъ нѣсколько дней Сендъ взялъ меня съ собою обѣдать къ старинному пріятелю своему, мирзѣ Абдуль-дковату, который былъ муджтендомъ, то есть, главнымъ богословомъ и однимъ изъ сановниковъ города. Мешгедцы почитаютъ мирзу Абдуль-дковата настоящимъ *Иблатуномъ*, Платономъ. Онъ все знаетъ! Когда мы шли къ нему, Сендъ сказалъ мнѣ: «Вы какъ-то говорили, что завоева«нія Чингисхана и Монголовъ не простерлись въ Англію: «пусть оно и по вашему, но не совѣтую вамъ спорить объ «этомъ съ мирзой Абдуль-дковатомъ, потому что у него «есть историческая книга о Фрингистанѣ (Европѣ), гдѣ ска-

«зано, что Монголы были въ Англіи: такъ зачѣмъ разстро-«вать его съ этой книгою?»

«Мы дождались, пока старикъ кончилъ свои молитвы въ маленькой мечети, у самыхъ воротъ его дома. Сендъ поцѣловалъ у него руки въ знакъ глубочайшаго почтенія; я привѣтствовалъ его по-Персидски, положивъ руку на сердце, и наклонившись впередъ. Только-что мы усѣлись на пятахъ, мирза сказалъ мнѣ: «Добро пожаловать! Вы оказали «милость! Весьма пріятно васъ видѣть! Вашъ мозгъ въ ис-«правности? Какова географическая широта Лондона?» Заглянувъ въ книгу, о которой упоминалъ мой товарищъ, и которая тутъ же лежала, онъ удостовѣрился, что мнѣ извѣстна широта Лондона, и я прослылъ у него человѣкомъ свѣдущимъ. Потомъ онъ говорилъ о своихъ астрономическихъ наблюденіяхъ въ Мешгедѣ, по которымъ опредѣлилъ будто-бы положеніе его почти согласно съ Г. Фрезеромъ: думаю, что старикъ немного прихвастнулъ! Онъ сильно напиралъ на меня отвлеченными мѣстами изъ Астрономіи, но къ счастію случился другой гость, который помѣшалъ нашему разговору сдѣлаться слишкомъ ученымъ: то былъ купецъ изъ Решта, который, переплывъ однажды черезъ Каспійское Море въ Астрахань, считалъ себя въ полномъ правѣ разсказывать самыя удивительныя вещи объ *Урусахъ*, то есть, Русскихъ.

«Разговоръ былъ очень кстати перерванъ превкуснымъ обѣдомъ, поданнымъ на серебряныхъ подносахъ, и я наконецъ увидѣлъ, какъ живутъ здѣсь люди высшихъ сословій. Тутъ былъ продолговатый Пиншаверскій рисъ, который можете вы придавить, какъ хотите, и онъ опять поднимется собственной своей упругостью: онъ такъ легокъ, что никогда не почувствуешь, довольно ли его съѣлъ или нѣтъ. Вмѣстѣ съ нимъ подали намъ разноцвѣтныхъ пилавовъ, яичницъ, отличныхъ мясъ съ сладкими епронами и чесноку въ молокѣ; а для питья, шербетовъ и соку свѣжихъ гроздъ, — сущихъ нектаровъ, которые изъ фарфоровыхъ кувшиновъ переливаются въ ротъ глубокими ложками грушеваго дерева, такъ нѣжно выточенными, что онѣ зыблются подъ тяжестью напитка. Хозяинъ подчивалъ гостей самымъ учтивымъ образомъ, выбирая намъ лучшіе куски мяса пальцами,

и даже удѣляя съ своей собственной тарелки, — вѣжливость, существующая по-крайней-мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ Іосифъ угощалъ братьевъ при Дворѣ Фараона, и почитаемая въ Персіи за первую ласку, какую только можно оказать дорогому гостю: онъ приправлялъ обѣдъ, разсыпая въ промежуткахъ его цвѣты поэтическаго остроумія, и перебрасываясь ими съ Сеидомъ, который самъ былъ на это большой мастеръ.»

3. *Персидская вѣжливость.* «Персіянъ сравнивали иногда съ Французами въ отношеніи къ умѣнью пріятно бесѣдовать и къ вѣжливости въ обращеніи; но, право, сомнительно, наговорятъ ли вамъ Французы такъ много объ какой-нибудь бездѣлицѣ, и не потерпитъ ли слава ихъ учтивости отъ сравненія съ сынами Востока. У Персіянъ нѣтъ настоящихъ свѣдѣній, изъ которыхъ бы они могли извлекать пищу для своего остроумія; однако жъ, рѣдко бываетъ, чтобъ, сошедшись глазъ-на-глазъ, они не завели съ вами бойкаго разговора: притомъ и объясняются они такъ учтиво и весело, что въ обществѣ ихъ вы тотчасъ чувствуете себя на свободѣ, и можете находить въ немъ удовольствіе, даже при весьма несовершенномъ знакомствѣ съ ихъ языкомъ. Мнѣ показалось, что они учтивѣе Французовъ, особенно нынѣшнихъ; что, обладая ихъ пріятностью, они не имѣютъ такой склонности къ гримасамъ и той опрометчивости, той brusquerie, которыя нерѣдко оскорбляютъ въ нынѣшнемъ Французѣ. Правда, они могутъ быть такъ же грубы и непріятны, какъ и всякой другой народъ, но для этого надобно тронуть ихъ религіозные предразсудки: иначе рѣдко забудутся они до такой степени.»

ВОДЯНОЙ ТЕАТРЪ. Наконецъ открыли въ Парижѣ водяной, или такъ называемый, наутическій театръ: то есть, онъ былъ открытъ уже въ Іюнѣ мѣсяцѣ; но мѣсто, приготовленное для воды, для рѣкъ, озеръ, водопадовъ, морей и океановъ, тогда было еще покрыто досками, и на нихъ-то разыграли двѣ пьесы, — Les Ondines и Guillaume Tell. Теперь зрители увидѣли и бассейнъ, и воду, и въ придачу новый Балетъ, «Робинсонъ Крузе,» сочиненный для этого случая Г. Блашемъ, братомъ нашего Петербургскаго хоре-

графа. Да! на театрѣ была вода: но какая вода! Нечистая, печальная. На водѣ былъ Балетъ: но какой Балетъ! Вполнѣ достойный воды и бассейна.

Въ бассейнѣ за деревомъ, течетъ вода. Шумъ падающей воды очень печаленъ, и скорѣе располагаетъ къ задумчивости, чѣмъ къ смѣху. Прошу смѣшить и дурачиться при шумѣ водопада!

Неразъ уже говорили, что истинная истина въ Искусствахъ не существуетъ: теперь можно сказать напротивъ, что истинная истина вредитъ Искусству. Поставьте посреди декораціи, изображающей лѣсъ, дерево настоящее, земное, покрытое листьями и плодами: оно будетъ подавлено живописью. При представленіи этого Балета на водяномъ театрѣ, искусственное море, изъ полотна и папки, видѣвшееся вдали, совершенно затмѣвало воду настоящую; настоящія суда походили на орѣховыя скорлупы въ сравненіи съ нарисованнымъ линѣйнымъ кораблемъ, а настоящая обезьяна была дрянная обезьяна въ сравненіи съ актеромъ, который нарядился бы въ кожу покойнаго Мазюрье.

Театръ всегда предполагаетъ вымыселъ, обманъ чувствъ. Оставьте попугаевъ и обезьянъ въ ихъ лѣсахъ: есть много актеровъ, которые могутъ играть очень естественно роль обезьянъ и попугаевъ. Искусство человѣка, ловко подражающаго животному, приноситъ вамъ удовольствіе и возбуждаетъ удивленіе, которыя вдругъ исчезаютъ при видѣ подлиннаго животнаго, дѣйствующаго безъ всякаго усилія. Къ чему принуждать честныхъ звѣрей играть комедію, когда они не имѣютъ къ тому ни какого расположенія? Къ чему мучить водовозовъ, заставляя ихъ натаскивать вамъ настоящее море, за которое вы платите очень дорого, междутѣмъ какъ размалеванное полотно стоитъ такъ дешево?

О Балетѣ и говорить нечего. Вода не оставила мѣста Балету. Что касается до содержанія, то дѣло все въ томъ, чтобы взбѣсить бѣднаго ученаго, который заброшенъ бурею на островъ Робинсона. Бѣдный ученый бросается въ воду, а какъ это вода настоящая, то больно видѣть несчастнаго

актера, который для того, чтобы разсмѣшить васъ, подвергается опасности получить воспаленіе въ груди. Парижскіе критики совѣтуютъ Парижскому Г. Блану лучше взяться за что-нибудь другое.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. La Fille du Prince, *Царская дочь*, Комическая Оперы въ двухъ дѣйствіяхъ.

Музыка этой Оперы написана артистомъ, Г. Фельтромъ, который давно уже начинаетъ; слова г-мъ Скрибомъ. Дѣйствіе происходитъ въ обширномъ лѣсу одного Великаго Герцогства. Великій Герцогъ сказалъ своему сыну: Альберту, — *Я хочу, чтобы ты женился на Бланкѣ Симеренъ*! Но какъ строгій Герцогъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добрѣйшій изъ отцевъ, то онъ позволилъ сыну своему, Альберту, въ тотъ же день ѣхать на охоту.

Вы слышите валторны, тромбоны, громъ: это сынъ Герцога, Альбертъ, ѣдетъ на охоту. Ѣздивъ часто на охоту, Альбертъ встрѣтилъ однажды пастушку Эммелину; Эммелина, несмотря на зеленое, вышитое золотомъ платье Альберта, приняла его за богатаго мызника. Она влюбилась въ него, потомъ тайно вышла за него замужъ, и теперь любитъ его всѣмъ сердцемъ. Въ этотъ день Альбертъ очень печаленъ; ему приказано жениться на Бланкѣ Симмеренъ, которой онъ не любитъ, и онъ нарочно пріѣзжаетъ въ лѣсъ, чтобы предувѣдомить объ этомъ жену свою, Эммелину. Но Эммелина такъ добра и мила, она такъ любитъ своего Альберта, что у него не достаетъ духу сказать ей объ этомъ. Альбертъ не смѣетъ сказать ей на отрѣзъ что онъ Альбертъ и сынъ Великаго Герцога, и только рѣшается открыть ей, что онъ не простой мызникъ, что онъ племянникъ Великаго Герцога: да, племянникъ его, Адольфъ! При этой вѣсти, Эммелина остается въ недоумѣніи; въ глубинѣ сердца она очень огорчена этимъ, но потомъ утѣшается, вспомнивъ, что пословица говоритъ: *Бываетъ, что и цари женятся на пастушкахъ*!

Принцъ Альбертъ, немножко успокоившись этою полудовѣренностію, возвращается домой, къ батюшкѣ. Тутъ

снова появляется охота, и подымается шумъ и тревога такъ, что самые старые дубы и самые крѣпкія уши трещатъ. Является новый охотникъ, Адольфъ, именно племянникъ Герцога. Адольфъ тоже влюбленъ; но не въ пастушку, а въ принцессу: онъ любитъ Бланку Симмеренъ, невѣсту двоюроднаго его братца, Альберта, и, что всего лучше, онъ любимъ. Правда, что онъ съ нею еще не въ такой дружбѣ, какъ Альбертъ съ Эммелиною, но не далеко отъ этого. Они оба къ этому готовы, и Бланка и Адольфъ. Они даже согласились между собою, чтобы Адольфъ нарочно бросился въ пропасть для того, чтобъ не исполнить приказанія Великаго Герцога, который и его хочетъ женить. Распустивъ слухъ о своей смерти, Адольфъ увезетъ Бланку Симмеренъ, и женится на ней въ чужихъ краяхъ.

Адольфъ дѣлаетъ все какъ условлено; ѣдетъ на охоту и притворяется, будто убился. Весь дворъ сожалѣетъ о молодомъ Принцѣ. Сильнѣйшая горесть этого траура раздается въ сердцѣ пастушки Эммелины, которая почитаетъ Адольфа своимъ супругомъ. Услышавъ, что онъ умеръ, она приходитъ ко двору Герцога, чтобы оплакивать супруга своего въ уединеніи. Тутъ она объявляетъ, что была обручена съ Адольфомъ, и часто видалась съ нимъ въ лѣсу при звукахъ валторнъ и тромбоновъ. При этой вѣсти нетерпѣливая Бланка Симмеренъ вскрикиваетъ: *Адольфъ обманщикъ*! Она разсказываетъ, что Адольфъ не умеръ, что онъ только притворился мертвымъ для того, чтобы дядя о немъ поплакалъ; что онъ въ эту же ночь долженъ пріѣхать, чтобы увезти ее, невѣсту Альберта. Великій Герцогъ въ ту жъ минуту посылаетъ за своимъ племянникомъ; его схватываютъ и приводятъ. О ужасъ! это не онъ! это не супругъ Эммелины! Эммелина обманута во второй разъ. Сначала она думала, что вышла замужъ за мызника въ зеленомъ, вышитомъ золотомъ платьѣ, и была очень довольна своимъ мызникомъ; потомъ думала, что вышла за племянника Великаго Герцога, и опять покорилась судьбѣ своей, согласилась быть герцогинею, какъ и слѣдуетъ доброй и покорной женѣ. Теперь что же думать? Ктоже это на ней женился? Почему знать! быть-можетъ, Картушъ. Бѣдная Эммелина!

Тутъ Великій Герцогъ подходитъ къ пастушкѣ, и совѣтуетъ ей требовать правосудія: это все же утѣшительно, да притомъ и занимательно. Эммелина проситъ правосудія. Она подходитъ къ трону и требуетъ мести противъ обманщика, который, обольстилъ ее, женился на ней, покинулъ ее. Но вы можете вообразить ея удивленіе, когда поднявъ прекрасные глаза свои, она видитъ на тронѣ того же самаго, который обольстилъ ее, женился на ней, покинулъ ее! Она смущается, блѣднѣетъ, едва держится на ногахъ. Принцъ Альбертъ, которому отецъ уступилъ на время свой тронъ, чтобы онъ поучился отправлять правосудіе, смущенъ не менѣе самой Эммелины; такъ смущенъ, что не можетъ выговорить ни слова, не то придумать рѣшеніе дѣла столь казуснаго. Великій Герцогъ, видя смущеніе сына, воображаетъ себѣ, что у него вертится голова отъ того, что онъ сидитъ не на своемъ мѣстѣ; отецъ спѣшитъ на помощь къ своему сыну, садится на тронъ, и произноситъ твердымъ, привычнымъ голосомъ слѣдующее рѣшеніе: «Повелѣваю, чтобы обольститель Эммелины палъ къ ногамъ ея, просилъ у ней прощенія, и женился на ней во второй разъ, сообразнѣе съ законнымъ порядкомъ, чѣмъ въ первый.» Сказано, сдѣлано. Принцъ Альбертъ, который не хочетъ быть повѣшенъ какъ обольститель, падаетъ къ ногамъ Эммелины. «Что ты дѣлаешь?» вскрикиваетъ Великій Герцогъ. Исполняю ваше повелѣніе, отвѣчаетъ Принцъ Альбертъ. Кто тутъ больше всѣхъ удивленъ и разогорченъ? Разумѣется Великій Герцогъ: онъ самъ себя связалъ слишкомъ скорымъ рѣшеніемъ; торжественный приговоръ его падаетъ на его же голову всею своею тяжестію; собственное правосудіе его угнетаетъ и доброта сердца приводитъ въ крайность. Какъ-бы то ни было, но дѣлать нѣчего, говорить нѣчего, пѣть нѣчего: онъ прощаетъ, пастушка становится Герцогинею. и Опера кончается. Плоха? Это правда; но музыка еще хуже.

2. Judith et Holopherne, *Юдиѳь и Олофернъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Теолона и Незеля.

Вы думаете, что рѣчь идетъ о библейскихъ Юдиѳи и Олофернѣ? Вы ошибаетесь. Это только нѣчто въ томъ же родѣ. Дѣло происходитъ во время Испанской войны. У подошвы Сіерра-Морены (гора, упоминаемая въ Донъ-Кихотѣ), въ

одной изъ прелестныхъ дачъ, расположенныхъ на полу-горѣ, живетъ, въ качествѣ наслѣдника почтеннаго своего батюшки, Донъ Мериносъ, честный и смирный гидальго. Дону Мериносу хотѣлось бы развести потомство, но онъ не находитъ, поблизости, жены себѣ по вкусу, и выписываетъ нарочно изъ Америки какую-то свою родственницу, извѣстную ему съ весьма хорошей стороны по своей невинности и чистосердечію.

Эта родственница, молодая Тереза, природная дочь Америки, гдѣ она цѣлый день спала въ своей койкѣ и, просыпаясь, курила сигарку, страстная и изнѣженная Креолка, ужасно скучаетъ въ горахъ родственника своего, Дона Мериносона. Между-тѣмъ важная вѣсть разносится въ горахъ и повторяется эхомъ: Французы! непріятели! Мужья смущаются, любовники блѣднѣютъ, женщины радуются. Донъ Мериносъ рѣшается, изъ предосторожности, жениться на своей Терезѣ въ тотъ же вечеръ.

Дѣлаются приготовленія къ свадьбѣ. Кончено: черезъ нѣсколько часовъ бѣдная Тереза будетъ женою глупаго какъ мериносовый башмакъ, родственника своего, Дона Мериноса, какъ вдругъ является родъ монаха, котораго зовутъ Руи-Гомесомъ. У Руи-Гомеса, старика хилаго и ревниваго, жена молоденькая и хорошенькая. Г-жа Гомесъ ужс видѣла непріятельскаго генерала, Артюра, когда Испанцы еще не видали непріятельскаго огня. Женщины всегда любятъ непріятельскихъ генераловъ, и Г-жа Гомесъ влюбилась въ Артюра. Старикъ поклялся отмстить ему за эту любовь. Вотъ для чего надѣлъ онъ рясу капуцина, вотъ для чего возмутилъ онъ всѣхъ обманутыхъ мужей и всѣхъ любовниковъ, которые боятся быть обманутыми. Это родъ страховаго общества противъ волокитства непріятелей. Руи-Гомесъ предлагаютъ Дону Мериносу вступить въ это общество, и Мериносъ съ радостію соглашается. Для лучшаго успѣха въ мщеніи, онъ созываетъ всѣхъ деревенскихъ дѣвушекъ. Бѣдняжки сбѣгаются, думая найти у него музыкантовъ и танцы, и находятъ монаха и проповѣдь. Проповѣдь противъ непріятелей вообще, и генерала Артюра въ особенности, производитъ такое впечатлѣніе на этихъ женщинъ, что Тереза, слыша, какъ, въ проповѣди, Артюра сравнивали съ Олоферномъ, рѣшается сы-

грать съ нимъ роль Юдиѳи: терять ей тутъ нѣчего, а между-тѣмъ свадьба ея будетъ такимъ образомъ отсрочена.

Сказано, сдѣлано. будущій супругъ будущей Юдиѳи даетъ ей сообразныя съ обстоятельствами наставленія, объясняетъ въ подробности что ей дѣлать, чтобы вполнѣ походить на образецъ свой: нарядиться, забраться ночью въ спальню генерала, играть ему на лютнѣ, пѣть романсы, ужинать съ нимъ, пить съ нимъ вино, воспламенять его своими взглядами и поцѣлуями. Напрасно Донъ Мериносъ трудится: Юдиѳь и сама все это знаетъ, а остальнаго и слушать не хочетъ.

Во второмъ дѣйствіи вы въ палаткѣ Олоферна, или, лучше сказать, въ спальнѣ Французскаго генерала Артюра: онъ сидитъ, и ужинаетъ, и пьетъ Испанское вино, въ ожиданіи Испанскихъ приключеній. Вдругъ является къ нему Юдиѳь, во всеоружіи красы и юности. Она оставила за дверями монаха, Руи-Гомеса, и жениха своего, Дона Мериноса. Вы можете вообразить, что Артюру очень пріятно видѣть прелестную Креолку. Онъ идетъ къ ней на встрѣчу, беретъ ее за руку, сажаетъ подлѣ себя, самъ ей прислуживаетъ, сначала съ учтивостію, потомъ съ любовію. Она восхищаетъ, воспламеняетъ, упоеваетъ его; позволяетъ ему разныя *невинныя* шалости; однимъ словомъ, исполняетъ какъ нельзя лучше наставленіе жениха своего, Дона Мериноса; а тотъ стоитъ за дверьми, все видитъ, все слышитъ, бѣсится и кусаетъ губы, пальцы, а можетъ-быть и локти; но дѣлать нѣчего. Наконецъ Артюръ, упоенный любовью и виномъ, засыпаетъ. Мериносъ торжествуетъ, входитъ, подаетъ Юдиѳи свой мечъ, и готовится принять голову Олоферна. Но генералъ просыпается, Донъ Мериносъ и Руи-Гомесъ убѣгаютъ, чтобы не попасться въ руки непріятелей, а Тереза объявляетъ Артюру, что она пришла совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы отрубить ему голову, и все дѣло кончается, какъ обыкновенно кончаются Водевили.

3. Le Septuagénaire, *Семидесятилѣтній старикъ*, Мелодрама въ четырехъ дѣйствіяхъ, Гг. Мервилля и Альбитта.

Добрый и умный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, Г. Юлій Лакруа, старшій братъ почтеннаго Библіофила Жакоба, которому, какъ всѣмъ извѣстно, девяносто шесть

лѣтъ отъ роду, издалъ въ прошломъ году Романъ подъ заглавіемъ (съ позволенія сказать) — *Беременность.* Въ этой книгѣ Г. Юлій Лакруа прикидывается злымъ, жестокимъ, мстительнымъ, кровожаднымъ безъ мѣры, — точно какъ маленькіе, миленькіе дѣтки, выведутъ себѣ пробкой усы и думаютъ, что они очень страшны.

Г. Юлій Лакруа, чтобы доказать, что онъ умѣетъ написать Романъ въ новѣйшемъ Французскомъ вкусѣ, собралъ въ своемъ твореніи множество происшествій, одно другаго невѣроятнѣе, одно другаго страшнѣе, одно другаго отвратительнѣе, и заключаетъ все это слѣдующими словами: «Внѣ «себя отъ ярости, Виконтъ отрываетъ ребенка отъ мате«ринской груди, и бросаетъ имъ въ мужика, который на«гибается, чтобы увернуться отъ удара. Ребенокъ разби«вается объ стѣну!»

Чтобы доказать Г-ну Лакруа, что не только дурное дѣло, но и дурная книга не остается безъ наказанія, Гг. Мервилль и Альбиттъ сдѣлали изъ его Романа отвратительную Мелодраму, которой мы вамъ разсказывать не станемъ. Довольно вамъ знать и то, что Мелодрама идетъ по пятамъ за Романомъ, и что авторы жестоко надули Парижскую публку. Зрители сбѣжались, чтобы посмотрѣть, какъ ребенокъ разобьется о холстяную стѣну, а этого совсѣмъ и не было: сочинители Мелодрамы придумали развязку невинную и полу-нравственную. Я право не знаю для чего: чего тутъ церемониться! Мы, кажется, ужъ порядочно обстрѣляны. Съ тѣхъ поръ какъ играютъ Ричарда д'Арлингтона и другія пьесы той же школы, дѣти уже неразъ рождались на сценѣ: почему же бы ребенку не разбиться на сценѣ объ стѣну! Но погодите: прійдетъ и это своимъ чередомъ!

4. Le noviciat diplomatique, *Первый шагъ на дипломатическомъ поприщѣ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Араго и Фуше.

Дѣйствующія лица: Король Лудовикъ XIV, Маршалъ Тюрень, Министръ Лувуа, Маргерита Роганъ-Шао, Маркиза Коэтканъ! Вотъ вамъ и Водевиль.

Рецептъ этого Водевиля похожъ на извѣстный рецептъ какъ испечь оливку:

Возьми оливку, положи ее въ тѣло подорожника, положи подорожника въ тѣло красной перепелки, красную перепелку въ тѣло фазана, фазана въ тѣло поросенка; изжарь все это на вертелѣ, прикажи подать прямо на столъ, и скушай оливку.

Добрый, великій, скромный Тюрень, который одинъ стоилъ арміи, о смерти котораго Г-жа Севинье писала со слезами истинными, столь рѣдкими въ ея прекрасныхъ глазахъ, -этотъ человѣкъ, какъ вы знаете, въ припадкѣ любви, измѣнилъ государственной тайнѣ. Этотъ герой ни въ чемъ не умѣлъ отказать женщинѣ, если только женщина сама ни въ чемъ ему не отказывала. Такимъ образомъ онъ открылъ однажды Г-жѣ Коэтканъ тайну отъѣзда супруги Дофина въ Англію. Изъ этой погрѣшности великаго человѣка Гг. Араго и Фуше сдѣлали Водевиль.

Водевиль ихъ очень дуренъ, хотя умно написанъ. Г-жа Коэтканъ не довольно мила, чтобы сдѣлать Тюреня извинительнымъ. Г-жа де Коэтканъ просто развратная кокетка; она предается всею душею молодому негодяю, дипломату, который подслушиваетъ у дверей, и такимъ образомъ узнаетъ государственную тайну; потомъ продаетъ эту тайну и убѣгаетъ. Этотъ Г. дипломатъ просто гнусенъ; и Г-жа Коэтканъ, которая жертвуетъ ему Тюренемъ, неизвинительна; Тюрень, который для подобной женщины измѣняетъ государственной тайнѣ, тоже; Гг. водевилисты, которые безпокоятъ тѣнь великаго человѣка, тоже.

5. Tout chemin mène à Rome, *Всякая дорога ведетъ въ Римъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Лафитта и Деноэ.

Водевиль въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ пустился въ дипломацію, и очень неудачно: этотъ второй Водевиль еще хуже перваго.

6. Gribouille, *Грибуль*, Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ и шести картинахъ, подражаніе Англійскому, Гг. Рошфора и Дюмануара.

Fin comme Gribouille, *хитеръ какъ Грибуль*, говоритъ пословица; изъ этой пословицы сдѣлали Водевиль. Грибуль влюбленъ въ жену одного колбасника; онъ съ нею въ большихъ ладахъ, и однажды забывается у нея до двухъ часовъ

ночи. Колбасникъ приходитъ домой, стучится; Грибуль выскакиваетъ въ окно и попадаетъ въ чанъ съ водою. — Первая хитрость Грибуля.

Пока колбасникъ, работники колбасника, собака колбасника ищутъ Грибуля, Грибуль выскакиваетъ изъ чана, и залѣзаетъ въ тюфякъ, оставленный у дверей обойщиками. — Вторая хитрость Грибуля.

Тюфякъ уносятъ въ комнату въ четвертомъ этажѣ; въ этой комнатѣ сидѣльцы пируютъ съ гризетками, ѣдятъ, пьютъ, поютъ, хохочутъ, наконецъ ложатся спать, мужчины въ одной комнатѣ, женщины въ другой. Одна толстушка, мамзель-Индіана, бросается на тюфякъ Грибуля. Грибуль вскрикиваетъ; всѣ сбѣгаются и посылаютъ за полицейскимъ. Потомъ вы видите Грибуля въ Судѣ Исправительной Полиціи, гдѣ онъ ругаетъ судей, въ Школѣ Плаванія, гдѣ онъ дерется на кулачки, наконецъ въ Тиволи, гдѣ онъ женится на мамзель-Индіанѣ, толстушкѣ, которой онъ служилъ тюфякомъ. Это послѣдняя и самая неудачная хитрость Грибуля.

Этотъ Водевиль очень хорошая фарса, живая, разнообразная, наполненная остротами.

7. La frontière de Savoie, *Савойская граница,* Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Адольфа Барда.

Выслушайте повѣсть злоключеній москотильника!

Графъ Таско, человѣкъ, котораго никто не знаетъ, даже и слуга его, графъ Таско — первокласный карбонаро. Піемонтская полиція его преслѣдуетъ; графъ старается убѣжать во Францію; но прежде онъ хочетъ проститься съ женою. Онъ пробирается въ свой зàмокъ, гдѣ живетъ жена его; но едва онъ пріѣхалъ, какъ полиція окружаетъ зàмокъ. Страхъ и тревога! Какъ же графинѣ спасти мужа?

Тутъ является нашъ москотильникъ, москотильникъ, разумѣется, Французскій, настоящій Парижскій москотильникъ. Знаете ли вы, что такое москотильникъ? Москотильникъ (péicier) существо исключительно Парижское. Москотильники настоящіе, совершенные москотильники не водятся нигдѣ кромѣ Парижа. Это произведеніе, — я чуть было не сказалъ, произрастеніе Парижское.

Вышерѣченный москотильникъ изгнанъ былъ изъ Парижа несчастіями всякаго рода, постигшими достопочтенное сословіе москотильниковъ. И онъ простился съ Парижемъ. *Неблагодарное отечество, тебѣ не достанутся мои кости!* сказалъ онъ и отправился на Савойскую границу, чтобы тамъ поселиться, увезши съ собою только великолѣпную свою вывѣску съ изображеніемъ «Золотой Иготи» и нѣжную свою супругу, чувствительную Адольфину, честь и украшеніе его лавки.

Невинный и простосердечный, какъ истинный москотильникъ, онъ является къ графинѣ Таско съ почтеніемъ и москотильными товарами, и сбирается уже домой; но, къ несчастію, какъ-то въ разговорахъ, показываетъ ей свой паспортъ, въ которомъ написано — «Почему и благоволятъ «господа на заставахъ команду имѣющіе пропускать означен«наго москотильника Жана-Хрисостома Годинѐ безпрепят«ственно»,— паспортъ, явленный въ обѣихъ полиціяхъ, Французской и Піемонтской,—паспортъ совершенно чистый, настоящій москотильничій.

Графиня подмѣняетъ у него этотъ паспортъ, и Г. Годинс, съ паспортомъ графа и карбонаро Таско, отправляется въ свой трактиръ къ супругѣ своей, Адольфинѣ, и къ своей вывѣскѣ съ золотою иготью.

Между-тѣмъ графъ Таско выходитъ изъ замка, и тѣмъ, которые его останавливаютъ, предъявляетъ паспортъ съ именемъ Годинс; полицейскіе ему ласково кланяются и толкуютъ между собою, что ихъ должность была бы очень легка, если бы весь свѣтъ населенъ былъ москотильниками.

Годинс съ своей стороны, хочетъ перейти черезъ границу: его останавливаютъ. Онъ съ важностію отдаетъ свой паспортъ, и — о ужасъ! — его привѣтствуютъ, или лучше сказать, поражаютъ именемъ графа Таско! Графъ Таско! Какая радость для сыщиковъ! Графа Годинс-Таско берутъ и отводятъ въ его замокъ Таско, къ его супругѣ Таско. Графиня, не зная еще, удалось ли мужу ея перейти во Францію, признаетъ Годинс своимъ мужемъ; бросается къ нему на шею; плачетъ, что ему не удалось уйти. Годинс не постигаетъ, что̀ значитъ этотъ пріемъ, но, какъ человѣкъ скромный и сговорчивый, не отпирается отъ графини и не вы-

рывается изъ ея объятій; онъ садится съ нею за столъ и ужинаетъ, повелѣваетъ слугами и нисколько не заботится о сыщикахъ, которые не спускаютъ съ него глазъ. Наступаетъ ночь; Године надѣваетъ шлафрокъ графа, и хочетъ итти въ спальню графини. Положеніе Графини становится затруднительнымъ. Къ счастію, горничная ея поспѣваетъ къ ней на помощь. Она требуетъ Године къ себѣ; увѣряетъ, что онъ съ нею тайно обвѣнчанъ; что онъ ея, а не чей другой. Горничная молода и мила; Године сбирается и ей уступить, какъ вдругъ является первоначальная, настоящая, единственная Г-жа Године, Адольфина Године. Соскучившись ждать мужа въ трактирѣ, она приходитъ за нимъ въ замокъ. Вы можете вообразить, какъ она бѣсится, увидѣвъ, что мужъ ея сдѣлался мужемъ двухъ женъ. Вы можете вообразить, какъ затрудняется Године, навязавъ себѣ на шею трехъ женъ, въ томъ числѣ одну свою собственную Вы можете вообразить, съ какимъ носомъ остаются сбиры, принявъ москотильника за карбонара и карбонара, за москотильника!

9. La Toque bleue, *Голубой токъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи Гг. Дюпена и Дюмануара.

Вы при дворѣ Карла II, копіи двора Лудовика XIV. Въ то время царствовалъ въ Виндзорѣ, по крайней мѣрѣ столько же какъ самъ Король, — кавалеръ де Граммонъ. Съ Граммономъ царствовали Буккингамъ и Сидней; но въ этомъ Водевилѣ, Водевилѣ очень умномъ, нѣтъ ни Буккингама, ни Сиднея, ни Граммона и ни одного изъ пріятелей Г-на Ансело.

Въ этомъ Водевилѣ вы видите просто Герцога Іоркскаго, мужа болтливаго, и обманутаго; Лорда Корнваллиса, дворянина и придворнаго деревенскаго, которой смѣшитъ нехотя; наконецъ Кавалера Литльтона, который влюбленъ въ Миссъ Темпль, и послѣ многихъ занимательныхъ приключеній на ней женится.

Вотъ въ чемъ дѣло. Герцогъ Іоркскій встрѣтилъ въ своихъ путешествіяхъ Лорда Корнваллиса, и привезъ его въ Лондонъ, чтобы женить его на молодой и прекрасной Миссъ Темпль, которая втайнѣ любитъ кавалера Литльтона. Свадебный договоръ долженъ быть подписанъ въ тотъ же день, и лордъ Литльтонъ въ отчаяніи.

Между-тѣмъ является Герцогъ Іоркскій. Онъ въ этотъ день очень веселъ; онъ разсказываетъ своимъ пріятелямъ, что въ одномъ павильонѣ онъ видѣлъ сквозь замочную скважину двухъ любовниковъ, очень нѣжныхъ и очень счастливыхъ; молодой человѣкъ стоялъ на колѣняхъ, а дама къ нему нагнулась. Правда, что герцогъ не видалъ лицъ ихъ; но онъ замѣтилъ, что на дамѣ былъ голубой токъ съ перомъ. По этому даму узнать будетъ не мудрено. Кавалера тоже узнать можно, потому что онъ потерялъ цѣпочку. Придворные хохочутъ и идутъ отыскивать даму въ голубомъ токѣ и кавалера безъ цѣпочки.

Литльтонъ знаетъ больше ихъ всѣхъ. Онъ тотчасъ узналъ цѣпочку пріятеля своего Сиднея, и видитъ голубой токъ на головѣ Герцогини Іоркской. Онъ старается спасти его и герцогиню; но какъ предувѣдомить ее не возможно, то онъ начинаетъ охуждать этотъ токъ, увѣряетъ, что онъ герцогинѣ не къ лицу; герцогиня, къ удивленію, съ нимъ соглашается и не хочетъ уже носить этого тока. Въ эту минуту входитъ Миссъ Темпль, и Герцогиня надѣваетъ на нее роковой токъ. Литльтонъ не успѣлъ еще сказать ни слова, какъ Герцогъ Іоркскій и графъ Корнваллисъ приходятъ, чтобы подписать свадебный договоръ.

Но при видѣ роковаго голубаго тока на головѣ Миссъ Темпль. Герцогъ и Корнваллисъ останавливаются. Это она! Сначала Герцогъ Іоркскій шутитъ и смѣется; потомъ спрашиваетъ Миссъ Темпль, какъ зовутъ счастливаго молодаго человѣка, который утромъ былъ въ павильонѣ у ногъ ея. Миссъ Темпль, удивляясь подобному вопросу, не знаетъ что отвѣчать на шутки Герцога. Герцогъ объясняетъ въ чемъ дѣло. Онъ видѣлъ Миссъ Темпль или по крайней мѣрѣ ея токъ, съ мужчиною. При этихъ словахъ герцогиня объявляетъ, что это ея токъ, и что онъ былъ на ней въ это утро. Всеобщій смѣхъ падаетъ теперь на Герцога. Онъ бѣсится и съ крикомъ требуетъ объясненія, сдѣлавшагося необходимымъ. Тогда лордъ Литльтонъ выходитъ впередъ и объявляетъ, что, онъ, Литльтонъ, былъ въ это утро съ герцогинею въ павильонѣ, и на колѣняхъ просилъ позволенія жениться на Миссъ Темпль. Это объясненіе успокоиваетъ Герцога, и онъ отъ души признается въ винѣ своей.

10. Charles III et l'Inquisition, *Карлъ III и Инквизиція*, Драма Гг. д'Эпаньи и Де.

Карлъ III былъ однимъ изъ лучшихъ Испанскихъ Королей. Испанія обязана ему превосходнѣйшими своими дорогами и полезнѣйшими своими памятниками. Карлъ III и министръ его, Г. Аранда, не любили Инквизиціи. Не надобно однако же думать, на основаніи этой Драмы, будто-бы этотъ государь уничтожилъ ужасный Судъ Santo-Ufficio. Инквизиція была въ то время въ Мадритѣ то же самое, что она нынѣ въ Римѣ; — скорѣе воспоминаніе прошедшаго, чѣмъ учрежденіе еще существующее.

Забавны только авторы, которые черезъ тридцать четыре года послѣ XVIII столѣтія вздумали снова разглагольствовать противъ инквизиторовъ, ихъ подземельевъ, ихъ кровавыхъ судовъ, ихъ костровъ! Притомъ въ этой пьесѣ вы только и видите колеса, цѣпи, орудія пытки, монаха честолюбца, лицемѣра и убійцу, который дѣйствуетъ и говоритъ какъ знаменитый Базиль: что же все это значитъ передъ тѣмъ, что выставляли на сцену Гг. Викторъ Гюго и Александръ Дюма съ братіею?

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Или мы вовсе ничего не видимъ, или во Франціи рѣшительно наступила эпоха новаго нравственнаго припадка, котораго еще не доставало въ длинномъ спискѣ мученій, причиненныхъ ей сороко-лѣтнею лихорадкою. Съ юною Словесностью и ея омерзительною Философіею, предначертанною какъ-бы нарочно для ней еще Годвиномъ, — съ юною Словесностью дѣло, кажется, рѣшено, кончено, подшито и передано въ огромный архивъ человѣческихъ глупостей: результатъ всей бури тотъ, что впредь Французы могутъ писать драмы безъ соблюденія трехъ единствъ, если пожелаютъ, въ подражаніе Шекспиру и Шиллеру. Сенсимонизмъ и Французская Церковь упали. Гг. Фурье и Эмѐ Мартенъ сдѣлали много шуму разогрѣтою нелѣпицею, бывшею нѣсколько времени въ модѣ въ Англіи лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда Марія Волльстонкрафтъ проповѣдовала тамъ «права женщины,» и бра-

лась возродить родъ человѣческій посредствомъ «свободной жены». Но и это быстро клонится къ забвенію: ученіе Г. Мартена, подобно холерѣ, обходитъ теперь другія страны Европы, опустошаетъ молодыя головы, и вѣроятно исчезнетъ не ближе какъ на Турецкой границѣ. Судя по эпиграфамъ множества статей и книгъ, сочиненіе его, «О воспитаніи матерей семейства», въ эту минуту читается у насъ на подхватъ и въ большой милости у тѣхъ, которые разсуждаютъ о человѣчествѣ по послѣдней Французской книгѣ. Что жъ теперь новаго во Франціи? Ничего особеннаго! Философія прошлаго столѣтія гнала католицизмъ; Французская республика исключила его даже изъ списка религій; слѣдственно, послѣ ужасовъ республики, послѣ гоненія на католическое вѣроисповѣданіе, послѣ безвѣрія и отчаянія юной Словесности, оставалось одно только — умозрительное соединеніе республики съ католическимъ фанатизмомъ, —религіозно-политическій мистицизмъ. Онъ уже начался во Франціи, и предвѣщаетъ страшныя глупости. Эта новая и опасная горячка быстро распространяется по головамъ и пожираетъ умы. Аббатъ Деламенѐ, главный пророкъ этого страннаго ученія, впрочемъ, чрезвычайно схожаго съ нынѣшею теоріею Шеллинга, въ своихъ сочиненіяхъ излагаетъ такія противообщественныя правила, которыя могутъ быть приняты только Французскою логикою. Тогда какъ его система, безтолковая, противная всѣмъ выводамъ Исторіи, враждебная здравому смыслу и настоящему духу Христіанства, покоряетъ себѣ удивленіе и приверженность корифеевъ устарѣвшей юной Словесности, негодованіе и печаль здравомыслящей и религіозной части Франціи по-истинѣ раздирающи для посторонняго наблюдателя. Духовная полемика, самаго раздражительнаго рода, вторглась въ Словесность; сочиненія подъ заглавіями — «Слова вѣрующаго,» — «Мысли вѣрующаго», — «Отвѣтъ вѣрующаго», и т. д., слѣдуютъ одни за другими; къ Revue des deux mondes, которая прежде одна исповѣдовала эти мнѣнія, рѣшительно присоединилась Revue de Paris; къ Александру Дюмà, его соперникъ Викторъ Гюгò съ своими поклонниками; издаютъ Библіи для юношества, печатаютъ творенія Св. Іоанна Златоуста и другія аскетическія книги, — и эти выспренніе ис-

точники свѣта, истины и мира соединяютъ тамъ съ самыми ложными и разрушительными началами превратной теоріи общества! Плачевное состояніе ума! Несчастная етрана!

Романъ Г. Сентъ-Бёва, La Volupté, о которомъ мы уже говорили, принадлежитъ къ этой вновь образующейся школѣ. Романъ Г-на Д'Ортигъ, La Sainte-Beaume, — тоже, хотя онъ вышелъ еще въ началѣ года. Католическій мистицизмъ въ Романѣ! И еще поддѣльный, въ угожденіе модѣ!.... Мы, право, не знаемъ, кто изъ людей здравомыслящихъ и почитающихъ Вѣру можетъ это одобрить.

— «Цецилія» Г. Евгенія Сю, объявленная въ газетахъ въ видѣ новаго Романа, какъ по справкѣ оказалось, есть только отдѣльное изданіе одной изъ Повѣстей его «Кукарачи.» Г. Евгеній Сю, неутомимый пѣвецъ эгоизма, продолжаетъ прежнюю свою школу отчаянія на морѣ и на сушѣ: для него человѣкъ и извергъ всегда будутъ одно и то же. Его Vigie de Koat-Ven есть новое воплощеніе этой несчастной идеи.

— Мы не хотимъ пугать нашихъ читателей, и предупреждаемъ ихъ благовременно, что сбираемся говорить о страшномъ происшествіи для ума и нравственности: Г-жа Дюдеванъ, облеченная кровавымъ именемъ Георга Занда, которое удивительно какъ идетъ къ лицу женщины съ дарованіемъ, издала новый Романъ, подъ заглавіемъ — Jacques!

— Г-жа Гѐ издала новое сочиненіе, — Souvenirs d'une vieille femme, о которомъ еще ничего не пишутъ. Послѣдній ея Романъ, — La duchesse de Chateauroux, снискиваетъ всеобщія похвалы. Ругательства, клевета и грязь, которыми философы юной литературной школы закидали всѣ высокія лица Исторіи своего народа, причиною, что Парижскіе читатели встрѣчаютъ сочиненіе Г-жи Гѐ съ удивленіемъ и съ удовольствіемъ, какого давно уже не испытывали: Лудовикъ XV и несчастный другъ его, герцогиня Шатору, выставлены здѣсь со стороны благородной, нѣжной, трогательной, человѣческой, и согласной съ подлинными ихъ характерами. Но сверхъ-того творенія Г-жи Гѐ отличается примѣчательными красотами и въ отношеніи къ Искусству.

— «Генрихъ Фарель», Г. Лафатера, тоже сочиненіе благородное и выходящее изъ разряда обыкновенныхъ Фран-

пузскихъ Романовъ. Оно нѣсколько въ Нѣмецкомъ родѣ. Сцена происходитъ въ Альзаціи, и предметъ его — несчастія, проистекающія изъ несогласія супруговъ въ мнѣніяхъ и чувствованіяхъ. Но въ немъ много таланта, много воображенія, много прелестнаго; характеры истинны, даже разительны своею естественностью; повсюду видно глубокое изученіе человѣческой природы и общества.

— Marie de Médicis, историческій Романъ Г. Лоттенъ-де-Лаваля, удостоивается похвалъ за чрезвычайную точность историческую, которая однако жъ не всегда у него въ ладахъ съ чрезвычайно хорошимъ вкусомъ.

— Великіе мужи, или выспренніе дѣти, ничего не производятъ: за то, ужъ ссорятся усердно и отписываются въ газетахъ не весьма лестнымъ для нихъ же самихъ образомъ. Мы, кажется, ничего не говорили о войнѣ Г. Александра Дюма̀ съ сотрудниками газеты Journal des Débats? Одинъ изъ нихъ (Г. Шаль) доказывалъ знаменитому драматургу, что всѣ лучшія мѣста въ его драмахъ выписаны изъ Шекспира, Шиллера, Гёте, даже изъ Мольера; знаменитый драматургъ отвѣтствовалъ ему на то, что это не правда: онъ ихъ не выписывалъ, а просто *отнялъ* ихъ у рѣченныхъ писателей какъ *свою собственность*; онъ имѣетъ *право* взять собственность свою всюду, гдѣ ее ни находитъ; онъ *завоевалъ* эти мѣста, — это его *покоренія*; на что Г. Шаль возразилъ знаменитому драматургу почти въ томъ смыслѣ, что такимъ точно образомъ извѣстный классъ завоевателей покоряетъ себѣ платки и табакерки въ чужихъ карманахъ. Едва эта война кончилась, какъ тотъ же Г. Дюма̀ принужденъ былъ начать новыя непріятельскія дѣйствія противъ Г. Гальярдѐ, издателя «Семейнаго Музеума», и противъ Жюль-Жанена. Весьма трудно понять, въ чемъ первоначально состояло дѣло: теперь оно превратилось въ пошлыя и оскорбительныя личности, которыми эти господа и ихъ пріятели наполняютъ не только литературные журналы, но и политическія газеты. Правда или нѣтъ, — но Г. Жаненъ утверждаетъ всенародно, что извѣстная Драма Александра Дюма̀, La tour de Nesle, написана большею частію имъ, Жаненомъ. Еще прежде того Г. Гальярдѐ объявилъ въ Журналахъ, что та же самая Драма написана имъ, Г. Гальярдѐ.

Смѣтливость директора одного театра придала этому спору видъ еще забавнѣйшій. Въ одно утро неожиданно явилась афишка, которую должны мы удѣлить нашимъ читателямъ: «Сегодня, во Вторникъ, актерами театра Портъ-«Сенмартенскаго, будетъ представлена — La tour de Nesle, «Драма Г. Александра Дюма̀, сдѣлавшаяся еще занимательнѣе по поводу брани между двумя авторами. Цѣна мѣс-«тамъ однако жъ не будетъ возвышена.» Это безподобно! Дюма̀ и Гальярдѐ вызвали другъ друга на дуэль, и грозятъ непременно умертвить себя, какъ скоро улучатъ *свободное время*.

— Два первые тома Исторіи Библіофила Жакоба, Histoire du XVI siècle en France, уже вышли изъ печати: по-видимому здѣсь, такъ же, какъ въ Исторіи Г. Мишлѐ, вальтеръ-скоттизмъ будетъ преобладающимъ началомъ. Шотландскій романистъ, — таково могущество истиннаго таланта надъ посредственностью! — привилъ свою поэтическую форму цѣлому вѣку; она проникла даже въ классическую Критику, въ Исторію, въ Политическую Экономію; она должна все испортить, все сдѣлать смѣшнымъ, прежде чѣмъ сама сдѣлается смѣшною. Въ многочисленномъ кругу нелѣпостей вѣка, желаніе примѣнить теорію историческаго Романа къ изложенію Исторіи имѣетъ полное право занять предсѣдательскія кресла.

Г. Барантъ продолжаетъ издавать свой переводъ Шиллера, Г. Капфигъ свою «Исторію Реформаціи, Лиги и царствованія Генриха IV»: перваго уже вышло шесть томовъ, второй семь выпусковъ, livraisons.

Словесность въ Англіи. Лондонскія извѣстія за послѣдній мѣсяцъ не представляютъ ничего примѣчательнаго по части Словесности, въ которой все тихо и чинно. Всѣ почти новыя книги принадлежатъ къ разряду ученыхъ сочиненій. Отечественная Исторія и Путешествія суть господствующіе предметы. «Очерки Италіи, Испаніи и Португаліи» (Г. Бекфорда), о которыхъ мы уже говорили, твореніе прелестное: въ слѣдующей книжкѣ Б. для Ч. мы сообщимъ изъ него нѣкоторые отрывки, такъ же какъ изъ Путешествія Г-жи Троллопъ по Бельгіи и Западной Германіи.

— «Жизнь Г-жи Сиддонсъ», сочиненіе Г. Кампбелля, относящееся къ Исторіи Англійской Словесности послѣдней эпохи, весьма занимательно и усыпано любопытными подробностями о знаменитыхъ поэтахъ и литераторахъ того края. Оно можетъ доставить большое удовольствіе тѣмъ, кто хорошо знакомъ съ литературными дѣлами Англіи. Другое, совершенно такое же сочиненіе, есть — «Жизнь и переписка Г-жи Анны Моръ». Третье, носитъ названіе — «Домашніе нравы и жизнь Сиръ Вальтеръ-Скотта», и принадлежитъ перу извѣстнаго Гогга. Изъ книги Г. Кампбелля о славной актрисѣ, Г-жѣ Сиддонсъ, Европейскіе журналы дѣлаютъ пространныя извлеченія; мы не смѣемъ подражать ихъ примѣру, потому что по-сю-пору Англійская Словесность вообще извѣстна у насъ только дамамъ, — и это не парадоксъ! Изъ мужчинъ, одни литераторы читаютъ иногда по-Англійски, и то большею частію Шекспира и Байрона, которыми и оканчивается для нихъ вся Словесность. Мы всегда утверждали и утверждаемъ, что наши Русскія дамы гораздо образованнѣе насъ, Русскихъ мужчинъ, — и если бъ онѣ болѣе читали по-Русски!..... то есть, если бъ мы писали такъ, чтобъ онѣ могли находить удовольствіе и пищу въ нашихъ писаніяхъ!.....

— Въ заключеніе должны мы упомянуть о появленіи въ Англіи новаго поэта, котораго первая поэма, «Божество,» The Deity, дѣлаетъ тамъ впечатлѣніе и подаетъ большія надежды. Его зовутъ — Джонъ Раггъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

LA RAISON DU CHRISTIANISME, ou Preuves de la vérité de la réligion tirées des écrits des plus grands hommes, par M. *de Genoude.*

HISTOIRE DU SEIZIÈME SIECLE en France, par *P. J. Jacob*, bibliophile. I et II vol.

PANDECTES FRANCAISES, ou Recueil complet des lois et de la jurisprudence, etc., par M. *Isambert.* 36 vol., par souscription.

ECONOMIE POLITIQUE CHRETIENNE, ou Recherches sur les causes et la nature du pauperisme en France et en Europe, et sur les moyens de le prévenir et de le soulager, par le vicomte de *Villeneuve-Bargemont.* 3 vol.

PENSEES D'UN PRISONNIER, par le comte *de Peyronnet.* 2 vol.

MEMOIRES ET SOUVENIRS de Charles de Pougens. 1 vol.

MEMOIRES de Madame la duchesse *d'Abrantes.* Tomes XV et XVI.

TABLEAU SYNOPTIQUE DU REGNE VEGETAL, d'après la méthode de M. Jussieu, modifieé par M. Richard. Par M. *Charles d'Orbigny.* 1 vol.

REVUE élementaire et progressive des sciences physiques et naturelles, avec un bulletin archéologique, par les redacteurs de l'Echo du monde savant, sous la direction de M. *Boubée.* Nouveau journal.

ARCHIVES de la médecine homéopathique, publiées par une société de médécins sous la direction de M. *Jourdan,* de l'Académie. Nouveau journal.

ETUDES sur la personne et les écrits de Ducis, par *O. Leroy.* Ouvrage couronné. 1 vol.

LIVRE DES CENT-ET-UN. XV et XVI vol. Ouvrage terminé.

UN SPECTACLE DANS UN FAUTEIL, par *Alfred de Musset.* 2 vol.

LE MAGNETISEUR, roman, par *Frédéric Soulié.* 2 vol.

LA NAPOLITAINE ou la Couronne de la vierge, roman, précédé de deux histoires à propos d'un livre, par *Michel Masson.* 1 vol.

ANATHEME, roman, par *Jules Favre.* 1 vol.

SOUVENIRS de servitude militaire, par *Alfred de Vigny.* 1 vol.

SOUVENIRS d'une vieille femme, par Mme *Gay.* 1 vol.

LONG-TEMS APRES, 1812—1830. Par *Anatole de Mont-Gray.* 1 v.

Англійскія.

LARDNER'S CYCLOPÆDIA, Nro LVII. Lives of British Admirals, with a View of naval history of England. By *Robert Southey.* 3 vols.

ROTULI LITTERARUM CLAUSARUM. The Close Rolls, preserved in the Tower of London. Vol. I, from 1204 to 1224.

MEMOIRS OF JOHN NAPIER, of Merchiston, his lineage, life and times, with a history of the invention of logarithms. By *Mark Napier.* 1 vol. 4to.

LIFE of Ma-ka-tai-me-she-kia-kiak, or Black Hawk, embracing the traditions of his nation, Indian wars and a history of late war. By *himself*, Boston. 1 vol.

MEMOIRS OF SPAIN during the reign of Philip IV and Charles II, from 1621 to 1700. By *John Dunlop*, author of the History of Fiction. 2 vols.

EUROPEAN COLONIES, viewed in their social, moral and physical conditions. By *John Howison*. 2 vols.

A HISTORY OF THE UNITED STATES, from discovery of the American continent to the present time. By *George Bancroft*. Boston.

STIGHT REMINISCENCES of the Rhine, Switzerland and a corner of Italy. 2 vols.

LADY'S BOTANY, or a Familiar introduction to the natural system of Botany. By *John Lindley*, professor of London University. 1 vol.

BIRDS OF AMERICA. By *John Audubon*. Parts XL—XLIII.

THE DOMESTIC MANNERS and private life of Sir Walter Scott. By *James Hogg*. 1 vol.

LIFE AND CORRESPONDENCE of Mistress Hannah More. 2 vols.

TREATISE on the progress of literature and its effects on society. Edinburgh. 1 vol.

THE DEITY, a poem. By *John Ragg*. 1 vol.

МОДЫ.

Парижъ. Сентябрь.

Пробилъ часъ страшнаго недоумѣнія для тѣхъ, которыя, возвратясь съ дачъ, желаютъ шить себѣ новыя платья и дѣлать новыя шляпки по послѣдней Парижской модѣ! Въ Парижѣ, лѣтнія моды кончились, осеннія еще не наступили, а въ Петербургѣ между-тѣмъ уже начинается зима. Ужасное положеніе! И какъ тутъ быть? Вечера и балы требуютъ чего-нибудь новаго. Гулянья на тротуарахъ, тоже..... Мы право не знаемъ, какъ пособить въ этомъ случаѣ прекраснымъ нашимъ читательницамъ.

Въ числѣ полученныхъ изъ Парижа картинокъ только двѣ представляютъ непосредственную пользу, и мы соединили ихъ въ приложенной гравюрѣ, на которой изображены — нарядное платье для вечернихъ собраній и родъ осенняго капота для прогулки. Оба эти костюма очень красивы, и могутъ служить пока руководствомъ вкусу. Сверхъ-того, они знаменуютъ уже новую эпоху въ фасонѣ нынѣшняго года: воланы опять появились на платьяхъ, и бранденбуры разныхъ видовъ, шелковые и изъ матерій, на капотахъ. Рукава попрежнему дѣлаются очень широкіе у кисти; юбки длинныя, и притомъ немножко длиннѣе сзади нежели спереди. Корсажи со складками у кушака, называемые Греческими или à la Niobé, начинаютъ быть въ употребленіи: складки однако жъ не должны быть высокія. Но все это еще опыты, пробы, фантазіи, въ которыхъ нѣтъ ничего рѣшительнаго. Въ Октябрѣ только начнется настоящій переломъ моды, долженствующей царствовать всю зиму.

— Тѣ, которые имѣютъ даръ прорицанія, увѣряютъ, что бархатъ будетъ преобладать въ головныхъ уборкахъ.

— Говорить ли о новыхъ матеріяхъ, приготовляемыхъ въ Парижѣ для осени и для зимы? Увы, мы ихъ увидимъ въ нынѣшнемъ году! А жалко! Во-первыхъ прелестныя шерстяныя ткани для негліжé, богатыя шелковыя матеріи для вечерняго наряда, и *шерстяная кисея* совсѣмъ новаго рода; *одалиска*, ткань чрезвычайно пестрая, съ яркими цвѣтами; *тигрина*, родъ круза, мягкаго и прочнаго; наконецъ *Лукворскій бархатъ*, satin luxor, шелковый на кашемировой основѣ, который волнуется мягче и переливаетъ свѣтьмилѣе самаго атласа.

— О шляпкахъ мы ничего не скажемъ: въ Парижѣ носятъ еще шляпки соломенныя и гроденаплевыя, которыя у насъ давно уже вынесены въ кладовыя. Въ этомъ отношеніи, читательницы наши должны совершенно ввѣриться вкусу Петербургскихъ модистокъ, которыя вообще дѣлаютъ теперь атласныя осенніе шляпки въ видѣ тѣхъ шляпокъ-капотовъ, какія изображены на приложенной здѣсь картинкѣ.

=

ОГЛАВЛЕНІЕ
ШЕСТАГО ТОМА.

I.
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Открытіе памятника Императору Александру I. *М. Маркова* ..... 5.
Е. И. Высочеству, Государю Наслѣднику, Ц. и В. К., Александру Николаевичу, въ день его тезоименитства. *И. И. Козлова* ..... 8.
Божій судъ. *В. А. Жуковскаго* ..... 11.
Элегія. *А. С. Пушкина* ..... 16.
На открытіе монумента Александру I. *А. Бистрома* .. —

ПРОЗА.

Кавказскіе очерки. *Александра Марлинскаго.*
I. Прощаніе съ Касіемъ ..... 17.
II. Горная дорога изъ Дагестана въ Ширванъ чрезъ Кунакенты ..... 25.
III. Послѣдняя станція въ Старой Шамахѣ ..... 35.
IV. Переѣздъ отъ станціи Тончи въ Куткашин ..... 44.
О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей. *И. И. Давыдова* ..... 55.
Висячій гость, происшествіе исправдоподобное, потому что истинное. *Барона Брамбеуса* ..... 68.
Петербургская чухонская кухарка, или женщина на всѣхъ правахъ мужчины. La femme émancipée des St.-Simoniens. *Ѳ. В. Булгарина* ..... 88.
Мѣстныя пословицы Русскаго міра. *И. М. Снегирева* 100.
Отсталое, будущая Повѣсть. *И. И. Греча* ..... 110.

II.
ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Два мужа, Повѣсть. *А. И. Ситниковой* ..... 1.
Доморощенные геніи, Нравственная и литературная картина. Изъ *Edinburgh* и *Quarterly Reviews*, *Revue Britannique*, etc. ..... 27.

Китайскія женщины-поэты. Изъ *Revue Britannique*.. 57.
Гёте въ посмертныхъ его сочиненіяхъ. Изъ *Foreign Quarterly Review*..... 65.
Ма-ка-тай-ми-ши-кя-кякъ..... ..... 95.
Гайдеръ-Саибъ, Остъ-Индская быль. Изъ *New Monthly Magazine* ..... 107.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Изысканіе о старинныхъ свадебныхъ обрядахъ у Русскихъ. *Д. И. Языкова*..... 1.
Сикстъ V, историческая характеристика. *С. П. Шевырева* 37.
О достовѣрности древней Русской Исторіи. *М. П. Погодина* 77.
Средняя Азія. Путешествія Муравьева, Мейендорфа, Конолли и Бориса. *Е. К.* ..... 105.
Нынѣшняя архитектурная школа въ Германіи. Изъ *Foreign Quarterly Review*. .... 137.

IV.

ПРОМЫШЛЕНОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Легкій способъ золотить и серебрить разныя вещи.. 1.
Составъ ароматической горчицы, извѣстной у насъ подъ названіемъ Французской.... ..... 9.
Приготовленіе вишневой водки или киршвассера..... 11.
Саксонскій способъ упавоживать землю..... 12.
Лакъ для предохраненія дерева отъ гнилости..... 14.
Клюквенные выморозки..... —
Способъ наклеивать на стѣны бумажные обои такъ, чтобъ въ нихъ не заводились клопы..... 16
Вѣрное средство заставить піявокъ приниматься къ больному мѣсту. *Н. П. Филипова*..... —

V.

КРИТИКА.

Сапназаръ, драматическая Фантазія, Н. В. Кукольника 1.
Взглядъ на суевѣріе и предразсудки, Поликарпа Пузины 14.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Сентябрь, 1834. Новыя книги ..... 1.
Разныя извѣстія ..... 15.

VII.

СМѢСЬ.

Парижская Академія Наукъ. 1. Газовыя лампы и маяки. 2. Причина чесотки. 3. Резиновое масло. 4. Инструментъ для измѣренія пульса..... 1.
Королевское Общество Ученыхъ въ Лондонѣ. Новая теорія горѣнія..... 4.
Происхожденіе горнаго масла..... 5.
Угри..... 8.
Среднее продолженіе жизни врачей..... 10.
Прежняя Новосербія..... 12.
Машины и дѣти..... 20.
Чугунныя дороги въ Америкѣ..... 23.
Ловелль, новый городъ..... 28.
Норвежскіе виды..... 36.
Видъ Стокгольма съ моря..... 38.
Фалунскія рудокопни..... 39.
Конфискація Европейскихъ вещей въ Турціи..... 41.
Вальтеръ-Скоттъ и его семейство..... 46.
Всеобщій примиритель..... 51.
Безконечная музыка..... 53.
Вліяніе луны..... 55.
Американскіе Индѣйцы..... 56.
Персіяне. 1. Кто такой Остъ-Индская Компанія? 2. Персидскій астрономъ. 3. Персидская вѣжливость 57.
Водяной театръ..... 60.
Французскій театръ въ Парижѣ. *Сентябрь*, 1854. La fille du prince, Г. Скриба. Judith et Holopherne. Le Septuagénaire. Le noviciat diplomatique. Tout chemin mène à Rome. Gribouille. La frontière de Savoie. La toque bleu. Charles III et l'Inquisition..62—73.
Словесность во Франціи. *Сентябрь*, 1854. Мистицизмъ. Аббатъ Деламенѐ. Сентъ-Бёвъ. д'Ортигъ. Сю. Г-жа Дюдеванъ. Г-жа Гѐ. Henri Farel. Marie de Medicis. Ссора Гг. Дюмà, Жанена и Гальярдѐ. Библіофилъ Жакобъ и его Исторія, и проч..... 73.
Словесность въ Англіи. *Сентябрь*, 1854. Жизни Г-жъ Сиддонсъ, Анны Горъ и Вальтеръ-Скотта. Гоггъ. Новый поэтъ..... 77.
Новыя книги. *Сентябрь*, 1854. Французскія. Англійскія 78.
Моды. *Сентябрь*, 1854 (съ картинкою)..... 80.

=

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.B5
t.6